

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

*Научная школа в области общего и русского языкознания
профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина*

Кафедра общего языкознания и стилистики

**Центр коммуникативных исследований
имени профессора Иосифа Абрамовича Стернина**

ЗНАЧЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН АКТУАЛЬНОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Выпуск 10

*Издание осуществлено за счет средств
«Фонда поддержки молодых ученых-лингвистов
(Фонда Стерниных)»*

**Москва
2024**

УДК 81'33

ББК 81

Редакционная коллегия:

Рудакова Александра Владимировна – *научный редактор*, д.ф.н., доцент, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики филологического факультета Воронежского государственного университета; директор Центра коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина (Воронеж, Россия)

Стернина Марина Абрамовна – *зам. научного редактора*, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой английского языка естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Заварзина Галина Анатольевна – д.ф.н., зав. кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

Новичихина Марина Евгеньевна – д.ф.н., профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Стеблецова Анна Олеговна – д.ф.н., зав. кафедрой иностранных языков Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко (Воронеж, Россия)

Рецензент:

Маклакова Елена Альбертовна – д.ф.н., профессор кафедры иностранных языков Воронежского государственного лесотехнического университета им. Г.Ф. Морозова (Воронеж, Россия)

Компьютерная верстка и оригинал-макет – А.В. Рудакова

Продолжающееся научное издание
Издается с 2014 г.

В сборнике представлены статьи ученых, занимающихся исследованиями в области теории и практики описания языкового, коммуникативного, дискурсивного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции Теоретико-лингвистической научной школы профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина.

Предназначен для филологов, преподавателей русского и иностранных языков, русского языка как иностранного, специалистов в области психолингвистических и когнитивных исследований, лексикографии, семасиологии, межкультурной коммуникации, психолингвистики.

Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2024. – Вып. 10. – 392 с.

ISBN 978-5-00208-145-5

© Коллектив авторов, 2024

От научного редактора

Десятый выпуск продолжающегося научного издания «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» включает статьи авторов, занимающихся исследованиями в области теории и практики описания языкового, коммуникативного, дискурсивного и когнитивного сознания носителей языка в рамках концепции Теоретико-лингвистической научной школы в области общего и русского языкознания профессором Зинаиды Даниловны Поповой и Иосифа Абрамовича Стернина, а также статьи ученых других вузов, работающих в русле проблематики данной научной школы из Воронежа, Белгорода, Борисоглебска, Волгограда, Иванова, Иркутска, Казани, Краснодара, Курска, Липецка, Москвы, Оренбурга, Перми, Санкт-Петербурга, Саратова, Сургута, Твери, Челябинска, Ярославля, а также вузов Белоруссии, Ирака, Киргизии, Китая.

В сборнике также представлены материалы докладов X Всероссийской научной конференции с международным участием «Стернинские чтения: Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», проведенной кафедрой общего языкознания и стилистики и Центром коммуникативных исследований им. проф. И.А. Стернина Воронежского государственного университета 25 октября 2024 г.

В сборнике представлены исследования, посвященные вопросам лингвокриминалистики как отдельному направлению изучения языкового сознания.

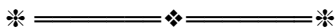
Сборник представляет интерес для филологов, специалистов в области психолингвистических исследований, семасиологии, лексикографии, преподавателей русского и иностранных языков, русского языка как иностранного, лингвокриминалистики.

Редколлегия приглашает к участию авторов, занимающихся исследованиями в рамках тематики данного сборника.

Адрес редколлегии: a-rudakova@list.ru.

А.В. Рудакова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

И.А. Барабушка, Л.А. Кривенко (Воронеж)

КОНЦЕПТ «ВГУ» В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ

Аннотация. В статье описываются результаты свободного ассоциативного эксперимента со стимулом «ВГУ», участниками которого были более 800 студентов естественно-научных факультетов Воронежского государственного университета. По данным проведенного психолингвистического эксперимента были выявлены 19 семантических параметров в признаковой части денотативного макрокомпонента значения и один параметр в реляционной части. Для объективной характеристики полученных ассоциаций в рамках каждого семантического параметра был вычислен индекс представленности семантического параметра. На основе полученных данных было составлено психолингвистическое значение лексемы «ВГУ».

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, психолингвистический эксперимент, семантический параметр, индекс представленности семантического параметра, ВГУ

Abstract. The article describes the results of a free associative experiment with the stimulus "VSU", in which more than 800 students of science departments of Voronezh State University took part. According to the data of the conducted psycholinguistic experiment, 19 semantic parameters were identified in the characteristic part of the denotative macro component of the meaning and one parameter in the relational part. For an objective characterization of the associations obtained within the framework of each semantic feature, the index of representation of the semantic parameter was calculated. Based on the data obtained, the psycholinguistic meaning of the lexeme "VSU" was compiled.

Keywords: free associative experiment, psycholinguistic experiment, semantic parameter, semantic parameter representation index, VSU

Актуальность исследования ассоциативных реакций студентов на упоминание родного университета обусловлена тем, что студенты вузов сегодня не только уделяют особое внимание освоению профессиональных навыков и умений, но и также часто задаются вопросами о своем месте в университете и о том, какую роль он играет в их жизни.

В ноябре 2023 года, в рамках празднования 105-летия Воронежского государственного университета, был проведен свободный ассоциативный эксперимент, участниками которого стали студенты бакалавриата и магистратуры естественно-научных факультетов Воронежского госуниверситета. Участникам было предложено записать первую реакцию на стимул «ВГУ». В эксперименте приняло участие более 800 человек в возрасте от 17 до 38 лет. Результаты проведенного психолингвистического эксперимента позволили сформировать ассоциативное поле лексемы «ВГУ» [Барабушка 2024], изучить денотативный и коннотативный макрокомпоненты значения рассматриваемой лексемы, а также составить ее психолингвистическое значение.

При детальном рассмотрении полученных ассоциаций нам удалось выделить 19 семантических параметров в рамках признаковой части и 1 семантический параметр в рамках реляционной части. Для объективной количественной и качественной характеристики полученных ассоциаций в рамках определенного семантического признака мы вычислили *индекс представленности семантического параметра* (ИПСП), под которым понимается отношение количества полученных ассоциаций в рамках определенного семантического параметра к общему количеству реакций, полученных на данный стимул [Барабушка 2023], а также воспользовались *шкалой ранжирования степени выраженности исследуемых параметров* [Кривенко 2013].

В Таблице 1 представлены все семантические параметры и их индексы представленности в сознании студентов.

Таблица 1

**Индексы представленности
семантических параметров лексемы «ВГУ»**

Денотативный макрокомпонент значения лексемы ВГУ		
Признаковая часть		
Семантический параметр (кол-во ассоциаций)	ИПСП, %	Ассоциаты (ВГУ 811)
Учеба, образование (214)	26,4	учеба 108, образование 35, знания 33, место учебы 10, наука 6, высшее образование 2, учиться 3, хорошее образование 2, веселая учеба 1, источник знаний 1, ликвидация безграмотности 1, полезный опыт 1, постоянная учеба 1, практические умения 1, серьезная учеба 1, система 1, труд 1, учеба наполовину 1, учение 1, ученье свет, а не ученье тьма 1, учимся братья 1, хорошее образование 1, если не отчислят 1, храм науки 1
Тип заведения / учреждения (169)	20,8	университет 85, вуз 20, универ 18, ВГУ 11, Воронежский государственный университет 9, институт 7, учебное заведение 6, высшее учебное заведение 2, МГУ 2, уник 2, бюджет 1, заведение 1, университет мечты 1, университет, откуда выходят настоящие специалисты 1, чушок 1, школа 1, vsu 1
Лучший, престижный (60)	7,4	престиж 8, лучший 5, лучший вуз Черноземья 5, alma mater 5, лучший вуз 4, лучший универ Воронежа 4, лучший университет 4, любимый университет 3, престижный университет 2, величайший 1, величие 1, главный вуз Центрально-Черноземного региона 1, гордость 1, достижения 1, качество 1, лучшее место в мире 1, лучшие годы 1, лучший в Воронеже 1, лучший вуз города 1, лучший универ мира 1, надежный 1, один из самых престижных вузов Воронежа 1, самый лучший вуз 1, статус 1, топ 1, хороший универ 1, хороший университет 1, элита 1, the best 1

Люди (55)	6,8	друзья 18, общение 15, студенты 4, знакомства 2, коллектив 2, люди 2, одногруппники 2, дружба 1, единомышленники 1, замечательные преподаватели 1, лучшие преподаватели 1, новые знакомства 1, общество 1, преподаватели 1, приятные люди 1, студенчество 1, товарищество 1
Будущее (51)	6,3	будущее 11, возможности 11, работа 4, перспектива 3, саморазвитие 3, карьера 2, развитие 2, светлое будущее 2, успех 2, будущая профессия 1, карьерный рост 1, новые возможности 1, очередной шаг, который поможет мне добиться своей цели 1, получение профессии 1, профессия 1, путь в будущее 1, путь к успеху 1, сложно, но стоит того 1, шанс реализовать возможности, предоставляемые вузом 1
Компоненты, связанные с образовательным процессом (38)	4,7	пары 9, сессия 5, аттестация 2, отработки по физре 2, экзамен 2, халява 2, высокие баллы 1, дедлайны 1, диплом 1, занятия 1, зачетная книжка 1, интересные пары 1, лабы 1, лекции 1, много лишних предметов, перегружающих обучение 1, мотивация 1, новые технологии 1, открытия 1, сдача заданий 1, стипендия 1, уроки 1, эксперимент 1
Негативное отношение (36)	4,4	боль 3, паралич 2, усталость 2, бессилие мое 1, бессонница 1, боль и страдания 1, бремя 1, бюрократия 1, главное не расстраиваться 1, дорога не туда 1, дорого 1, жесьть 1, каторга 1, минус нервы и силы 1, мука 1, мучение 1, недосып 1, нелегко 1, оставь надежду всяк сюда входящий 1, отчаяние 1, подавленность от заведения, в котором веселье ребята и магия рандома 1, помойка 1, разочарование 1, сложно 1, сложности 1, страдание 1, стресс 1, тяжело 1, угнетение 1, уныние 1, устал 1, я устал 1
Положительное отношение (33)	4	круто 2, счастье 3, балдэж 1, благодать 1, вау 1, здорово 1, интерес 1, интересно 1, кайф 1, класс 1, классная атмосфера 1, красота 1, любимое место 1, любимое место учебы 1, любовь 1, мечта 1, молодежный 1, норм 1, окей 1, позитив 1, познавательное приключение 1, приятная атмосфера 1, приятное времяпрепровождение 1, приятное место 1, радость 1, смех 1, хорошее настроение 1, очень нравится 1, тут здорово 1, эмоции 1
Дом (20)	2,5	дом 12, второй дом 6, дом родной 1, тепло и уют 1
Учебные предметы / дисциплины (16)	2	геология 3, физика 3, история 2, математика 2, базы данных 1, высшая математика 1, вышка 1, мат. анализ 1, фармация 1, IT 1
Локация (14)	1,7	Воронеж 4, воронежский 1, любимое место 1, любимое место учебы 1, место для встречи с друзьями 1, место достижения целей и мечт 1, место учебы и встреч с друзьями 1, место учебы и работы очень многого количества людей 1, приятное место 1, центр Воронежа 1, чернозем 1

Движение (12)	1,5	всегда в движении 4, движение 2, <i>semper in motu</i> 2, всегда в движении, поэтому не нужно задавать темп, нужно стремиться обогнать его 1, движение – это жизнь 1, путь 1, <i>per aspera ad astra</i> 1	
Внеурочная деятельность (11)	1,4	актив 9, бобры 1, хищные бобры 1	
Логистика (11)	1,4	время 2, ранний подъем 2, автобусы 1, далеко 1, дальнее место 1, два часа дороги 1, ехать долго 1, нехватка времени 1, полтора часа езды туда и столько же – обратно 1	
Составные части (10)	1,2	главный корпус 3, столовка 2, чупа-чупс 2, великое здание 1, вкусная столовая 1, красивое здание 1	
Личностные качества (8)	0,9	активная жизненная позиция 1, бесконечное терпение 1, верность 1, волнение 1, спокойствие 1, строгость 1, трудно, но надо 1, уверенность 1	
Природные условия (6)	0,7	зима 2, осень 1, свет 1, утро 1, холод 1	
Жизненный этап (4)	0,5	жизненный этап 1, лучшие годы 1, начало 1, новый этап в жизни 1	
Семья (4)	0,5	семья 3, большая дружная семья, которая подарит тебе новый опыт в жизни 1	
Реляционная часть			
Идентификация (39)	Факультеты / группы (23)	2,8	ПММ 12, ФКН 7, 2 курс 3 группа 2, ПМИ 1, физический факультет 1
	Индивидуальная референция (9)	4,8	1,1 мой университет 4, место в котором я живу 1, место, где я учусь 1, место, где мне интересно учиться 1, универ, где я могу быть собой 1, университет в котором я учусь 1
	Преподаватели (5)	0,6	Виноградова 1, Крыловецкий 1, Лавлинский 1, Леденева 1, Половинкин 1
	Бэкроним (2)	0,2	великая гармония учебы 1, великий городской умственный 1

Исследование показало, что *заметная* степень проявления индекса представленности семантического параметра выявлена у ассоциаций семантического параметра «учеба, образование» – 26,4% и «тип заведения / учреждения» – 20,8%.

Остальные семантические параметры демонстрируют низкую степень представленности ассоциатами в сознании носителей языка:

- семантические параметры с ИПСП, равным 4-7%: «люди» – 6,8%, «будущее» – 6,3%, «идентификация» – 4,8%, «компоненты, связанные с образовательным процессом» – 4,7%; «негативное отношение» – 4,4%, «положительное отношение» – 4%;

- семантические параметры с ИПСП, равным 1-3%: «дом» – 2,5%, «лучший, престижный» – 2,4%, «учебные предметы / дисциплины» – 2%, «локация» – 1,7%, «движение» – 1,5%, «внеурочная деятельность» – 1,4%, «логистика» – 1,4%, «составные части» – 1,2;

- семантические параметры с ИПСП менее 1%: «личностные качества» – 0,9%, «природные условия» – 0,7%, «жизненный этап» – 0,5%, «семья» – 0,5%.

В рамках исследования было описано также коннотативное значение (оценочный, эмоциональный и функциональный компоненты) исследуемой лексемы [Стернин 2011].

Оценочная характеристика:

- **неоценочное 521** – учеба 108, университет 85, образование 35, знания 33, вуз 20, универ 18, ПММ 12, ВГУ 11, место учебы 10, актив 9, воронежский государственный университет 9, пары 9, институт 7, ФКН 7, наука 6, учебное заведение 6, сессия 5, Воронеж 4, всегда в движении 4, мой университет 4, работа 4, студенты 4, геология 3, главный корпус 3, учиться 3, физика 3, 2 курс 3 группа 2, *semper in motu* 2, аттестация 2, время 2, высшее образование 2, высшее учебное заведение 2, движение 2, зима 2, история 2, люди 2, математика 2, МГУ 2, одноклассники 2, столовка 2, уник 2, чупа-чупс 2, экзамен 2, IT 1, автобусы 1, активная жизненная позиция 1, базы данных 1, бобры 1, бюджет 1, Виноградова 1, волнение 1, воронежский 1, всегда в движении, поэтому не нужно задавать темп, нужно стремиться обогнать его 1, высокие баллы 1, высшая математика 1, вышка 1, движение – это жизнь 1, дедлайны 1, диплом 1, если не отчислят 1, жизненный этап 1, заведение 1, занятия 1, зачетная книжка 1, Крыловецкий 1, лабы 1, Лавлинский 1, Леденева 1, лекции 1, общество 1, мат. анализ 1, место в котором я живу 1, место учебы и работы очень многого количества людей 1, место, где я учусь 1, начало 1, новый этап в жизни 1, осень 1, ПМИ 1, Половинкин 1, получение профессии 1, постоянная учеба 1, практические умения 1, преподаватели 1, профессия 1, путь 1, путь в будущее 1, сдача заданий 1, система 1, стипендия 1, строгость 1, труд 1, трудно, но надо 1, университет в котором я учусь 1, уроки 1, утро 1, учеба наполовину 1, учение 1, учимся братья 1, фармация 1, физический факультет 1, хищные бобры 1, храм науки 1, центр Воронежа 1, чернозем 1, школа 1, эксперимент 1, эмоции 1, *per aspera ad astra* 1, *vsu* 1;

- **одобрительное 239** – друзья 18, общение 15, дом 12, будущее 11, возможности 11, престиж 8, второй дом 6, лучший 5, лучший вуз Черноземья 5, *alma mater* 5, лучший вуз 4, лучший универ Воронежа 4, лучший университет 4, любимый университет 3, перспектива 3, саморазвитие 3, семья 3, счастье 3, знакомства 2, карьера 2, коллектив 2, круто 2, престижный университет 2, развитие 2, светлое будущее 2, успех 2, хорошее образование 2, балдэж 1, благодать 1, большая дружная семья, которая подарит тебе новый опыт в жизни 1, будущая профессия 1, вау 1, великая гармония учебы 1, великий городской умственный 1, великое здание 1, величайший 1, величие 1, верность 1, веселая учеба 1, вкусная столовая 1, главный вуз центрально-черноземного региона 1, гордость 1, дом родной 1, достижения 1, друзья 1, единомышленники 1, замечательные преподаватели 1, здорово 1, интерес 1, интересно 1, интересные пары 1, источник знаний 1, кайф 1, карьерный рост 1, качество 1, класс 1,

классная атмосфера 1, красивое здание 1, красота 1, ликвидация безграмотности 1, лучшее место в мире 1, лучшие годы 1, лучшие годы 1, лучшие преподаватели 1, лучший в Воронеже 1, лучший вуз города 1, лучший универ мира 1, любимое место 1, любимое место 1, любимое место учебы 1, любимое место учебы 1, любовь 1, место для встречи с друзьями 1, место достижения целей и мечт 1, место учебы и встреч с друзьями 1, место, где мне интересно учиться 1, мечта 1, молодежный 1, мотивация 1, надежный 1, новые возможности 1, новые знакомства 1, новые технологии 1, норм 1, один из самых престижных вузов Воронежа 1, окей 1, открытия 1, очень нравится 1, очередной шаг, который поможет мне добиться своей цели 1, позитив 1, познавательное приключение 1, полезный опыт 1, приятная атмосфера 1, приятное времяпрепровождение 1, приятное место 1, приятные люди 1, путь к успеху 1, радость 1, самый лучший вуз 1, серьезная учеба 1, сложно, но стоит того 1, свет 1, смех 1, спокойствие 1, статус 1, студенчество 1, тепло и уют 1, товарищество 1, топ 1, тут здорово 1, уверенность 1, универ, где я могу быть собой 1, университет мечты 1, университет, откуда выходят настоящие специалисты 1, ученье свет, а не ученье тьма 1, халява 2, хорошее настроение 1, хорошее образование 1, хороший универ 1, хороший университет 1, шанс реализовать возможности, предоставляемые вузом 1, элита 1, the best 1;

- **неодобрительное 51** – боль 3, отработки по физре 2, паралич 2, ранний подъем 2, усталость 2, бесконечное терпение 1, бессилие мое 1, бессонница 1, боль и страдания 1, бремя 1, бюрократия 1, главное не расстраиваться 1, дорога не туда 1, дорого 1, далеко 1, дальнее место 1, два часа дороги 1, ехать долго 1, жесь 1, каторга 1, минус нервы и силы 1, много лишних предметов, перегружающих обучение 1, мука 1, мучение 1, недосып 1, нелегко 1, нехватка времени 1, оставь надежду всяк сюда входящий 1, отчаяние 1, подавленность от заведения, в котором веселые ребята и магия рандома 1, полтора часа езды туда и столько же – обратно 1, помойка 1, разочарование 1, сложно 1, сложности 1, страдание 1, стресс 1, тяжело 1, угнетение 1, уныние 1, устал 1, холод 1, чушок 1, я устал 1.

Эмоциональная характеристика:

- **неэмоциональное 521** – учеба 108, университет 85, образование 35, знания 33, вуз 20, универ 18, ПММ 12, ВГУ 11, место учебы 10, актив 9, воронежский государственный университет 9, пары 9, институт 7, ФКН 7, наука 6, учебное заведение 6, сессия 5, Воронеж 4, всегда в движении 4, мой университет 4, работа 4, студенты 4, геология 3, главный корпус 3, учиться 3, физика 3, 2 курс 3 группа 2, sempre in motu 2, аттестация 2, время 2, высшее образование 2, высшее учебное заведение 2, движение 2, зима 2, история 2, люди 2, математика 2, МГУ 2, одногруппники 2, столовка 2, уник 2, чупа-чупс 2, экзамен 2, IT 1, автобусы 1, активная жизненная позиция 1, базы данных 1, бобыры 1, бюджет 1, Виноградова 1, волнение 1, воронежский 1, всегда в движении, поэтому не нужно задавать темп, нужно стремиться обогнать его 1, высокие баллы 1, высшая математика 1, вышка 1, движение – это жизнь 1, дедлайны 1, диплом 1, если не отчислят 1, жизненный этап 1, заведение 1, занятия 1, зачетная книжка 1, Крыловецкий 1, лабы 1, Лавлинский 1, Леденева 1, лекции 1, общество 1, мат. анализ 1, место в котором я живу 1, место учебы и работы очень многого количества людей 1,

место, где я учусь 1, начало 1, новый этап в жизни 1, осень 1, ПМИ 1, Половинкин 1, получение профессии 1, постоянная учеба 1, практические умения 1, преподаватели 1, профессия 1, путь 1, путь в будущее 1, сдача заданий 1, система 1, стипендия 1, строгость 1, труд 1, трудно, но надо 1, университет в котором я учусь 1, уроки 1, утро 1, учеба наполовину 1, учение 1, учимся братья 1, фармация 1, физический факультет 1, хищные бобры 1, храм науки 1, центр Воронежа 1, чернозем 1, школа 1, эксперимент 1, эмоции 1, per aspera ad astra 1, vsu 1;

- **положительно-эмоциональное 239** – друзья 18, общение 15, дом 12, будущее 11, возможности 11, престиж 8, второй дом 6, лучший 5, лучший вуз Черноземья 5, alma mater 5, лучший вуз 4, лучший универ Воронежа 4, лучший университет 4, любимый университет 3, перспектива 3, саморазвитие 3, семья 3, счастье 3, знакомства 2, карьера 2, коллектив 2, круто 2, престижный университет 2, развитие 2, светлое будущее 2, успех 2, хорошее образование 2, балдѣж 1, благодать 1, большая дружная семья, которая подарит тебе новый опыт в жизни 1, будущая профессия 1, вау 1, великая гармония учёбы 1, великий городской умственный 1, великое здание 1, величайший 1, величие 1, верность 1, веселая учеба 1, вкусная столовая 1, главный вуз центрально-чернозёмного региона 1, гордость 1, дом родной 1, достижения 1, дружба 1, единомышленники 1, замечательные преподаватели 1, здорово 1, интерес 1, интересно 1, интересные пары 1, источник знаний 1, кайф 1, карьерный рост 1, качество 1, класс 1, классная атмосфера 1, красивое здание 1, красота 1, ликвидация безграмотности 1, лучшее место в мире 1, лучшие годы 1, лучшие годы 1, лучшие преподаватели 1, лучший в Воронеже 1, лучший вуз города 1, лучший универ мира 1, любимое место 1, любимое место 1, любимое место учебы 1, любимое место учебы 1, любовь 1, место для встречи с друзьями 1, место достижения целей и мечт 1, место учебы и встреч с друзьями 1, место, где мне интересно учиться 1, мечта 1, молодежный 1, мотивация 1, надежный 1, новые возможности 1, новые знакомства 1, новые технологии 1, норм 1, один из самых престижных вузов Воронежа 1, окей 1, открытия 1, очень нравится 1, очередной шаг, который поможет мне добиться своей цели 1, позитив 1, познавательное приключение 1, полезный опыт 1, приятная атмосфера 1, приятное времяпрепровождение 1, приятное место 1, приятные люди 1, путь к успеху 1, радость 1, самый лучший вуз 1, серьезная учеба 1, сложно, но стоит того 1, свет 1, смех 1, спокойствие 1, статус 1, студенчество 1, тепло и уют 1, товарищество 1, топ 1, тут здорово 1, уверенность 1, универ, где я могу быть собой 1, университет мечты 1, университет, откуда выходят настоящие специалисты 1, очень свет, а не очень тьма 1, халява 2, хорошее настроение 1, хорошее образование 1, хороший универ 1, хороший университет 1, шанс реализовать возможности, предоставляемые вузом 1, элита 1, the best;

- **отрицательно-эмоциональное 51** – боль 3, отработки по физре 2, паралич 2, ранний подъем 2, усталость 2, бесконечное терпение 1, бессилие мое 1, бессонница 1, боль и страдания 1, бремя 1, бюрократия 1, главное не расстраиваться 1, дорога не туда 1, дорого 1, далеко 1, дальнее место 1, два часа дороги 1, ехать долго 1, жесь 1, каторга 1, минус нервы и силы 1, много лишних предметов, перегружающих обучение 1, мука 1, мучение 1, недосып 1, нелегко 1,

нехватка времени 1, оставь надежду всяк сюда входящий 1, отчаяние 1, подавленность от заведения, в котором веселые ребята и магия рандома 1, полтора часа езды туда и столько же – обратно 1, помойка 1, разочарование 1, сложно 1, сложности 1, страдание 1, стресс 1, тяжело 1, угнетение 1, уныние 1, устал 1, холод 1, чушок 1, я устал 1.

С точки зрения функциональной характеристики лексемы ВГУ межстилевая, общеупотребительная, современная, общераспространенная, частотная и тонально-нейтральная.

На основании показателей индексов яркости оценочных сем можно сделать вывод о том, что у лексемы ВГУ преобладает неоценочная характеристика (ИЯ – 64,2), на втором месте одобрительная характеристика (ИЯ – 29,5), на третьем – неодобрительная (ИЯ – 6,3).

Также нами была определена степень выраженности общей оценки слова, для чего был вычислен *индекс общей оценочности слова* (ИООС), представляющий собой отношение количества оценочных реакций к общему количеству респондентов. Показатель ИООС для лексемы ВГУ составил 0,36, что, согласно шкале степени выраженности общей оценочности слова [Рудакова 2023], говорит о заметно выраженной степени проявления оценочности.

Что касается эмоциональности, у рассматриваемой лексемы преобладает неэмоциональный компонент, на что указывает показатель ИЯ эмоциональных сем – 64,2, на втором месте находится положительно-эмоциональный компонент с показателем ИЯ – 29,5, наименее представлен отрицательно-эмоциональный компонент (показатель ИЯ – 6,3).

По результатам проведенного психолингвистического эксперимента было составлено психолингвистическое значение лексемы ВГУ:

ВГУ – место, связанное с учебой 26,4, университет 20,8, лучший 7,4, в нем друзья и новые знакомства 6,4, открывает возможности в будущей профессии 6,3, в нем преподают различные учебные дисциплины 5, иногда приносит усталость и страдания 4,4, приятное место 4, новый этап 3, дом 2,5, всегда в движении 1,5, развита внеурочная деятельность 1,4, долго добираться 1,4, там работают замечательные преподаватели 1, лучшие годы 1, развивает положительные личностные качества 0,9, является любимым местом 0,8, находится в Воронеже 0,8.

Таким образом, мы видим, что в семантическом пространстве концепта «ВГУ» явно выражены локусная и деятельностьная составляющие, а также компонент со смысловой доминантой «Люди». Помимо профессионального становления, университет в сознании студентов неразрывно связан с интеграцией в социум, непрерывным движением и развитием. Идентификационные семы актуализируют образ ВГУ через его преподавателей и академические группы/факультеты, а также посредством индивидуальной референции и наполнения известного концепта новым смыслом (бэкронимы).

Барабушка И.А. Топонимы VORONEZH и ВОРОНЕЖ в языковом сознании субординативных билингвов / И.А. Барабушка, Л.А. Кривенко // Сопоставительные исследования 2023: сборник научных работ / Науч. ред. М.А. Стернина. – Москва: Издательство ООО «РИТМ: издательство, технологии, медицина», 2023. – Вып. 20. – С. 84-91.

Барабушка И.А. Ассоциативное поле лексемы «ВГУ» (по материалам свободного ассоциативного эксперимента) / И.А. Барабушка, Л.А. Кривенко // Язык и национальное сознание: сборник научных трудов / Науч. ред. М.А. Стернина. – Москва: Издательство «РИТМ», 2024. – Вып. 30. – С. 35-39.

Кривенко Л.А. Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.А. Кривенко. – Воронеж, 2013. – 23 с.

Рудакова А.В. Значение слова как феномен языкового сознания: психолингвистический аспект: монография / А.В. Рудакова / Науч. ред. М.А. Стернина; ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2023. – 348 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

О.И. Лыткина (Москва)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ «БЕДНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

Аннотация. Исследование посвящено описанию психолингвистического значения лексемы «бедность» в русском языковом сознании на материале открытых интернет-источников. Анализ лексической сочетаемости, парадигматических связей лексемы «бедность», результатов ассоциативных экспериментов, контент-анализ публицистических текстов, опубликованных за последнее десятилетие, позволил установить лексическую наполняемость структуры слова «бедность», которая не нашла отражения в современных словарях русского языка, однако закреплена в языковом сознании современного общества.

Ключевые слова: русское языковое сознание, психолингвистическое значение, бедность

Abstract. The research considers establishment and description of the psycholinguistic meaning of the lexeme 'poverty' in the Russian linguistic consciousness on the material of open Internet sources. The analysis of lexical combinability, paradigmatic relations of the lexeme 'poverty', results of associative experiments, content analysis of publicist texts published for the last decade allowed to establish the lexical filling of the structure of the word 'poverty', which is not reflected in modern dictionaries of the Russian language, but is fixed in the linguistic consciousness of modern society.

Keywords: Russian linguistic consciousness, psycholinguistic meaning, poverty

Настоящая работа посвящена описанию психолингвистического значения русской лексемы «бедность» на материале открытых интернет-источников. Были проанализированы 30 статей, размещенные за последние 6 лет в открытом доступе, в которых авторы, претендуя на создание обобщенного образа бедности, попытались определить ее главные признаки. Об этом свидетельствуют названия статей. Приведем примеры только некоторых из них, поскольку, как показал анализ, в большей своей части заголовки не отличаются оригинальностью и сводятся к схеме «количество признаков бедного человека»

или «что выдает бедного человека», ср.: «6 признаков бедного человека» (<https://brodude.ru/6-priznakov-bednogo-cheloveka/>), «Как определить бедного человека, даже если он хорошо одет и с дорогим телефоном» (<https://dzen.ru/a/ZFSgWIwdFwt2eDbo>), «Как понять, что вы бедный» (<https://www.klerk.ru/buh/articles/478948/>), «12 привычек, которые выдают человека выросшего или живущего в бедности» (<https://www.belnovosti.by/poleznye-sovety/12-privyчек-kotorye-vydayut-cheloveka-vyrosshego-ili-zhivushchego-v-bednosti>), «Очевидные признаки бедности, которые вы пытаетесь скрыть (но еще больше выдаете себя)» (<https://www.passion.ru/psy/v-ladu-s-soboy/ochevidnye-priznaki-bednosti-kotorye-vy-pytaetes-skryt-no-eshe-bolshe-vydaete-sebya.htm>), «Богатство и бедность написаны у нас на лице: как их читать» (<https://lady.mail.ru/article/540063-journal-of-experimental-psychology-hudoshchavoe-lit/>), «Как определить, богатый вы или бедный человек?» (<https://stressa.net/post/myshlenie-bogatyx-i-myshlenie-bednyx>) и др.

Категория «Бедность»/«бедный» не раз становилась объектом когнитивных и лингвокультурологических исследований, в результате которых было установлено, что в русском языковом сознании бедность изначально была связана с такими понятиями, как «беда», «притеснение», «гонение», «необходимость подчиниться силе», «страдания», «мучения», «несчастье» [Стешина 2009, с. 147], а в настоящее время с такими четырьмя признаками, как:

1) материальное: неимущий; обладающий очень скудным достатком; состояние, положение бедняка, нужда;

2) качественное: имеющий недостаток в чем-нибудь, скудный, однообразный; дешевый, незатейливый, простой; убогость, неприглядность;

3) количественное: содержащий в себе мало чего-нибудь; небогатый по содержанию, средствам выражения, составу;

4) эмоциональное: вызывающий жалость» [Стешина 2012, с. 45].

Таким образом, бедность связана с представлениями о недостатке чего-либо, в первую очередь ресурсов для полноценной жизни, оценивается резко негативно, вызывает жалость. Однако трудно определить, недостаток чего или в чем свидетельствует о бедности. Кроме того, представление о бедности менялось в разные периоды жизни общества (см.: [Пономарева, 2010]). В связи с этим представляется важным определить наполняемость структуры психолингвистического значения лексемы «бедность».

Следует уточнить, что под психолингвистическим значением слова мы вслед за И.А. Стерниним и А.В. Рудаковой понимаем «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка»; «объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов...» [Стернин 2011, с. 99]. Для описания психолингвистического значения слова «бедность» был проведен ассоциативный эксперимент, результаты которого были подвергнуты процедуре семного анализа [Стернин 2018]. Кроме указанного метода, мы также использовали метод контент-анализа интернет-публикаций.

Как показывают результаты проведенного исследования, бедность в русском языковом сознании приобретает конкретные признаки, из которых складывается портрет бедного человека. Эти признаки по представленному типу информации можно классифицировать следующим образом: 1) внешность (лицо, фигура, походка, одежда), 2) жилище, 3) питание, 4) место работы, 5) эмоциональное состояние, 6) поведение, 7) образ жизни, 8) особенности мышления.

В результате мы получаем собирательный образ бедного человека в современном русском языковом сознании.

1. Внешность: широкое, округлое, плоское, с опущенными уголками рта лицо; более темная кожа, мрачное выражение, отсутствие улыбки, зубочистка во рту, неопрятный внешний вид или слишком помпезный вид, одежда не по размеру, копии брендов/фейки; старая одежда, вышедшая из моды; дешевая обувь, обувь на несколько размеров больше, телефон с большим экраном, старый маникюр, сгорбленная спина, постоянная поза разведенных рук, прижатая к телу сумочка, постоянное одергивание одежды из-за боязни выглядеть неподобающе.

Улыбка на лице обеспеченного человека появляется гораздо чаще, чем у бедного, считают продавцы... Малообеспеченным людям зачастую даже в голову не приходит вести себя подобным образом – они слишком озабочены финансовыми проблемами, а иногда полны злости на окружающий мир (<https://femmie.ru/7-melochej-iz-za-kotory-h-prodavtsy-vidyat-v-as-bednogo-cheloveka-449610/>).

Постоянное одергивание одежды тоже из разряда неуверенности в себе, которая вытекает из бедности. Такой женщине все время кажется, что окружающие оценивают ее внешний вид. Она боится выглядеть недостаточно дорого, неопрятно и вообще как-то не так (https://woman.rambler.ru/psychology/44516592/?utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink).

2. Жилище: скопление ненужных вещей/хлама, наличие старых вещей, непрофессиональный ремонт жилья, «бабушкин ремонт», отсутствие собственного жилья, жилье далеко от места работы.

Скапливание ненужных вещей в доме – привычка бедняков. Даже хорошие доходы сегодня не заставят личность с бедным прошлым выкинуть старые полотенца или футболки ((<https://www.belnovosti.by/poleznye-sovety/12-pri vychek-kotorye-vydayut-cheloveka-vyrosshego-ili-zhivushchego-v-bednosti>)).

3. Питание: нездоровый фастфуд, дешевые продукты с большим сроком годности, шаверма/шаурма, походы в Макдональдс.

4. Место работы: низкая зарплата, отсутствие базовых социальных гарантий.

5. Эмоциональное состояние: чувство зависти, жалость к самому себе, постоянное чувство обиды на государство, чувство жертвы, неуверенность в себе, отсутствие чувства вины, отсутствие удовольствия от работы, депрессия, жизнь прошлым, навязчивое желание что-нибудь купить по скидке, отсутствие чувства благодарности.

Бедный человек считает, что если у него есть проблемы и эмоциональные переживания, то это не его вина или ответственность, а влияние кого-то со стороны. Бедный человек отказывается признаться себе, что если близкий человек делает ему гадости или подлости, то ему лучше вообще перестать общаться с этим родственником или приятелем (<https://stressa.net/post/myshlenie-bogatyx-i-myshlenie-bednyx>).

В проблемах нищebroда всегда виноват кто угодно, кроме него. И ведь послушать – действительно: везде несправедливость, коррупция и предвзятость. Уволили за то, что посмел высказаться о начальнике-абыззере. На работу мечты не берут, потому что все сладкие места разошлись своим да нашим. А там, куда берут – нет никакой возможности карьерного роста, потому что предпенсионеры встали стеной и не желают давать дорогу молодым (<https://fintolk.pro/vosem-neochevidnyh-priznakov-kotorye-vydayut-nishhebroda/>).

6. Поведение: неумение отказать в просьбе, попытка скрыть бедность, привычка покупать только на распродажах; отсутствие траты денег «на себя», то есть на духовные потребности, самообразование, здоровье; много свободного времени, пользование исключительно дешевыми услугами; привычка тратить все деньги, прежде чем их заработать; привычка грызть семечки, желание говорить по видеосвязи в whatsapp или на громкой связи, мелкое воровство из отелей, привычка есть из сковородки, отказ от мечты при малейшем препятствии к ее осуществлению, большие траты на ненужные вещи и развлечения, стремление как можно быстрее выйти замуж для женщин, отсутствие хороших манер, плохая речь, хамство по отношению к продавцу/официанту, требование к себе особого отношения, инертность, суетливость.

Привычка не откладывать и тратить все деньги. Деструктивная привычка, которая регулярно усложняет жизнь человеку.

Насмотревшись на несчастных родителей или родственников в детстве, у бедных людей практически всегда есть привычка экономить на себе. И такое поведение искренне удивляет: совершать импульсивные и часто ненужные покупки они могут, а вложить финансы в себя – уже нет (<https://life.ru/p/1551597>);

Вы тяжело работали целый год, отказывали себе в шаурме и пиве, и вот вы в Турции. Конечно, поездку нужно отбить по максимуму. В желудок вы сваливаете тонны еды, в глотку заливаете литры напитка называемого виски, ну и конечно, при выезде забираете с собой из номера все, что не прибито гвоздями (<https://www.b17.ru/article/290499/>).

7. Образ жизни: постоянный просмотр телевизионных передач и сериалов, жизнь не по средствам, жизнь в кредит, любовь к «халяве», желание получить все и сразу, отсутствие финансовых накоплений, попытка жить как богатый человек, неправильное воспитание детей, привычка экономить, неумение/стеснение торговаться, пренебрежение к собственному здоровью, необъяснимая скупость, отсутствие четких целей, пренебрежение личным образованием и саморазвитием, покупки впрок, довольствие малым.

Многие личности любят пускать пыль в глаза и преувеличивать свои финансовые возможности, показывая, насколько они богаты. По их мнению, быть бедным стыдно, поэтому они стараются выглядеть всегда богатыми.

Когда у человека сложное детство из-за нехватки денег, он пытается не допускать того же самого для своих детей. В итоге получается, что дети бедных очень избалованны, так как им ни в чем не отказывают (<https://www.belnovosti.by/poleznye-sovety/12-privyчек-kotorye-vydayut-cheloveka-vyrosshego-ili-zhivushchego-v-bednosti>).

8. Особенности мышления: предпочтение мгновенной выгоды, главная ценность – деньги, боязнь больших денег, оценивание людей и отношение к ним по стоимости одежды, отсутствие планов на будущее, отсутствие желание изменить свою жизнь, ориентация на общественное мнение, «общинное» мышление, инертность мышления.

Обычно такие люди игнорируют духовные ценности – для них гораздо важнее показать материальный достаток. Они будут не только встречать вас по одежке, но и быстро просканировав ваш наряд и прикинув в уме, сколько стоят ваши аксессуары, решат, нужно ли тратить на вас время и можно ли вам «поплакаться на свою нелегкую судьбу» (https://woman.rambler.ru/psychology/39692298/?utm_content=woman_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink);

Люди, живущие не по средствам, могут лишь рассуждать «вот, если бы у меня было много денег, то я бы...», но обычно дальше подобных мечтаний дела не идут. Если им вдруг в руки попадает сумма чуть больше той, которую они привыкли получать ежемесячно, то они теряются и не понимают, что с ней делать (<https://www.passion.ru/psy/v-ladu-s-soboy/ochevidnye-priznaki-bednosti-kotorye-vy-pytaetes-skryt-no-eshe-bolshe-vydaete-sebua.htm>).

Как видно из количественного соотношения приведенных примеров – признаков бедности, представление о бедности в русском сознании в первую очередь связано с определенным образом мышления, который определяет поведение человека и в меньшей степени с его внешностью. Это подтверждается и социологическими исследованиями общественного отношения к проблеме бедности. Отмечается, что в настоящее время россияне «чаще видят причины бедности в особенностях самих бедных, и эта тенденция только усилилась под влиянием экономического кризиса: так, за последние два года в общественном сознании резко возросла роль такой причины бедности, как лень и непригодность к жизни...» [Мареева 2016, с. 41].

Мареева С.В. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании / С.В. Мареева, Н.Е. Тихонова // *Мир России. Социология. Этнология.* – 2016. – №2. – С. 37-65.

Пономарева Е.Ю. Концепт «бедность» в диахроническом пространстве английской и русской лингвокультур национального периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Пономарева. – Пятигорск, 2010. – 31 с.

Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания / И.А. Стернин. – Алматы: КазУМОиМЯ имени Абылай хана, издательство «Полилингва», 2018. – 200 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Штешина Е.Г. Богатство и бедность / Е.Г. Штешина // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – Т. 7. – Волгоград: Парадигма, 2009. – С. 138-154.

Штешина Е.Г. О структурных компонентах вербализации концепта «Бедность» (на материале русского и английского языков) / Е.Г. Штешина // Мир русского слова. – 2012. – № 3. – С. 44-49.

А.А. Малышкина, М.В. Шаманова (Ярославль)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМЫ *ТЕАТР* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В статье формулируется психолингвистическое значение лексемы *театр*. По данным свободного ассоциативного эксперимента лексема *театр* является многозначной, включает нейтральные и оценочные семы. Сопоставление с обобщенным лексикографическим описанием показало, что лексикографическое значение является шире психолингвистического. В сознании студентов театр – род искусства, вызывающий душевный, эмоциональный отклик, а также учреждение и само место, где представление, спектакль играют лица определенной профессии.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение, лексикографическое значение

Abstract: The article formulates the psycholinguistic meaning of the lexeme theater. According to the data of a free associative experiment, the lexeme theater is polysemous, includes neutral and evaluative semes. Comparison with the generalized lexicographic description showed that the lexicographic meaning is broader than the psycholinguistic one. In the minds of students, theater is primarily a kind of art that evokes a soulful, emotional response, as well as an institution and the place itself, where a performance is played by persons of a certain profession.

Keywords: free associative experiment, psycholinguistic meaning, lexicographic meaning

Отечественная психолингвистика решает многочисленные задачи, одна из которых – описание семантики слова. Психолингвистические методы позволяют выявить такие семантические реальности, стоящие за словом, которые традиционными лингвистическими методами не могут быть выявлены.

Терминологически разграничиваются два типа значений: значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка. Значение, представленное в толковом словаре, называется лексикографическим. Значение, представленное в сознании носителя языка – «психологически релевантным», «психологическим значением» (термин А. А. Леонтьева) или психолингвистическим (термин И. А. Стернина).

Психолингвистическое значение слова – это «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании

носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение – это психологическое реальное значение слова [Бабушкин 2018, с. 24].

Для изучения специфики восприятия лексемы *театр* русским языковым сознанием мы использовали метод свободного ассоциативного эксперимента.

В рамках данного исследования была использована следующая методика:

1. Составление ассоциативного поля для слова *театр*.
2. Распределение полученных реакций по семантическим группам.
3. Формулирование психолингвистического значения слова на основании полученных семантических групп.
4. Сопоставление лексикографического и психолингвистического значений слова.

Всего в эксперименте участвовало 100 студентов. Опрос проходил в онлайн-формате на платформе GoogleForms.

Участникам эксперимента предлагалось письменно ответить первой возникшей ассоциацией на предложенные в анкете слова-стимулы. Время ответа не ограничивалось, но участники были проинформированы о том, что для эффективности эксперимента реакцию необходимо дать незамедлительно.

По результатам эксперимента было сформировано ассоциативное поле стимула «театр».

ТЕАТР 100: искусство 14; актер 9; спектакль 5; кулисы, представление, пьеса, сцена 3; Арсений Попов, драма, зритель, игра, кино, культура, публика, репертуар 2; артист, атмосфера, билет, большое, вайб, волковский, восторг, выступление, грация, дебилов, декорации, дом, досуг, драмы, желтый, зал, зрелищность, иллюзия, камерный, комедия, красивый, красный, куклы, любовь, люди, маска, мим, молчание, МХТ им. Чехова, новая сцена, опера, портьеры, постановка, премьера, Р. Виктюка, режиссер, свет, свитер, тишина, шоу, эмоции, эпиклэз, эпоха возрождения, эстетика 1.

Количество реакций – 100, из них разных – 70.

Ядро ассоциативного поля составляет реакция *искусство 14*, значительно превышающая по частотности остальные реакции.

Отметим синтагматические реакции, которые нами также учитывались при формулировании психолингвистического значения слова: *волковский, дебилов, драмы, желтый, камерный, красивый, красный, Р. Виктюка*.

Примечательно, что несмотря на то, что большинство испытуемых – ярославские студенты, только одна реакция связана с объектом г. Ярославля – *волковский* (Драматический театр им. Ф.Г. Волкова).

Ассоциативные реакции были распределены **по семантическим группам** (расположены в порядке убывания количества реакций в группе). Сходные по семантике ассоциаты были объединены:

- отношение к искусству: *искусство 14, культура 2, эстетика 1* (17 реакций);
- наименования лиц, имеющих отношение к театру: *актер 9, зритель 2, публика 2, артист 1, люди 1, режиссер 1* (16 реакций);
- атрибуты театра: *сцена 3, кулисы 3, билет 1, декорации 1, зал 1, куклы 1, маска 1, новая сцена 1, портьеры 1, свет 1* (14 реакций);

- общие наименования спектакля, представления, его части: *спектакль 5, представление 3, игра 2, выступление 1, постановка 1, премьера 1, шоу 1* (14 реакций);

- оценка театра, спектакля: *ваиб 1, восторг 1, грация 1, дебилов 1, зрелищность 1, красивый 1, любовь 1, эмоции 1* (8 реакций);

- жанры и виды драматического искусства: *пьеса 3, драма 2, комедия 1, опера 1* (7 реакций);

- названия конкретных театров: *волковский 1, МХТ им. Чехова 1, Р. Виктюка 1* (3 реакции);

- атмосфера театра: *атмосфера 1, молчание 1, тишина 1* (3 реакции);

- виды театров: *драмы 1, камерный 1* (2 реакции);

- ассоциации по цвету: *желтый 1, красный 1* (2 реакции).

Не вошли в семантические группы следующие реакции: *Арсений Попов 2, кино 2, репертуар 2, большое 1, дом 1, досуг 1, иллюзия 1, мимолетно 1, свитер 1, этикетка 1, эпоха возрождения 1*, среди них не интерпретируемые – *большое 1, мимолетно 1, свитер 1*.

Наиболее объемными семантическим группами, являются: «Отношение к искусству», «Наименования лиц, имеющих отношение к театру», «Атрибуты театра» и «Общие наименования спектакля, представления, его части».

Нами было сформулировано **психолингвистическое значение** слова стимула *театр*:

ТЕАТР 100

1. Род искусства 17 (*искусство 14, культура 2, эстетика 1*), художественное отражение жизни 1 (*иллюзия 1*) посредством сценического представления 14 (*спектакль 5, представление 3, игра 2, выступление 1, постановка 1, премьера 1, шоу 1*), под руководством режиссера 1 осуществляемого актерами 12 (*актер 9, Арсений Попов 2, артист 1*) перед зрителями 5 (*зритель 2, публика 2, люди 1*), вызывающее у зрителей определенное эмоциональное состояние 4 (*ваиб 1, восторг 1, любовь 1, эмоции 1*). Всего 54 реакции.

Противопоставляется кино – 2 реакции.

Оценивается положительно: *ваиб 1, восторг 1, грация 1, зрелищность 1, красивый 1, любовь 1, эмоции 1*. Всего 7 реакций.

Оценивается отрицательно: *дебилов 1*. Всего 1 реакция.

2. Учреждение различных видов 2 (*драмы 1, камерный 1*), занимающееся устройством представлений 14 (*спектакль 5, представление 3, игра 2, выступление 1, постановка 1, премьера 1, шоу 1*) различных жанров 7 (*пьеса 3, драма 2, комедия 1, опера 1*), имеющее свой репертуар 2, конкретными наименованиями которого являются МХТ им. Чехова 1, театр Р. Виктюка 1, волковский театр 1, где люди 1 проводят свой досуг 1. Всего 30 реакций.

3. Желтое 1 или красное 1 здание 1 (*дом 1*), имеющее свои атрибуты 14 (*сцена 3, кулисы 3, билет 1, декорации 1, зал 1, куклы 1, маска 1, новая сцена 1, портеры 1, свет 1*) и свою атмосферу 3 (*атмосфера 1, молчание 1, тишина 1*). Всего 20 реакций.

По данным свободного ассоциативного эксперимента лексема «театр» является многозначной, имеет три значения. В первом значении выявлены

положительно-оценочные и отрицательно-оценочные семы. Положительно-оценочные семы доминируют над отрицательно-оценочными.

Нами было составлено обобщенное **лексикографическое описание** лексемы «театр» на базе трех словарей:

- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. 1376 с.;

- Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.;

Морковкин В.В. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

ТЕАТР, -а; м. [от греч. theatron – место для зрелищ, зрелище]

1. Род искусства, художественное отражение жизни посредством сценического представления, осуществляемого актерами перед зрителями. *Реалистический, авангардистский т. Любительский, профессиональный, антрепризный т. Европейский, восточный т. Народный т. Т. России. Т. эпохи Возрождения. Т. масок, миниатюр, пантомимы. Возникновение, развитие, история театра. Выразительные средства театра. Книга о театре. Предпочитать кино театру. Увлекаться театром. Спорить о театре.*

2. Учреждение культуры, занимающееся устройством представлений. *Драматический, оперный, популярный, модный т. Столичный, провинциальный т. Т. драмы и комедии. Т. «Современник». Труппа, коллектив театра. Гастроли театра. Возглавить т. Руководить театром. Работать в театре.*

3. Коллектив этого учреждения. *Т. гастролирует, находится на гастролях в Японии. Т. открывает, закрывает сезон.*

4. Здание, в котором происходят представления; само представление, спектакль. *Удобный, просторный т. Роскошный, уютный т. Летний т. Т. на тысячу мест. Строительство, реконструкция театра. Фойе, зрительный зал театра. Перестраивать, ремонтировать т. Осмотреть т. Идти, попасть в т. Встретиться в театре. Прийти из театра. Т. полон, пуст.*

5. (чего или с опр.). Место, где происходит, развертывается что-л. *Т. военных действий. Анатомический т.* (помещение, специально оборудованное для вскрытия и препарирования трупов). *Устроили здесь т.!* (неодобр.; о том, что совершается для создания впечатления, для виду, напоказ).

6. Совокупность драматических произведений какого-л. писателя, какой-л. литературной школы со всеми присущими им характерными чертами и признаками. *Т. Островского. Т. Шекспира.*

Психолингвистическое значение отличается лексикографического. Первые два психолингвистических значения совпадают с лексикографическим. Также отображается в языковом сознании значение «здание, в котором происходят представления». Лексикографических значений оказалось больше, чем психолингвистических. Лексикографические значения «Место, где происходит, развертывается что-л.» и «Совокупность драматических произведений какого-л. писателя, какой-л. литературной школы со всеми присущими им характерными чертами и признаками» не вербализованы в психолингвистическом значении.

Таким образом, можно сделать вывод, что в сознании студентов театр прежде всего – род искусства, художественное отражение жизни посредством сценического представления, вызывающее душевный, эмоциональный отклик, а также учреждение и само место, где представление, спектакль играют лица определенной профессии.

Бабушкин А.П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин. – Воронеж: РИТМ, 2018. – 229 с.

В.В. Матюшина (Москва)

ДЕНОТАТИВНЫЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Аннотация. В данном исследовании предпринята попытка сравнения денотативного и психолингвистического аспектов значения понятий. Для иллюстрации в работе взят пример понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Толковые словари и энциклопедии делают акцент на дефинициях понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ, трактуя его как морально-этическую категорию или категорию, относящуюся к области права. В ходе ассоциативного эксперимента выяснилось, что такие компоненты значения понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ, как *этика* и *совесть*, присутствующие в дефинициях толковых и энциклопедических словарей, полностью отсутствуют среди реакций на стимул СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Участники ассоциативного эксперимента скорее готовы искать СПРАВЕДЛИВОСТЬ в судебно-правовой сфере. Исследование показало, что психолингвистическое значение понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ шире по объему и наполненности, чем денотативное значение, поскольку включает еще эмоционально-оценочные компоненты, выступающие в роли ассоциаций на определенную денотативную оболочку слова-понятия.

Ключевые слова: денотат, значение, концепт, ассоциация, языковое сознание

Abstract. In this study, an attempt is made to compare the denotative and psycholinguistic aspects of the meaning of concepts. To illustrate, the paper uses an example of the concept of JUSTICE. Explanatory dictionaries and encyclopedias emphasize the definitions of the concept of JUSTICE, treating it as a moral and ethical category or a category related to the field of law. During the associative experiment, it turned out that such components of the meaning of the concept of JUSTICE as ethics and conscience, present in the definitions of explanatory and encyclopedic dictionaries, are completely absent among the reactions to the stimulus of JUSTICE. The participants of the associative experiment are more likely to seek JUSTICE in the judicial and legal sphere. The study showed that the psycholinguistic meaning of the concept of JUSTICE is broader in scope and fullness than the denotative meaning, since it also includes emotional and evaluative components that act as associations to a certain denotative shell of the word-concept.

Keywords: denotation, meaning, concept, association, linguistic consciousness

В данном исследовании рассматривается научная проблема естественного и одновременного существования двух аспектов значения слов (концептуальных понятий): 1) денотативного аспекта значения, трактуемого как логическое,

общее для всех пользователей языка и заключенное в символическую, знаковую, оболочку слова, понятие; 2) психолингвистического аспекта значения слова, представленного как совокупность всех компонентов языка, т.е. такого значения, которое выявляется исключительно экспериментальным путем и включает в себя различные когнитивные и эмоциональные элементы, которые по своей сути участвуют в составлении объемного содержания значения концепта и его оформлении в языковом сознании носителей языка.

Таким образом, денотативное значение – это «понятийное ядро значения, т.е. объективный (номинативный, внешнеситуационный, когнитивный, репрезентативный, фактический, диктальный, предметно-реляционный) компонент смысла, абстрагированный от стилистических, прагматических, модальных, эмоциональных, субъективных, коммуникативных и т.п. оттенков» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 129].

В свою очередь, психолингвистическое значение слова – это так называемое «психологически реальное» (по определению А.А. Леонтьева, 1977) значение слова.

Ученые-психолингвисты (А.А. Залевская, И.А. Стернин, А.А. Леонтьев и др.) давно признали тот факт, что психологически реальное значение слова является фактом языкового сознания. Этот факт основан на положении о том, что значения слова в сознании носителя языка и в лексикографических и энциклопедических источниках не совпадают по объему компонентов и количеству вариантов значений.

Другими словами, если мы упорядочим и свяжем воедино все компоненты значения, выявленные в ходе экспериментов, мы получим психолингвистическое, или психологически реальное, значение слова. И.А. Стернин формулирует определение психолингвистического значения слов следующим образом: «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин 2010, с. 58].

Данные ассоциативного эксперимента раскрывают психологически реальное значение слова, т.е. значение, которое действительно существует в сознании индивида, значение, которое индивид формирует и осознает внутри себя, наделяя это значение всеми оттенками своего жизненного опыта и чувств, связанных с этой звуковой оболочкой слова.

Для иллюстрации различий денотативных и психолингвистических аспектов значения слов, обозначающих морально-этические концепты, для определения их способов функционирования в качестве примера был взят концепт СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

В результате компонентно-дефиниционного анализа денотативных определений, содержащихся в словарных статьях юридических, социологических, политических и философских словарей, были произведены обзор и обработка словарных определений с целью описания структурных компонентов значения понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

В современных энциклопедических словарях СПРАВЕДЛИВОСТЬ определяется как «категория **морально-правового** и социально-политического сознания, понятие о должном, содержащее требование **соответствия** между

реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием» [Большая энциклопедия 2006], «понятие надлежащего **соответствия** между заслугами человека и теми хорошими и дурными событиями, которые случились или выпали на его долю» [Большой Российский энциклопедический словарь 2003], «**моральный и политико-правовой** принцип, устанавливающий меру **соотношений** между людьми, а также между общественными институтами и гражданами, справедливость основывается на идее **равенства**» [Российская социологическая энциклопедия 1998], «общая **нравственная** санкция совместной жизни людей, рассмотренной по преимуществу под углом зрения сталкивающихся желаний, интересов, обязанностей» [Краткая Российская энциклопедия 2003], «**нравственный** принцип, означающий наказание за зло и воздаяние за добро; принцип справедливости лежит в основе **права**» [Социологическая энциклопедия 2003], «понятие о должном, содержащее в себе требование **соответствия** между практической ролью различных индивидов (социальных слоев, групп) в жизни общества и их социальным положением, между их правами и обязанностями, трудом и вознаграждением, заслугами и их общественным признанием, преступлением и наказанием» [Политическая энциклопедия 1999], «в гражданском праве – **правовой** принцип, который характеризует внутреннее свойство и качество права и выражает его социальную сущность. Справедливость определяет **баланс** между интересами личности и общества, личности и государства, интересами участников правовых отношений и отражает идеи **равенства и свободы**» [Тихомирова 1999].

СПРАВЕДЛИВОСТЬ может выступать в следующих формах: 1) она может выступать как морально-нравственная основа общественного устройства; 2) может рассматриваться как политико-правовой принцип государственного устройства; 3) функционировать в качестве баланса, поддерживающего и уравновешивающего социальное положение и отношения в обществе; 4) законность проявляется через идеи равенства.

Далее на основе анализа предложенных выше дефиниций был выделен ряд семантических компонентов денотативного содержания понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ, выделенные семантические компоненты представлены ниже: **мораль; право; нравственность; равенство.**

В авторитетных лексикографических источниках русского языка СПРАВЕДЛИВОСТЬ определяется как «**беспристрастное отношение** к кому-либо, чему-либо» [Словарь русского языка 1984], «**соответствие** человеческих отношений, законов, порядков **морально-этическим, правовым** нормам, требованиям» [Словарь современного русского литературного языка 1963], «**правильный, сделанный законно, по правде, по совести, по правоте, истинность, правильность**» [Толковый словарь русского языка 2000].

При анализе дефиниций понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ выделяются следующие семы: **беспристрастность; мораль; этика; правильность; право; законность; правда; совесть; правота; истинность.**

Далее, сравнивая семы, выявленные при анализе энциклопедических и лексикографических источников русского языка, мы приходим к выводу о

наличии определенных расхождений в представлениях об исследуемом понятии, отраженных в указанных источниках, но в то же время и о наличии видимого сходства, что находит свое отражение в Таблице 1.

Таблица 1

Сопоставительный анализ семантических компонентов содержания понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Энциклопедические источники русского языка	Лексикографические источники русского языка
мораль	мораль
право	право
нравственность	-
равенство	-
-	беспристрастность
-	этика
-	правильность
-	законность
-	правда
-	совесть
-	правота
-	истинность

В лексикографических источниках понятие СПРАВЕДЛИВОСТЬ понимается гораздо шире, чем в энциклопедических. Лингвистические источники включают наряду с понятиями морали и права также и нравственно-этический аспект феномена СПРАВЕДЛИВОСТЬ, выраженный через такие номинанты, как **этика, совесть**.

Таким образом, все выявленные семы можно условно назвать синонимичными, а также отметить примерное соответствие между денотативным определением понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ в энциклопедических и лексикографических источниках. Во всех вышеупомянутых источниках денотат СПРАВЕДЛИВОСТЬ понимается как нечто моральное, нравственное, беспристрастное, правильное, по совести, с обязательным компонентом законности.

На втором этапе было описано психолингвистическое значение слова СПРАВЕДЛИВОСТЬ, которое выступило в качестве стимула в свободном ассоциативном эксперименте.

В исследовательскую группу вошли 100 студенты МГИМО разных курсов, возраста и пола. Испытуемым было предложено дать свободные ассоциации на слово-стимул СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Всего было получено 230 разных ассоциаций.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ 230 – суд (11); честность (8); наказание (4); равенство (3); сила (2); судья (2); честь (2); заслуга (2); невиновен; единый; доверие; правосудие; неизвестность; защита; восстановить; нет; Бог; месть; равноправие; правильно; норма; добро; успех; альтруизм; власть; мера; преступление; оценка; решение; несправедливость; скудно; закон; долг; важность; молот; весы; добропорядочность; вознаграждение; истина; порядочность; мораль; мир; уважение; мужество; воин; мужчина; брат; семья;

правило; сказки; отсутствие неравенства; добросовестность; почти не существует; ум; довольство; юриспруденция; отсутствие; хорошо; друг; благородство; мудрость; мама; понятие; относительно; законность; здравый; цель; правда. **230:68:17:82.**

Самыми частотными ассоциациями, которые встречаются во всех возрастных и гендерных группах являются следующие ассоциации: *суд, честность, наказание, равенство, сила, судья, честь, заслуга.*

Сразу хочется отметить не очень большие точки пересечения значений между денотатами из толковых и лексикографических источников и реакциями на стимул СПРАВЕДЛИВОСТЬ из свободного ассоциативного эксперимента. Общие для всех словарные дефиниции *мораль, право* единичны в ассоциативном эксперименте, и только реакция *равенство*, которая встречается в виде денотата в словарях, дается испытуемыми также и в ассоциативном эксперименте. В индивидуальном языковом сознании в ходе свободного ассоциативного эксперимента отсутствуют такие реакции на стимул СПРАВЕДЛИВОСТЬ, как *этика, совесть*, которые используются при описании денотата СПРАВЕДЛИВОСТЬ в словарных статьях лексикографических источников.

При более внимательном анализе реакций из ассоциативного эксперимента можно выделить целое ассоциативное поле «судебное разбирательство» с такими реакциями, как *защита, невиновен, преступление, решение.* Учитывая вместе с тем достаточно большое количество реакций *суд* и *наказание*, предположим, что понятие СПРАВЕДЛИВОСТЬ присутствует в индивидуальном языковом сознании как концепт-ассоциат, связанный с поисками и наличием справедливости в судебно-правовой сфере.

Остальные реакции распределяются в основном по следующим категориям: конституционно-законодательная сфера (*равенство, закон*); сфера семейных отношений (*мама, бра, семья*); морально-этическая сфера (*добро, альтруизм, добропорядочность, порядочность, уважение, добросовестность, благородство, правда, мудрость*). Безусловно, присутствует оценочность суждений о концепте (*важность, хорошо, мера, норма, здравый*).

В связи с наличием скептических по своей сути или отрицательных оценок понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ (*сказки, почти не существует*) предположим, что в индивидуальном языковом сознании сложился образ данного концепта как некоего недостижимого идеала.

Очень интересно отметить, что реакция *весы*, данная на стимул СПРАВЕДЛИВОСТЬ, может свидетельствовать о присутствии целого образа Богини правосудия Фемиды в индивидуальном языковом сознании, что говорит о том, что образы в индивидуальном языковом сознании могут приобретать характер объемных целостных картин, вероятно, произведших большое впечатление на испытуемых.

Таким образом, определение соотношения денотативного и психолингвистического аспектов значения понятия СПРАВЕДЛИВОСТЬ показывает, что психолингвистическое значение исследуемого понятия шире по объему и наполненности, чем его денотативное значение, поскольку включает также эмоционально-оценочные компоненты, выступающие в роли ассоциаций на определенную денотативную оболочку слова-понятия.

- Большая энциклопедия: в 62 т. – Том 51. – М.: Терра, 2006. – 605 с.
- Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 1890 с.
- Залевская А.А. Значение слова и возможности его описания / А.А. Залевская // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М., 2000. – С. 35-54.
- Краткая Российская энциклопедия: в 3 т. / сост. В.М. Карев. – Москва: Большая Российская энциклопедия, ОНИКС XXI век, 2003.
- Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – М., 1977. – С. 5-16.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. – Т. 2. – М.: Мысль, 2001. – 480 с.
- Политическая энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 1999.
- Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. – 660 с.
- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1984.
- Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. – М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.
- Социологическая энциклопедия: в 2 т. – М.: Мысль, 2003.
- Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2. – С. 57-63.
- Тихомирова Л.В. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. – М.: Юриформцентросква, 1999. – 526 с.
- Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель АСТ, 2000.

С.В. Мкртычян (Тверь)

АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА В ДИСКУРСИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье вводится понятие *актуального значения слова*; на материале исследования речевого жанра КОНСТИТУЦИЯ РФ демонстрируется возможность использования актуального значения слова в жанроведении для детализации таких речезанровых параметров, как номинация речевого жанра и позиция Автора / позиция Адресата.

Ключевые слова: актуальное значение слова, жанрообразующий параметр, антропометрический метод, номинация жанра

Annotation. We attempt to present *relevant word meaning*. Having conducted a series of experiments, we process the results of the anthropometric research of genre studies using relevant word meaning: speech-genre parameters, namely speech genre name and Author/Addressee positions.

Keywords: relevant word meaning genre-forming parameter, anthropometric method, genre name

Концепция психолингвистического значения слова активно разрабатывается в Воронежской лингвистической научной школе. Теоретический статус и проблема описания психолингвистического значения как значения нового типа, которое отличается от коммуникативного и лексикографического значений, освещаются в целом ряде работ И.А. Стернина и его учеников, в частности, в монографии И.А. Стернина и А.В. Рудаковой «Психолингвистическое значение слова и его описание» [Стернин 2011]. В рамках настоящей публикации с опорой на научный фундамент названной концепции предпримем попытку ее применения в дискурсивных исследованиях, которые, расширяя горизонты использования основного понятия, несколько меняют при этом его фокусировку, чем мотивируется введение нового термина – *актуальное значение слова*.

Традиционно дискурсивные исследования слабо и не напрямую пересекаются с семасиологией, лексикографией, психолингвистикой. Между тем потенциал этих сфер лингвистического знания при изучении дискурса представляется продуктивным. Ранее нами освещались вопросы, связанные с использованием психолингвистических методов в дискурсивных исследованиях [Мкртычян 2023]. Можно предположить, что для решения ограниченных задач в ходе изучения дискурса целесообразно привлекать некоторые теоретические конструкты и теоретические положения, в частности, традиционно связанные с описанием значения слова.

Обратимся к исследованию законодательного дискурса с привлечением концепции психолингвистического значения слова.

В целом дискурсивное исследование законодательного дискурса РФ посвящено моделированию его ядерной зоны в единицах речевых жанров. В ходе моделирования речежанровой зоны законодательного дискурса речевые жанры были упорядочены по полювому принципу в зависимости от целого ряда параметров, угасающих от ядра к периферии, в числе которых в первую очередь следует назвать законодательную силу документа, хронологическую стабильность текстового выражения, элиминирование степени субъектности автора нормативно-правового акта, уменьшение степени коллегиальности официального принятия документов, реализующих речевой жанр, редуцирование вербально выраженной в тексте аксиологичности, наконец, усиление размытости дефиниции, именующей речевой жанр. В соответствии с перечисленными параметрами ядерным речевым жанром российского законодательного дискурса признается Конституция РФ.

При проведении речежанрового анализа Конституции РФ важное место отводится исследованию речежанрового имени, которое является одним из способов идентификации речевого жанра. Такого рода исследования считаются продуктивным направлением современного жанроведения. Л.В. Балашова отмечает, что анализ номинаций жанров и их компонентов через призму языковой системности отражает их место в соответствующей языковой картине мира [Балашова 2022, с. 162]. Номинация речевого жанра (далее – РЖ), с одной стороны, выполняет функцию стабилизации РЖ как единицы структурирования

дискурса, с другой стороны, сама по себе является единицей языка, которая может быть подвергнута изучению с привлечением различных методов как традиционных лингвистических, так и антропометрических. Обозначенное направление исследования открывает широкие перспективы в плоскости жанроведческой проблематики, поскольку дает ответ на вопрос, что стоит за речежанровым именем в сознании носителей языка и, следовательно, как ими воспринимается тот или иной речевой жанр.

С целью изучения речежанрового имени Конституции РФ на первом этапе был проведен лексикографический анализ лексемы «конституция», в результате которого были выявлены следующие ядерные семы: 'основной закон', 'закрепляет основы общественного строя', 'закрепляет основы государственного строя', 'закрепляет права и обязанности', 'выражает волю государства', 'выражает волю народа'.

На втором этапе было проведено исследование лексемы «конституция» антропометрическими методами. На этом этапе было введено понятие *актуального значения слова*, которое было сформулировано в сопоставлении с психолингвистическим и лексикографическим значениями.

«Психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных» [Стернин 2022, с. 4]. *Актуальное узуальное значение слова* может быть сближено с психолингвистическим, но не совпадает с ним. В психолингвистическом значении зафиксированы *все* компоненты значения слова, которые выявлены экспериментальным путем у носителей языка. Они упорядочены по полевому принципу с учетом индекса яркости. *Актуальное значение* фиксирует, во-первых, лишь наиболее яркие (т.е. частотные) ядерные компоненты (без учета периферийных) в ответах испытуемых. Во-вторых, актуальное значение описывается в определенном ракурсе, который задан целью исследования. Например, в данном случае нас интересовал индекс оценочности и индекс антропоморфности номинации речевого жанра, чтобы подтвердить (в числе прочих доказательств) выдвинутую гипотезу об особом речежанровом статусе Конституции РФ в законодательном дискурсе, обусловленном, с одной стороны, эмоциональным восприятием его наименования среднестатистическим носителем языка в отличие от именованных других речевых жанров законодательного дискурса (которое характеризуется индексом оценочности, с другой стороны, степенью соотносимости стимула «конституция» с субъектами законодательного дискурса (характеризуется индексом антропоморфности). Итак, *актуальное значение слова* – это значение слова в узуальном коллективном употреблении, которое дополнительно может быть охарактеризовано по существенным для конкретного дискурсивного исследования параметрам.

Для выявления актуального значения лексемы **КОНСТИТУЦИЯ** были использованы следующие антропометрические методы: 1) свободный

ассоциативный эксперимент; 2) направленный ассоциативный эксперимент, где испытуемые (далее – Ии.) должны были написать 2–3 существительных и 2–3 прилагательных к указанному стимулу; 3) метод незаконченных предложений (метод субъективных дефиниций).

Исследование проводилось в конце 2022 г. Всего в качестве Ии. было привлечено 57 человек в возрасте от 12 до 63 лет.

Полученные в ходе свободного ассоциативного эксперимента ассоциаты (56 ед.) можно разделить на две группы:

1) нейтральные (преимущественно входят в тематическое поле «документ, закон» 82%);

2) эмоционально-экспрессивно-оценочные ассоциаты (далее будем называть их *оценочными* 18%) (см. Таблицу 1).

Индексы рассчитываются как отношение количества маркированных единиц анализа к общему количеству единиц.

Таблица 1

**Классификация ассоциатов на слово-стимул *КОНСТИТУЦИЯ*
по наличию оценочности**

Ассоциаты	нейтральные ассоциаты	окрашенные ассоциаты	
		положительные ассоциаты	отрицательные ассоциаты
количество	46	2	8
индекс	0,82	0,4	0,14
примеры	<i>главный закон в стране (1); закон (законы) (21); основной закон РФ (1); правила (2)</i>	<i>Родина (1); свобода и справедливость (1)</i>	<i>ложь (1); не работает (3)</i>
Всего: 56 (1)			

Из количественного подсчета следует, что оценочных ассоциатов приведено значительно меньше, чем нейтральных.

Ассоциаты, полученные в результате направленного ассоциативного эксперимента (138 единиц), можно условно разделить на несколько групп (см. Таблицу 2): 1) антропоморфные (или «очеловеченные», связанные по значению с живым, человеческим) ассоциаты (КТО?); 2) неантропоморфные (ЧТО?).

Таблица 2

**Классификация ассоциатов на слово-стимул *КОНСТИТУЦИЯ*
по индексу антропоморфности**

Ассоциаты	антропоморфные ассоциаты	неантропоморфные ассоциаты
количество	34	104
индекс	0,25	0,75
примеры	<i>гражданин (граждане) (2); политик (1); президент (9); человек (5)</i>	<i>власть (6); государство (7); закон (законы) (15); обязанность (обязанности) (4); порядок (6); сила (3)</i>
Всего: 138 (1)		

На следующем этапе был проведен эксперимент методом субъективных дефиниций. Полученные дефиниции были классифицированы на *логические* (представляющие собой нейтральные дефиниции, схожие с дефинициями из лексикографических источников, генерализующие или, наоборот, детализирующие семы лексикографического значения, например: *Главный закон страны (4)*) и *нелогические* (дефиниции, не соотносимые с лексикографическим значением, многие из которых обладают оценочностью, например: *Средство продвижения властолюбивых идей (1)*).

Обобщенные результаты исследования лексемы «конституция» антропоморфными методами представлены в табл. 3 (где индекс «+» – индекс положительной оценочности / позитивности; индекс «-» – индекс отрицательной оценочности / негативности; индекс «0» – индекс нейтральной оценочности / нейтральности; индекс НЛ – индекс нелогичности дефиниции; индекс Л – индекс логичности дефиниции; индекс А – индекс антропоморфности; индекс НА – индекс неантропоморфности).

В таблице 3 представлены все релевантные результатам каждого этапа исследования индексы, характеризующие ответы Ии.

Таблица 3

Сводная таблица по результатам антропометрического исследования лексемы «конституция»

Экспериментальный метод	индекс «+»	индекс «-»	индекс «0»	индекс НЛ	индекс Л	индекс А	индекс НА
Свободный ассоциативный эксперимент	0,04	0,14	0,82				
Направленный ассоциативный эксперимент (существительные)	0,07	0,05	0,88			0,25	0,75
Направленный ассоциативный эксперимент (прилагательные)	0,40	0,24	0,36				
Субъективные дефиниции (метод незаконченных предложений)	0,02	0,1	0,88	0,12	0,88		

В результате проведенного антропометрического исследования, во-первых, было сформулировано актуальное значение лексемы «конституция», которое состоит из следующих основных семантически компонентов:

КОНСТИТУЦИЯ – закон (законы) (21); президент (9); права (8); основной закон государства (7); правильный (правильная, правильное, правильные) (6); государственный (государственная) (5); народ (5); основной (основная) (5); главный закон страны (3).

Во-вторых, была выявлена взаимосвязь речевантового имени КОНСТИТУЦИЯ РФ с понятиями *государство* и *гражданин*, установлено

наличие оценочности и антропоморфности некоторых ассоциатов, а также зафиксировано наличие нелогических дефиниций, что свидетельствует о включенности имени РЖ в коммуникативный опыт носителей языка, который связан с личностными чувственными переживаниями.

По аналогии было проведено исследование жанрообразующих параметров Адресат и Адресант. Не останавливаясь не детализации экспериментального материала, перейдем к выводам:

1. Ассоциативные поля к стимулам *ГРАЖДАНИН* и *ГОСУДАРСТВО* пересекаются (*выборы (1); обязанности (1); ответственность (5)*). В ассоциативном поле каждого из стимулов обнаружены так называемые перекрестные ассоциаты, которые сопоставимы с другим стимулом из этой пары: например, к стимулу *ГОСУДАРСТВО*: *житель (1); личность (1); патриот (2)*; к стимулу *ГРАЖДАНИН*: *закон (1); Родина (1); страна (2)*. Их количество оказалось одинаковым, что свидетельствует об их тесной связи.

2. Некоторые ассоциаты к стимулу *ГОСУДАРСТВО* обладают антропоморфностью (но в меньшей степени, нежели к стимулу *ГРАЖДАНИН*): *государь (1); лидер (1); люди (1)*.

3. По совокупности ассоциатов к обоим стимулам большинство обладает оценочностью, причем преимущественно оценочность положительная. Например, к стимулу *ГРАЖДАНИН*: *законопослушный житель государства (1); патриот (2); свобода (1), активный (5); добропорядочный (4); законопослушный (12); ответственный (18); свободный (10); смелый (2); справедливый (1); уважаемый (2); уверенный (4); честный (3)*; к стимулу *ГОСУДАРСТВО*: *сила (1); сильное (1); целостное общество, заботящееся о входящих в него единицах (1), великолетие (1); единение (1); защита (3), великое (5); независимый (независимая, независимое) (5); непобедимое (1); свободный (свободная) (2); сильный (сильная, сильное) (7); честное (4)*.

4. Субъективные дефиниции к обоим стимулам чаще являются логическими (т.е. сближаются со словарными дефинициями). Например, *ГРАЖДАНИН* – это человек, родившийся или постоянно проживающий на территории государства, пользующийся всеми правами согласно Конституции, а также выполняющий обязанности, наложенными ею; *ГОСУДАРСТВО* – это форма правления, при которой страной правит один лидер.

На стимул *ГРАЖДАНИН* получено больше нелогических субъективных дефиниций, чем на стимул *ГОСУДАРСТВО*: например, *ГРАЖДАНИН* – это звучит гордо, достойно, почетно; *ГОСУДАРСТВО* – это великие просторы моей родины / там, где нет беззакония и насилия, а царит справедливость и право.

Индекс позитивности субъективных дефиниций к стимулу *ГРАЖДАНИН* выше, чем к стимулу *ГОСУДАРСТВО*: *Сознательный свободный труженик; Я; Частичка большой страны; Важнейшая часть государства; Сын своей страны; Позиция.*

Как отмечает Т.В. Шмелева, информация об Авторе как об участнике общения «“заложена” в типовой проект РЖ, обеспечивая ему успешное осуществление» [Шмелева 1997], «для образа автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с Адресатом, это, так сказать, “портрет на фоне”» [там же, с. 96].

Представленный экспериментальный материал, проанализированный через призму актуального значения слова, позволяет существенно детализировать речевые параметры, выявляя те их особенности, которые связаны с представлением носителей языка о речевом жанре, что существенно обогащает традиционный жанроведческий подход.

Балашова Л.В. Русские речевые жанры: монография / Л.В. Балашова, В.В. Дементьев. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 832 с.

Мкртычян С.В. Использование антропометрических методов в дискурсивных исследованиях / С.В. Мкртычян // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник научных статей / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2023. – Вып. 9. – С. 187-193.

Стернин И.А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 1 (51). – С. 112-121.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – Вып. 1. – С. 88-98.

К.С. Назарова, М.В. Шаманова (Ярославль)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛЕКСЕМ *РАЗГОВОР*, *БЕСЕДА* В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье сопоставляются психолингвистическое и лексикографическое значения лексем *разговор*, *беседа*. Показано, что в языковом сознании носителей русского языка данные лексемы являются однозначными в отличие от словарных описаний, где лексемы *разговор*, *беседа* имеют по два значения. Психолингвистическое описание анализируемых лексем позволяет подтвердить синонимические отношения в ряду *общение*, *разговор*, *беседа*, *диалог*.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение, лексикографическое значение

Abstract. The article compares psycholinguistic and lexicographic meanings of lexemes *talk*, *conversation*. It is shown that in the linguistic consciousness of Russian native speakers these lexemes are unambiguous in contrast to dictionary descriptions, where lexemes *talk*, *conversation* have two meanings. Psycholinguistic description of the analyzed lexemes allows us to confirm the synonymic relations in the series of *communication*, *talk*, *conversation*, *dialogue*.

Keywords: free associative experiment, psycholinguistic meaning, lexicographic meaning

Трактовка термина «языковое сознание» до настоящего времени не остается однозначной.

Как утверждает С.Е. Никитина: «Языковое сознание – это такое образование, где ни язык, ни мысль не существуют сами по себе, но в качестве целостного развивающегося образования» [Никитина 2006, с. 13]. Т.В. Ушакова отмечает: «При всей широте этого референтного поля понятие языкового

сознания имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли, внутреннего мира человека с внешними по отношению к нему языковыми и речевыми проявлениями» [Ушакова 2004, с. 167]. Таким образом, оба исследователя отмечают, что языковое сознание представляет собой схему словесного выражения и понимания знаний об окружающей нас реальности, ее вербальных и невербальных составляющих.

Термин «языковое сознание» – один из ведущих терминов психолингвистики. Наряду со множеством задач, которые ставит психолингвистика, одна из них – формулирование психолингвистического значения слова.

И.А. Стернин дает следующее определение психолингвистическому значению слова: «Это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение – это психологически реальное значение слова» [Стернин 2011, с. 6].

Для изучения специфики восприятия коммуникативных лексем русским языковым сознанием мы использовали метод свободного ассоциативного эксперимента.

В рамках данного исследования была использована следующая методика:

1. Составление ассоциативных полей для слов *разговор, беседа*.
2. Распределение полученных реакций по семантическим группам.
3. Формулирование психолингвистического значения слова на основании полученных семантических групп.
4. Сопоставление лексикографического и психолингвистического значений слова.

Респондентами свободного ассоциативного эксперимента стали носители русского языка разных возрастных групп: 40 человек – от 15 до 18 лет, 50 человек – от 20 до 25 лет, 10 человек – от 30 до 45 лет, 5 человек – от 46 до 69 лет.

Всего в эксперименте участвовало 105 человек, большинство из которых студенты и школьники. Опрос проходил в онлайн-формате на платформе Google Forms.

Участникам эксперимента предлагалось письменно ответить первой возникшей ассоциацией на данные в анкете слова-стимулы: *разговор, беседа*. Время ответа не ограничивалось, но участники были проинформированы о том, что для эффективности эксперимента реакцию необходимо дать незамедлительно.

РАЗГОВОР

Ассоциативное поле

Разговор 105: информация 7; о важном 5; друзья; по душам; с собой; серьезный 4; беседа; диалог; общение; 3; важный; деловой; переговоры 2; conversation; анализ; больница; в квартире; в туалете; внимание; да; дедушка; деловые отношения; дельный; деревня; диван; долго; дома; драка; дружеский; на

площадке; душа; зрительный контакт; истерика; лекция; проблемы; мандраж; моральное давление; на смене; нейтральный; обмен информацией; обмен мнением; обсуждение; объятие; обычный; один; одноклассник; офис; паника; поцелуй; почту за честь; прикосновения; притирания; проблема; радость; разглагольствование; разговор; решение; рукопожатие; рутина; с группой; с другом; с родителями; синоним общения; смех; соприкосновение душ; страх; телефон; тишина; томный; у алтаря; у костра; у могилы; учитель; факты; цель; что; я; ярость 1.

Всего реакций – 107, различных – 76, отказ – 1.

Ассоциативные реакции были распределены **по семантическим группам** (расположены в порядке убывания количества реакций в группе). Сходные по семантике ассоциаты были объединены:

- составляющие разговора (16 реакций): информация 7; анализ 1; обмен информацией 1; обмен мнениями 1; обсуждение 1; проблема 1; разглагольствование 1; решение 1; факты 1; цель 1;

- собеседники (16 реакций): с друзьями 6; с собой 4; бабушка 1; один 1; одноклассник 1; с группой 1; с родителями 1; учитель 1;

- характеристика разговора (15 реакций): серьезный 4; деловой 3; важный 2; дельный 1; долго 1; дружеский 1; нейтральный 1; обычный 1; томный 1;

- место, обстоятельство встречи (13 реакций): больница 1; в квартире 1; в туалете 1; деревня 1; диван 1; дома 1; лекция 1; на площадке 1; на смене 1; офис 1; у алтаря 1; у костра 1; у могилы 1;

- невербальное взаимодействие (11 реакций): соприкосновение душ 2; внимание 1; драка 1; зрительный контакт 1; моральное давление 1; объятие 1; поцелуй 1; прикосновения 1; притирания 1; рукопожатие 1;

- эмоциональная реакция на разговор (7 реакций): истерика 1; мандраж 1; паника 1; радость 1; смех 1; страх 1; ярость 1.

Интерпретируются, но не входят в состав ни одной семантической группы слова: *душа 1, почту за честь 1, телефон 1, тишина 1, рутина 1, conversation 1.*

Не интерпретируются следующие реакции: *да 1; что 1; я 1.*

Одна из достаточно частотных реакций – *о важном*. Поскольку опрос проводился преимущественно среди лиц от 15 до 25 лет, на ответы повлияли нововведения в системе образования, а конкретно новый предмет «Разговоры о важном», введенный в 2022 году и получивший большую популярность среди молодого поколения благодаря шуткам в сети Интернет.

Сформулируем **психолингвистическое значение** слова *разговор* по результатам эксперимента:

РАЗГОВОР 105 – обмен информацией 8, мнениями 1, фактами 1 с определенной целью 1; обсуждение 1, анализ 1 и решение 1 проблем 1 с собеседниками 11 (*с друзьями 6, бабушка 1, одноклассник 1, с группой 1, с родителями 1, учитель 1*) или с самим собой 5 (*с собой 4, один 1*); в различных местах 13 (*больница 1; в квартире 1; в туалете 1; деревня 1; диван 1; дома 1; лекция 1; на площадке 1; на смене 1; офис 1; у алтаря 1; у костра 1; у могилы 1*); включающий акты невербального воздействия 11 (*соприкосновение душ 2; внимание 1; драка 1; зрительный контакт 1; моральное давление 1; объятие 1; поцелуй 1; прикосновения 1; притирания 1; рукопожатие 1*),

сопровождающийся эмоциями 7 (*истерика 1; мандраж 1; паника 1; радость 1; смех 1; страх 1; ярость 1*), может быть серьезным 4, деловым 2, важным 2, дельным 1, долгим 1, дружеским 1, нейтральным 1, обычным 1, томным 1, протекать лично или по телефону 1.

Синонимы: *общение 4; беседа 3; диалог 3; переговоры 2*

Фразеологизмы: *о важном 5; по душам 4*

Для описания **лексикографического значения** мы использовали «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова:

РАЗГОВОР, -а; м.

1. Словесный обмен мнениями, беседа. *Деловой, праздный р. Р. по телефону. Предмет разговора. Вызвать на р. кого-л. Вести р. об архитектуре, живописи, музыке. Р. с родителями. Р. по душам* (откровенная, доверительная, задушевная беседа). *Р. жестами, мимикой* (об обмене мыслями без слов, с помощью жестов, мимики). *Крупный р.* (серьезный, напряженный и неприятный). *Без (всяких) разговоров* (разг.; требование беспрекословного повиновения). *И разговору(а) нет, не может быть* (разг.; исключается всякая возможность возражать против чего-л.). *Что за р.!*; *О чем р.* (само собой разумеется). *Это не р.* (это несерьезно). *Вот и весь р.* (разг.; больше говорить не о чем). *Р. Короткий* (также: об отсутствии долгих объяснений, разбирательств). // Тема, предмет беседы. *Подходящий р. Переменить р. Сбиться с разговора* (разг.). / О телефонных переговорах. *Заказать р. с Москвой.*

2. только мн.: разговоры, -ов. *Разг.* Слухи, молва, толки. *Пойдут р. Не хочется лишних разговоров. Ходит много разговоров о денежных компенсациях.*

Сопоставление психолингвистического и лексикографического значений показывает, что в психолингвистическом описании лексема *разговор* является однозначной. Словарное значение «Слухи, молва, толки» оказалось нереализованным в психолингвистическом описании.

БЕСЕДА

Ассоциативное поле

Беседа 105: общение 10; разговор 6; диалог 5; компания 4; приятная 3; друзья; конфа вконтакте; люди; окошко чата вк; чай; чат 2; person; алкоголь; Америка; английский; аниме; бал; балкон; беседа; беседка; бизнес; бк; боль; букет; вдвоем; вода; дружеская; зачем?; кафе; класс; костер; курилка; легкость; личная; люди что-то обсуждают; магнит; музыка; мы; наушники; не мое; не с кем; непоседа; общага; одиночество; опасность; офис; персонаж; пиво; пикник; подписчики; потолок; почему бы и нет?; преподаватель; прикосновения; приятель; психолог; работа; радость; размышление; рассуждение; свет; свидание; сигареты; синий кит; стол; счастье; тгк; телеграм; телефон; терраса; товарищ; тревога; туса; человек; школа; ЯРГУ 1.

Количество реакций – 105, из них различных – 76. Отказы – 1.

Ассоциативные реакции были распределены **по семантическим группам** (расположены в порядке убывания количества реакций в группе). Сходные по семантике ассоциаты были объединены:

- собеседники (18 реакций): компания 4; друзья 4; люди 2; вдвоем 1; мы 1; подписчики 1; преподаватель 1; приятель 1; психолог 1; товарищ 1; человек 1;
- место, обстоятельство встречи (16 реакций): бал 1; балкон 1; беседка 1; бк (бургеркинг) 1; кафе 1; класс 1; курилка 1; общага 1; офис 1; пикник 1; работа 1; свидание 1; терраса 1; туса 1; школа 1; ЯРГУ 1;
- виртуальное пространство (10 реакций): конфа вконтакте 2; окошко чата в вк 2; чат 2; инста 1; тгк (телеграмм-канал) 1; телеграм 1; телефон 1;
- атрибуты, предметы, связанные с явлением (10 реакций): чай 2; алкоголь 1; букет 1; костер 1; музыка 1; наушники 1; пиво 1; сигареты 1; стол 1;
- эмоциональная реакция на беседу (9 реакций): приятная 3; боль 1; легкость 1; опасность 1; радость 1; счастье 1; тревога 1;
- процессы, сопровождающие общение (3 реакции): люди что-то обсуждают 1; размышление 1; рассуждение 1;
- виды беседы (2 реакции): дружеская 1; личная 1.

Не вошли в семантические группы следующие единичные реакции: *Америка; английский; аниме; беседа, бизнес; вода; магнит; непеседа; персонаж; прикосновения; свет; Person*. Невозможность интерпретировать большинство из них связана с тем, что они заключают в себе личный опыт испытуемого либо могут трактоваться неоднозначно. Одна реакция созвучна со словом *беседа* – *непеседа 1*.

Также отдельную группу реакций составляют реакции: *не мое; почему бы и нет?; не с кем; зачем*, заключающие в себе личное отношение к слову.

Нами было сформулировано **психолингвистическое значение** слова-стимула *беседа*:

БЕСЕДА 105 – общение 21 (*общение 10; разговор 6; диалог 5*) с лицом или группой лиц 18 (*компания 4; друзья 4; люди 2; вдвоем 1; мы 1; подписчики 1; преподаватель 1; приятель 1; психолог 1; товарищ 1; человек 1*), в реальном 16 (*бал 1; балкон 1; беседка 1; бк (бургеркинг) 1; кафе 1; класс 1; курилка 1; общага 1; офис 1; пикник 1; работа 1; свидание 1; терраса 1; туса 1; школа 1; ЯРГУ 1*) или виртуальном 10 (*конфа вконтакте 2; окошко чата в вк 2; чат 2; инста 1; тгк (телеграмм-канал) 1; телеграм 1; телефон 1*) пространстве, имеющее традиционные атрибуты 10 (*чай 2; алкоголь 1; букет 1; костер 1; музыка 1; наушники 1; пиво 1; сигареты 1; стол 1*), сопровождается эмоциями 9 (*приятная 3; боль 1; легкость 1; опасность 1; радость 1; счастье 1; тревога 1*) и размышлением над чем-л. 2, обсуждением чего-л. 1, может быть дружеским 1, личным 1, может сопровождаться прикосновением 1 к собеседнику.

Синонимы: *общение 10; разговор 6; диалог 5*

Для **лексикографического описания** лексемы был использован «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова:

БЕСЕДА, -ы; ж.

1. Разговор, официально-деловой или душевный. *Дружеская, доверительная б. Застольная б. Я не помешаю вашей беседе?*

2. Сообщение на какую-л. тему, в форме обмена мнениями, обсуждения вопросов (обычно с корреспондентом, слушателями и т. п.). *Цикл лекций «Беседы о музыке». Провести со школьниками беседу о безопасности движения.*

Сопоставление психолингвистического и лексикографического значений показывает, что в психолингвистическом описании лексема *беседа* является однозначной. Второе словарное значение – «Сообщение на какую-л. тему, в форме обмена мнениями, обсуждения вопросов» – оказалось не реализованным в психолингвистическом описании.

Таким образом, лексемы *разговор*, *беседа* в психолингвистическом описании являются однозначными. Лексема *беседа* и в лексикографическом, и в психолингвистическом описании определяется через синоним. Психолингвистическое описание анализируемых лексем позволяет подтвердить синонимические отношения в ряду *общение, разговор, беседа, диалог*.

Никитина С.Е. Генетический метод анализ сознания в психолингвистике / С.Е. Никитина // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: матер. XV Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. – М.; Калуга, 2006. – С. 193-205.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова / И.А. Стернин // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2001. – № 1. – С. 5-9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskoe-znachenie-slova>.

Ушакова Т.В. Языковое сознание и принципы его исследования / Т.В. Ушакова // Языковое сознание и образ мира: сб. статей. – М., 2000. – С. 13-23. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21660107>.

А.В. Попова (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРОТА (НА ПРИМЕРЕ ВЫРАЖЕНИЯ «ТРОЯНСКИЙ КОНЬ»)

Аннотация. В статье представлена методика психолингвистического описания семантики устойчивых выражений. Анализируется лексикографическое и психолингвистическое значение фразеологизма «троянский конь», сформулированное по данным свободного ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, ассоциативный эксперимент

Abstract. The article presents a method of psycholinguistic description of the semantics of stable expressions. The lexicographic and psycholinguistic meaning of the phraseological unit "Trojan horse", formulated according to the data of a free associative experiment, is analyzed.

Keywords: phraseology, semantics, associative experiment

В «Русском ассоциативном словаре» (2002) в качестве стимулов обычно выступают отдельные словоформы, однако небольшая доля стимулов приходится на словосочетания разного типа, среди которых присутствуют и фразеологические обороты и их отдельные части.

Цель данного исследования – проанализировать ассоциативное поле стимула – фразеологического оборота и выявить возможность психолингвистического описания его значения по данным свободного ассоциативного эксперимента (на примере выражения «троянский конь»).

На первом этапе исследования были изучены данные толковых и фразеологических словарей, описано интегрированное лексикографическое значение исследуемого выражения.

Этимологически фразеологизм ТРОЯНСКИЙ КОНЬ восходит к древнегреческому преданию: он образован по названию большого деревянного коня, в котором спрятались ахейские воины, осаждавшие Трою. В толковых и фразеологических словарях данное выражение имеет одно значение:

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

1. Дар врагу с целью его погубить (БТС).

Стилистические пометы отсутствуют.

На втором этапе исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 130 испытуемых в возрасте от 15 до 67 лет. Среди них большая часть – студенты разных факультетов Воронежского государственного университета, а также школьники, инженеры, художники, менеджеры, экономисты и др. Затем было сформировано ассоциативное поле стимула.

На следующем этапе ассоциативное поле стимула было интерпретировано (методика И.А. Стернина и А.В. Рудаковой, *метод семантической интерпретации*) [Стернин 2011] и представлено в виде семантических компонентов исследуемого выражения.

Представим результаты психолингвистического исследования семантики фразеологической единицы в виде словарной статьи Психолингвистического фразеологического словаря русского языка.

Ассоциативное поле

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ 131: обман 19; хитрость 12; подстава 9; ловушка 5; война; стратегия 3; вирус; военная хитрость; враги; дерево; засада; коварный замысел; *обман, хитрость*; победа; Троя 2; батя; битва; *большой, огромный*; воинская хитрость; греки; *деревянный конь который принес победу Трои*; животное; завалившееся; западня; запасы; *засада, нападение, ловушка, засланный казачок, с подвохом*; измена; изображение; *история, Греция*; коварный подарок; конюшня; *конь, в котором прятались бойцы*; конь для атаки; компьютерный вирус; крепость; ловкий трюк; *ловушка, обман*; ложь; неожиданный неприятный сюрприз; неожиданный поворот; неожиданный ход; нечестная победа; *обвести вокруг пальца, обратить оружие врага против него; обман, ворота*; обманка; обманный манёвр; Одиссей; *Одиссей, хитрость, вирус*; огромный деревянный конь; опасности; подарок с подвохом; подвох; подвох какой-то; подлость; подлянка; подъёмка; предатель; предательство; публичное скрытое проникновение; секрет; сильный; *сильный, большой конь*; символ предательства; скрытая угроза; собака Баскервилей; сооружение для засады; тактика; *троянская война, памятник*; Угланов; удачное решение; *уловка, хитрость*; что-то вредное; *что-то оригинальное, приводящее к победе*; что-то тайное 1; отказ 4.

Психолингвистическое значение

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

1. Обман, хитрость

Обман, хитрость 0,37 (обман 19; хитрость 12; военная хитрость 2; обман, хитрость 2; воинская хитрость; ловкий трюк; ловушка, обман; ложь; обвести вокруг пальца, обратить оружие врага против него; обман, ворота; обманка; обманный маневр; Одиссей, хитрость, вирус; подарок с подвохом; подвох; подвох какой-то; уловка, хитрость; нечестная победа), **ловушка** 0,16 (подстава 9; ловушка 5; засада 2; западня; засада, нападение, ловушка; ловушка, обман; сооружение для засады; подъебка), **коварный поступок** 0,02 (коварный замысел 2; коварный подарок), **подлый поступок** 0,02 (подлость; подлянка); **стратегический ход** 0,05 (стратегия 3; неожиданный ход; тактика; удачное решение) **врага** 0,02 (враги 2; обвести вокруг пальца, обратить оружие врага против него), **предателя** 0,03 (засланный казачок, с подвохом; измена; предатель; предательство) **в виде подарка, сюрприза** 0,02 (коварный подарок; неожиданный неприятный сюрприз; подарок с подвохом) **с целью навредить** 0,01 (что-то вредное), **повернуть ситуацию в свою пользу** 0,02 (неожиданный поворот; неожиданный ход; обвести вокруг пальца, обратить оружие врага против него), **обеспечить победу** 0,04 (победа 2; нечестная победа; удачное решение; что-то оригинальное, приводящее к победе) **во время войны** 0,05 (война 3; военная хитрость 2; битва; воинская хитрость), **сулит опасность** 0,02 (опасности; скрытая угроза).

СИЯ – 0,83

2. В древнегреческих преданиях деревянный конь

В древнегреческих преданиях 0,01 (история, Греция), **по замыслу Одиссея** 0,02 (Одиссей; Одиссей, хитрость, вирус), **огромный** 0,02 (большой, огромный; огромный деревянный конь) **деревянный конь** 0,05 (дерево 2; деревянный конь который принес победу Трои; конь, в котором прятались бойцы; конь для атаки; огромный деревянный конь; сооружение для засады), **в котором спрятались греки** 0,02 (греки; конь, в котором прятались бойцы), **чтобы тайно** 0,03 (публичное скрытое проникновение; секрет; скрытая угроза; что-то тайное) **проникнуть** 0,01 (публичное скрытое проникновение) **в крепость** 0,01 (крепость), **открыть ворота для войск** 0,01 (обман, ворота); **привел к победе** 0,04 (победа 2; деревянный конь который принес победу Трои; нечестная победа; что-то оригинальное, приводящее к победе) **в троянской войне** 0,08 (война 3; военная хитрость 2; Троя 2; битва; воинская хитрость; деревянный конь который принес победу Трои; троянская война, памятник).

СИЯ – 0,30

3. Конь (контаминация со словом «конь»)

Животное 0,02 (животное; сильный, большой конь), **сильное** 0,02 (сильный, большой конь; сильный), **большое** 0,02 (большой, огромный; сильный, большой конь), **содержится в конюшне** 0,01 (конюшня).

СИЯ – 0,07

4. Вирусная компьютерная программа

Вирусная компьютерная программа 0,03 (*вирус 2; компьютерный вирус; Одиссей, хитрость, вирус*).

СИЯ – 0,03

Символическая сема 0,01: *символ предательства*

Фразы 0,02: конь не валялся 0,01 (*завалывшееся*); книга А. Угланова «Пробуждение троянского мустанга» 0,01 (*Угланов*)

Не интерпретируются: *батя; запасы; изображение; собака Баскервилей*

Не актуально (отказ 4): 0,03

Психолингвистическая семантема фразеологизма ТРОЯНСКИЙ КОНЬ включает четыре семемы (в отличие от лексикографической семантемы, содержащей одно значение).

Лексикографическому значению «Дар врагу с целью его погубить» соответствует семема «Обман, хитрость» (СИЯ 0,83), занимающая ядро психолингвистического значения.

По данным ассоциативного эксперимента были выделены три семемы, отсутствующие в словарных источниках.

К дальней периферии психолингвистического значения относится выявленная семема «В древнегреческих мифах деревянный конь» (СИЯ 0,30), указывающая на этимологию фразеологизма.

Крайняя периферия представлена семемами «Конь» (СИЯ 0,07; контаминированное значение) и «Вирусная компьютерная программа» (СИЯ 0,03).

Среди ассоциатов была обнаружена символическая сема (*символ предательства*), характеризующая выражение как условный знак предательства.

Параметр «Фразы» (0,02) включает указание на книгу А. Угланова «Пробуждение троянского мустанга» (0,01), фразеологизм «конь не валялся». Наличие небольшого количества отказов (0,04) свидетельствует о высокой актуальности фразеологизма для языкового сознания опрошенных.

Таким образом, лексикографическое и психолингвистическое значение выражения ТРОЯНСКИЙ КОНЬ не совпадают: шире представлено психолингвистическое значение.

В дальнейшем предполагается составление психолингвистического словаря фразеологических единиц.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

К.О. Селезнева (Борисоглебск)

СЕМАНТИКА СЛОВА **ОБРАЗОВАННЫЙ** В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Целью данного исследования является выявление и описание психолингвистического значения лексемы «образованный» в русском языковом сознании. Материалом исследования послужили результаты направленного ассоциативного эксперимента, которые были систематизированы и проанализированы.

Ключевые слова: психолингвистическое значение, лексема, образованный, направленный ассоциативный эксперимент

Abstract. The aim of this article is revealing and description of psycholinguistic meaning of the lexeme *educated* in Russian students' language consciousness. The results of a directed associative experiment were the material of the study. They were systematized and analyzed.

Keywords: psycholinguistic meaning; lexeme; educated; directed associative experiment

Данная публикация продолжает цикл статей, посвященных исследованию отдельных лексических единиц в сфере образования, воспитания и обучения с психолингвистической [Селезнева 2021а, 2022] и лексикографической точки зрения [Селезнева 2019, 2021б].

Сфера образования и всё, что с ней связано, является одной из тех сфер, к которым всегда приковано повышенное внимание. Образование в нашей стране на протяжении долгого периода времени считалось одним из самых лучших в мире. О системе, которая готовит педагогов, воспитателей, ученых, деятелей искусства, медиков и специалистов во многих сферах жизни, говорят многие и на разных уровнях.

В настоящее время эта сфера претерпевает изменения, которые, по мнению А.Ю. Балдановой и М.А. Дугаржаповой, связаны «с глобальной цифровизацией общества и экономики» [Балданова 2023]. Более того, авторы статьи полагают, что «порой достаточно иметь возможность выхода в глобальную сеть Интернет для того, чтобы начать процесс обучения, получения нового знания, формирования профессиональных навыков и накопления опыта» [там же]. Действительно, современные технологии позволяют дистанционно обучаться, получать новые знания, облегчают работу. В современном мире получение знаний является просто жизненно важной необходимостью, поскольку всё больше ценятся образованные, профессиональные кадры.

Для изучения психолингвистического значения лексемы *образованный* в русском языковом сознании нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент с ответом в атрибутивной форме. Для его проведения мы воспользовались методикой, изложенной И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой [Стернин 2011]. Участниками являлись 167 носителей (мужчины и женщины) русского языка разных профессий (возраст – 20-75 лет). Всего было зафиксировано: 252 реакции; из них различных – 113. Полученные экспериментальные данные были нами систематизированы и представлены в виде ассоциативного поля.

ОБРАЗОВАННЫЙ 167: умный 27; начитанный 22; грамотный 13; воспитанный, знающий, эрудированный 9; разносторонний 8; культурный 6; имеющий разносторонние знания, обладающий/имеющий большой багаж знаний/кругозор, умеющий поддержать разговор/беседу 5; имеющий знания в определенной сфере деятельности, имеющий образование в какой-либо деятельности, прошедший обучение, разбирающийся в каком-либо деле, решительный, способный мыслить, умеющий 3; активный, вежливый, всесторонне развитый, готовый профессионал, имеющий свое мнение во всех жизненных областях, имеющий широкий кругозор, интеллектуальный, интеллигентный, интересный, любознательный, опытный, получивший образование, просвещенный, работоспособный, разбирающийся в различных сферах, смысленный, умеющий применять знания и умения на деле 2; адаптирующийся, благородный, будущее страны, взрослый, владеет базовыми знаниями, влиятельный, думающий, занимающийся саморазвитием, знающий в достаточной мере, знающий свое дело, знающий теорию и практику в своей профессии, имеет определенные знания и умения, имеющий высшее образование, имеющий знания и опыт, имеющий свое мировоззрение, имеющий стремление к чему-либо, имеющий убеждения, интересный, качественный показатель эрудированности человека, книги, коммуникабельный, компетентный, красивый, легко находящий нужные знания, может излагать свои мысли грамотно, мозговитый, наученный, находчивый, нашедший свое призвание, нетипичный, оптимист, организованный, осмотрительный, ответственный, отучившийся в высшем учебном заведении, отучившийся в каком-либо учебном заведении, педантичный, подкованный, подобающе ведет себя, получивший знания и умения, понимающий, понимающий в определенной деятельности, постоянно развивающийся, прилежный, профессиональный, разбирается в разных областях образования, разбирающийся, разбирающийся в определенном материале, разбирающийся во всех делах понемногу, развитая устная речь, развитый, размышляющий, расширяющий свой кругозор, с большим количеством «фоновых» знаний, с большим опытом, самодостаточный, саморазвитый, самостоятельный, сильный, собранный, сознательный, сообразительный, способный в полной мере использовать все свои накопленные знания и опыт, способный извлекать необходимую информацию, способный применить знания, старательный, талантливый, толерантный, трудолюбивый, углубленно изучивший свою сферу деятельности, умело применяющий специальные знания, умеющий грамотно и логично излагать мысль, умеющий убеждать и доказывать свою точку зрения, умеющий читать и писать, целеустремленный, человек с определенным уровнем знаний, навыков, честный, чистоплотный 1.

Методом семантической интерпретации результатов экспериментальных исследований [Стернин 2011] были сформулированы психолингвистические значения слова *образованный* в современном русском языковом сознании.

ОБРАЗОВАННЫЙ

1. **Имеющий ряд интеллектуальных, личностных и нравственных качеств 0,6** (умный 0,1; начитанный 0,09; грамотный 0,05; воспитанный 0,04; разносторонний 0,03; культурный 0,02; решительный 0,01; активный, вежливый,

всесторонне развитый, имеющий свое мнение во всех жизненных областях, имеющий широкий кругозор, интеллектуальный, интеллигентный, интересный, любознательный, работоспособный, смысленный 0,008; адаптирующийся, благородный, взрослый, влиятельный, думающий, занимающийся саморазвитием, имеющий свое мировоззрение, имеющий стремление к чему-либо, имеющий убеждения, интересный, коммуникабельный, компетентный, красивый, мозговитый, наученный, находчивый, нашедший свое призвание, нетипичный, оптимист, организованный, осмотрительный, ответственный, педантичный, понимающий, подобающе ведет себя, понимающий в определенной деятельности, постоянно развивающийся, прилежный, развитый, размышляющий, самодостаточный, саморазвитый, самостоятельный, сильный, собранный, сознательный, сообразительный, старательный, талантливый, толерантный, трудолюбивый, целеустремленный, честный, чистоплотный 0,004).

2. Обладающий определенными знаниями 0,2 (знающий) эрудированный 0,04; имеющий разносторонние знания, обладающий/имеющий большой багаж знаний/кругозор 0,02; имеющий знания в определенной сфере деятельности 0,01; опытный, просвещенный, умеющий применять знания и умения на деле 0,008; владеет базовыми знаниями, знающий в достаточной мере, знающий свое дело, знающий теорию и практику в своей профессии, имеет определенные знания и умения, имеющий знания и опыт; качественный показатель эрудированности человека, подкованный, разбирается в разных областях образования, разбирающийся; разбирающийся в определенном материале, разбирающийся во всех делах понемногу, расширяющий свой кругозор; с большим количеством «фоновых» знаний, с большим опытом, углубленно изучивший свою сферу деятельности, человек с определенным уровнем знаний, навыков 0,004), **умениями и навыками 0,12** (умеющий поддержать разговор/беседу 0,02; разбирающийся в каком-либо деле, способный мыслить, умеющий 0,01; готовый профессионал, разбирающийся в различных сферах 0,008; легко находящий нужные знания, может излагать свои мысли грамотно, профессиональный, развитая устная речь, способный в полной мере использовать все свои накопленные знания и опыт, способный извлекать необходимую информацию, способный применить знания, умело применяющий специальные знания, умеющий грамотно и логично излагать мысль, умеющий убеждать и доказывать свою точку зрения, умеющий читать и писать 0,004).

3. Имеющий образование 0,05 (имеющий образование в какой-либо деятельности, прошедший обучение 0,01; получивший образование 0,008; имеющий высшее образование, отучившийся в высшем учебном заведении, отучившийся в каком-либо учебном заведении, получивший знания и умения 0,004).

Не интерпретируются: будущее страны; книги.

Из приведенных выше результатов видно, что лексема **образованный** имеет три психолингвистических значения в русском языковом сознании. Очевидно, что для носителей русского языка **образованный** – это, прежде всего, **имеющий ряд интеллектуальных, личностных и нравственных качеств**. Обращает на себя внимание тот факт, что для русского человека важно не наличие образования как такового (соответствующее психолингвистическое значение

имеющий образование является наименее ярким – ИЯ 0,05), и даже не факт обладания определенным набором знаний, умений и/или навыков (хотя психолингвистическое значение **обладающий определенными знаниями, умениями и навыками** имеет достаточно высокий индекс яркости – 0,2), а именно человеческие качества, присущие той или иной личности. Об этом же говорит Н.А. Рубакин, который приходит к выводу о том, что «действительно образованный и интеллигентный человек не может быть образованным про себя и только для себя. Он – образованный для всех, он – одно из светлых явлений в том уголке, где он живет; он – источник, он – естественный распространитель света и вообще дора в своем уголке. Но ведь на таких-то людях и держится подъем, развитие, прогресс общественной и вообще исторической жизни» [Рубакин 2011].

Отдельно хочется отметить разнообразие реакций, которые были отнесены к психолингвистическому значению **имеющий ряд интеллектуальных, личностных и нравственных качеств** – 62. Интересно, что для русского человека важно, чтобы образованный человек обладал определенным набором не только интеллектуальных, но и духовно-нравственных черт. Об этом говорят реакции *воспитанный, культурный, вежливый, благородный* и т.д., которые имеют достаточно высокий ИЯ.

Согласно полученным данным, психолингвистическое значение **имеющий образование** имеет самый низкий ИЯ – 0,05, что говорит о минимальной значимости наличия образования для респондентов, хотя было бы логично ожидать обратного, поскольку в толковых словарях русского языка зафиксировано именно значение «получивший, имеющий образование, имеющий разносторонние знания» [Ожегов 1968; Ожегов, Шведова 2013]. Данный факт заслуживает более пристального внимания, поскольку демонстрирует трансформацию ценности образования для современного носителя русского языка. Принимая во внимание, что большей частью (около 70%) наших респондентов были молодые люди в возрасте 20-25 лет, становится очевидным, что для современной русской молодежи наличие образования не является значимым. Д.Л. Хилханов и А.В. Аверьянова после проведенного в 2022 г. социологического опроса пришли к выводу, что «молодежь признает высокую роль высшего образования в обществе, она считает, что высшее образование облегчает достижение целей, помогает в трудоустройстве и в увеличении заработной платы. В то же время оно не является главным самым главным критерием успешности человека. Молодые люди считают, что в настоящее время можно сделать хорошую карьеру и достойно зарабатывать без высшего образования» [Хилханов 2023].

Всё вышеперечисленное говорит о том, что современные социальные и информационные факторы, возможность пройти онлайн-обучение и получить «корочку» за короткий период времени (от нескольких месяцев до года) для последующего трудоустройства неизбежно влияют на систему ценностей по отношению к образованию и связанных с ним понятий, что, безусловно, находит свое отражение в языке.

Результаты проведенного исследования требуют более пристального внимания, дальнейшего, глубокого осмысления. Перспективной представляется

возможность сравнить данные психолингвистического эксперимента, принимая во внимание возрастную, гендерный и территориальный аспекты.

Балданова А.Ю. Современные тренды в сфере образования / А.Ю. Балданова, М.А. Дугаржапова // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. – 2023. – №3. – С. 22-29.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2006. – 1536 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. 53 000 слов. – Изд. 7-е изд., стереотип. – М: Сов. Энциклопедия, 1968. – 900 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. ИРЯ им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – 874 с.

Рубакин Н.А. Что такое образованный, интеллигентный человек? / Н.А. Рубакин // Развитие личности. – 2011. – №1. – С. 229-235.

Селезнева К.О. Лексикографическое и психолингвистическое значение лексемы «образование» / К.О. Селезнева // Сопоставительные исследования 2022: сборник научных статей / Науч. ред. М.А. Стернина. – Вып. 19. – Воронеж: РИТМ, 2022. – С. 129-134.

Селезнева К.О. Психолингвистическое исследование лексем «образование» (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) / К.О. Селезнева // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – № 4. – С. 60-62.

Селезнева К.О. Результаты компонентного анализа лексических единиц, входящих в состав тематической группы «Общие номинации педагогов» / К.О. Селезнева // Казанская наука. – 2019. – № 3. – С. 99-103.

Селезнева К.О. Тематическая группа «Образование» в лексикографических источниках / К.О. Селезнева // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Воронеж: РИТМ, 2021. – Вып. 8. – С. 115-122.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Хилханов Д.Л. Значимость высшего образования для современной молодежи / Д.Л. Хилханов, А.В. Аверьянова // Педагогический ИМИДЖ. – Т. 17. – 2023. – № 2. – С. 125-134.

А.А. Стеганцова (Воронеж)

ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАНИЯ ШКОЛЬНИКАМИ ЛЕКСИКИ МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ

Аннотация. В статье с помощью свободного ассоциативного эксперимента выявляются возрастные особенности понимания школьниками лексики морально-правственной сферы. На примере слов *мораль* и *нравственность* сопоставляются особенности ассоциирования у пятиклассников и девятиклассников.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, возрастные особенности, ассоциирование

Abstract. In the article, using a free associative experiment, age-related features of schoolchildren's understanding of the vocabulary of the moral sphere are revealed. Using the

example of the words *moral* and *nравственност*, the features of association in fifth and ninth graders are compared.

Keywords: free associative experiment, age characteristics, association

В русле изучения влияния фактора возраста на протекание ассоциативных процессов мы обратились к изучению знания лексики морально-нравственной сферы школьниками разных возрастов. Исследование значений абстрактных слов как компонента возрастного языкового сознания важно в плане выявления процессов становления как языка, так и мышления. Появление абстрактного мышления тесно связано с обучением, учебной деятельностью. Подростковый период особо чувствителен к той стороне деятельности, которая касается отношений с людьми, усвоения норм, правил, моделей этих отношений [Сапогова 2001, с. 331].

Актуальность темы связана с потребностями подготовки школьников к написанию сочинения в формате ОГЭ на темы, требующие изъяснения ценностных понятий, которые в силу своей отвлеченности представляют серьезную объективную трудность для толкования подростками.

Цель нашего исследования – определить возрастные особенности понимания школьниками лексики морально-нравственной сферы.

Для достижения цели был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ) со школьниками 5 и 9 классов. В эксперименте приняли участие 47 учеников 5 класса и 32 ученика 9 класса МБОУ гимназия им. И.А. Бунина г. Воронежа. Задача участников эксперимента заключалась в записи первой реакции на слова из списка слов морально-нравственной сферы. Затем полученные ассоциации были подвергнуты семантической интерпретации по методике И.А. Стернина [Стернин 2011], сформулированы психолингвистические значения, был вычислен индекс яркости значений, проведено сравнение психолингвистических значений и ассоциативных полей у учащихся разных возрастов.

Рассмотрим полученные результаты на примере лексем-стимулов **мораль** и **нравственность**.

МОРАЛЬ (5 класс)

Ассоциативное поле

Мораль 47: *смысл 6, вывод 5, основная мысль 2, такова 1, боль 1, басня 1, жизнь 1, мысль 1, это то что учит человека 1, книга 1, привет 1, морально хорошо 1, земля 1, суть 1, мода 1, мел 1, море 1, рояль 1, халыва 1, БТР 1, бумага 1, давить на жалость 1, что-то 1, грусть 1, цветок 1, #жизнь-боль1. Отказ 6.*

Психолингвистическое значение

1. Смысл 10 (*смысл 6, основная мысль 2, мысль 1, суть 1*), поучительный вывод 7 (*вывод 5, морально хорошо 1, это то что учит человека 1*), обычно из басни 3 (*басня 1, книга 1, такова 1*). ИЯ 0,42

Не интерпретируются 16: *боль 1, жизнь 1, привет 1, земля 1, мода 1, мел 1, море 1, рояль 1, халыва 1, БТР 1, бумага 1, давить на жалость 1, что-то 1, грусть 1, цветок 1, #жизнь-боль 1. ИЯ 0,34*

Сопоставление с лексикографической фиксацией значения данного слова в Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова показывает, что в

языковом сознании пятиклассников ярко сформировано значение, указанное вторым в словаре:

МОРАЛЬ, -и; ж. [франц. morale от лат. moralis – нравственный]. 1. Совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу; нравственность. *Общечеловеческая м. Христианская, средневековая м. М. нового времени. Придерживаться какой-л. морали. Отвергать, опровергать требования морали.* 2. Нравственный вывод, урок из чего-л. *М. басни. Найти м. в чем-л. рассказе.* 3. Разг. Нравоучение, наставление. *Читать м. Устать от моралей».*

Первое словарное значение не находит отражения в ассоциатах. Таким образом, САЭ показывает, что у пятиклассников значение слова **мораль** формируется на основе конкретной учебной ситуации, связанной с изучением в этом возрасте басен И.А. Крылова. Показательна синтагматическая реакция *такова* – это часть традиционной концовки басни: «Мораль сей басни такова». Индекс яркости не интерпретируемых реакций 0,34 в совокупности с отказами свидетельствуют о том, что значение данного слова в целом недостаточно понятно пятиклассникам.

НРАВСТВЕННОСТЬ (5 класс)

Ассоциативное поле

Нравственность 47: *нравиться 10, любовь 3, милость 2, пустота 2, нравишься 2, дождь 1, нравиться себе 1, себя любить 1, добрый 1, внешность 1, кактус 1, когда ты кому-то нравишься 1, характер 1, литература 1, добро 1, долг 1, автобус 1, не знаю 1, красота 1, нрав 1, вера 1, палец 1, цвет 1, труба 1, тюльпан 1, нарцисс 1, эмоции и чувства 1, душа человека 1.* Отказ 3.

Психолингвистическое значение

1. Произведение на кого-либо приятного впечатления 15 (*нравиться 10, нравишься 2, внешность 1, когда ты кому-то нравишься 1, красота 1*). ИЯ 0,3

2. Положительное качество человека 11 (*любовь 3, милость 2, добрый 1, добро 1, долг 1, нрав 1, эмоции и чувства 1, душа человека 1*), формируется с помощью литературы, религии 2 (*литература 1, вера 1*). ИЯ 0,23

3. Восприятие себя как положительного человека 3 (*нравиться себе 1, себя любить 1, нарцисс 1*). ИЯ 0,06

Не интерпретируется 7: *дождь 1, кактус 1, автобус 1, палец 1, цвет 1, труба 1, тюльпан 1*. ИЯ 0,14

Сравним полученное второе значение со словарным:

«НРАВСТВЕННОСТЬ, -и; ж. 1. Внутренние (духовные и душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям и природе. *Человек высокой, безупречной нравственности. Развитие нравственности. Требования нравственности. Слабые, жалкие представления о нравственности. Упадок нравственности.* 2. Совокупность норм, правил поведения человека в обществе и природе, определяемые этими качествами. *Законы, кодекс, нормы нравственности».*

В ответах пятиклассников на этот стимул мы видим, что у испытуемых с ним связано в целом верное представление о том, что это понятие относится к сфере внутренних (духовных и душевных) качеств человека. Среди реакций

много слов с абстрактным значением. Три раза в АП встречается слово «любовь» – нравственный человек способен на любовь и заботу о других людях. Понятие милости может ассоциироваться у учащихся с нравственностью потому, что милость – это акт доброты или сострадания, который проявляется в помощи или прощении кого-то, т.е. в нравственном поступке. Вместе с тем индекс яркости у сформированного психолингвистического значения невысок и само значение уступает по яркости первому значению, которое можно определить как «ложное». Большинство учащихся в качестве реакции на слово **нравственность** дают слова «нравиться», «нрависься», «нравиться себе», руководствуясь созвучием корней. Это фонетические ассоциации, которые являются результатом поиска слова в лексиконе только по форме или по форме и содержанию одновременно. Подобные реакции характерны для детей такого возраста [Нефедова 2003, с 18].

Рассмотрим результаты САЭ с девятиклассниками.

МОРАЛЬ (9 класс)

Ассоциативное поле

Мораль 32: *басня 7, вывод 5, мысль 2, правильная мысль 2, зло и добро 2, басни 1, басни Крылова 1, выводы 1, духовный мир 1, нравственный урок 1, учение 1, осознание 1, нравственность 1, закон 1, сильная сторона человека 1, правда 1, принципы.* Отказ 1.

Психолингвистическое значение

1. Нравственный вывод, урок 12 (*вывод 5, выводы 1, мысль 2, правильная мысль 2, нравственный урок 1, осознание 1*), обычно из басни 9 (*басня 7, басни 1, басни Крылова 1*). ИЯ 0,65

2. Учение 3 (*учение 1, принципы 1, закон 1*) о добре и зле 3 (*зло и добро 2, духовный мир 1*). ИЯ 0,16

3. Внутренние качества человека, основанные на идеалах добра и правды 5 (*зло и добро 2, духовный мир 1, правда 1, сильная сторона человека 1*). ИЯ 0,15

Так же, как и у пятиклассников, у девятиклассников наиболее сформированным оказывается значение «нравственный вывод», о чем убедительно свидетельствует его высокий индекс яркости (0,65).

Кроме того, хотя и с меньшим ИЯ, в ассоциатах девятиклассников объективируется и значение с более высоким уровнем абстрагирования – «учение» и «внутренний мир» человека.

Характерно, что в АП девятиклассников практически нет слов, которые не входили бы в смысловое поле нравственности, отказ дан всего один. Таким образом, понимание значения слова девятиклассниками соответствует в целом «взрослому», зафиксированному в толковом словаре.

НРАВСТВЕННОСТЬ (9 класс)

Ассоциативное поле

Нравственность 32: *воспитание 3, правильность 2, религия 2, урок 2, учитель 2, черта характера 2, вера 1, выбор 1, добродушие 1, духовность 1, жизнь 1, ладно 1, мораль 1, понятие правильного 1, понятие о правильных отношениях 1, уроки 1, учение 1, православие 1, сильный человек 1, то что есть у каждого 1, церковь 1, чувства 1, человечность 1.* Отказ 1.

Психолингвистическое значение

1. Душевные качества, черты характера человека 10 (*правильность 2, черта характера 2, добродушие 1, духовность 1, человечность 1, чувства 1, сильный человек 1, то что есть у каждого 1*), которые формируются с помощью воспитания 3 (*воспитание 3*), например, в школе 2 (*учитель 2*). ИЯ 0,47

2. Совокупность норм, правил жизни 8 (*урок 2, мораль 1, понятие правильного 1, понятие о правильных отношениях 1, уроки 1, учение 1, жизнь 1*). ИЯ 0,25

3. Являющееся религиозной ценностью 5 (*религия 2, вера 1, духовность 1, православие 1, церковь 1*). ИЯ 0,15

Семантическая интерпретация показывает, что в 9 классе школьники уверенно соотносят понятие **нравственность** с категорией правильности поведения, с положительными качествами человека, а также с тем, что эти качества формируются в результате воспитания, в том числе в школе. ИЯ первого значения приближается к 50%.

Индекс яркости второго значения в 2 раза ниже, т.е. четверть испытуемых выделила это более абстрактное значение, чем первое. Вместе с тем, у пятиклассников данное значение отсутствует, равно как и третье, связывающее понятие нравственности с религией.

Показательно также, что в реакциях на предъявленные слова стимулы возникают друг у друга как симиляры, т.е. на стимул **мораль** есть ответ **нравственность**, а на стимул **нравственность** есть ответ **мораль**, что говорит о том, что в сознании детей понятия стали связываться, образуя своего рода систему.

Для старшего возраста характерны также такие доминанты в ответе, как *правильность (4), уроки (3) и воспитание (3)*.

Интересно появление реакции *урок*. Значение этой лексемы для школьника может трактоваться как форма обучения, в ходе которой ученики могут изучать и обсуждать различные этические принципы, нормы и правила поведения, что способствует развитию их нравственности. С другой стороны, школьники в процессе подготовки к написанию сочинений регулярно встречаются с сочетанием *нравственный урок*, так что это может быть и синтагматической реакцией на стимул.

Таким образом, интерпретация результатов САЭ показывает, что опорой для осмысления значения слова **мораль** школьниками является изучение басен в средней школе, по мере взросления семантика слова приобретает большую степень абстракции, но именно это значение и остается первым в языковом сознании учеников. Доля не интерпретируемых ответов пятиклассников свидетельствует о недостаточной, неполной сформированности в их сознании этого понятия, о преобладании конкретного в его осмыслении. Еще менее определенным является для пятиклассников смысл слова **нравственность**. Только треть участвовавших в эксперименте школьников связали его с внутренними качествами человека, «правильным» поведением. Факт преобладания фонетической реакции *нравиться* можно рассматривать как свидетельство слабого понимания понятия «нравственность» школьниками этого возраста.

К 9 классу ситуация меняется. Учащиеся более полно и правильно понимают значение слов **мораль** и **нравственность**, ассоциируя их друг с другом и понятиями о добре и зле, правильности, воспитании, духовности.

Вместе с тем, учитывая, что в девятом классе идет интенсивная подготовка к сочинению в формате ГИА на морально-нравственные темы, можно отметить определенную бедность, однообразие ассоциатов, отсутствие более конкретного, дифференцированного наполнения этих абстрактных понятий. Например, в списке тем, рекомендованных Федеральным институтом педагогических измерений (ФИПИ), есть такие: Что такое нравственный выбор? Как доброта меняет человека? Почему нельзя бросать человека в беде? Как характеризуют человека его нравственные ценности? Какие жизненные ценности важны? и т.п. Для раскрытия таких тем в активном лексиконе школьника должны быть слова, характеризующие моральные качества человека, его поступки с позиций соотношения добра и зла. Например, *доброта, великодушие, милосердие, сострадание, правдивость*, с одной стороны, и *лживость, эгоизм, зависть, злоба, мстительность* – с другой. Проведенный эксперимент показывает, что эта лексика не возникает в сознании школьников в виде ассоциаций со словами **мораль** и **нравственность**, соответственно необходима целенаправленная работа по формированию этой части словарного запаса школьников.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Инт. лингвист. исслед. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1535 с.

Нефедова В.А. Зона фонетического реагирования в ассоциативном словаре школьника: На материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.А. Нефедова. – Саратов, 2003. – 25 с.

Сапогова Е.Е. Психология развития человека / Е.Е. Сапогова. – М.: Аспект пресс, 2001. – 460 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

А.А. Степаненко (Воронеж)

УНИВЕРБАТЫ ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ И ЭКСПЕРИМЕНТА

Аннотация. В статье рассматриваются универбаты с точки зрения отражения их стилистической маркированности в словарях и понимания их семантики носителями языка.

Ключевые слова: универбаты, стилистическая маркированность, рецептивный эксперимент

Abstract. The article examines univerbaty from the point of view of reflecting their stylistic markings in dictionaries and understanding of semantics by native speakers.

Keywords: univerbaty, stylistic marking, receptive experiment

В современной языковой ситуации в области словообразования наблюдается активизация процессов, основанных на разного рода компрессии элементов. Одним из них является универбация, ставшая необычайно

продуктивной в разговорной речи. Сутью процесса универбации, по определению Л.И.Осиповой [Осипова 1999], является образование слова на базе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват по форме соотносится с одним словом, а по смыслу – с целым словосочетанием. Масса таких существительных возникает с помощью суффикса -к(а) на базе сочетаний «прилагательное + существительное».

В настоящее время универбация активно исследуется в разных аспектах: анализируется мотивационная база слов-универбатов, особенности их лексического и словообразовательного значения, стилистические характеристики [Дозорова 2018].

Целью нашего исследования стало изучение отражения универбатов в толковых словарях с точки зрения их семантики и стилистической маркированности, а также понимание данных слов носителями языка.

Материалом исследования на первом этапе стали 117 словарных единиц, которые методом сплошной выборки были отобраны из пяти словарей, созданных в разное время, а также из интернет- текстов.

Собранные универбаты были расклассифицированы по тематическому принципу на 13 групп. Наиболее наполненными оказались: группа «учебный процесс», включающая 15 слов (*началка* – начальная школа, *читалка* – читальный зал и др.); группа «транспорт», включающая 14 слов (*моторка* – моторная лодка, *электричка* – электрический поезд и др.); группа «медицина», включающая 13 слов (*ветрянка* – ветряная оспа, *марганцовка* – марганцевая кислота и др.). Шесть слов-универбатов не вошли ни в одну из тематических групп (*кругосветка* – кругосветное путешествие, *невидимка* – невидимое существо и др.).

В результате анализа стилистических помет существительных-универбатов в пяти толковых словарях разных лет издания (см. список литературы) были сформированы группы на основании сходства/различия помет. В группе слов, не обладающих стилистическими пометами (10 словарных единиц), все универбаты являются стилистически нейтральными, следовательно, они стали узуальными лексическими единицами, т.к. давно и регулярно употребляются в речи (*антоновка*, *винтовка*, *грузовик*, *испанка*, *косоворотка*, *открытка*, *поганка*, *просрочка*, *пятилетка*, *сезонник*).

В группе слов с абсолютным сходством помет (47 словарных единиц) большинство универбатов кодифицируются как разговорные (*гречка*, *валерьянка*, *минералка*, *ночнушка*, *марганцовка* и т.д.)

В группе слов с различием в одной помете (23 словарные единицы) были выявлены 2 тенденции: смена помет «просторечное» на «разговорное» (*попутка*, *подсобка*, *неотложка* и др.) и смена пометы «разговорное» на отсутствие стилистической кодификации (*бетонка*, *дубленка*, *визитка*, *невидимка*, *парковка*), что свидетельствует о переходе слов из разряда лексики ограниченного употребления в разряд межстилевой лексики.

Группа слов, не представленная ни в одном из взятых словарей (33 лексические единицы), включает, главным образом, слова из профессиональных жаргонов, в которых по модели универбации может

возникать неограниченное количество новых слов (*дипломка* – дипломная работа, *атипичка* – атипичная пневмония и т.д.).

Проведенное исследование показало, что доминирующей тенденцией в стилистической маркированности слов-универбатов в словарях является повышение их стилистического статуса.

На втором этапе исследования мы провели рецептивный эксперимент с целью проверить знание и понимание универбатов носителями языка. Участникам опроса был предъявлен список из 25 слов, в который вошли как словарные единицы, так и единицы, не зафиксированные словарями. Испытуемым предлагалось ответить на вопрос, знают ли они значение слова и дать его толкование. Было опрошено 70 человек разных возрастных категорий: 16 человек (23% от общего количества) – подростки 14-18 лет, 35 человек (50%) – юноши и девушки 18-25 лет, 10 человек (14%) – мужчины и женщины 25-35 лет, 9 человек (13%) – мужчины и женщины 35-55 лет.

Наиболее известными и правильно толкуемыми универбатами во всех возрастных группах стали: *демка* – демонстрационная версия (72% от общего количества опрашиваемых), *кассетник* – кассетный магнитофон (86%), *комиссионка* – комиссионный магазин (77%), *пяtilетка* – пятилетний план работы (69%).

Наименее известными универбатами для всех возрастных групп стали: *атипичка* – атипичная пневмония (7% от общего количества опрашиваемых), *временка* – временное помещение (7%), *генералка* – генеральная репетиция (10%), *иностранка* – иностранная библиотека (14%). Приведенные данные свидетельствуют о низкой распространенности медицинского жаргона в коммуникативной среде всех возрастных групп, ограниченной сфере употребления профессионального жаргона.

Приведем наиболее известные и правильно толкуемые универбаты в отдельных возрастных группах:

- подростки 14-18 лет: *демка* – 69%, *дипломка* – 69%;
- юноши и девушки 18-25 лет: *кассетник* – 91%, *демка* – 86%, *антоновка* – 80%;
- мужчины и женщины 25-35 лет: *дежурка* – 100%, *кассетник* – 100%, *комиссионка* – 100%, *передовик* – 90%;
- мужчины и женщины 35-55 лет: *комиссионка* – 100%, *антоновка* – 89%, *бутырка* – 100%, *бытовка* – 89%, *гражданка* – 89%, *дипломка* – 89%, *иностранка* – 89%, *кассетник* – 89%, *пяtilетка* – 89%, *передовик* – 89%, *финка* – 89%.

Универбаты, которые получили наименьшее количество правильных значений или полностью трактовались неверно:

- подростки 14-18 лет: 0% правильных ответов – *антоновка*, *дюшка*, *иностранка*, *наружка*, 6% правильных ответов – *атипичка*, *временка*;
- юноши и девушки 18-25 лет: 6% правильных ответов – *атипичка*, *генералка*, *иностранка*;
- мужчины и женщины 25-35 лет: 0% правильных ответов – *атипичка*, *иностранка*;

- мужчины и женщины 35-55 лет: 0% правильных ответов – *времянка*, *термалка*.

Отметим, что в трех первых возрастных группах незнание может объясняться незнанием профессиональных жаргонов, а также незнанием реалий прошлого века.

Таким образом, наибольшее количество неправильных ответов вызвали следующие слова: *атиичка* – что-то необычное/нетипичное (24% от общего количества опрашиваемых), *бутырка* – музыкальный исполнитель (24%), *гражданка* – жительница определенного государства (54%), *иностранка* – женщина из другой страны (66%), *генералка* – генеральная уборка (29%), *отчетник* – бумажный отчет (39%), *оперативка* – оперативная память (66%), *термалка* – что-то связанное с температурой (25%), *финка* – жительница Финляндии (22%).

Также по результатам рецептивного эксперимента были выявлены слова, толкование которых отказалось давать наибольшее количество опрашиваемых из разных возрастных групп: *атиичка* (57% отказов), *блочка* (55% отказов), *дюшка* (54% отказов), *струйник* (46% отказов), *термалка* (46% отказов). Данные свидетельствуют о низкой распространенности этих слов в речевой практике.

Анализ причин неверного понимания предъявленных слов позволил выявить следующие факторы.

1. Звуковая ассоциация с другим словом: *атиичка* (атипичная пневмония) – большинство представителей из разных возрастных групп (13% группа до 18 лет; 26% группа до 25 лет; 40% группа до 35 лет; 22% группа до 55 лет) толкуют универбат как «что-то необычное/нетипичное»; *наружка* (наружная охрана) – у людей из возрастной группы до 18 лет (25%) и группы до 25 лет (14%) вызывает ассоциации с лексемой «наружность», вследствие чего универбат толкуется как «внешность человека»; *дюшка* (детско-юношеская спортивная школа) – люди из возрастной группы до 18 лет (44%) толкуют слово как «напиток «дюшес»» в результате созвучия лексем «дюшес» и «дюшка» и др.

2. Влияние омонимии: *гражданка* (гражданская жизнь) – большинство представителей разных возрастных групп (62% группа до 18 лет; 60% группа до 25 лет; 70% группа до 35 лет) толкуют словарную единицу как «жительница определенного государства»; *иностранка* (иностранная библиотека) – большинство представителей из разных возрастных групп (75% группа до 18 лет, 74% группа до 25 лет, 80% группа до 35 лет) толкуют словарную единицу как «женщина из другой страны».

3. Актуализация использования феминитивов в современной речевой практике: *генералка* (генеральная репетиция) – в группе до 18 лет большее количество опрошенных (25%) понимают универбат как феминитив «жена генерала/женщина-генерал».

4. Актуализация нового значения под влиянием распространенного профессионального жаргона: *оперативка* (короткое совещание по текущим вопросам) – в группе до 25 лет 29% опрошенных истолковали универбат как «оперативная память».

5. Сходство словообразовательных моделей: *антоновка* (сорт яблок) –

группа до 18 лет в большинстве (50%) понимает словарную единицу как «населенный пункт»; *пятилетка* (пятилетний план работы) – представители возрастной группы до 18 лет (25%) толкуют словарную единицу как «пятилетний ребенок» из-за схожести словообразовательной модели для обозначения возраста человека.

б. Влияние общественной обстановки на речевую практику: *передовик* (тот, кто опережал других в работе, добивался наилучших результатов) – 26% опрошенных из группы до 25 истолковали словарную единицу как «военный, находящийся на передовой линии»; *кассетник* (кассетный магнитофон) – небольшое количество испытуемых из группы до 18 лет (13%) придали слову «военное» значение – «что-то для боеприпасов».

Таким образом, психолингвистический подход к изучению универбации позволяет прояснить степень узуальности иokkaзиональности новообразований, а также их актуальную семантику в современной речевой практике.

Большой толковый словарь русских существительных / Ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 862 с.

Большой толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

Дозорова Д.В. Структура, семантика и функции универбатов в современной русской речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.В. Дозорова – М., 2018. – 24 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: АСТ, 2005.

Малый академический словарь: в 4 т. / Ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (суффиксальная универбация, усечение): дис. ... доктора филол. наук / Л.И. Осипова. – М.: 1999. – 506 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Аделант, 2014.

Т.В. Тимошина (Воронеж)

АКТУАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В РЕЧИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Аннотация. Проведено исследование общеизвестных слов с новыми значениями, выявленными в результате ассоциативного эксперимента, актуализированными в речи старшекласников. Показано, что такие значения требуют дальнейшего лингвистического осмысления и описания. В рамках семасиологии такого рода значения относят к числу *несистемных*.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, актуализация новых значений слов, несистемное значение

Abstract. A study of well-known words with new meanings revealed as a result of the association experiment, updated in the speech of high school students. It is shown that such meanings need further linguistic understanding and description. Within the framework of semasiology such meanings are *nonsystem*.

Keywords: associative experiment, actualization of new meanings of words, non-systemic meaning

Уже к началу XXI века в отечественной лингвистике установилось мнение, что язык – это антропологический феномен, и лингвистические исследования переориентировались на новую парадигму – антропоцентрическую [Кубрякова 1995, с. 136].

Антропоцентрическая парадигма имеет давние исторические корни, восходящие еще к идеям В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1985, с. 234], которые получили развитие, в частности, в трудах Э. Бенвениста [Бенвенист 2002, с. 15] и были продолжены в исследованиях отечественных языковедов до настоящего времени. Так, Е.С. Кубрякова отмечает, что человек становится точкой отсчета в анализе любых происходящих явлений и неизбежно в этот анализ вовлекается. Антропоцентрический принцип в лингвистике предполагает связь языка с такими первостепенными сферами, как мышление, сознание, духовные ценности, коммуникация, культура и вообще всем, что с человеком происходит [Кубрякова 1991, с. 212-216].

Таким образом, антропоцентрический подход к языку в XXI столетии стал общепризнанным, предполагая исследование реального языкового сознания человека, в частности, понимание того, как человек употребляет слова и переосмысливает их значения.

В современном научном обиходе прочно укрепился термин «актуализированная лексика», под которой понимаются лексические единицы, «повысившие в современном русском языке свою функциональную значимость и характеризующиеся частотностью употребления вследствие актуализации обозначаемых ими понятий и явлений» [Милованова 2001, с. 4].

Под актуализированной лексикой мы понимаем обычные, всем известные слова, с которыми произошли семантические, а также стилистические, оценочные и другие изменения. Частота употребления слов с развившимися у них новыми значениями напрямую связана с актуализацией обозначаемых ими понятий, явлений и предметов. Возрастающая интенсивность актуализации лексики и новых значений слов в современном языке, бесспорно, связана с ускорением происходящих изменений в социуме и в сознании носителей языка.

И.А. Стернин отмечает, что активизация «проявляется в заметном увеличении частотности лексики определенных семантических разрядов или отдельных лексических единиц» [Стернин 2004, с. 50].

По мнению Г.Н. Складневской, актуализированные слова – это обычные, привычные слова, подвергнувшиеся актуализации, т.е. претерпевшие семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения [Складневская 2004, с. 7].

Новые значения уже известных в языке слов, как правило, ограничены в употреблении, известны не всем и проявляются особенно активно в речи подрастающего поколения и учащейся молодежи.

Такие значения слов не являются системными (то есть общеизвестными всем говорящим и зафиксированными в толковых словарях и текстах), а используются внутри больших и малых групп носителей языка, вследствие чего могут быть названы *несистемными групповыми* или *микрогрупповыми*

значениями. Именно такие значения обновляются и актуализируются чаще всего и характеризуются: 1) ограниченным временем бытования, 2) локальной сферой распространения (принадлежностью к социальной группе, профессиональной или корпоративной микрогруппе), 3) возрастной принадлежностью пользователей, 4) степенью известности (подтверждается индексами яркости и числом отказов при проведении ассоциативных экспериментов) [Тимошина 2013, с. 40-52].

Разграничение понятий системного и несистемного необходимо признать одним из назревших вопросов современной лингвистики. При этом под *системным* в языкознании понимается все устойчивое, зафиксированное, упорядоченное, а под *несистемным* – случайное, разовое, контекстуальное, индивидуальное и т.п. Иначе говоря, априори предполагается, что описание языка должно быть системным, чтобы выявить и зафиксировать все устойчивое и закрепленное в целях обучения языку, для составления нормативных словарей, грамматик и т.д. [Попова 2007].

В отличие от традиционных лексикографических значений, такие недавно образовавшиеся в устной речи, ограниченные в употреблении значения не успевают быть зафиксированными толковыми словарями, являются фактом когнитивного сознания носителей языка; они могут быть выявлены путем ассоциативных экспериментов, лингвистических опросов и сформулированы на основе семантической интерпретации экспериментальных данных [Стернин 2011, с. 34-41, 127-138], являясь психолингвистическими значениями общеизвестных в языке слов.

Развитие новых значений у уже имеющихся в языке слов представляет особый интерес для изучения, поскольку это неисчерпаемый источник пополнения лексики во всем экспрессивном и стилистическом разнообразии и одновременно возможность экономии языковых средств. Общеизвестно, что переосмысление старых слов, образование у них новых значений – закономерный языковой процесс.

Необходимо отметить, что микрогрупповые значения, представленные в языковом сознании закрытых микрогрупп лиц, состоящих между собой в регулярной коммуникации, являются одним из наименее изученных типов лингвистических значений.

Приведем примеры новых *микрогрупповых* значений слов по результатам ассоциативного эксперимента, проведенного в старших классах МЮОУ гимназия №2 г. Воронежа в 2022 г. (в случае многозначности значения приводятся по убыванию индекса яркости):

Бомба – что-то очень «крутое».

Бомбить – 1) вызывать раздражение и напряжение; 2) играть на музыкальном инструменте.

Ботаник – 1) умный, ученый человек, 2) ученик-зубрила, много читающий.

Вирус – 1) коронавирус, 2) источник болезни, 3) компьютерный вирус.

Грузить – привносить сложности и проблемы.

Доставать – надоедать, сильно раздражать, докучать.

Жестко – твердо, безапелляционно.

Жесть – страшное ощущение, ужас, кошмар, что-то предельно шокирующее.

Зависать – очень медленно, тупо соображать.

Зажигать – веселиться, отдыхать с размахом на вечеринке, дискотеке и т.д.

Запилить – сделать что-то, организовать, например, в соцсетях (видеобзор).

Засветиться – обнаружить себя, стать заметным.

Зачётный – крутой и классный, отличный, первосортный.

Индиго – особенный ребенок, вундеркинд, с редкими способностями, одаренный.

Конкретный – качественный, хороший.

Корона – коронавирус, вирусное заболевание.

Косяк – 1) сигарета, самокрутка, трава для курения, 2) ошибка, вина, промах, провинность, создающая проблему.

Навороченный – дорогой, престижный, снабженный сложной аппаратурой, модный.

Накручивать – выдумывать и преувеличивать проблему, заставлять волноваться.

Неформал – необычный, не похожий на других, нетрадиционный, неадекватный, странный.

Орать – сильно и громко смеяться.

Отключиться – 1) крепко уснуть; 2) потерять сознание.

Пахать – много работать, до устали, как раб.

Пельмень – медлительный, инертный человек, неудачник.

Позитив – веселый настрой, радостное чувство, оптимизм.

Рак – неумелый человек, неспособный играть в компьютерные игры, как будто у него клешни вместо рук.

Реальный – качественный, надежный, вызывающий одобрение.

Скинуть – 1) отправить в переписке, отослать, 2) похудеть, сбавить вес.

Тема – повод для разговора, для обсуждения.

Тормоз – тугодум, медлительный, плохо соображающий человек.

Тупить – плохо, медленно соображать.

Угарный – очень веселый, бесшабашный.

Чёткий – превосходный, прекрасный, отлично организованный и выполненный.

Чётко – хорошо, правильно, быстро.

Рассмотрим подробнее так называемые *микрорупповые* значения, то есть значения, представленные в языковом сознании закрытой микрорупповыи лиц, связанных друг с другом социальными отношениями и состоящих между собой в регулярной коммуникации (в данном случае в узком *коллективе учащихся*), не используемые и не понимаемые вне данного круга.

Приведем примеры по результатам лингвистического опроса старшеклассников – учащихся Регионального центра по работе с одаренными детьми (АУ ВО «Пансионат с лечением «Репное»), проведенного в 2018 году:

Блондинка – не понимающий физику человек.

Большевики – маленькие дети из 5-6-х классов.

- Бомжатник** – сбор с друзьями и песни под гитару.
Бубенцы – наушники.
Водоросль – длинный, нескладный человек.
Волкодав – маленькая собачка.
Головастики – младшеклассники.
Дырка – плохой футбольный вратарь.
Киндер-сюрприз – неопределенный пол ребенка, еще не родившегося.
Клоповник – рекреация младших классов.
Коммерсант – абитуриент, студент коммерческого набора.
Консилиум – педсовет.
Контактер – проводящий много времени в сетях.
Котята – школьники в Репном (так зовет наставник).
Леди – девушка, не отличающаяся интеллигентностью.
Мальки – младшеклассники.
Огрызок – гаджет марки Apple.
Пепельница – курящий человек.
Победитель (по жизни) – кто-то опозорившийся.
Поганцевать – подраться за гаражами.
Программист – профан, не знающий ИКТ.
Слиться – уйти неожиданно.
Собеседник – поступающий по собеседованию.
Таджик – форма бровей.
Тёрки – близкие отношения.
Штаб – ординаторская.
Эрудит – очень тупой человек.

Выявленные микрогрупповые значения часто содержат ироническую коннотацию, нередко являясь метафорическим переносом по визуальному или функциональному сходству, реже переносом метонимическим; все это подтверждает интеллектуальность и образность речевого сознания носителей языка данной микрогруппы.

Таким образом, новое значение слова чаще всего возникает как один из многочисленных видов метафорического переноса. Такие значения могут быть ироничными, часто свидетельствуют о наблюдательности и лингвокреативности носителей языка; они представлены в языковом сознании данной группы носителей языка и свидетельствуют об их способности к речетворчеству.

Несистемные групповые и микрогрупповые значения общеизвестных слов, актуализирующиеся в современном языковом процессе, нуждаются в разностороннем изучении и систематизации.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю.С. Степанова. – Изд. 2, стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.

Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт [пер. с нем.]; сост. общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.

Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е.С. Кубрякова, А.М. Шахнарович, Л.В. Сахарный; отв. ред. Е.С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – 238 с.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995.

Милованова О.В. Актуализированная лексика русского языка новейшего периода: по материалам толковых словарей: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Милованова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001.

Попова З.Д. Общее языкознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ Восток – Запад, 2007. – 408 с.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская. – 2-е изд., стереотип. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 150 с.

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века / И.А. Стернин. – Воронеж, 2004. – 93 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Тимошина Т.В. Несистемные аспекты семантики слова: [Монография] / Т.В. Тимошина. – Воронеж: Изд.-полигр. центр ВГПУ, 2013. – 181 с.

И.И. Торубарова (Воронеж)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЗНАЧИМОЙ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ МЕДУНИВЕРСИТЕТА: АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Аннотация. В статье описан направленный ассоциативный эксперимент, использованный для выявления профессионально-культурной специфики языкового сознания представителей медицинской профессии. Эксперимент подтвердил наличие специфики формирования языкового сознания среди представителей профессионального сообщества.

Ключевые слова: направленный ассоциативный эксперимент, языковое сознание, представители медицинской профессии

Abstract. The article describes a directed associative experiment used to identify the professional and cultural specificity of the linguistic consciousness of medical professionals. The experiment supported the presence of specificity in the developing linguistic consciousness among representatives of the professional community.

Keywords: directed associative experiment, linguistic consciousness, medical professionals

Введение. Исследования языкового сознания (ЯС), которые проводятся в рамках лингвистики, психолингвистики, психологии, социолингвистики, лингвокультурологии и многих других дисциплин, позволяют совершенствовать и расширять наши знания о межкультурном общении и с успехом применять их на практике. Существует много трактовок термина «языковое сознание»; мы разделяем точку зрения Е.Ф. Тарасова, утверждавшего, что языковое сознание (ЯС) – это совокупность образов сознания, которые представлены в виде «слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и

ассоциативных полей» [Тарасов 2004, с. 36]. При этом, «не слово само по себе, а общественно накопленные знания, объективированные в слове, являются стержнем сознания» [Рубинштейн 2012, с. 244-245]. Исходя из этих предпосылок, можно говорить не только о национально-культурной, но и о профессионально-культурной специфичности ЯС. Говорят о «профессиональном языковом сознании», которое формируется и репрезентируется с помощью «профессионально-ориентированных языковых средств» [Алферова 2005, с. 5].

Метод ассоциативного эксперимента (АЭ) применялся учеными для исследования национально-культурной [Уфимцева 1996] и профессионально-культурной специфики ЯС [Вилисова 2012; Родионова 2015]. Цель нашей работы – выявить особенности репрезентации профессионально-значимой лексики **мозг** в языковом сознании студентов-медиков как представителей профессиональной культуры.

Материалы и методы. Данная работа является частью большого исследования, изучающего психолингвистические особенности репрезентации профессионально-значимой лексики в языковом сознании различных популяционных групп. Термин **мозг** был выбран в качестве слова-стимула намеренно, так как данный орган является ключевым, регулирующим жизненно-важные функции, эмоции и поведение, а также высшие когнитивные функции человеческого организма [Miller 2000].

Был проведен направленный ассоциативный эксперимент (НАЭ), в котором приняли участие 42 студента медико-профилактического факультета ВГМУ им. Н.Н. Бурденко. Студенты медицинского вуза с первого года обучения включены в клиническую практику по уходу за больными, уже на первом году изучают специальные гигиенические дисциплины, таким образом, их с полным правом можно считать представителями профессионального сообщества.

Возраст испытуемых составил 18-20 лет. НАЭ проводился в феврале 2024 г. с применением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) под наблюдением преподавателя. Испытуемые заполняли анкету в электронном виде, им предъявлялась инструкция: *«Прочитайте слово «мозг» и напишите через запятую не более 5 слов-ассоциаций на русском языке, которые у Вас возникли при прочтении этого слова. Не раздумывайте долго, записывайте первые слова, которые приходят Вам в голову»*.

Далее результаты были обработаны с применением методики, разработанной И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой [Стернин 2011].

Результаты и обсуждение. В результате эксперимента было получено 158 реакций всего, 66 разных реакций и 41 единичная реакция:

МОЗГ 42: *извилины 20; ум 18; анатомия 9; голова 8; борозды 7; разум 6; знания 5; интеллект, нейроны, череп 4; думать, спинной 3; воображение, грецкий орех, кора, мысли, нейрон, память, развитие, розовый, серый, сознание, творчество, формалин, человек 2; анализ, ганглии, глюкоза, головной, завитки, кровь, курица, (лобная, теменная, височная, затылочная доли), мозжечок, мудрость, мышление, наука, нервная система, нервы, ничего, отделы, перенапряжение, полушария, понимание, препарат на анатомии, работа, рай, реч, розовое, серое вещество, синтез, сложно, сталагмиты, тяжёлый, ужас, умный человек, университет, устал, усталость, учеба, физиология,*

формирование импульса, центральная нервная система, ЦНС, что-то сложное, яйцо 1.

За ассоциативное ядро принимают реакции, доля которых составляет 12-15%, таким образом, можно считать, что в нашем эксперименте ядро составили две реакции: *извилины* 20 (12,7%), *ум* 18 (11,4%). Эти результаты демонстрируют, что термин **мозг** ассоциируется в ЯС студентов-медиков в первую очередь с анатомическими структурами и когнитивными способностями человека.

Реакции, полученные на слово-стимул **мозг**, были классифицированы по тематическому признаку; в идентифицированном ассоциативном поле выделено несколько смысловых подгрупп, результаты представлены в Таблице 1. На основании данных, представленных в Таблице 1, очевидно, что **мозг** для студентов медицинского университета – это, прежде всего, ключевой орган человеческого организма; реакции, описывающие мозг как **анатомическую структуру**, составили более 36% от всех реакций на слово-стимул. На втором месте в ассоциативном поле расположились лексические единицы (ЛЕ), обозначающие **когнитивную деятельность человека**; их доля составила 23,4%. Данные значения составляют ядро ассоциативного поля.

Таблица 1

**Смысловые подгруппы реакций на стимул «мозг»,
репрезентированные в ЯС студентов медуниверситета
(в порядке убывания)**

№	Название подгруппы	Примеры реакций	Кол-во реакций в группе	Уд. вес группы, %
1.	Строение человеческого организма	<i>Извилины (20), голова (8), борозды (7), нейроны (4), череп (4), кора (2), нейрон (2), ганглии, кровь, (лобная, теменная, височная, затылочная доли), мозжечок, нервная система, нервы, отделы, полушария, формирование импульса, центральная нервная система, ЦНС</i>	58	36,7%
2.	Когнитивные способности	<i>Ум (18), разум (6), интеллект (4), воображение (2), память (2), сознание (2), мышление, мудрость, понимание</i>	37	23,4%
3.	Результат когнитивной деятельности человека	<i>Знания (5), мысли (2), творчество (2), наука, речь</i>	11	6,96%
4.	Разделы медицинской науки	<i>Анатомия (9), физиология</i>	10	6,3%
5.	Качественная характеристика объекта	<i>Спинной (3), розовый (2), серый (2), головной, розовое, серое вещество</i>	10	6,3%

6.	Личный опыт испытуемых (образы)	<i>Грецкий орех (2), завитки, курица, работа, рай, сталагмиты</i>	7	4,4%
7.	Деятельность	<i>Думать (3), развитие (2), учеба</i>	6	3,8%
8.	Вызываемые эмоции (в процессе обучения)	<i>Сложно, тяжелый, ужас, что-то сложное</i>	4	2,5%
9.	Носитель признака (носитель объекта, обозначенного словом-стимулом)	<i>Человек (2), умный человек</i>	3	1,8%
10.	Вещество	<i>Формалин (2), глюкоза</i>	3	1,8%
11.	Личный опыт испытуемых (состояние)	<i>Устал, усталость, перенапряжение</i>	3	1,8%
12.	Способ познания окружающей действительности	<i>Анализ, синтез</i>	2	1,3%
13.	Местоположение	<i>Препарат на анатомии, университет</i>	2	1,3%
14.	Не поддается интерпретации	<i>Ничего Яйцо</i>	2	1,3%

По результатам НАЭ можно дать семантическую интерпретацию ассоциативного поля лексемы **мозг**:

1. **Мозг как объект познавательной учебной деятельности студентов 76:** *строение человеческого организма 58, качественная характеристика объекта 10, носитель признака (носитель объекта, обозначенного словом-стимулом) 3, вещество 3, местоположение 2;*

2. **Мозг как объект, генерирующий/стимулирующий когнитивную деятельность человека 54:** *когнитивные способности 37, результат когнитивной деятельности человека 11, деятельность 6;*

3. **Мозг как объект научной деятельности 12:** *разделы медицинской науки 10, способ познания окружающей действительности 2;*

4. **Мозг как объект, повлиявший на формирование личного опыта испытуемых 14:** *личный опыт испытуемых (образы) 7, вызываемые эмоции 4, личный опыт испытуемых (состояние) 3.*

В эксперименте не представилось возможным интерпретировать два ассоциата, полученные на слово-стимул, – *ничего, яйцо*; очевидно, данные лексемы не являются актуальными для ЯС испытуемых.

Мы обратились к лексикографическому значению ЛЕ **мозг**, зафиксированному в словарях С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой (см. Таблицу 2).

Как видно из Таблицы 2 и результатов семантической интерпретации ассоциативного поля лексемы **мозг**, участники НАЭ не отразили в своих ответах такие значения лексической единицы, как «главный, руководящий», «костный мозг», «вещество/ ткань, употребляемая в пищу». Значениями первостепенной важности для них были реакции, обозначающие анатомические структуры и характеризующие когнитивные способности человека; ассоциаты из категории 4 **Мозг как объект, повлиявший на формирование личного опыта испытуемых**, также так или иначе были связаны с учебно-познавательной

деятельностью студентов и характеризовали либо образы, которые у них возникали при изучении структур мозга или были связаны с когнитивной деятельностью, например, *грецкий орех*, *курица* (вероятно, куриный ум), *заитки*, *сталагмиты* (о бороздах структур мозга); либо личный опыт и эмоции как результат учебной деятельности, например, *устал*, *усталость*, *сложно*. Данный факт, по-видимому, обусловлен спецификой их профессиональной (учебной) деятельности.

Таблица 2

Лексикографическое значение слова «мозг» по данным словарей

Толковый словарь С.И. Ожегова	Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой
1. Центральный отдел нервной системы человека и животных нервная ткань, заполняющая череп и канал позвоночника; орган высшей нервной деятельности. 2. <i>перен.</i> Основное ядро, руководящий центр чего-н. 3. Мягкая ткань, заполняющая полости костей.	1. Центральный отдел нервной системы животных и человека, представляющий собою вещество, состоящее из нервных клеток и волокон; орган высшей нервной деятельности. 2. <i>перен.</i> Руководящий, направляющий центр чего-л. 3. Вещество, заполняющее полости костей у человека и позвоночных животных.
4. <i>перен.</i> Ум, умственные способности (разг.). 5. <i>мн. ч.</i> Ткань, заполняющая череп некоторых животных и употр. как пища.	<i>мн. разг.-сниж.</i> 1. а) Вещество, заполняющее череп некоторых животных, употребляемое в пищу. б) Кушанье, приготовленное из такого вещества. 2. <i>перен.</i> Умственные способности.

Выводы. Несмотря на определенные ограничения (небольшая выборка), полученные результаты позволяют сделать выводы о специфике внешних и внутренних факторов, влияющих на формирование ЯС, а также говорить об особенностях формирования образов мира у представителей отдельных профессиональных сообществ.

Алферова Ю.И. Профессионально маркированные компоненты языкового сознания, репрезентированные единицами родного и изучаемого языков: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Ю.И. Алферова. – Барнаул, 2005. – 20 с.

Вилисова Е.В. Ассоциативный эксперимент как метод изучения языкового сознания медиков / Е.В. Вилисова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2012. – №25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-kak-metod-izucheniya-yazykovogo-soznaniya-medikov> (дата обращения: 15.10.2024).

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://efremova.slovaronline.com/46626-MOZG> (дата обращения 14.10.2024).

Родионова Т.В. Ассоциативный эксперимент как один из приемов исследования языкового сознания медиков / Т.В. Родионова, И.В. Привалова // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2015. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/assotsiativnyy-eksperiment-kak-odin-iz-priemov-issledovaniya-yazykovogo-soznaniya-medikov> (дата обращения: 15.10.2024).

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – СанктПетербург: Питер, 2012. – 288 с.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание / Е.Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie> (дата обращения: 15.10.2024).

Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14680> (дата обращения 14.10.2024).

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. – М., 1996.

Miller E.K. The prefrontal cortex and cognitive control // Nat Rev Neurosci, 1 (1), 2000. – P. 59-65.

М.Ф. Юдина (Саратов)

АУДИАЛЬНЫЕ, КОЛОРИСТИЧЕСКИЕ, ГУСТАТОРИАЛЬНЫЕ И ТАКТИЛЬНЫЕ АССОЦИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА НА РЕЧЬ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Настоящее исследование посвящено экспериментальному изучению нескольких видов ассоциаций, возникающим у носителей русского языка в ответ на иностранную речь. В работе содержится описание результатов направленного ассоциативного эксперимента, в ходе которого испытуемым предлагалось дать аудиальные, колористические, густаториальные и тактильные реакции на иностранную речь, что позволило выявить факторы, влияющие на характер ассоциативного реагирования.

Ключевые слова: синестезия, ассоциативный эксперимент, фоносемантика, психолингвистика, языковое сознание

Abstract. This study is dedicated to the experimental investigation of several types of associations that arise among Russian speakers in response to foreign speech. The paper describes the results of a directed associative experiment in which participants were asked to provide auditory, coloristic, gustatory, and tactile reactions to foreign speech, which made it possible to identify factors influencing the nature of associative response.

Keywords: synaesthesia, associative experiment, phonosemantics, psycholinguistics, language consciousness

Целью работы является выявление и описание специфики вербальных ассоциаций носителей русского языка на звучащую речь на иностранном языке, а именно выявление корреляции между фонетической стороной иностранного языка и представлением носителя русского языка о его цвете, вкусе, текстуре и звучании.

Научные исследования синестезии как «ненамеренного физического опыта межчувственных ассоциаций» [Прокофьева 2007, с. 41] начались с середины

XIX в. К настоящему моменту учеными даны определения этого нейropsychологического феномена в разных областях науки – медицине, психологии, психиатрии, психофизиологии, лингвистике и психолингвистике. Так как явление затрагивает все пять чувств восприятия, для удобства ее классификации были выделены основные виды синестезии: фонемно-цветовая, графемно-цветовая, музыкально-цветовая, фонемно-вкусовая, кинестетико-слуховая, акустико-тактильная, хромостезия и другие.

Психолингвистическое осмысление синестезии предполагает, что она возникает вследствие переосмысления значения слов, обусловленного свойствами концептов, допускающих использование названий одного предмета для обозначения другого.

Особое внимание в данной теме уделяется звуко-цветовой синестезии, или «цветному» слуху. Данный вид синестезии считается одним из хорошо изученных, поскольку цветовые соответствия букв русского языка исследовались многими отечественными учеными: А.П. Журавлевым, Л.П. Прокофьевой, Н.В. Ефименко и другими [Ефименко 2011; Журавлев 1991; Прокофьева 2007, 2008, 2010].

Явление синестезии в фоносемантике нельзя, однако, назвать полностью изученным, поэтому многообещающими в этом плане представляются новые исследования в этой области.

В данной работе анализируется, как русскоговорящие воспринимают иностранную речь, лишенную семантического компонента, то есть поток речи, смысл и содержание которого могут быть неясны и непонятны для испытуемого. Важно отметить, что такой подход позволит выявить как индивидуальные, так и коллективные реакции на иноязычную лексику в речевом потоке, а также выдвинуть гипотезу о влиянии языковой картины мира носителя русского языка на ассоциативные ряды, возникающие при восприятии другого языка. Перед началом исследования нами была выработана следующая гипотеза: испытуемые способны выдать связанные с синестезией реакции на иноязычные стимулы, опираясь только на звуковую форму.

Материалами для написания работы послужили результаты проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента с носителями русского языка, в результате которого было получено 105 заполненных анкет и 3360 ответов респондентов. Возраст участников эксперимента колебался в широком диапазоне от 11 до 65 лет; в эксперименте приняли участие 33 мужчины и 72 женщины.

В качестве источника материала для эксперимента были выбраны аудиозаписи прогноза погоды длительностью 20 секунд на следующих языках: английский, арабский, испанский, китайский, немецкий, польский, французский и хорватский.

При организации направленной реакции для каждого языка были предложены следующие параметры: цвет, вкус, текстура и звучание. При выборе характеристики цветовой ассоциации испытуемый мог выбрать один из основных цветов: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, а также черный и белый. При выборе вкусовых и тактильных ассоциаций реципиент не был ограничен. При выборе звуковых ассоциаций

отвечающий был искусственно ограничен. Ему были предложены наиболее частотные реакции проведенного ранее пилотажного эксперимента, а именно: звучание звенящее, шипящее, певучее, скрипучее, протяжное, глухое и отрывистое. Предоставлялась, однако, возможность выбора больше чем одного варианта ответа.

Рассмотрим реакции, связанные со звуко-цветовой синестезией.

АНГЛИЙСКИЙ. Мы не можем выделить однозначно превалирующий цвет, однако, лидирующими в процентном соотношении можно назвать *синий* (19,6%), *голубой* (17,6%) и чуть отстающий от них *красный* (14,7%), которые, в свою очередь, соответствуют основным цветам флага Великобритании. Таким образом, данные три реакции с большой вероятностью можно отнести к культурным, то есть спровоцированным культурными реалиями реакциям.

АРАБСКИЙ. Как и в предыдущем примере, мы не наблюдаем большого разрыва между первыми тремя частотными реакциями: *желтым* (20%), *оранжевым* (19%) и *красным* (14,3%). Эти теплые оттенки не связаны с цветом флага и, скорее всего, спровоцированы типичным пейзажем для ареала распространения данного языка в языковой картине мира русскоговорящего, а именно образом пустыни.

ИСПАНСКИЙ. Реакции *красный* (26,2%) и *оранжевый* (22,3%) могут быть связаны как с флагом Испании, так и с иными культурными реалиями, например, традиционным платом для фламенко или мулетой. *Желтый* (16,5%) уступает по частности, но всё еще является одним из лидирующих цветов.

КИТАЙСКИЙ. Сильный процентный разрыв наблюдается между первой (*красный* (37,9%)) и второй реакцией (*желтый* (22,3%)), а также между второй и третьей – *желтый* (22,3%) и *оранжевый* (7,8%). Несомненно, первенство *красного* можно объяснить соответствием флагу Китая. *Желтый*, скорее всего, спровоцирован стереотипным восприятием особенностей азиатской кожи.

НЕМЕЦКИЙ. Реакция *оранжевый* (28,6%) является лидирующей, за ней с отрывом идет *желтый* (16,2%), и обе эти реакции могут быть объяснены соответствием цветам флага Германии, но примечательно, что *красный* (11,4%) и *черный* (4,8%), то есть оставшиеся цвета триколора, проигрывают по частотности. Возможно, реакция *синий* (13,3%) находится на третьем месте потому, что диктор в своей речи часто употребляет звук [и], соответствующий *синему* цвету по А.П. Журавлеву [Журавлев 1991].

ПОЛЬСКИЙ. Здесь самым частотным является *зеленый* (22,1%). Как мы видим, реакция не совпадает с цветом флага Польши, исходя из чего, можно предположить, что язык не был «угадан» носителем русского языка. Но почему зеленый? Возможно, именно при отсутствии опоры на культурный элемент на первый план вышла фоносемантика, поскольку диктор часто произносит звуки [e] или [э], *зеленый* и *зеленоватый* соответственно по А.П. Журавлеву. Можно также заметить, что *белый* (12,5%) и *красный* (10,6%), возможно, отражающие цвета флага, находятся лишь в середине всего списка и имеют близкие количественные значения.

ФРАНЦУЗСКИЙ. Примечательно, что в тройке лидирующих находятся исключительно холодные цвета: *голубой* (25,5%), *фиолетовый* (19,6%) и *синий* (18,6%), при этом мы вновь наблюдаем количественную разницу между,

казалось бы, близкими цветами, а именно синим и голубым. Вполне вероятно, что они являются культурными реакциями, спровоцированными цветом флага Франции. При этом оставшиеся цвета триколора сильно уступают по частотности: *белый* (9,8%) и *красный* (5,9%).

ХОРВАТСКИЙ. Как и в ситуации с польским, на первый взгляд, реакции указывают на то, что реципиенты не смогли точно распознать язык. Конечно, вероятно, что они могли принять этот язык за чешский, тогда можно было бы объяснить, почему большее количество людей выбрали *синий* (30%), а именно из-за флага. Однако, как нам кажется, помимо вероятности культурной ассоциации, на отрыв между *синим* и *желтым* (30% и 15%, соответственно) повлияло словосочетание «*oblačno i tmurno*» (облачно и хмуро), где, во-первых, слова звучат знакомо для носителя русского, что привлекает внимание, а во-вторых, в слове *oblačno* ударение падает на «о», в *tmurno* на «у», причем из-за отсутствия редукции в данном языке окончание -о в обоих словах произносится так же четко. При этом [о] и [у] по А.П. Журавлеву соответствуют *желтому* и *темно-синему* цветам.

Исходя из результатов эксперимента, все языки можно условно поделить на «теплые» и «холодные». К первой группе относятся арабский, испанский, китайский и немецкий. Ко второй относятся французский, английский, польский, хорватский.

Рассмотрим явление лексико-вкусовой, или фонемно-вкусовой синестезии. Среди вкусовых ассоциаций большую роль играют культурные реакции. В семи из восьми языков указывались продукты или блюда, характерные для тех или иных гастрономических традиций (например, *чай* 5 для английского языка, *круассан* 4 для французского, *лапша* 2 для китайского). Как исключение можно выделить испанский, поскольку испытуемые приняли язык за итальянский – даны реакции *макароны*, *паста с соусом чили*, *пицца*. Отдельно стоит отметить хорватский язык, у которого наблюдаются исключительно «славянские» реакции (*кефир* 2, *ржаной хлеб* 2, *борщ*, *гречка* и под.).

Так как вкусовые ассоциации связаны не только с характеристиками вкуса, но и с образами еды, мы подсчитали, что на реакции в виде наименований блюд и продуктов приходится от 21,9% (немецкий язык) до 36,2% (французский язык).

Фоносемантической связи между языком и его вкусом мы не обнаружили. Однако в тех случаях, когда реципиенты не распознали язык (польский и хорватский), возрастает доля реакции *безвкусный*.

Обратимся к анализу акустико-тактильной синестезии. Для более точного подсчета процентного соотношения нами было принято решение разделить все полученные реакции на следующие противопоставленные слоты: гладкий и шершавый; мягкий и твердый; влажный и сухой/сыпучий.

Английский язык с точки зрения полученных нами реакций можно отнести к «*гладким*» языкам. В данной категории представлена 31 реакция, что почти в два раза больше числа «*шершавых*» реакций, которых мы выделили 18. Английский язык является также «*твердым*» (13 реакций), а не «*мягким*» (6 реакций). С точки зрения противопоставления влажный/сухой английский язык преимущественно «*влажный*» – 11 соответствующих реакций против 4 «*сухих*».

Согласно полученным нами реакциям, арабский язык также имеет характеристику «*гладкий*». Мы наблюдаем 30 «*гладких*» реакций, что почти в два раза больше, чем количество «*шершавых*» реакций (19). С точки зрения отношения мягкий/твердый мы видим, что арабский можно отнести к «*мягким*» (14 реакций), а не «*твердым*» (3 реакции) языкам. Что касается корреляции влажный/сухой, арабский язык скорее «*влажный*», чем «*сухой*» – 13 реакций против 10.

На основе полученных нами ответов, испанский язык относится к «*гладким*» языкам. Мы наблюдаем 21 «*гладкую*» реакцию, в то время как «*шершавых*» реакций только 16. С точки зрения отношения мягкий/твердый мы видим, что испанский нельзя однозначно назвать «*мягким*» (8 реакций) или «*твердым*» (7 реакций) языком. Примечательно, что можно также выделить группу «*острых*» единичных реакций: *игольчатая, колючая, конфета-шпучка (во рту), острая*, что в некотором смысле ставит под сомнение превалирование «*мягких*» реакций. Что касается корреляции влажный/сухой, испанский язык невозможно отнести однозначно к одной из категорий, так как мы наблюдаем одинаковое количество реакций, а именно 13, однако нужно заметить, что как раз среди «*сухих*» ответов находится вторая по частотности реакция, а именно «*сыпучая 8*» (в то время как самая частотная реакция – «*гладкая 15*»).

Что касается китайского языка, с одной стороны, если мы обратимся к самым частотным ответам, то заметим следующее: категории шершавость/гладкость чередуются (*шершавая 10; гладкая 8; ребристая 5; шелк 4*), однако, с другой стороны, если мы подсчитаем общий процент ответов в каждой категории, то станет отчетливо видно, что китайский язык – «*шершавый*» (23 реакции против 16). В вопросе мягкости/твердости китайский язык, как и другие языки, преимущественно относится к «*мягким*» языкам: на это указывает как частотность самих реакций (*мягкая – 6; твердая – 4*), так и общее число реакций (к мягким мы отнесли 11 ответов, а к твердым – 8). Что касается противопоставления сухой/влажный, обе категории набрали равное количество ответов – 6.

Немецкий язык сильно выделяется на фоне других языков в вопросе «*шершавости*»: из общего количества реакций (105) почти половина относится к категории «*шершавый*», а именно 49, что в семь раз больше числа «*гладких*» реакций, которых всего 7. Далее, немецкий язык однозначно относится к «*твердым*»: реакций в данной категории 13, в то время как «*мягких*» всего 5. В противопоставлении сухой/влажный немецкий скорее относится к «*сухим*»: 6 реакций против 4.

Если опираться исключительно на частотные реакции польского языка, может показаться, что он относится к «*гладким*», однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что категория «*шершавый*» насчитывает 19 реакций, а «*гладкий*» лишь 13. Категории твердость/мягкость дают ощутимый разброс показателей: 18 «*мягких*» реакций, в то время как «*твердых*» – 12. Также нельзя говорить об однозначности относительно категории сухой/влажный, так как разница между ними небольшая: у первой группы насчитывается 7 реакций, а у второй – 8.

Французский язык представлен 29 «*гладкими*» реакциями и 15 «*шершавыми*», что позволяет сделать вывод, что он «*гладкий*». Дополнительно это подтверждается тем, что реакция «*гладкая*» самая частотная, а именно 18% опрашиваемых выбрали именно ее для описания своих тактильных ощущений. С точки зрения отношения мягкий/твердый мы видим, что французский язык можно отнести к «*мягким*» (19 реакций), а не «*твердым*» (7 реакций) языкам. Что касается противопоставления влажный/сухой, французский язык скорее «*влажный*», чем «*сухой*» – 13 реакций против 10.

Хорватский язык выделяется на фоне других языков. Если в отношении большинства языков испытуемые так или иначе склоняются к одному из вариантов, то у хорватского во всех трех позициях довольно близкие показатели. Так, в позиции гладкий/шершавый мы видим, что самый частотный ответ – «*гладкая 16*» и в целом общее число подобных реакций равно 19, но второй по частотности ответ – «*шершавая 7*», а общее количество реакций, относящихся к этому же семантическому полю – 17. Из этого мы можем сделать вывод, что хорватский язык скорее относится к «*гладким*» языкам, однако он почти настолько же «*шершавый*» в представлении реципиентов. Аналогичная картина с категорией твердый/мягкий: по частотности мы имеем «*твердая 6*; *мягкая 5*», а по общему числу 11 и 12 реакций соответственно, что говорит об отсутствии четкой полярности мнения опрошенных. В случае влажный/сухой ситуация немного проще: на долю «*жидких*» реакций приходится 9 ответов, в то время как на «*сухие*» всего 5.

Если попробовать обобщить полученные результаты, то получим следующие выводы: языки можно условно поделить на гладкие и шершавые. К первым относятся: арабский, испанский, французский, хорватский, английский языки. Ко второй группе можно причислить немецкий, польский и китайский языки.

Языки можно условно поделить на мягкие и твердые. В основном, реципиенты выделяют группу мягких: арабский, испанский, французский, хорватский, польский. Оставшиеся два языка (немецкий и английский) относятся к «*твердым*» языкам.

Языки можно условно поделить на влажные и сухие. К первым относятся следующие языки: арабский, польский, французский, хорватский и английский. Ко вторым однозначно относится только немецкий. Оставшиеся испанский и китайский языки имеют одинаковое количество реакций, из-за чего точно отнести их к одной или другой группе не представляется возможным.

Каждая реакция подразумевает уникальные тактильные ощущения и ассоциации. При этом наблюдается широкий спектр описаний, представленный не только прилагательными, но и существительными, обозначающими виды ткани (*плотная ткань, вельвет*), обволакивающие ощущения (*вязкая, липкая*), различные поверхности и материалы (*дерево, камень, пластмасса*), еду (*пудинг, сухарики, твердый сыр*), а также объекты живой природы (*кошка, листья*).

Последний тип реакций, к которым мы обращаемся, не относится к какому-либо специфическому виду синестезии. В центре нашего внимания были такие характеристики звучания, как: звучание звенящее, шипящее, певучее, скрипучее, протяжное, глухое и отрывистое.

Подробное рассмотрение реакций реципиентов позволяет нам сделать следующие наблюдения:

Большинство опрошенных посчитало, что звучание английского языка можно описать следующими прилагательными: *невучее* (47,1%), *звенящее* (43,3%) и *протяжное* (39,4%).

Согласно опросу, у большинства респондентов было общее мнение относительно звучания арабского языка, и они использовали следующие прилагательные для его описания: *невучее* (41,5%), *протяжное* (33%) и *звенящее* (22,6%). При этом мы не можем говорить о большом разрыве между лидирующей тройкой и другими реакциями: *отрывистое* (20,8%) и *глухое* (19,8%). Примечательно, что *звенящее* и *глухое* имеют очень близкое процентное соотношение, что может свидетельствовать об отсутствии единого и однозначного мнения насчет этой характеристики.

Как и с английским языком, у реципиентов не вызвало затруднений выделить главенствующие признаки для описания звучания испанского языка: *звенящее* (60,4%), *невучее* (36,8%) и *отрывистое* (32,1%).

Для китайского языка, в целом, можно выделить лишь один преобладающий признак, а именно отрывистость звучания (61,5%). С большим отставанием на втором и третьем местах расположились *звенящее* и *шипящее* звучание (по 28,8%) .

Немецкий язык, как и китайский, имеет скорее одну основную характеристику, а именно *отрывистое* (51,9%), и далее по частотности *шипящее* (33%) и *звенящее* (19,8%).

По частотности выделяется шипящее звучание польского языка (43,8%), что обусловлено обилием шипящих в польской речи. Далее по частотности мы можем наблюдать *звенящее* и *невучее* (оба 29,5%). От них незначительно отстает *отрывистое* (27,6%).

Большинство опрошенных посчитало, что звучание французского языка можно описать следующими прилагательными: *невучее* (55,8%), *протяжное* (45,2%) и *звенящее* (22,1%).

Как и с другими видами реакций, хорватский язык вызвал неоднозначные реакции у опрошенных. На первом месте по частотности расположились сразу две характеристики: *шипящее* и *протяжное* (29,7%), на втором – *отрывистое* (28,7%). При этом реакции *звенящее* (23,8%), *невучее* и *глухое* (по 21,8%) имеют незначительное отличие в процентном соотношении. Реакция *скрипящее* (15,8%) является самой непопулярной.

Можно сделать предположение, что языки, которые на тактильном уровне нам кажутся *гладкими*, по своим аудиальным качествам, скорее всего, получают такие характеристики, как *невучее*, *протяжное*, *звенящее*.

Если языки относятся к группе *шершавых*, то, скорее всего, они будут обладать следующими значениями: *отрывистое*, *шипящее* и *звенящее*.

Исключением из правила можно назвать хорватский язык, так как его аудиальные качества скорее относят его к группе *шершавых*, хотя по тактильным реакциям мы его классифицировали как *гладкий*.

Обобщив полученные результаты, мы получили следующие выводы: по аудиальным характеристикам языки можно условно поделить на *невучие* и

шипящие, но тут важно отметить, что данные оценки находятся в зависимости от тактильных ассоциаций.

Помимо этого, аудиальные характеристики более остальных подвержены смещению с характеристиками голоса диктора, из-за чего мы не способны дать однозначный ответ относительно соответствия приведенных нами ответов реальным качествам языков.

Эксперимент продемонстрировал, что язык и чувственные восприятия тесно связаны, отражая значимость культурного контекста и фонетических особенностей в формировании чувственных ассоциаций. Испытуемые продемонстрировали разнообразные ассоциативные реакции на различные языковые стимулы, отражая зависимость между языком, восприятием и чувственными ощущениями.

Как нам кажется, на характер ответов испытуемых в большей степени повлияли знания о культуре и языке, которые были у испытуемого, чем звучание языка как таковое, т.е. наша гипотеза о том, то испытуемый способен абстрагироваться от стереотипных представлений о иностранном языке и выдать реакции, опираясь только на звуковую форму, не нашла подтверждения.

Так, например, мы можем наблюдать в реакциях на речь на немецком языке стереотипические культурные реакции, связанные с едой: *жареная колбаса, пиво, пшеничного пива, сардельки*. Похожая ситуация наблюдается в реакциях на польскую (*бигос, гречневая каша, капуста тушеная*), французскую (*вино, круассан*) и китайскую речь (*лапша, рис, доширак, персик, чай, хо-го*). На основе данных реакций можно однозначно сказать, что язык был опознан испытуемым.

Наибольшее влияние культурных представлений на ассоциации испытуемых можно наблюдать среди колористических реакций. В большинстве случаев на первый план вышли культурные ассоциации, в основном, привязанные к флагам стран. Так, в пяти из восьми случаев данные реакции лидируют: английский (*синий 20; голубой 18; красный 15*), немецкий (*оранжевый 30; желтый 17*), китайский (*красный 39*), французский (*голубой 26; фиолетовый 20; синий 19; белый 10*), испанский (*красный 27; оранжевый 23*).

Что касается тактильных и аудиальных ассоциаций, их анализ может подтвердить априорное стереотипное представление о том, что немецкий язык – грубый и жесткий. Так, тактильно он ощущается как шершавый, твердый и сыпучий, а аудиально – отрывистым, шипящим и звенящим. Похожая ситуация наблюдается со стереотипом о французском языке как о языке любви. Мы видим, что большинство испытуемых считают данный язык гладким, мягким и влажным, а также певучим, протяжным и звенящим. Таким образом, можно сделать вывод, что культура оказывает значительное влияние на ассоциации, связанные с языками и их звуковыми характеристиками.

Ефименко Н.В. Экспериментальная проверка цветовой ассоциативности звуков русского языка: сопоставительный анализ данных / Н.В. Ефименко // Вестник Череповецкого государственного университета: Языкознание. – 2011. – №2. – С. 61-65.

Журавлев А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлев. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.

Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное: монография / Л.П. Прокофьева. – Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007. – 280 с.

Прокофьева Л.П. Изучение звуко-цветовой ассоциативности в европейских языках: история и современность / Л.П. Прокофьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – №4. – С. 256-262.

Прокофьева Л.П. Синестезия в современной научной парадигме / Л.П. Прокофьева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2010. – Т. 10, № 1. – С. 3-10.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

А.С. Авдеева (Белгород)

КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Аннотация. Формирование картины мира в языковом сознании носителя любого языка происходит благодаря взаимодействию общечеловеческих, этнокультурных, социальных, групповых и индивидуальных компонентов, которые отражают ментальные представления языкового сообщества о первостепенных, наиболее важных для него реалиях. Исследование посвящено описанию поэтических концептов-колоративов.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуальная картина мира, поэтическая картина мира, лингвокультурология

Abstract. The formation of a picture of the world in the linguistic consciousness of a speaker of any language occurs due to the interaction of universal, ethnocultural, social, group and individual components that reflect the mental representations of the linguistic community about the primary, most important realities for it. The research is devoted to the description of poetic concepts-coloratives.

Keywords: language picture of the world, conceptual picture of the world, poetic picture of the world, linguoculturology

Самобытное мирозерцание, заложенное в каждом языке, проявляется в специфической для каждой этнокультурной общности картине мира. Человек воспринимает окружающий мир через призму языка, на котором он говорит. Выйти за границы такого восприятия можно, лишь вступив в пределы другого языка. Данное суждение с точки зрения современной науки не бесспорно, но для нас оно ценно двумя положениями, важными для понимания лингвокультурной сущности слов: с одной стороны, указанием на их этнокультурную связь с картиной мира, а с другой – тем, что этнокультурная специфика обнаруживается только при их сопоставлении в других лингвокультурах.

Сопоставление лингвокультур предполагает выделение трех картин мира: языковой, концептуальной и поэтической. Языковая картина мира как система слов, формантов и средств связи между ними представляет концептуальную картину мира всеми возможными средствами языка в процессе их функционирования в поэтическом дискурсе.

Поэтическая картина мира образует целый ряд значимых для этнокультурного сообщества поэтических концептов. В нашем понимании, **поэтический концепт** – это сложное и многоярусное ментально-эмотивное образование, в дискретный состав которого, помимо некоего смыслового содержания, входят еще ценностные и релятивно-оценочные смыслы, косвенно содержащие информацию об отношении автора к образно отражаемой действительности.

Понимание поэтического концепта, конечно же, вытекает из определения концепта вообще. Так, В.Н. Аврамова определяет концепт как «существующий в сознании отдельного человека и сформированный на основе аналитико-синтетической деятельности мозга мысленный образ материального или идеального объекта (предмета, процесса, явления, их свойств и признаков), неразрывно связанный в сознании с соответствующим языковым знаком (словом или словосочетанием, эквивалентным слову)» [Аврамова 2007, с. 7]. Именно так понимаемые концепты формируют концептуальную картину миру. Формирование же поэтической картины мира опирается на языковую картину, которая средствами своих номинативных единиц отображает менталитет этноязыкового сообщества при помощи мифологем, образно-метафоричных слов, фразеологических единиц и символов. Следовательно, формирование поэтического концепта происходит в тесной взаимосвязи с единицами языка и компонентами поэтического дискурса как среды индивидуально-авторского смыслообразования.

При такой интерпретации поэтической картины мира более рельефно вырисовывается грань между концептом и понятием. По мнению Ю.С. Степанова, разграничение понятия и концепта может быть произведено при помощи двух принципиально важных отличий. Во-первых, концепт обладает определенным уровнем субъективности, а во-вторых, многоярусной организацией. Поэтому концепты, в отличие от понятия, «не только мыслятся, но и переживаются. Они отражают человеческие эмоции, симпатии и антипатии, а иногда и столкновения» [Степанов 1997, с. 41]. Причем, концептами могут считаться не все понятия, а только обыденные, хотя и принципиально важные для жизнедеятельности человека. Среди них выделяют базисные основополагающие концепты, среди которых можно выделить концепты-колоративы. Формирование концепта-колоратива происходит довольно длительное время, поэтому в его структуре можно выделить несколько составляющих:

1. Общечеловеческий фактор, который наличествует в любой культуре, зафиксирован в колоративах, определяющих основные базисные цвета: *белый, черный, красный*.

2. Этнокультурные компоненты, отражающие человеческие колоративные предпочтения сквозь призму этноязыкового сознания, сформированного благодаря существованию человека в определенной культурно-языковой среде. Так, в английском языке колоратив *blue* передает всё оттеночное многообразие *синего* цвета, в русском языке, помимо цветообозначения *синий* имеются колоративы *голубой, бирюзовый* и т.п.

3. Социальный фактор формирования картины мира определяется принадлежностью человека к той или иной социальной группе. Люди, получившие достаточно высокий уровень образования и проживающие в городе, предпочитают приглушенные, пастельные тона. Жители сельской местности, а также люди с невысоким уровнем образования предпочитают яркие, насыщенные цвета. Это, безусловно, сказывается в цветовом решении одежды. Яркая, красочная расцветка национальных костюмов, которые были распространены, в первую очередь, в сельской местности («Я надену *красное* монисто, / Сарафан заплету *синей* рюшкой» [Есенин 1991, с. 63]), и неброская, однотонная одежда жителей городов («Чуть *бледнели* складки от одежды» [Там же, с. 96]).

4. Групповая составляющая обусловлена принадлежностью человека к гендерной, возрастной или профессиональной общности. Люди молодые и активные предпочитают цвета яркие, пожилые выбирают более спокойную цветовую гамму. В поэтических произведениях молодого Н. Рубцова часто встречаются колоративы и слова, передающие яркость и блеск окружающего мира: «Калейдоскопом брызг и *света* / *Сверкает* моря горизонт ... Бурлит прибой под шапкой *белой* пены, / Как дорогое *красное* вино» [Рубцов 2006, с. 32]. Произведения более позднего периода почти не содержат лексических единиц, передающих цвета, но наполнены единицами световой гаммы, что сглаживает любую цветовую характеристику, свето-теневая гамма этого творческого периода не яркая, искрящаяся, а приглушенная, тусклая: «Каким-то грустным таинством на свете / У *темных* волн, в фонарном *тусклом* свете / Пройдет прощанье наше у реки» [Рубцов 2006, с. 272].

5. Индивидуально-специфичный фактор в образовании картины мира формируется под влиянием целого ряда мировоззренческих особенностей языковой личности. Наиболее ярким примером данного фактора может стать идиостилистическое доминирование в поэтических произведениях определенных оттенков основных цветов. Например, *синий* и *желтый* в произведениях С. Есенина: «Сквозь *синь* стекла *желтоволосый* отрок / Лучит глаза на галочью игру» [Есенин 1990, с. 66].

Также не стоит оставлять без внимания такие важные особенности, как «а) специфика родного языка; б) национальный психотип, менталитет, этнокультурные особенности; в) социокультурная релевантность» [Корнеева 2023, с. 13].

Когнитивная сущность поэтической картины мира заключается в том, что она является авторским преломлением коллективного отражения мира в этнокультурном сознании того или иного языкового сообщества. Такое отражение действительности представляет собой результат двуединого процесса – рационального и чувственного познания, что, собственно, и определяет творческий, преобразующий и интерпретирующий характер поэтической картины мира. Категоризация и концептуализация индивидуального, субъективного мироощущения автора реализуется через функциональную сущность поэтической картины мира.

Наиболее дискуссионной является проблема разграничения языковой и поэтической картины мира. В основу этой дифференциации кладутся постулаты

об инвариантности логических и вариативности языковых категорий, участвующих в формировании языковой и поэтической картины мира. Остовом любой языковой картины мира является, конечно же, универсальная (логическая, инвариантная) модель действительности, структурированная при помощи таких невербальных средств, как универсальный предметный код, или «язык» когнитивных примитивов. Этнические языки лишь переводят инвариантный код в соответствующие ему этнокультурные коды. Язык в подобных научных доктринах не принимает активного участия в познавательных процессах и поэтому связан с культурой только как средство ее репрезентации. Согласиться с таким пониманием взаимоотношения языка и культуры – значит, оставить без внимания интереснейшие наработки отечественных и зарубежных ученых, раскрывающих имплицитные механизмы взаимодействия языковой и культурной семиотики. Достаточно вспомнить гипотезу «культурных знаков» Л.С. Выготского, согласно которой между человеком как субъектом познания и окружающим его миром существует влиятельнейший посредник и интерпретатор – язык культуры, важнейшим из которых является естественный язык [Выготский 1982]. Поскольку же язык вообще существует в конкретных этносемиотических системах, то язык каждого народа преломляет отраженный в сознании мир в соответствии с его семиотическим устройством, грамматической структурой и накопленной в семантике языковых единиц социокультурной информации.

Интерпретационный потенциал понятия обуславливается тем, что в отличие от логико-предметного содержания языковой картины мира, экспрессивно-образное и эмотивно-оценочное содержание поэтической картины мира генетически связано с образными представлениями. Первая вербализуется прямономинативной, производной и профессиональной лексикой и терминами, а вторая – преимущественно знаками вторичной и косвенно-производной номинации (метафорами, фразеологизмами, паремиями, символами). Первые представляют собой элементы объективно сложившегося коллективного сознания, вторые – элементы художественного (поэтического) сознания, отфильтрованные в идиоэтническом десигнате соответствующего поэтического знака.

Особую культурологическую значимость имеют те знаки, в основе которых лежат когнитивные категории, совмещающие в себе универсальные и идиоэтнические обобщения действительности, реальные и ментальные (возможные) миры. Знания об идиоэтнических, по своей сути, ментальных мирах образуют поэтическую картину мира – своеобразную сферу существования культуры, формой существования которой служат концепты, которые формируются в результате своеобразного членения поэтической картины мира на некие микромиры, соответствующие всем возможным ситуациям, известным человеку и поэту называемым возможными мирами.

Исследования последних лет дают основание разграничивать в поэтической картине мира макроконцепты (константы национальной культуры) и субконцепты (идиоэтнические варианты последних). Сегодня особенно продуктивной разработкой подвергается проблема константных концептов. Одной из причин такого положения дел служит количественный фактор

(константы культуры могут быть представлены ограниченным списком – «мир», «вечность», «сущность», «время», «огонь», «вода», «цвет» и др.). Несмотря на ограниченное количество макроконцептов, наиболее интересной для понимания языковых особенностей является их репрезентация в художественном тексте, функционирование в поэтическом дискурсе.

Поэтическая картина мира как субъективный образ объективного мира зарождается и существует в глубинных слоях психики писателя, как правило, скрытых от наблюдения и самонаблюдения. К таким слоям относятся области подсознания и сверхсознания. Каждая индивидуально-авторская картина мира всегда представляет национально-культурное видение действительности, колоративные предпочтения, смысловое конструирование мира в соответствии с художественной «логикой» построения поэтического текста, отражающего поэтическую картину автора. Поэтическая картина мира, разумеется, не может быть полностью адекватной языковой картине мира читателя. Вместе с тем, по мере осмысления текста достигается сближение субъективных языковых картин мира автора и читателя, что делает возможным понимание поэтического дискурса. При этом поэтическая картина мира должна содержать новую информацию об объектах, представленных в языковой картине мира (художественная картина мира автора поэтического дискурса должна быть шире и богаче языковой картины мира читателя). Только в таком случае поэтическое произведение приобретает этнокультурную значимость.

Таким образом, концептуальная картина мира, сформированная единицами языковой картины мира, отражает ментальные представления языкового сообщества об определенных, наиболее важных для него реалиях. Поэтическая же картина мира репрезентируется средствами языковой картины, используя потенциал концептуальной.

Аврамова В.Н. Аккумуляема – базовая единица лингвокультурологии / В.Н. Аврамова // Мир русского слова и русское слово в мире. – Т. 4. – София: HeronPress, 2007. – С. 6-10.

Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский // Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. – Т. 2. – М., 1982. – 264 с.

Есенин С.А. Собрание сочинений: В 2 т. – Т. 1. Стихотворения. Поэмы / С.А. Есенин. – М.: Сов. Россия: Современник, 1990. – 480 с.

Есенин С.А. Собрание сочинений: В 2 т. – Т. 2. – Стихотворения. Проза. Статьи. Письма / С.А. Есенин. – М.: Сов. Россия: Современник, 1991. – 384 с.

Корнеева А.В. Этноориентированное обучение испаноязычных обучающихся из Латинской Америки категории вида глагола на подготовительном факультете: автореф. ... дис. канд. пед. наук. – Белгород: 2023. – 26 с.

Рубцов Н.М. Я люблю, когда шумят березы / Н.М. Рубцов. – М.: Эксмо, 2006. – 384 с.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. – 1997. – 480 с.

Ю.В. Бородовская (Иваново)

О КОГНИТИВНЫХ И ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты эмоционально-психологического плана и важность активации когнитивных механизмов при обучении деловому английскому языку. В ходе организации процесса обучения предлагается уделять внимание опорной базовой лексике и формировать ее, учитывая специальные техники и приемы по активации памяти как сквозного психического процесса при обучении. В статье автор ссылается на теоретические предпосылки по исследованию функционирования памяти Г. Эббингауза, Л. Петерсона и М. Интонс-Петерсон и на современные методики запоминания, а также на важность учета эмоциональных факторов в ходе освоения иностранного языка, предложенных в авторской методике проф. Г.А. Китайгородской. В качестве методологического примера в статье приводится фрагмент урока по обучению деловой англоязычной лексике с использованием стандартных фраз-клише из бизнес-дискурса.

Ключевые слова: деловой, английский, эмоционально-психологический, когнитивный, обучение

Abstract. An article is dedicated to psychological aspects and highlights the importance of cognitive functions activation in teaching business English. During the learning process, it is proposed to pay attention to the core basic vocabulary and form it, considering special techniques and approaches for activating memory as an end-to-end mental process. In the article, the author refers to the historical studies of the memory functioning by H. Ebbinghaus, L. Peterson and M. Intons-Peterson as well as to the modern methods of memorization. It is also suggested to consider emotional factors at foreign language acquisition, proposed in the author's methodology by Prof. G. Kitaygorodskaya. As a methodological example, the article provides a fragment of a lesson on teaching business English vocabulary using standard phrases-clichés from business discourse.

Keywords: *business, English, emotional, psychological, cognitive, learning*

Жизнь современного делового человека предполагает активную коммуникацию, эффективность которой зависит от владения не только родным, но и иностранными языками. Реалии современного бизнес-пространства требуют от сотрудника владения, как минимум, английским языком, а также этикой грамотного делового общения, принятой в международной среде.

Обычно перед преподавателями делового английского языка стоят такие задачи, как: сформировать у учащихся базовый запас канцеляризм (общепринятых в деловом сообществе слов, фраз и выражений); развить навыки и умения их применения; раскрыть лексические особенности различных ситуаций делового общения; создать условия практической отработки приобретенных навыков.

Однако, задачи психологического плана, такие как: активизация когнитивных процессов у учащихся, учет эмоциональных и социальных факторов, связанных с ситуативностью общения, достижение эффективного результата в сжатые сроки, практически не ставятся или выводятся на второй план.

В данной статье отражены некоторые психологические аспекты, которые, на взгляд автора, будет полезно учитывать при обучении деловому иноязычному общению.

Обычно в процессе планирования обучения перед преподавателем встает вопрос: с чего начинать? Обучение, безусловно, должно строиться на определенной базе. Такой базой будет являться *овладение* учащимися специальной лексикой, используемой в деловой переписке, такой как общение между сотрудниками по внутренней электронной почте компании, взаимодействие с различными инстанциями, например, заполнение формуляров или заявок на участие, ведение переговоров с администрацией потенциального работодателя или учебного заведения и т.д.

Оформляя тот или иной документ (например, электронное письмо коллеге, резюме при поиске работы или заявку на визу), мы прибегаем к специальной лексике, так называемым канцеляризмам.

По мнению современного филолога И.В. Тортуновой, в деловой переписке реализуются следующие ведущие функции языка:

- номинативная/semantic (проблема выбора нужного слова),
- коммуникативная/purposeful (призвать к общению с определенной целью, поддержать общение),
- информативная/meaningful (предоставить необходимую информацию или запросить ее),
- воздействующая/persuative (убедить в целесообразности поддержания делового общения),
- оценочно-контрольная/evaluative and control (receptive) (рецептивная: оценить и проконтролировать обратную связь как результат),
- культурологическая/cultural (способность вести коммуникацию в соответствии с особенностями делового оборота той или иной страны) [Тортунова 2006, с. 82].

Употребление канцеляризов способствует реализации вышеуказанных функций языка, так как эта лексика позволяет четко выражать понятия, лаконично передавать информацию, воздействовать на адресата и побуждать его к ответной коммуникации, а также придает документам узнаваемую и хорошо структурируемую форму. Этот процесс сопряжен с работой познавательных психических процессов: внимания, восприятия, памяти и мышления. Их изучением занимается современная отрасль психологии – когнитивная психология.

Когнитивный подход основан на значимости: а) поставленной цели, б) процесса понимания, в) закрепления знаний, г) объяснения поведения. Впервые когнитивная точка зрения была выделена гештальтпсихологами, которые изучали процессы восприятия, научения и мышления.

В процессе обучения стилистике письменной речи преподавателем решается ряд задач, среди которых можно выделить следующие:

- как максимально эффективно использовать когнитивный потенциал и «наработать» необходимый словарь требуемых канцеляризов в сжатые сроки, отведенные для обучения,

- как научить мыслить на иностранном языке, какие задания и упражнения будут при этом наиболее эффективными,

- как повысить внимание и не перегрузить мозг во время интенсивных занятий.

Эти задачи выполняются при задействовании памяти как «сквозного процесса, обеспечивающего преемственность психических процессов и объединяющего все познавательные процессы в единое целое» [Маклаков 2016, с. 248].

Немецкий психолог Герман Эббингауз (Hermann Ebbinghaus, 1850-1909), наблюдавший за работой памяти и один из первых реализовавший экспериментальные исследования этой функции мозга, вывел ряд алгоритмов, способствующих увеличению потенциала памяти. Он также построил определенную зависимость названную «кривой забывания». Эта зависимость характеризовалась тем, что в долговременной памяти (ДВП) оставалось только то, что периодически повторялось по определенному алгоритму, или то, что постоянно использовалось. При этом наблюдалась следующая тенденция: большая часть нового материала забывается нами уже в течение короткого времени. Через 20 минут у нас в памяти остается 80% материала, через час – 60%, через 9 часов – только 40%, через неделю – 30% и, наконец, через месяц только 21% от пройденного материала.

Продолжая исследования функций работы памяти, в 1959 г. американские ученые Ллойд Петерсон (Lloyd Peterson) и Маргарет Интонс-Петерсон (Margaret Intons-Peterson) доказали, что способность человека хранить информацию во временной памяти ограничена, и она оттуда исчезает, если у человека нет возможности ее повторять. На основании проведенных экспериментов был сделан вывод о существовании некоторой промежуточной памяти – кратковременной памяти (КВП), способной удерживать информацию в определенном временном промежутке, и свойства этого вида памяти резко отличались от свойств постоянного хранилища информации – долговременной памяти (ДВП). «Информация должна удерживаться в кратковременной памяти до тех пор, пока идет выполнение задачи. Затем она либо переводится в долговременную память, либо забывается... в кратковременной памяти действуют сразу два механизма забывания: интерференция и угасание. Внутри подсистемы кратковременной памяти наблюдается чередование «ввода» и «вывода» информации до тех пор, пока она не будет в достаточной степени использована. Повторение в данном смысле является интерференцией, направленной на сам повторяемый материал (информация заменяется не новой, а аналогичной). Поскольку кратковременное хранение уже подготовлено к приему информации, сходной с той, что уже в нем находится, повторяемая информация имеет преимущество при вводе в подсистему по сравнению с новой» [Нуркова 2006, с. 154-156]. При этом стоит отметить, что чисто механическое повторение не будет особо эффективным, в связи с чем не стоит ожидать качественного перевода механически запоминаемой информации в долговременную память, так как там в основном осядают смысловые, содержательные понятия.

В наше время на основе исследований Г. Эббингауза и с учетом специфики работы КВП и ДВП были разработаны методики (системы), позволяющие

быстрее и прочнее запоминать изучаемый материал: методика эффективного повторения, методика П. Пимслера, подход П. Возняка и другие, основанные на технике интервальных повторений с учетом спэйсинг-эффекта (от англ. space – пространство) – феномена, доказывающего, что информация запоминается лучше, если повторять ее через увеличивающиеся по нарастающей временные интервалы. Следуя данной технике, рекомендуется проводить повторения через определенный временной промежуток для упрочнения нейронных связей, связанных с запоминанием новых слов с последующим их закреплением в ДВП.

Предложенная методика проста в исполнении, но требует творческого подхода при разработке системы упражнений, направленных на повторение ранее взятого материала. Важна мотивация учащихся к процессу повторения и закрепления, которая может быть поддержана путем разнообразия заданий. Так, например, при отработке лексических единиц, используемых в деловой переписке, можно разыгрывать ситуации обращения сотрудников в разные отделы с какими-то просьбами, также им можно предложить создать рекламу нового продукта и провести его оценку при работе в парах.

Препятствия психологического характера в изучении иностранного языка связаны с развитием иноязычной речевой способности, преодолением речевого барьера. Для развития этой способности необходимо сформировать чувство уверенности в себе и ощущение психологического комфорта, позволяющие свободно общаться. Проигрывание стандартных ситуаций общения, с которым люди обычно сталкиваются на работе, приводит к эмоциональному сопереживанию, связанному с выбором подходящего высказывания в определенной ситуации общения. Происходит тренировка преодоления препятствия, связанного с языковым барьером – так процесс запоминания происходит эффективнее в силу его ассоциативности.

Современный российский филолог, основатель школы интенсивного обучения иностранным языкам, проф. Г.А. Китайгородская разработала свой уникальный метод обучения, который называется «Активизация возможностей личности и коллектива». Метод Г.А. Китайгородской учитывает эмоционально-психологические аспекты: он основан на постоянном общении, интенсивной смене рода деятельности, подкреплении двигательной активностью, переключением анализаторов, психологической разгрузкой, что, по мнению автора методики, способствует более прочному и ускоренному усвоению иноязычного материала. «Развитие экспериментальной социальной психологии привело к открытию важного феномена: в присутствии других людей человек меняет свое поведение» [Почебут 2017, с. 66]. Метод Г.А. Китайгородской основан в том числе на социальной психологии. «Степень и характер использования психологии и социальной психологии в теории и практике метода в немалой степени определяет его эффективность и перспективность» [Китайгородская 1986, с. 6]. Предложенный подход предполагает раскрытие резервов памяти, интеллектуальной активности, раскрытия личности учащегося, при этом важным аспектом обучения является психологическая разгрузка: проявление положительных эмоций и приятных переживаний, снимающие чувство утомления.

В методике Г.А. Китайгородской отмечается важность опоры на произвольное запоминание. По мнению автора, это формирует речевые навыки применения тех или иных языковых конструкций и подбор нужных слов, доводит их до автоматизации. Ситуативность общения, например, при работе с темой «знакомство», подразумевает, что люди, находящиеся в заданной ситуации общения, автоматически извлекают из своей памяти стандартные, много раз употребленные и хорошо усвоенные фразы-клише.

Запоминание и воспроизведение языкового материала происходит лучше, когда человек совмещает это с определенными действиями: учащиеся при знакомстве используют стандартные жесты (например,жимают друг другу руки, кивают в знак уважения и поддержки), улыбаются при подходе к незнакомому человеку, называют свое имя и произносят стандартные фразы типа “nice to meet you”, “happy to be acquainted”, “how are you?” (рад встрече, рад познакомиться, как дела?). Они знают, как вежливо поддержать общение в течение первых минут: это могут быть стандартные фразы о том, кто откуда прибыл (where are you from?), как долго тот или иной человек работает в компании/в отрасли (how long are you in this company/in this business?), стороны могут узнать, есть ли у них общие знакомые в индустрии или точки соприкосновения интересов – деловых или личных.

Ниже приводится фрагмент урока на английском языке (с последующим переводом на русский язык), целью которого является ознакомление с опорной деловой англоязычной лексикой, анализом ее применения в разных ситуациях общения.

Teacher’s actions:

Dear students, think about the situations shown below. Do you feel the same when you interact with the yet unknown people, or these situations are unique and each of them requires specific words?

Действия преподавателя:

Дорогие студенты, подумайте над следующими ситуациями. Как вы думаете, можно ли использовать одни и те же фразы при общении с незнакомыми людьми в указанных ситуациях, или каждая из этих ситуаций уникальна и требует употребления специальной лексики?

1. You are a new member of an international company. You travel to the Head Quarter to attend an annual conference. You do not know your new colleagues yet. How would you behave when you meet them for the first time?

2. You are invited to the functional training conducted by a consulting company. There will be people from other companies as well. How would you interact during the coffee break.

3. You are travelling by air abroad to attend the meeting with your business partner. The flight is long and a neighbor sitting next to you wants to chat. How would you interact with an unknown person?

1. Вы – новый сотрудник международной компании. Вы едете в Головной

Офис для участия в ежегодной конференции. Вы не знаете людей, с которыми вам предстоит встретиться. Как вы поведете себя при знакомстве с ними?

2. Вас пригласили на функциональный тренинг, проводимый компанией-консультантом. На этом мероприятии будут также люди, приглашенные из других компаний. Как вы будете вести себя во время кофе-паузы?

3. Вы летите за границу на встречу с новым бизнес-партнером. Полет долгий, и вы чувствуете, что сосед, сидящий с вами рядом, хочет поговорить. Как вы будете вести себя с незнакомым человеком?

The teacher helps students to elicit that standard phrases could be widely used. Afterwards, the teacher writes on the desk some examples (for instance, listed below) and offers students to practice them at the suggested above situations:

- Hello, nice (happy) to meet you.
- Nice to be acquainted.
- How are you? How are you doing?
- Thank you, I am fine, and you, how are you?
- Hello. My name is Anna, I am from Moscow office. Where are you from?
- How long have you been with the company?
- Are you flying on business or on vacation?
- Is it hard to run that business in your area?
- How many people are working in your company/in your department?
- I suppose we have similar issues. We are all in the same boat, aren't we?
- When did you arrive? Was it a long trip? Do you suffer from the jet lag?
- Where do you usually go on lunch? Do you mind if I join you?

Преподаватель помогает студентам понять, что стандартные фразы могут быть широко использованы. После этого он выносит на доску часто встречающиеся полезные фразы (например, приведенные ниже) и предлагает студентам разыграть предложенные ситуации общения с их использованием.

- Здравствуйте/ привет. Рад(а) встрече.
- Приятно познакомиться.
- Как дела? Как идут дела?
- Спасибо, все в порядке. А как у Вас?
- Здравствуйте. Меня зовут Анна. Я из московского офиса. А вы откуда?
- Как давно Вы работаете в компании?
- Вы летите по делу или на отдых?
- Тяжело вести этот бизнес у вас в стране?
- Сколько людей работает в вашей компании/ в вашем отделе?
- Мне кажется, у нас общие проблемы. Мы все в «одной лодке», не так ли?
- Когда Вы прибыли? Это был долгий путь? Вы страдаете из-за разницы во времени?
- Куда Вы обычно ходите на обед? Не возражаете, если я присоединюсь?

Students' actions

Students use new vocabulary as a background for the role play at suggested situations. They realize that given useful phrases, mostly questions, help to keep conversation, become better acquainted. From the other side using these phrase helps

to set up a comfortable psychological contact: sound polite and friendly, show empathy, share common thoughts about business, explain your role in the company, and find out about similarities and difficulties. Students should understand that such phrases are typical and can be applied for various communication purposes.

Действия учащихся:

Учащиеся знакомятся с новой лексикой, принятой в деловом общении и осознают, что предложенные полезные фразы, в основном вопросы, помогают поддерживать беседу и способствуют тому, чтобы лучше узнать друг друга и установить психологический контакт: выглядеть дружелюбно, проявлять сочувствие, эмпатию, обмениваться общими мыслями о бизнесе, объяснять свою роль в компании, узнавать о сходствах и трудностях и т. д. Учащиеся должны прийти к пониманию того, что многие из этих фраз могут быть использованы в разных ситуациях общения и являются типовыми.

Учащиеся используют новую лексику в качестве фона для ролевой игры в предложенных ситуациях. Они понимают, что приведенные фразы (в основном вопросы) полезны и помогают знакомиться и поддерживать беседу. С другой стороны, использование этих фраз в деловом общении помогает установить комфортный психологический контакт: выглядеть дружелюбно, проявлять сочувствие, эмпатию, обмениваться общими мыслями о бизнесе, объяснять свою роль в компании, узнавать о сходных ситуациях, делиться информацией о трудностях и т. д. Учащиеся должны прийти к пониманию того, что многие из этих фраз могут быть использованы в разных ситуациях общения и являются типовыми.

Предложенный анализ может помочь при выборе технологии обучения стандартам иноязычного делового общения как среди учащихся старшей школы и колледжей, так и среди студентов вузов и сотрудников компаний.

Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам: учеб. Пособие / Г.А. Китайгородская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 103 с.

Маклаков А.Г. Общая психология: учебник для вузов / А.Г. Маклаков. – СПб.: Питер, 2016. – 583 с.

Нуркова В.В. Общая психология: В 7 т.: учебник для студ. высш. учеб. заведений / под ред. Б.С. Братуся. – Т. 3. Память / В.В. Нуркова. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 320 с.

Почебут Л.Г. Социальная психология: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / Л.Г. Почебут. – СПб.: Питер, 2017. – 400 с.

Танклаева А. Метод интервальных повторений Пимслера и эксперимент Эббингауза / А. Танклаева. – URL: <https://ty-poliglot.ru/metod-intervalnyh-povtoreniy/> (дата обращения 12.09.2024).

Тортунова И.А. Лингвистический образ современной деловой переписки [электронный ресурс] / И.А. Тортунова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016 – №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-obraz-sovremennoy-delovoy-perepiski>.

Е.А. Дьяконова (Москва)

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КАТЕГОРИИ РОДА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО НА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЮ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Данная статья посвящена влиянию грамматического значения, в частности грамматической категории рода имени существительного, на концептуализацию действительности носителями русского языка, а именно «присвоение» пола неодушевленным объектам в соответствии с родом имени существительного, которое обозначает данный объект.

Ключевые слова: концептуализация действительности, категория рода имени существительного

Abstract. This article is devoted to the influence of grammatical meaning, in particular the grammatical category of noun gender, on the conceptualization of reality by native speakers of Russian, namely the “assignment” of sex to inanimate objects in accordance with the gender of the noun that denotes the object.

Keywords: conceptualization of reality, the category of noun gender

Данная статья посвящена влиянию грамматического значения, в частности грамматической категории рода имени существительного, на концептуализацию действительности носителями русского языка, а именно «присвоение» пола неодушевленным объектам в соответствии с родом имени существительного, которое обозначает данный объект. Необходимо отметить, что процесс концептуализации представляется лингвистами как способ восприятия и организации мира, который находит отражение в языке [Апресян 1995, с. 39], или как способ членения мира, характерный для того или иного языка [Урысон 1998, с. 3]. С целью выявления влияния грамматической категории рода имени существительного на концептуализацию действительности носителями русского языка нами был проведен лингвокогнитивный эксперимент в мае – сентябре 2024 года.

Опишем ход эксперимента и его результаты. Данный эксперимент проводился в два этапа.

Первый этап осуществлялся в мае – сентябре 2024 года. В роли испытуемых выступили 62 носителя русского языка – подписчики моего личного аккаунта в социальной сети ВКонтакте: лица мужского и женского пола в возрасте от 13 до 80 лет, проживающие в Барнауле, Брянске, Воронеже, Воскресенске, Гомеле, Дзержинске, Екатеринбурге, Кандалакше, Краснодаре, Красноярске, Лобне, Москве, Новороссийске, Озерске, Санкт-Петербурге, Серпуховинске, Серпухове, Смоленске, Темрюке, Челябинске. На своей личной странице в социальной сети ВКонтакте я разместила пост, который состоял из двух фотографий – черной ручки и черного маркера и текста анкеты.

Текст был следующий: Представьте себе, что вы собираетесь делать мультяшного персонажа. Перед вами два персонажа будущего мультяшного героя. Кого из них вы оденете в брючки, а кого – в юбочку?

Приведем результаты эксперимента:

36 испытуемых (57,14%): ручку – в юбочку, маркер – в брючки.

21 испытуемый (33,3%): маркер – в юбочку, ручку в брючки.

Оба варианта подходят – 5 испытуемых (7,94%).

Большая часть испытуемых довольно развернуто комментировали свои предложения. Обратимся к этим комментариям (орфография и пунктуация авторов).

- Ручку в юбочку – она тонкая и звонкая).
- В русском языке маркер мужского рода – значит оденем в брюки, ручка – женского рода – тогда в юбке.

Даже визуально, более крупный предмет ассоциируется с брутальным «мужским образом», а меньший предмет – с утонченным и элегантным «женским образом».

- Не по грам. признаку, а по внешнему: маркер мощнее, толще – брюки. Ручка тоненькая – девочка в юбочке.

Если подходить с точки зрения грамматики русского языка, то маркер (м) – в брючки, а ручка (ж) в юбочку. Но визуально я бы сделала наоборот, маркер цветной, ему бы больше юбочка пошла. И вообще, долой гендерные стереотипы! :)

- А я бы одела юбочку на маркер. Женщина мягкая и в бедрах больше. Как Венера Милосская. А мужчины тоньше и длиннее. Поэтому на ручку брючки)

- Согласно с Вами, я тоже так подумала.
- Тоненького – в брючки, пышненькую – в юбку.
- Первое, что приходит неосознанно на ум: маркер – м.р., он в брючках, а ручка – ж.р. – в юбочке. А второе – по внешним признакам: маркер более крупный – мужч., а ручка – тоненькая – девушка.

- Ручка – долговязый юнец в брюках. А маркер – пышнотелая женщина в возрасте. В юбке, конечно).

- Худую в юбку, толстую в брюки.
- Первое, что пришло в голову маркер потолще и покороче, как бы с формами (ж) в юбочку, а ручка постройнее и повыше – мальчик, брючки будут идеально сидеть, но тогда с русской грамматикой не схлопывается. И я представила их наоборот и тоже будет очень даже не плохо смотреться: высокая девочка в платьице и плотный невысокий мальчик, в костюме с бабочкой. Чудесная модная парочка остановите мою фантазию, пожалуйста.

- Ручку в юбку, потому что она ж.р. и больше похожа на девочку, маркер – в штаны, потому что м.р. и больше похож на мальчика.

Я бы надела юбку на ручку, а брюки на маркер. Но это не потому что ручка – это женский род, а маркер – мужской. Юбка-брюки – это "человеческая" одежда... И на худеньких лучше смотрится юбка, а на корпулентных (крепких/упитанных), на мой взгляд, лучше брюки. Но это я их восприняла как людей))) Забавно.

- Ручку (тонкую и хрупкую) в юбочку, маркер (солидный и крепкий) в стилище брючки!

- Маркер хочется одеть в брючки, а тонкую изящную ручку – в юбочку...
- Если честно, я бы попробовала оба варианта (ручку в юбку, а маркер в брюки и наоборот). И выбирала бы из персонажей, которые получились.

• Ручку – в юбку, маркер – в брюки)) Так просто отзывается у меня внутри)).

• Прочитав задание, хотела спросить: а где персонажи-то? Подумала, что ошибочно фотки того, чем рисовали. Прочитав комментарии, поняла, что не воспринимаю пишущие принадлежности как персонажей, поэтому пусть будут, как есть – без брюк и юбок, тем более, неизвестно содержание мультика: может, про шотландцев? Так там и мужчины в юбках, а, может, про поход, так там все в брюках. Нет сюжета – нет костюма!

• Наверно, ручка жен. рода – юбка. Маркер муж. род – брюки.

• Пишу, что первое на ум пришло:

Худого – в брючки, толстенького – в юбочку.

А потом я начала думать и засомневалась.

• В брючки – маркер, в юбочку – ручку))) Но не по причине грамматических ассоциаций, их почему-то не обнаружила у себя, если бы не предыдущие комментарии... Визуально определила, что ручка "изящна", маркер "брутален"))).

• Маркер – брюки, ручка – юбка. По визуальному восприятию.

• Толстенького – в юбочку. Худенького – в брючки.

Почитала комментарии. Мне и в голову не пришло связать юбку и брюки с родом, просто маркер толстенький в юбочке для меня симпатичнее. Больше похож на русскую красавицу.

• На ручку – юбочку, на маркер – брючки.

Ручка тоненькая и хрупкая, как девушка. А маркер брутальный, мощный, явный парень.

• Ручку в брючки, маркер в юбочку. Всё-таки у девушки должны присутствовать какие-то формы. И вообще, пухлые мужчины мне не нравятся.

• Мне ручка сразу девочкой представилась, хрупкой балериной, ей одену юбочку. А маркер мальчуган, пухляк такой, с пончиком, ему брючки.

• Я более тонкую ручку вижу девочкой, а толстый маркер – мальчиком.

• Маркер покороче и потолще, подчеркнуть пышной юбочкой. Килтом, если очень хочется мальчика. Пухлый ирландец, очень прикольно.

Ручка длинная и худенькая, подчеркнуть стройными брючками. Даже если делаем девочку, на контрасте хорошо сыгрывает.

Если что, это профдеформация, никакой психолингвистики, оживление предметов – часть работы.

• Юбочку – на ручку – стройная))брючки – на маркер – покрупнее брюки будут лучше сидеть).

• Думаю, что стройную ручку – в юбочку, а основательный маркер – в брючки.

• Девушки обычно более изящные и стройные, поэтому визуально ручка – девочка. А маркер сильный и большой, поэтому маркер – мужчина.

• А я считаю, что два варианта одинаково хороши, просто фокус смыслов меняется:

1 вариант, если фокусируемся на языке, Ручка – жен. род – девочка. Маркер – муж. род – мальчик или папа девочки.

2 вариант прикольный и обучение можно построить с юмором – Маркер – это учительница Маркерша, а ручка – мальчик, который немножко хулиган, но прилежный ученик, старается исправлять свои ошибки.

- *Ориентируюсь на предполагаемую фигуру. И тут – оп-ля! – спокойно меняются они ролями. Я могу представить крепенького мужчину и пухлую девушку. И наоборот. При этом юбочки могут быть разные, как и брючки. В общем, всё, что угодно на какой угодно фигуре.*

- *Моё мнение. На ручку – юбочку. Тонкая, изящная, причем на колпачке идет зажим – очень хорошо ассоциируется с хвостом из волос. А вот маркер такой весь плотный и brutальный. Его зажим на колпачке больше напоминает нос как у Фрунзика Мкртчана из Кавказской пленницы! Ему еще такую шапку грузинскую круглую с козырьком! Вах-вах, красиво будет! Прям сцену можно создать – хрупкая девушка идет по продуктовому рынку, а ей из-за прилавка с фруктами громко говорит колоритный грузин: Эээ, дэвушка, вылитый пэрсики! Падхады дарагая - купи арбуз! Так что брюки надеваем на маркер!*

- *Маркер – в юбочку, а ручку – в брюки, это интуитивно.*

- *Ручку – в брюки, а маркер – в юбочку) Чисто интуитивно).*

Из комментариев и реакций без комментариев мы можем сделать вывод, что на визуальные впечатления опиралось 25 человек (40,32%), на грамматику – 1 человек (1,62%), на то и на другое – 5 человек (8,06%), нашли противоречие между грамматикой и визуальным образом и выбрали визуальный образ 1 человек (1,62%), «интуитивно» ответили 4 человека (6,45%), без обоснований реакций – 25 человек (40,32%). Таким образом, можно предположить, что при визуализации, т.е. при возможности опоры на ПРЕДЛОЖЕННЫЕ визуальные образы, пол «присваивается» объектам не только (и не столько) согласно роду имени существительного, обозначающего данный объект, но и согласно визуальным впечатлениям от объекта.

Второй этап данного эксперимента проводился в сентябре 2024 года.

Испытуемым второго этапа предлагалась такая же анкета, как и испытуемым, принимавшим участие в первом этапе. Отличие было в том, что на втором этапе не было фотографии ручки и маркера (ручка и маркер не были визуализированы), и испытуемые имели дело только с текстом. Важно отметить, что для чистоты эксперимента во втором этапе принимали участие люди, не участвовавшие в первом этапе. Анкета была размещена в социальной сети ВКонтакте в моем английском блоге и в чатах моих учебных групп. Во второй части эксперимента приняло участие 63 носителя русского языка: лица мужского и женского пола в возрасте от 15 до 78 лет, жители Воскресенска, Дзержинска, Долгопрудного, Домодедова, Егорьевска, Казани, Калининграда, Кемерово, Магнитогорска, Мантурово, Москвы, Новокузнецка, Санкт-Петербурга, Челябинска.

Результаты эксперимента были следующими:

55 испытуемых (87,30%): ручку – в юбочку, маркер – в брючки.

5 испытуемых (7,94%): ручку – в брючки, маркер – в юбочку.

3 испытуемых (4,76%): ручку – в брюки, маркер – в брюки.

Рассмотрим комментарии, полученные на втором этапе эксперимента (орфография и пунктуация авторов).

- *Пыталась представить наоборот, очень трудно представить. Значит, ручка в юбочку, маркер – в брючки.*

- Ручка – жен. рода, в юбочку, маркер – м. р. в брючки.
- Стандартно. Ручка – в юбочку, маркер – в брючки, нестандартно – наоборот.

• Ручка она, маркер он... Вопрос закрыт. Хотя напрашивается другое. Ручка более строгая и серьезная и ей больше светят штаны, а маркер цветной и шепотной, мог быть и в юбке.

- С утра подумала, что на Маркер не получится надеть брючки: у него же одна ножка, так что и Маркер окажется в юбочке, как в килте.

- И того, и другого в брючки, только ручка будет стройная девушка, а маркер – солидный мужчина.

- Ручку – ж.р. – в юбку, маркер – м.р. – в брюки.

- Ручка она – в юбку, маркер он – в брюки.

- А что есть варианты? Ручка она – в юбку, маркер он – в брюки.

- Ручка – в юбочку, маркер – в брючки. Ручка поминиатюрнее и изящнее.

- Чисто по половому признаку ручка в юбочке, а маркер в брюках.

- Ручка – в юбочку, маркер – в брючки. И не только потому, что ручка женского рода, а маркер мужского. Ручка наряднее, у нее более красивые формы, а маркер лаконичен.

- Я бы обоих в джинсы одела. А так, если следовать логике, то ручку (в русском языке) в юбку, а маркер в брюки.

- В русском языке по родам поставил бы ручку в юбочку, а маркер в брючки. А вот в английском «pen» ручка воспринимается у меня наоборот и уже передел бы ручку в брючки.

- Ручка – в юбочку, маркер – в брючки, т.к. по родам имен существительных.

- На рабочем столе и ручки и маркеры, визуальнo одела бы ручки в брючки, все темные и простые, а маркеры в юбочки, т.к. все широкие и цветные, на слух, конечно, ручка – юбочка, маркер – брючки, она – он.

Из комментариев и реакций без комментариев мы можем сделать вывод, что на визуальные впечатления или представления опиралось 3 человека (4,76%), на грамматику – 7 человек (11,1%), на то и на другое – 1 человек (1,59%), «интуитивно» ответили 0 человек, нашли противоречие между грамматикой и визуальным образом и выбрали визуальный образ 0 человек, без обоснований реакций – 52 человека (82,54%).

Интересно отметить некоторые особенности приведенных выше комментариев, полученных на втором этапе:

1. Смешение понятий род и пол: *Чисто по половому признаку ручка в юбочке, а маркер в брюках.*

2. Восприятие английского слова “pen”, которое для русскоговорящего как бы имеет нулевое окончание (характерно для существительных мужского рода), как название существа мужского пола: *В русском языке по родам поставил бы ручку в юбочку, а маркер в брючки. А вот в английском «pen» ручка воспринимается у меня наоборот, и уже передел бы ручку в брючки.*

3. Противоречие между грамматикой и визуальным образом возникло в результате обращения к реалиям жизни: *На рабочем столе и ручки и маркеры, визуальнo одела бы ручки в брючки, все темные и простые, а маркеры в юбочки,*

т.к. все широкие и цветные, на слух, конечно, ручка – юбочка, маркер – брючки, она – он.

4. В двух случаях выбор одежды не изменил «присвоение» пола, характерное для большинства испытуемых: *С утра подумала, что на Маркер не получится надеть брючки: у него же одна ножка, так что и Маркер окажется в юбочке, как в килте.*

Комментарии, полученные на первом и втором этапах, отличаются по количеству, по уровню подробности и образности. На первом этапе было получено 36 комментариев, на втором – 16, на первом этапе комментарии значительно более подробны и образны, чем на втором.

Сводные результаты эксперимента приведены в Таблице 1.

Таблица 1

Сопоставление результатов двух этапов эксперимента

Вариант	1 этап (с визуализацией)	2 этап (без визуализации)
Ручку – в юбочку, маркер – в брючки	57,14 %	87,30%
Ручку – в брючки, маркер – в юбочку	33,30%	7,94 %
Ручку – в брючки, маркер – в брючки	-	4,76%
Оба варианта подходят	7,94 %	-
Опора на визуальные впечатления или представления	40,32%	4,76%
Опора на грамматику	1,62%	11,10 %
Опора и на визуальные впечатления (представления), и на грамматику	8,06 %	1,59 %
Без обоснования	40,32 %	82,54%

Выводы, которые можно сделать на основании результатов проведенного лингвокогнитивного эксперимента, следующие:

1. Грамматическая категория рода имени существительного оказывает существенное влияние на концептуализацию действительности носителями русского языка.

2. Визуализация стимулирует работу фантазии и образного мышления.

3. Визуализация в значительной степени нивелирует влияние грамматической категории рода на концептуализацию действительности носителями русского языка. Вероятно, это связано с тем, что визуализация выводит человека из абстрактных языковых категорий в физическую реальность.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронеж. гос. ун-т. – Москва: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Урысон Е.В. Языковая картина мира vs обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3-21.

О.В. Иващенко (Воронеж)

ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ НОМИНАЦИЙ МЕНТАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

Аннотация. В статье анализируются когнитивные классификаторы ментальных имен в русском и английском языках. Когнитивные классификаторы проявляются в концептосфере как концептуальные признаки, используемые для объединения сходных концептов, и репрезентируются в языковой семантике как интегральные и дифференциальные семы.

Ключевые слова: абстрактное имя, ментальное имя, когнитивный классификатор, категоризация

Abstract. The article examines cognitive classifiers of the Russian and English nouns denoting mental states. Cognitive classifiers can be described as cognitive attributes of a certain concept, which are reflected in the word meaning as integral and differential semes.

Keywords: abstract noun, mental states, cognitive classifier, categorization

Изучение мыслительной деятельности человека и его ментальных состояний имеет длительную историю. Сущность ментальных состояний неоднократно рассматривалась в работах по философии, лингвистической философии, психологии, логике (И.А. Васильев, В.И. Вернадский, Л. Витгенштейн, Л.С. Выготский, Н. Малкольм, Дж. Серль, Г. Фреге), многие лингвистические труды выполнены на материале ментальных глаголов и имен (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, С.Г. Воркачев, В.Г. Гак, М.А. Дмитриевская, Анна А. Зализняк, М.В. Пименова, Н.К. Рябцева, А.Д. Шмелев). Одним из возможных подходов к изучению сущности ментальных состояний является их описание при помощи категории когнитивных классификаторов, под которыми понимаются **актуальные классификационные признаки, упорядочивающие для человека и действительность, и язык**. Когнитивные классификаторы проявляются в концептосфере как концептуальные признаки, используемые для объединения сходных в каком-либо отношении концептов, и репрезентируются в языковой семантике как интегральные и дифференциальные семы [Попова 2001]. В настоящем исследовании предпринята попытка анализа классификаторов ментальных имен на материале русского и английского языков.

Результаты анализа позволяют сделать вывод, что **когнитивные классификаторы имен ментальных состояний в русском и английском языках следующие:**

- 1) степень истинности наличного знания;
- 2) мера четкости мыслительного содержания знания;
- 3) вид объекта знания;
- 4) объем мыслительного содержания знания;
- 5) внутригрупповой классификатор «степень интенсивности эмоционального сопереживания, сопровождающего ментальное состояние».

Определяющим классификатором имен ментальных состояний является **степень истинности наличного знания**, позволяющий разграничить:

1. Ментальные состояния наличия истинного знания (*знание, сознание* в русском языке и *knowledge, consciousness* в английском языке)

Ряд исследователей делают наблюдение об истинности знания. Ю.Д. Апресян указывает на тот факт, что ментальное состояние *знание* предполагает наличие истинного знания и полностью исключает неуверенность в его истинности [Апресян 1995]. Н.Д. Арутюнова делает наблюдение о том, что знать – значит иметь некоторое суждение (информацию), оцениваемое как истинное [Арутюнова 2000]. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев указывают на истинность знания [Булыгина 1988]. В.Г. Гак определяет, что в случае знания оно соответствует действительности и истинно [Гак 1993]. М.А. Дмитриовская отмечает, что в случае знания имеет место истинностная оценка [Дмитриовская 1988]. А.А. Зализняк постулирует существование элементарной семантической единицы знание, несущей смысл истинности [Зализняк 1988].

По данным русского и английского языков данные ментальные состояния основаны на наличии истинного знания. Состояние *знание – knowledge* понимается как «Состояние наличия сведений, информации, адекватной реальной действительности» (семема Д1): *знание жизни, knowledge of life, knowledge of people*. Ментальное состояние *сознание – consciousness* осмысливается как «Состояние адекватного понимания своего положения субъектом, того, что происходит с субъектом в окружающей действительности» (семема Д1).

2. Ментальные состояния наличия кванта истинного знания (*мысль, идея, озарение* в русском языке и *thought, idea* в английском языке)

3. Ментальные состояния сосредоточенности с целью пополнения знания (*внимание, интерес, любопытство* в русском языке и *attention, interest, curiosity* в английском языке)

Ментальное состояние *внимание* есть «Сосредоточенность мысли на чем-либо», *attention* – «...state of attending or heeding; direction or application of the mind to any object of sense or thought» (семема Д1).

Состояние *интерес* соотносится с «Увлеченным вниманием, проявляемым к кому-либо, чему-либо», *interest* – «Excitement of feeling, whether pleasant or painful, accompanying special attention to some object» (семема Д1).

Состояние *любопытство* – это «Желание, стремление узнать что-либо во всех подробностях, интерес ко всему новому», *curiosity* – «The desire that someone has to know about things and learn as much as possible about them» (семема Д1).

4. Ментальные состояния уверенности в истинности имеющегося знания (*вера и надежда* в русском языке и *belief, faith, trust* и *hope* в английском языке)

Анализ семантемы лексем *вера – belief – faith – trust* выявляет абстрактные семемы, определяющие сущность ментального состояния *вера* как основанного на уверенности в истинности имеющегося знания: семема Д1 «Убеденность, уверенность в исполнении ожидаемого, в положительных качествах, достоинствах, истинности»: *вера в человека, людей, себя, народ, силы, победу, способности, справедливость, future generation, people*, семема Д2 «Верование в предметы сверхъестественные, не вещественные»: *вера в Бога, черта, чудеса, бессмертие, Christ, paranormal*.

Классификационная сема «уверенность в истинности имеющегося знания» проявляется в адъективной, субъективной и глагольной сочетаемости лексем. Данная сема отмечена в сочетаниях с лексемами, означающими большой размер: *большая, огромная, безмерная, безграничная, absolute, great, enormous, boundless, total*; означающими полноту и глубину: *полная, абсолютная, глубокая, без колебаний, без опасений, без сомнений, всем сердцем, всей душой, deep, profound*; означающими силу, твердость, стойкость, прочность: *сила, непоколебимость веры, крепкая, могучая, твердая, прочная, стойкая, непоколебимая, неиссякаемая, неустрашимая, вечная, нерушимая, несокрушимая, strong, steadfast, enduring, firm, unshakable, irresistible, persistent*; означающими страстность, исступленность, фанатизм: *страстная, исступленная, истовая, фанатичная, fanatic*; означающими страстность (метафора огня): *пламенная, горячая, неугасимая, горящая, burning*. Сема «уверенность в истинности имеющегося знания» также актуализируется в метафорах горы, скалы (*прочная, нерушимая скала веры*), камня (*монолит веры, долбит, подтачивать веру*) дома, крыши (*под крышей веры, приют веры, построить веру*). Степень уверенности в истинности имеющегося знания может оцениваться как малая в словосочетаниях: *небольшая, крошечная, сомнительная, erroneous, false, mistaken, doubtful, unrealistic, fragile, weak, faith the size of a mustard seed*, но подобная оценка мало частотна.

Среди ассоциаций, возникающих в ассоциативно-вербальной сети в связи с концептом *вера*, первостепенное место занимает *надежда*. Абстрактная семема Д1 лексем *надежда – hope* «Ожидание чего-либо благоприятного в сочетании с уверенностью в его осуществлении»: *надежда* (на кого-что) *на какого-либо человека, помощь, поддержку, сочувствие, счастье, удачу*, (с неопределенной формой) *сделать что-либо, победить, hope for a future life, that something might improve, of saving money, of a better life* – несет классификационную сему «уверенность в истинности имеющегося знания». Ментальные состояния *вера* и *надежда* отличаются друг от друга по параметру уверенности в истинности имеющегося знания. В случае *веры* имеет место большая степень уверенности в истинности имеющегося знания, состояние *надежда* базируется на некоторой доле уверенности в истинности имеющегося знания, что подтверждается данными лингвистического анализа.

Лексемы *надежда – hope* по семеме Д1 допускают измерение степени уверенности в истинности имеющегося знания. В словосочетаниях: *твердая, горячая, большая, огромная, веская, несмотря ни на что, как на скалу, как на каменную гору, исполненный, преисполненный, пламенная, страстная надежда, high, ardent, fervent, a great deal of, great, much, firm, profound hope* – выражена большая степень уверенности в истинности имеющегося знания. Более частотно, чем *вера*, состояние *надежды* оценивается как основанное на малой степени уверенности в истинности знания: *робкая, краткая, в глубине души, легкая, малейшая, крошечная, небольшая, слабая, слабеет, чуть теплится (в душе, в сердце), цепляться за последнюю надежду, slight, slender, little, some hope*.

Классификационная сема «малая степень уверенности в истинности имеющегося знания» прослеживается в описаниях состояния *надежды* как несоответствующего реальности: *бесплодная, пустая, неоправданная,*

несбыточная, неосуществимая, иллюзорная, ложная, напрасная, тщетная, шаткая, обманутая, наивная, простодушная, сомнительная, льстить, тешить себя (льститься, тешиться) надеждой, обольщать себя (обольщаться) надеждой, убаюкивать себя надеждой, обманывать себя надеждой, надежды не сбылись, unrealistic, unreasonable, idle, illusory, vain, baseless hope. Описываемый семантический признак также актуализируется в метафорах миража: *мираж надежды, бледного света, тумана: туманная, смутная, faint, луча света: flicker of, glimmer of, ray of, spark of hope*, хрупкого сосуда: *хрупкая, хрустальная, разбивается.*

5. Ментальные состояния интеллектуального потрясения (русские *удивление, недоумение, изумление* и английские *surprise, amazement, astonishment*)

Данные ментальные состояния вызваны обманутым вероятностным прогнозом, нарушением «нормы ожидания», если до момента свершения события субъект считал, что оно мало вероятно или невероятно [Воркачев 1992].

6. Ментальные состояния неуверенности в истинности имеющегося знания (русские *сомнение, колебание* и английские *doubt, hesitation*)

Данные ментальные состояния возникают при большой степени неуверенности в истинности имеющегося знания: *ощутимые, глубокие, серьезные, сильные, точить, грызть, глодать, терзать, большие, огромные, долгие, продолжительные, постоянные, одолевать, буря, deep, serious, strong, grave, great deal of, much, considerable, a lot of, constant, palpable* или малой степени неуверенности в истинности имеющегося знания: *легкое, минутное, недолгое, некоторое, малейшее, тень, slight, a little, some, a shadow of, tiny, faint, momentary, minute's, moment's, brief, the second of.* Словосочетания с лексемами *сомнение – колебание*, дающие оценку соответствия состояния реальности: *законные, оправданные, подтверждаться, оправдаться, reasonable, real, grounds for, justified, the reasons for, the justification of* или выражающие несоответствие состояния реальности: *пустые, необоснованные, неоправданные, напрасные* – также имплицитно сему неуверенности в истинности имеющегося знания.

7. Ментальные состояния отсутствия знания (русские *неведение, незнание* и английское *ignorance*)

Существенным при категоризации ментальных состояний по данным русского и английского языков является классификатор **Мера четкости мыслительного содержания знания**. Например, четкое мыслительное содержание имеют такие ментальные состояния, как *знание, вера, озарение*; нечеткое мыслительное содержание имеют ментальные состояния *надежда, удивление, недоумение, изумление.*

Семантическое наполнение абстрактных семем лексем лексико-семантического поля ментальных состояний в русском и английском языках зависит от объектных сем. Их анализ позволяет выделить важный когнитивный классификатор русских и английских ментальных состояний **Вид объекта знания**, который характеризует содержание информации ментальных состояний.

Объектом ментальных состояний наличия истинного знания выступает информация. Состояние *знание* имеет объектом любую информацию, у

ментального состояния *сознание* главной является информация о себе. Объектом ментальных состояний *мысль, идея, озарение* является любая информация. Ментальное состояние *озарение* характеризуется внезапностью появления и краткостью удерживания. Ментальное состояние *вера* характеризует любой мыслимый объект как истинный, в особенности выделен мифический объект (русское *вера (в Бога)*, английское *faith*), ментальное состояние *надежда* предполагает наличие любого желаемого объекта. Объектом состояний *удивление, недоумение, изумление* выступают взаимоисключающие кванты прошлого и нового знания. У ментальных состояний *отсутствия знания* отсутствует любой объект.

В некоторых работах, посвященных исследованию количественных параметров в языковой картине мира, высказывается мысль о том, что заведомо не имеющие количественного измерения явления могут получать количественную интерпретацию (*зародить зерно, семя сомнения*) [Апресян 1995; Рябцева 2000]. Рассмотрение имен ментальных состояний в русском и английском языках показывает, что ментальные состояния различаются по классификатору **Объем мыслительного содержания знания**. Ментальные состояния *знание, сознание* предполагают наличие целостного, не квантованного знания. Состояния *мысль, идея, озарение* имеют один квант знания. Содержание состояний интеллектуального потрясения составляют взаимоисключающие кванты прошлого и нового знания. Для состояний неуверенности в истинности имеющегося знания характерным является наличие альтернативных квантов знания. Нулевой объем мыслительного содержания знания представлен у ментальных состояний отсутствия знания.

Ментальные состояния могут быть эмоционально окрашены и степень эмоционального переживания, сопровождающего ментальные состояния различна [Апресян 1995; Арутюнова 2000; Воркачев 1992; Пименова 1999; Рябцева 2000]. Внутригрупповой классификатор Степень интенсивности эмоционального сопереживания, сопровождающего ментальное состояние способствует дифференциации имен ментальных состояний внутри микрогрупп. Например, состояния *внимание, удивление* маркированы слабой степенью интенсивности эмоционального сопереживания, сопровождающего ментальное состояние. Для состояний *любопытство, изумление* релевантна сильная степень интенсивности эмоционального сопереживания.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что категоризация ментальных состояний в русской и английской культуре основана на оценке степени истинности наличного знания, меры четкости мыслительного содержания знания, объема мыслительного содержания знания, выделения объекта знания и эмоциональной окрашенности состояний. Языковая категоризация номинаций ментальных состояний определяется иерархией классификаторов, которые представляют собой семантические признаки, важные для носителей языка, и прослеживаются по абстрактным семемам имен ментальных состояний как интегральные и дифференциальные семы. Когнитивные классификаторы русских и английских имен ментальных состояний практически одинаковы, что отражает похожее в русской и английской культуре восприятие ментальных состояний.

- Апресян Ю.Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №4. – С. 43-63.
- Арутюнова Н.Д. Знать себя и знать другого: (по текстам Достоевского) / Н.Д. Арутюнова // Слово в тексте и в словаре. – М., 2000. – С. 22-41.
- Булыгина Т.В. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988. – С. 46-63.
- Воркачев С.Г. «Первая из всех страстей»: адмиративная оценка и средства ее выражения в испанском языке / С.Г. Воркачев // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1992. – №2. – С. 81-89.
- Гак В.Г. Пространство мысли: (Опыт систематизации слов ментального поля) / В.Г. Гак // Логический анализ языка: Ментальные действия. – М., 1993. – С. 22-30.
- Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка. Знание и мнение: сборник научных статей. – М., 1988. – С. 6-18.
- Зализняк А.А. О понятии имплицативного типа / А.А. Зализняк // Логический анализ языка. Знание и мнение: сборник научных статей. – М., 1988. – С. 107-121.
- Пименова М.В. Семантика языковой ментальности и импликации / М.В. Пименова // Филол. науки. – 1999. – №4. – С. 80-86.
- Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
- Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира / Н.К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки пространств: сборник статей. – М., 2000. – С. 108-116.

О.О. Ипполитов, О.М. Дедова (Воронеж)

ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ – ДОРОГА» СРЕДСТВАМИ СЮЖЕТНО ЛОКАЛИЗОВАННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ХРОНОТОПОВ

Аннотация. В статье описывается объективация концепта «Жизненный путь – дорога» в художественной литературе. Показывается применение когнитивной лингвистики и концептов в педагогическом процессе. Сравняются и оцениваются поступки персонажей, имевших прототипы в исторической действительности.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепты, объективация концепта, период времени

Abstract: The objectification of the concept of "Life path-road" in fiction is described. The application of cognitive linguistics and concepts in the pedagogical process is shown. The actions of characters who had prototypes in historical reality are compared and evaluated.

Keywords: cognitive linguistics, concepts, objectification of the concept, a period of time.

Современная педагогика является комплексной междисциплинарной наукой, использующей в своей практике достижения различных научных дисциплин. В их число входит и когнитивная лингвистика, изучающая различные аспекты жизни людей как языковых личностей, формирующихся и действующих в русскоязычной языковой среде [Попова 2007; Ипполитов 2012,

2013, 2014]. Образовательный процесс требует применения новых, эффективных способов просвещения и воспитания подрастающего поколения, и концептный анализ популярных произведений художественной литературы в старших классах и в среднем профессиональном образовании позволяет акцентировать внимание обучаемых на, казалось бы, малоочевидных, но значимых для личностного развития моментах.

«Жизненный путь – дорога» представляет собой весьма многоаспектное понятие. Интерес для когнитивных исследований и для педагогического процесса представляет рассмотрение как длительных периодов времени (года жизни, периоды учебы, работы, супружества и т.д.), так и относительно короткие, к примеру, вспомним цитату в рассказе Артура Конан Дойля «Сухопутный пират»: *Один насыщенный славными свершениями час стоит целого века бездействия.*

В прикладных целях такие исследования проводятся для подготовки студентов к анализу педагогических жизненных ситуаций, для выявления способов текстовой объективации концептов и их составляющих, более широко – для подготовки словарей и обзорных работ по лингвострановедению и лингвокультурологии.

Для проведения настоящего исследования была взята фантастическая (для большей заинтересованности и доступности для обучаемых) повесть братьев Стругацких «Далекая радуга» [Стругацкий 2020], в которой сюжетные события разворачиваются в течение одного светового дня на вымышленной планете Радуга, служащей полигоном для физиков-экспериментаторов.

Сжатость сюжетного времени предоставила авторам возможность показать в заданном объеме повести различных людей с различными характерами и социальным положением, попавших в одну общую катастрофическую ситуацию – неминуемую гибель всего живого на этой планете уже к концу текущего дня. Средством эвакуации может служить только один случайно оказавшийся на ней звездолет, но его сверхмалая вместимость еле позволяет принять на борт хотя бы имеющих на планете детей.

Перед началом работы с текстом следует обратить внимание учащихся на то обстоятельство, что исторической основой художественного вымысла в повести, как принято считать, являются воспоминания очевидцев эвакуации Москвы в октябре 1941-го, с которыми Стругацкие были знакомы лично или чьи воспоминания были ими прочитаны, а также собственные подростковые воспоминания братьев-писателей, эвакуированных по «Дороге жизни» из блокадного Ленинграда в 1942-м.

В процессе работы не всегда представляется целесообразным раскрывать перед учащимися используемый при подготовке к проведению занятия терминологический аппарат концептологии (когнитивный признак, понятие, параметры и пр.), достаточно лишь акцентировать внимание на объективируемых им лексических средствах анализируемых на уроке прецедентных текстов.

Педагогическую значимость для разбора на уроке представляют три группы ситуаций, объективированных прецедентными текстами, в том числе:

I. Получение носителями сознания информации о надвигающейся катастрофе:

1. Получение информации в готовом к использованию виде, но из представляющегося сомнительным источника:

– *Всё спасается, – сказал Камилл. – Всё бежит. На вашем месте, Роби, я бы тоже бежал. Идет Волна.*

– *Какая Волна? – Роберт нагнулся и посмотрел на приборы. – Нет же никакой Волны, Камилл...*

– *Нет? – сказал Камилл хладнокровно. – Тем лучше. Давайте останемся и посмотрим.*

2. Получение информации в смягченном виде:

– *Волна. Она опасна?*

– *В общем-то Волна смертельно опасна, – сказал он. – Беда в том, что физики никогда не знают заранее, как она будет себя вести. Она, например, может в любой момент рассеяться.*

3. Получение информации в не оставляющем сомнений виде:

– *Мне сейчас поможет только одно. Ламондуа явится сюда и разочарованно скажет, что Волна рассеялась.*

Дверь в глубине кабинета открылась, и на пороге появился Этьен Ламондуа.

– *Кажется, я огорчу вас, – медленно и ровно сказал он. – «Харибды» не выдержали. – Фронт прорван на севере и на юге.*

II. Действия носителей сознания по разрешению ситуации (и личной, и коллективной) в их понимании:

1. Несение ответственности за небольшое количество совершенно сторонних людей, когда ситуация еще не представлялась критической:

– *Канэко, дружище, всех аутсайдеров надо немедленно разыскать и переправить в Столицу.*

– *Я не совсем понимаю, в чем смысл этого мероприятия, – вежливо сказал Канэко. – В угрожаемых районах аутсайдеры практически никогда не бывают. Там голая сухая степь, очень жарко...*

– *Пожалуйста, не будем спорить, Канэко, – попросил Матвей. – Волна есть Волна.*

2. Несение ответственности за всё население вверенной в подчинение планеты, пусть и немногочисленное:

– *...И фактически мы решаем сейчас вопрос, что является самым ценным для человечества и для нас как части человечества.*

3. Несение ответственности за всё население планеты, неожиданно доверившееся тебе:

– *Понимаете ли, решать, собственно, нечего. Всё уже решено. Ясли и матери с новорожденными уже на звездолете. (Толпа шумно вздохнула). Остальные ребята грузятся сейчас. Вы уж простите меня, но я решил самостоятельно. У меня есть даже право решительно пресекать все попытки помешать мне выполнить это решение. Но это право, по-моему, ни к чему. Товарищи родители, вход на космодром совершенно свободный. Правда, простите, на борт звездолета подниматься не надо.*

4. Несение ответственности за самого дорогого человека, даже при условии обречения на скорую и верную смерть других людей:

– Здесь дюжина ребятишек, женщина и мы с тобой. Женщина, которую я люблю больше всех людей на свете. Так вот. Флаер двухместный...

Габа покивал.

– Понимаю. Пусть Таня садится во флаер и берет с собой столько ребятишек, сколько туда влезет...

– Нет, – сказал Роберт... – Возможны только два варианта: либо лечу я с Таней, либо с Таней летишь ты, но тогда ты поклянешься мне всем святым, что Таня улетит в этом звездолете! Выбери!

– Ты сошел с ума! – сказал Габа. Он медленно поднимался с травы. – Это дети! Опомнись!...

– А те, кто останется здесь, они не дети? Кто выберет троих, которые полетят в Столицу и на Землю? Ты? Иди, выбери!

– Она возненавидит тебя, – тихо сказал Габа.

– Через три часа я тоже умру, – сказал Роберт. – Мне будет все равно. Прощай, Габа.

III. Действия носителей сознания после кульминации ситуации (отлета звездолета с планеты на безопасную орбиту):

1. Попытки делать хоть что-то для спасения себя и других людей, пусть даже почти наверняка безнадежные:

Некоторые спустились в шахту, где велись уже горизонтальные выработки. А несколько опытных пилотов сели в птерокары и умчались к северу и к югу, чтобы присоединиться к наблюдателям Совета, уже несколько часов играющим в пятнашки со смертью.

2. Попытки спасти хотя бы результаты научных исследований:

– А мы вот архивы хороним. Очень утомительно.

...Большая группа механиков и метеорологов вышла на окраину города и принялась строить конвейерные цехи для производства небольших ракет. Предполагалось грузить эти ракеты важнейшей документацией и выбрасывать их за пределы атмосферы в качестве искусственных спутников, с тем чтобы позже их подобрали и доставили на Землю. К ракетчикам присоединилась часть аутсайдеров – тех, кто инстинктивно чувствовал себя не в силах ждать сложа руки, и тех, кто действительно мог и желал помочь, и тех, кто искренне верил в необходимость спасения важнейшей документации.

3. Апатия от осознания своей обреченности, но, по крайней мере, не в ущерб окружающим:

Мимо него прошла, опустив голову, та прекрасная девушка с сединой в золотых волосах, которая так вовремя прервала его неприятный разговор со Склярковым на космодроме. Она шла по самой кромке воды, и лицо ее уже не казалось каменным, оно было просто бесконечно усталым. Шагах в пятидесяти она остановилась, постояла, глядя в море, и села на песок, уткнулась подбородком в колени. ... Горбовский следил за Склярковым, как он шагает – сначала широко и уверенно, а потом всё медленнее и медленнее, как он всё-таки подошел к ней, и сел рядом, и она не отодвинулась.

4. Попытки красить последние часы жизни окружающим:

С другой стороны автобуса появился Габа. Он скакал на четвереньках. – А ну, что вы здесь скучаете? – заорал он. – Кто поймает Шер-Хана – великого тигра джунглей?!

Он испустил протяжный рык и, брыкнув ногами, помчался на четвереньках в лес. Несколько секунд ребятами, открыв рты, смотрели на него, потом кто-то весело взвизнул, кто-то воинственно завопил, и всей толпой они побежали за Габой, который уже выглядывал с рычанием из-за деревьев.

...В городе вдоль главной улицы многоцветными пятнами красовались картины, выставленные художниками в последний раз, – у деревьев, у стен домов, на волноводах поперек дороги, на столбах энергопередач. Перед картинами стояли люди, вспоминали, тихо радовались...

Применение в педагогической практике рабочего аппарата концептологии предоставляет возможность развивать логическое мышление у студентов, обучать их выявлять в профессиональной или жизненной ситуации важные элементы, детально их рассматривать, давать им практическую оценку на текущий момент, развивать социализацию молодежи, и в перспективе – научить сторониться жизненных ошибок и быть эффективными специалистами в выбранной профессии. Также соревновательный момент подобных занятий (Кто приведет больше примеров по заданному вопросу?!») позволяет выявлять и наиболее деятельных и творчески мыслящих учеников – возможных участников студенческих олимпиад по гуманитарным дисциплинам.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 252 с.

Стругацкий А.Н. Далекая Радуга / А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий // Попытка к бегству. Далекая Радуга. – М.: АСТ, 2020. – 320 с.

Ипполитов О.О. Рассмотрение свойства этапности как одной из особенностей когнитивной структуры концепта «Путь-дорога» / О.О. Ипполитов // Когнитивные исследования языка. Вып. XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации. – М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2012. – С. 332-339.

Ипполитов О.О. Некоторые замечания о маркировании человеческим сознанием этапов жизненного пути / О.О. Ипполитов // Когнитивные исследования языка. Вып. 14: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материалы Всероссийской науч. конф. 11-12 апреля 2013 г. – Тамбов: Изд. ТГУ, 2013. – С. 282-286.

Ипполитов О.О. О классификации граничных аспектов субконцепта ВСТРЕЧА как элемента концепта ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ-ДОРОГА / О.О. Ипполитов // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. – М.: Ин-т. языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина; Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2014. – С. 398-400.

Ипполитов О.О. Частные когнитивные особенности преподавания русского языка как элемента жизненного пути вузовского работника / О.О. Ипполитов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12 (часть 12). – С. 2677-2680.

Н.А. Лемякина, В.В. Бушманова (Воронеж)

КОНЦЕПТ «ВОЙНА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА

Аннотация. Цель исследования – выявить и описать составляющие базового концепта **война** в детской языковой картине мира, его возрастные особенности, ценностные ориентации, представления о войне младших школьников (со 2 по 4 класс).

Ключевые слова: концепт **война**, младший школьник, языковая картина мира

Abstract. The purpose of the study is to identify and describe the components of the basic concept of war in the children's linguistic picture of the world, its age characteristics, value orientations, ideas about the war of younger schoolchildren (from 2nd to 4th grade).

Keywords: the concept of war, a junior high school student, a linguistic picture of the world

Исследование языковой личности учащегося младшего школьного возраста имеет одним из аспектов изучение базовых культурных концептов, важных для языковой картины мира ребенка данного возраста. Ранее мы рассматривали такие концепты, как *совесть, душа, счастье, любовь, радость* [Лемякина 2018].

Существуют различные взгляды на понятие концепта. Мы опираемся на мнение лингвистов З.Д. Поповой, И.А. Стернина, В.А. Масловой [Попова 2007; Маслова 2008].

Объект исследования – концепт **война**, предмет – его семантические характеристики в картине мира младшего школьника.

Исследователи отмечают высокую активность данного концепта, он является объемным концептом, фреймом. Это говорит о важности для человека этой стороны действительности, особенно сейчас, во время осуществления СВО.

Основное содержание включает в себя: понятийную сторону концепта; предметно-образную сторону; ценностную сторону [Венедиктова 2004, с. 6]. Лексические, фразеологические, паремиологические единицы обозначают различные стороны концепта.

Понятийный компонент включает набор лексем, содержащихся в лексикографических источниках, исследователем М.А. Потапчук представлен следующим образом:

- вооруженная борьба между государствами;
- состояние вражды;
- действия, направленные на уничтожение кого-либо (чего-либо);
- конфликтные отношения между государствами;
- непримиримое противостояние, несогласие;
- ссора, перебранка [Потапчук 2011, с. 49].

В 2022 г. был проведен психолингвистический эксперимент: «война – это...», «война – какая...», «Какие ты знаешь пословицы, поговорки, фразеологизмы о войне?». Приведем его результаты: для первоклассников на первом месте «действия, направленные на уничтожение кого-либо, чего-либо» (77%), а также «ссора, перебранка» (18%), для учащихся 2 класса – «действия, направленные на уничтожение кого-либо, чего-либо» (56%) и «вооруженная борьба между государствами» (21%). Для третьеклассников – «действия,

направленные на уничтожение кого-либо, чего-либо» (66%) и «вооруженная борьба между государствами» (26%). Для учащихся 4 класса в приоритете ««вооруженная борьба между государствами» (45%) и «действия, направленные на уничтожение кого-либо, чего-либо» (30%) [Лемяскина 2023, с. 231].

В 2024 г. был проведен аналогичный психолингвистический эксперимент, а также беседы. Анализ полученных результатов (опрос 316 учащихся 2-4 классов г. Воронежа) позволяет выделить следующие составляющие концепта «война»:

2 класс

«Вооруженная борьба между государствами» (46%): *Перестрелки, бои, взрывы, танки, бронемашины, оружие. Это победа наших, это бои жестокие, это самолеты, которые бомбят. Это победа, смерть противников. Когда военные воюют за нашу страну. Сражение, борьба за родину, борьба за жизнь.*

«Действия, направленные на уничтожение кого-либо, чего-либо» (42%): *Умирание людей, разрушение городов, разрушение жилых домов. Это трупы, смерть, бомбы, битвы, обстрел, проигрыши, защита родины. Убивание людей, битва за страну. Жестокая битва, убивание людей, битва за родину, спасение людей и родины.*

«Конфликтные отношения между государствами» (5%): *Вражда государств и республик.*

«Ссора, перебранка» (7%): *Когда дерутся и ругаются. Плохое отношение между людьми.*

3 класс

«Вооруженная борьба между государствами (48%): *Две страны атакуют друг друга, отправляют ракеты, БПЛА. Две или больше стран ссорятся и запускают друг в друга ракеты и так далее. А начинается все с небольшого спора. Когда страна воюет с другой страной. Это страх и боль. Это страх, когда летят ракеты и раздаются взрывы. Это боль в душе, когда воют сирены, и разгромляется родной тебе город. Это грусть, когда твои близкие и даже твой отец идет отстаивать родину. Это голод, когда пропадает еда. Пушки, пистолеты, террористы, танки.*

«Действия, направленные на уничтожение кого-либо, чего-либо (44%): *Страшные бои, где люди теряют близких им людей. Когда бомбят дома и людей расстреливают. Страх, боль, кровь, зло. Там умирают люди. Им очень страшно. Они отстаивают родину. Учитя из орудия стрелять. Учитя самолетом, танком управлять. Когда люди погибают за свою родину. Когда родных отправляют на фронт. Когда человека отправляют на войну. Это когда люди погибают. И борются за всех нас, чтобы мы не погибли. Это очень больно в душе. Боль, страдание, очень ужасно, погибают люди, дети, разрушаются дома.*

«Непримиримое противостояние, несогласие» (2%): *Все плохое, вражда друг с другом.*

«Ссора, перебранка» (6%): *Зло, ненависть, ссоры, в общем, это плохо. Когда все ссорятся, друг друга обижают.*

4 класс

«Вооруженная борьба между государствами» (39%): *Когда две или несколько стран сражаются между собой и используют те орудия, которые вредят миру. Стрельба, много беспилотников, страшное время, бомбы, мины. Когда кругом взрывы, танки ездят, дроны летают, самолеты, все вокруг горит. Когда люди сражаются, борются за родину. Бои с другой страной ради земли и своей страны. Когда люди друг с другом воюют, одни защищают родину, другие хотят завоевать. Это очень страшно, потому что много бомбежек, бегать в подвал надо, это очень плохое время. Это наш Папа.*

«Состояние вражды» (2%): *Когда люди друг с другом не дружат, и получается война.*

«Действия, направленные на уничтожение кого-либо, чего-либо» (34%): *Когда народы нападают друг на друга, и народ гибнет за свою родину. Кровопролитная страшная атака, паника людей, смерть совершенно всех невинных людей, солдат, военных, совершенно беспощадно. Когда убивают людей, когда небо не синее, это зло. Это ракетные опасности, двухчасовое сидение в ванной и много мертвых... И отъезд из родного города. Это смерть, огонь, голод, группа Вагнера, разрушенный город, это самое плохое, что есть в жизни. Она мешает всему: мечтам, человечеству.*

«Конфликтные отношения между государствами» (12%): *Зло, конфликты, плохое восприятие мира.*

«Непримиримое противостояние, несогласие» (6%): *Противоборство друг с другом.*

«Ссора, перебранка» (7%): *Когда все дерутся, друг друга не слушают, всеми правит ненависть. С кем-то поругаться, драка, ссора.*

Ассоциативный ряд, который рождает стимул **война** в сознании детей, составляют как негативно окрашенные лексические единицы (с их преобладанием): *взрывы, кровь, смерть, страх, боль, паника, террористы, разрушения, голод*, так и положительно маркированные: *спасение, родина, победа*. Есть и амбивалентные с точки зрения эмоциональной оценки ассоциации: *танки, бронемашины, самолеты, ракеты*.

Однако если в исследовании 2022 г. дети перечисляли общие сведения о войне, то в 2024 г. младшие школьники уже конкретно говорят о родине, ее защите: *это битва за родину, защита страны, спасение страны и людей, родных отправляют на фронт, победа и смерть противников*.

Выделены также образные компоненты концепта: *страшная, жестокая, ужасная, кровопролитная, суровая*. Дети поясняют: *Это самое худшее слово на планете. Это хаос (2 класс); Это суровое кровавое время и чтобы победить в войне, необходимо быть вместе (3 класс); Это то, что не может нам дать спокойно жить. Это очень плохо как для политического мира, так и для личного мира. Я хочу, чтобы войн было меньше (4 класс).*

Можно выделить ряд составляющих фрейма **война**: *военные действия (атака, сражение, бомбежки, сирены, перестрелки); вооружение (танки, бронемашины, самолеты, ракеты, БПЛА, пушки, дроны), участники (солдаты, папа, родные, прадедушка, прабабушка, группа Вагнера), отношения людей (зло, жестокость, мужество, предательство, друг помогает другу)*, результаты

военных действий (*огонь, разрушенный город, расстрелы людей, голод*), итог войны (*победа, проигрыши, смерть противников*).

В исследовании проведен анализ пословичных выражений, которые приводили испытуемые. Паремнологический анализ показал, что отрицательно младшими школьниками оцениваются следующие аспекты войны: трусость (*У страха глаза велики*); торопливость, спешка (*Поспешишь – людей насмешишь*). Объектами положительной оценки выступают групповые ценности (*Родина-мать! Умей за нее постоять; Кто к нам с мечом придет, тот от него и погибнет; Худой мир лучше доброй ссоры; Один за всех и все за одного; Один в поле не воин; Друг познается в беде*), индивидуальные ценности (*На войне все средства хороши; Тяжело в учении, легко в бою*), преодоление страха (*Глаза боятся, руки делают*), что демонстрирует значимость общечеловеческих ценностей, определяющих нормы поведения языковой личности.

В процессе бесед с исследователем дети высказывали свои мнения о войне. Приведем пример подобного высказывания:

Война – это когда люди сражаются за родину. На войне погибает много людей, особенно в мировой. Война – это страх, боль. Я хочу делать новое оружие, чтобы мы победили. Я хочу, чтобы закончилась война. Я тоже хочу защищать свою родину. Я хочу помочь другим людям, чтобы мы победили. Нам тоже помогают другие страны, как и нашим врагам. Как говорится: Один в поле не воин. На войне тяжело выжить. Во Второй мировой войне люди ели очень плохую еду, потому что у них было очень мало денег, и они работали, чтобы заработать на еду. Например, на хлеб (3 класс).

Таким образом, концепт **война** находит множественное и вариативное проявление в языковой картине младшего школьника, выражаясь в семантике единиц разных уровней. Война в сознании детей воспринимается как тяжелое испытание, что подтверждает общенациональный характер восприятия исследуемого феномена.

Венедиктова Л.Н. Концепт «война» в языковой картине мира (сопоставительное исследование на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л.Н. Венедиктова. – Тюмень, 2004. – 24 с.

Лемяскина Н.А. Актуальные культурные концепты в языковой картине мира обучающихся / Н.А. Лемяскина // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания: материалы Всероссийского научно-практического форума. 06-22 апреля 2023 г. Воронеж, История. Филология. Философия. Экономика. Педагогика / под ред. Г. Заварзиной. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. – С.227-232.

Лемяскина Н.А. Значимые константы культуры в языковой картине мира младшего школьника / Н.А. Лемяскина // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – №4. – С.94-96.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 4-изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.

Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 315 с.

Потапчук М. А. Концепт «война» в русском языке и культуре / М.А. Потапчук // Челябинский гуманитарий. 2011. – №4 (17). – С. 48-52. [konsept-voyna-v-russkom-yazyke-i-kulture.pdf](#).

В.А. Первухина (Сургут)

ФРЕЙМ «ОЦЕНКА ВАЖНОСТИ» (ПО ДАННЫМ НКРЯ)

Аннотация. В статье на основании анализа материала основного корпуса Национального корпуса русского языка предлагается структура фрейма «Оценка важности», в которой выделяются верхние (обязательные) и нижние (факультативные) слоты. На основании состава слотов и их заполняемости делается вывод, что оценка *важный* сопрягается с конкретными ситуациями исключительно фактом оценивания, а базовая пропозиция построенного фрейма выглядит как «Некто наделяет объект субъективной ценностью».

Ключевые слова: тимиологическая оценка, оценка важности, фрейм

Abstract. In the article the author analyses the material of the main corpus of the National Corpus of the Russian Language and proposes the structure of the frame 'Evaluation of Importance'. In the structure of the frame the obligatory and optional slots are distinguished. Based on the composition of the slots and their occupancy, the author concludes that the evaluation of importance is associated with specific situations solely by the fact of evaluation, and the basic proposition of the constructed frame looks like 'Someone endows an object with subjective value'.

Keywords: thymological evaluation, evaluations of importance, frame

В связи с антропоцентричным характером современной науки, в том числе лингвистики, фрейм как ментальная модель организации знаний человека о мире привлекает многих исследователей, что влечет множество трактовок этого понятия. Так, например, в «Кратком словаре когнитивных терминов» под термином «фрейм» одновременно объединяется сразу несколько понятий: 1) набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний; 2) набор сущностей, по предположению исследователя существующих в описываемом мире (метафизическая интерпретация понятия); 3) организация представлений, хранимых в памяти (человека и/или компьютера), плюс организация процессов обработки и логического вывода, оперирующих над этим хранилищем (эвристическая, или имплементационная интерпретация) [Краткий словарь когнитивных терминов 1996, с. 187]. В исследованиях, посвященных фреймам как единицам языкового сознания, обнаруживаются следующие толкования данного понятия: «когнитивная единица, формируемая посредством клише/штампов сознания и представляющая собой “пучок” предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» [Красных 2000, с. 128]; «типичная ситуация, в которой заданы участники и некоторые отношения между ними (например, действие, состояние, свойство, связывающее их)» [Ляшевская 2016, с. 116].

Приведенные толкования позволяют сделать вывод, что основным признаком фрейма является его структурированность: он состоит из компонентов, связанных различными типами отношений, прежде всего иерархическими. В связи с этим можно считать справедливым утверждение Л.А. Бушуевой о том, что структурированность является главным отличием фрейма от концепта: «концепт может выражать любую единицу знания, в том числе неструктурированного» [Бушуева 2019, с. 11].

Как отмечалось выше, в структуре фрейма выделяются верхний и нижний уровни. Устойчивые признаки знания, известные большинству членов данного сообщества, способствуют быстрому узнаванию фрейма и занимают в его

структуре слоты верхних уровней, оставаясь постоянными. Вариативные признаки знания, проявляющиеся в конкретных ситуациях, относятся к слотам нижних уровней, при этом степень вариативности растет по мере удаления от верхних уровней.

По замечанию исследователей, любой вид человеческой деятельности возможно фреймировать на основе общепринятых правил, образующих базовые схемы восприятия, которые позволяют человеку осознать последовательность действий в той или иной ситуации [Бушуева 2019, с. 11]. Следовательно, акт оценивания тоже можно представить в виде фрейма, так как он «представляет собой стереотипную ситуацию, которая отражается в человеческом сознании в виде концептуальных представлений о ценностных характеристиках» [Дюмина 2007, с. 238].

Хотя оценке как компоненту фрейма уделено больше внимания, лингвистами признается существование глобального фрейма «Оценка» [Андреева 2017; Дюмина 2007]. С.Л. Андреева определяет базовую пропозицию фрейма «Оценка» следующим образом: «Некто оценивает объект с определенной точки зрения как ценное / неценное / безразличное» [Андреева 2017, с. 358]. В.П. Дюмина называет субъект оценки, объект оценки и акт оценивания основными компонентами фрейма и выделяет, наряду с ними, ряд факультативных компонентов, например основание оценки.

Рассмотрим структуру фрейма «Оценка важности»: выделим в ней верхние (обязательные слоты) и нижние (факультативные слоты) уровни, а также опишем их лексико-грамматическое наполнение. Предположим, что оценка *важный* сопрягается с конкретными ситуациями только самим фактом оценивания: с ее помощью субъект определяет любое явление или объект действительности как ценность. Таким образом, базовая пропозиция фрейма «Оценка важности» будет выглядеть следующим образом: «Некто наделяет объект субъективной ценностью».

Для построения семантической структуры высказываний, содержащих оценку важности (тимиологическую оценку, выраженную лексемой *важный*), из текстов основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) было выбрано 260 примеров употребления лексемы *важный*. При сборе материала был использован поиск по грамматическим признакам (род, падеж, число) и взяты первые десять примеров из предложенных корпусом, при этом для форм мужского и женского родов были отобраны примеры сочетаемости не только с неодушевленными существительными, но и с одушевленными. Таким образом прилагательное *важный* было проанализировано в 70 контекстах, *важная* – в 70 контекстах, *важное* – в 60 контекстах, *важные* – в 60 контекстах (без учета родовой принадлежности определяемого существительного).

Анализ позволил выделить следующие слоты рассматриваемой семантической структуры: «Носитель важности», «Ограничитель», «Градуальность», «Количество», «Процесс», «Причина», «Бенефициант», «Качество», «Цель», «Источник», «Время», а также «Оценочный признак» (*важный*). Заполняемость слотов представлена на диаграмме.

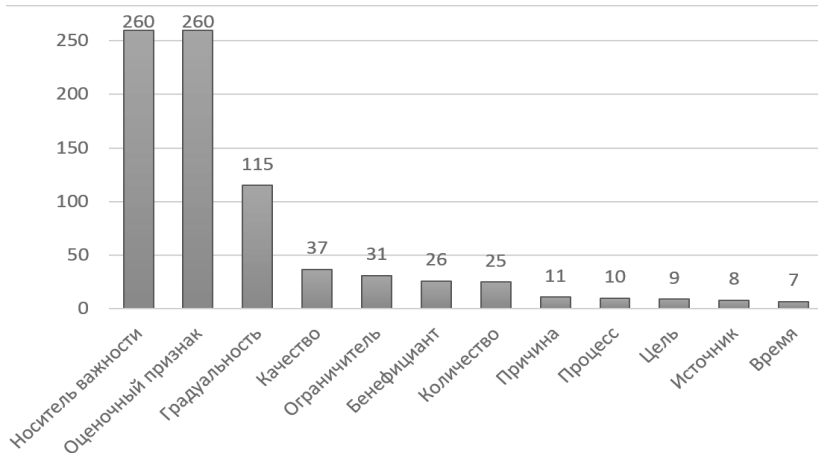

Диаграмма. Заполняемость слотов фрейма «Оценка важности» по данным НКРЯ

Слот «Носитель важности», т.е. объект или явление действительности, наделяемое признаком ‘важный’, может выражаться при помощи слова (147 единиц – 56,5%¹) или словосочетания (113 единицы – 43,5%). При этом большинство носителей важности (далее – НВ), выраженных словом или являющихся опорным словом в словосочетании, относятся к абстрактным существительным (211 единиц – 81,1%), например *информация, роль, событие, случаи*. К конкретным существительным (18 единиц – 9%), обозначающих НВ, относятся *документ, человек, книга, объекты* (= постройки).

Словосочетания, выражающие НВ, строятся по следующим моделям:

1) $N - N_2$ (53 единицы – 20,4%): *аспект пьесы; фактор стабильности; деталь туалета;*

2) $Adj - N$ (37 единиц – 14,2%): *финансовый институт; торговый пункт; информативные показатели;*

3) $Proп + \text{важный}$ (13 единиц – 5%): *кто-то важный, чего важного; кое-что важное;*

4) $N - N_{2/4/5}$ (5 единиц – 1,9%): *взаимодействие с Мексикой; бои за путевку; тип из разведки;*

5) $Adj - N - N_2$ (3 единицы – 1,2%): *технический уровень поддержки; Московский институт тонкой химической технологии; вузовская составляющая волонтерства;*

6) $N \text{ и } N$ (2 единицы – 0,8%): *условие и показатель; решения и поступки.*

Слот «Градуальность», содержащийся в 115 высказываниях (44,2%), указывает на степень проявления признака ‘важный’ в носителе важности. В подавляющем большинстве случаев (103 высказывания) степень проявления

¹ Здесь и далее процент указывается от общего числа проанализированных высказываний (260).

признака находится в положительной части шкалы, т.е. признак усиливается: *очень, жизненно, самый, исключительно, особенно, наиболее*. Отдельно отметим группу слов, передающих субъективность рассматриваемого признака: *повидимому, быть может, наверное, кажется, нет сомнения, конечно, без сомнения*. Часть из них смещают НВ к полюсу «важный» оценочной шкалы (*конечно, без сомнения*), в то время как другие лишь помещают НВ на нее (*повидимому, наверное*).

Слот «Качество», содержащийся в 37 высказываниях (14,2%), указывает на какой-либо признак, которым наделен носитель важности: *новый, теоретическая, детские, ответственная, срочное*. Стоит отметить, что в ряде случаев (9 высказываний) признак является неопределенным: *какой-то, некая, некоторые*.

Слот «Ограничитель», содержащийся в 31 высказывании (11,9%), указывает на фрагмент мироустройства, в которой носитель важности имеет признак ‘важный’: *в европейской истории, в контексте расширения, в органах государственной власти, в этой работе, в энергетической сфере*. Вводимый в высказывания при помощи предлога *в*, этот слот может обозначать как конкретные локусы внешнего и внутреннего мира (*в зонах конфликтов, в этой Кармен, в организме*), так и более абстрактные области (*в сегодняшней русской литературе; в контексте расширения; в социально-экономической жизни России*). Кроме того, слот «Ограничитель» может обозначать условия, при которых носитель важности наделяется соответствующим признаком: *при выборе; при назначении и увольнении, в условиях современной динамики во всех сферах хозяйства*.

Слот «Бенефициант», содержащийся в 26 высказываниях (10%), указывает на обобщенного субъекта (*для каждого, для газетного критика, для военных экспертов*), конкретного субъекта (*для меня, Ганчуку, для него*), объекта (*для современной науки, для платежного баланса России, для нашего исследования*), процесса (*для богослужения*). Слот «Бенефициант» является тем (чем), для кого (чего), по мнению автора высказывания, носитель важности обладает признаком ‘важный’.

Слот «Количество», содержащийся в 25 высказываниях (9,6%), указывает на количество носителей важности. При этом в 17 высказываниях слот «Количество» ставит НВ в ряд подобных ему: *еще один, другой* (= еще один); *один из*.

Слот «Причина», содержащийся в 11 высказываниях (4,2%), обосновывает наделение НВ признаком ‘важный’. В более чем половине случаев он вводится в предложение причастным оборотом (*влияющий на миграционные планы, шедшем из континентального Китая к океану, позволяющими выявить наиболее опасные заболевания*).

Слот «Процесс», содержащийся в 10 высказываниях (3,8%), указывает на ход развития чего-либо, в чем, по мнению автора высказывания, НВ имеет признак ‘важный’, играет значимую роль: *для формирования подростка, по выполнению задач, в установлении дружеских отношений*. Для введения этого слота в высказывания используются предлоги *для, в, по* в сочетании с отглагольным существительным. Отметим, что процесс, в который вовлечен НВ,

характеризуется футуральностью и изменением положения дел к лучшему (для формирования взрослого человека, в достижение целей нашего сотрудничества, по развитию сотрудничества). Это подтверждает мысль Г.И. Кустовой о том, что «важное событие всегда предполагает перспективу: оно обращено в будущее, связано с будущим, меняет ход жизни» [Кустова 2003, с. 379].

Слот «Цель», содержащийся в 9 высказываниях (3,5%), указывает на планируемый (желаемый) результат, которого позволяет достичь НВ. Он вводится в высказывание при помощи предлога *для*: для принятия эффективных мер, для скоординированного противодействия террористической угрозе, для прогнозирования развития ситуации и принятия решений. Возможность выделения слотов «Причина» и «Цель» подтверждает сделанные нами наблюдения о субъекте-аналитике, оценивающим нечто как важное, а также о связи тимиологической оценки с телеологическими частными оценками [Первухина 2024].

Слот «Источник», содержащийся в 8 высказываниях (3,1%), указывает на субъекта, который наделяет НВ признаком 'важный': по словам Михаила Потоцкого, думаю, по оценке Вашингтона, мы придаем, на мой взгляд.

Слот «Время», содержащийся в 7 высказываниях (2,7%), указывает на время, когда НВ обладает признаком 'важный': этой эпохи, начиная с середины 1990-х гг., тогда, в последние годы.

Таким образом, в структуре фрейма «Оценка важности» по данным основного корпуса НКРЯ выделяется два слота верхнего уровня: «Оценочный признак» и «Носитель важности». Остальные слоты («Градуальность», «Качество», «Ограничитель», «Бенефициант», «Количество», «Причина», «Процесс», «Цель», «Источник», «Время») являются факультативными, относятся к нижнему уровню. Состав слотов верхнего уровня свидетельствует о том, что базовая пропозиция фрейма «Оценка важности» имеет вид «Некто наделяет объект субъективной ценностью». Оценочная характеристика *важный* сопрягается с конкретными ситуациями только самим фактом оценки и посредством *важный* субъект определяет любое явление или объект действительности как субъективную ценность.

Андреева С.Л. Пропозиционально-фреймовый анализ лексического значения слов с корнем -*благ-*, являющихся вершинами словообразовательных гнезд / С.Л. Андреева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2017. – № 1 (55). – С. 357-368.

Бушуева Л.А. Лингвокогнитивное моделирование поступков: эвристический потенциал теории фреймов и теории прототипов /Л.А. Бушуева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С.10-19.

Дюмина В.П. Структура фрейма оценка в современном английском языке / В.П. Дюмина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. – 2007. – Вып. 1. Ч. 2. – С. 238-240.

Красных В.В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания / В.В. Красных // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, г. Москва, 1-3 июня 2000 г. – М.: Советский писатель, 2000. – С. 128-129.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]; под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.

Ляшевская О.Н. Корпусные инструменты в грамматических исследованиях русского языка / О.Н. Ляшевская. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. – 518 с.

Первухина В.А. Оценочный концепт «ВАЖНОСТЬ» (по данным дефиниционного эксперимента) / В.А. Первухина // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: сборник статей III Международной научной конференции, посвященной 75-летию доктора филол. наук, профессора Н.А. Дворяшиной, Сургут, 26-27 октября 2023 г. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2024. – С. 117-121.

М.А. Русанова (Краснодар)

МЕТАФОРА КАК ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию концептуальных метафор, которые являются одним из важнейших функциональных компонентов исторического дискурса, поскольку выступают в роли инструментов интерпретации и моделирования исторической действительности. Такие метафоры выполняют роль системообразующего фактора, с их помощью формируются сложные эмоциональные ассоциации, благодаря которым представление о прошлом становится более ярким и образным, а значит, лучше отпечатывается и сохраняется в человеческом сознании. Восприятие исторической информации значительно упрощается, а специфичное для каждой культуры прошлое наполняется жизнью. Данный компонент исторического дискурса выполняет множество функций. Выделяют два типа концептуальных метафор: текстообразующие и текстоформирующие.

Ключевые слова: концептуальные метафоры, исторический дискурс, ассоциации, текстообразующие, текстоформирующие

Abstract. This article is devoted to the study of conceptual metaphors, which are one of the most important functional components of historical discourse, since they act as tools for interpreting and modeling historical reality. In addition, such metaphors serve as a system-forming factor, because with their help complex emotional associations are formed, thanks to which the idea of the past becomes more vivid and imaginative, which means it is better imprinted and preserved in human consciousness. The perception of historical information is greatly simplified, and the culture-specific past is filled with life. This component of historical discourse performs many functions. There are two types of conceptual metaphors: text-forming and text-forming.

Keywords: conceptual metaphors, historical discourse, associations, text-forming, text-forming

Несмотря на то, что метафора как инструмент языка становилась предметом исследований в течение нескольких тысячелетий, учеными до сих пор не раскрыт секрет ее умения убеждать без использования аргументов и посредством формирования ярких образов влиять на мировосприятие. Существует множество теорий, порой антагонистичных по отношению друг к другу, выявляющих различные функциональные аспекты метафоры, благодаря

которым информация о прошлом становится возможным осмыслить, систематизировать и внести в рамки концепта.

Метафора не всегда считалась значимым явлением в исследовательских кругах. Ее то отодвигали на задний план, то вновь рассматривали как важнейший инструмент. Огромный вклад в окончательном становлении второго мнения сыграли Дж. Лакофф и М. Джонсон. Они разработали теорию, которой в настоящее время придерживаются большинство ученых, а именно – теорию концептуальной метафоры, где последняя выступает в качестве основного способа концептуализации действительности.

Данный инструмент является качественным средством репрезентации авторских суждений о прошлом, затрагивающий одновременно два компонента восприятия: логический и эмоциональный. Благодаря художественной образности метафор историческая информация воспринимается лучше и сохраняется намного дольше по сравнению с сухими чисто научными текстами [Lakoff 1980, p. 104-106]. Кроме того, между реальностью прошлого и настоящего лежит огромная ментальная пропасть. Метафоры помогают стереть ее. Формирование в сознании ярких ассоциаций, наполненных сложным символическим содержанием, как бы приближает прошлое, повышая эффективность и достоверность его интерпретации. Такой прием будет хорошо работать при анализе как былых времен, так и современной действительности. Из всего вышесказанного следует, что метафора выполняет системообразующую функцию по отношению к концепту, а значит, является конструктом соответствующего значения, кроме того, она еще и обладает литературной выразительностью и образностью.

Такие свойства способны затронуть самые глубокие слои человеческого сознания. По этой причине метафора считается достаточно эффективным когнитивным инструментом, имеющим высокую ценность при формировании картины прошлого. Здесь стоит выделить отдельный класс фундаментальных метафор, которые выполняют роль базовых категорий исторического восприятия. Они обладают идеолого-ценностным типом семантики и имеют прямую смысловую связь с идеями движения и генезиса. Такие метафоры используются для формирования картины исторического развития человечества.

Концептуальная метафора является весьма действенным приемом концептуализации исторической действительности и способствует аксиоматичности восприятия последней реципиентами. Такой эффект достигается за счет того, что данные конструкты являются частью исторического дискурса, а значит, во время воссоздания картины прошлого неизбежно реагируют на изменения окружающей действительности.

Можно выделить три основные характеристики концептуальных метафор: 1) полифункциональность; 2) многоплановость; 3) амбивалентность [Миньяр-Белоручева 2017, с. 116].

В сочетании с проекцией на конкретных понятиях эти свойства метафоры позволяют стереть временной и пространственный разрыв и возродить в человеческом сознании эпохи прошлого. Используя только эмпирический подход, невозможно добиться того же результата. По этой причине историки

вынуждены применять концептуальные метафоры, чтобы наполнить сознание яркими образно-ассоциативными фрагментами действительности ушедших эпох.

Концептуальные метафоры делятся на две типовые группы: текстообразующие и текстоформирующие.

Первые не имеют связи с аргументацией и убеждают только за счет формирования ярких образов, искусно встроенных в научное повествование и оказывающих воздействие на ассоциативно-смысловом уровне восприятия, что дает хороший реконструктивный эффект [Хомутова 2014, с. 18].

Отдельно стоит отметить архитипические метафоры, которые применяются при описании или анализе событий, повлекших за собой серьезные перемены исторических реалий. Это могут быть уничтожение или, напротив, зарождение социальных институтов, революции (общественные, научные, культурные), смены политического строя, гибель и зарождение государств и т.д. Так как история (как локальная, так и глобальная) наполнена подобными переломами, то и данный тип метафор в рамках ее дискурсивной плоскости довольно широко распространен. Однако, если он, как видно из примеров, подходит для описания не только негативных, но и позитивных событий, существует вариант, используемый исключительно для кризисных ситуаций прошлого. Речь идет о метафорах природных стихий, при помощи которых создаются ассоциации катастрофического характера.

В качестве примера можно рассмотреть текст о секуляризационной реформе Генриха VIII и последовавшей за этим жестокой репрессивной политики по отношению к противникам данных действий. Обратить внимание следует на то, что автор не прибегает к анализу причин и следствий указанных событий. Вместо этого он обращается к истории Англии XVI века, прослеживая процесс от самого зарождения до кульминации и показывая свое отношение к нему при помощи метафор: *The monasteries had been shaken by medieval gales; Wolsey's gust had blown down some of the frailier houses; and from 1532 the Henrician hurricane had begun to blow. But it was Cromwell's appointment as Vicar-General (the usual title of a bishop's deputy, applied in this instance to the deputy of the Supreme Head) which spelled death to the 'monastic system in England, and the two great inquests of 1535 – one into monastic habits and morals, the other into 'Church revenues – which supplied, the first the ostensible, the second the real, grounds of the sentence* [Миньяр-Белоручева 2020].

Вышеприведенный отрывок характеризуется отсутствием логической аргументации событий, которые происходили в Англии с 1539 года, зато он очень сильно влияет на эмоционально-чувственную составляющую реципиентов. Такой эффект достигается именно благодаря применению метафор природных бедствий. Подобные ассоциации позволили историку полноценно передать всю глубину трагизма произошедшего. Для этого автор включил в повествование метафорические ассоциации с ветром, который у англичан воспринимается как мощная стихия разрушения. Итак, длившийся на протяжении нескольких веков процесс, начавшийся в средневековье с появлением первых весомых сложностей у религиозных институтов (*The monasteries had been shaken by medieval gales*), продолжившийся во времена кардинала Вулси, закрывшему монастыри (*Wolsey's gust had blown down some of*

the frailer houses), и завершившийся полным их уничтожением при Генрихе VIII (*and from 1532 the Henrician hurricane had begun to blow*), отраженный в тексте, наполнен метафорическими ассоциациями с ветрами разной силы. Данный подход позволяет сформировать у реципиентов яркую картину постепенно усиливающейся катастрофы. Завершается текст морбиальной метафорой «*death to the 'monastic system'*», которая играет одновременно роль и эпилога, и усилителя. Таким образом, автор не только показывает свое отношение к происходящему, но и рисует в сознании читателя трагичную картину о том, как было уничтожено духовное и культурное наследие страны.

Таким образом, концептуальные метафоры дают новый взгляд на прошлое, помогают вывить скрытые нюансы и стороны истории, гармонизируют информацию, ранее ускользавшую от внимания.

История – очень сложная и многогранная наука, поскольку ставит целью изучить огромное количество плоскостей существования человечества в прошлом. Пытаясь исследовать его, люди часто используют метафоры. Однако следует знать то, что история сама по себе вполне отождествима с метафорой, характеризующейся наличием ассоциативных связей с множеством различных образов, среди которых иногда встречаются довольно неожиданные. Наиболее распространенным вариантом такой ассоциации является представление истории как войны и борьбу за власть.

Стоит отметить, что метафорическое восприятие истории возникло относительно недавно. Взгляд на нее как на процесс был присущ еще древним римлянам. Осознание же этого процесса через призму метафоры произошел уже ближе к современности. Весьма поздно, учитывая, что данное средство языковой выразительности издавна применялось в исторических текстах. Значительный сдвиг в развитии вышеописанного подхода произошел в 2010 году. Тогда была сделана первая серьезная попытка систематизации и классификации метафорического восприятия. В результате на свет появилась книга «*New Contributions to the Philosophy of History*» американского ученого Даниэля Литтла, который установил соотношение метафорического осознания истории с явлениями природы и объектами, созданными человеком. Результатом стало разделение такого восприятия прошлого на три кластера: **история – река; история – дерево; история – дорога** [Little 2010, с. 105].

Первый кластер формируют архитипичные метафоры воды. Они позволяют ярко представить такие стороны истории, как движение, изменчивость и время. Например, ассоциация с рекой формирует картину непрерывности течения событий прошлого (*in the course of history*), которые можно отождествить с огромным количеством маленьких речушек (*the confluence of events in the medieval rural life; coming together*), становящихся полней и шире по мере впадения в них притоков, каждый из которых ассоциирован с жизнью простых людей. По ходу движения вперед все эта водная сеть, переплетаясь, сливается в единую массу – гигантский общий поток, с которым сравнивают историю. Отсюда и берет начало метафора «*history as a stream*». Также распространен и другой близкий по значению вариант – «*history as river*» [Миньяр-Белоручева 2020]. Обе эти метафоры акцентируют сознание реципиента на следующих

четырёх свойствах исторического развития социума: непредсказуемость, непрерывность, одновекторность, необратимость.

Суть такого подхода заключается в поиске схожести истории с природой, а символизм позволяет без пояснений передать характер тех или иных событий прошлого. Концептуальные метафоры из первого кластера могут быть использованы для общей характеристики прошлого с точки зрения течения – непрерывного исторического или мощного исторического, – как, например, *history as a current (a stable historical current)*.

В первый кластер входят и метафоры стихии, используемые для изображения революционных событий, сломов эпох и так далее, и здесь образы будут уже сильно далеки от чего-то плавного, как в вышепредставленных вариантах. Такой дуализм связан с тем, что вода может быть не только речушкой, плывущей вдаль в гармонии с природой, но и настоящей катастрофой – бурным потоком, сметающим всё на своем пути (*uprising swept the ... River Valley*). В картине реальности, формируемой метафорами подобного вида, люди, с одной стороны, олицетворяют саму стихию, но с другой – являются ее жертвами (*unpublicized purges swept through the ranks of younger leaders in party*) [Миньяр-Белоручева, 2020].

Фундаментом второго кластера является представление о мире как о дереве жизни, силу и устойчивость которому дают три составляющие: корни, ствол и крона. Ассоциации с корнями олицетворяют питающую колыбель, хранилище истоков, фундамент, основание, базис, без которого надстройка не устоит. Так, отождествив историю с системой корней Д. Литтл наделил данный кластер всеми вышеуказанными свойствами по отношению к государству. Как корни дают жизнь и мощь дереву, так и история – стране. К подобной метафоре ученые прибегали и для олицетворения глубины событий прошлого (*the roots of the event extend back to...; the cult of personality began to take root in...*) [Little 2010, с. 105]. Эта ассоциация основывается на древних представлениях о мировом древе, из корней которого на поверхность текут мудрость и знания. Метафоры второго кластера используются также для подчеркивания невозможности устранить противоречия (*the roots of confrontation*) и для демонстрации нерушимости семейных уз (*deep-rooted families, the royal family shook off the German roots*) [Миньяр-Белоручева, 2020].

Уникальная особенность метафор заключается в том, что они позволяют наполнить абстрактные категории предметным содержанием, в результате чего в человеческом сознании возникают и долго сохраняются конкретные образы. Некоторые ассоциации при этом могут быть достаточно сложными, а значит, очень глубокими по смыслу. В качестве примера можно вновь обратиться к трудам Д. Литтла, который сравнивал историю не только с корнями, но и с кроной. Его метафорическая модель звучит следующим образом: «История как пространство гипотетических исторических возможностей, простирающихся меж ветвями дерева» [Little 2010, p.103]. Здесь олицетворен достаточно философский подход, в котором сами ветви означают реальность прошлого, настоящего и будущего, а межветочное пространство аккумулирует в себе все альтернативные варианты развития человечества. Такие рассуждения в итоге привели Д. Литтла к решению выделить третий кластер – история как дорога, на

котором следует остановиться достаточно подробно ввиду огромного разнообразия типов используемых здесь ассоциаций.

Общая смысловая черта данного кластера: дорога прошлого – это результат осознанного выбора пути развития человечества и одновременно нить, соединяющая то, что уже было, с тем, что будет. Метафоры, принадлежащие к данной группе, могут быть связаны с дорогой как напрямую, так и опосредовано. В качестве примера прямых ассоциации можно привести модель, слегка напоминающую слияние рек и притоков, о которых говорилось характеристике первого кластера. Здесь, по аналогии, узкие тропки ветвятся и объединяются в широкие дороги. Однако далее мы видим не общий поток, а три итоговых варианта развития событий:

- 1) *an important element of the Western ways Peter so much admired;*
- 2) *revolutionary path to socialism;*
- 3) *open the way for negotiations* [Little 2010, p.105].

Еще одной прямой ассоциацией можно считать модель «дорога, по которой мы идем из прошлого в будущее». Такой вариант восприятия истории порождает такой ряд локальных метафор, как путешествие в прошлое, машина времени (*The Time Traveler's Guide to Medieval England: A Handbook for Visitors to the Fourteenth Century*) [Миньяр-Белоручева 2020, с. 198], возвращение из прошлого и т.д. Здесь уже становится логичным перейти к описанию метафор, связанных с дорогой опосредованно. Все они построены на модели «история – это путешествие», а так как последнее можно охарактеризовать с разных сторон, то и ассоциаций можно построить много. В качестве основных следует выделить следующие: **история как приключение; история как мистика; история как иллюзия; история как буря или гроза.**

Первый вариант восприятия основывается на том, что в путешествии могут быть приключения. В таком случае история сравнивается с игрой, в рамках которой становится возможным жить в разные роли, стать виртуальным участником событий и через эту призму понять мотивы тех или иных исторических личностей. Такое погружение может вызывать разные эмоциональные состояния, как позитивные, так и негативные. Так, например, поиск тамплиерских сокровищ (*The Knights Templar: On the Trail of the Treasure* [Миньяр-Белоручева 2020, с. 199]) даст восторженное увлечение, тогда как участие в революционном процессе в поисках власти и славы – сильное напряжение.

На характер путешествия могут влиять и наименования некоторых исторических произведений. Так, название *Ghost Soldiers: The Epic Account of World War II's Greatest Rescue Mission* [Миньяр-Белоручева 2016, с. 32] сразу вызывают у реципиента ассоциацию с мистикой. По содержанию некоторая часть повествований о неизведанной части прошлого содержала в себе мистический компонент, поэтому данный тип ассоциации имеет право на существование, наряду с метафорической моделью «история как иллюзия»: *Creating the Illusion: A Fashionable History of Hollywood Costume Designers (Turner Classic Movies)* [Миньяр-Белоручева 2016, с. 32].

Каждому путешествию соответствуют определенные природные условия и погода. Чем они хуже, тем меньше шансов на успех. Если речь идет о

погружении в какие-либо переломные моменты истории, драматические события, кризисы – неизбежно увеличивается количество метафор природных стихий, символизирующих катастрофы и разрушения. Именно отсюда проистекает ассоциация «история как буря или гроза»: *The Storm Before the Storm: The Beginning of the End of the Roman Republic* [Миньяр-Белоручева 2017, с. 118].

Стоит упомянуть еще один кластер, не упомянутый в работах Д. Литтла. Здесь речь пойдет о текстообразующих метафорах, основной которых послужил антропоцентризм. Логика в данном случае будет такая же, как у Томаса Гоббса, который сравнивал государство с искусственным человеком, отождествив государственный аппарат с функционированием системы органов. Метафора в данном случае звучит как «body – politic» (государство=человек). Опираясь на этот постулат, современные ученые охарактеризовали историю как человека, имеющего сердце: *Heart of Europe: A History of the Holy Roman Empire* [Миньяр-Белоручева 2017, с. 118], глаза: *In the Eye of History: Disclosures in the JFK Assassination* [Миньяр-Белоручева 2014, с. 136], собственный жизненный путь с присущими ему победами и поражениями, радостью и тягостью, надеждами и разочарованиями: *Iron Kingdom: The Rise and Downfall of Prussia, 1600–1947* [Миньяр-Белоручева 2014, с. 136]. Если посмотреть на историю комплексно, в ней действительно можно увидеть все эти стороны, потому метафорическая модель «history as person» логически оправдана.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что именно многогранность истории порождает такое количество метафорических ассоциаций, применяемых в ее изображении. Здесь присутствуют сравнения с совершенно различными категориями окружающей действительности, начиная от природных стихий (река, ураган, ветер) заканчивая понятиями цивилизации (театр, приключение, казино). Одним из способов наглядно познакомиться с подобным многообразием является прочтение названий целого ряда исторических произведений. Тем не менее, важно понимать, что такая разрозненность не является хаотичной, а обладает определенной целостностью. Это позволяет систематизировать и классифицировать текстообразующие концептуальные метафоры. Исследуя их через призму названий различных произведений о прошлом, можно прийти к выводу о многоликости истории и о том, что соответствующие ей дискурсы еще не исчерпали потенциал для возникновения новых метафорических моделей.

В рамках исторического дискурса каждая концептуальная метафора обладает собственным глубоким смыслом и выполняет определенные, свойственные ей функции. В процессе формирования картины исторической действительности ученые стараются быть как можно объективнее. Достичь этой цели и приблизить для реципиента события прошлого, а также установить его взаимосвязь с будущим, как раз и помогают концептуальные метафоры. С одной стороны, они являются способом репрезентации истории, с другой – эффективным приемом влияния на сознание. Таким образом, концептуальная метафора представляет собой пластичный, многофункциональный, состоящий из множества уровней инструмент, применяемый для формирования, интерпретации и передачи огромного комплекса исторических данных,

позволяющий более эффективно погрузиться в прошлое, расширяя возможности чисто эмпирического повествования.

Вжосек В. Культура и историческая истина / В. Вжосек. – М.: Круг, 2012. – 336 с.

Миньяр-Белоручева А.П. Особенности функционирования внешнеполитических метафор / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11, № 2. – С. 34-41.

Миньяр-Белоручева А.П. Специфика функционирования концептуальных метафор в англоязычном историческом дискурсе / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 3. – С. 31-37. DOI: 10.14529/ling160306.

Миньяр-Белоручева А.П. Метафоры в истории, история в метафорах / А.П. Миньяр-Белоручева // Сборник материалов Третьего Международного научного семинара «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения». Чехия, Австрия, Германия, 4–11 июня 2017 г. – Пльзень, Чехия: Западночешский университет, 2017. – С. 114-120.

Миньяр-Белоручева А.П. Метафоры в пространстве исторического дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2020. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafory-v-prostranstve-istoricheskogo-diskursa> (дата обращения: 08.10.2024).

Миньяр-Белоручева А.П. Роль национальной культурной картины мира в изучении иностранных языков / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2020. – №2. – С. 195-203.

Хомутова, Т.Н. Типология дискурса: интегральный подход / Т.Н. Хомутова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2014. – Т. 11, №2. – С. 14-20.

Хомутова Т.Н. Стратегии научного дискурса: интегральный подход / Т.Н. Хомутова // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12, №3. – С. 15-22.

Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago; London: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

Little, D. *New Contributions to the Philosophy of History* / D. Little. – London, New York: Springer, 2010. – 240 p.

Н.П. Сюткина, Л.А. Красноборова (Пермь)

МОДЕЛЬ КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ МОДИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА «ВЕСЕЛИТЬ» И ЕГО ДЕРИВАТОВ)

Аннотация. В статье на примере глагола «веселить» рассматривается когнитивный сценарий ситуации каузации эмоциональной модификации. Анализируемый глагол относится к базовым эмотивным каузивам русского языка. Базовые единицы отличаются частотностью, рекуррентностью, а также прототипическим характером, что позволяет судить по одной лексической единице обо всей семантической группе. Таким образом, когнитивный сценарий глагола «веселить» можно рассматривать как семантическую модель рассматриваемой ситуации каузации эмоциональной модификации в целом.

Ключевые слова: эмотивный каузатив, когнитивный сценарий, интерперсональность, ситуация каузации эмоциональной модификации

Abstract. Using the example of the russian verb “to cheer”, the article examines the cognitive script of the situation of causation of emotional modification. The analyzed verb belongs to the basic emotive causatives of Russian language. Basic units are distinguished by frequency, recurrence, and prototypical character, which makes it possible to judge the entire semantic group from one lexical unit. Thus, the cognitive script of the verb to cheer can be considered as a semantic model of the situation under consideration for the causation of emotional modification as a whole.

Keywords: emotive causative, cognitive script, interpersonal, situation of causation of emotional modification

В фокусе нашего внимания находится ситуация каузации эмоциональной модификации. Она реализуется в речи эмотивными каузативами, под которыми мы понимаем такие лексические единицы, семантику которых определяют две категориальные семы: эмотивности и каузативности. Они определяют когнитивный сценарий реализуемой этими глаголами ситуации: каузатор оказывает эмоциональное воздействие на объект каузации, намеренно или непроизвольно меняя его эмоциональное состояние. Следовательно, ситуация предполагает антропоморфный характер участников. Поэтому данные глаголы можно назвать интерперсональными. Интерперсональность определяет базовый набор участников ситуации – каузатор и объект каузации, являющиеся одушевленным лицом. Однако семантически и синтаксически это лицо может быть выражено разными способами, описание которых и является целью настоящей статьи.

Вербоцентрическая теория предполагает, что основу предложения составляет глагол-предикат, который определяет набор участников (актантов) в предложении. Валентность, то есть способность слова сочетаться с другими лексическими единицами, по сути, ограничивает возможные семантические роли, присущие конкретному глаголу или, шире, классу глаголов с одинаковой семантикой. Глагольный предикат, являясь ядром пропозиции, задает параметры ситуации, значение глагола «содержит в свернутом виде программу осуществления действия, состоящую из упорядоченных во времени эпизодов» [Плотникова 2012, с. 274].

Пропозициональные структуры динамически разворачиваются в виде так называемых сценариев. Под когнитивным сценарием в лингвистике понимаются структуры сознания, описывающие стереотипный ход развертывания событий, «концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении [Баранов 2001, с. 18]. Сценарии, или скрипты, трактуют как динамически представленный фрейм, как разворачиваемую последовательность этапов, эпизодов [Болдырев 2001, с. 37]. Стереотипность ситуации подразумевает, что для целого класса (или нескольких классов) глаголов наличествует определенная общая схема развертывания всего процесса, то есть «каждая типовая ситуация формируется определенным минимальным набором компонентов – действующих лиц, их действий, предметов, состояний, отношений, свойств. Каждый компонент ситуации – исполнитель определенной роли, и эта роль постоянна относительно данной

типовой ситуации» [Всеволодова, 2008, с. 9]. В нашем случае типовой набор компонентов ситуации составляют: эмоции; лицо, воздействующее на эмоциональное состояние другого лица; инструмент, с помощью которого совершается эмоциональная модификация; результат каузации.

В качестве единицы анализа был выбран эмотивный каузатив «веселить» и его дериваты. Данный глагол входит в ядерную зону базовых русских эмотивных каузативов положительной эмоциональной модификации, то есть лексемы с высокой частотностью употребления и с высокой степенью синонимичности. Обращение к базовым единицам обусловлено тем, что «основной базовый лексический фонд задает классификацию ситуаций, а именно типов изменений, типов событий, которые могут происходить с объектами <...>. «Базовый» глагол в исходном значении можно рассматривать как некую семантическую схему, семантическую модель изменения состояния объекта, в которую может быть вставлен любой объект» [Кустова 2000, с. 87]. Следовательно, когнитивный сценарий глагола «веселить» можно рассматривать как прототипический сценарий ситуации каузации эмоциональной модификации.

Глагол «веселить» является производным от прилагательного «веселый», которое произошло от той же основы, что и существительное «весна», а именно от др.-инд. «*vásu*» «хороший» и т. д., буквально означает – «хорошо живущий, радующийся» (ЭОСРЯ). Глагол имеет следующие значения: *забавлять, вызывать веселье* (ТСУ); *вызывать веселье, радость* (ТСО); *вызывать беззаботно-радостное настроение, радостное оживление* (БТСРГ); 1) *вызывать веселье*; 2) *развлекать, забавлять* (СТСРЯ). В словарях не зафиксированы производные значения этого глагола. В синонимический ряд с данной лексемой входят: *радовать, развлекать, смешить, забавлять, тешить, потешать, утешать, услаждать, занимать, забавить*. В качестве дериватов, реализующих дополнительные значения, в частности интенсивности и аспектуальности, можно рассматривать глаголы *развеселить, повеселить, увеселить, взвеселить, возвеселить* и т.п.

Пропозициональным смыслом ситуации каузации эмоциональной модификации является такой сценарий, когда одно лицо оказывает воздействие на другое с целью изменить его эмоциональное состояние. Синтаксически участники это ситуации выражаются подлежащим (каузатор) и прямым дополнением (объект каузации). Подлежащее при этом может быть выражено одушевленным существительным или местоимением. Такую синтаксическую структуру можно рассматривать как прототипическую для данного класса глаголов, например:

(1) *Автор оторвался от арт-хауса, но к трэшу не пришел. Он пугает нестрашно, веселит несмешно, умничает на бегу, а финальную точку в этом небольшом, но тягучем произведении можно ставить в любом месте – включая первый же абзац* (НКРЯ).

(2) *Гид, бойкий юноша, веселит туристов рассказом о том, как инженер-бельгиец, автор проекта, в ночь перед пуском перепроверил расчеты, нашел ошибку и, не дожидаясь утра и позора, застрелился, а вагончики бегают до сих пор, с тысяча девятьсот шестнадцатого года, только иногда пьяные выпадают*

или старушки калечатся, потянувшись из кабинки за веткой, поэтому просьба не высовываться (НКРЯ).

(3) Кто-то пытается расположить к себе окружающих эрудицией, кто-то – умением слушать, а **кто-то** просто **веселит** публику на правах заслуженного «звезда» программы (НКРЯ).

(4) **Пушкин** видит ее извне: **веселит**, развлекает рифмами; от его картин она не меняется (НКРЯ).

(5) Веселый **водитель** **веселит** пассажиров: – Скоро у нас Новый год! (НКРЯ).

(6) Папа очень неплохо выглядит, и вообще, молодцом. Его невероятно **веселит** грузин. Грузин – абхазец, он, оказывается, замминистра торговли Грузии (НКРЯ).

(7) Ну, спасибо, **брат Андрюша!** **Взвеселил** мою ты душу (НКРЯ).

Как видно из приведенных выше примеров, каузатор может быть выражен существительным, указывающим на профессию, национальность, возраст и т.п., именем собственным, личным местоимением. Генерализованный каузатор актуализируется неопределенно-личными местоимениями.

В качестве каузатора также может выступать определенная **группа, некая общность** людей:

(8) Вино вкушаю лишь при случае, в компании, хотя сама **компания** меня ничуть не **веселит** (НКРЯ).

(9) Все-таки я рад, что хожу в школу: она **веселит** и развлекает меня, там я встречаюсь с людьми – пусть не очень интересными, но все же происходит какое-то общение, развивается какая-то деятельность (НКРЯ).

(10) «**Будильник**» около полувека **веселил** Москву, и никто из нас, веселых сотрудников тогда веселого журнала, не знал глубокой трагедии, заложенной в основании этого самого распространенного в восьмидесятых годах юмористического органа (КС).

Однако возможны и другие, имплицитные, способы актуализации лица. В таком случае лицо только подразумевается, но не указывается напрямую. Рассмотрим примеры:

В качестве «заменителя» человека может выступать какое-то его **качество, некая черта**:

(11) Как **веселит** меня его **противоположность французскости и его презрение к ней**, с которым встречаешься в русской литературе на каждом шагу! (НКРЯ).

(12) Меня **развеселила** его **серьезность**, но чтобы не выдавать, этого заговорила о вечеринке (НКРЯ).

Внешность человека, элементы его облика:

(13) **Беспечно-обиженный вид Вознюка неизменно веселит** Бориса: и у Бориса есть самолюбие, и у Бориса не бог знает какое – петушиное (НКРЯ).

(14) А у тебя **борода** щекочет и **веселит** меня, и ты ничего, приятный... (НКРЯ).

(15) **Мой суровый взгляд веселит** парней еще больше, и они взрываются новым приступом смеха (КС).

Эмоции, психологическое состояние людей:

(16) *Детская любовь уже не веселит нас, как это было еще совсем недавно, но тревожит* (НКРЯ).

(17) *Замешательство стремящего веселило царя* (КС).

(18) *Любовь питала, согревала, тешила, веселила его; была первым впечатлением его души, первую краскою, первую чертою на белом листе ее чувствительности* (КС).

(19) *Эти новые, небывалые ощущения до того занимали и даже веселили меня, что собственно о Зинаиде я мало думал* (КС).

Деятельность человека, его действия могут веселить, в таком случае мы рассматриваем ситуацию также как каузативную, а не каузальную. Например:

(20) *Зато если случается, что я встаю и тоже провожаю его до двери и в передней пожимаю его руку, – которая у него, надо сказать, очень красива и напоминает тонкие руки артиста, – то он делается красным и начнет почему-то долго пропирать пенсне. Это меня всегда немножко веселит* (НКРЯ).

(21) *И не помню, кто из нас первый, обращаясь к другим, произнес: «Прекрасно тело дочерей человеческих, а пляска их веселит дух наш»* (НКРЯ).

(22) *Он увидел бескрайнюю желтизну пшеничного поля, голубое небо, августовскую зелень тальников, что стремились к далекой реке; увидел он всполохи работающих жнеек, тяжелую поступь комбайнов, разноцветные кофты женщин – всю ту веселую кутерьму, которая называется жатвой и которая веселит сердце всякого человека, деревенский он или городской, безразлично* (НКРЯ).

(23) *Деятельность обывателей, управлявшихся около домов своих, веселила его* (КС).

(24) *Теперь такая поспешность журналиста лишь повеселила, он решил, что писать о К. стоит лишь после Дня Преодоления – как раз тогда, когда он отсюда будет уезжать* (НКРЯ).

(25) *Приход в мастерскую человека по имени Бакалейщиков – всех уж развеселил окончательно* (НКРЯ).

(26) *Почти половина выступающих повеселила утомленных речами делегатов конференции тем, что путали двух кандидатов, называя их по имени-отчеству* (НКРЯ).

Результат интеллектуальной, речевой деятельности:

(27) *Куприн молчал, и стало заметно, что он чувствует себя неловко и бунинская затея его не веселит* (НКРЯ).

(28) *Временами веселил мужиков своими идеями, вроде сделать подобие колодезного журавля для подъема тяжестей или прикладывать к стене снаружи большой щит, чтобы она получилась идеально ровной* (КС).

(29) *Но Динку не веселит Костина шутка, она озабочена тем, чтобы пройти, не зацепившись ни за кого своей спиной* (НКРЯ).

(30) *Меня веселит известное мнение Толстого, кинутое им Чехову* (НКРЯ).

(31) *Каждый номер «Сатирикона» блистал настоящим блеском, была в нем и беспощадная сатира, и неподдельный юмор, и тот, что на миг веселит душу, и тот, что тербит сердце и называется юмором висельников, весьма созвучным эпохе* (НКРЯ).

(32) *Эта мысль необычайно веселит меня, и у меня уже заранее текут слюнки в предчувствии курятины с ореховой подливой или вяленого мяса, поджаренного на вертеле и капающего жиром в жар огня...* (НКРЯ).

(33) *Беспокойство изнуряет сердце человека, а доброе слово – веселит* (НКРЯ).

(34) *А сейчас даже разговор с тобой меня не веселит...* (НКРЯ).

(35) *И в таком случае, чем быстрее всё раскроется, тем лучше, не придется веселить хозяйку этого логова нагромождением лжи, которую потом самой же придется объяснять* (КС).

(36) *Тут уж опять без бухтины не проживешь. Бухтина душу без вина веселит, сердце примолаживает* (НКРЯ).

(37) *Каждая фраза веселит душу в отдельности. Сравнимое оказывается случайным, процесс сравнения – занимательным, а то, с чем сравнивают, разбухает и самостоятельно хозяйничает в книге* (НКРЯ).

Таким образом, интерперсональный характер ситуации сохраняется на то, что личный характер подлежащего не выражен эксплицитно. Однако именно одушевленное лицо стоит за таким подлежащим.

Когнитивный сценарий каузации эмоциональной модификации определяется обязательным взаимодействием двух (или более) лиц, то есть каузатора и объекта каузации. Подлежащее, которое формально является каузатором, может при этом быть актуализовано не лицом, но состоять с ним в отношении часть / целое (внешность, части тела человека, его эмоции, его качества), быть проявлением или результатом деятельности человека (действия, жесты, мысли, идеи, слова и т.п.). Мы рассматриваем такую ситуацию как каузативную, поскольку пропозиция в таком случае включает в себя одушевленное лицо, совершающее действие. В настоящей статье проанализирована позиция основного участника – каузатора, второй участник ситуации – объект каузации не являлся предметом анализа. Также не затрагивались вопросы других компонентов ситуации, следует только отметить, что рассматриваемая ситуация носит комплексный характер, для нее характерно пересечение и взаимодействие нескольких категориальных ситуаций, и актуализация таких компонентов как, например, инструментальность, интенсивность, оценочность. Это находит выражение в определенных семантических и синтаксических структурах, которые представляют интерес с точки зрения категориальных семантических комплексов и межкатегориального взаимодействия. Эти вопросы являются предметом отдельного исследования.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов. – М.: Эдиторал УРСС, 2001. – 360 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Тамбов, Из-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – 123 с.

Всеволодова М.В. Причинно-следственные отношения в современном русском языке / М.В. Всеволодова, Т.А. Ященко. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.

КС – Карта слов. [Электронный ресурс]. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: сентябрь 2024).

Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений / Г.И. Кустова // Вопр. языкознания. – 2000. – №4. – С. 85-109.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: сентябрь 2024).

Плотникова А.М. Когнитивный анализ многозначных глаголов (на материале русских глаголов социальных действий и отношений) / А.М. Плотникова // Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2012. – С. 274-275.

БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов. [Электронный ресурс]. – URL: https://verbs_ru.academic.ru/ (дата обращения: сентябрь 2024).

ТСО – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova> (дата обращения: сентябрь 2024).

ТСУ – Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения: сентябрь 2024).

СТСРЯ – Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/> (дата обращения: сентябрь 2024).

ЭОСРЯ – Шанский Н.М. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky> (дата обращения: сентябрь 2024).

А.В. Шуманская (Минск)

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» ПО ДАННЫМ ТОЛКОВЫХ И АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЕЙ

Аннотация. В статье обсуждаются результаты моделирования концепта «Женщина» на материалах толковых и ассоциативных словарей. С помощью различных методов и приемов выделяется набор концептуальных признаков исследуемого феномена – концепта «Женщина», а также проводится их сопоставительный анализ.

Ключевые слова: концепт «Женщина», метод концептуального моделирования, толковые и ассоциативные словари

Abstract. The article discusses the results of concept “Woman” modeling based on the materials of explanatory and associative dictionaries. Using various methods and techniques, a set of conceptual features of the phenomenon under study – the concept “Woman” is identified, and their comparative analysis is carried out.

Keywords: the concept “Woman”, conceptual modeling method, explanatory and associative dictionaries

Концепт «Женщина», выступая ключевым концептом культуры, не раз становился объектом исследования в работах российских ученых, в том числе его содержание анализировалось на материалах фразеологических единиц, паремий, пословиц (работы А.В. Артемовой, В.В. Васюк, О.Ю. Шишигиной, А.В. Коногоровой, З.В. Черкесовой), различных видов текстов (работы Т.В. Зеляковой, Т.А. Денисовой, О.В. Великородных, А.Н. Гайфуллиной, Е.А. Чистюхиной, Г.А. Матуновой, М.А. Толстовой) и лексикографических источников (работы В.А. Ефремова, М.А. Шаманской).

Трактовка концепта как двойственного образования, т.е. как единицы культуры и как единицы языкового сознания индивида [Курганова 2020, с. 72], ставит задачу интегративного подхода к исследованию его функционирования. Учет двух ипостасей функционирования концепта (как единицы культуры и как единицы языкового сознания индивида) требует применения различных методов его изучения, что обусловило выбор нашего материала исследования: обращение, с одной стороны, к анализу словарных дефиниций значения слова *женщина*, зафиксированных в лексикографических источниках (толковых словарях), а с другой – к анализу данных ассоциативных словарей, поскольку ассоциативное поле, открывает доступ к изучению языкового сознания носителей языка и культуры [Горошко].

Цель данной статьи – выявить специфику функционирования концепта «Женщина» через призму толковых и ассоциативных словарей и уточнить методику концептуального моделирования.

На первом этапе исследования мы провели дефиниционный анализ слова *женщина* по 6 толковым словарям: 1) «Большой академический словарь русского языка» под ред. Н.В. Соловьева (2006); 2) Малый академический словарь (1999); 3) Большой современный толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова (1998; 2014); 4) Толковый словарь Д.В. Дмитриева (2003); 5) Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов Н.Ю. Шведовой (2007; 2011); 6) Толково-словообразовательный словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой (2011).

Применив метод обобщения словарных дефиниций [Стернин 2013, с. 10], базирующийся на анализе информации из выбранных словарей, мы выявили общесистемное значение слова *женщина*, которое можно представить в следующем виде:

ЖЕНЩИНА – лицо женского пола, достигшее зрелого возраста, обладающее определенными свойствами, качествами (изящество, нежность, доброта и т.п.), начавшее половую жизнь, замужнее, рождающее и кормящее детей грудью.

С помощью метода компонентного анализа в данной обобщенной дефиниции был выделен следующий набор дифференциальных сем значения слова *женщина*: *женский пол; зрелый возраст; воплощение определенных свойств, качеств; половая жизнь; рождение детей; кормление детей грудью.*

На основе выделенного набора сем слова *женщина* нами были смоделированы следующие концептуальные признаки одноименного концепта:

- 1) **женщина – это взрослое лицо;**
- 2) **женщина – это лицо женского пола;**
- 3) **женщина – это замужнее лицо** (отмечен в четырех из шести словарях: Н.В. Соловьева, С.А. Кузнецова, Н.Ю. Шведовой, Т.Ф. Ефремовой);
- 4) **женщина обладает таким качеством, как изящество** (отмечены в двух словарях из шести: Н. В. Соловьева, С. А. Кузнецова);
- 5) **женщина обладает таким качеством, как нежность** (отмечены в двух словарях из шести: Н.В. Соловьева, С.А. Кузнецова);
- 6) **женщина обладает таким качеством, как доброта** (отмечены в двух словарях из шести: Н.В. Соловьева, С.А. Кузнецова);

7) **Женщина – это лицо, начавшее половую жизнь** (отмечен в двух словарях: А.П. Евгеньевой, Д.В. Дмитриева);

8) **женщина рождает детей и кормит их грудью** (отмечен в одном словаре: Н.Ю. Шведовой).

Анализ показал, что только два признака совпали во всех словарях, и они получают статус **ядерных** концептуальных признаков: **1) женщина – это взрослое лицо; 2) женщина – это лицо женского пола**. Остальные шесть признаков получают статус периферийных, поскольку они не представлены во всех словарях.

Как пишут И.А. Стернин и А.В. Рудакова, обобщенная словарная дефиниция слова «дает максимально полное описание значения исследуемого слова в системе языка, надежно описывает основное содержание слова», однако «не является исчерпывающим для описания реально функционирующего слова в языковом сознании и речи» [Стернин 2017, с. 27]. Вследствие такой посылки метод обобщения словарных дефиниций имеет и свои ограничения: на его основе возможно выделить семантическое ядро слова в системе языка, но нельзя считать, что описали его значение [Стернин 1985, с. 19-21].

Доступ к изучению концептов как фрагментов живого знания носителей языка и культуры открывают, как указывают ученые (А.А. Залевская, Н.И. Курганова, В.А. Пищальникова, Н.В. Уфимцева), ассоциативные эксперименты. В этой связи на следующем этапе исследования мы обратились к данным ассоциативных словарей, материалы которых были получены за разные временные промежутки путем массовых свободных ассоциативных экспериментов: 1) Русский ассоциативный словарь (РАС), 1986–1997 гг.; 2) Славянский ассоциативный словарь (САС), 1998–1999 гг.; 3) Русский региональный ассоциативный словарь Европейская часть России (ЕВРАС), 2008–2013 гг.; 4) Русская региональная ассоциативная база данных Сибирь и Дальний Восток (СИБАС), 2008–2020 гг.

Сами создатели этой серии русских ассоциативных словарей пишут о возможности их рассмотрения в качестве «модели языковой картины мира (уникальных моделирующих способностей вербальной памяти), поскольку материалы ассоциативных словарей «содержат структуру целостной языковой картины мира носителя языка, описывая его опыт как создателя и потребителя текстов, а также отражают структуру общения людей» и открывают доступ к изучению целостной языковой картины мира (ее системности и содержания) в динамике [Черкасова 2014, с. 405-406].

Общее количество ассоциатов проанализированных нами по четырем ассоциативным словарям составило 2815 единиц, в том числе: в РАС ассоциативное поле на слово-стимул «**женщина**» составило 528 ассоциатов, в САС – 593, в ЕВРАС – 552 и в СИБАС – 500. В данной статье предлагается рассмотреть методiku моделирования концепта «Женщина» по данным двух ассоциативных словарей – РАС и САС.

Полный набор приемов концептуального моделирования включал: 1) выделение стереотипного ядра ассоциативного поля, полученного на слово-стимул «**женщина**» по двум ассоциативным словарям (РАС и САС) в составе 10 самых частотных ассоциатов; 2) моделирование ведущих смысловых

признаков концепта на базе ядра каждого из ассоциативных полей по каждому словарю отдельно; 3) моделирование общих ведущих смысловых признаков концепта «Женщина» по данным ассоциативных словарей (см. подробнее в: [Курганова 2012, с. 162-174]).

Данные РАС свидетельствуют, что на слово-стимул *«женщина»* в ходе свободного ассоциативного эксперимента было получено 522 ассоциата, из них 137 единиц являются единичной реакцией (26,2% от всего поля). Стереотипное ядро ассоциативного поля включает 244 ассоциата, и оно сформировано следующими десятью самыми частотными компонентами: *мужчина* 71, *красивая* 66, *мать* 36, *в белом* 19, *молодая* 11, *красота* 10, *милая* 10, *умная* 8, *добрая* 7, *жена* 6, что составляет 46,7% от всего содержания поля.

Применив процедуру объединения синонимов в содержании ядра ассоциативного поля, на следующем этапе мы выделили набор смысловых признаков исследуемого концепта по данным РАС и ранжировали их с учетом частотности:

- 1) **красота** – главный признак женщины (31,2%);
- 2) **женщина** – противоположность мужчине (29,1%);
- 3) **женщина** – это мама (14,8%) и 4) **жена** (2,5%);
- 5) **женщина** – в белом (7,8%), 6) **молодая** (4,5%), 7) **милая** (4,1%), 8) **умная** (3,2%), 9) **добрая** (2,8%).

По данным САС ассоциативное поле на слово-стимул *«женщина»* состоит из 575 слов-реакций, 141 реакция (24,5% от всего содержания поля) встретилась единожды. Стереотипное ядро ассоциативного поля, полученное на слово-стимул *«женщина»*, включает 308 ассоциатов, что составляет 53,5% от всего содержания поля, которое представлено следующими десятью частотными вербальными компонентами: *мужчина* 89, *мать* 74, *красивая* 59, *красота* 28, *жена* 14, *молодая* 10, *любимая* 9, *любовь* 9, *красавица* 8, *мама* 8.

По данным САС в число ядерных смыслов концепта «Женщина» входят следующие:

- 1) **красота** – главный признак женщины (30,8%);
- 2) **женщина** – противоположность мужчине (28,9%);
- 3) **женщина** – это мама (26,6%) и 4) **жена** (4,5%);
- 5) **женщина** – молодая (3,2%) и 6) **любимая** (3%);
- 7) **предназначение женщины** – любовь (3%).

На следующем этапе нашего исследования было проведено моделирование смысловых признаков концепта «Женщина» по данным двух словарей – РАС и САС, что позволило выделить общий набор признаков концепта «Женщина» глазами россиян:

Ядро:

- 1) **красота** – главный признак женщины; 31% (РАС и САС);
- 2) **женщина** – противоположность мужчине; 29% (РАС и САС);
- 3) **женщина** – это мама; 21,4% (РАС и САС);
- 4) **женщина** – молодая; 3,8% (РАС и САС);
- 5) **женщина** – это жена; 3,6% (РАС и САС);

Периферия:

- 6) **женщина** – в белом; 3,5% (РАС);

- 7) женщина – милая; 1,8% (РАС);
- 8) главное назначение женщины – любовь; 1,6% (САС);
- 9) женщина – любимая; 1,6% (САС);
- 10) женщина – умная; 1,4% (РАС);
- 11) женщина – добрая; 1,3% (РАС).

Итак, в результате моделирования концепта «Женщина» по материалам двух ассоциативных словарей (РАС и САС) было выделено 11 концептуальных признаков. При этом ассоциативные словари, в отличие от толковых, предоставляют возможность учитывать частотность актуализации того или иного признака и ранжировать выделенные признаки по степени значимости в языковом сознании носителей языка и культуры.

Проведенное на заключительном этапе сравнительно-сопоставительное исследование концепта «Женщина» через призму толковых и ассоциативных словарей позволило констатировать, что набор концептуальных признаков по данным этих типов словарей не совпадает, поскольку в них речь идет о разных типах знания. Ассоциативные словари фиксируют обыденные представления носителей языка и культуры, в них представлены признаки, важные с точки зрения живых людей, которые включены в социально-культурную среду. Толковые же словари представляют «научные конструкты», содержащие наиболее общие и универсальные признаки значения слова. При этом набор ядерных признаков, выделяемых по данным двух ассоциативных словарей гораздо больше по объему (5 признаков) по сравнению с данными шести толковых словарей (2 признака).

Горошко Е.И. Использование метода свободных ассоциаций в психолингвистике / Е.И. Горошко [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=92> (дата обращения: 11.04.2024).

Курганова Н.И. Смысловое поле при моделировании значения слова: монография / Н.И. Курганова. – Мурманск: МГГУ, 2012. – 296 с.

Курганова Н.И. Образ мира через призму концептов повседневности: монография / Н.И. Курганова. – Минск: РИВШ, 2020. – 200 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж, 1985. – 172 с.

Стернин И.А. Методы исследования семантики слова / И.А. Стернин. – Ярославль: Истоки, 2013. – 34 с.

Стернин И.А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – 34 с.

Черкасова Г.А. Динамическая ассоциативно-вербальная модель языкового сознания носителей русского языка / Г.А. Черкасова // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. – 2014. – № 17. – С. 405-414.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

А.С. Андреева (Воронеж)

ЗАИМСТВОВАНИЯ В МОЛОДЕЖНОМ ЖАРГОНЕ: ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПОНИМАНИЯ СЕМАНТИКИ

Аннотация. Статья посвящена заимствованиям в молодежном жаргоне, рассматриваются их источники, особенности образования и семантики. Выявляется понимание заимствований носителями языка и отношение молодежи к ним.

Ключевые слова: сленг, заимствования, рецептивный эксперимент, лингвистическое интервью

Abstract. The article is devoted to borrowings in youth jargon, their sources, features of education and semantics are considered. The understanding of borrowings by native speakers and the attitude of young people towards them is revealed.

Keywords: slang, borrowings, receptive experiment, linguistic interview

В настоящее время отмечается интенсивное заимствование русским языком большого количества английских лексических единиц. Одной из особенно активно и массово пополняющихся англицизмами сфер является молодежный жаргон, или сленг (в терминологии английской лингвистической литературы). В лингвистической литературе подчеркивается, что молодежный сленг как социальный диалект, «существуя ранее лишь в устной форме как язык неформального общения молодежи, в настоящее время стал широко использоваться в средствах массовой информации» [Рубцова 2009, с. 19]. Это вызывает настороженное отношение лингвистов, потому что «резкая актуализация молодежного сленга явно не способствует развитию языковой культуры личности, его лексические элементы делают речь не столько разнообразной и выразительной, сколько грубой и резко контрастирующей с традициями речевого общения в культурной языковой среде» [Крысин 2002, с. 83].

Цель данного исследования – описание источников заимствований в современном молодежном жаргоне, а также особенностей их способов образования, понимания семантики, определение отношения к ним молодежи.

Материалом исследования послужила устная речь молодых людей 18-23 лет, а также тексты интернет-ресурсов. Картотека насчитывает 125 словарных единиц.

Анализ источников заимствований показал, что они относятся в основном к двум сферам:

1) IT-технологии – 40 слов (32% от общего количества): *скамить* от англ. to scam – обманывать, *скиловый* от англ. skill – навык, *флеймить* от англ. flame – пламя, *юзать* от англ. to use – использовать и др.;

2) геймерский сленг – 36 слов (29% от общего количества): *забанить* от англ. to ban — запрещать, *лигнуть* от англ. to leave – оставлять, *скин* от англ. skin – кожа, *читер* от англ. cheater – мошенник и т.д.

По способу вхождения в язык собранные заимствования-сленгизмы разделились на две большие группы.

Первую группу составили прямые заимствования, т.е. слова, переданные с помощью транслитерации. Всего 47 словарных единиц (38% от общего количества). Было выявлено, что в одних случаях заимствованное слово сохраняет свою семантику и частеречную принадлежность (42 единицы): *скам* (от англ. scam – мошенничество) – имя существительное; *изи* (от англ. easy – легкий) – имя прилагательное; *фейк* (от англ. fake – фальшивый) – имя прилагательное. В других случаях меняет частеречную принадлежность (5 единиц), напр.: *кринж* (от англ. cringe – съёживаться) – глагол, а рус. *стыд* – имя существительное; *стрим* (от англ. stream – транслировать) – глагол, а рус. *прямой эфир* – имя существительное.

Вторая группа – гибридные заимствования – объединяет слова, образованные посредством присоединения русских формантов к иностранному корню. В ней 46 единиц, образованных суффиксальным способом, напр.: *чекать* (от англ. to check – проверять), *хейтер* (от англ. to hate – ненавидеть), *трешовый* (от англ. trash – хлам), *тильтовать* (от англ. tilt — наклон. Девять слов образованы приставочным способом: *забанить* (от англ. to ban — запрещать), *почилить* (от англ. chill – прохлада), *пофиксить* (от англ. to fix – исправлять).

Также было выявлено несколько других, менее многочисленных групп: аббревиатуры (12 единиц): *имхо* (от англ. in my humble opinion – по моему скромному мнению); *лол* (от англ. laughing out loud – смеяться вслух); *рофл* (от англ. rolling on the floor laughing – катаюсь по полу от смеха); *ИЛУ* (от англ. i love you – я тебя люблю) и др.; сращения (4 единицы): *камон* (от англ. come on – давай же); *хедшот* (от англ. head shot – выстрел в голову) и др.; слова, созданные способом усечения (3 единицы): *имба* – вместо англ. imbalance – *дисбаланс*; *инвиз* – вместо англ. invisible – *невидимый*; *сабж* – вместо англ. subject – *предмет*.

Поскольку сленг относится к нелитературным формам языка, являясь групповым языком, ограниченным рамками возраста, мы сочли необходимым выявить, насколько хорошо молодые люди знают иноязычные сленгизмы и что думают об их употреблении.

Нами был проведен рецептивный эксперимент, в котором приняли участие 108 человек 18-25 лет. Испытуемым был задан вопрос о знании/незнании слова и просьба объяснить значение заимствованного слова.

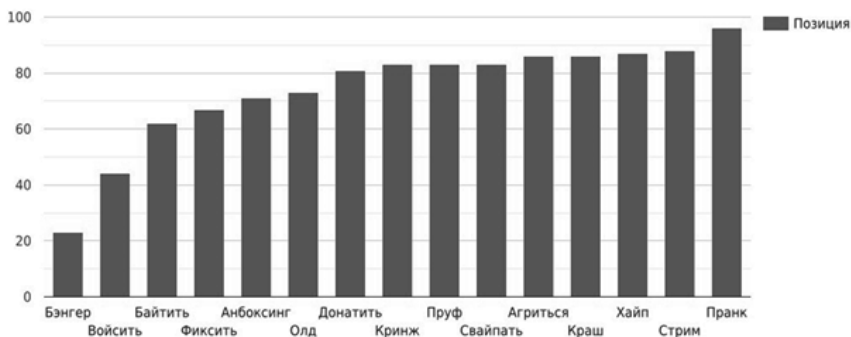
По данным исследования, знание представленных в эксперименте слов распределилось следующим образом.

Слова *войсить* (44%) и *бэнгер* (23%) оказались неизвестны более 50% опрошенным.

Более узнаваемыми (для 50-70% опрошенных) стали слова: *байтить* (62%), *фиксить* (67%).

Распространенные слова (известны 70-90% опрошенным): *анбоксинг* (71%), *олд* (73%), *донатить* (81%), *кринж* (83%), *пруф* (83%), *свайпать* (83%), *агриться* (86%), *краш* (86%), *хайп* (87%), *стрим* (88%).

Популярные слова (известны более 90% опрошенных): *пранк* (96%).

На диаграмме представлено количественное соотношение людей (в процентах), давших верный ответ.

Исследование показывает, что опрошиваемые могут дать ответ, что знают слово, но значение его формулируют неверно. Такие ответы приравнивались к неправильным. В описании слова расположены по убыванию в зависимости от допущенных опрошенными ошибок.

Представим верные ответы.

Пранк: розыгрыш 59; шутка 21; прикол 16; шутка над кем-то 7; шутка над кем-то, причем часто она неожиданная, главное в пранке – реакция человека, над которым пошутили 1.

Краш: объект симпатии 38; тот, кто нравится 34; предмет обожания 12; объект заинтересованности 6; человек, который кому-то симпатичен 1; человек, являющийся объектом чувств 1; нравящийся человек 1.

Агриться: злиться 61; проявлять агрессию 19; раздражаться 5; выходить из себя 3; приходиться в ярость 3; вспылить 2.

Свайпать: что-либо листать в телефоне 39; смахивать по экрану 36; листать новости в телефоне 8; пролистывать ленту в социальной сети 5; листать видео, картинки, клипы в телефоне 1; проводить (смахивать) по экрану в любую сторону 1.

Пруф: доказательство 58; доказать 14; аргумент 9; аргументировать 5; привести доказательство 3; обосновать что-либо 1.

Кринж: испанский стыд 28; чувство неловкости 21; неловкая ситуация 14; стыд 12; что-то глупое, нелепое 7; неловкость 4; стыд за другого 2; пристыдить 1; чувство стыда, дискомфорта по отношению к кому-либо или к какой-то ситуации 1.

Анбоксинг: распаковка 61; распаковывать посылки на камеру 11; вскрывать упаковки 3; разобрать посылку 1; вскрыть коробку 1.

Войсить: записывать голосовые сообщения 34; отправлять голосовые сообщения 8; присылать аудиосообщение 4; голосовое сообщение 2.

Стрим: прямой эфир 44; трансляция 23; прямая трансляция 16; онлайн-трансляция 9; то же, что и прямой эфир 1; транслируемый контент 1; ведение трансляции 1.

Некорректные варианты: выполнять трюки 1.

Хайп: популярность 31; ажиотаж 30; достижение популярности 13; получение популярности 11; слава 6; легкая популярность, чаще в негативном ключе 1; получение известности за счет горячей новости 1; ажиотаж (то есть это то, что вызвало бурную реакцию, популярность 1.

Некорректные варианты: что-то модное 1, попасть в новости 1, положительные эмоции 1, развлечение 1, реклама 1.

Донатить: пожертвовать 28; пожертвование 21; вкладывать деньги 18; денежное пожертвование 8; спонсировать 6; пожертвование в игре 5; помогать материально 2.

Некорректные варианты: зарабатывать в интернете 3, играть 2, отдыхать 1, воровать 1.

Олд: старый 40; старшее поколение 25; опытный 11; человек, который зачастую ностальгирует по былым временам 1; некто старше 1; старше по возрасту, часто не понимающий современные тренды 1.

Некорректные варианты: человек, который был с кем-либо длительное время 1; кто-то бывалый в той или иной деятельности 1; возраст 1; фанат чего-либо 1; закрытый человек 1.

Фиксить: чинить 25; ремонтировать 23; исправлять ошибки 13; урегулировать проблемы/неполадки 7; решение проблемы 3; наладить технический сбой 1.

Некорректные варианты: проверять информацию 1, замечать 1, сканировать 1.

Байтить: провокация 28; провоцировать кого-либо 19; спровоцировать 15; вызывать эмоции 4; выводить на эмоции, действия 1.

Некорректные варианты: скачивать музыку 1, обманывать 1, разыгрывать 1, воровать 1.

Бэнгер: хит 14; популярная песня 7; музыкальный хит 3; самая прослушиваемая песня в настоящее время 1.

Некорректные варианты: мотив песни 1, музыкальная композиция 1, поколение 1, событие 1.

Изучение представленных толкований слов, позволяет сделать вывод о том, что некоторые слова уже уверенно закрепили свои позиции в разговорной и письменной речи молодежной группы, а другие постепенно теряют свою значимость и забываются. Опрос также подтвердил предположение, что не все слова активно употребляются данной группой.

Кроме того, мы провели лингвистическое интервьюирование, цель которого – определение отношения студентов-филологов старших курсов (3-4 курсы, 49 человек) к использованию сленга. Опрос показал следующее.

1. Окружение опрошенных в большинстве своем использует иноязычные сленговые слова (67%).

2. Сами опрошенные (59%) также нередко используют сленгизмы в своей речи, чаще всего, как выяснилось, в реальном общении с ровесниками (53%).

3. Одними из основных причин такого использования стали: 1) желание выразить свою мысль более ярко и образно (57%); 2) краткость заимствованных слов (33%).

Пять опрошенных отметили такие причины, как: стремление донести до собеседника свою мысль так, чтобы быть правильно понятым, желание выразить смысл более точно.

На вопрос об отношении студентов к активному употреблению иноязычных сленгизмов 71% опрошенных ответил положительно, что говорит о том, что в речевой практике студент-филолог ведет себя так же, как студент любой другой специальности, не руководствуясь требованиями культуры речи.

Крысин Л.П. О русском языке наших дней: [электронный ресурс] / Л.П. Крысин. – Пермь, 2002. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm> (дата обращения: 27.04.2024).

Рубцова Е.А. Молодежный сленг как противоречивое явление в современной лингвистике / Е.А. Рубцова // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – М.: Изд-во РУДН, 2009. – №1. – С. 19-24.

*Хуссейн Мохаммед Брисам Аль-Лами (H. M. Al-Lami)
(Казань, Россия; Мисан, Ирак)*

THE ROLE OF MEDICAL TEXTS IN FORMATION OF PROFESSIONAL MEDICAL WORLDVIEW

Аннотация. Статья посвящена анализу образа ‘потеря слуха’ в профессиональном образе мира медицинских работников. Материалом исследования послужили различные медицинские источники, посвященные проблеме слухового восприятия, которые были проанализированы с помощью методов корпусной лингвистики и психолингвистики. Было выявлено, что уровень языкового оформления материала оказывает существенное влияние на формирование профессиональных образов в сознании работников медицинской сферы.

Ключевые слова: профессиональный медицинский дискурс, профессиональное языковое сознание, сложность текста, корпус

Abstract. The article is devoted to the analysis of the image ‘hearing loss’ in professional medical worldview. The material for the research was taken from various medical sources and analysed by means of corpus and psycholinguistic methods. The results indicate that specific vocabulary domain in medical texts plays a vital role in developing a professional worldview.

Keywords: professional medical discourse, professional language consciousness, text complexity, corpus

Professional worldview constitutes an integral part of any person working within a specific field of knowledge. It consists of images and representations that are associated with various linguistic signs that are used by communicants to construct thoughts when coding and decoding speech messages [Balandina 2019]. The

worldview is formed gradually in the process of education and professional practice where a person receives basic competencies and advances his professional skills. As a result of these activities, a person masters a language of professional communication characterized by a specific vocabulary domain and ensures modification of a general worldview into a professional one [Нечаева 2002]. Thus, following the ideas of E.V. Kharchenko, we agree that professionalization can be viewed as integration with the professional community that provides opportunities for professional self-realisation and acquisition of a certain professional language that serves to reflect a particular level of knowledge [Харченко 2017]. Professional language is a historically determined and rather stable form of a national language that can be revealed by various language means in the process of professional communication [Гафиятова 2015].

In our research, we decided to analyse the peculiarities of a professional medical worldview. Medicine has always been a specific field of professional activity. Various medical texts construct the foundation for professional medical development and can be characterized by specific features that make them unique. Among the main points that are worth mentioning are medical terminology, sacredness (Hippocratic oath), clarity, preciseness, and scientific character [Косицкая 2017]. Medical discourse represents a communicative level of professional medical realization, which structure and context are determined by values, norms and purposes of the professional community [Куриленко 2012].

Reading medical texts requires a particular level of knowledge that has a great impact on the overall text comprehension. Analysis of this level presupposes investigation of vocabulary that is considered to be the greatest predictor of comprehension [Robb 2014]. Formal, domain-specific vocabulary constructs certain barriers for non-professional people, while for the medical staff it can create a profound informational background. So, these specific professional words not only attach additional characteristics to the images existing in the general worldview but also reconstruct the overall system of understanding and interpretation of everyday issues connected with the professional field. Therefore, keyword analysis gives a researcher an efficient tool to examine peculiarities of professional image formation based on medical texts.

The article aims to study the image of 'hearing loss' in professional medical worldview. The material for the analysis was taken from various medical books devoted to the problem of hearing loss and ways of its treatment. In the initial stage of the research, we evaluated the complexity of the chosen material and its vocabulary level using online tool Readability Formula and CohMetrix. Then, by means of the software program LanksBox we compiled the list of frequent collocates that are used to determine the keyword 'hearing' and, thus, form the image of 'hearing' illness.

Generally, medical discourse can be characterized by a high level of complexity. First of all, the selected material was evaluated by means of the Flesh-Kincaid Reading Grade formula (FKRG): $FKRG = (0.39 \times ASL) + (11.8 \times ASW) - 15.59$, where ASL stands for the average sentence level and ASW – the average number of syllables per word [Fisher, Frey, & Lapp, 2016]. As a result, we received the numbers 15.56 (extremely difficult), that indicates a professional orientation of the selected texts. The main characteristics of the vocabulary level of the text that can be presented in Table 1.

Table 1

Complexity of vocabulary level	
Statistics	Percentage
Average word length	6
Average number of syllables	2
Percentage of easy words	63%
Percentage of difficult words	37%
Total number of repeated words	48%
Total number of unique words	52%
Word concreteness	64%

The information presented above shows that medical discourse can be characterized by a relatively high number of easy and concrete vocabulary that facilitates its general understanding. However, the percentage of the unique words mostly belonging to the group of terms requires certain medical knowledge that is necessary for overall comprehension of the material.

All the selected collocates were united according to their semantic domain and this way we constructed nine main groups of words.

- Semantic field of illness: *ear* (321), *diagnosis* (176), *sensory* (117), *cases* (118), *bone conduction* (75), *disease* (74), *speech* (74), *otosclerosis* (54), *case* (46), *nerve* (35).

This group gives a general overview of the discussed issue. It is worth mentioning that along with the everyday words associated with hearing such as *ear*, *disease*, *speech*, professional medical staff links hearing problems with *bone conduction*, *otosclerosis* and *nerve*, therefore, have a deeper understanding of the point: *Otosclerosis associated with sensorineural hearing loss*.

- Semantic field of participants: *patients* (188), *patient* (178), *children* (74), *people* (44), *child* (41).

Here, we can observe an interesting tendency. In a general worldview hearing loss is connected with old people, however, in a professional worldview, this disease can occur among people of different age and even children. Thus, particular attention in the medical discourse is given to little patients who suffer from this illness due to various reasons.

- Semantic field of symptoms: *tinnitus* (140), *because* (87), *vertigo* (59), *syndrome* (42), *feeling of fullness* (35).
- Semantic field of cause: *causes* (141), *noise* (142), *associated* (102), *cause* (101), *otitis* (35), *trauma* (41), *occupational* (128), *noise-induced* (98), *exposure* (74), *autoimmune disorder* (35).

Another vital aspect of medical consideration is related to the issues of main symptoms and cause of a problem. Ordinary people can mention just several signs of hearing loss and usually describe them by means of ordinary vocabulary: *pain*, *headache*, *noise in ears*. Professional doctors, on the other hand, use medical metalanguage to refer to various symptoms: *tinnitus*, *vertigo feeling of fullness* and look more attentive to the reason of the problem that can be connected with another illness *otitis*, *autoimmune disorder*, accidents *trauma* or professional activities *occupational*.

- Sematic field of characteristics: *sensorineural* (466), *normal* (302), *conductive* (269), *sudden* (173), *bilateral* (117), *unilateral* (103), *severe* (99), *left* (90), *functional* (86), *audiologic* (83), *progressive* (74), *neural* (66), *mild* (66), *otologic* (64), *right* (61), *hereditary* (56), *central* (53), *improved* (52), *common* (51), *cochlear* (43), *residual* (39), *gradual* (38), *high* (37), *possible* (37), *congenital* (36), *good* (39).

The group describing specific features of illness constitutes an integral part of the image 'hearing loss'. It should be noted that these characteristics mainly refer to professional medical evaluation based on different oppositional aspects: *bilateral* VS *unilateral*; *left* VS *right*; *mild* VS *severe*; *residual* VS *progressive*; *hereditary*, *congenital* VS *sudden*. The importance of all these points influences the general understanding of the problem and thus the choice of effective treatment.

- Semantic field of measurement: *classification* (139), *tests* (117), *figure* (92), *level* (92), *db* (90), *frequencies* (78), *testing* (77), *threshold* (76), *high frequency* (68), *thresholds* (62), *test* (60), *levels* (48), *audiogram* (46), *discrimination* (44), *type* (40), *degree* (36).

Particular attention of the professional worldview is given to a system of measurement. Assessment attaches scientific background to the analysed image as it gives a profound research idea. Classifications, tests, and various audiograms let doctors make correct conclusions concerning the stage of disease progression.

- Semantic field of treatment and recovery: *aid* (259), *aids* (139), *protection* (85), *surgery* (65), *treatment* (46), *device* (41), *protectors* (39).
- Semantic field of result: *loss* (3107), *losses* (95), *deafness* (49), *impairment* (163), *damage* (58), *improvement* (35), *difficulty* (34).

A vital part of the described image is constructed by semantic fields of treatment and results. We can observe several possible options that a doctor should take into consideration while curing a patient: *surgery*, *aids* and *protectors*. However, it is interesting to note that in the field of results most of the collocates refer to negative consequences of hearing problems: *loss*, *deafness*, *damage*, *difficulty*. Mostly, it is connected with the illness itself as it is impossible to cope with hearing impairment and the only option is to preserve the conditional stage.

- Semantic field of actions: *may* (309), *have* (234), *can* (201), *produce* (50), *must* (39), *found* (39), *occurs* (35).

To sum up, we can say that the received data demonstrates that the image of 'hearing loss' has various links in the professional medical worldview. The semantic fields highlighted in the research allow constructing the deep background for future professional activity that is connected with identifying symptoms, revealing the cause of illness, describing the stage and location of the problem, measuring the degree of hearing loss, prescribing appropriate treatment and evaluating the results. The analysed image existing in the worldview of otolaryngologists, general practitioners, pediatricians, audiologists and other medical specialists can be characterized by specific professional features that let doctors help people with hearing problems.

Косицкая Ф.Л. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации / Ф.Л. Косицкая, М.В. Матюхина // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 6(183). – С. 44-48.

Куриленко В.Б. Лингвотерапевтическая направленность как базовая категория медицинского дискурса / В.Б. Куриленко, М.А. Макарова, Л.Д. Логинова // Современные научные исследования и инновации. – 2012. № 1. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/01/6431>.

Нечаева Н.Н. Формирование коммуникативной компетенции как условие становления профессионального сознания специалиста / Н.Н. Нецаева // Вестник университета Российской Академии образования. – 2002. – № 1. – С. 3-24.

Харченко Е.В. Профессионализация языкового сознания (на примере медицинского персонала) / Е.В. Харченко, Е.В. Клочкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 12(408). – С. 194-199.

Balandina E. The image of psycholinguistic image analysis / E. Balandina, T. Peredrienko // XLinguae. – 2019. – № 2. – P. 3-16.

Fisher D. Text Complexity Stretching Readers with Texts and Tasks / D. Fisher, N. Frey, D. Lapp. – SAGE Company, 2016. – 244 p.

Robb L. Vocabulary is comprehension. Getting to the root of text complexity / L. Robb. – Sage Company, 2014.

В.В. Епифанова (Москва)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ РУССКИХ СИНОНИМОВ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА РЕДАКТИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье рассматривается перспективность использования Нового объяснительного словаря синонимов русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна на занятиях по русскому языку как родному в школе с целью повышения языковой компетенции учащихся в области компонентного анализа и редактирования текстов различной сложности.

Ключевые слова: компонентный анализ, семантический параметр, синонимия

Abstract. In the article the prospects of using the New Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian language, ed. Yu.D. Апресян, in classes on Russian as a native language at school in order to improve the language competence of students in the field of component analysis and editing of texts of different complexity are examined.

Keywords: component analysis, semantic parameter, synonymy

Цель компонентного анализа – разложение значений на минимальные семантические составляющие (семы, семантические параметры, семантические компоненты), что особенно эффективно при работе с синонимичными единицами языка.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю.Д. Апресяна описывает особенности значений русских синонимов, их прагматику, стилистическую принадлежность, референциальный статус и т.д. Приведем фрагмент словарной статьи указанного словаря, посвященный семантической параметризации синонимов **аккуратный 1.1., опрятный 1, чистоплотный 1**, разг. **чистюля** `такой, который постоянно заботится о том,

чтобы его тело, одежда и жилище были чистыми и содержались в порядке, и во внешнем виде которого отражается эта забота`....

«Синонимы различаются по следующим смысловым признакам: 1) предмет характеристики (**аккуратный** может характеризовать субъекта как с точки зрения его привычек и установок, так и с точки зрения его внешнего вида, для **чистоплотный** возможно только первое, для **опрятный** – только второе); 2) аспект внешнего вида субъекта, который является предметом оценки (**опрятный**, в отличие от **аккуратный**, указывает прежде всего на состояние одежды субъекта); 3) тип субъекта (**чистоплотный** в больше мере, чем другие синонимы, применим к животным); 4) смысловой акцент (**аккуратный** предполагает акцент на соблюдении порядка, **чистюля** и **чистоплотный** – на соблюдении чистоты); 5) степень активности субъекта (**чистюля**, **чистоплотный** всегда указывают на то, что субъект сам заботится о чистоте своего тела и одежды, что для **опрятного** и **аккуратного** менее обязательно); 6) оценка свойства со стороны говорящего (**аккуратный**, **опрятный**, **чистоплотный** предполагают положительную оценку, **чистюля** допускает, помимо положительной, также отрицательную оценку ввиду чрезмерности данного свойства)» и т.д. [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2000, с. 1].

Постепенное и подробное представление семантических параметров (смысловых признаков) раскрывает особенности семантической и лексической сочетаемости синонимичных единиц и объясняет невозможность составления таких предложений, как (примеры некорректных словосочетаний и предложений из [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2000]):

Она была очень **опрятной, через день стирала и гладила свой белый халат и косынку* (синоним **опрятный** обычно не используется для описания привычек субъекта) – подходящим синонимом в этом предложении является **чистоплотный**: *Она была очень **чистоплотной**, через день стирала и гладила свой белый халат и косынку*;

Вошел **опрятный молодой человек в элегантном темно-сером костюме и сверкающих ботинках* (**опрятный** чаще всего указывает на скромность и простоту одежды) – подходящим синонимом в этом предложении является **аккуратный**: *Вошел **аккуратный** молодой человек в элегантном темно-сером костюме и сверкающих ботинках*;

выглядеть **чистоплотным* (**чистоплотный** характеризует главным образом внутренние свойства, привычки и установки субъекта) – подходящим синонимом в этом предложении является **опрятный**: *выглядеть **опрятным***.

Тщательная работа с указанным словарем позволяет сформировать навыки редактирования текста с объяснением причины невозможности использования того или иного синонима в определенных контекстах.

Анализ и выявление наиболее частотных семантических параметров русских синонимов проводится также в исследовании А.И. Ольховской [Ольховская 2019], в работе И.Г. Милославского [Милославский 2013], в Активном словаре русского языка [Активный словарь русского языка 2017] и Толково-комбинаторном словаре современного русского языка [Мельчук, Жолковский 2016].

В частности, в книге И.Г. Милославского семантические различия синонимов также объясняются на основе их дифференциальных смысловых признаков. Приведем отрывок книги, посвященный лексемам *помиловать*, *амнистировать*, *реабилитировать*:

«Глагол *помиловать* может отражать следующую ситуацию. X приговорен судом к наказанию за совершенное преступление, а Y, обладающий соответствующим правом, отменяет или смягчает это наказание. При этом причины действия Y-а никак не называются и могут включать в себя, например, и общегуманистические соображения, и представления о незначительности преступления, и соображения о том, что X уже встал на путь исправления, и просьбу самого X-а, и ходатайство за него других людей... Амнистия обычно осуществляется к группам лиц и приурочена к каким-либо важным государственным событиям, а помилование, как правило, носит индивидуальный характер и обусловлено конкретными просьбами. Однако объектов и помилования, и амнистии объединяет то, что их вина не забыта, а лишь не отмечена соответствующим наказанием. Поэтому лица, не признающие своей вины, нередко не удовлетворяются статусом помилованного или амнистированного. Они требуют для себя реабилитации, полной или частичной... *реабилитировать* принципиально отличается от *помиловать*, *амнистировать* тем, что, во-первых, может относиться к любому человеку или даже мнению, взгляду, теории и т.п., а не только к осужденному по закону. Во-вторых, *реабилитирующий* субъект остается довольно неясным, в отличие от лица или инстанции, которым по закону предоставлено право *миловать* и/ или *объявлять амнистию* [Милославский 2013, с. 85-87].

На наш взгляд, материал Нового объяснительного словаря синонимов русского языка может быть успешно использован на школьных занятиях по русскому языку с целью обучения учащихся принципам семантической параметризации синонимов, обучения самостоятельному объяснению семантических различий синонимов, корректировке текстов с использованием соответствующих синонимов, а также более точному выбору синонимичных слов и словосочетаний в процессе продукции речи.

Приведем примеры заданий на редактирование предложений с синонимами «**бесплатно, даром, за (просто) так, безвозмездно, за спасибо**», к которым учащиеся могут приступить после знакомства с соответствующей словарной статьей [Новый объяснительный словарь синонимов 2000, с. 11-12]: «**бесплатно**, (обиходн.) **даром 1**, разг. **за (просто) так**, разг. **задаром 1**, разг.-сниж. **задарма**, разг. **за здорово живешь**, разг. **за красивые глаза**, необиходн. или офиц. **безвозмездно**, разг. **за спасибо** `не получая или не давая ничего взамен`» дифференцируются по следующим семантическим компонентам: «1) точка зрения, с которой описывается ситуация передачи-получения (**бесплатно, даром, задаром** могут описывать ее с точки зрения обоих участников, а **безвозмездно** и особенно **за спасибо** – преимущественно с точки зрения передающего); 2) ценность передаваемого объекта (**безвозмездно** обычно предполагает, что объект ценный); 3) тип передаваемого объекта (**безвозмездно** и **за здорово живешь** допускают передачу денежных средств; **за спасибо** обычно предполагает услугу); 4) тип компенсации (**бесплатно** прототипически

указывает на отсутствие денежной компенсации, а остальные синонимы ряда свободно используются в ситуации, когда отсутствуют другие виды компенсации); 5) возможность указания на узаконенную льготу (есть у **бесплатно**); 6) эмоциональное отношение говорящего к ситуации (характерно для **за здорово живешь, за красивые глаза, за спасибо**); 7) связь с личными качествами субъекта (при **безвозмездно** поведение дающего обычно благородно и бескорыстно; при **задарма** получающий ведет себя ловко, заботясь о собственной выгоде).

Задание. Прочитайте предложения. Объясните, какой семантический компонент здесь выражен ошибочно, а какой, напротив, утрачен, несмотря на свою необходимость. Отредактируйте предложения.

(1) **Он получил картину **безвозмездно*** (здесь выражен компонент «описание ситуации с позиции передающего» при необходимости выражения компонента «описание ситуации с позиции получающего», в связи с чем наиболее подходящим вариантом является «**бесплатно**»).

(2) **Я буду рад помочь ему **задарма**/ **за красивые глаза*** (здесь выражен компонент «отрицательная оценка ситуации» при необходимости выражения компонента «положительная/ нейтральная оценка ситуации», в связи с чем наиболее подходящим вариантом является «**за (просто) так**», «**бесплатно**»).

(3) **На презентации **безвозмездно** раздавали значки и авторучки с логотипом фирмы* (здесь выражен компонент «ценный объект дарения» при необходимости выражения компонента «неценный объект дарения», в связи с чем наиболее подходящим вариантом является «**бесплатно**»).

(4) ****Бесплатно** она вам справку не выпишет, захватите с собой коробку конфет* (здесь выражен компонент «денежная компенсация» при необходимости выражения компонента «иной тип компенсации», в связи с чем наиболее подходящими вариантами являются «**за (просто) так**» или «**даром**»).

(5) **Вы получили квартиру **даром**?* (здесь выражен компонент «отсутствие узаконенной льготы» при необходимости выражения компонента «наличие узаконенной льготы», в связи с чем наиболее подходящим вариантом является «**бесплатно**»).

(6) **На строительстве Волго-Донского канала в нечеловеческих условиях **за спасибо** работали тысячи и тысячи заключенных* (здесь выражен компонент «добровольное предоставление бесплатной услуги» при необходимости выражения компонента «отсутствие указания на добровольное предоставление бесплатной услуги», в связи с чем наиболее подходящими вариантами являются «**даром**» или «**бесплатно**»).

Данный подход позволяет научиться выделять семантические компоненты синонимичных языковых единиц, уточнить их прагматическую ценность, обучает навыкам редактирования текстов на русском языке, способствует умению осуществлять более качественный выбор синонимов при передаче того или иного исходного содержания, требующего своего выражения в речи.

Активный словарь русского языка: в 3 т. / Отв. ред. акад. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2017.

Мельчук И.А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / И.А. Мельчук,

А.К. Жолковский. – Изд. 2, испр. – М.: Глобал Ком; Языки славянской культуры, 2016. – 544 с.

Милославский И.Г. Говорим правильно по смыслу или по форме / И.Г. Милославский. – М.: АСТ, 2013. – 316 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 557 с.

Ольховская А.И. Семантическая параметризация русской синонимии / А.И. Ольховская // *Litera*. – 2019. – №5. – С. 63-78.

О.В. Земцова (Лунецк)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «ФАСИЛИТАТОР»

Аннотация. В статье рассматриваются результаты анализа современного дискурса, а также данные психолингвистического эксперимента со словом «фасилитатор». Употребление этой лексики вызывает трудности у носителей современного русского языка, когда речь заходит об английских заимствованиях в сфере образования и бизнеса. Несмотря на возрастающую частотность употребления данного слова, оно недостаточно представлено в академических словарях.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение, заимствования, лексикографическое значение

Abstract. The article deals with the discourse analysis as well as the data taken from the associative experiment concerning the word «facilitator». According to the author and alongside with the experiment results, this word presents more difficulty in usage than other English borrowings in the sphere of education and business. Though the word is getting its high popularity, its representation in academic dictionaries is not sufficient.

Keywords: associative experiment, psycholinguistic meaning, borrowings, dictionary meaning

Целью данного исследования является попытка обобщить результаты психолингвистического эксперимента, касающегося лексики «фасилитатор», и данные, полученные из ряда статей по интересующей нас теме.

Данная лексическая единица вошла в русский язык относительно недавно. В 2008 г., работая над кандидатской диссертацией «Национальная специфика семантики лиц, занятых в сфере образования (на материале русского и английского языков), мы не включали данную лексику в список анализируемых слов. На тот момент лексема существовала в русском языке исключительно как термин. Слово «фасилитатор» было широко употребимо в англоязычном мире, но сравнительно малоизвестно в России. Например, Международная ассоциация фасилитаторов (International Association of Facilitators, IAF), существующая с 1989 года и включающая в себя более 1200 членов из 63 стран, в начале 2000-х имела только 15 человек из России. В 2004 г. Международная ассоциация фасилитаторов утвердила профессиональный кодекс этики, который затем был переведен на русский язык.

На данный момент в России существует Ассоциация фасилитаторов со своим уставом, положением о приеме в члены ассоциации. На сайте Ассоциации (<https://фасилитация.рф>) заявляется, что «Ассоциация фасилитаторов –

российская некоммерческая организация, созданная для развития профессиональной групповой фасилитации на территории Российской Федерации, стран СНГ и практики применения фасилитации для решения социально значимых задач российского общества и развития организаций». Однако попытка найти на данном сайте определение ключевому понятию «фасилитатор» не увенчалась успехом.

Анализ медийных текстов показывает, что на данный момент слово «фасилитатор» широко используется в описании различного рода тренинговых и коучинговых программ в широком спектре сфер занятости не только в области массовых коммуникаций, но и в специализированных областях, связанных с бизнесом, психологией, социологией, педагогикой, юриспруденцией, саморазвитием и даже медициной.

Так, Академия социальных технологий имеет в своем составе кафедру фасилитации и модерации, где «вы можете найти профессионала для решения ваших задач, а также варианты обучения профессии или повышения квалификации, если сами желаете развиваться в этой области или применять свои знания и навыки на основном месте работы» [<https://ast-academy.ru/directs/facilitation/>]. В описании работы кафедры говорится о том, что специалисты по организации групповой работы помогают конструктивно провести дискуссию, получить множество путей и решений задачи, договориться о ценностях, стратегических направлениях развития и конкретных шагах реализации.

Фасилитация может использоваться в работе групп разного размера: от небольших команд, до конференций на сотню человек. Особенностью метода является нейтральная позиция ведущего по отношению к содержанию – он не участвует сам в обсуждении, но организует процесс так, чтобы все члены группы могли высказать свои идеи и соображения. Подобный подход позволяет максимально творчески решать поставленную для групповой работы задачу – вовлечь всех участников и представить весь спектр позиций и мнений. Умение деликатно, но эффективно организовать работу с группой, найти подход к разным по характеру, статусу, профессиональной принадлежности людям – это результат специального обучения и постоянной практики. Поэтому настоящий фасилитатор должен совершенствоваться профессионально и много работать с группами.

Сегодня фасилитация – это не только отдельная профессия, но и внутренняя компетенция руководителей бизнес-организаций. Современный менеджер, конечно, не обязан уметь проводить большие стратегические сессии, но грамотно управлять встречами и совещаниями, чтобы прийти к результату, а не просто потратить время, – его важная функция.

В 2023 г. нами была предпринята попытка исследовать психолингвистическое значение лексемы «фасилитатор» с помощью ассоциативного эксперимента, направленного на изучение языкового сознания носителей русского языка. В ходе эксперимента испытуемым необходимо было дать реакцию на слово-стимул «фасилитатор».

Как известно, психолингвистическое значение – это значение, которое реально представлено в сознании носителей языка (в отличие от

лексикографического значения, представленного в словарях). Под психолингвистическим значением слова, вслед за И.А. Стерниным и А.В. Рудаковой, понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка»; «объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов...» [Стернин 2011, с. 99].

В ходе описываемого эксперимента было опрошено 111 респондентов. Большая часть из опрошенных респондентов – студенты и преподаватели Института филологии Липецкого государственного педагогического университета, Липецкого филиала РАНХ и ГС, а также люди разнообразных профессий, уровня образования, возраста и пола (от 18 до 85 лет). Наряду со словом «фасилитатор» ассоциативный эксперимент проводился и со словами «ментор» и «коуч». Предлагаемая испытуемым анкета, которая имела следующий вид:

«Просим Вас принять участие в лингвистическом эксперименте, направленном на изучение языкового сознания носителей русского языка.

Необходимо закончить фразу в каждой строке. Работайте быстро, не задумывайтесь долго над каждым словом. Любые Ваши ответы будут правильными. Степень подробности ответа – на Ваше усмотрение. Если затрудняетесь ответить, поставьте прочерк. Ваши ответы будут исследованы в обобщенном виде.

Также укажите свой возраст и род занятий. Возраст ____ Род занятий ____

Ментор – это _____

Коуч – это _____

Фасилитатор – это _____

Спасибо за уделенное время и внимание».

В результате обработки результатов эксперимента было построено ассоциативное поле для слова-стимула «фасилитатор» по убыванию частотности полученных реакций:

Фасилитатор: помогает 6 (избрать правильные пути действия, в организации деятельности, общаться с другими людьми), облегчает 5 (конфликты, задачи, занятия, чужие страдания, нам жизнь) (to facilitate), лидер 4, наставник 4 (в т.ч. в учреждении), психолог 3, главный в компании 2 (в т.ч. директор), переговорщик 2, вдохновляет 2, мотивирует 2, проводник, переводчик?, посредник, активный представитель группы, управляет дискуссией, позиционирует себя лидером, налаживает отношения между другими в коллективе, устраняет (трудности), направляющий учитель, способствует продвижению деятельности, работает в сфере коммуникации, контролирует и отслеживает прогресс, выявляет сильные стороны клиента, педагог – психолог, что-то связанное с выбором специальности, раздражитель, очень умный человек, продавец, фаси – что?, сын у меня работает, говорит, помогает коллегам меньше ругаться, зачем ругаетесь?, иностранное слово (не знаю значения).

Отказы – 61.

Основным выводом, касающимся слова «фасилитатор» в данном эксперименте является то, что больше половины испытуемых (61 из 111) не смогли определить значение слова «фасилитатор» вообще – они отказались выполнить задание. Это подтверждает мысль о том, что значение данной лексемы содержательно не освоено значительным числом носителей русского языка.

Впреки ожиданиям, эксперимент показал, что данное слово практически незнакомо не только представителям среднего и старшего возраста, но и представителям молодого поколения, в возрастной группе до 40 лет. В более старшей возрастной группе были или отказы определить слово или отписки типа – *фаси – что?, иностранное слово (не знаю значения), впервые слышу, не слышал такого, очень умный человек*. В возрастной группе до 40 лет было больше отказов, нежели попыток дать хоть какое-либо объяснение.

По результатам эксперимента было очевидно, что его логическим продолжением может быть сопоставление лексикографического и психолингвистического значений слова «фасилитатор» в русском языке. Однако поиск по электронным версиям словарей современного русского языка и словарей иностранных слов современного русского языка не привел к каким-либо значимым результатам. Так, «Словарь иностранных слов» Н.Г. Комлева (2006) и «Большой толковый словарь русского языка» по ред. С.А. Кузнецова (2000) не содержат данную лексическую единицу.

Словари специализированной лексики предоставили больше данных для анализа изучаемой лексемы [<https://1095.slovaronline.com/>].

В «Большом толковом социологическом словаре» находим, что «фасилитатор – человек, занимающийся организацией и ведением групповых форм работы с целью повышения их эффективности. Задача фасилитатора – следить за регламентом и способствовать комфортной атмосфере, сплочению группы и плодотворному обсуждению. Группы поддержки и взаимопомощи относятся к тем видам групповой работы, при которых необходимо присутствие фасилитатора».

В «Словаре по педагогической антропологии» делается акцент на ценности личностного развития и говорится, что «(фасилитатор) – это тот, кто способствует становлению и росту, фасилитативная способность состоит из искусства уважения, искусства понимания, искусства помощи и поддержки, искусства договора, искусства быть собой». Следует отметить, что сема «работает с группой» не упоминается.

«Словарь терминов по общей и социальной педагогике» дает очень широкое определение лексеме «фасилитатор»: человек, который делает что-то возможным; человек, развивающий у клиента способность самому справляться с личными сложными ситуациями или стрессом.

На сайте <https://sinonim.org/> нашлось следующее определение значения слова «фасилитатор»: человек, обеспечивающий успешную групповую коммуникацию. Здесь же предлагаются 7 синонимов к слову, наиболее значимое из которых – *посредник* (85 случаев), частота – 13 (периодичность использования лексемы в текстах). Остальные значительно менее частотные

синонимы слова «фасилитатор»: *модератор, организатор, координатор, ведущий наставник, тренер.*

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Появление в современном русском языке лексемы «фасилитатор» свидетельствует о лакуарности данного значения при наличии большого социального запроса каким-то образом номинировать специалиста по организации групповой работы. В случае со словом «фасилитатор» процесс языковой адаптации только начат, поэтому сделать вывод о том, закрепится ли слово в языке, останется в нем в рамках специального термина или вскоре выйдет из употребления, можно только с учетом диахронической перспективы.

Стернин И.А. Ложные значения в языковом сознании: реальность или фикция? / И.А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2021. – №1(47). – С. 98–109. DOI 10.30982/2077-5911-2021- 47-1-98-109.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с.

Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов: [более 4500 слов и выражений] / Н.Г. Комлев. – Москва: Эксмо, 2006. – 669 с.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1573 с. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>.

Джери Д. Большой толковый социологический словарь = Collins dictionary of sociology : Collins dictionary of sociology : Рус.-англ. Англ.-рус. / Д. Джери, Дж. Джери. – Москва: Вече: АСТ, 1999. – [<https://1095.slovaronline.com/>].

Словарь по педагогической антропологии. – URL: <https://rus-pedagogical-anthropology-dict.slovaronline.com>

Словарь терминов по общей и социальной педагогике. – URL: <https://rus-general-social-pedagog-terms.slovaronline.com>.

Л.А. Литвинова (Воронеж)

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА ЛСГ «НАИМЕНОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья рассматривает устаревшие слова в рамках лексико-семантической группы «Наименования сельских поселений» в русском языке. Анализ семантики данных лексем позволяет констатировать процесс архаизации лексики как довольно заметный, выявляет неактуальные для современного русского языка дифференцированные признаки и их соответствующие семы в составе исследуемых семем. Делается попытка установления связи между различными экстралингвистическими причинами и соответствующими семантическими проявлениями.

Ключевые слова: устаревшие слова, лексико-семантической группа, процесс архаизации лексики, семантический анализ

Abstract. The article examines obsolete words within the lexical and semantic group "Names of rural settlements" in the Russian language. The analysis of the semantics of these lexemes allows us to state the process of archaization of vocabulary as quite noticeable, reveals differentiated features that are irrelevant to the modern Russian language and their

corresponding semes in the composition of the studied semes. An attempt is made to establish a connection between various extralinguistic causes and the corresponding semantic manifestations.

Keywords: obsolete words, lexico-semantic group, the process of archaization of vocabulary, semantic analysis

Процесс архаизации лексики в составе ЛСГ отражает динамические процессы в языке.

Устаревшие слова – общее название для историзмов и архаизмов. Последние представляют собой пассивный слой лексики, которая характеризуется малой употребительностью в современном языке и ограниченной сферой употребления. Условно все устаревшие слова делятся на историзмы (неупотребительное в настоящее время слова по причине исчезновения самого предмета из обихода и жизни) и архаизмы (устаревшие слова-названия ныне существующих предметов, объектов или явлений).

Процесс устаревания лексики имеет следующие последовательные ступени: 1. Начинающее устаревать слово; 2. Снижение частотности употребления без сложности понимания; 3. Снижение частотности употребления с трудностью понимания; 4. Вышедшие из активного употребления слова – финал процесса устаревания слова.

Чаще всего слова устаревают по ряду экстралингвистических причин, например, исторические, политические, социальные и иные события и процессы в обществе. Следовательно, устаревшие слова, несомненно, будут показывать на факт снижения интереса и/или спроса на продукт/предмет/объект, который они обозначают.

Процесс архаизации лексики в составе исследуемой ЛСГ фиксируется как довольно активный. Целый ряд слов в составе ЛСГ «Наименования сельских поселений» – ВЕСЬ, ПОСЕЛЬЕ, ПРИСЕЛОК, СЕЛИТВА, СЕЛИЩЕ, СЛОБОДА, СТАНОВИЩЕ – отмечены в современных словарных источниках как «устаревшие» (32% от общего количества проанализированной группы единиц). Динамика изменения языка очевидна и довольно активна.

Нами были проанализированы лексические единицы с пометой *устаревшее* в современных толковых словарях русского языка. Особое внимание было уделено семам, которые не фиксируются в современных словарях.

Результаты семантического анализа устаревших лексических единиц с архисемой «Наименования сельских поселений» представлены в Таблице 1.

Общая семантическая картина анализируемых устаревших слов, объединенных архисемой «сельское поселение» позволяет зафиксировать ряд общих семантических проявлений у таких слов, а именно:

- скудное семное наполнение исследуемой семемы;
- сужение территории употребления;
- сужение сферы употребления;
- уменьшение семантического объема исследуемой семемы.

Таблица 1

Устаревшая ЛЕ	Семантические компоненты	Семантические проявления
ВЕСЬ	Функционально-темпоральный компонент значения – устаревшее; употребляется только в устоявшихся выражениях	Скудное семное наполнение исследуемой семемы
ПОГОСТ	1. Жители поселения – лопари (саамы) 2. Функционально-территориальный компонент значения – областное 3. Месторасположение – образованное при церкви	Сужение территории употребления Сужение сферы употребления
СЕЛИЩЕ	Наличие церкви – не фиксируется	
ПРИСЕЛОК	1. Тип жителей – крестьянское 2. Административно-территориальный статус – зависит от села 3. Противопоставление – отличается от большого села	Скудное семное наполнение исследуемой семемы
СЕЛИТВА	Факт заселения, освоения территории - там, где кто-то живет, заселенное людьми	Сужение сферы употребления
СТАНОВИЩЕ	1. Месторасположение – Обычно на берегу/у естественных гаваней, где можно было приставать/сибирское 2. Тип поселения – (поселение) кочевников 3. Продолжительность проживания – временное	Сужение территории употребления
СЛОБОДА	Функционально-темпоральный компонент значения – до отмены крепостного права в России XI - XVII вв.	Ярко выраженный функционально-темпоральный компонент значения
ПОСЕЛЬЕ	Факт заселения, освоения территории – там, где поселены люди	Скудное семное наполнение исследуемой семемы/уменьшение семантического объема

Исчезнувшие семы помогают определить ряд экстралингвистических причин, которые, в свою очередь, нашли отражение в семантике исследуемых слов.

Например, исчезнувшие семы «образованное при церкви» (ПОГОСТ) и отсутствующий в XX в. семантический признак «наличие церкви в поселении» (СЕЛИЩЕ) могут указывать на заметное снижение роли церкви и религиозных институтов в жизни современного общества в сравнении с российским обществом прошлого века.

Слово СЕЛИТВА не фиксирует сему «там, где кто-то живет, заселенное людьми» в XX в., равно как и слово ПОСЕЛЬЕ соответствующую сему «там, где поселены люди», что можно объяснить завершением процесса освоения и

заселения новых территорий и пространств, соответственно, этот процесс теряет актуальность к настоящему времени: территории освоены и заселены.

Слово СТАНОВИЩЕ «теряет» целый ряд сем: «обычно на берегу», «у естественных гаваней, где можно было приставать», «сибирское», «(поселение) кочевников», «временное».

Слово СЛОБОДА имеет яркий функционально-темпоральный компонент значения и соответствующие семы «устаревшее», «историческое», «в России XI – XVII вв.», «до отмены крепостного права». Обе лексические единицы и их устаревшие семы указывают на изменившиеся экономические условия, а появившиеся новые производственные/хозяйственные обстоятельства обусловили все вышеперечисленные устаревшие семы не актуальными и не выгодными в новых условиях.

У слова ПРИСЕЛОК также не фиксируются следующие семантические компоненты: «тип сельского поселения» – сема «крестьянское», «административно-территориальный статус» – сема «зависит от села», «противопоставление» – «отличается от большого села». Полагаем, изменения административного и территориального управления негородскими/сельскими территориями сначала в Российской империи, а позже в СССР претерпели заметные изменения, которые привели к устареванию данной лексической единицы.

Семантический анализ устаревших лексических единиц с архисемой «сельское поселение» позволяет также определить прямую зависимость между экстралингвистическими причинами и соответствующими семантическими проявлениями.

Экстралингвистические причины (для ряда исследуемых устаревших слов в рамках ЛСГ «Наименования сельских поселений» – это изменившиеся экономические условия, изменившееся административное устройство, снижение роли церкви в жизни общества, завершение процесса освоения и заселения пространства) приводит, как показал анализ, к ряду семантических вышеупомянутых семантических закономерностей.

Устаревшие слова в рамках ЛСГ «Наименования сельского поселения» обнаруживают, таким образом, количественные и качественные семантические трансформации. К последним относятся скудное семное наполнение исследуемой семемы или уменьшение ее семантического объема или сужение территории употребления или сокращение сферы употребления, либо сочетание этих семантических проявлений.

А.А. Повольнова, Е.А. Правда (Воронеж)

О ЗНАЧЕНИИ СЛОВ КАЗАК И КАЗАКИ

Аннотация. Статья посвящена значению этнонимов *казак* и *казаки*. Составляются словарные статьи из разных толковых и этимологических словарей русского языка. Выявляются различия в приводимой лингвистической и экстралингвистической информации. Делаются выводы о характере сведений, с помощью которых раскрывается значение лексем.

Ключевые слова: казак, этноним, значение слова, словарная статья

Abstract. The article is devoted to the meaning of the ethnonyms Cossack and Cossacks. Dictionary entries from different explanatory and etymological dictionaries of the Russian language are compared. The differences in the provided linguistic and extralinguistic information are revealed. Conclusions are drawn about the nature of the information with which the meaning of the words is revealed.

Keywords: Cossack, ethnonym, meaning of the word, dictionary entry

Казачья игра играет заметную роль в русской истории и культуре, они активно участвуют и в современной общественной жизни. Без казаков не обходятся ни православные праздники, ни крестные ходы, ни фольклорные фестивали. И, конечно, казачьи подразделения по-прежнему составляют важную часть российских вооруженных сил, принимают участие в самых сложных военных операциях.

В русской литературе тема казачества нашла отражение в произведениях многих писателей и поэтов. **А.С. Пушкин** затронул эту тему в поэме «Полтава» и повести «Капитанская дочка», в стихотворении «Казак». **Н.В. Гоголь** посвятил изображению казаков, их традиций, жизни и быта повесть «Тарас Бульба». Казачьи мотивы громко звучат в произведениях **М.Ю. Лермонтова, который во время своего пребывания на Кавказе познакомился с жизнью кубанских и терских казачьих станиц.** **Л.Н. Толстой** в повести «Казачья жизнь» описал быт казаков, их характер и мировоззрение. Жизнь казаков в послереволюционный период изображена в произведениях **М.А. Шолохова** «Донские рассказы», «Тихий Дон», «Поднятая целина».

Достаточно распространены в России фамилии, указывающие на казачье происхождение основателей соответствующих родов. Среди самых известных носителей этих фамилий – архитектор-классицист *Матвей Федорович Казаков* (XVIII–XIX вв.), физикохимик академик *Валерий Петрович Казаков* (XX в.), народный поэт Республики Марий Эл *Николай (Миклай) Иванович Казаков* (XX в.), народный артист СССР баянист-виртуоз *Юрий Иванович Казаков* (XX в.), писатель-прозаик *Юрий Павлович Казаков* (XX в.), поэтесса и переводчица *Римма Федоровна Казакова* (XX в.), русский прозаик и драматург *Михаил Эммануилович Козаков* (XIX–XX вв.), его сын – народный артист РСФСР актер и режиссер *Михаил Михайлович Козаков* (XX–XXI вв.), а также советский писатель *Эммануил Генрихович Казакевич* (XX в.).

Исследователей давно привлекают разговоры казачьих станиц, жизнь и быт казаков, их фольклор, обычаи и традиции, а также казачий ономастикон. Составляются словари казачьих говоров, казачьих фамилий и др. Историко-культурным фоном для этих исследований являются сведения о казаках и казачестве, отражаемые в толковых и энциклопедических словарях, которые интересно рассмотреть особо.

Согласно энциклопедическим данным (ср., напр.: [БЭС 2002, с. 475]), казаки представляют собой этносословные группы в составе русских и некоторых других народов. В России насчитывается около 5 млн. казаков. Верующие казаки – в основном православные, но есть среди них и представители других конфессий. Говорят русские казаки на русском языке, а также на других языках, в зависимости от места своего проживания.

Существуют и казацьи диалекты – говоры казацких станиц. Так, диалектные особенности речи донских казаков нашли отражение в произведениях М. Шолохова.

По определению Л.Н. Гумилева, казаки – одно из «субэтнических образований, иногда маскировавшихся под сословия, но отнюдь не классы». Эта этнографическая группа, образовавшаяся на южной окраине царской России, выделилась первой из других русских субэтносов [Гумилев 1994].

Это произошло еще в древнерусскую пору. Так, по данным И.И. Срезневского, этноним в вариантах *казак* и *козак* употреблялся в древнерусском языке еще начиная с 1395 г. в значении ‘работник, наемный работник’ [Срезневский 1958, с. 1173–1174].

По мнению М. Фасмера, вариант *козак* является украинским заимствованием из польского языка – *kozak* ‘казак’. Польско-украинским влиянием объясняется и производительный вариант *казáки*, который противостоит варианту *казакí*, употребляемому оренбургскими казаками. Этимологию слова М. Фасмер выводит из тюркского слова *kazak* (‘свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга’), известного в целом ряде тюркских языков: турецком, татарском, крымско-татарском, киргизском, чагатайском. Указывается и на связь этнонимов *казаки* и *казахи* [Фасмер 1967, с. 158].

Разностороннюю информацию о казаках дает В.И. Даль. В соответствующей словарной статье из его «Толкового словаря живого великорусского языка» (СПб.–М., 1881) сведения о слове *казак* переплетаются со сведениями об образе жизни казаков [Даль 1981, т. 2, с. 72-73].

Лексема представлена в двух орфографических вариантах: «казáкъ или козáкъ». Дальше следует информативная этимологическая помета о том, что слово произошло «вѣроятно отъ среднеазиатскаго казмáкъ, скитаться, бродить, какъ гайдукъ, гайдамака, отъ гайда; ускокъ отъ ускочить, бежать; бродяга отъ бродить ипр.». Упоминается и то, что это слово в качестве самоназвания бытует у одного из азиатских народов: «киргизы сами себя зовут *казакъ*» [Даль 1981, т. 2, с. 72].

Значение слова толкуется следующим образом: «войсковоу обыватель, поселенный воинъ, принадлежщ. къ особому сословию казаковъ, легкаго коннаго войска, обязаннаго служить по вызову на своихъ коняхъ, въ своей одеждѣ и вооруженíи». Отмечается, что «есть и пѣшíе казаки, въ числѣ которыхъ болѣе извѣстны черноморскíе», а также то, что «малороссíйскíе казаки тѣ же крестьяне и ставяты рекрутъ на своихъ правахъ» [Даль 1981, т. 2, с. 72].

Статья содержит также сведения о периодизации жизни казаков и о терминологии, используемой для именовании соответствующих возрастных категорий: «Вообще, казакъ числится малолеткомъ отъ 17 до 20 лѣтъ; служащимъ или служилымъ до 50 или 55-ти; потомъ еще 5 лѣтъ домоседнымъ, а затѣмъ отставнымъ» [Даль 1981, т. 2, с. 72].

О принципах военной организации казаков сообщается следующее: «По занимаемымъ землямъ, единству управленíя, казаки каждаго именованíя образуютъ отдѣльное войско, подъ началомъ атамана: Донское казачíе войско, Уральское, Оренбургское, Терское, Кубанское ипр.» [Даль 1981, т. 2, с. 72].

В качестве языковых иллюстраций в словаре В.И. Даля приводится целый ряд пословиц и крылатых выражений о казаках, которые уточняют информацию, включенную в толкование слова, а также передают устойчивые, стереотипные представления о казаках, об их менталитете и типичном поведении: «Казак – глаза и уши армии, Суворов. Казаки все наголо (поголовно все) атаманы. Терпи, казакъ, атаманъ будешь. Не всёмъ козакамъ въ атаманахъ быть. Богъ не безъ милости, казакъ не безъ счастья. Казакъ и въ бѣдѣ не плачет. Безъ коня казакъ кругомъ сирота (хоть плачь сирота). Казакъ голодень, а конь его сыт. Казаку конь себя дорожѣ. Казакъ самъ голодаеть, а лошадь сыта. Безъ коня не казакъ. Казакъ безъ коня, что солдатъ безъ ружія. Казаки обычаемъ собаки. Казакъ глазастая собака. У нашихъ казаковъ обычай таковъ: гдѣ просторно (гдѣ пролезешь), тутъ и спать ложись. У нашихъ казаковъ (молодцовъ) обычай таковъ: поцеловаль куму, да и губы въ суму. Коли казакъ, такъ и съ Дону. Казакъ Донской – что карась озерной: икрань (и прянь) и солен. Казаки что дѣти: и много поедять, и малымъ наедятся. Казакъ изъ пригоршни напестя, на ладони пообѣдаеть. Чайка киги, а казакъ хихи! чибезъ остерегаеть крикомъ отъ опасности. На удачу казакъ на лошадь садится, на удачу казака и конь бьетъ. Казакъ и гривки прихватить, съ пикой, чтобы сильнѣе ударить. Пришли казаки съ Дону, да прогнали ляховъ до(къ)дому» [Даль 1981, т. 2, с. 73].

А. Преображенский в своем «Этимологическом словаре русского языка», составленном на рубеже XIX и XX вв., ссылается на трактовку слова *казак* в словаре древнерусского языка И.И. Срезневского и указывает его происхождение от тюркских корней и первоначальное значение ‘вольный человек; удалец’ [Преображенский 1958, с. 281-282].

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова предлагает некоторые оригинальные, по сравнению с другими словарями, сведения о казаке и казаках. Так, произносительный вариант *казакі* дается здесь с пометой «устар.» (в современных словарях оба варианта представляются как нейтральные). Значение производящего тюркского слова *казак* трактуется как ‘бобыль’. Приводится значение слова *казак* в фольклоре: «эпитет разбойника-богатыря в народной поэзии». В этом же словаре приводится и параллельный этноним – *казакі* в значении «одна из тюркских народностей, населяющая Закаспийские степи и составляющая большинство жителей Казакской АССР, киргизы, киргизкайсаки» [Толковый словарь 1935, с. 1279].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных [Черных 2006, с. 367-368] указывается, что этноним *казак* является в русском языке давним словом: он употреблялся еще в древнерусском языке в конце XIV в. в значении ‘наемный работник’ (батрак). Происхождение термина связывается с тюркской основой *kaz-* в значении ‘шататься без дела’, ‘слоняться’, ‘блуждать’. Отмечается, что у кумыков (в Дагестане) слово *казак* означало ‘оруженосец при феодале’, ‘военный слуга’, ‘дружинник’.

В этой же словарной статье показана эволюция семантики слова *казак*, происходившая в связи с изменениями в государстве и в обществе. Указывается: значение в XV–XVII вв. («вольный человек из беглых крепостных крестьян и городской бедноты, поселившийся на окраине Московского государства»); значение в XVIII–XIX вв. («представитель военного сословия, пользовавшегося

особыми правами», уроженец «бывших войсковых (казацких) областей по Дону, Тереку, Кубани, в Приуралье, в Забайкалье, в Запорожье и др.»); современное лексическое значение слова *казак* (крестьянин, уроженец упомянутых областей).

В Словаре П.Я. Черных приводятся также диалектные значения слова *казак*: 1) «наемный работник (в деревне)» – в олон. (пудож.), рязан. говорах; 2) «бойкий, удалой человек» – в арханг. (запечор.) говорах; 3) «самец, самка морских животных» – в арханг. говорах; «лось (самец)» – в колым. говорах.

В «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой уточняется, что казачество «с 18 в. обязано было нести военную службу за льготное пользование землей» [Словарь 1983, с. 13].

Как видим, в словарях содержатся как лингвистические, так и экстралингвистические данные о слове *казак*, и это объясняется спецификой данного слова как этнонима. В словарных статьях можно найти следующую информацию: орфографические варианты слова и объяснение причин их возникновения, этимологию слова, историю его появления в письменных текстах, первоначальное значение слова и его более поздние значения, показывающие трансформацию его семантики; значения слова в русских диалектах. Толкования значения могут включать подробности о жизни и быте казаков.

Собранные сведения являются основой, в частности, для исследований казачьего ономастикона – интересной, но далеко не полностью изученной области ономастического пространства России.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с.

Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2002. – 1456 с.

Гумилев Л.Н. Сочинения. Конец и вновь начало/ Л.Н. Гумилев; Составитель Н.В. Гумилева; [Предисл., коммент., общ. ред. А.И. Куркчи; Фонд «Мир Л.Н. Гумилева»]. – М.: Библиоинформ. об-ние «Ганаис»: ДИДИК, 1994. – 541 с. – URL: <https://iknigi.net/avtor-lev-gumilev/159572-polnoe-sobranie-sochineniy-lev-gumilev/read/page-75.html> (дата обращения: 13.10.2024).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4 / В.И. Даль. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 2. И–О. – 779 с.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка / А.Г. Преображенский. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 1284 с.

Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, ИН-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 2. К–О. – 1983. – 736 с.

Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка [Текст] / И.И. Срезневский. – М.: ГИС, 1958. – Т. 1: А–К. – IX, 1420 стб., 49 с.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. I. А–Кюрины. – М., 1935. – 1562 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст]/ Перевод с нем. и доп. О.Н. Трубачева; Под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. – М.: Прогресс, 1964–1971. Том II (Е–Муж). – М., 1967. – 671 с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006.

Г.Я. Селезнева (Воронеж)

ЭВФЕМИЗМЫ И СХОДНЫЕ С НИМИ ЯЗЫКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье дается понятие эвфемизма, разграничиваются сходные с ним языковые явления. Выделяются основные функции эвфемизма и фразеологизма, определяются их сходные признаки.

Ключевые слова: эвфемизм, фразеологизм, семантика, идиоматичность

Abstract. The article gives the concept of euphemism, differentiates linguistic phenomena similar to it. The main functions of euphemism and phraseology are highlighted, their similar features are determined.

Keywords: euphemism, phraseology, semantics, idiomatics

Эвфемизмы, т.е. косвенные наименования, «служащие для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими» (Л.П. Крысин), широко распространены в русском языке, и основная функция их заключается в том, чтобы сделать нашу речь этически и эстетически приемлемой, чтобы минимизировать конфликты личные и социальные.

В ряде случаев языковые эвфемизмы совпадают с фразеологизмами (*отдать богу душу, не из храброго десятка, жрицы любви*). И хотя во фразеологических словарях помета «эвфемизм» встречается крайне редко, т. к. авторы не ставят перед собой такой задачи, оба этих вида вторичной номинации – фразеологизмы и эвфемизмы – имеют формальное и семантическое сходство. Это подчеркивает термин «фразеологические эвфемизмы», которым пользуются некоторые исследователи (М.Л. Ковшова, Е.П. Сеничкина). Что же сближает фразеологизмы и эвфемизмы?

Прежде всего, многокомпонентность, идиоматичность, устойчивость, воспроизводимость – те качества, которые являются признаками фразеологизма и наблюдаются у некоторых эвфемизмов.

Многокомпонентность. Более сложное по форме выражение, как правило, является также более сложным семантически. Эвфемизмы, состоящие из двух и более компонентов, семантически сложнее однословного наименования, с их помощью создается большая дистанция между негативным денотатом и его обозначением (старость – *преклонный возраст*, вор – *охотник до чужбинки*, глупый – *недалекого ума*). Расширение формы дает «наращение» содержания, даже если это содержание порой оказывается ложным. В качестве примера назовем многокомпонентные безобразные обороты, принятые в бюрократической речи, которые часто используются для смягчения слов с социально заостренной негативной тематикой. Так, есть рекомендации отказываться от употребления слов «самоубийство», «суицид», «самоубийца» в заголовках и заменить их на более нейтральные «смерть в результате самоубийства» и «умерший вследствие самоубийства».

Идиоматичность. Значение образно мотивированных сверхсловных эвфемизмов, как и фразеологизмов-идиом, не всегда можно «вычислить» по составляющим эти знаки компонентам: при внешней раздельнооформленности такой эвфемизм, как и идиома, обладает слитным значением. В образных

эвфемизмах используются характерные для идиом приемы непрямого номинации, которые обеспечивают неопределенность референции, создают непрозрачность описания (*приказал долго жить* – умер).

В таких оборотах образно мотивированная внутренняя форма «подавляет» те смыслы, которые считаются неприличными или табуированными. Например: *основной инстинкт, ночная бабочка; потянуло на клубничку*.

Устойчивость эвфемизмов проявляется в регулярном воспроизводстве данных словосочетаний носителями языка. Смягчающие речь словосочетания сохраняются в сознании как единицы, служащие оптимальным средством для нейтрализации негативных тем и предотвращения негативного, с точки зрения говорящего, развития коммуникации. Ср.: *Повышение цен – цены немного поднялись; некоторое колебание цен; изменение цен; изменение ценовой политики; изменение цен в сторону дальнейшего их регулирования; упорядочение цен; освобождение цен; либерализация цен; цены соответствуют высокому качеству продукции; рубль подешевел* и т. п.

И фразеологизмы, и эвфемизмы тематически близки: они описательно называют те предметы и явления, которые отрицательно оцениваются социумом. Для эвфемизмов – это полностью их предмет, а во фразеологии – это часть составляющего их предмет континуума, т. к. фразеологизмы называют не только отрицательные, но и положительно или нейтрально оцениваемые явления. То есть тематически фразеологизмы и эвфемизмы пересекаются, но не совпадают.

Зачастую фразеологическая единица (ФЕ), помимо номинативной и экспрессивной, выполняет и эвфемистическую функцию, например: *быть нагим: (быть) в костюме Адама, Евы, в чем мать родила, в натуральном виде*. Какова причина возникновения таких единиц?

Человек не может изменить реальность, а она зачастую слишком печальна, но он может изменить свое отношение к ней. Что он и делает, когда с помощью устойчивых оборотов меняет оценку наименования: то, что раньше оценивалось отрицательно, вызывало неприятие и страх, с помощью нового имени смягчается и даже начинает вызывать положительные эмоции. Не просто *умереть*, а *отдать богу душу, отправиться к праотцам* или *отойти в лучший (иной) мир* и даже *уйти на радугу на закате жизни*. Описывая ситуацию, вместо пугающего слова «смерть», «болезнь» фразеологические эвфемизмы включают компоненты, вызывающие положительные эмоции и ассоциации: *бог, праотцы, лучший мир, закат, радуга*. Это один из самых распространенных способов создания эвфемизмов, который активно используется в современной жизни, например, в рекламе: вещи *королевских* размеров, *богатырское* сложение, *элегантный* возраст, *пышные* формы, *доступные* цены.

Использовался этот способ создания ФЕ и раньше: *отдать богу душу, божий человек, барашек в бумажке, заплочных дел мастер, куда царь пешком ходил, принимать подарки* и т.д. Мы видим, что фразеологизмы эвфемистического характера включают в свой состав лексемы с положительной коннотацией, что придает всему обороту более мягкий характер. Однако фразеология включает в свой состав и нейтральные, и пейоративные единицы. Как показывает анализ, благотворное влияние эвфемизации в нашей речи, не слишком велико. Мы любим «называть вещи своими именами», особенно если

это касается некрасивой, на наш взгляд, внешности человека или его невеликих умственных способностей. Так, Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений под редакцией Н.Абрамова дает 270 русских слов и словосочетаний, синонимичных слову «дурак» и 140 синонимов к слову «сумасшедший». Почти все они имеют пейоративную оценку, указывая на болезнь (диагноз не врачебный, естественно, а наш: *больной на всю голову, крыша в пути, кукушка отлетела*), отсутствие мозгов (*каша в голове*), уподобляют человека растению, животному или предмету (*голова баранья, дубовая, чурка с глазками, шарики за ролики зашли с катушек съехал*). Приведем еще примеры: *он совсем того; совсем, ку-ку, крыша поехала, крышу снесло*. И только устаревшее «человек божий» напоминает нам о сочувственном отношении русского народа к простакам и юродивым

Так что облагораживающая функция у фразеологических эвфемизмов, несомненно, потенциально присутствует, но в силу воспитания и особенности человеческой психики, склонной отмечать все плохое, а хорошее считать нормальным и никак не реагировать на него, реализуется явно недостаточно. Поэтому к эвфемизмам относится лишь небольшая часть фразеологизмов, смягчающих негатив.

Помимо смягчающей, у эвфемизмов есть и другая функция – манипулятивная, что менее свойственно фразеологизмам. Как неоднократно отмечали лингвисты (Л.В. Рацибурская, Н.Е. Петрова), в этой функции эвфемизмы используются достаточно часто. Языковое манипулирование, то есть скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно содержания речи, особенно ярко проявляется в эвфемизмах, связанных с социальной сферой. Человека отправляют *на заслуженный отдых*, то есть на пенсию. О даче взятки могут сказать: *«Нужно сбалансировать отношения»*. Не подорожание продуктов, а *ценовой рывок*, не экономический спад, а *отрицательный рост экономики*, не прорыв дамбы, а *нарушение тела дамбы*. Подобные эвфемизмы очень распространены в СМИ, так как заменяют слова и выражения, нежелательные для коммуникаторов в данной ситуации.

Эти эвфемизмы не всегда носят языковой характер. Многие из них так и не станут узуальными, но вероятность возникновения фразеологизмов на их базе велика. На наш взгляд, переосмысление базового словосочетания, его фразеологизация может основываться не только на метафоре или гиперболе, но и на эвфемизме. И в этом смысле эвфемизм может быть одной из стадий (серединой или конечной) фразеологизации устойчивого выражения. Этого может и не случиться, и эвфемизм уйдет из употребления и сменится другим, отвечающим веяниям времени, и все-таки устойчивость и воспроизводимость эвфемизма дает ему больше шансов войти в узус в качестве ФЕ, чем любому другому свободному сочетанию.

Таким образом, эвфемизмы и фразеологические единицы – разновидности вторичной номинации, находящиеся в отношениях пересечения: некоторые фразеологизмы – это эвфемизмы. Отличительной особенностью фразеологизмов-эвфемизмов является их способность вуалировать отрицательно оцениваемое обществом денотаты, что предотвращает этикетные, этические и эмоциональные риски.

О.С. Сергеева (Воронеж)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «ЦВЕТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье рассмотрены фразеологизмы с компонентом «цвет», появившиеся в XX-XXI веках. В статье анализируются особенности фразеологизмов, объясняется значение и история их появления в разных сферах жизни, а также приводятся примеры функционирования фразеологизмов с компонентом цвета в речи.

Ключевые слова: фразеологизм, цвет, значение, сфера употребления, термин

Abstract. This article examines phraseological units with the color component that appeared in the XX-XXI centuries. The article analyzes the features of phraseological units, explains the meaning and history of their appearance in different spheres of life, and provides examples of the functioning of phraseological units with a color component in speech.

Keywords: phraseology, color, meaning, scope of use, term

В.Н. Телия определяет фразеологизмы как сочетания, компоненты которых фиксированы в своем составе, отношения между которыми закреплены [Телия 1966, с. 5]. Современных исследователей интересуют фразеологизмы как результат взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов и, как следствие, отражение в них национального восприятия действительности. Фразеологизмы с *компонентом «цвет»* передают отвлеченное понятие и несут символическое значение. Цветовой компонент как составляющая часть фразеологической единицы очень значим, поскольку является носителем информации о культурно-психологическом восприятии мира представителем этноса.

В XX-XXI вв. новые фразеологизмы с компонентом цвета быстро проникают в повседневную речь и становятся частью национального языкового фонда. Часто новые фразеологизмы имеют в своем составе слова, обозначающие необычные для пословично-поговорочного фонда цвета, такие как *оранжевый, бежевый, индиго, розовый, фиолетовый*, что говорит о появлении новых цветových ассоциаций у носителей языка.

Подобные фразеологизмы могут относиться к разным сферам жизни: профессиональной (*белый воротничок, синий воротничок*), финансовой (*голубые фишки, серый рынок*), политической (*оранжевая революция, коричневая чума*), семейной (*бежевые мамы, дети индиго*) и прочим (*розовые очки, фиолетово*). Рассмотрим функционирование некоторых из них.

Профессиональная сфера

Белый воротничок – калька с неофициального английского оборота *white-collar worker*, обозначающая наемного профессионала или образованного сотрудника, выполняющего офисные, административные и торговые координационные задачи, лиц наемного труда, занимающихся умственной работой (служащих, управленческий аппарат, лаборантов, операторов компьютеров, авиадиспетчеров и т.д.) [Котелова 1984, с. 140]. Отложной воротник появился еще в 1800-х годах, но до конца XX века не использовался для дискриминации по роду занятий и социальному статусу. В 1910 г. в журнале *Norfolk* в статье о ситуации на рынке труда говорится о высокомерии *белых*

воротничков и смелости людей, выбравших сельское хозяйство: «Он (*рабочий*) независим – потому что у него хватило здравого смысла оставить дешевую работу в качестве *белого воротничка*, отказаться от мимолетной роскоши, взять крест и следовать – за плугом» [Hudspeth 1910]. Впоследствии термин *белый воротничок* стал часто использоваться в прессе (все примеры здесь и далее взяты из Национального корпуса русского языка):

Вполне у него неформальный вид. По крайней мере, сразу видно, что он не белый воротничок [Алексей Пугачев. Мое отношение к персонажу РМ (2000) // «Рекламный мир», 30.03.2000];

Другой вопрос, что наши «источники» специфические, это «белые воротнички», сотрудники банков, крупных инвестиционных и иных финансовых и коммерческих структур [Леонид Никитинский. Прощай, полицейский... // «Московские новости», 2003];

После 1976 г. среди арестованных по политическим мотивам более 40% приходилось на рабочих, значительная доля пришлась и на техническую интеллигенцию и «белые воротнички» [Л. Алексеева. Правозащитное движение. Этика и политика // «Страна и мир», 1984].

Синий воротничок. Уже в 1924 г. в газете Alden Times был предложен термин **синий воротничок** (англ. *blue-collar*) для называния сотрудников рабочих специальностей: «Раз мы называем офисные должности работой белых воротничков, то ремесла мы можем называть работой синих воротничков» [Большой толково-фразеологический словарь 2004, с. 104]. Название было связано с одеждой рабочих, носивших немаркую, прочную джинсовую одежду. Фразеологизм долго не мог прижиться и стал активно использоваться в газетных статьях лишь в 1930-е гг. Например, в статье «Призыв к поддержке НСА» («Urges NRA Support») говорится о снижении безработицы среди *синих воротничков*: «В некоторых частях страны безработица среди служащих растет, но среди рабочих *синих воротничков* безработица снижается». Сейчас фразеологизм активно используется и в журналистике, и в художественной литературе:

Впрочем, хотя экономика в целом выиграла, в проигрыше оказались британские «синие воротнички» [Н. Федотовский. «Брекзит»: по тормозам // «Эксперт», 2016];

Синие воротнички – это рабочие. Белые воротнички – служащие [Василий Песков, Борис Стрельников. Земля за океаном (1977)];

Мне нравятся фильмы про рабочих парней, про «синих воротничков» [Марк Уолберг. Борьба за права // «Русский репортер», 2015].

Финансовая сфера

Голубые фишки – изначально термин использовался в английском языке как синоним слову «ценный», «первоклассный». В словаре дается следующее определение: *blue-chip* – что-то ценное и надежное, высшего качества, например: «Здание расположено в престижном районе (*blue-chip location*)» [Большой толково-фразеологический словарь 2004, с. 58]. Это обозначение пришло из покера, где традиционно фишки синего цвета обладали наивысшим номиналом. В экономическом лексиконе фразеологизм появился в середине 1920-х годов

после введения его в оборот агентством финансовой информации Dow Jones & Company. *Голубыми фишками* в финансовой сфере называют высоколиквидные ценные бумаги наиболее известных крупных компаний, с которыми производится основной объем спекуляций, поскольку они отличаются стабильностью в получении прибыли и выплате дивидендов. Сейчас фразеологизм *голубые фишки* используется преимущественно в сфере инвестиций:

Это высшая лига, или генералитет, или «голубые фишки» литературы [Л.А. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего (2016)];

В течение дня, по его словам, покупки продолжились, в результате чего по итогам торгов основные «голубые фишки» прибавили по 5-8% [Сергей Лаврентьев. Рано радоваться (15.09.2008) // <http://www.rbcdaily.ru/2008/09/15/finance/379356.shtml>, 2008];

Цены на остальные голубые фишки снизились не столь значительно, в пределах 1% [Георгий Ковалев. Сибнефть пала жертвой слухмейкеров (2003) // «ПОЛИТКОМ. РУ», 01.08.2003].

Политическая сфера

Оранжевой революцией именуется серия акций гражданского неповиновения, прошедших на Украине в 2004 г., последствием которых послужил пересмотр результатов президентских выборов и смене правительства [Наумов 2014, с. 5]. *Оранжевая революция* началась 22 ноября 2004 г., когда на Майдане Незалежности начал собираться многотысячный митинг сторонников кандидата в президенты Ющенко под оранжевыми флагами. *Оранжевой революцией* событие названо потому, что протестующие на Майдане Незалежности собирались под оранжевыми флагами, надевали оранжевые элементы одежды. Такой выбор цвета обусловлен цветом президентской кампании Виктора Ющенко. *Оранжевая революция* относится к ряду так называемых «цветных революций» – государственных переворотов, ненасильственных смен режима с использованием инструментов и механизмов «мягкой силы» (к ним относятся также «Революция роз» в Грузии и «Тюльпановая революция» в Кыргызстане) [Наумов 2014, с. 7]. В настоящий момент фразеологизм устоялся как политический термин:

Оранжевая революция полностью разрушила устоявшуюся систему отношений в украинском обществе [Борис Вуйко. Двухцветная страна (2004) // «Эксперт», 06.12.2004];

Немалое политическое потрясение испытали в последнее время и те из стран СНГ, где произошли «революция роз» (Грузия), «оранжевая революция» (Украина), «революция тюльпанов» (Киргизия) [В.П. Максаковский. Географическая картина мира. Книга I. Общая характеристика мира (2003)].

Сфера семьи

Бежевые мамы (англ. *beige moms*) – так называют матерей, отдающих предпочтение минималистичному интерьеру в определенных оттенках, окружающих детей игрушками, одеждой, мебелью бежевых и других сдержанных цветов (лавандовому, пыльно-розовому, молочному, шалфеевому и

др.). Для бежевых мам характерно стремление купить ребенку экологичные развивающие игрушки, создать идеальный порядок в доме и эстетически приятную картину жизни, во многом для того, чтобы престижно выглядеть. В защиту выбора таких цветов для детских комнат говорится об успокаивающей палитре, внешней аккуратности и избавлении от визуального шума. Кроме того, бежевые оттенки в восприятии многих современных людей ассоциативно связываются с натуральностью, богатством и гармонией. Поведение *бежевых мам* вызвало негативную реакцию, в том числе со стороны психологов, что отражается в некоторых интервью: «Если интерьер содержит только спокойные оттенки, может появиться нехватка стимуляции творческого процесса у ребенка... В пространство ребенка стоит добавлять яркие детали, особенно после 2-6 месяцев после рождения, так как именно в этот период он начинает различать цвета». О *бежевых мамах* стали говорить с негодованием, называя их иронично «скупными бежевymi мамами» (англ. *sad beige moms*).

Дети индиго – термин, которым обозначают детей с выдающимися интеллектуальными или духовными способностями, отличающиеся от большинства детей своими талантами и поведением. Термин введен экстрасенсом Нэнси Энн Тэпп в 1982 году в книге «Понимание твоей жизни с помощью цвета», которая утверждала, что некоторые особые дети обладают аурой цвета индиго [Гарре 1986, р. 23]. Идеи, связанные с *детьми индиго*, получили широкое распространение, имея мистификационный характер: *детям индиго* приписываются, помимо творческого и интеллектуального потенциала, магические способности, такие как телепатия и ясновидение. Примеры употребления: *Я надеюсь, что в будущем нас ждет только хорошее, и дети индиго помогут нам в этом!; Когда родители убеждены в том, что их дети – «индиго», то они – дети – с высокой вероятностью имеют возможность превратиться в «индиго», потому что информация о поведении человека влияет на поведение человека; Если следовать теории, что дети индиго спасут мир, то я верю этому* (НКРЯ).

Прочее

Розовые очки – фразеологизм, означающий иллюзорное, наивное восприятие объективной реальности, как правило, навязанное какой-либо идеологией; смотреть в розовые очки – иметь наивное представление о чем-либо, не предвидеть опасности, быть опрометчиво доверчивым [Большой толковый словарь 2004, с. 205]. В современной литературе можно найти много примеров употребления этого фразеологизма:

Говорят, у влюбленных розовые очки [Ульяна Варт. Проклятая ведьма // «Ковчег», 2012];

Так, когда мы бодры и жизнерадостны, мы смотрим на мир через «розовые очки» – замечаем вокруг себя только хорошее, доброе, а плохое, неприятное остается в тени [Р.Х. Шакуров. Психология смыслов: теория преодоления (2003) // «Вопросы психологии», 21.10.2003];

Ленский смотрит на мир через розовые очки, а Онегин – через черные, а надо – через обыкновенные, прозрачные [С. Атасов. 1000 золотых анекдотов (2003)].

Одно из первых фиксированных использований фразеологизма *розовые очки* можно видеть в работе немецкого философа Артура Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости» еще в 1914 г.: «Кто видит все въ черномъ свѣтѣ и готовъ къ худшему, тотъ ошибается рѣже въ своихъ расчетахъ, чѣмъ человѣкъ, смотрящій на жизнь сквозь *розовые очки*». Исходя из отсутствия поясняющих комментариев к фразеологизму, можно предположить, что его появление в разговорной речи относится к более раннему периоду. Несмотря на то, что происхождение фразеологизма доподлинно неизвестно, он активно используется в разговорной речи, народной психологии, интернет-общении и журналистике.

Фиолетово. Широкое распространение получил фразеологизм *фиолетово* (*кому-либо фиолетово, всё фиолетово*), выражающий безразличное отношение, отсутствие интереса [Большой толково-фразеологический словарь 2004, с. 371]. Найдены следующие примеры употребления данного фразеологизма:

От того, что будет про меня говорить типичный москвич, мне абсолютно «фиолетово» [Елена Семенова. Олигарх без галстука // «Аргументы и факты», 2003.01.29];

А в моей голове другое – им же глубоко фиолетово, на кого срываться [О.В. Демидов. Жидовочка // «Волга», 2012];

Честно сказать, мне было фиолетово, куда ехать [Игорь Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)].

Выражение принадлежит молодежной среде и по своей природе очень экспрессивно. Вопрос о происхождении фразеологизма *всё фиолетово, мне фиолетово* остается нерешенным. По одной из версий, выбор цвета обусловлен его нетипичностью и выразительностью (что позволило ему войти в разговорную лексику молодежи). По другой версии, выражение с фиолетовым цветом пришло из среды студентов-химиков: лакмусовая бумага в нейтральной среде остается фиолетовым, не изменяя цвета [Иоакимиди 2019, с. 23].

Таким образом, цвет имеет огромное значение в образовании фразеологизмов и накоплении информации о языковой картине мира. Данные явления свидетельствуют об изменении состава фразеологического фонда и переосмыслении цветовых обозначений в фразеологических единицах.

Большой толково-фразеологический словарь / М.И. Михельсон. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЭТС, 2004. – 578 с.

Иоакимиди Е. Еще раз о семантике безразличия и слове «фиолетово» / Е. Иоакимиди // Пространство и время. – 2019. – Т. 17, №1. – С. 23-26.

Котелова Н.З. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Н.З. Котелова. – 2-е изд., доп. – Москва: Русский язык, 1984. – 810 с.

Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве: взгляд десять лет спустя / А.О. Наумов // Государственное управление. Электронный вестник. – Москва, 2014. – Вып. 45. – С. 5-36.

Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.10.2024).

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е.А. Левашов, Т.Н. Поповцева, В.П. Фелицына и др.; Под ред. Н.З. Котеловой. – Москва: Русский язык, 1984. – 808 с.

Телия В.Н. Что такое фразеология / В.Н. Телия. – Москва: Наука, 1966. – 150 с.

Tappe N. Understanding your life thru color: Metaphysical concepts in color and aura / N. Tappe. – New York: Starling Publishers, 1986. – 405 p.

А.О. Стеблецова (Воронеж)

МЕТАФОРЫ РАКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: «ВОЙНА» ИЛИ «ПУТЕШЕСТВИЕ»?

Аннотация. В работе рассматриваются универсальные и национально-специфичные способы осмысления и речевой реализации рака через метафоры войны и путешествия. Автор приходит к выводам об универсальности метафор войны, борьбы, противостояния при обсуждении рака в англоязычных и российских медиа. К проявлениям национальной специфики концептуализации рака в русском языковом сознании относятся метафоры, осмысляющие рак как наказание. Использование метафоры путешествия при обсуждении рака в англоязычных медиа говорит о специфике англоязычной концептосферы.

Ключевые слова: метафоры рака, борьба, путешествие, наказание

Abstract. The paper discusses universal and specific features of cancer cognitive mapping and the use of *war* and *journey* metaphors in public cancer discussion in the English and Russian media. The author argues that war metaphors are common for both languages and can be described as universal means of cancer cognitive mapping. *Punishment* metaphor has been identified as a specific feature of the Russian cancer mapping, while *journey* metaphor is a culturally specific marker of the English cancer mapping revealed through public discussion.

Keywords: cancer metaphors, war, journey, punishment

Введение. В одной из ключевых работ современной когнитивной лингвистики *In Metaphors We Live By* (1980), J. Lakoff и M. Johnson продемонстрировали, что метафорическое осмысление сложных понятий или явлений – это универсальный способ их познания, линвокультурного освоения и последующего использования в коммуникации [Lakoff 1980]. Метафоры широко используются в концептуализации онкологических заболеваний. Представители разных линвокультур осмысливают это явление сходным образом, например, представляя его коварным и могущественным врагом, который трудно победить, но с которым необходимо бороться [Sontag 1979; Reisfield 2004]. Поэтому метафоры борьбы, победы, поражения, схватки, отступления занимают значительное место в концептосфере онкологических заболеваний в британской и российской линвокультурах.

Исследование метафор, определяющих отношение носителей той или иной линвокультуры к онкологическим заболеваниям, глубоко представлено в трудах E. Semino и соавторов [Semino 2008]. На основании обширных корпусных данных авторы заключают, что концептосфера рака в сознании британцев представлена несколькими метафорическими группами, наиболее распространенными из которых являются *битва / война / противостояние*, обобщенно представляемым как метафоры *Violence* и *путешествие / опыт / испытание*, обобщенно представляемым как метафоры *Journey*. Причем

Elena Semino последовательно отстаивает необходимость сознательного транслирования нарративов о раке через метафоры путешествия, так как концептуализация рака через метафоры борьбы и противостояния могут негативно воздействовать на сознание пациентов [Semino 2015] и, как следствие, на процесс лечения.

В российской когнитивной лингвистике работ изучающих метафорику онкологических заболеваний очень немного. Из них отметим недавнее исследование [Nagornaya 2023], авторы которого рассматривают метафоры как средство трансляции опыта переживания рака в подростковой литературе о болезнях. Результаты авторов демонстрируют, что метафорическое осмысление затрагивает несколько аспектов рака, а именно само заболевание, пациента как его носителя, лечение болезни и переживания пациента своего состояния [Nagornaya 2023, с. 99]. Данные их корпуса художественной литературы о концептосфере рака во многом совпадают с результатами исследований зарубежных коллег [Semino 2008; Perusek 2012], хотя Нагорная и Нванкво подчеркивают, что функциональный потенциал осмысления рака через метафоры войны далеко не исчерпан [Nagornaya 2023, с. 99].

В настоящем обзоре мы попытаемся взглянуть на функционирование метафор рака в публичном дискурсе сквозь призму национального языкового сознания. На материале современных статей британских, американских и российских медиа мы сопоставим использование метафор рака публичными персонами, которые рассказывают о своем заболевании. Также в корпус примеров включены не прямые цитирования знаменитостей и изложение их историй журналистами.

Метафоры рака в англоязычных медиа

В британском и американском публичном дискурсе лексема cancer используется в качестве основного референта онкологических заболеваний или часто сужается за счет спецификации рака (lung cancer, breast cancer, glioblastoma). Метафоры борьбы и противостояния используются преимущественно при описании процесса лечения. Ниже представлены примеры речевой реализации этой метафоры.

*Roberts came to represent something even more personal and powerful, handling her **excruciating battle** with a kind of grace and resilience that continues to inspire millions to take control of their own health [1].*

*Prime Minister Rishi Sunak has said the Princess of Wales has 'the love and support of the whole country' as her **cancer battle** was revealed this evening [2].*

*The constant mental battle that goes on knowing you live with a life limiting illness is sometimes **overwhelming** for me and my family [3].*

*Francis' **battle with cancer** was long and challenging [4].*

*They consistently provided unwavering support and empowered me **to combat the leukemia** [5].*

Одновременно в публичном дискурсе можно обнаружить речевую реализацию метафор пути или путешествия, предающих, на наш взгляд, идею принятия опыта заболевания и лечения как определенного жизненного этапа. Пациенты, пережившие такой опыт, часто говорят о нем как об испытании, изменившем их мировоззрение и сделавших их лучше.

The cancer journey is complex, scary and unpredictable for everyone especially those close to you [6].

*Although I have finished chemotherapy, **my path** to healing and full recovery is long and I must continue to take each day as it comes [6].*

*Now I've had the news that my tumour is shrinking, which is fantastic, but, and there is always a but **in this journey**... [7].*

*But **my insides are completely changed**. They changed in a good way. Now I have empathy for people. I have grace... [8].*

Приведенные контексты показывают, что, описывая свое заболевание через метафоры путешествия, пациенты больше концентрируются на необходимости с надеждой проживать каждый день на пути к излечению. По мнению E. Semino, метафоры войны могут внушать пациентам фаталистическое отношение к своему состоянию, поскольку в любом противостоянии заложены как победа, так и поражение, которые может негативно сказаться на стремление вылечиться [Semino 2015]. Метафоры путешествия, напротив, могут вселять оптимизм, так как путь не конечен и не предопределен.

Метафоры рака в российских медиа

В публичном российском дискурсе тема рака представляется сложной и чувствительной для обсуждения. В общественном сознании она до сих пор носит оттенок табуированности, о чем свидетельствуют регулярные замены в дискурсе самой лексемы «рак» на лексему «болезнь» или даже более частотное словоупотребление «онкология». Ниже представляем примеры таких замен.

*Мы бороздим просторы вселенной, создаем все более совершенные виды вооружений с искусственным интеллектом, а **онкологию** не можем **победить**? [9].*

*У меня очень сложный диагноз – двусторонняя пневмония на фоне **онкологии**... [9].*

*Я вела дневник онлайн и услышала потом от друзей, что они в корне поменяли свое **отношение к онкологии** [10].*

*Карелова заявила, что полтора миллиона женщин в России **борются с онкологией** [11].*

Доминирующей метафорой в описании рака и его лечения является метафора борьбы, которую можно считать аналогом войны или противостояния. Рассмотрим наиболее распространенные примеры речевой реализации данной метафоры.

*Журналист и телеведущий Владимир Познер начал **борьбу** с онкологическим заболеванием в 1993 году. «Но я сразу был настроен **на победу**», – говорит звезда [12].*

*Именно после **победы над болезнью** писательская карьера Донцовой пошла в гору [13].*

*Уже в 2016 году Андрей заявил, что смог **победить болезнь** [14].*

*Мой совет онкологическим пациентам и их близким – постараться **принять диагноз** так быстро, как это возможно.... **Верить в себя и свои силы. Борьбаться** [15].*

*Помогает только одна мысль: **если я сдамся, болезнь победит** [15].*

*Не хочется говорить об этом слишком громко, но мне кажется, человеку, узнавшему о диагнозе «рак», надо постараться **поборотся**, а не скисать. Потому что время от времени врачи говорили: **рак отступил** [16].*

Данные примеры убедительно показывают, что метафоры борьбы и победы занимают центральное место в русском языковом сознании. Очевидно, что мотивы противостояния, характерные для российского общественного мироощущения и постоянно поддерживаемые в публичном дискурсе, реализуются в метафорике многих концептов, в том числе и рака. Поэтому осмысление рака как врага и лечения как борьбу с ним регулярно реализуются в речи через метафоры борьбы и победы.

В то же время обращает на себя внимание достаточно распространенные примеры описания диагноза рака как смертного приговора. Метафоры диагноза рака как приговора используются пациентами для описания своих эмоций шока и неприятия ситуации в момент оглашения диагноза, например:

*По словам ведущего, узнав об опухоли мозга, он стал по-другому смотреть на свою жизнь, так как думал, что медики подписали ему **смертный приговор** [17].*

Появление в сознании носителей русского языка метафор приговора может быть связано и с осмыслением рака как наказания. Как известно, осмысление болезней как наказание за грехи или проступки человека было характерно для европейской культуры в Средние века и позднее. Возможно, отголоски этого прослеживаются даже сейчас в языковом сознании русских, о чем свидетельствуют следующие примеры:

*Появилось чувство стыда, потому что считается, что **болезнь дается за что-то плохое, что ты сделал** [18].*

*«**Есть такая негласная словесная конструкция «раком болеть стыдно»**, – сказала профессор Гелена Генс «Известиям» [19].*

Таким образом, тема рака остается достаточно стигматизированной в русскоязычном сознании. Возможно, доминирование метафор борьбы в дискурсе онкологических заболеваний отчасти связано с ментальной потребностью противостоять несправедливому наказанию, каким представляется рак в метафорах приговора.

Заключение. Метафорическое осмысление рака присуще языковому сознанию представителей разных лингвокультур, включая русских, британцев и американцев. Метафоры войны, борьбы, противостояния широко распространены в англоязычных и российских медиа при обсуждении рака, что может свидетельствовать об общности данной метафорики в английском и русской концептосферах онкологических заболеваний. Метафоры путешествия чаще встречаются в англоязычных медиа, чем в русском публичном дискурсе о раке, хотя и не вытесняют метафоры войны из общественного сознания. Тема рака в англоязычных медиа не табуирована и не стигматизирована, о чем говорят широко обсуждаемые истории болезней публичных людей, включая членов королевских семей. На наш взгляд, такие истории целенаправленно используются как элемент языковой политики в области медицинского просвещения населения и профилактики рака.

Русское языковое сознание в сфере онкологических заболеваний не

вполне свободно от табу и стигматизации, о чем свидетельствует использование в публичном обсуждении метафор наказания, не зафиксированных нами в англоязычных медиа, а также регулярное использование лексемы «онкология» для нейтрализации негативных коннотаций лексемы «рак». Тема рака по-прежнему остается чувствительной для языкового сознания русских, ее языковая реализация не очень разнообразна, среди метафорических образов преобладают метафоры борьбы.

Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G.Lakoff, M.Johnson. – Chicago, University of Chicago Press, 1980. – 193 p.

Nagornaya A.V. Metaphor as a Means of Representing First-Hand Cancer Experience in English Teen Sick-Lit / A.V. Nagornaya, J.Ch. Nwankwo // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. – 2023, vol. 22, №4. – P. 86-100. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2023.4.7>.

Perusek D. Cancer, Culture, and Individual Experience: Public Discourse and Personal Affliction / D.Perusek. – *Ethos*, vol. 40, iss. 4, 2012. – PP. 476-506.

Reisfield G.M. Use of metaphor in the discourse on cancer / G.M. Reisfield, G.R. Wilson. – *J Clin Oncol* 2004; 22:4024–7.

Semino E. *et al.* The online use of Violence and Journey metaphors by patients with cancer as compared with health professionals A mixed methods study// *BMJ Supportive & Palliative Care* 2015; 0:1–7. doi:10.1136/bmjspcare-2014-000785.

Semino E. *Metaphor in discourse* / E. Semino. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Sontag S. *Illness as metaphor* / S. Sontag. – London: Allen Lane, 1979.

Источники материала исследования:

1. <https://bestlifeonline.com/celebrities-who-beat-cancer>
2. <https://www.theguardian.com/uk-news/article/2024/sep/09/what-cancer-treatment-has-the-princess-of-wales-had-and-what-lies-ahead>
3. <https://www.pancreaticcancer.org.uk/real-life-stories/stefan/>
4. <https://www.compassionuk.org/blogs/7-moving-cancer-stories-from-around-the-world/>
5. <https://cancerfax.com/stories/>
6. https://youtu.be/xvyjBCR_a28?si=1EMFjsn5vbgN91Mc
7. <https://www.pancreaticcancer.org.uk/real-life-stories/jane/>
8. <https://copingmag.com/kym-douglas>
9. <https://oncocentr.euroonco.ru>
10. <https://media.nenaprasno.ru/articles/kolonki/ne-ishchite-prichinu-bolezni-v-sebe-patsienty-i-ikh-blizkie-o-zhizni-s-onkozabolevaniem/>
11. <https://iz.ru/1353853/sergei-gurianov/skryvaiushchii-bol-pochemu-onkopatciy-boiatsia-govorit-o-diagnoze>
12. <https://life.ru/p/1160988>
13. <https://www.starhit.ru/novosti/ne-prigovor-rossiyskie-zvezdyi-kotoryie-sumeli-pobedit-rak-154746/>
14. <https://www.starhit.ru/novosti/ne-prigovor-rossiyskie-zvezdyi-kotoryie-sumeli-pobedit-rak-154746/>
15. <https://media.nenaprasno.ru/articles/kolonki/ne-ishchite-prichinu-bolezni-v-sebe-patsienty-i-ikh-blizkie-o-zhizni-s-onkozabolevaniem/>
16. <https://dzen.ru/a/Y9L6XVjsyW4R-7v->

17. <https://www.thevoicemag.ru/stars/krupnim-planom/shans-est-korchevnikov-pozner-i-drugie-zvezdy-pobedivshie-ra>

18. <https://media.nenaprasno.ru/articles/kolonki/ne-ishchite-prichinu-bolezni-v-sebe-patsienty-i-ikh-blizkie-o-zhizni-s-onkozabolevaniem/>

19. <https://iz.ru/1353853/sergei-gurianov/skryvaiushchii-bol-pochemu-onkopatsienty-boiatsia-govorit-o-diagnoze>

Е.М. Химинец (Пермь)

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ЛЕКСЕМЫ «MISSION» (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРНЫХ И ДИСКУРСИВНЫХ КОНТЕКСТОВ)

Аннотация. В рамках данной статьи проводится анализ лексемы *mission* (миссия) на материале французских словарей и на материале статей в ежедневной французской газете *Le Monde*. Целью данного исследования является проведение анализа семантической динамики лексемы с применением сопоставительно-параметрического метода.

Ключевые слова: семантическое развитие, миссия, французская газета *Le Monde*, Мали

Abstract. This article analyses the lexeme *mission* on the material of French dictionaries and on the material of articles in the French daily newspaper *Le Monde*. The objective of this study is to analyse the semantic dynamics of the lexeme and to apply the comparative-parametric method.

Keywords: semantic development, mission, French newspaper *Le Monde*, Mali

В рамках данного исследования когнитивная лингвистика понимается как наука, которая «изучает соотношение семем, их сочетаний, типовых пропозиций, нашедших выражение в языке, со сферой концептов» [Попова 2007, с. 19]. Изучая языковую семантику, когнитивная лингвистика позволяет анализировать сферу концептов, так как «в сферу смыслов когнитивная лингвистика выходит через лингвистику текста, располагающую средствами обнаружения имплицитных смыслов, лежащих в глубине текстов и не имеющих вербального выражения» [Там же]. Значение является частью концепта, а концепт – это «глобальная единица мыслительной деятельности» [Попова 2007, с. 14], представляющая собой «квант знания» [Там же, с. 22]. Концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации [Там же, с. 46]. Описание концепта осуществляется дефинированием, контекстуальным анализом, этимологическим анализом и т.д. [Там же, с. 47]. Следует отметить, что фрагменты концепта могут быть репрезентированы в словаре и тексте. Концепты можно объединить в макроконцепт – «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родовидовыми отношениями» [Пименова 2021, с. 93].

В рамках исследования проанализирована коллекция текстов статей о военном событии «Сервал», опубликованных в ежедневной французской газете *Le Monde*. В январе 2013 г. началась французская операция «Сервал» на территории Мали. В результате действий террористических группировок,

имеющих тесные связи с Аль-Каидой Исламского Магриба, и туарегов, выступающих за независимость части Мали, север страны стал не подконтрольным официальной столице Бамако. 11 января 2013 г. началось наступление на столицу Мали, и Франция приступила к операции «Сервал». Данное событие получило широкое освещение в средствах массовой информации Франции.

Отбор статей проведен в соответствии с хронологией события с 11 января 2013 г. по 14 июля 2014 г. и методом сплошной выборки по ключевому слову «Serval». Сформированный массив статей включает более 13 тыс. слов или более 83 тыс. знаков с пробелами. Отобранные статьи проанализированы в программе Sketch Engine, с помощью инструмента Wordlist определены наиболее частотные лексические единицы, репрезентирующие в новостных текстах военное событие «Сервал». Выявленные единицы являются именами концептов и репрезентируют макроконцепт ВОЕННОЕ СОБЫТИЕ «СЕРВАЛ».

Принимая во внимание, тот факт, что фрагменты концепта вербализованы в словаре и тексте, то сначала проведен анализ словарных дефиниций, далее анализ газетных статей. После чего проводится описание структуры концепта, выявленных слотов, подслотов и подслотов 1-го уровня. Полученные результаты позволяют провести анализ семантического развития лексем, для этого применяется сопоставительно-параметрический метод. Определяются аспекты и параметры для сопоставления и формализованного описания результатов, проводится индексализация результатов исследования по выделенным параметрам и сопоставление результатов исследования по выделенным параметрам. Отметим, что в рамках данной статьи будет рассмотрена реализация только концепта MISSION (миссия).

Перейдем к рассмотрению этимологических и исторических франкоязычных словарей. В ходе проведения анализа определены компоненты значения, относящиеся в общему значению лексемы «mission», приведем примеры: *mission* (миссия), *frais, dépense* (расходы, траты), *action d'envoyer* (отправить, послать), *tâche confiée à une personne* (задача, возложенная на человека), *action d'accomplir une tâche* (действия для выполнения задачи), *raison d'être, fonction* (предназначение, функция), *ensemble de personnes que l'on envoie accomplir une tâche* (группа людей, посланная для выполнения задания).

Далее проанализированы словарные дефиниции в 32 французских словарях. Выявлены компоненты значения с общим и специальным значениями. К общему значению отнесены следующие компоненты: *tâche déterminée* (поставленная задача), *autorité pour s'en acquitter une tâche* (полномочия для выполнения задачи), *devoir* (долг, обязанность), *vocation* (предназначение), *but élevé* (высокая цель). К компонентам специального значения отнесены:

- религиозное значение: *prêcher par ordre de l'église* (проповедовать по указанию церкви), *locaux, où les missionnaires logent* (место, где работают миссионеры), *prêcher est fonctions de prêtre* (обязанность священника проповедовать);

- наука: *recherche scientifique* (научное исследование), *personnes chargées d'accomplir des recherches à caractère scientifique* (ученые ответственные за исследование);

- право, дипломатия: *fonction temporaire dont un gouvernement charge des agents spéciaux* (временное назначение, сделанное правительством);

- военное значение: *action de combat* (военные действия).

После проведенного анализа этимологических, исторических и современных франкоязычных словарей можно выявить особенности фрагмента концепта MISSION. К архаичным значениям, представленным в этимологических и исторических словарях, можно отнести значения «отправить, послать» и «расходы, траты». В этимологических и исторических словарях выявлены компоненты общего значения: «поставленная задача», «полномочия для выполнения задачи», «предназначение». Кроме того, в современных словарях выявлены дополнительные компоненты общего значения – «долг, обязанность», «высокая цель», а также компоненты специального значения – «религиозное значение», «научное значение», «правовое, дипломатическое значение», а также «военное значение».

Далее обратимся к анализу текстов статей в газете Le Monde, репрезентирующих макроконцепт ВОЕННОЕ СОБЫТИЕ «СЕРВАЛ» и концепт MISSION. В ходе исследования у концепта MISSION выявлены слоты: «Участники», «Действия», «Цель». Представим подробнее каждый слот, подслоты и компоненты значения, которые выявлены.

В слоте «Участники» выявлен подслот «Франция» и подслот 1-го уровня «Вооруженные силы», который включает компоненты значения: войска и состав армии, военнослужащие, военная техника. Приведем пример: *Des soldats français, appartenant essentiellement aux forces spéciales, ont déjà été déployés dans des zones où opèrent les groupes armés islamistes ...* (Французские солдаты, в основном из сил специального назначения, уже были направлены в районы, где действуют исламистские вооруженные группировки ...) [Le Monde].

В слоте «Действия» определен подслот «Франция» и компонент значения военные действия. Приведем пример: *... pour des missions de renseignement et de guidage lors des frappes...* (для выполнения задач по разведке и наведению во время ударов ...) [Le Monde].

В последнем слоте «Цель» выявлен подслот «Франция» и компонент значения, указывающий на помощь Мали. Приведем пример: *Sa mission est, au contraire, de former avec les Européens la force africaine et, ensuite, de appuyer en particulier avec les moyens de troisième dimension (avions et hélicoptères), des moyens logistiques, des moyens de commandement et des moyens de renseignement.* (Напротив, ее задача – сформировать африканские силы вместе с европейцами, а затем поддержать их, в частности, ресурсами третьего измерения (самолетами и вертолетами), материально-техническими ресурсами, командными ресурсами и ресурсами разведки) [Le Monde].

В результате проведенного анализа можно отметить следующие аспекты семантического развития лексемы «mission». При проведении компонентного анализа словарных дефиниций французских словарей было выявлено 72 компонента значения. Данные компоненты были распределены на неспециальное и специальное значения. Неспециальное значение составило 38,8%, специальное 61,1%. Далее в рамках специального значения было определено религиозное значение (36,1%), правовое и дипломатическое

значения (22,2%) и военное значение (2,8%). В результате проведенного анализа можем заключить, что для лексемы «mission» два компонента значения являются ключевыми: в рамках неспециального общего значения компонент «задача» 38,8%, в рамках специального значения компонент «религиозное значение» 36,1%. Далее необходимо отметить компонент «правовое и дипломатическое значение» (22,2%) и наименее частотный компонент «военное значение» 2,8%, с единственным компонентом «действие». Полученная информация позволяет определить семантическое развитие лексемы «mission» во французских словарях с помощью следующих индексов:

- индекс специального значения 0,6;
- индекс военного значения 0,03.

При проведении анализа на материале ежедневной французской газеты Le Monde можно отметить наличие только специального значения в 100% контекстов, из них к военному значению относится 85,7% контекстов. Данная информация позволяет рассчитать индексы:

- индекс специального значения 1;
- индекс военного значения 0,85.

С помощью проведенного анализа можно продемонстрировать усиление специализации лексемы «mission» в дискурсе. Согласно компонентному анализу словарных дефиниций, ядерным компонентом лексемы является общее значение «задача». Индекс специального значения в словарных дефинициях достаточно высок, однако он в наибольшей степени представлен религиозным значением, в то время как в дискурсе репрезентируется преимущественно военным значением.

Пименова М.В. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре / М.В. Пименова, А.А. Бакирова // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16, № 1. – С. 92-101.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

Le Monde. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2013/01/16/l-offensive-terrestre-francaise-au-mali-se-precise_1817839_3212.html.

Le Monde. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2013/01/15/mali-cette-guerrest-un-engagement-de-long-terme_1817161_3212.html.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И РУССКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А.Г. Акулова (Воронеж)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА», «ТЕРМИН» И «ПРОФЕССИОНАЛИЗМ»

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «специальная лексика», «профессионализм», «термины», обозреваются их определения и признаки в работах разных исследователей.

Ключевые слова: специальная лексика, термин, профессионализм, лексемы

Abstract. The paper discusses the concepts of "special vocabulary", "professionalism", "terms", reviews their definitions and signs in the works of various researchers.

Keywords: special vocabulary, term, professionalism, lexemes

В современных лингвистических исследованиях возрос интерес к проявлениям в языке профессиональной специфики семантики слова. В связи с этим важным является разграничения таких понятий, как «специальная лексика», «термин», «профессионализм». Существует несколько основных подходов к этой проблеме. Одни исследователи считают, что это соотносимые понятия, другие указывают на их различия.

Начнем с определения специальной лексики. Полный словарь лингвистических терминов дает следующую дефиницию: специальная лексика – лексика, связанная с различными областями трудовой деятельности человека и употребляемая специалистами той или иной профессии [Жеребило 2010, с. 451].

Словарь социолингвистических терминов предлагает похожее определение: специальная лексика – это совокупность слов и словосочетаний, обозначающих понятия специальной области знания или деятельности [ССТ 2006, с. 215].

С точки зрения Н.П. Кузьмина, среди понятий «специальная лексика», «профессиональная лексика» и «терминология» наиболее общим является понятие «специальная лексика», которая включает «совокупность специальных слов, соотносимых со специфическими объектами обозначения», а также термины и профессионализмы [Кузьмин 1970, с. 40]. С этим согласно большинство ученых (Т.В. Матвеева, Т.В. Жеребило, Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова и др.). Так, Т.В. Матвеева конкретизирует определение специальной лексики, под которой исследователь понимает «часть лексики ограниченного употребления, выделенная на социальном основании; это лексика, связанная с различными областями трудовой деятельности человека и употребляемая специалистами той или иной профессии» [Матвеева 2010, с. 452]. Т.В. Жеребило рассматривает специальную лексику сходным образом, считая, что это совокупность слов и словосочетаний, обозначающих понятия специальной области знания или деятельности (термины и профессионализмы) [Жеребило 2010, с. 173, 359]. Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова также включают

в специальную лексику лишь термины и профессионализмы [Розенталь 2003, с. 335].

Другие исследователи, также относя специальную лексику к более общим понятиям, выделяют в ней гораздо больше разных видов. Так, Н.В. Воронина утверждает, что специальная лексика состоит из терминов, профессионализмов, профессиональных жаргонизмов и номенклатурных обозначений [Воронина 1992, с. 35-36]. С.В. Гринёв выделяет следующие виды специальной лексики: термины, номены, терминоиды, предтермины, квазiterмины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы [Гринев 1993, с. 48]. Остановимся на его классификации подробнее (рис. 1).

Тип лексических единиц	Признаки лексических единиц					
	Номинация общего понятия	Стабильность формы	Соответствие нормативным требованиям	Контекст. независимость	Семант. нейтральность	Ограниченность употребления
Термин	+	+	+	+	+	+
Номен	единич.	-	+	+	+	+
Прототермин	-	+	+	+	+	+
Терминоид	натуральн.	+/-	-	-	-	+
Предтермин	+	-	-	+	+/-	+
Квазiterмин	+	+	-	+	+	+
Профессионализм	+/-	+	+/-	+	-/+	+
Проф. жаргонизм	+	+	-	+	-	+

По мнению С.В. Гринева, термины называют общие понятия, а номены чаще всего называют единичные понятия. Прототермины он рассматривает как специальные лексемы, появившиеся и применяющиеся в донаучный период развития специальных знаний, и поэтому они называющие не понятия, а специальные представления. Терминоиды, с его точки зрения, – это специальная лексема, используемая для наименования так называемых натуральных понятий, т.е. недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих четких границ, а значит, и дефиниций. Еще одной разновидностью специальных лексических единиц С.В. Гринев называет предтермины – специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину (чаще всего требованию краткости). Отдельно С.В. Гринев выделяет квазiterмины – лексические единицы, более соответствующие терминологическим требованиям и, как результат, заменившие предтермины.

По мнению З.И. Комаровой, специальная лексика подразделяется на терминологию и номенклатуру, где в состав терминологии входит как нормативная терминологическая лексика (предметные термины и собственно

термины), так и ненормативная терминологическая лексика (профессионализмы, терминоиды, индивидуальные образные выражения) [Комарова 1991, с. 41].

Итак, как мы видим, специальная лексика является общим понятием, объединяющим разные виды языковых единиц. Не случайно, что в словаре БТС вся специальная лексика обозначается пометой «спец.» (специальное) без уточнения сферы использования. Отдельно отметим, что этот факт противоречит примечанию словаря [БТС, с. 15], где указано, что помета «спец.» предназначена только для слов-терминов с широкой сферой употребительности, и если слово употребляется как термин в узкой профессиональной сфере, то оно сопровождается более конкретной пометой, зафиксированной в списке условных сокращений. В ходе лексикографической части нашего исследования было обнаружено, что конкретные пометы, указывающие на профессиональную принадлежность слова, в БТС не используются.

Вернемся к видам специальной лексики. Разграничение терминов и профессионализмов – наиболее важная проблема лексикологии и терминологии. Обратимся к определениям этих понятий.

Н.Н. Лантюхова, О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова [Лантюхова 2013] понимают под термином слово или словосочетание, соотнесенное со специальным понятием, явлением или предметом в системе какой-либо области знания. Д.Ю. Гулинов также рассматривает термин как нейтральное и точное слово, выражающее строго определенное понятие в какой-нибудь специальной области: научной, политической, искусствоведческой [Гулинов 2017]. По мнению К.Я. Авербуха [Авербух 2006, с. 21], термин – элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальные понятия определенной области деятельности. В.М. Лейчик [Лейчик 2009, с. 32] детально исследует проблему определения термина с разных сторон и приходит к выводу, что термин – это лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее (конкретное или абстрактное) понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности. Таким образом, под термином будем понимать точную и нейтральную лексическую единицу языка, соотнесенную со специальным понятием определенной области знания или деятельности.

В.П. Тюльнина, А.Г. Рудакова [Тюльнина 1997] считают, что под профессионализмами следует понимать слова и выражения, свойственные речи представителей той или иной профессиональной сферы деятельности, проникающие в общелитературное употребление (преимущественно в устную речь) и обычно выступающие как просторечные и эмоционально окрашенные эквиваленты терминов. И.Р. Гальперин, говоря о профессионализмах, в первую очередь тоже отмечает особую сферу их использования и связь с терминами: «Профессионализмы, как указывает сам термин, – это слова, связанные производственной деятельностью людей, объединенных одной профессией. Профессионализмы соотносимы с терминами» [Гальперин 2011, с. 79]. Л.Г. Юсупова, Г.Х. Казыханова рассматривают профессионализмы как «полуофициальные» слова, используемые небольшими группами людей, которые объединены по роду своей деятельности [Юсупова 2016]. Таким

образом, под профессионализмами будем понимать слова, близкие к терминам и свойственные речи людей, объединенных профессией.

В своих работах исследователи обращают внимание на признаки терминов и профессионализмов. Рассмотрим это.

Н.Н. Лантюхова, О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова указывают, что термины *соотнесены с определенным научным понятием*. Эту же мысль разделяют Д.С. Лотте, Л.А. Капанадзе, Н.З. Котелова, Е.Н. Толикина, А.В. Косов, А.А. Реформатский, Я.А. Климовицкий. Следующим признаком терминов является *принадлежность как к письменной, так и к устной речи*. На это указывают Л.Р. Зиндер и Т.В. Строева, Э.Г. Ризель, Н.С. Гаранина. Е.Н. Сердобинцева и Д.Ю. Гулинов отмечают еще один признак терминов – *отсутствие эмоциональности* [Сердобинцева 2008; Гулинов 2017]. Важным признаком терминов является их *нормированность и официальность*. Об этом говорят в своих работах такие исследователи, как Е.Н. Сердобинцева, В.П. Тюльнина, А.Г. Рудакова, Л.Г. Юсупова, Г.Х. Казыханова. О.С. Ахманова и Е.И. Голованова выделяют еще один признак – термины *указывают на значимые характеристики специальных объектов* [Ахманова 1969; Голованова 2011]. Этот признак выделяет большое количество ученых, среди которых Н.Н. Лантюхова, О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова, К. Хеллер, Д.С. Лотте, Л.А. Капанадзе, Н.З. Котелова, Е.Н. Толикина, А.В. Косов, А.А. Реформатский называют еще один признак термина – *точность и четко очерченное содержание*. Н.Н. Лантюхова, О.В. Загоровская, Т.А. Литвинова также указывают на *системность* терминов. Е.Н. Сердобинцева, Д.С. Лотте, Л.А. Капанадзе, Н.З. Котелова, Е.Н. Толикина, А.В. Косов отмечают способ создания терминов – термины *создаются искусственно*.

Обратимся к анализу признаков профессионализмов. А.А. Сараева [Сараева 2013], Л.Г. Юсупова, Г.Х. Казыханова и Е.Н. Сердобинцева указывают на то, что профессионализмы *связаны с определенной профессиональной сферой*. Следующий признак профессионализмов – *использование преимущественно в устной речи* – выделяет целая группа исследователей, таких как Л.Г. Юсупова, Г.Х. Казыханова, Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева, В.Н. Портянникова и др. В.П. Тюльнина, А.Г. Рудакова, Е.Н. Сердобинцева и Д.Ю. Гулинов указывают на *эмоциональную окраску* профессионализмов. О.С. Ахманова и Е.И. Голованова отмечают, что профессионализмы *указывают на значимые характеристики специальных объектов*. В.П. Тюльнина, А.Г. Рудакова также называют признаком профессионализмов то, что они *создаются естественным путем*.

Подведем итог всего выше описанного. Так, обязательными признаками терминов являются соотнесенность с определенным научным понятием или научной, политической, искусствоведческой областью, искусственность создания, невозможность изменения значения, точность, системность, нейтральность, неэмоциональность, абстрактность значения, нормированность, официальность, функционирование в особых, отличающихся от общеязыковых, лексико-семантических системах, отнесенность к литературному языку. Также можем выделить необязательные (факультативные) признаки терминов, такие как однозначность (в некоторых случаях возможна полисемантичность) и краткость (существуют многокомпонентные термины).

К признакам профессионализмов относятся специализация значения, функционирование в особых, отличающихся от общезыковых, лексико-семантических системах; использование преимущественно в устной речи, полуофициальность (общепотребительность)/неофициальность, коммуникативно-когнитивная функция, конкретность, краткость, близость к терминам, спонтанность и стихийность создания для уже существующих понятий, отсутствие строгого научного характера, эмоциональная окраска, региональная специфика (окраска), производственная деятельность.

Общим признаком терминов и профессионализмов является то, что они указывают на значимые характеристики специальных объектов.

Что касается критериев разграничения терминов и профессионализмов, их можно вывести из выделенных признаков, однако согласимся с С.В. Гриневым в том, что «многие специальные лексические единицы можно одновременно называть и терминами, и профессионализмами, что свидетельствует о том, что эти классы пересекаются».

Авербух К.Я. Общая теория термина / К.Я. Авербух. – М.: Издательство МГОУ, 2006. – 252 с.

Артюшкин О.В. Определение и взаимосвязь базовых понятий, формирующих структуру и состав лексики сфер профессиональной деятельности / О.В. Артюшкин, Т.А. Артюшкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №4-2 (70). – 60-63.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. –М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 605 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

Воронина Н.В. Новая профессионально-отраслевая лексика в современном русском языке (на материале транспортных наименований): дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Воронина. – Пенза, 1992. – 212 с.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 375 с.

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учебное пособие / Е.И. Голованова. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 221 с.

Гринев С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.

Гулинов Д.Ю. К вопросу о разграничении обиходной лексики, профессиональной лексики и терминологических наименований / Д.Ю. Гулинов // Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – №5. – С. 92-96.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов / Т.В. Жеребило. – Изд. 5, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З.И. Комарова. – Свердловск: Урал, 1991. – 156 с.

Кузьмин Н. П. Нормативная и ненормативная специальная лексика / Н.П. Кузьмин // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. – М.: Наука, 1970. – С. 40.

Лантюхова Н.Н. Термин: определение понятия и его сущностные признаки / Н.Н. Лантюхова, О.В. Загоровская, Т.а. Литвинова // Современные проблемы гражданской защиты. – 2013. – №1 (6). – С. 42-45.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – Изд. 4. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.

Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2003. – 623 с.

Сараева А.А. Профессионализм как тип номинации / А.А. Сараева // Преподаватель XXI век. – 2013. – №1. – С. 289-295.

Сердобинцева Е.Н. Проблема профессионализмов в современной лексикографии / Е.Н. Сердобинцева // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – №4. – С. 54-61.

ССТ – Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

Тюльнина В.П. О соотношении терминологической и профессиональной лексики в рамках специальной лексики / В.П. Тюльнина, А.Г. Рудакова // ГИАБ. – 1997. – №1. – С. 111-121.

Юсупова Л.Г. Функционирование и роль терминов в языке / Л.Г. Юсупова, Г.Х. Казыханова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 февр. 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. – С. 140-142.

О.А. Гавриш (Воронеж)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНИЦИАЛЬНЫХ АББРЕВИАТУР В ТЕКСТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Аннотация. В статье рассматривается употребление инициальных аббревиаций, их частотность употребления в различных рубриках печатных СМИ. Анализ проводился на материале региональной газеты «Коммуна».

Ключевые слова: инициальные аббревиации, частотность, СМИ

Abstract. The article examines the use of initial abbreviations, their frequency, and applicability in various rubrics in print media texts, with the newspaper “Communa” serving as the material.

Keywords: initial abbreviations, frequency, mass media

Цель данного исследования – проанализировать использование аббревиатур в текстах СМИ.

Материалом исследования послужили тексты региональной газеты «Коммуна» за сентябрь 2024 года (№№36-38). На первом этапе исследования методом сплошной выборки были выявлены примеры употребления инициальных аббревиатур.

Под аббревиатурами, вслед за Н.Ю. Шведовой, мы понимаем «существительные, состоящие из усеченных отрезков слов, входящих в синонимичное словосочетание, последний из которых (опорный компонент) может быть целым, неусеченным словом» [Русская грамматика 1980]. Исследователь выделяет следующие типы аббревиатур:

1) аббревиатуры инициального типа, с двумя подтипами: а) образования из сочетаний начальных звуков слов: *высшее учебное заведение* – *вуз, загс, МХАТ, ТЮЗ*; б) образования из названий начальных букв слов: *Союз Советских Социалистических Республик* – *СССР, ЦК, РСФСР, ВДНХ*;

2) аббревиатуры из сочетания начальных частей слов («слоговые»): *местный комитет* – *местком, продмаг, завхоз, комсомол*;

3) смешанный тип образований, совмещающий элементы двух предыдущих: *социальное обеспечение* – *собес, городской отдел народного образования* – *гороно, главк, сельпо, ГОСТ*;

4) аббревиатуры из сочетания начальной части слова (слов) с целым словом: *запасные части* – *запчасти, роддом, оргербота, гострусберкасса*;

5) аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного: *командир роты* – *комроты, завкафедрой*;

6) аббревиатуры из сочетания начала первого слова с началом и концом второго или только с концом второго: *мотоцикл-велосипед* – *мопед, эскадренный миноносец* – *эсминец* [Шведова 1980, с. 255-256].

В данном исследовании анализировались инициальные звуковые (ТЮЗ, МРОТ, ЗАГС и др.) и буквенные (СВО, ДК, РВК и др.) аббревиации в текстах печатных СМИ. Не анализировались сложные случаи, в состав которых входят арабские или римские числа (типа *ИЛ-76, К-119, Ми-8*). Например: *При тушении лесных пожаров ИЛ-76 нередко работает в паре с Ми-8* [№38 (27220), с. 1]; *Подводная лодка К-119 была спущена на воду в 1988 году в Северодвинске, а 30 мая 1993 года получила имя «Воронеж»* [№39 (27221), с. 11].

Всего в результате сплошной выборки было получено 83 различные аббревиатуры (общее количество проанализированных единиц – 328 примеров употребления). Количество аббревиатур в различных выпусках СМИ значительно варьируется. Так, например, в выпуске «№36 (27218)» встречается 109 языковых единиц, представляющих собой 51 уникальную аббревиатуру. В выпуске газеты «Коммуна» №37 выделено всего 53 языковые единицы и 29 видов уникальных аббревиатур. В последующих выпусках №38 и №39 выделено 58 языковых единиц и 24 различные аббревиатуры и 108 языковых единиц или 51 вид аббревиаций, соответственно.

На втором этапе исследования корпус аббревиатур был тематически проанализирован. Были выделены следующие тематические группы:

- **политика:** *РФ* (Российская Федерация – 29 примеров), *СССР* (Союз Советских Социалистических Республик – 7 примеров), *КоАП* (Кодекс об административных правонарушениях – 4 примера), *ВНЖ* (вид на жительство – 4 примера), *ЛНР* (Луганская Народная Республика – 3 примера), *ДНР* (Донецкая Народная Республика – 3 примера), *РСФСР* (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика – 2 примера), *ФЗ* (федеральный закон – 2 примера), *ГДР* (Германская Демократическая Республика), *ООН* (Организация Объединенных Наций), *КГБ* (Комитет государственной безопасности), *БРИКС* (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка – на англ. Brazil, Russia, India, China, South Africa), *НКВД* (Народный комиссариат внутренних дел), *США* (Соединенные Штаты Америки), *НАТО* (Организация Североатлантического договора – англ. North Atlantic Treaty Organisation), *ЕАЭС*

(Евразийский экономический союз), ЦФО (Центральный федеральный округ), ВО (Воронежская область);

• **официальные государственные учреждения и организации:** МЧС (Министерство чрезвычайных ситуаций – 15 примеров), ЖКХ (жилищно-коммунальное хозяйство – 4 примера), ЗАГС (запись актов гражданского состояния – 4 примера), МВД (Министерство внутренних дел – 4 примера), УК (управляющая компания – 4 примера), ЖКУ (жилищно-коммунальные услуги – 3 примера), МКС (Международная космическая станция – 3 примера), ФСБ (Федеральная служба безопасности – 2 примера), МФЦ (Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг), МУРЭП (Муниципальное унитарное ремонтно-эксплуатационное предприятие), ДК (дом культуры – 2 примера), РВК (Росводоканал – 2 примера), ФСИН (Федеральная служба исполнения наказаний), ГАИ (Государственная автоинспекция – 2 примера), ГИБДД (Государственная инспекция по безопасности дорожного движения), РЖД (Российские железные дороги), ГУ (главное управление – 2 примера), АСИ (Агентство стратегических инициатив), ФАС (Федеральная антимонопольная служба), СФР (Социальный фонд России), РОО (Региональная общественная организация), ОБК (Отдел по борьбе с киберпреступностью), СМИ (средства массовой информации – 3 примера), ТАСС (Телеграфное агентство Советского Союза, 1925–1992 гг.), УФСБ (Управление Федеральной службы безопасности);

• **военная сфера:** СВО (специальная военная операция – 18 примеров), БПЛА (беспилотные летательные аппараты – 3 примера), ГО (гражданская оборона), ПВО (противовоздушная оборона);

• **экономика и промышленность:** ООО (общество с ограниченной ответственностью – 16 примеров), ПИК (Первая ипотечная компания – 4 примера), ГК (группа компаний – 4 примера), МРОТ (минимальный размер оплаты труда – 3 примера), ЦФО (центр финансовой ответственности – 2 примера), ОАО (открытое акционерное общество – 2 примера), НКО (некоммерческая организация – 2 примера), АНО (автономная некоммерческая организация – 2 примера), КПК (кредитный потребительский кооператив – 2 примера), СОИ (содержание общего имущества), СК (синтетический каучук), ИТ (Information Technology), ПО (производственная организация), КПК (кредитный потребительский кооператив – 2 примера), ТОС (территориальное общественное самоуправление – 2 примера), КРД (коэффициент региональной дифференциации), АПК (агропромышленный комплекс), ИП (индивидуальный предприниматель), ТЦ (торговый центр), РМЗ (ремонтно-механический завод), АО (акционерное общество), ЦЗЛ (центральная заводская лаборатория), ГМЗ (Грибановский машиностроительный завод), ЧПУ (числовое программное управление), АВО (агрегаты воздушного охлаждения), ПАО (публичное акционерное общество), НПО (научно-производственное объединение), МДФ (англ. MDF – Medium Density Fibreboard);

• **образование:** ВГУ (Воронежский государственный университет – 15 примеров), ВГМУ (Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко – 9 примеров), ПФДО (персонифицированное финансирование дополнительного образования – 8 примеров), РУДН

(Российский университет дружбы народов – 2 примера), *МБОУ* (муниципальное бюджетное образовательное учреждение), *СОШ* (средняя образовательная школа), *ПММ* (факультет прикладной математики, информатики и механики), *ВГПУ* (Воронежский государственный педагогический университет), *ЕГЭ* (единый государственный экзамен), *РГФ* (факультет романо-германской филологии), *НИИМЭ* (Научно-исследовательский институт молекулярной электроники), *МГУ* (Московский государственный университет), *ВАИ* (Воронежский авиационный институт), *ДЮСШ* (детско-юношеская спортивная школа), *НИИПМ* (Научно-исследовательский институт полупроводникового машиностроения);

- **искусство:** *ТЮЗ* (театр юного зрителя – 15 примеров), *ПФКИ* (Президентский фонд культурных инициатив – 5 примеров), *ГИТИС* (Государственный институт театрального искусства – 4 примера);

- **транспорт:** *БАМ* (Байкало-Амурская магистраль – 9 примеров), *ОСАГО* (обязательное страхование автогражданской ответственности – 5 примеров), *ДТП* (дорожно-транспортное происшествие – 3 примера), *ДОСААФ* (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту России – 2 примера), *ОСГОП* (обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика – 2 примера), *УАЗ*, *УАЗик* (Ульяновский автомобильный завод – 2 примера), *МТВ* (многоцелевой транспортный вертолет), *ГС* (госпитальное судно), *БДК* (большой десантный корабль);

- **спорт:** *РПЛ* (2) (Российская премьер-лига), *ВХЛ* (Высшая хоккейная лига), *КСК* (конноспортивный комплекс), *АКМ* (Академия хоккея имени Б.П. Михайлова).

- **происшествия:** *ЧС* (чрезвычайная ситуация – 2 примера), *ЧП* (чрезвычайное происшествие), *РСЧС* (Российская единая система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций);

- **локация:** *Пари НН* (Нижний Новгород – 4 примера); *ПВП* (пункт временного размещения);

- **здоровье:** *ФАП* (фельдшерско-акушерский пункт – 4 примера), *ВОЗ* (Всемирная организация здравоохранения), *БУЗ* (бюджетное учреждение здравоохранения), *СПА* (лат. *Sanus per Aquam* или *Sanitas pro Aqua*, что переводится как «здоровье с помощью воды» или «здоровье через воду»).

Нами был проведен частотный анализ аббревиатур инициального типа. Анализ показал, что наиболее частотными являются аббревиатуры: *РФ* (29 примеров), *СВО* (18 примеров), *ООО* (16 примеров), *ВГУ* (15 примеров), *МЧС* (15 примеров), *ТЮЗ* (15 примеров):

В рейтинге качества жизни Воронежская область заняла 17-е место в РФ [№37 (27219), с.1]; *По словам Александра Гусева, в регионе много внимания уделяется поддержке участников и ветеранов СВО* [№39 (27221), с. 1]; *Переход бывшего ГМЗ, а ныне ООО «Завода «БорМаш» к новому собственнику обернулся благом для предприятия и его трудового коллектива* [№39 (27221), с. 3]; *Исследование велось в Молодёжной лаборатории ВГУ* [№37 (27219), с. 6]; *Тушить лесной пожар в Ямном под Воронежем сотрудникам МЧС помогли волонтеры и местные жители* [№37 (27219), с. 1]; *Классика в ТЮЗе не должна быть скучной и отталкивающей* [№36 (27218), с. 6].

Реже встречаются такие аббревиатуры, как: *БАМ* (9 примеров), *ВГМУ* (9 примеров), *ПДФО* (8 примеров), *СССР* (7 примеров), *ОСАГО* (5 примеров), *ПФКИ* (5 примеров):

Воронежцы, работавшие на БАМе, поделились воспоминаниями о легендарной всесоюзной стройке [№38 (27220), с. 5]; Муниципалитеты сами определяют, как будут проводить у себя программу ПДФО [№36 (27218), с. 6]; Когда мама стала старше, она решила продолжить дело отца и поступила в ВГМУ, где и познакомилась с моим папой Анатолием Поповским, – продолжает Павел [№38 (27220), с. 5]; Специалисты уже приступили к работе с заявками, которые воронежцы планируют отправить в ПФКИ для получения гранта [№36 (27218), с. 6] и др.

Достаточно редкими были: *ВНЖ* (4), *ЖКХ* (4), *ЗАГС* (4), *ПИК* (4), *ГИТИС* (4), *КоАП* (4), *МВД* (4), *ФАП* (4), *ГК* (4), *УК* (4), *Пари НН* (4), *МРОТ* (3), *МКС* (3), *ДТП* (3), *БПЛА* (3), *ЛНР* (3), *ДНР* (3), *СМИ* (3), *ЖКУ* (3), *АНО* (3), *ТОС* (2), *ГУ* (2), *КРД* (2), *ДОСААФ* (2), *РПЛ* (2), *ОСГОП* (2), *НКО* (2), *КПК* (2), *ГАИ* (2), *РСФСР* (2), *РУДН* (2), *ДК* (2), *РВК* (2), *ЦФО* (2), *ОАО* (2), *ЧС* (2), *ФЗ* (2), *ФСБ* (2):

В мэрии Воронежа предупредили жителей домов, которые ранее обслуживала УК «ПИК Комфорт», что в сентябре они получат две квитанции ЖКУ за август [№36 (27218), с. 3]. Принципу «если сносим ДК, то строим там новый ДК» дала не претвориться в жизнь как раз эта расплывчатость формулировок [№36 (27218), с. 3]. Вот ее и жонглера народного артиста РСФСР Александра Кисса и пригласил Александр Пальчиков на очередную встречу [№39 (27221), с. 6].

Был отмечен случай вхождения аббревиатуры в название спортивной команды: *Пари НН* (Пари Нижний Новгород, 4 примера).

Единично авторами региональных материалов были использованы следующие аббревиатуры (70 единиц): *МУРЭП*, *ВОЗ*, *ВАИ*, *ОБК*, *РГФ*, *РСЧС*, *МТВ*, *АПК*, *ООН*, *МГУ*, *МДФ*, *СПА*, *РОО*, *АСИ*, *РЖД*, *ПВО*, *ЧП*, *ИЗО*, *НИИМЭ*, *ФАС*, *СФР*, *МФЦ*, *ИТ*, *ПО*, *АКМ*, *ВХЛ*, *ТЦ*, *ФСИН*, *ЦФО*, *РМЗ*, *АО*, *ЦЗЛ*, *СТО*, *ГМЗ*, *ЧПУ*, *АВО*, *ДЮСШ*, *УАЗ*, *ПАО*, *НИИПМ*, *НПО*, *ВГТУ*, *УФСБ*, *КГБ*, *БУЗ*, *ВО*, *ИП*, *ТАС*, *ГС*, *ГДР*, *БДК*, *МУРЭП*, *СК*, *ПВР*, *СОИ*, *НАТО*, *ГУ*, *ЕГЭ*, *ЧС*, *ГО*, *ЕАЭС*, *НКО*, *ВГПУ*, *КСК*, *БРИКС*, *НКВД*, *США*, *МБОУ*, *СОШ*, *ПММ*:

С 1998-го по 2003 год будущий мэр работал в МУРЭП №13 мастером, главным инженером и директором [№36 (27218), с. 1]; Что касается ковида, то ВОЗ объявила о завершении пандемии, поэтому массовая вакцинация уже не осуществляется [№37 (27219), с. 2]; Напомним, что начальник воронежской ГАИ Евгений Шаталов на пресс-конференции также говорил о плачевном уровне обучения в воронежских автошколах [№37 (27219), с. 3].

Отметим, что чаще всего аббревиатуры приводят без расшифровки, так как они являются общепринятыми, понятными. Некоторые из аббревиатур расшифровывалось при первом упоминании, например:

Поэтому в квитанциях за свет в сентябре появится новая отдельная строка – за содержание общего имущества, сокращенно – СОИ [№36 (27218), с. 1]; В 2017 году в России появилась система персонализированного финансирования дополнительного образования (ПФДО) [№36 (27218), с. 6]; В

Воронеже на базе областной библиотеки имени Василия Кубанёва начал работать офис Президентского фонда культурных инициатив (ПФКИ) [№36 (27218), с. 6]; Она напомнила, что рейтинг ежегодно формируется Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ) по 10 направлениям [№37 (27219), с. 1].

Большая часть аббревиатур не расшифровывалась, например: *РФ* (Российская Федерация), *ВГУ* (Воронежский государственный университет), *СВО* (Специальная военная операция), *ВО* (Воронежская область). Можно предположить, что авторы считают, что эти аббревиатуры знакомы целевой аудитории издания и, следовательно, не требуют пояснений, поэтому не расшифровываются.

Однако были отмечены и такие аббревиатуры, которые могли бы вызвать затруднения в расшифровке, но были приведены в издании без объяснений: *ГК* (группа компаний), *КСК* (конноспортивный комплекс), *МУРЭП* (Муниципальное унитарное ремонтно-эксплуатационное предприятие) и др.:

Управляющий ГК «БорМаши» Сергей Валерьевич Синюков был удостоен ордена благоверного князя Даниила Московского III степени [№39 (27221), с. 3]; Сезон соревнований начинается в апреле и заканчивается в сентябре, – говорит директор КСК «Яменская усадьба» Олеся Бессонова [№38 (27218), с. 8]; С 1998-го по 2003 год будущий мэр работал в МУРЭП №13 мастером, главным инженером и директором [№36 (27218), с. 1].

Они менее известны широкой аудитории, но достаточно специфичны для конкретных текстов и рубрик. Отсутствие развернутого синонимичного сочетания соответствующей аббревиатуры в тексте СМИ может свидетельствовать о том, что автор предполагает, что целевая аудитория уже знакома с данным сокращением и, следовательно, не нуждается в дополнительной расшифровке и пояснениях. Однако личный опыт показывает, что достаточно часто читатели не знают, как расшифровываются некоторые аббревиатуры (*МДФ*, *БРИКС*, *НАТО* и пр.). Следовательно, для менее распространенных известных сокращений авторы текстов должны приводить расшифровку и объяснения для обеспечения понимания контекста.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что в региональном печатном издании преобладают аббревиатуры, связанные с государственными и общественными организациями, а также с экономическими и коммерческими структурами. Аббревиатуры, связанные с транспортом и здравоохранением, используются реже. Единичное употребление некоторых аббревиатур может указывать на их меньшую значимость или актуальность в контексте издания.

Авторы материалов печатных СМИ должны учитывать тот факт, что понимание текста читателями может быть значительно затруднено из-за отсутствия расшифровки при первом упоминании аббревиатуры. Сложности с пониманием текста могут также возникать у новых читателей или приехавших из других регионов, так как много аббревиаций с региональным значением (*ВГУ*, *ВГМУ* и пр.).

Русская грамматика: [в 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 1980. – 783 с.

Словарь сокращений современного русского языка: более 6000 сокращений / Н.Г. Складская. – Москва, Эксмо, 2004. – 444 с.

Словарь сокращений русского языка. – Режим доступа: <https://sokr.ru/>.

С.С. Калинин (Москва)

КАК СОЗДАТЬ ПОЛИСИНТЕТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК: К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРОЛОГИИ ГРАММАТИЧЕСКО- СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ ПОЛИСИНТЕТИЗМА

Аннотация. В статье на примере описания процесса создания искусственного полисинтетического языка априорного типа делается попытка выделить те характерологические грамлемы, которые бы являлись определяющими для большинства известных полисинтетических языков. Разработанный автором для этой цели язык является априорным на лексическом уровне (т. е. большая часть его вокабуляра создана ad hoc), в то же время ряд его грамматических черт близок к тому, что можно наблюдать в естественных полисинтетических языках. Язык допускает дальнейшее развитие и расширение.

Ключевые слова: полисинтезм, полисинтетический язык, искусственный полисинтетический язык, априорный искусственный язык, конструирование языков, грамматическая семантика

Abstract. The main goal of the present research is description of an algorithm of creating a polysynthetic artificial language of a-priori type. The author makes an attempt using his constructed language to explore those grammemes of polysynthesis that could be considered as salient ones for the most part of natural polysynthetic languages. The elaboration of special language gives an opportunity to solve this problem. This language is of a-priori type: it means that most part of its vocabulary has been constructed ad hoc. Meanwhile, some grammatic properties of its look as similar as they are testified in natural polysynthetic languages. The described language is open to further development and addition of new features on all linguistic levels.

Keywords: polysynthesis, polysynthetic language, constructed polysynthetic language, constructed language of a-priori type, language invention, grammatical semantics

Существуют различные подходы к определению понятия полисинтезизма. Так, в словаре Й. Вахека полисинтезизм определяется следующим образом: «соединение двух семантем в одном слове» [Вахек 1964, с. 159]. В.А. Плуныян понимает полисинтетические языки как «языки с большим количеством полиаффиксов, инкорпорацией и полиперсональным согласованием» [Плуныян 2003, с. 97].

П.М. Аркадьев характеризует полисинтетические языки как языки с вершинным маркированием, неконфигурационным синтаксисом, «свободным», т. е. определяемым преимущественно прагматически, а не грамматически порядком слов, в которых глагольная форма эквивалентна элементарной клаузе [Arkadiev 2005, p. 17]. М. Бейкер дает описательное определение полисинтетических языков как таких языков, в которых имеются сложные глагольные формы, многие грамматические отношения передаются при помощи аффиксов, а также широко используются согласование и инкорпорация для

выражения грамматических отношений [Бейкер 2008, с. 242]. Исходя из приведенных дефиниций и характеристик полисинтетизма, можно видеть, что эта типологическая характеристика языка представляет собой нетривиальный лингвистический феномен.

Примеры естественных полисинтетических языков довольно многочисленны (достаточно исчерпывающий обзор полисинтетических языков представлен в монографии [The Oxford Handbook of Polysynthesis 2017]). На Северном Кавказе они представлены абхазско-адыгской семьей. На Дальнем Востоке и в Субарктике к полисинтетическим языкам относятся чукотско-камчатские (включая ительменский) и эскимосско-алеутские языки. Ярким примером полисинтетических языков Восточной Сибири является енисейская семья (точнее, единственный сохранившийся до нашего времени ее представитель – кетский язык). На Дальнем Востоке к полисинтетическим можно отнести также нивхский и айнский языки. Представлен полисинтетизм и в ряде абorigенных языков северной Австралии (куньинькуская, дейлийская и некоторые др. семьи), а также и среди папуасских языков. Особенно богаты полисинтетическими языками Северная, Центральная и Южная Америка. Множество автохтонных языковых семей из данного ареала можно отнести к этой типологической категории: в частности, это алгонкинские, салишские, вакашские, ирокезские, сиу языки в Северной Америке, юто-ацтекские, майя-киче, тотонакские языки в Центральной Америке, языки тупи-гуарани, а также карибские, аравакские и некоторые другие языки Южной Америки.

В связи с наличием довольно большого числа примеров полисинтетических языков *in vivo* возникает закономерный вопрос: а существуют ли примеры таких же языков, но искусственно сконструированных? Оказывается, что искусственные полисинтетические языки встречаются очень редко в отличие от естественных: обычно в интерлингвистической литературе в качестве таковых упоминаются арахау и ифкуиль: см. об этом книгу И. Торлака [Торлак 2015, с. 61]. В известной монографии А.Д. Дуличенко [Дуличенко 1990] о международных вспомогательных языках ифкуиль не упоминается по той причине, что хронология в ней была доведена до ранних 1970-х гг., а история развития ифкуиля берет начало только в 1978 г.

Вместе с тем, полисинтетизм в языке представляет собой весьма интересное явление, анализ которого важен как для развития общей теории языка, грамматической семантики, так и для изучения представителей частных языковых семей, где наблюдается означенное явление. Интересным является и сам вопрос о возможности практической реализации искусственного полисинтетического языка с точки зрения интерлингвистики.

Перейдем теперь непосредственно к описанию алгоритма создания полисинтетического языка. Исходя из наших целей, остановимся на априорном искусственном языке: это означает, что конструируемый вокабуляр будет заимствован не из каких-либо естественных языков, а создан нами *ad hoc*. При этом нужно учесть, что в настоящий момент нами не ставится цель создать «благозвучный» язык: вопросы звукописи и фоносемантики нами также пока детально не прорабатываются. Для заявленной цели достаточно конструирования самой простой фонетико-фонологической системы.

Для конструирования примеров базовых клауз нашего языка воспользуемся сопоставительно-переводным методом. Это означает, что вначале берется несколько простых модельных предложений на русском языке, а затем они «переводятся» на создаваемый нами язык. В данном случае модельными предложениями являются следующие²: *Я переводчик. Переводчик знает иностранные языки. Они говорят на иностранных языках.*

Известно, что центром предложения и, соответственно, клаузы в полисинтетическом языке является глагол. Начнем с глагольного корня; пусть он будет выглядеть следующим образом: *kat-* 'переводить'. Теперь нужно произвести от него лексическую единицу со значением 'переводчик': возьмем здесь за основу аффиксальную деривацию с орудийным аффиксом – *kat-* + *-la* > *katla*.

Теперь само имя существительное *katla* нужно «превратить» в предикативную форму, для чего добавим специальный аффикс-связку (копулу) к исходной именной форме. Копула не может быть в неоформленном виде без тех аффиксов, которые показывают лицо и число субъекта предикации. Поэтому нужно будет присоединить лично-числовой показатель, представляющий собой аналог местоимений в языках средневропейского стандарта (отдельных свободных форм местоимений в нашем языке не будет).

В итоге получаем следующую словоформу:

kat-la-sh-m

katla – основа со значением 'переводчик';

-sh- – копула;

-m – показатель настоящего времени, 1 л., ед.ч.

В создаваемом нами языке будут и другие лично-числовые показатели (суффиксы) настоящего времени, которые могут присоединяться к словоформам:

-m – настоящее время, 1 л., ед.ч.;

-s – настоящее время, 2 л., ед.ч.;

-t – настоящее время, 3 л., ед.ч.

Введем сразу (из соображений симметрии) и суффиксальные показатели настоящего времени множественного числа, которые перечисляются ниже:

-l – настоящее время, 1 л., мн.ч.;

-r – настоящее время, 2 л., мн.ч.;

-nt – настоящее время, 3 л., мн.ч.;

Приведенные выше показатели будут использоваться и в дальнейшем.

Теперь рассмотрим второе предложение *Переводчик знает иностранные языки*. Определим для начала лексически значимые морфемы в этом предложении:

of – язык;

maħ – чужой: трибутивное слово, проще говоря, прилагательное. Значение 'иностранный язык' часто передается в естественных языках как 'чужой язык' – *of maħ*. Определение в нашем языке будет постпозитивным;

² Поскольку созданный нами язык используется в учебном процессе студентов-переводчиков Пермского государственного политехнического университета, то представляется уместным взять именно эти предложения в качестве модельных.

ga- – говорить;
-p- – знать (связанный глагольный суффикс с модальным значением; аналогичное явление – аффиксальные глаголы – есть, например, в чукотско-камчатских и эскимосских языках).

Поскольку у нас модальный глагол не может употребляться без полнозначного глагола речи, то буквальным значением этой формы будет русский эквивалент 'переводчик знает говорить'. Осталось только соединить все форманты между собой в одну словоформу:

katla ga-p-of-maḥ-t > katla gapovmaḥt

Здесь *-t* – суффиксальный показатель наст. вр., 3л., ед.ч. (поскольку субъект состояния, переводчик, один). На морфемном стыке между *-f* и *-t* будет происходить регрессивная ассимиляция: поэтому звук [f] озвончается. Также в этом предложении можно видеть пример инкорпорации именной группы *of maḥ* 'иностранный язык' в состав глагольного предикативного ядра предложения: в начале статьи уже говорилось об инкорпорации как о характерной черте полисинтетических языков. Здесь можно видеть пример т. н. инкорпорации конструкции с неоформленным именем.

Теперь сконструируем эквивалент русского предложения *Они говорят на иностранных языках*. Для этого «соберем» всю словоформу вместе из уже имеющихся корней и аффиксов:

ga-of-maḥ-nt > gaḥovmaḥnt

Одна глагольная форма в нашем языке эквивалентна целой клаузе русского или английского языков. В этом примере снова наблюдается регрессивная ассимиляция на морфемном стыке (аналогичная предыдущему примеру). Для того чтобы избежать зияния между гласными [a] и [o], между ними вставляется гортанная смычка [ʔ].

Теперь попробуем передать средствами нашего языка русское предложение *Мы любим перевод*. Для этого потребуются некоторые другие морфемы. Начнем с того, каким образом на нашем языке передать значение 'перевод': наиболее простым способом здесь является применение отглагольной деривации по аналогии с тем, что можно видеть в русском языке и, например, в латинском (ср. *translatum* → *translatio*):

kat- + *-ari* > *katari* 'перевод'.

Суффикс *-ari* – так называемый суффикс-номинализатор, при помощи которого от исходного глагола образуется имя существительное либо имя действия.

Теперь рассмотрим, каким образом мы можем передать высказывание *Мы любим* средствами нашего языка. Для этого понадобятся следующие морфемы:

ojo- – глагольная основа со значением 'нравиться', нетранзитивный глагол;

-d^h – показатель среднего залога (иначе – медия). Средний залог используется по той причине, что глагольная основа означает семантику определенного состояния (= 'нравиться', 'быть по нраву'), которое испытывает субъект. Субъект выражается при помощи аффикса *-l* (см. перечень субъектных суффиксов выше).

В итоге, собрав всё вместе, получаем следующее предложение:

katari ojo-d^h-l

Введем в наш язык запрет на инкорпорацию отглагольных имен: по этой причине здесь можно видеть простую конструкцию с неоформленным именем. При этом само имя будет находиться в препозиции к глагольной вершине.

Резюмируя, приведем еще раз полный перевод всех высказываний:

katlashm 'Я переводчик';

katla gapovmaxt 'Переводчик знает иностранные языки';

gazovmaxnt 'Они говорят на иностранных языках';

katari ojad^hl 'Мы любим перевод'.

Таким образом, в сконструированном нами языке действительно прослеживаются те черты, которые, по замыслу автора, так должны быть: полипредикативность, наличие полиаффиксов и лексических аффиксов (а именно – модальный аффиксальный предикат *-p-*), инкорпорация имен и именных групп (за исключением инкорпорации отглагольного имени, запрет на который был нами введен), вершинное маркирование. Вместе с тем, стоит помнить о высказываниях Ю.А. Ландера [Ландер 2011, с. 119], писавшего, что сам класс полисинтетических языков достаточно неоднороден и аморфен, обладая расплывчатыми границами. По этой причине не стоит удивляться, если не все черты, имеющиеся в естественных полисинтетических языках, найдут отражение в нашем языке.

Наш язык допускает дальнейшее развитие фонологических, морфологических и синтаксических параметров, а также введение новых категорий и параметров (в частности, возможно дополнение какими-либо новыми грамматическими категориями). Кроме того, ряд фрагментов системы нашего языка допускает дальнейшую проработку: например, синтаксис простых именных групп, глагольных групп, синтаксис простого высказывания, кодирование глагольных актантов, система словообразования и т. д. Перечисленные фрагменты языковой системы (хотя не только они) допускают «наращивание» на ту основу, которая была эскизно обозначена выше. Язык может использоваться в исследовательских целях, например, для изучения возможностей комбинации между собой в полисинтетическом языке различных параметров. Кроме того, как уже кратко упоминалось выше, созданный нами язык ограниченно используется и в учебном процессе.

Бейкер М. Атомы языка: грамматика в темном поле сознания / М. Бейкер; пер. с англ. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 272 с.

Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы / Й. Вахек; пер. с англ., фр., нем. и чеш. И.А. Мельчука и В.З. Санникова; под ред. и с предисл. А.А. Реформатского. – М.: Издательство «Прогресс», 1964. – 350 с.

Дуличенко А.Д. Международные вспомогательные языки / А.Д. Дуличенко. – Таллинн: Валгус, 1990. – 448 с.

Ландер Ю.А. Подходы к полисинтетизму / Ю.А. Ландер // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2011. – №11(73). – С. 102-126.

Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику / В.А. Плунгян. – Изд. 2, испр. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

Торлак И. Глоболингво. Официальный международный язык. Как научить всех людей понимать друг друга? / И. Торлак. – М.: PRONDO, 2015. – 104 с.

Arkadiev P.M. Grammaticalization of Polysynthesis (with special reference to spoken French) / P.M. Arkadiev // Четвертая типологическая школа: международная школа по

лингвистической типологии и антропологии: специальная сессия: Типология дискурсивных категорий и средств орг. дискурса в японском, армянском и русском языках, Ереван, 21-28 сентября 2005 года / редколлегия: В.И. Подлесская (отв. ред.). – Ереван: Ереванский государственный лингвистический университет им. В. Брюсова, 2005. – Р. 17-20.

The Oxford handbook of polysynthesis / eds. M. Fortescue, M. Mithun, N. Evans N. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 960 p.

И.А. Меркулова (Воронеж)

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПОВТОРА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию редупликативных конструкций, состоящих из удвоенного существительного. Целью исследования является анализ семантики и синтаксических особенностей таких повторов и их функции в живой речи носителей русского языка. Выделены основные значения этих редупликаций.

Ключевые слова: редупликация, имя существительное, семантика разговорной речи

Abstract: The article is devoted to the study of reduplicative constructions consisting a doubled noun in the nominative case. The aim of the study is to analyze the semantics and syntactic features of such reduplications and their function in the live speech of native Russian speakers. Four main meanings of these reduplications are identified.

Keywords: reduplication, noun, semantics of colloquial speech

В современном русском языке, прежде всего в его разговорной разновидности, функционирует немало удвоенных образований, компонентами которых являются целые слова. Часто к этим повторам применяется термин редупликация.

В русском языке редупликация проявляется в двух основных формах: синонимической и формальной. Синонимическая редупликация включает в себя повторение смысла слова в различных формах его выражения (например, «жили-были», «любо-дорого», «горе-беда») и часто встречается в фольклоре или текстах с фольклорной стилизацией. Формальная редупликация представляет собой повторение как содержания, так и формы (например, «много-много», «добрый-предобрый») для выражения некоторого регулярного значения, например, степени, интенсивности, повторяемости. Традиционные случаи редупликации подробно проанализированы в работе О.Ю. Крючковой [Крючкова 2004]. В исследовании А.П. Урбаевой редупликаты рассматриваются как языковые единицы с многоаспектным функциональным потенциалом. Автор определяет их как средства для передачи интенсивности признака, создания музыкального эффекта, придания тексту композиционной завершенности и лирического настроения, а также выражения уникальных смысловых оттенков, недостижимых другими языковыми средствами [Урбаева 2007]. Это свидетельствует о расширении понимания роли редупликатов в современной речи.

Приведем примеры из Национального корпуса русского языка и живой разговорной речи.

Старайтесь не опаздывать, в 19.15 уже прям начало-начало.

*Алексей прям **мужчина-мужчина**: и к женщинам уважительно относится, и поможет всегда, и дверь придержит.*

*Ты с детьми так хорошо играешь, прям **отец-отец**.*

*В понедельник будет полдня оформление, полдня знакомство, **работа-работа** начнется со вторника.*

*Кашин – это такой **журналист-журналист**.*

*Правда, не **шампанским-шампанским**, а «Советским», но тоже хлопающим пробкой, пенистым и играющим пузырьками.*

*Взгромоздила новую шляпу, стою в очереди в кассу, мурлычу что-то под нос, чувствую себя такой **девочкой-девочкой** и вдруг слышу сзади: «Ну, бабушка, поворачивайся, заснула, что ли?» – И сама же смеется. [Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998)].*

Безусловно, эти повторы отличаются от повторов в фольклорных текстах (*Колобок, Колобок, я тебя съем!*) и при языковой игре (*Многим из нас знакомо забавное выражение «шашлык-машлык»*). Не похожи они и на редупликацию, предназначенную для выражения грамматических значений (*Если можно, большой-пребольшой кусок жареной говядины с картофельным пюре; Она и сегодня живет всех живых, ее пели, поют и будут петь еще много-много лет*).

С точки зрения формальной организации эти примеры демонстрируют три разновидности: 1) сочетание частицы *прямо* (*прямо*) и удвоенного существительного в им.п – «(прямо, прямо) X-X»; 2) сочетание местоимения *такой* и удвоенного существительного необязательно именительного падежа – «такой (-ая, -ое) X-X»; 3) удвоенное существительное в позиции дополнения X-X.

Во всех этих контекстах редупликаты выступают в предикативной функции в составе именной части сказуемого часто с пропущенной связкой.

Учитывая, что *прямо* (разговорный вариант *прямо*) используется здесь как частица, имеющая значение «совершенно, действительно» (*Алексей прямо (=действительно) мужчина: и к женщинам уважительно относится, и поможет всегда, и дверь придержит*) употребить существительное можно один раз, тем не менее редупликация происходит.

В других примерах встречается местоимение *такой*, которое выражает типичное для себя значение – сильную степень свойства, состояния или усиления оценки (*такой красивый, такой силач! такая тоска!*), но при этом существительное повторяется. Нетрудно заметить, что в традиционных употреблениях используются слова, имеющие значения признака, свойства, состояния и, следовательно, возможность показать их степень (усилить): *такой красивый* = очень красивый, *такой силач* = очень сильный, *такая тоска* = очень тоскливо, но *такая девочка* ≠ *очень девочка*, *такой ремонт* ≠ *очень ремонт*.

С точки зрения содержания, редупликация – семантически емкое средство, при котором с помощью «лишнего» слова передается некоторое содержание. Исследователи, изучающие значения редуплицированных единиц, чаще всего опираются на классификацию Лоуренса Хорна, который выделил четыре типа их значения: усиленное, прототипическое, добавочное и буквальное [Нотт 2008]. Для русского языка существует классификация, которую разработала

К.А. Гилярова для редуплицированных форм с именами существительными [Гилярова 2010, с. 93].

Рассмотрим основные значения.

1. Уточнение основного значения

Автор высказывания как бы «привлекает внимание к этому слову и настаивает на его строгом соответствии требованиям истины. ‘Я имею в виду X, а не что-то немного другое, чем X’» [Вежицкая 1999, с. 236]. *Не считая обиденных **гостиниц-гостиниц**, есть и остальные виды постоялых домов.* Действительно, в большинстве случаев предложение без редупликации будет иметь тот же смысл, что и предложение с удвоенной формой: *Не считая обиденных гостиниц, есть и остальные виды постоялых домов.*

2. Разрешение многозначности

– *Ой, там, кстати, был Андрей, он разговаривал с девушкой.*

– *Прям с **девушкой** - с **девушкой**? Я не знал, что он с кем-то встречается.*

– *Да нет, по-моему, это просто его знакомая.*

В данном диалоге возникает неопределенность из-за использования слова *девушка*, которое может означать как молодую женщину в общем смысле, так и ее роль в романтических отношениях с другим человеком. Второй участник разговора пытается разрешить эту многозначность, используя редуплицированную единицу, явно указывая на второе значение. Однако его интерпретация оказывается неверной, и его собеседница вынуждена исправить его, вернувшись к альтернативному значению данного слова.

3. Уступительное значение

Его можно описать так: ‘несмотря на то, что субъект X, ему присущи какие-то не характерные для X а свойства’. *Да ведь с такой пожилой женщины и спрашивать нельзя, чтоб она по движущейся мишени с первого выстрела без промаха била, **ведьма-ведьма**, а все-таки возраст себя дает знать!*

4. Индикатор чужой речи

*А то все говорят, что вот **штаты-штаты**, а что там на самом деле – не узнаешь, пока сам не увидишь.* В представленном примере использования редуплицированных единиц можно заметить наличие значения многократности, однако всегда добавляется дополнительный элемент: говорящий отчуждает себя от того, о чем говорит, подчеркивая, что это не его собственные слова, а лишь повторение чужой речи.

Таким образом, все обсуждаемые значения редуплицированных единиц объединяет то, что в этих случаях их использование информирует слушателя о том, как следует понимать удвоенное слово, то есть они содержат некоторый метаязыковой компонент. Им противопоставлены примеры, в которых удвоение, наоборот, служит для передачи информации о конкретных ситуациях/объектах, описываемых используемым словом.

Среди них можно выделить:

1. Значение интенсивности, высокой степени

*Когда-то, в **юности-юности**, я начеркала: «Рожденный ползать может не летать, летать рожденный должен как-то ползать».* Заметим, что в данном случае значение очень близко к прототипическому. Однако указывается на очень молодой возраст автора, в то время как типичное понимание юности

подразумевает другие характеристики: это не только возраст, но и определенное поведение и отношение к жизни. При этом в окружении редуцированной единицы нет намека на то, что в данном случае реализуется значение прототипа, задаваемое самим говорящим.

2. Прототипическое значение

Его можно установить из примеров, приведенных в начале статьи.

*Алексей прям **мужчина-мужчина**: и к женщинам уважительно относится, и поможет всегда, и дверь придержит.* Образцовому мужчине присуще уважительное отношение к женщине. *Ты с детьми так хорошо играешь, прям **отец-отец**.* Образцовый отец должен играть с детьми.

В своем исследовании К.А. Гилярова отмечает, что прототипичность не всегда означает высокую степень какого-либо свойства. Например, под прототипическим дождем вряд ли понимается сильный короткий ливень [Гилярова 2010, с. 94]. Во многих случаях легко определить, какое именно значение реализуется в конкретном примере. Однако, когда прототипичность действительно соотносится с сильным проявлением качества, часто бывает сложно разграничить значение интенсивности и прототипичности. Кроме того, значение прототипа не исключает семантического компонента подобия, похожести, а также положительное оценочное значение.

Таким образом, исследованный материал показал, что редупликация существительных в современной речи является динамическим явлением, расширяет наши представления о функциях повторов и демонстрирует потенциальные возможности языка и усиление экспрессивности современной речи. Интерпретация семантики редупликации невозможна без детального анализа контекста.

Вежбицкая А. Редупликация в итальянском языке: кросс-культурная прагматика и иллокутивная семантика / А. Вежбицкая // Семантические универсалии и описание языков (пер. с англ.). – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 224-259.

Гилярова К.А. Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке Интернета / К.А. Гилярова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2010) / Под ред. А.Е. Кибрик. – Т. 9. – Вып. 16. – М.: РГГУ, 2010. – С. 90-96.

Крючкова О.Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке / О.Ю. Крючкова // Русский язык в научном освещении. – 2004. – №2 (8). – С. 63-85.

Урбаева А.П. Многообразие видов повтора в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.П. Урбаева. – М., 2007. – 16 с.

Horn L. Pragmatics and the lexicon // van Sterkenburg, P. (ed.). Unity and Diversity of Languages. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2008. – Pp. 29–41.

Т.С. Орлова (Санкт-Петербург)

ПРИРОДА ЗНАЧЕНИЯ И ЕГО ТИПОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ТИПОЛОГИИ ЗНАЧЕНИЙ М.В. НИКИТИНА

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу природы значений и их типологии на основе работ М.В. Никитина. Основное внимание уделено систематическому изучению значений как самостоятельных объектов, что позволяет глубже понять их структуру и функции в языке. Рассматривается разработка теории значений, установление их типологии, а также исследование взаимодействий и различий в семантических структурах разных языков. Анализируются также многоуровневые аспекты номинативности различных языковых категорий, что способствует пониманию механизмов когнитивной обработки информации в языке. В статье освещаются вопросы трансформации знаков в значения, подчеркивается их взаимная зависимость и роль в лингвистической коммуникации.

Ключевые слова: семасиология, типология значений, М.В. Никитин, лингвистическая семантика, номинативность, когнитивная лингвистика, семантическая структура, теория значения, языковые знаки

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of the nature of meanings and their typology on the basis of M.V. Nikitin's works. The main attention is paid to the systematic study of meanings as independent objects, which allows to understand their structure and functions in language more deeply. The development of the theory of meanings, the establishment of their typology, and the study of interactions and differences in the semantic structures of different languages are considered. Multilevel aspects of nominativity of different linguistic categories are also analyzed, which contributes to understanding the mechanisms of cognitive information processing in language. The article highlights the issues of transformation of signs into meanings, emphasizes their mutual dependence and role in linguistic communication.

Keywords: semasiology, typology of meanings, M.V. Nikitin, linguistic semantics, nominativity, cognitive linguistics, semantic structure, theory of meaning, language signs

Во второй половине XX в. семасиология утверждается как независимая научная дисциплина, центрируя своё внимание на изучении значения. Важно анализировать значение как полноценный, самодостаточный объект. Этот подход позволяет понять причины возникновения значений, разработать их теоретическую основу, углубиться в типологию значений, изучить их структуру и взаимосвязи. Также ставится задача исследования общих и отличительных черт семантических структур разнообразных языков, то есть анализировать скрытое за отдельными явлениями конкретными языковыми элементами.

Эти аспекты определяют предметную область и цели семасиологии как отрасли лингвистики. Можно утверждать, что семасиология играет ключевую роль, составляя значительную часть лингвистических исследований. Семасиология приступает к глубокому, системному и синтезирующему исследованию вопросов, касающихся языковых значений, опираясь на фундаментальные теоретические подходы и типологии. В контексте общей семасиологии проводится анализ универсальных теорий и классификаций значений, изучение общих принципов и основ семантических систем всех естественных языков.

Семасиологические исследования конкретных языков изучают, как применяются универсальные принципы в рамках специфики каждого отдельного языка, с акцентом на особенности их семантических структур. Структура семасиологии зеркально отображает лингвистическую структуру: она содержит разделы, соответствующие различным уровням и сегментам языковой системы.

В дисциплине семасиологии основное внимание уделяется определению причин возникновения значений, анализу их структуры и взаимосвязей между разнообразными значениями. Также исследуются сходства и отличия в семантических системах различных языков, а также анализируется то, что лежит в основе уникальных аспектов конкретных языковых элементов. Значение значимой ситуации заключается в том, что она подразумевает наличие второстепенного факта: такая ситуация сама по себе нейтральна до тех пор, пока из нее не начнут вытекать определенные выводы, придающие ей смысл. Это позволяет интерпретировать термин «природа» в рамках дискуссии о значении. Думается, что понятия значения и знака находятся в гипо-гиперонимических отношениях, т.е. природа значения рождается там, где существует какая-либо значимая ситуация [Никитин 2007, с. 43-44].

Исходное изучение показывает, что значимая ситуация включает в себя взаимодействие двух элементов (это могут быть предметы, события или явления) и их восприятие наблюдателем. Значение в такой ситуации возникает, когда эта связь между элементами воспринимается как информационно значимая. То есть не просто наличие связи между двумя фактами становится важным, а именно та информация, которую один факт передает о другом благодаря известной наблюдателю взаимосвязи. В таком контексте один факт служит катализатором для осознания второго, настраивая восприятие наблюдателя.

Различие между значением и знаком можно изложить следующим образом:

1. Значение является элементом сознания, глубоко укорененным во внутреннем мире индивидуума, и фактически не покидает границы умственного пространства.

2. В момент передачи значений физической трансляции как таковой не происходит: знаки не функционируют как хранилища значений, поскольку значения не являются частью их материальной сущности.

3. Знаки не передают значения непосредственно между людьми – это скорее метафора. Они инициируют в сознании схожие или идентичные значения, активируя аналогичные информационные процессы у участников общения. В процессе такого знакового взаимодействия происходит не только активация подобных значений в мыслях участников, но и их изменение и создание новых значений.

4. Концепция знака вторична по своей природе, поскольку ее формирование происходит на основе понятия значения. Знак определяется посредством значения и служит для его выражения.

5. Знак не может существовать без значения, в то время как значение имеет способность существовать независимо от знака [Никитин 2007, с. 21-22].

Задача типологии значений состоит в том, чтобы идентифицировать и изучить различные виды значений, которые, несмотря на существенные отличия,

имеют общую природу. Базовая типология значений строится на их сущностном понимании и включает два типа: импликационные и знаковые. Их различие заключается в характере информационной связи между двумя объектами. Если в сознании индивида два объекта (будь то предметы, явления или события) связаны импликационной зависимостью, отражающей их природную связь в реальности, то это соответствует импликационному типу значения.

Две сущности могут не быть связаны природной зависимостью, однако между ними устанавливается искусственная связь, призванная вызвать в сознании определенную мысль, даже если для этого нет явных предпосылок импликации. Несмотря на отсутствие естественной связи между объектами, в сознании формируется знаковая ассоциация, которая закрепляет за ними определенную кодифицированную идею, представляющую их знаковое значение.

В естественных языках знаковая функция изначально возникает стихийно, являясь результатом простейших коммуникативных нужд, а на более высоких уровнях развития языка – как спонтанно, так и осознанно, то есть на основе договоренности о значении знаков. Для вторичных (искусственных) знаков и знаковых систем знаковая функция также может быть установлена как стихийно, так и на основании соглашения, но их интерпретация всегда осуществляется через естественный язык. Иными словами, значения искусственных знаков неизменно трактуются через призму первичного (естественного) языка.

Задача типологии значений состоит в том, чтобы систематизировать и исследовать ключевые типы значений, которые, несмотря на различия, обладают общей природой. Базовая классификация значений строится на их сущностных характеристиках и делит их на импликационные и знаковые типы. Основное различие между ними определяется спецификой информационной связи между двумя объектами. Когда в сознании индивида два объекта (предметы, явления, события) связаны импликационной зависимостью, которая отражает их естественное соотношение в действительности, имеет место значение импликационного типа.

Ранее было отмечено, что его содержание определяется мыслительными выводами, которые исходят из конкретного факта и выполняют информационную и ориентирующую функции. В другом случае, когда две сущности не связаны естественной зависимостью, между ними может быть установлена искусственная, осознанная связь с целью вызвать в сознании определенную мысль, даже при отсутствии импликационных оснований. Хотя между объектами нет природной связи, в сознании возникает знаковая ассоциация, в которой за знаком закрепляется кодифицированная мысль, составляющая его знаковое значение.

Семантическая структура слова обусловлена взаимосвязями между его различными семантическими составляющими (семемами и семами), формирующими его как сложную единицу. Обсуждая семантическую структуру, подразумеваются разнообразные значения полисемантических слов и их взаимные связи. Эта структура складывается из разнообразных семантических компонентов (значений, лексико-семантических вариантов) [Белявская 1987].

Связь между различными значениями полисемантического слова проявляется через их способность отражать аспекты реальности, похожие в некотором отношении, и через наличие у них общего семантического элемента. Номинативность отражает способность языковой единицы самостоятельно, без помощи контекста, передавать и актуализировать связанный с ней смысл. Это свойство отличает номинативные единицы от так называемых фиксаторов смысла, которые могут проявлять свое значение лишь в составе номинативных конструкций. Эти особенности напрямую связаны с ключевой чертой номинативных единиц – их умением придавать осознанную значимость закреплённому за ними смыслу в сознании носителя языка.

Номинативность тесно связана с тем, насколько языковая единица может передавать свое значение независимо от контекста. Степень этой независимости определяет номинативный потенциал различных лексико-грамматических классов слов. Между крайними значениями – полной способностью к номинации и ее отсутствием – существует широкий спектр, в котором возможны различные промежуточные уровни.

М.В. Никитин предлагает систему уровней номинативности, включающую следующие категории:

- 1) существительные и другие номинативные группы слов, такие как наименования объектов или «вещественные слова»;
- 2) прочие классы значимых слов, включая атрибутивные и предикативные категории (прилагательные, глаголы, наречия);
- 3) корневые элементы, входящие в состав сложных слов, а также служебные слова (предлоги и союзы), которые могут быть сопоставлены с наречиями (например, «вперед» как наречие и предлог) [Никитин 2007].

В первой группе номинативность выражена наиболее явно: субстантивные элементы могут образовывать как эллиптические, так и назывные (номинативные) предложения. В данном случае номинативность проявляется как способность языковой единицы четко и однозначно передавать связанные с ней понятия, абстрагируясь от возможных контекстуальных связей и избегая синтаксической зависимости, становясь частью более сложных номинативных конструкций.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 366 с.

Белявская Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Белявская. – М.: Высш. шк., 1987. – 126 с.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности / А.А. Леонтьев. – М.: УРСС, 2003. – 243 с.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2007. – 819 с.

Я.В. Рошупкин (Воронеж)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВАРИАТИВНОСТИ В ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРАХ

Аннотация. Статья содержит анализ фонетических, словообразовательных и смешанных вариантов лексических единиц, отражающих наименования одежды в воронежских говорах. Рассматриваются особенности лексикографирования этих вариантов в диалектных словарях, формулируются основные принципы составления словарных статей с указанием вышеперечисленных вариантов и приводятся примеры составленных с помощью этих принципов словарных статей для Словаря воронежских говоров.

Ключевые слова: вариативность, наименования одежды, диалектные словари

Abstract. The article contains an analysis of phonetic, derivational and mixed variations of lexical units that represent nominations of clothes of Voronezh dialects. The features of lexicography of the variations in different well-known dialect dictionaries are considered, the basic principles of compiling dictionary entries are formulated with the indication of the above-mentioned variations and examples of dictionary entries compiled for the Dictionary of Voronezh Dialects are provided.

Keywords: variability, clothes nominations, dialect dictionaries

Актуальность темы исследования обусловлена проблематичностью разграничения фонетических и словообразовательных вариантов в лексической системе русских диалектов, а также отсутствием единого образца составления словарных статей, содержащих указание этих вариантов, что вызывает трудности при лексикографировании такой специфичной тематической группы лексики, как наименования одежды. Данное исследование призвано разграничить фонетические, словообразовательные и смешанные варианты в области исследуемой тематической группы и предложить определенные принципы и способы составления словарных статей.

Задачами исследования являются следующие: 1) охарактеризовать проблему вариативности лексической системы русских диалектов; 2) проанализировать способы представления фонетических, словообразовательных и смешанных вариантов в известных диалектных словарях; 3) выявить принципы и способы лексикографирования вариантов, на которые следует ориентироваться при составлении словарных статей; 4) составить словарные статьи, предназначенные для Словаря воронежских говоров, опираясь на выявленные принципы и способы лексикографирования вариантов.

Наличие вариативности в лексической системе русских диалектов требует особого внимания при разграничении фонетических и словообразовательных вариантов ввиду их определенной близости и сходства, возникших вследствие различных исторических процессов в русском языке: контаминации лексем (*жупу́н* < *зипу́н* и *жупа́н*), диерезы (*у́та́н* < *у́йтан*), диссимилиации (*суш́у́нка* < *шуш́у́нка*), отпадения начального звука (*ита́н* < *у́та́н*, *жерё́лье* < *о́жерё́лье*), развития категории собирательности (*у́н'и́и* < *у́ни*), переосмысления морфемного состава слова (*о́жерё́нки* < *о́жерё́лки*). Это связано с самим понятием варианта, которое Л.П. Михайлова определяет как «слово,

отличающееся от исходного чаще всего одним-двумя звуками и сохраняющее его семантику» [Михайлова 2017, с. 1].

При составлении словарных статей с указанием вариантов словоинварианта необходимо обращать внимание не только на оформление словарных статей, но и на суть самих вариантов: так, важно отличать фонетические варианты от словообразовательных, которые в некоторых случаях могут слабо различаться, а также учитывать наличие смешения вариантов фонетических, словообразовательных и вообще разных слов (например, *зипун, жупан, шушпан*). Сочетание разных вариантов в одной лексеме будем называть вариантом смешанным.

В Словаре воронежских говоров [Словарь воронежских говоров 2007], а также в ряде других известных словарей [Словарь русских народных говоров 1985; Архангельский областной словарь 1980; Псковский областной словарь 2017; Словарь орловских говоров 1998] представлены определенные принципы и способы лексикографирования фонетических и словообразовательных вариантов. Учитывая эти принципы и способы, опираясь на них, можно сформулировать, на наш взгляд, некоторые общие принципы составления словарной статьи, указывающей варианты леммы:

1. Фонетические варианты указываются в словарной статье, посвященной инварианту, после леммы до грамматических характеристик в скобках простым шрифтом через запятую: **ИНВАРИАНТ** (вариант-А, вариант-Б, ...).

2. Иллюстрации к фонетическим вариантам не указываются в одной словарной статье с инвариантом, для этого варианты выносятся в отдельные словарные статьи следующим образом: **ВАРИАНТ**. См. **инвариант**. *Иллюстрация*.

3. Словообразовательные варианты указываются в словарной статье, посвященной инварианту, после дефиниции следующим образом: **ИНВАРИАНТ**, грамм. характеристики. Дефиниция. См. **вариант**.

4. Словообразовательные варианты выносятся в отдельную словарную статью с указанием грамматических характеристик, при этом их описание выглядит следующим образом: **ВАРИАНТ**, грамматические характеристики. То же, что **инвариант**. *Иллюстрация*.

Помимо этих принципов были также сформулированы требования для указания грамматических характеристик слова (существительного): окончание в родительном падеже единственного числа, род, окончание в именительном падеже множественного числа.

Выделение общих принципов и требований для указания грамматических характеристик позволяет нам сформулировать схему для составления словарных статей с указанием фонетических, словообразовательных и смешанных вариантов:

ЛЕММА=ИНВАРИАНТ (фонетические варианты), грамматические характеристики. п. Дефиниция. См. словообразовательный вариант / смешанный вариант. *Иллюстрации к лемме*. Место распространения. (Письменный источник)

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ. См. **инвариант**. *Иллюстрации к варианту*. Место распространения. (Письменный источник)

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ / СМЕШАННЫЙ ВАРИАНТ (фонетические варианты), грамматические характеристики. 1. То же, что **инвариант**. *Иллюстрации к варианту*. Место распространения. (Письменный источник). п. Дефиниция. *Иллюстрации*. Место распространения. (Письменный источник).

Опираясь на приведенную схему, следует отметить, что словообразовательные и смешанные варианты инварианта могут обладать собственными фонетическими вариантами, а также значениями, отличными от инварианта.

Представленная схема не является первой попыткой лексикографического описания вариантов диалектных слов. Если мы обратимся к схеме, например, Е.И. Сьяновой, то увидим, что разные варианты одного слова она предлагает выделять знаком □ [Сьянова 2016, с. 740-741].

Чекотáть, *несов., перех.* Щекотать. Паш., д. Спирово, 1937. □ Чёкотáть. Волхов., с. Немятово, 1939.

Зюрка-зюрка и **зю́рка-зю́рка**, *междом.* Слово, которым подзывают свиней. □ Зю́рка-зю́рка. Тихв., 1939. Волхов., с. Немятово, 1939. □ Зю́рка-зю́рка. Полав., д. Дворец, 1940. Волхов., д. Вольково, 1941.

К.И. Коваленко и В.Б. Колосова выводят следующие требования к указанию вариантов в словарной статье: «Иногда варианты разводятся в разные статьи, иногда объединены в одну. Как правило, приводится не больше одного варианта написания: “Девесиль, или девясиль, ла. м: трава и корень. См: умань” 1; “Дягель, или дягиль, ля. м: трава”» [Коваленко 2024, с. 29].

В ходе работы над исследованием были составлены словарные статьи, содержащие фонетические, словообразовательные и смешанные варианты слов, с учетом принципов составления словарных статей и схемы словарной статьи, описанных выше. Диалектные слова, подвергшиеся лексикографическому описанию, были взяты из монографии М.В. Пановой «Наименования одежды в русских говорах воронежской области (этнолингвистический и ареальный аспекты)» [Панова 2018].

Примеры составленных словарных статей приведены ниже.

ГАЙТА́Н (ганта́й, ганта́н, гата́н, гита́н (см. **гита́н**), ита́н), -а, м. Украшение в виде шнура, украшенного бисером, с крестом или ладанкой на конце. *гайтáн, кр'эстик нь н'аво в'ешайт', как в вiди т'ас'омъч'ки*. КРС. Гриб.

ГАНТА́Й. См. **гайтáн**. *Ни выбрáсьвэй гáнтáй, он ишибó гáдiццэ, йа н'аво хр'эст нав'ешу*. ЛГН. Бобр.

ГАНТА́Н. См. **гайтáн**. *гáнтáн на шéйи насiль с хрэстикъм*. ШСТ. Бобр.

ГАТА́Н. См. **гайтáн**. *гáтáн ч'орнай, бiсарнай, а внизу хр'ос'тик*. КРЧ. Рам.

ГИТА́Н, -а, м. 1. Монисто из черного бисера с крестом или ладанкой на конце. *гитáн с лáданкэй*. СЛД. Остр. 2. См. **гайтáн**.

ИТА́Н. См. **гайтáн**. *Надъ пэм'ан'ат'итáн*. ЗЦП. Семил.

ГÁЧЕНЬ (гáшень), -я, м. Пояс или шнурок, который продевается в верхнюю часть штанов для их подвязывания. Ср. **гáчник**. *Шла, шла и гáч'ён' лóпнул, чут' пан'обв'уд'бржáльс'*. В. МАМОН

ГÁШЕНЬ. См. **гáчень**. *Щас р'азiнкъ, а тадá гáшьн'*. ИСТ. Реп.

ГАЧНИК (га́шник), -а, м. То же, что **гачень**. *гачник нь итанэх, зьст'еуаитць*. ХОХОЛ.

ГАШНИК. См. **гачник**. *гашник, йёнть партки ды йупки падв'азывъли*. ПЧЛ. Бобр. *гашник – вот такайь в'ар'овач'к'а ис пр'ажы ав'эчий*. КРС. Гриб.

ГУНЯ, -и, ж., мн. -и. Старая, ветхая, изношенная одежда. Ср. **гүньи**. *Пайдү плясану и уун'ами тр'исану, пус'т' л'уди пьул'ад'ат', кудьи ууни пьл'ат'ат'*. ЛМВ. Рам. *ууни, ну йих в'ашиами назват' н'ал'з'а, бьрахло*. ГРМ. Хохол.

ГУНЬИ (гүнья), мн. То же, что **гүня**. *Ат плат'йь адни уун'йи асталис'*. МДВЖ. Семил.

ЗИПҮН (зюпан), -а, м., мн. -ы. Старая, поношенная одежда; плохой кафтан, пальто и пр. *Хот'какой-нит' зипун нашол бь*. 2. Верхняя мужская (реже женская) одежда, сшитая в талию, кафтан. *Зипунах д'эльгы суки'аныйь, кък кафтаны*. НКЛС. Хохол. *Жёни'и'ины в зипунах хадйли... Приталинный, кароткий, рьсклишоньй*. ХЛБРД. Анин.

ЗЮПАН (жупан). См. **зипун**.

ЖУПАН (жупун). См. **зюпан**, **зипун**. *Сымай свой жупан, а то ул'адет' странина*. ЛМВ. Семил.

ЖУПҮН. См. **жупан**, **зюпан**, **зипун**.

ОЖЕРЁЛЬЕ (жерелье, жерели), -я, ср. мн. -и. 1. Ворот, прорез для горла в одежде. 2. Стоячий и отложной воротник одежд, пришитый или пристяжной. 3. Шейное украшение. Ср. **жерёлки**. *У Микалавны ажырёл'йи бьли нанйзъны в два р'ада*. ХРН. Н.-Усм.

ЖЕРЁЛЬЕ. См. **ожерелье**. *На шейу в'ешъли улустьки и жир'элий*. ШСТ. Бобр.

ЖЕРЁЛИ, мн. См. **ожерелье**. *Нь уул'ан'йь ад'авали жыр'эли*. ЛСТП. Гриб.

ЖЕРЁЛКИ, -лок, мн. То же, что **ожерелье**. *Жыр'олки никада ни насиль*. ЧГР. Борис.

ОЖЕРЁЛОК (ожерёнки), -лка, м, мн. -и. Украшение в виде отложного воротника. *Насили такойи ажар'олки с махрами, бал'шьи, тут п'уафки, бисаръм рьшиывъли*. ИСТ. Реп.

ОЖЕРЁНКИ, мн. См. **ожерёлок**.

ПОДСТАВКА, -и, ж. Нижняя часть женской рубахи. Ср. **подстáвник**, **подстáвок**, **подстáн**, **подстáник**, **пóставка**, **пóстань**. *К низу рубáхи пришывъльс' патстáфкъ из друго́й халстíны...* ШКВ. В.-Хав. *Патстáфку разукрáсиш и щ'оп луч'игъ тиб'э никауо н'э былъ*. РСШ. Реп.

ПОДСТАВНИК, -а, м. То же, что **подстáвка**. *Саийом саб'э патстáвник, тада вит'рубáхи с патстáвникъм шьли*. ШНН. Тал.

ПОДСТАВОК, -ка, м. То же, что **подстáвка**. *Патстáвкъ на фаст'э красный*. ЧГР. Борис.

ПОДСТАН, -а, м. То же, что **подстáвка**. *Мужукáм шьли цел'нау, с патстáнъм, этъ бабы насйли*. БОБР.

ПОДСТАНИК, -а, м. То же, что **подстáвка**.

ПОСТАВКА, -и, ж. То же, что **подста́вка**. *У ией поста́вка раиши́тъяа*. БОБР.

ПОСТАНЬ, -и, ж. То же, что **подста́вка**. *По́стан' у рубáхи, ис халста́ис паксо́ннавь шы́ли, стан па́то́н' шы́, по́стан' па́то́лыи*. БОБР.

СТАН, -а, м. Верхняя часть женской рубахи. Ср. **ста́ни́на**, **ста́но́к**, **ста́ну́шка**. *Сама́ рубáхъ ста́н нъзыва́лас'а, а внизу́ па́тста́фкъ*. СТ.НКЛС. Хохол.

СТАНИ́НА, -ы, ж. То же, что **ста́н**. *Ста́ни́на бы́ла митка́л'нъяа, а па́тста́фкъ халцо́въяй*. Б.ВРК. Семил.

СТАНО́К, -нка, м. То же, что **ста́н**. *Рубáхъ халста́иннъй, ув'арху́ ста́но́к, уту́т вы́шыфкъ*. ИСТ. Реп.

СТАНУ́ШКА, -и, ж. То же, что **ста́н**. *Када́ ста́ну́шкъ-тъ изно́ситцъ, атпо́риши и́йио́ ат па́тста́фки*. Б.ВРК. Семил. *Бра́ли халста́инки-тъ, шы́ывáли и пълучáлс' ста́ну́шкъ, а па́то́м и́е́е пришы́ва́ли х как'э́тки*. Р.ГВЗ. Рам.

ШУШУ́Н, -á м., мн. Ы. Женская одежда из ткани, иногда подбитая мехом. Ср. **шушúнка**. *Дъ́пир'éш шушуны́ из б'э́льгъ сукна́. Тут во шы́рочи́шиши*. НВСЛ. Семил.

ШУШУ́НКА (шуша́нка, сушúнка), -и, ж, мн. -и. То же, что **шушúн**: женская одежда из ткани, иногда подбитая мехом. *У нас така́я шушúнка йес'т' – ко́фта о́лнйна́я, шы́рт'ана́й, с кист'áми*. Р.ГВЗ. Рам. *Шушúнки суконны́и на́силы*. ФДР. Семил.

ШУША́НКА. См. **шушúнка**. *Шуша́нки ис сукна́ шы́ли, са́ми вал'áли, б'э́льяй или ч'о́рнъй сукно́, как плащ шы́ли*. НКЛС. Семил.

СУШУ́НКА. См. **шушúнка**. *У бау́атыъ нъ сушúнкъх вьрътники́ бы́ли*. ДМХВ. Семил.

Составленные таким образом словарные статьи могут войти в Словарь воронежских говоров или стать опорой при лексикографировании других тематических групп диалектной лексики.

Архангельский областной словарь. Вып. 1 [Электронный ресурс] / под ред. О.Г. Гецовой. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 168 с. – URL: <https://www.book-site.ru/fulltext/aos1/text.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).

Коваленко К.И. Названия растений в Словаре Академии Российской [Электронный ресурс] / К.И. Коваленко, В.Б. Колосова // Вопросы лексикографии. – 2024. – №31. – С. 23-42. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_65354846_54468209.pdf (дата обращения: 14.10.2024)

Михайлова Л.П. Вопрос о лексико-фонетических вариантах в диалектных словарях [Электронный ресурс] / Л.П. Михайлова // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2017. – №3 (11). – С. 1-5. – URL: <https://portal.novsu.ru/file/1331115> (дата обращения: 14.10.2024).

Панова М.В. Наименования одежды в русских говорах воронежской области (этнолингвистический и ареальный аспекты): монография / М.В. Панова; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 329 с.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 27 [Электронный ресурс] / под ред. Л.А. Ивашко, И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой. – СПб.: Изд-во

С.-Петерб. ун-та, 2017. – 504 с. – URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/16169/1/D0%9F%D0%9E%D0%A1-27.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).

Словарь воронежских говоров / Воронеж. гос. ун-т. [др.] Выпуск 2. – Воронеж: ИПЦ Воронежского гос. ун-та, 2007. – 307 с.

Словарь орловских говоров. Вып. 9 [Электронный ресурс] / под ред. Т.В. Бахваловой. – Орел: ОГПУ, 1998. – 123 с. – URL: <https://z-lib.io/book/16466415> (дата обращения: 17.10.2024).

Словарь русских народных говоров. Вып. 20 [Электронный ресурс] / под ред. Ф.П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1985. – 376 с. – URL: <https://iling.spb.ru/publications/1346> (дата обращения: 17.10.2024).

Сьянова Е.И. Лексикографическое описание русских говоров ленинградской области: методы и принципы работы [Электронный ресурс] / Е.И. Сьянова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2016. – №3. – С. 731-762. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30714067_48249947.pdf (дата обращения: 14.10.2024).

А.В. Рудакова, А.А. Зайцева (Воронеж)

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Аннотация. Статья посвящена анализ знаков препинания в заголовках региональной газеты «Коммуна». Выделены заголовки со знаками препинания в конце предложения и внутри заголовка. Отмечено, что наиболее частотны такие знаки, как кавычки, запятая, тире. Редко используются двоеточие и многоточие внутри заголовков. На конце заголовков экспрессивную функцию выполняют восклицательный знак, вопросительный знак и многоточие.

Ключевые слова: газетный текст, заголовок, знаки препинания

Abstract. The article is devoted to the analysis of punctuation marks in the headlines of the regional newspaper "Commune". Headings with punctuation marks at the end of the sentence and inside the title are highlighted. It is noted that such characters as quotation marks, commas, and dashes are the most frequent. Colons and ellipses are rarely used inside headings. At the end of the headings, an exclamation mark, a question mark and an ellipsis perform an expressive function.

Keywords: newspaper text, headline, punctuation marks

Газетный заголовок, как лингвистическое явление, привлекает внимание современных лингвистов (Н.Е. Бухарев, В.П. Вомперский, В.В. Ворошилов, М.А. Грачев, М.И. Шостак, А.А. Тертычный, К.В. Прохорова и др.).

Вслед за Д.А. Качаевым под газетным заголовком мы понимаем «выделенный графически, потенциально свернутый знак текста, выраженный вербальными и невербальными средствами языка, обладающий относительной автосемантической, являющийся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именуется и/или характеризует текст, прогнозирует содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительные смыслы» [Качаев 2007, с. 4].

В работе «Язык газет» Д. Рич отмечается, что заголовок «кратко обобщает всю историю, о которой повествуется в статье, в минимальном количестве слов и привлекает читателя к тексту» [Reah 1998, с. 13].

И.Р. Гальперин указывает на основные функции заголовка: «Заголовок, название, дающееся новостям или статье, является неотъемлемой частью газетного текста. Основные функции газетного заголовка – краткое информирование читателя о тексте, следующем за ним и привлечение наибольшего количества читателей, иными словами, обеспечить нормальное функционирование самой газеты» [Гальперин 1977, с. 302-303].

Данное исследование посвящено изучению знаков препинания в заголовках региональных газет. Материалом исследования послужили заголовки и материалы сайта воронежской газеты «Коммуна» за январь 2019 года.

На первом этапе исследования методом сплошной выборки были отобраны заголовки, в состав которых входили знаки препинания (точка, запятая, двоеточие, многоточие, тире, восклицательный знак, вопросительный знак, кавычки, скобки). Всего было выявлено 213 таких заголовков.

На втором этапе исследования заголовки, в состав которых входят знаки препинания, были разделены на две группы:

1. Заголовки, состоящие из одного предложения: 1) заголовки со знаками препинания внутри предложения; 2) заголовки со знаками препинания в конце предложения.

2. Заголовки, включающие комплекс предложений (два и более).

Если в заголовках материалов газеты «Коммуна» было отмечено несколько знаков препинания, то они анализировались во всех соответствующих группах.

Рассмотрим знаки препинания в конце предложения. Таких заголовков немного – 17 единиц (8% от общего количества проанализированных заголовков).

По правилам оформления в конце заголовков ставятся знаки препинания, отражающие эмоциональный замысел автора текста: вопросительный знак, восклицательный знак, сочетание вопросительных и/или восклицательных знаков, многоточие. Точка в конце заголовка не ставится. Данное правило на страницах газетных материалов региональной газеты «Коммуна» соблюдается.

1. Заголовки с вопросительным знаком в конце предложения – 7 примеров

Основным пунктуационным приемом выражения экспрессии в газетах являются вопросные единства, обращенные к читателю, и к воображаемому оппоненту, и к самому себе. Вопросительные заголовки повышают эффект воздействия на читателя, создают иллюзию диалогичности, сокращения дистанции между журналистом и читателем. Чаще всего авторами используются заголовки с риторическими вопросительными конструкциями: *Школа и «цифра» – близнецы-братья?* (К, 24.01.2019); *Грозит ли нам вымирание?* (К, 18 января 2019); *Как не наступать на одни и те же грабли?* (К, 25 января 2019).

Отмечены и вопросительные конструкции, которые призывают читателя узнать настоящее состояние дел: *Когда в Воронеже заговорят «умные светфоры»?* (К, 18.01.2019); *Сахарный монополист хочет «подсластить*

пилюлю»? (К, 25.01.2019); У воронежской «Балтики» «недолив»? (К, 24.01.2019).

Отметим, что заголовочный вопрос задается не только с целью привлечь внимание читателя к статье, но предполагается, что в тексте статьи содержится ответ на вопрос, поставленный в заголовке, поэтому такие заголовки должны настроить читателя на получение информации.

Были отмечены два примера заголовков, построенных по одной схеме: сообщение факта – вопрос, связанный с этим фактом: *Беднее на одно яйцо: что думают воронежцы о новой, девятияичной, упаковке?* (К, 15.01.2019); *ДТП в Нижнедевицком районе Воронежской области. Был ли шанс спасти кого-то из восьми погибших?* (К, 17.01.2019).

Т.Н. Николаева замечает, что «эффективность риторического вопроса в том, что он навязывает нужную идею читателю, притягивает внимание читателя, несет в себе интригующую функцию» [Николаева 2016]. Как видим, все заголовочные вопросы ставятся для того, чтобы стимулировать поиск ответа на них, поэтому основная функция вопросительных заголовков – заставить адресата прочитать публикацию и эмоционально отреагировать на информацию, содержащуюся в тексте статьи.

2. Заголовки с восклицательным знаком на конце предложения – 6 примеров

Восклицательный знак, становясь частью заголовочного пространства, выступает в роли прагматического средства речевого воздействия. Заголовки с восклицаниями выражают:

- одобрение: *Лучшие из лучших!* (К, 03.01.2019);
- наставление, пожелание: *Верить и творить!* (К, 03.01.2019); *Читателям – долгие лета!* (К, 11 января 2019);
- радость: *Сезон стартовал!* (К, 11.01.2019); *Память живет!* (К, 24.01.2019).

В данных примерах восклицательный знак выступает в качестве специальной оценочной текстовой пометы.

3. Заголовки с многоточием в конце предложения – 3 примера

Заголовки, заканчивающиеся многоточием, на страницах «Коммуны» однообразны. Все три примера строятся по одной схеме: усеченный прецедентный текст (пословицы), у которого вербализована первая часть пословицы (трансформированной или без трансформации), вторая часть (конец высказывания) заменяется многоточием: *Если долго мучиться...* (К, 11.01.2019); *Что написано пером...* (К, 11.01.2019); *От ремонта до сумы...* (К, 18.01.2019). Предполагается, что читатель сам сможет правильно восстановить конец высказывания.

4. Заголовочные комплексы, включающие два и более предложения – 20 примеров

Одно из требований к заголовку – кратко передавать содержание основного текста. Поэтому в газетах достаточно редко встречаются заголовки, состоящие из 7 и более слов, тем более из нескольких предложений.

Большая часть заголовочных комплексов включает точку, разграничивающую два и более высказывания. Чаще всего такие заголовочные

комплексы строятся на таком приеме, как парцелляция. Парцелляция, с точки зрения Г.А. Ержановой, является «доминирующим приемом создания заголовка» [Ержанова 2010], «важным средством реализации рекламно-экспрессивной функции заголовка» [Цумарев 2003], приемом, усиливающим «эмоциональное, интеллектуальное и информационное воздействие на читателя» [Богоявленская 2013]. Приведем пример: *Помог подняться. И деньги украл. Житель Воронежской области похитил сбережения у пенсионерки* (К, 04.01.2019). Парцеллированные члены всегда предстают как содержащие важную, с точки зрения адресанта, информацию. Точка в таких предложениях подчеркивает и выделяет важную для процесса воздействия информацию, порционные заголовки лучше запоминаются читателями. Однако этот прием используется журналистами крайне редко, он практически отсутствует в заголовках «Коммуны».

В большинстве примеров заголовочные комплексы строятся по одной схеме и содержат два предложения: сообщение факта, происшествия → следствие этого происшествия (события): *В Воронежской области прицеп врезался в автобус. Пострадали водитель и пассажирка 12 лет* (К, 09.01.2019); *В Воронежской области столкнулись пять автомобилей. Два человека погибли, семь пострадали* (К, 10.01.2019); *В Воронежской области в ДТП погиб самарский автомобилист. Его пассажирка травмирована* (К, 11.01.2019); *ДТП с участием четырех автомобилей в Нижнедевицком районе Воронежской области. Трое пострадавших* (К, 12.01.2019); *В Воронежской области оборудуют 180 крещенских купелей. В Воронеже определены 10 мест* (К, 16.01.2019); *Мороз и людская беспечность. В Воронежской области за сутки зарегистрировано 16 техногенных пожаров* (К, 24.01.2019) и др. В основном это материалы о ДТП или каких-либо трагических событиях.

Обратный порядок указанной ранее схемы представлен в заголовочном комплексе: следствие события ← сообщение о событии *Трагедии удалось избежать. В Воронеже 83-летняя женщина забыла закрыть газовую конфорку* (К, 25.01.2019). Инверсивный порядок сообщения информации позволяет дополнительно привлечь внимание читателя.

Инверсия использована и в следующем примере: *О партийной этике, РВИО и спорте. В Воронеже прошла встреча губернатора с депутатом Госдумы Евгением Ревенко* (К, 29.01.2019). Схема данного заголовочного комплекса может быть представлена в следующем виде: тема ← встречи сообщение о событии (встрече).

В следующем примере представлен вариант косвенного сообщения следствия события: *ДТП в Нижнедевицком районе Воронежской области. Был ли шанс спасти кого-то из восьми погибших?* (К, 17.01.2019). Вторая часть представлена в виде риторического вопроса, который однозначно воспринимается читателем – «никто из восьми человек не спасся».

В заголовочных комплексах газеты «Коммуна» отмечен такой прием, как синтаксический параллелизм: *Россиян становится всё меньше. Население Воронежской области тоже сокращается* (К, 16.01.2019). Точка разделяет две части, которые имеют одну и ту же структуру («россиян меньше – население Воронежа сокращается»).

Интерес представляют и заголовочные комплексы, содержащие оценочные части сообщения: *Ночной рекорд. Более 500 самосвалов вывезли с воронежских улиц 5951 кубометр снега* (К, 25.01.2019). Первая часть – оценка («рекорд» = много), вторая часть – конкретизация информации.

Риторический прием используется и в заголовке *Громкое дело. Как одержать победу в борьбе за тишину, если сосед «вооружился» перфоратором* (К, 19.01.2019). Определение «громкое» (дело) при первом чтении и остановке на знаке препинания (точке) вызывает в сознании читателя смысл, отсылающий к преступлению, получившему широкую общественную огласку. Вторая часть актуализирует в сознании читателя значение прилагательного «громкий» в прямом значении – «сильно звучащий, хорошо слышный».

Были отмечены два примера сочетания знаков препинания (кавычки, восклицательный знак, точка), каждый из которых выполняет свою функцию:

- «*Победим рак вместе!*». В *Воронежской области стартовал профилактический месячник*. Кавычки указывают на наименование акции, поддерживающей людей, заболевших раком; восклицательный знак выполняет риторическую функцию – призывает объединиться людям для борьбы с раком и выражает уверенность, что совместная борьба обязательно завершится победой; точка разделяет два высказывания.

- «*Спасибо за труд и творчество!*». *13 января – День российской печати* (К, 11 января 2019). Кавычки указывают на цитирование; восклицательный знак выполняет интонационную функцию – экспрессивная благодарность; точка разделяет два высказывания, второе из которых поясняет первую часть.

Более частотны и разнообразны заголовки со знаками препинания внутри предложения – 189 примеров (89% от общего количества проанализированных заголовков).

5. Заголовки с кавычками – 87 примеров

В составе заголовков газетных текстов «Коммуны» часто используются названия чего-либо (51 пример):

- акции, конкурса, мероприятия: *Более ста юных воронежцев приняли участие в акции «Здоровое поколение»* (К, 24.01.2019); *Третий педагогический конкурс «Урок в музее» проходит в Воронежском литературном музее имени И.С.Никитина* (К, 25.01.2019); *Воронежцы посвятили пробег «Лыжня памяти» 76-й годовщине освобождения города* (К, 24.01.2019); *Воронежцев приглашают принять участие в благотворительной акции «Доктор Книжкин»* (К, 24.01.2019); *Музейная экспозиция «Бои за Воронеж» открыта в школе №19 – победителе конкурса «Смени аватарку»* (К, 28.01.2019);

- наименования транспортного средства: *В Левобережном районе Воронежа на улице Калачеевская сгорел автомобиль «Audi»* (К, 09.01.2019); *В Воронеже на улице 20 лет Октября «Kia Sorento» врезался в автомобиль* (К, 11.01.2019); *На улице 9 Января в Воронеже «Ford Focus» врезался в маршрутный автобус* (К, 28.01.2019);

- наименования ордена, медали, знака отличия: *Губернатор вручил Вячеславу Клеймёнову медаль «За труды во благо земли Воронежской»* (К, 11.01.2019);

- организации, предприятия: *Инициатива «ЕР» вводит презумпцию добросовестности плательщика взносов на капремонт* (К, 11.01.2019); *«Никитинка» приглашает воронежцев на концерт ансамблей «Раздолье» и «Сельские гармонисты»* (К, 13.01.2019); *У воронежской «Балтики» «недолив»?* (К, 24.01.2019); *Воронежский «Факел» вышел из отпуска* (К, 14.01.2019);
- локаций: *В Воронеже пройдут общественные слушания по благоустройству площади Победы, парков «Южный» и «Орлёнок»* (К, 23.01.2019) и др.

Реже многоточие используется для передачи переносного, метафорического значения (34 примера): *Воронежский «дорожный патруль безопасности» расскажет ребятам о ловушках по пути в школу* (К, 14.01.2019); *В Воронежской области сформируют «дорожную карту» по оформлению и продвижению ОЭЗ ППТ «Центр»* (К, 18.01.2019); *«Приросшая» бизнесом и властью черноморская премия «Бал прессы» открывает приём конкурсных заявок* (К, 30.01.2019); *В Воронеже мусорная реформа стартовала на «пятёрку»* (К, 05.01.2019) *Священные «коровы» государства* (К, 09.01.2019); *Настреляли на «серебро»* (К, 11 января 2019); *«Трудовая» победа* (К, 11 января 2019); *Окружной арбитраж оставил без изменения решение о возврате государству «яблоневого» участка в Воронеже* (К, 11.01.2019); *«Тюремное население» в Воронежской области уменьшилось на 4,3 процента* (К, 21.01.2019); *В Воронежской области стоимость «квадрата» нового жилья выросла до 45352 рублей* (К, 22.01.2019); *Дорога в обход Боброва даст району «второе дыхание»* (К, 23.01.2019); *Когда в Воронеже заговорят «умные светофоры»?* (К, 18.01.2019); *Мэр Воронежа предлагает развивать «депрессивные территории»* (К, 18.01.2019); *Воронежский бизнесмен Вадим Ишутин может возглавить федеральную «мусорную» структуру* (К, 15.01.2019); *Воронежские улицы изрядно «посолили»* (К, 24.01.2019)

С помощью кавычек в заголовках оформляется прямая речь, цитаты (12 примеров): *Александр Гусев, Владимир Нетёсов: «Ваш труд укрепляет веру людей в справедливость»* (К, 12.01.2019); *Сенатор Сергей Лукин: «Мы все в неоплатном долгу перед ветеранами Великой Отечественной войны»* (К, 25.01.2019); *«Футбол мне даровал многое»* (К, 15 января 2019) и др.

В 4 примерах заголовков с кавычками используются прецедентные тексты (строки из песен, стихов): *«...И взят был взаймы у Природы я, ставший Её языком»* (К, 29 января 2019); *«Вспомним, товарищ, как бой за Чижовку вели...»* (К, 25 января 2019); *«Вместе весело шагать» по России* (К, 03.01.2019); *Музей о «грустном мире смеха»* (К, 17.01.2019).

6. Заголовки с запятой – 54 примера

Достаточно часто в заголовках встречается запятая:

- запятая при причастных оборотах: *Семейная сказка, рождённая жизнью* (К, 03.01.2019); *В Воронеже росгвардейцы задержали хулиганов, повредивших топором 19 автомобилей* (К, 17.01.2019); *В Воронеже задержан вор, забравшийся на балкон квартиры по водосточной трубе* (К, 18.01.2019); *Воронежцы почтили память воинов Великой Отечественной, погибших в боях за освобождение города* (К, 25.01.2019);

- запятая при однородных членах предложения (перечислении): *И жизнь, и слезы, и топор* (К, 09.01.2019); *Радость в храме, радость в душах людей* (К, 10.01.2019); *Про пенсии, НДС и бесплатный валежник* (К, 11 января 2019 года);

- запятая в сложных предложениях: *Тепло для тех, кто в нём нуждается* (К, 11 января 2019 года); *Объяснили, как поступить в вуз* (К, 15 января 2019); *В Воронеже обрушилась крыша крыльца барбершопа, а в другой парикмахерской произошел пожар* (К, 21.01.2019);

- запятая в предложениях с уточнением: *В Воронежской области за среду, 30 января, зарегистрировано 194 ДТП; В Москве скончался писатель и журналист, земляк воронежцев Евгений Толстых* (К, 22.01.2019).

7. Заголовки с тире – 38 примеров

Тире выполняет в заголовках различные функции:

- тире между подлежащим и сказуемым: *Дети – это Божье благословение* (К, 09.01.2019); *Известный композитор – уроженец Воронежа госпитализирован с инсультом* (К, 21.01.2019);

- тире в неполном предложении: *Курбатовцы – в лидерах* (К, 14.01.2019); *Воспитанники колонии – в роли учителей* (К, 29.01.2019); *На книге и диске – автограф творца* (К, 15 января 2019); *Тротуары в Воронеже – под ледяным панцирем* (К, 16.01.2019);

- тире при уточнении: *Поздравления от Президента в январе получают 475 жителей Воронежской области – ветеранов ВОВ* (К, 16.01.2019); *Воронежские полицейские разыскивают мошенников – «продавцов» испытательного аппарата* (К, 27.01.2019);

- экспрессивное тире: *К выполнению задач – готов. В Воронежской области создан еще один поисково-спасательный отряд* (К, 23.01.2019);

- тире между частями сложного предложения: *В Воронеже проверят – хорошо ли спят водители автобусов* (К, 22.01.2019).

8. Заголовки с двоеточием – 9 примеров

Двоеточие в заголовках обычно помогает оформить цитату, стоит после слов автора, роль которого обычно выполняет публичный человек: *Александр Гусев: Мы должны принять исчерпывающие меры, чтобы больше таких тяжелых аварий не происходило* (К, 18.01.2019); *Мэр Воронежа: Сомневающимся я предлагаю взять лопату и поработать хотя бы час в тяжелых зимних условиях* (К, 18.01.2019); *Александр Брод: В Воронежской области в целом спокойная этноконфессиональная обстановка* (К, 23.01.2019); *Сергей Лукин: Необходимо выработать оптимальную модель перехода на новые правила финансирования строительной отрасли* (К, 30.01.2019). При этом прямая речь как может заключаться в кавычки (дословная цитата), так и может приводиться без кавычек, в этом случае передается только общий смысл высказывания (недословный).

Отмечен только один пример использования двоеточия для введения темы: *Беднее на одно яйцо: что думают воронежцы о новой, девятыяичной, упаковке?* (К, 15.01.2019).

9. Заголовки с многоточием – 1 пример

Был отмечен только один пример с многоточием внутри заголовка: *Укрепить иммунитет помогут имбирь и... ложки* (К, 14.01.2019). Многоточие создает эффект обманутого ожидания.

Среди проанализированных заголовков примеры со скобками в заголовках отсутствуют.

Анализ заголовков региональной газеты «Коммуна» показывает, что чаще всего знаки препинания используются журналистами внутри предложения. Наиболее частотны такие знаки, как кавычки (41%), запятая (25%). Тире используется в 18% заголовков. Редко используются такие знаки препинания, как двоеточие (4%), многоточие (менее 1%).

Достаточно редки знаки препинания в конце заголовков – восклицательный знак и вопросительный знак (по 3%), многоточие представлено единичными примерами (1,4%). Невелико и число примеров заголовочных комплексов (9%).

Reah D. The Language of Newspapers / D. Reah. – London; New York: Routledge: International Ltd, 1998. – 126 p.

Боговяленская Ю.В. Парцелляция газетных заголовков: динамический аспект (на материале газеты «Коммерсантъ») / Ю.В. Боговяленская // Вестник Томского гос. ун-та. – 2013. – № 373. – С. 7-13.

Гальперин И.Р. Стилистика / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1977. – 405 p.

Ержанова Г.А. Синтаксические и когнитивные основы газетных заголовков (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.А. Ержанова. – Алматы, 2010. – 29 с.

Качаев Д.А. Социо-культурный и интертекстуальный компоненты в газетных заголовках (на материале российской прессы 2000-2006 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Качаев. – Ростов-на-Дону, 2007. – 25 с.

Николаева Т.Н. Особенности заголовков якутских газет / Т.Н. Николаева, С.В. Сергучева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2016. – №2 (52). – С. 97-105.

Цумарев А.Э. Парцелляция в современной газетной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Э. Цумарев. – М., 2003. – 25 с.

М.А. Стернина (Воронеж)

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕРИФИКАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ

Аннотация. В статье на материале наименований лиц по прямому родству в русском и английском языках рассматривается возможность верификации результатов контрастивного и сопоставительного анализа национальной специфики лексических группировок с помощью процедур сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований.

Ключевые слова: национальная специфика, сопоставительный анализ, контрастивный анализ, сопоставительно-параметрический метод

Abstract. The paper at the example of names of persons by direct kinship in Russian and English considers the possibility of verifying the results of contrastive and comparative analysis of the national specificity of lexical groups using the procedures of the comparative-parametric method of linguistic research.

Keywords: national specificity, comparative analysis, contrastive analysis, comparative-parametric method

Традиционно исследование национальной специфики лексических группировок проходит с использованием либо сопоставительного, либо контрастивного анализа. Напомним, что если при сопоставительном исследовании каждая лексическая группировка изучается и описывается отдельно, а затем результаты сравниваются и делаются выводы, то при контрастивном анализе последовательно описываются лексические единицы одного языка и все их соответствия в другом языке.

С появлением двух основных процедур сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований: индексализации и шкалирования – появилась возможность по результатам проведенного сопоставительного или контрастивного анализа не просто констатировать наличие или отсутствие национальной специфики, но и определять степень ее проявления.

Так, для сопоставительных исследований используются *шкалы определения степени проявления национальной специфики лексических группировок по отдельным параметрам*, согласно которым в зависимости от численной разницы показателей соответствующих индексов в сравниваемых языках (для параметров, выраженных в процентах) или отношения абсолютных показателей (для параметров, выраженных в абсолютных числах) национально-специфические различия признаются несущественными, видимыми, заметными, существенными, гиперсущественными или сверхгиперсущественными [Стернина 2014, с. 105], а также *шкала выраженности национальной специфики лексических группировок*, согласно которой на основании характера преобладающих национально-специфических различий степень выраженности национальной специфики определяется как неярко выраженная, умеренно выраженная, ярко выраженная, либо гипервыраженная [Стернина 2014, с. 106].

Что касается контрастивных исследований, то степень выраженности национальной специфики контрастивных пар определяется при помощи *шкалы типов переводных соответствий*, в соответствие с которой в зависимости от значений интегрального индекса идентичности лексем соответствия признаются эквивалентными, оптимальными, подходящими, приемлемыми или неподходящими [Козельская 2018, с. 3-4], а также *шкалы выраженности национальной специфики контрастивных пар*, согласно которой, основываясь на преобладании того или иного типа переводных соответствий, национальная специфика также квалифицируется как неярко выраженная, умеренно выраженная, ярко выраженная или гипервыраженная.

Для большей наглядности приведем используемые шкалы выраженности национальной специфики для сопоставительных и контрастивных исследований.

Шкала выраженности национальной специфики лексических группировок

<i>Характер преобладающих национально-специфических различий</i>	<i>Степень выраженности национальной специфики</i>
несущественные и видимые	неярко выраженная
несущественные и заметные	неярко выраженная
несущественные и существенные	умеренно выраженная
видимые и существенные	умеренно выраженная
видимые и заметные	умеренно выраженная
заметные и существенные	ярко выраженная
гипер- и сверхгиперсущественные	гипервыраженная

Шкала выраженности национальной специфики контрастивных пар

<i>Преобладающие типы переводных соответствий</i>	<i>Степень выраженности национальной специфики</i>
эквивалентные и оптимальные	неярко выраженная
подходящие	умеренно выраженная
приемлемые и неподходящие	ярко выраженная
неподходящие и отсутствие соответствий	гипервыраженная

Использование процедур сопоставительно-параметрического метода для обоих видов сопоставительных исследований и, прежде всего, применение для интерпретации полученных результатов однотипных шкал, позволяет сравнить результаты, полученные при сопоставительном и контрастивном исследованиях, и осуществить верификацию исследования национальной специфики семантики. Покажем этот на конкретном лексическом материале.

Так, в проводимом под нашим руководством диссертационном исследовании В.И. Федосовой осуществляется контрастивный и сопоставительный анализ национальной специфики наименований лиц по родственным связям в русском и английском языках. При сопоставительном исследовании подгруппы наименований лиц по прямому родству на основе последовательного применения восьми выраженных при помощи соответствующих индексов параметров: *индекса полисемантической, индекса однозначности лексем группы, индекса первичной денотативной отнесенности к группе, индекса вторичной денотативной отнесенности к группе, индекса первичной и вторичной денотативной отнесенности к группе, индекса первичной коннотативной отнесенности к группе, индекса первичной денотативной и коннотативной отнесенности к группе и индекса принадлежности к исследуемой ЛСГ* существенные различия были зафиксированы только в индексах однозначности лексем группы. По всем остальным параметрам национально-специфические различия оказались несущественными и видимыми, либо было констатировано их отсутствие. Это в соответствии со шкалой выраженности национальной специфики лексических группировок дало исследовательнице право прийти к выводу, что по результатам проведенного сопоставительного анализа национальная специфика наименований лиц по кровному родству в русском и английском языках может быть признана **неярко выраженной**.

В ходе проведенного затем контрастивного анализа данной группировки было исследовано 158 контрастивных пар, среди которых были отмечены эквивалентные, оптимальные, подходящие и приемлемые переводные соответствия. Как было отмечено выше, вывод о типе переводного соответствия делался на основании значений интегрального индекса идентичности лексем в соответствие со шкалой типов переводных соответствий.

Приведем примеры зафиксированных в исследуемой подгруппе отмеченных типов переводных соответствий.

В качестве примера эквивалентных соответствий приведем контрастивную пару *Бабушка – Grandmother*:

Бабушка – Grandmother

• лицо	• лицо
• женского пола	• женского пола
• являющееся матерью отца или матери по отношению к детям своих детей	• являющееся матерью отца или матери по отношению к детям своих детей
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

В семантемах данной пары полностью совпадают все семы, в результате интегральный индекс идентичности лексем равен 100%, что позволяет сделать вывод о том, что лексемы данной контрастивной пары являются эквивалентными.

В качестве примера оптимального соответствия приведем лексемы *Ребенок – Kid*:

Ребенок – Kid

• лицо	• лицо
• мужского или женского пола	• мужского или женского пола
• имеющее мать и/или отца	• имеющее мать и/или отца
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>разговорное</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>американское</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>высокоупотребительное</i>

В семантемах данной пары полностью совпадают денотативные и коннотативные семы, что касается функциональных сем, то из пяти совпадают

только три. В результате интегральный индекс идентичности лексем оказался равным 86,7%, что позволяет признать эти лексем оптимальными соответствиями.

Примером подходящих соответствий может служить пара *Внученька – Grand-daughter*:

Внученька – Grand-daughter

• лицо	• лицо
• женского пола	• женского пола
• рожденное от сына или дочери	• рожденное от сына или дочери
по отношению к родителям	по отношению к родителям
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• ЛАСКАТЕЛЬНОЕ	• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
• <i>разговорное</i>	• <i>межстилевое</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>общенародное</i>
• <i>современное</i>	• <i>современное</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>общераспространенное</i>
• <i>редкое</i>	• <i>употребительное</i>

Денотативные семы данных контрастивных пар полностью совпадают, из двух коннотативных сем совпадает только одна, из пяти функциональных – три. Таким образом, интегральный индекс идентичности лексем составил 70%, что свидетельствует о том, что лексем, составляющие данную контрастивную пару, являются подходящими соответствиями.

В качестве примера приемлемого соответствия приведем лексем *Отец – Pater*:

Отец – Pater

• лицо	• лицо
• мужского пола	• мужского пола
• имеющий сына или дочь	• имеющий сына или дочь
• НЕОЦЕНОЧНОЕ	• НЕОЦЕНОЧНОЕ
• НЕЭМОЦИОНАЛЬНОЕ	• ШУТЛИВОЕ
• <i>межстилевое</i>	• <i>разговорное</i>
• <i>общенародное</i>	• <i>школьное</i>
• <i>современное</i>	• <i>устаревшее</i>
• <i>общераспространенное</i>	• <i>британское</i>
• <i>высокоупотребительное</i>	• <i>редкое</i>

Денотативные семы данной контрастивной пары совпадают полностью, из коннотативных сем совпадает одна, функциональные семы все различны. В результате интегральный индекс идентичности лексем равен 50%, на основании чего данные лексем признаются приемлемыми соответствиями.

В целом из входящих в изученную группировку 158 контрастивных пар 24 являются эквивалентными соответствиями, 70 – оптимальными, 62 – подходящими и 2 – приемлемыми. Преобладание эквивалентных и оптимальных

соответствий дало возможность признать национальную специфику изученных контрастивных пар *неярко выраженной*.

Мы видим, что как сопоставительный, так и контрастивный анализ, проведенный с помощью процедур сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, дали одинаковый результат – национальная специфика исследованной группировки определена как *неярко выраженной*.

Таким образом, исследование одной и той же лексической группировки с помощью разных видов сопоставительного анализа дает возможность верифицировать полученные результаты и подтверждает их объективность. Представляется, что проведение сопоставительно-контрастивного анализа станет успешным инструментом верификации исследований национальной специфики.

Козельская Д.В. Контрастивный семный словарь наименований школьных педагогических работников и учащихся в русском и английском языках / Д.В. Козельская, М.А. Стернина. – Воронеж: РИТМ, 2018. – 90 с.

Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований: монография / М.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2014. – 114 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В.В. Бойченко (Волгоград)

ПРИМЕРЫ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЛЕКСИКИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы изучения лингвострановедческого аспекта русского языка с иностранными студентами на примерах культурно-исторического переосмысления лексики в текстах публицистических и художественных произведений советского периода на военную тему. Автор раскрывает цели и задачи использования страноведческого материала в лексике, показывает методы и приемы лингвокультурологического анализа семантических преобразований языковых единиц. Особо подчеркивается роль преподавателя в реализации дидактических задач, адекватном восприятии языковых явлений иностранными студентами в целях социокультурной адаптации к российскому образовательному пространству, преодолении культурно-исторических барьеров коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, социокультурная адаптация, фоновая лексика

Abstract. The article considers the issues of studying the linguistic and cultural aspect of the Russian language with foreign students using examples of cultural and historical reinterpretation of words in the texts of journalistic and literature works of the Soviet period on a military theme. The author reveals the goals and objectives of using lexical ethnolinguistic material, shows methods and techniques of linguistic and cultural analysis of semantic transformations of linguistic units. The role of the teacher in the implementation of

didactic tasks, adequate perception of linguistic phenomena by foreign students for the socio-cultural adaptation to the Russian educational space, overcoming cultural and historical barriers of communication is emphasized.

Keywords: linguoculturology, intercultural communication, socio-cultural adaptation, teaching vocabulary of a foreign language, background vocabulary

Обучение иностранных граждан в российских вузах предполагает овладение определенным набором общекультурных и профессиональных компетенций, которые позволят им получить высшее образование по избранной специальности.

Коммуникативная компетенция включает в себя, помимо знания о системе русского языка, получение сведений о его национально-культурном своеобразии, особенностях поведения участников речевой коммуникации. Овладение навыками межкультурной коммуникации способствует быстрой социокультурной адаптации и интеграции иностранных студентов в российское образовательное пространство.

Изучение любого иностранного языка предполагает знакомство с культурой, историей и традициями говорящих на этом языке стран, осознание своей национально-языковой идентичности, сравнение и переосмысление многих представлений о национальной самобытности.

Вопросы отражения явлений действительности (истории, культуры, быта, философии, религии, нравственности, права) в языке получили достаточно подробное описание в рамках лингводидактики, лингвострановедения, в частности в преподавании русского языка в нерусской аудитории [Верещагин 1980; Капитонова 1987; Маслова 2014]. Лингвострановедение, не являясь самостоятельной дисциплиной, позволяет расширить и углубить знания ученика об окружающей действительности, адаптироваться к культуре и менталитету носителей языка.

Кроме того, лингвокультуроведение (как элемент методики преподавания русского языка как иностранного) исследует приемы ознакомления изучающих иностранный язык с новой для них культурой через посредство этого языка [Фурманова 1993].

Основными объектами изучения культурологии на занятиях являются безэквивалентная и фоновая лексика, фразеология, невербальные средства общения.

Несмотря на растущее влияние России в мире и активные усилия по формированию многополярного и мультикультурного сообщества независимых государств, часть иностранных обучающихся очень слабо представляет себе условия жизни в России, обладает поверхностными знаниями об истории, культуре, традициях и нормах речевого поведения коммуникантов в нашей стране.

В ходе обучения преподавателям приходится учитывать не только уровень языковых навыков студентов, но и объем фоновых знаний, необходимых для успешного общения и взаимопонимания на уроке. Нередко мы испытываем такие же эмоции, как и персонаж произведений Артура Конан Дойля – доктор Ватсон после монолога Шерлока Холмса о том, какие знания являются полезными и какие – бесполезными. Явные пробелы, по нашему мнению, в

вопросах общецивилизационных знаний и культуры не мешают иностранным студентам избирательно подходить к получению новой информации, руководствуясь прагматичными принципами и целями. Так, например, ориентация на демократические процессы не является однозначным вектором развития для представителей ряда стран африканского и азиатского континентов, где до последнего времени сохранялись модели монархического или тоталитарного способа правления и государственного устройства.

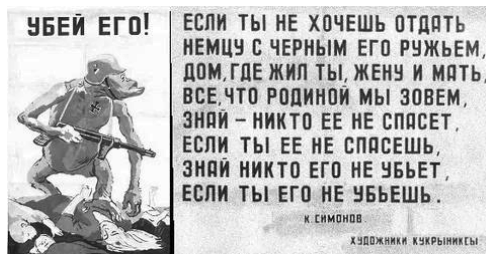
Толерантное отношение к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям не означает отказа от своих собственных взглядов, верований и ценностей.

Так, например, в общении на темы, связанные с историей России, особенно с военными годами, от преподавателя требуется особенно тщательный отбор лексики, иллюстративного материала, адекватно отражающего отношение нашего народа к врагам, посягнувшим на нашу свободу и независимость.

В качестве иллюстрации приведем примеры из конкурсных эссе иностранных студентов на тему «Я к штыку приравнял бы перо», посвященных празднованию Дня Победы.

Так, в эссе студента Э. Зейналова «Плакаты Великой Отечественной войны – оружие в борьбе за победу» анализируются тексты плакатов военного времени, призывающие на борьбу с врагом. Их модальность постепенно менялась по мере усложнения обстановки на фронте, оккупации больших территорий с мирными жителями, многие из которых стали жертвами фашистских зверств. По словам писателя и военного корреспондента Ильи Эренбурга, в начале войны многие красноармейцы не испытывали ненависти к врагам, уважали немцев за культуру быта и были уверены, что немецкие рабочие и крестьяне, которых гитлеровцы поставили под ружье, при первой возможности повернут оружие против своих командиров. «Пришло время развеять иллюзии, – писал Илья Эренбург в статье «Убей!», опубликованной в газете «Красная звезда» 24 июля 1942 г. – Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье».

В текстах плакатов военного времени использовались фрагменты стихотворения Константина Симонова, опубликованного в «Красной звезде» в тот же период, призывающего убивать немцев.

Следовательно, как отмечает автор эссе, слова «немец» и «фашист» стали синонимами, обозначающими безжалостного убийцу, насильника, бездушного

монстра, извращенца. Этому способствовали и изображения немецких оккупантов на плакатах: их рисовали страшными, огромными, уродливыми, кровожадными, направляющими оружие на матерей и детей.

В эссе студента И. Салакая «Современные российские фильмы о Великой Отечественной войне» проанализированы особенности культурно-исторического переосмысления слова «военный» в послевоенные годы. Так, в известных фильмах режиссера Павла Чухрая «Вор» и режиссера Станислава Говорухина «Место встречи изменить нельзя» на фоне криминального сюжета показаны образы преступника, маскирующегося под военного офицера.

В массовом сознании советских граждан послевоенного времени слово «военный» было синонимом слова «герой», который победил коварного и безжалостного врага, вернул свободу миллионам мирных жителей. Поэтому им было сложно поверить в предательство, подлость и жестокость преступников, переодетых в военную форму.

В исследованиях по межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранцев русскому языку обращается внимание на двусторонний характер межкультурного взаимодействия, включающей, с одной стороны, личность обучающегося, и с другой – личность преподавателя, его знание специфики национальной культуры обучающихся [Шевелева 2015].

Для подготовленной аудитории, такой как студенты из стран СНГ, знакомых с культурно-идеологическим фоном советского периода, задача преподавателя заключается в том, чтобы помочь обучающимся увидеть картину «русского мира», адекватно воспринять и оценить языковые явления. В результате анализа эссе и обмена мнениями формулируется вывод о том, что «историческая память народа» находит отражение в языке, и эта связь может длиться до тех пор, пока не исчезнут исторические обстоятельства и их последствия, вызвавшие изменения в отображаемых с помощью слов понятиях.

Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

Капитонова Т.И. Современные методы обучения русскому языку иностранцев / Т.И. Капитонова, А.Н. Щукин. – М.: Русский язык, 1987. – 230 с.

Маслова В.А. Лингвокультурология как наука о наиболее культурноносных языковых сущностях / В.А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 78-89.

Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и лингвострановедение в теории и практике обучения иностранным языкам / В.П. Фурманова. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 1993. – 122 с.

Шевелева С.И. Теоретические аспекты развития межкультурной компетенции иностранных обучающихся на этапе предвузовской подготовки / С.И. Шевелева // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2. – С. 6133-6138.

В.М. Бурунский (Курск)

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ЭПИСТЕМЫ ПЕРЕВОДА

Аннотация. Статья посвящена переводческим аспектам гендерной интерпретации лексем, содержащих оценочные суффиксы. Материалом для настоящего исследования послужил поэтический текст В.С. Высоцкого «Баллада о детстве» и его переводы на английский и французский языки. В результате исследования выявлены трудности перевода, обусловленные как языковыми ресурсами целевых лингвокультур, так и отсутствием четкого авторского указания на гендерные значения указанных лексических единиц.

Ключевые слова: эпистемическая ситуация, аксиологический компонент, гендер, уменьшительно-ласкательный суффикс, гармоничный перевод

Abstract. The article is devoted to the translation aspects of gender interpretation of lexemes containing evaluative suffixes. The material for this study was the poetic text of V.S. Vysotsky "Ballad of Childhood" and its translations into English and French. As a result of the study, translation difficulties were identified, caused by both the language resources of the target linguacultures and the lack of a clear authorial indication of the gender meanings of the specified lexical units.

Keywords: epistemic situation, axiological component, gender, diminutive suffix, harmonious translation

Перевод, являясь динамической системой, связан с понятием эпистемы, которая объединяет пространство знания, познания, понимания. Эпистемическая ситуация представляет собой «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих систематическое влияние на формирование научного текста и определяющих его специфику» [Котюрова 2008, с. 49].

В настоящем исследовании мы обратили внимание на аксиологический компонент эпистемы перевода, который связан, прежде всего, с гармонией и направлен на предпочтения, ожидания и потребности целевой лингвокультуры. Перевод, который является гармоничным для одной лингвокультуры, может быть совершенно неприемлемым для другой [Кушникова 2022].

Уточним, что аксиологический компонент мы трактуем расширительно, т.е. речь идет не только об оценке качества перевода, что является для нас приоритетным, но также об оценочной семантике языковых единиц, подлежащих переводу. В данном случае интересно проанализировать аксиологические семантические сдвиги, которые возможны и даже закономерны при переводе.

Как справедливо отмечает В.Г. Гак, «одному французскому слову в русском языке соответствует несколько слов с различной стилистической

характеристикой» [Гак 2000, с. 19]. Лингвист приводит пример слова *entente*, которое может переводиться на русский язык как *согласие* (положительная характеристика); *соглашение* (нейтральная характеристика); *сговор* (отрицательная характеристика) [Гак 2000, с. 19]. Можно привести и противоположные примеры. Например, русское слово *намерения* может иметь во французском языке нейтральный эквивалент *intentions* и отрицательный *visées* [Гак 2000, с. 19].

Я.И. Рецкер подчеркивает, что «экспрессивная адекватность является решающим моментом при выборе слова в переводе» [Рецкер 1974, с. 134]. Лингвист приводит пример английского слова *grub*, у которого нет стилистического эквивалента в русском языке. Слова *еда* и *пища* являются стилистически нейтральными, а синонимы *жратва*, *шамовка* очень грубы [там же].

А.П. Василенко, изучивший лингвокультурную специфику фразеологизмов из стихотворений Б. Пастернака и их французских аналогов, отмечает, что «все показатели оценок, выявляемые в оригинале, как правило, ослабляются в переводах на французский язык» [Василенко 2006, с. 17].

Например, в английских переводах стихотворения «Гойя» А. Вознесенского, текст которого посвящен ужасам войны, вместо оценочного *баба* используется нейтральное *woman* с неопределенным артиклем: «Я – горло повешенной **бабы**, чье тело, как колокол, било над площадью голой... («I am the gullet of a **woman** hanged whose body like a bell tolled over a blank square» – перевод С. Куница) [Андрей Вознесенский «Гойя» / Andrey Voznesensky "I am Goya" (tania-soleil.com)]. Неопределенный артикль *a* подчеркивает, что речь идет об одной из многих женщин, зверски убитых фашистами. В переводе А. Кнеллера употребляется определенный артикль, и речь уже идет о конкретной женщине: «I'm the throat of the woman hanged, whose body above the courtyard continued to beat like a church bell, glowing» [Андрей Вознесенский «Гойя» / Andrey Voznesensky "I am Goya" (tania-soleil.com)].

Перевод существительных с оценочными суффиксами может также вызывать трудности у переводчиков. Как отмечает В.Г. Гак, «во французском языке непосредственная выразительность в значениях слов представлена слабее, чем в русском» [Гак 1977, с. 97]. Дело в том, что во французском языке меньше, чем в русском, продуктивных суффиксов, выражающих оценочное значение. Поэтому при переводе русских существительных с суффиксами субъективной оценки на французский язык могут быть использованы аналитические сочетания, «где субъективная оценка выражается прилагательными...» [там же].

В качестве методологии исследования выбрана синергетическая модель переводческого пространства Л.В. Кушниковой, согласно которой порождение качественного (гармоничного) текста перевода, смыслы которого соразмерны смыслам текста оригинала, становится возможным в результате синергии гетерогенных смыслов. Данная модель была положена в основу трактовки эпистемы перевода, согласно которой когнитивная деятельность переводчика формирует онтологию перевода, синергия смыслов в переводческом пространстве выступает методологией, порождение качественного (гармоничного) перевода образует аксиологию. В рамках данной статьи мы

сконцентрировали внимание на аксиологическом компоненте эпистемы перевода.

Материалом для анализа послужил поэтический текст В.С. Высоцкого «Баллада о детстве» и различные варианты его переводов на английский и французский языки.

Приведем строки оригинала, содержащие оценочные существительные *соседушка* и *соседочка*:

*Там за стеной, за стеночкой,
За перегородочкой,
Соседушка с соседочкой
Баловались водочкой.*

Смысл этих существительных может быть интерпретирован двояко. Словари указывают на разговорный оттенок, уменьшительно-ласкательный характер слова *соседушка* и возможную принадлежность и к мужскому, и женскому роду [Значение слова СОСЕДУШКА. Что такое СОСЕДУШКА? (kartaslov.ru)]. Значительно реже в словарях встречается слово *соседочка*. Оно определяется как уменьшительно-ласкательное к слову *соседка* и, соответственно, относится к женскому роду [Морфологический разбор слова *соседочка* (how-to-all.com)].

Мы проанализировали девять переводов данных строк (три перевода на французский язык и шесть переводов на английский язык), представленные на сайте wysotsky.com.

Передача представленного фрагмента на английский язык особенно сложна из-за отсутствия в нем женского рода слова *сосед*. Некоторые переводчики выбирают вариант множественного числа без уточнения рода (the neighbours): «The neighbours indulge themselves in drinking vodka» [https://wysotsky.com/1033.htm?1605]. В других примерах подчеркивается, что и «соседушка», и «соседочка» являются женщинами: «Two women were treating themselves; Two women neighbors had some fifths» [Vladimir Vysotsky – English – Ballad About Childhood (wysotsky.com)]. С помощью слова *couple* (пара) переводчик дает понять, что персонажи стихотворения являются семейной парой, т.е. мужчиной и женщиной: «The neighbor couple drank all night» [Vladimir Vysotsky – English – Childhood Ballad (wysotsky.com)]. Аналогичный смысл выражается с помощью местоимений *he* и *she*: «The neighbours there, both he and she, Enjoyed their daily doze of booze» [Vladimir Vysotsky – English – The Ballad of Childhood (wysotsky.com)].

Во французских переводах Жан-Жака Мари и Мишель Кан речь также идет о двух соседках: «Deux petites voisines Se régalaient de vodka» [Vladimir Vissotsky - Français - La ballade de l'enfance (wysotsky.com)]; «La voisine et sa voisine Descendaient vodka sur vodka» [Vladimir Vissotsky - Français - La ballade de l'enfance (wysotsky.com)]. В переводе братьев Беденов говорится о мужчине и женщине: «La voisine et le voisin Se sirotaient de la vodka» [Vladimir Vissotsky - Français - Ballade de l'enfance (wysotsky.com)].

Следует отметить, что в представленных примерах только в одном случае французский переводчик Жан-Жак Мари пытается передать уменьшительно-ласкательное значение аналитическим способом с помощью прилагательного

petit: deux petites voisines. Аналогичным способом переводится лексема *перегородочка: la petite cloison* [Vladimir Vissotsky - Français - Ballade de l'enfance (wysotsky.com)]. В Таблице 1 представлены особенности перевода лексем *соседушка* и *соседочка* из стихотворения В.С. Высоцкого «Баллада о детстве», представленные переводчиками на сайте wysotsky.com.

Таблица 1

**Гендерные стратегии перевода слов *соседушка* и *соседочка*
из стихотворения В.С. Высоцкого «Баллада о детстве»**

(М – мужчина, Ж – женщина)

Авторы переводов	Перевод с уменьш.-ласкат. значением	«М» и «Ж»	«Ж» и «Ж»	«М» и «М»	Пол не определен
Братья Бедены (франц.)		+			
Жан-Жак Мари (франц.)			+		
Мишель Кан (франц.)	+		+		
Елизабет Йелинек (англ.)					+
Илья Шамбат (англ.)			+		
Вячелав Четин (англ.)		+			
Аркадий Янишевский (англ.)			+		
Эжен Дермардикер (англ.)		+			
Сергей Рой (англ.)		+			

Следующим этапом лингвопереводческого анализа послужило привлечение студентов к переводу данного поэтического текста.

В исследовании приняли участие студенты факультета иностранных языков, изучающие французский и английский языки как первый иностранный. В нашем распоряжении оказалось 26 вариантов перевода данного фрагмента (19 переводов на французский язык и 7 переводов на английский язык).

В Таблице 2 представлены особенности студенческих переводов лексем *соседушка* и *соседочка* из стихотворения В.С. Высоцкого «Баллада о детстве».

Отметим, что для образования уменьшительно-ласкательного значения один из переводчиков-студентов использует французские суффиксы *et* и *ette*, образуя неологизмы *voisinet*, *voisnette*. Другой переводчик использует прилагательное *chouette*, придавая одному из персонажей В.С. Высоцкого черты дружелюбности, добродушия, благожелательности: «Là, derrière le mur, derrière le petit mur, derrière la cloisonnette, La voisine avec une chouette voisine s'amusaient avec un peu de vodka» (переводчик 16). Еще один студент в переводе на английский язык также использует аналитический способ, выбирая устойчивую группу прилагательных *good old*, придавая фразе положительный оттенок: «There, by the wall, by the small wall, behind the room splitter, good old neighbor and his wife toyed with aqua vitae» (переводчик 26). Сопоставительный анализ переводов, представленным на сайте wysotsky.com и работ, выполненных студентами, позволяет сделать следующие выводы.

Таблица 2

**Гендерные стратегии студенческих переводов слов *sosедушка* и *sosедочка*
из стихотворения В.С. Высоцкого «Баллада о детстве»**

(М – мужчина, Ж – женщина)

Переводчики	Перевод с уменьш.-ласкат. значением	«М» и «Ж»	«Ж» и «Ж»	«М» и «М»	Пол не определен
Переводчик 1 (франц.)		+			
Переводчик 2 (англ.)		+			
Переводчик 3 (франц.)	+		+		
Переводчик 4 (франц.)			+		
Переводчик 5 (франц.)			+		
Переводчик 6 (франц.)			+		
Переводчик 7 (франц.)			+		
Переводчик 8 (франц.)				+	
Переводчик 9 (франц.)			+		
Переводчик 10 (франц.)			+		
Переводчик 11 (франц.)		+			
Переводчик 12 (франц.)		+			
Переводчик 13 (франц.)					+
Переводчик 14 (англ.)					+
Переводчик 15 (франц.)		+			
Переводчик 16 (франц.)	+	+			
Переводчик 17 (франц.)				+	
Переводчик 18 (франц.)		+			
Переводчик 19 (франц.)			+		
Переводчик 20 (франц.)		+			
Переводчик 21 (франц.)		+			
Переводчик 22 (англ.)		+			
Переводчик 23 (англ.)					+
Переводчик 24 (англ.)					+
Переводчик 25 (англ.)					+
Переводчик 26 (англ.)		+			

1. Оценочная семантика языковых единиц может служить одним из маркеров оценки качества перевода. Так, только трое из всех переводчиков используют лексические средства для передачи уменьшительно-ласкательных суффиксов в словах *sosедушка* и *sosедочка*. Это может быть связано как с отсутствием достаточного количества адекватных средств для передачи оценочных значений русского языка во французском и английском, так и с высоким уровнем выполнения перевода отдельными переводчиками. В то же время переводы лексических единиц *sosедушка* и *sosедочка*, выполненные без использования оценочных средств, т.е. с определенными семантическими

сдвигами, можно также считать гармоничными. В данном случае, на наш взгляд, приоритетным фактором является сохранение гендера авторских персонажей.

2. Отметим, что количество переводов, интерпретирующих слова *sosedushka* и *sosedochka* как «две женщины», и как «мужчина и женщина» приблизительно равное. Оба переводческих решения точны и подтверждаются данными словарей. В то же время переводы, идентифицирующие двух персонажей «мужчинами» можно считать дисгармоничными как следствие переводческой неточности.

3. Нами были проанализированы переводы (5 переводов студентов и 1 перевод с сайта), в которых не указывается на половую принадлежность персонажей баллады В.С. Высоцкого. Данные переводы мы также считаем адекватными и гармоничными, так как в самом стихотворении нет четкого указания на определенный род существительных *sosedushka* и *sosedochka*. Подобные аксиологические семантические сдвиги мы считаем закономерными.

Данная статья была направлена на изложение некоторых проблем аксиологии перевода. По нашему мнению, в данном случае исследуются две проблемы и решаются две исследовательские задачи. С одной стороны, речь идет об оценочной семантике лексических единиц, подлежащих переводу. С другой стороны, мы говорим об оценке качества перевода. Данные задачи тесно взаимосвязаны, а качество интерпретации оценочного значения лексики влияет на качественный перевод. В настоящем исследовании мы уделили особое значение переводу существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами русского языка. Трудности переводчиков возникли в связи со сложностью гендерной интерпретации лексем, содержащих оценочные суффиксы. Нам представляется перспективным исследование данных переводов с точки зрения их выполнения переводчиками-мужчинами и переводчиками-женщинами, а также с точки зрения исследования языковой личности переводчиков. Такого рода исследования могут приблизить лингвистов к решению актуальных задач переводоведения.

Василенко А.П. Фразеология Б. Пастернака в русской оригинальной поэзии и французских переводах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.П. Василенко. – Курск, 2006. – 19 с.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М., Междунар. отношения, 1977. – 264 с.

Гак В.Г. Теория и практика перевода. Французский язык / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – М.: «Интердиалект+», 2000. – 456 с.

Котурова М.П. Культура научной речи. Текст и его редактирование / М.П. Котурова, Е.А. Баженова Е.А. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 280 с.

Кушнина Л.В. О метаязыке перевода в свете современной эпистемической парадигмы / Л.В. Кушнина // Филология в XXI веке. – 2022. – №1. – С. 43-53.

Перевод стихотворения А. Вознесенского «Гойя» на английский язык. Режим доступа: <https://www.tania-soleil.com/andrey-voznensensky-i-am-goia/> (дата обращения 30.06.2024).

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И. Рецкер. – М.: «Международные отношения», 1974. – 216 с.

Слово «соседочка» (морфологический разбор). – Режим доступа: <https://how-to-all.com/морфология:соседочка> (дата обращения 30.06.2024).

Слово «соседушка» (значение). – Режим доступа: <<https://kartaslov.ru/значение-слова/соседушка> (дата обращения 30.06.2024).

Vysotsky V. in different tongues (коллекция переводов стихотворений В.С. Высоцкого) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wysotsky.com> (дата обращения 14.03.2024).

*У. Дж. Камбаралиева, З. Ж. Байгашкаева
(Бишкек, Кыргызская Республика)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И КИРГИЗОВ

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация образа родины в языковом сознании русских и киргизов. Современное мультикультурное общество, в котором наблюдаются интенсивные межкультурные связи, обуславливает актуальность исследования языковых сознаний. В репрезентации образа родины в языках одним из главных средств становится метафора.

Ключевые слова: языковое сознание, репрезентация, образ, интерпретация, метафора

Abstract. The article deals with the representation of the image of homeland in the linguistic consciousness of Russians and Kyrgyz. Modern multicultural society, where intensive intercultural relations are observed, determines the relevance of the study of language consciousnesses. Metaphor becomes one of the main means in the representation of the image of homeland in languages.

Keywords: language consciousness, representation, image, interpretation, metaphor

На современном этапе одним из часто употребляемых терминов в лингвистике является «языковое сознание», обозначающее «совокупность ментальных механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, т.е. ментальные механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека» [Попова 2007, с. 45]. Оно охватывает различные фиксируемые в сознании ментальные образы, которые вербализуются в зависимости от «коммуникативной значимости» (И.А. Стернин) для членов определенной лингвокультуры и приобретают формы в виде языковых средств – лексических единиц и их систематизированных группировок различных структур.

Языковое сознание не только антропоцентрично, но и этноцентрично, поскольку «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, т.к. сознание человека всегда этнически обусловлено» [Леонтьев 1993, с. 20]. Ярким показателем антропоцентричности природы языкового сознания является то, что в картину мира, отражающейся в ментальной структуре, также входит все, что связано с субъектом действия.

В формировании языкового сознания главными факторами создания его компонентов выступают этнос, нация и культура. Способом актуализации языкового сознания, имеющего психолингвистическую и когнитивную

сущность, является процесс коммуникации. В нем ярко выявляется этнокультурная специфика каждого образа, поскольку это является результатом этнической обусловленности сознания человека и отражает особенности восприятия и понимания действительности, систему предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем представителей отдельного лингвокультурного сообщества. Указанные особенности, отраженные в особых ментальных единицах и названные в когнитивном языкознании концептами, в большинстве своем могут быть отражены на родном языке носителя национального языка.

Этническая обусловленность сознания человека дала возможность исследователям обобщить эту особенность в понятии «этническое сознание». Такой тип сознания ученые определяют как «ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» [Привалова 2005, с. 123]. По их мнению, этническое сознание – инвариантный образ мира, который культурно обусловлен и соотнесен с особенностями национальной культуры и национальной психологии [там же]. Отсюда следует, что к нему относится как осознанное, структурированное и в какой-то мере вербализованное знание, так и неосознанное, которое по мере необходимости может быть также актуализировано в лингвокультурном сообществе. И поэтому, как отмечают исследователи, структура этноязыкового сознания может быть представлена как совокупность единиц лингвистического, когнитивного и культурного пространств [Привалова 2005, с. 123].

Следовательно, этноязыковое сознание характеризуется наличием элементов национальной культуры, общечеловеческих понятий и индивидуальных интерпретаций указанных явлений средствами языка. Но специфика восприятия мира и его понимания представителями различных этнокультурных сообществ напрямую связаны с образами, имеющими ментальную сущность, а не особенностями сознания. Ментальные образы формируются под влиянием различных факторов, к числу которых относятся территориально-географические, климатические и социально-исторические условия жизни тех или иных этносов.

Исследование образов сознания, содержащих результаты когнитивно-оценочного опыта познания окружающей действительности представителями определенной лингвокультуры, дает возможность извлечь универсальные и этнически специфические информации и выявить своеобразие этноязыкового сознания определенного народа.

Понятие образа является объектом изучения многих научных областей, что связано с неоднозначностью и многогранностью его содержания. В дефинициях словарей демонстрируются различные позиции ученых относительно его сущности. Например, в толковом словаре С.И. Ожегова «образ» определяется как «обобщенное художественное отражение действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления» [Ожегов 1986, с. 372], т. е. образ как категория сознания возникает в результате мировосприятия и миропонимания, превращаясь в процессе коммуникации в языковой образ, переходя в категорию языкового сознания. «Образность» означает отражение

значения предмета, явления в ассоциативной связи с другими предметами и явлениями. В процессе вербализации образ участвует в системе новых ассоциативных отношений, которые используются в моделировании определенного явления национальной языковой картины мира. Как отмечали З.Д. Попова и И.А. Стернин, для объективации явлений культуры большую роль играет способность концептов трансформироваться, подвергаясь в языковом сознании переосмыслению и обобщению [Попова 2007].

Следует отметить, что в различных трудах часто параллельно используются термины «образ» и «имидж», иногда они даже не разграничиваются, хотя предпринимаются попытки дифференцировать эти понятия. Некоторые из исследователей приходят к выводу, что «образ» является наиболее широким понятием, включающим в себя понятие «имидж» как одно из его составляющих [Гринберг 2006]. Мы тоже согласимся с указанным мнением.

Как показали проведенные нами исследования, образ может иметь объективное содержание, когда он складывается на основе полученных в реальности впечатлений. Например, в результатах анкетирования респондентов из других стран были выявлены когнитивные признаки образа Кыргызской Республики, которые позволили дополнить общую структуру понятия этой страны новыми элементами. В содержании образа, сложившегося в сознании представителей разных этнокультур по недостоверным источникам, много стереотипных представлений, поэтому такой тип образа может быть назван субъективным. Мнение представителей определенной этнокультуры о себе или о своей стране также часто содержит много субъективных элементов. Эти мнения могут иметь либо гиперболизированное положительное содержание, либо, наоборот, могут быть резко отрицательными [Камбаралиева 2021, с. 96]. Одним из исследователей выделяется также идеальный тип образа, который искусственно создается в этнокультурном сообществе с целью совершенствования представлений у адресата о каком-либо явлении. Этот тип образа называют имиджем [Гринберг 2006].

Следовательно, образ-ментефакт (термин английского биолога Дж. Хаксли, в лингвистику его ввел советский и российский ученый Ю.А. Сорокин в значении «план-образ») имеет естественное происхождение, формируясь в сознании людей в результате реального контакта с тем или иным явлением, а имидж – это ментефакт искусственной природы, создается целенаправленно при помощи различных средств и приемов для достижения конкретных целей, касающихся самых разнообразных сфер деятельности человека.

На современном этапе концепцию образа исследуют в русле имагологии [термин ввел Х. Дизеринком], являющейся разделом сравнительного литературоведения и изучающей особенности выраженного в художественных текстах национального сознания, а также экспликацию культурных стереотипов, сравнения и противопоставления образов своего и чужого [Полякова 2016, с. 7]. Исследователями имагология определяется как «изучение духовного образа народа с точки зрения иного национального сознания» [Чернец 2008, с. 6].

Сравнительное изучение образов стран и народов в наше время имеет огромное значение, когда в повестке дня самым важным вопросом становится проблема мирного сосуществования государств и урегулирования всех видов

конфликтов мирным путем. Адекватное и научно верное сравнение образов государств с учетом принципа «презумпции ценности национальных элементов, соответствующих требованиям общечеловеческих морально-этических законов» [Камбаралиева 2021] позволяет избежать этноцентризма, который определяется как мировоззрение, согласно которому окружающая действительность рассматривается и оценивается с позиции предпочтения своей этнической группы и культуры, выдвигающихся в качестве эталона [Стефаненко 2000]. На формирование образа государств, как России, так и Кыргызской Республики, может влиять целое множество факторов. Из них важными являются такие, как культурный, социально-исторический, локально-географический, социально-политический и социально-психологический фактор.

Этноязыковое сознание можно исследовать как на лингвистическом, так и на психолингвистическом уровнях, поскольку рассмотрение явлений различными методами из разных позиций может дать наиболее полную картину и дополнить ее новыми фактами. Как отмечает И.А. Стернин, изучение языкового сознания на психолингвистическом уровне предполагает анализ не только лексикографического значения слова, но и психолингвистическое описание семантики слова психолингвистическими методами – ассоциативными экспериментами и методом субъективной дефиниции, которые дают возможность выявить образ в том виде, в котором они бытуют в сознании человека [Стернин 2018, с.14].

Исходя из этого, основой нашего исследования является анализ сформированных на основе экспериментов ассоциативных полей, которые могут продемонстрировать содержание информации о родине в языковом сознании представителей русской и киргизской этнокультур. В качестве материала нашего исследования нами были использованы данные толковых словарей, «Русского ассоциативного словаря» [РАС 2002] и результаты ассоциативного эксперимента.

Первый эксперимент был проведен среди носителей киргизского языка киргизской национальности. В нем участвовали студенты и преподаватели вузов (18-70 лет в количестве 100 чел., 50 женщин и 50 мужчин).

Также была предпринята попытка получить новые данные от носителей русского языка русской национальности из Российской Федерации (второй эксперимент), находившихся в Кыргызской Республике в 2021-2024 гг. по разным причинам (туристы, релоканты, студенты, мигранты и эмигранты). Участников эксперимента было также 100 человек разных возрастов (от 18 до 80 лет, 50 женщин и 50 мужчин).

Прежде чем выявить психолингвистическим способом общие когнитивные признаки сравниваемого образа родины в этноязыковом сознании русских и киргизов, необходимо уточнить дефиниции слов-стимулов **«родина»** и **«мекен»** в словарях. Зафиксированное в них слово «родина» на русском и «мекен» на киргизском языках имеют почти одинаковое лексикографическое толкование. Например, в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова «родина» определяется как 1. Отечество, родная страна. 2. Место рождения, происхождения кого-чего-нибудь, возникновения чего-нибудь [Ожегов 1986, с. 592]. В русско-киргизском словаре К.К. Юдахина дается определение, эквивалентное вышеуказанному: 1. Ата мекен, мекен (отчизна). 2. Тууган жер,

туулган жер, туулган өлкө (место рождения). 3. Чыккан жер (место возникновения чего-л.) [Юдахин 1957, с. 739]. Следовательно, семантическая структура слов «родина» и «ата мекен» в русском и киргизском языках в целом совпадает.

Ассоциативные реакции участников эксперимента, составляющие логико-понятийный компонент ассоциативного поля, были подвергнуты когнитивной интерпретации, что позволило выявить различные метафорические образы и трансформации основного лексикографического содержания.

Несмотря на наличие в семантической структуре слов обоих языков **«родина»** («отчизна») и **«мекен»** («ата мекен») маскулинного оттенка – «земля отцов», в реакциях участников чаще наблюдается сравнение родины с матерью. У представителей русской лингвокультуры эта реакция («мать», «матушка») оказалась доминирующей (21%). Это также было зафиксировано в «Русском ассоциативном словаре». По уровню рекуррентности затем стоит название страны «Россия» (15%), далее расположились такие ответы, как «отечество/отчизна» (12%), «земля предков и отцов» (11%), «родная»/ «своя земля» (9%), «страна»/ «государство» (8%), «гордость и любовь» (7%), «береза» (4%), «дорога»/ «путь» (3%), «ностальгия» (2%), «опора» (1%). Среди ответов респондентов русской национальности также встречались ответы негативного содержания: «мачеха» (2%), «война» (2%), «агрессор» (2%) и др.

У представителей киргизской лингвокультуры слово-стимул «мекен» («родина») в большинстве случаев ассоциируется с названием страны или же главным символом государства – горами (94 % страны – горы): «Кыргызстан», «Кыргызская Республика», «горная страна киргизов», «страна гор – Кыргызстан» (16%). Также на это слово-стимул «мекен» («родина») от представителей киргизской лингвокультуры были получены такие реакции, как «ата мекен»/ «ата-журт» (отчизна, земля отцов) (11%). Образ матери был использован в сравнительных конструкциях с аффиксом *-дай*: «ападай»/ «энедей» (как мама) + мээримдүү (добрая), «кең пейил ападай» (как мама с широкой душой) (11%). Некоторые респонденты родину ассоциируют с эпическим героем – Манасом Великодушным (главный персонаж самого объемного в мире эпоса «Манас») (5%). От некоторых участников эксперимента получены ответы, в которых в качестве ответов на слова-стимулы были даны символы быта прошлой или настоящей жизни киргизского народа. Например, «ак калпак» (белый национальный головной убор мужчин, 5%), всадник с беркутом на фоне белоснежных вершин (5%), белый барс (5%), флаг (5%), сивый скакун, бегущий по горам (4%), белая юрта (3%), герб (3%), цветок Айгуль (эндемик) (3%) и др. Некоторые респонденты в своих ответах ограничились эпитетами слова «родина»: «бедная» (т.е. неимущая, 2%), «несчастливая» (2%), «древняя» (2%), «сильная духом» (2%). Часть респондентов в своих ответах отразили персонифицированные образы. Например: «наша родина – это маленький, несчастный ребенок-сирота в рваной одежде, смотрящий в рот старшим» (1%); «наша родина – седобородый старец в дырявой одежде, с котомкой и палкой, идущий по пыльной дороге» (1%); «кочевье с длинным рядом усталых людей на изможденных лошадях» (1%); «караван, состоящий из людей, восседающих на разных видах животных (в зависимости от социального

статуса – кто-то на верблюде или на коне, а кто-то на осле; кого-то везут, а кто-то тащит на себе тяжелую арбу со скарбом)» (1%). В ответах некоторых участников отразились события, произошедшие в истории государства и связанные с ними ассоциации («революции», 3%), «Кыргызстан – наш общий дом» (слова первого президента страны – А. Акаева, т.е. «общечитие», 3%), «демонстрации» (2%), «война» (2%), «надежда» (1%), «будущее» (1%) и др.

Таким образом, содержание и структура образа родины в этноязыковом сознании представителей русской и киргизской лингвокультуры, нашедших отражение в ассоциативных полях, имеют как универсальные, так и национально-специфические компоненты. Их соотношение зависит от субъективно-семантического пространства личностных конструктов и субъективных категорий, которые способствуют мировосприятию и миропониманию человека в рамках определенного этнокультурного сообщества. В формировании образа родины в языковом сознании представителей русской и киргизской этнокультуры на первый план выдвигается индивидуальный, зачастую субъективный образ, основанный на индивидуальном опыте восприятия предметов или явлений окружающей действительности. Когнитивная многоплановость зависит от объема и уровней личностных конструктов, поэтому чем шире их объем, тем разнообразнее и богаче результаты мировосприятия личности.

В структурировании ассоциативных полей «родина» и «мекен» важную роль выполняет метафора. Метафора как основной способ репрезентации образа родины в языковой форме дала возможность участникам эксперимента интерпретировать полученные ранее результаты познания мира и выразить их в виде новых дополнительных знаний об одном из важных понятий в жизни русских и киргизов.

Из всех смысловых компонентов, присутствующих в структуре ассоциативных полей, доминирующим стал понятийный компонент, который был представлен парадигматическими реакциями в виде конкретных и абстрактных имен существительных (страна, земля, береза, опора, ностальгия, флаг, горы, юрта и др.). Отметим, что в ответах респондентов киргизской национальности часто используется словосочетание, составленное по формуле: $N_{adj} + N_s$, т.е. колоративное прилагательное «ак» – «белый» + существительное. Это связано с традицией и законами киргизского народа, по которым цвета играют большую роль в невербальной коммуникации киргизов. В частности, белый цвет всегда символизирует высокий статус, чистоту души, помыслов и доброту [Камбаралиева 2021].

Общим в структуре ассоциативных полей языкового сознания носителей русского и киргизского языков является чувство любви и уважения к родине, поэтому ценностно-смысловой компонент в обеих этнокультурах в первую очередь выражен образом матери. Несмотря на доминирующий патриархальный уклад жизни киргизов, образ женщины как матери, дающей жизнь, часто ассоциируется с образом родины. В русской этнокультуре издревле символом России является женщина, которая «коня на скаку остановит» или как Родина-мать позовет народ на борьбу с врагами, поэтому реакция респондентов была ожидаемой. На периферийной части структуры ассоциативного поля,

составленной из реакций представителей киргизской этнокультуры на слово-стимул «мекен» («родина»), были выявлены факты синтеза ценностных и эмоциональных смыслов в сравнительных конструкциях поэтического содержания (родина как маленький несчастный ребенок-сирота в рваной одежде, как старец-путник в дырявой одежде). Эмоциональный компонент выражает в целом реакции, связанные с личными опытами респондентов в эмоциональной сфере их жизни.

Как показал результат исследования, в этноязыковом сознании представителей той или иной лингвокультуры происходят различные трансформации как следствие новых опытов в мировосприятии, которые потом находят свое отражение в их речи. Это можно увидеть в данных ассоциативного словаря и нашего эксперимента: слово-реакция «береза», воспринимаемая как символ России, с ядерной части переместилось к периферийной, также появились новые образы России как «путь», «опора» и т.д. Следовательно, смысловые и эмоциональные оттенки значений ассоциативных полей, составляющие разницу в структурно-семантическом плане, связаны с особенностями этнокультуры и менталитета. Человек в своем этнокультурном сообществе получает различные ментальные установки положительного или отрицательного содержания, поэтому выявление специфики этноязыкового сознания в исследованиях и использование их в методических целях в образовательном процессе способствуют формированию толерантного отношения к «другой» культуре и помогают избежать этноцентризма, а также создают условия для улучшения взаимопонимания между людьми.

Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели (Эл. ресурс) / Т.Э. Гринберг // Медиаскоп: электронный научный журнал. – 2006. – №2. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/252> (дата обращения: 12.10.2024).

Камбаралиева У.Д. Русское и киргизское коммуникативное поведение / У.Д. Камбаралиева, И.А. Стернин. – Воронеж: РИТМ, 2021. – 315 с. (Эл. ресурс). – URL: <http://sterminia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/491-russkoe-i-kirgizskoe-kommunikativnoe-povedenie>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46498749> (дата обращения: 12.10.2024)

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира / А.А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – С. 16-21.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.

Полякова О.А. Истоки отечественной имагологии / О.А. Полякова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – №7 (июль). – (Эл. ресурс). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16155.htm>. (дата обращения: 12.10.2024).

Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) / И.В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ, Астрель, 2002. – 782 с.

Русско-киргизский словарь / Под ред. К.К. Юдахина. – Бишкек, 2000. – 992 с.

Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания: монография / И.А. Стернин. – Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, изд. «Полилингва», 2018. – 200 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М.: Институт психологии РАН, Академический проект, 2000. – 320 с.

Чернец Л.В. О тематике компаративистских исследований / Л.В. Чернец // Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. – М.: Высшая школа, 2008. – 352 с.

С.А. Кириллов (Воронеж)

**КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ТЕОРИИ ТЕКСТОВЫХ СИСТЕМ
КАК ОСНОВА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
«МОЛИТВА» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК).
ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕКСТА**

Аннотация. В статье приводится анализ текста М.Ю. Лермонтова «Молитва» жанровой отнесенности «литературная молитва» в соответствии с герменевтикой текста как стратегией его анализа и типологией смыслов текста как тактикой его анализа. Привлечение междисциплинарных данных и утвердившихся в филологии когнитивных технологий позволяет выявить смыслы текста при рассмотрении последнего как единства систем языка, речи и стиля.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, когнитивные технологии, герменевтика текста, типология смыслов, теория текста

Abstract. The article gives an analysis of the text "The Prayer" by M. Lermontov of the genre "literary prayer" in accordance with the hermeneutics of text as a strategy of its analysis and typology of text meanings as a tactic of its analysis. The attraction of interdisciplinary scientific data and established in philology cognitive technologies lets reveal the meanings of the text when considering it as unity of language, speech and style systems.

Keywords: intercultural communication, cognitive technologies, hermeneutics of text, typology of meanings, text theory

Цель данного исследования – выявление когнитивных технологий, используемых в оригинале текста (текст стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва») и его переводе на английский язык (перевод Л.С. Перкинса).

I. Обратимся к анализу оригинального текста стихотворения М.Ю. Лермонтова.

Определенные в современной теории текста аспекты предполагают анализ текста в следующих стратегиях: герменевтика текста (и типология смыслов как ее тактика), лингвистика текста (и типология пространственных и временных значений как ее тактика), стилистика текста (и типология стилей текста как ее тактика), а также речевая системность текста (и типология факторов и принципов системности текста как ее тактика).

С акцентированием системного аспекта языка, речи и стиля в тексте рассмотрим оригинальный текст М.Ю. Лермонтова «Молитва» жанровой отнесенности «литературная молитва» в аспекте герменевтики текста как стратегии его анализа и типологии смыслов текста как тактики его анализа.

МОЛИТВА

*В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...* [Лермонтов 1989, с. 35]

Энциклопедический смысл (тема всего произведения) – «помощь молитвы в любых жизненных обстоятельствах». Косвенным маркером доминантного смысла «покаяние» является серия синтагм: *в минуту трудную – молитву чудную – сила благодатная – бремя скатится*.

В анализе текста важно учитывать, что в составе серии энциклопедического и других слов, во-первых, выступают факты языка, и они выражают различительное означивание денотатов [Соссюр 1977] в плане лексической семантики, категориальных значений, синтаксемных признаков и синтаксических функций. Во-вторых, входя в текст, синтаксемы в результате нейтрализации погашают роль средств языкового различения денотатов. В-третьих, на основе речевого отождествления микросмыслов денотатов синтаксемы получают роль сходного означивания речевого доминантного смысла [Припадчев 2004].

Так, в состав серии энциклопедического смысла входят синтаксемы и синтагмы, различающиеся по множеству признаков.

1. По лексической семантике:

1) *в минуту* (короткий промежуток времени, мгновение) *трудную* (тяжелый, тяжкий, заключающий в себе неприятности, большие затруднения);

2) *молитву* (канонический словесный текст, произносимый верующими при обращении к их богу) *чудную* (прекрасный, исполненный удивительной красоты, прелести);

3) *сила* (источник чего-н., какой-н. деятельности, явления) *благодатная* (признак по значению «свыше ниспосланная сила, помощь»);

4) *бремя* (тяжелая ноша, обычно перен. – тяжесть) *скатится* (катясь по наклону, спуститься).

2. По категориальному значению:

1) *в минуту* (предметность) *трудную* (признак);

2) *молитву* (предметность) *чудную* (признак);

3) *сила* (предметность) *благодатная* (признак);

4) *бремя* (предметность) *скатится* (действие).

3. По синтаксемным признакам:

- 1) *в минуту* (существительное, нарицательное, неодушевленное, ж. р., 1 скл., В. п., ед. ч.) *трудную* (прилагательное, качественное, В. п., ед. ч., ж. р.);
- 2) *молитву* (существительное, нарицательное, неодушевленное, ж. р., 1 скл., В. п., ед. ч.) *чуждую* (прилагательное, качественное, В. п., ед. ч., ж. р.);
- 3) *сила* (существительное, нарицательное, неодушевленное, ж. р., 1 скл., И. п., ед. ч.) *благодатная* (прилагательное, относительное, И. п., ед. ч., ж. р.);
- 4) *бремя* (существительное, нарицательное, неодушевленное, ср. р., разноскл., И. п., ед. ч.) *скатится* (глагол, совершенный вид, непереходный, 2 спряжение, изъявительное наклонение, ед.ч., настоящее время, 3 лицо).

4. По синтаксической функции:

- 1) *в минуту* (обстоятельство) *трудную* (определение);
- 2) *молитву* (дополнение) *чуждую* (определение);
- 3) *сила* (подлежащее) *благодатная* (определение);
- 4) *бремя* (подлежащее) *скатится* (сказуемое).

Под влиянием текста языковое различительное означивание денотатов нейтрализуется, то есть отводится на второй план. В результате синтаксемы получают речевую функцию сходного означивания доминантного смысла «помощь». В речевых сериях с другими смыслами доминантный смысл конкретизируется. Так, первый компонент *смысловой сигнификативной модели текста* – «сомнение». Во многом прямыми маркерами выступают синтагмы: *в минуту трудную – теснится грусть*. Второй компонент – «упование». Его косвенные маркеры – серия синтагм: *молитву чуждую – сила благодатная – слов живых*. Третий компонент – «обретение себя». Его косвенные маркеры – серия синтаксем и синтагм: *как бремя скатится – верится – легко – легко*. Таким образом, смысловая сигнификативная модель вертикального развертывания текста выглядит так: «сомнение» – «упование» – «обретение себя».

Контекстуальный смысл (микротема текста) – «чудотворность молитвы при уповании на нее». Во многом прямыми маркерами данного смысла выступает серия синтагм: *молитву чуждую – сила благодатная – слов живых – святая прелесть*. Требуется внимания то, что слово в речи полифункционально и может быть связано с выражением разных смыслов.

В анализе текста следует разграничивать две группы понятий.

1. «Словесный ряд», «текстообразующие единицы» и «речевая серия» [Припадчев 2004].

Понятия «словесный ряд», «текстообразующие единицы» являются предварибельными. В них не акцентируется понимание текста как единства языка, речи и стиля. В понятии «речевая серия», напротив, в качестве фонов принимаются и язык, и стиль текста, но акцент делается на речи вслед за лингвистикой речи Фердинанда де Соссюра.

2. «Парадигма», «поле» [Prsen 1924; Trier 1931].

Это термины не теории речи или лингвистики речи о сходном означивании, а термины теории языка о различительном означивании денотатов. Например, по разным значениям в парадигме склонения: И. п. – грамматическое значение действителя, Р. п. – принадлежности, Д. п. – адресата, В. п. – объекта; Т. п. –

орудийности, П. п. – места; или по критерию частотности лексем в поле: ядро поля маркируют лексемы высокой частотности, периферию – низкой.

В отличие от смоделированных исследователями и лишь потенциально коммуникативных парадигм и полей, речевая серия реальна как знаковая основа коммуникативной функции речи. Суть этой функции речи заключается в трансляции смысловой модели: «сомнение» – «упование» – «обретение себя».

Речевая серия синтаксем и синтагм выделяема по теории множеств [Кантор 1985, с. 184]. Объем серии определяется по теории вероятности [Яглом 1957, с. 17].

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации) – «обращение лирического героя к лицу иной реальности». Здесь в коммуникативной ситуации участвуют два лица: субъект речи (я – И. п.) и адресат речи (обнаруживается в тексте сериями синтаксем и синтагм с выраженным семантическим компонентом трансцендентного: *чудная – благодатная – слов живых – святая*).

В анализе текста важно учитывать историческую последовательность в освоении носителями языка категорий пространства и времени. В этой связи следует учитывать пропорцию форм косвенных падежей и именительного падежа.

Количественное соотношение встречающихся в тексте падежей:

И. п. – 7 раз, Р. п. – 2 раза, В. п. – 2 раза, П. п. – 1 раз. Формы косвенности как падежи предмета-лица в пространстве присутствуют в тексте 5 раз. В то же время, именительный падеж как указание на предмет-лицо, действующее во времени, более значительно представлен в тексте (7 обнаружений).

О роли категории времени в тексте говорит и серия глаголов со значением настоящего вневременного (сейчас–всегда): *есть – верится – плачется*. Они указывают на реализацию не столько языкового трехвекторного времени с признаками – длительность, непрерывность, необратимость; сколько речевого многовекторного времени с признаками – протяженность, прерывность, обратимость.

Прагматический смысл (цель речевого высказывания) – не нейтральный. В тексте встречаем синтаксем с выражением оценки: *чудную – благодатная – живых – святая – время – легко – легко*.

В анализе текста следует разграничивать прагматику в широком и узком смысле слова. В широком смысле прагматична функция, то есть языковая функция синтаксем прогнозирует различие денотатов, речевая функция синтаксем прогнозирует отождествление денотатов и смыслов денотатов, а стилистическая функция прогнозирует вторичное номинирование образных смыслов [Zyablitseva 2018].

Прагматичен жанр: жанр литературной молитвы прогнозирует личностную проблематику в бытийном аспекте. В тексте она явлена в модели «сомнение» (постановка бытийной проблемы в личностном измерении) – «упование» (обращенность воли к Создателю) – «обретение себя» (снятие бытийной проблемы).

Прагматичен стиль языка как наджанровая величина: он прогнозирует художественную картину мира с гармоничной структурой образа автора в его

целеполагании: «сомнение» (*твержу я*) – «упование» (*сила благодатная*) – «обретение себя» (*верится*).

Прагматичен стиль речи как внутривидовая величина. Он показывает, какую семантическую модель с ее доминантными значениями прогнозирует литературная молитва. Антропоцентрическая модель – доминантное значение лица (*я*), темпоцентрическая модель – доминантное значение времени «сейчас-всегда» (*верится, плачется*), теоцентрическая модель – доминантное значение лица иной реальности, обнаруживаемое как через модус активности персонажа-действителя (*молитву – верится*), так и через более опосредованно выраженную активность трансцендентного лица (*благодатная – святая*), логоцентрическая модель – доминантное значение отношения «общее-частное» (*в минуту трудную – грусть; молитву – созвучье слов; время – сомненье*), аксиоцентрическая модель – доминантное значение оценки (отрицательная оценка: *трудную – грусть; положительная оценка: благодатная – святая – легко; нейтральная оценка: непонятная*).

Прагматичен индивидуально-авторский стиль (уникальное в тексте). Он прогнозирует уникальную для автора смысловую сигнификативную модель: «сомнение» – «упование» – «обретение себя».

Прагматика в узком смысле – это цель-оценка. В тексте она не нейтральна. В тексте расподоблены серии синтаксем по объектам оценки. Это могут быть объекты земной жизни (*трудную (минуту) – грусть*) и объекты трансцендентной реальности (*благодатная (сила) – святая (прелесть) – непонятная (прелесть)*).

В анализе текста необходимо принимать во внимание понятие «картина мира» [Попова 2007, с. 35-40]. К комплексному анализу текста приложимы многие картины мира. Для осмысления выводного знания актуальна языковая картина мира как семантическое пространство языка и совокупность денотатов данного текста, а также речевая картина мира как смысловое пространство речи и совокупность сигнификатов данного текста, художественная картина мира как совокупность образных смыслов текста и когнитивная картина мира как ментальный образ действительности, запечатленный через нейтрализацию микросмыслов (когнитивных признаков) синтаксем и синтагм в смысловой модели: «сомнение» – «упование» – «обретение себя». Это и есть концепт текста, его когнитивная модель или культурный код.

Образные смыслы выражаются в гармоничной для данного цивилизационного процесса структуре образа в его вещной, ментальной и духовной составляющих.

Таким образом, речевые функции (значимости) [Сосюр 1977] текстообразующих средств жанра «литературная молитва» в данных смыслах следующие: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура (состав серий) текстообразующих средств жанра «литературная молитва» в данных смыслах: 1) серия синтагм: *в минуту трудную – молитву чудную – сила благодатная – время скатится*; 2) серия синтагм: *молитву чудную – сила благодатная – слов живых – святая прелесть*; 3) единичная синтаксема, указывающая на субъекта речи: *я – И. п.*, а также серия синтаксем и

синтагм с выраженным семантическим компонентом трансцендентного: *чудная – благодатная – слов живых – святая*; 4) серия синтаксем с выражением оценки: *чудную – благодатная – живых – святая – время – легко – легко*.

II. С акцентированием системного аспекта языка, речи и стиля в тексте рассмотрим стихотворение М. Ю. Лермонтова «Молитва» в переводе Линдси С. Перкинса на английский язык в соответствии с герменевтикой текста как стратегией его анализа и типологией смыслов как тактикой его анализа.

THE PRAYER

In life's dark moments when with care

□ *And grief my heart is sore,*

The accents of a wondrous prayer

□ *I whisper o'er and o'er.*

They bring a blessing with each tone,

□ *Those living words of light,*

And breathe a charm before unknown,

□ *A holy, calm delight.*

The burdens of my doubts and fears

□ *Far from my spirit go;*

My faith, my penitential tears,

□ *How easy, easy flow!* [The Russian Review 1916, p. 154]

Переложение английского текста на русский язык (авторское):

МОЛИТВА

В темные моменты жизни,

Когда мое сердце уязвлено тревогой и горем,

Слова чудесной молитвы

Я шепчу снова и снова.

Своим звучанием они несут благословение,

Те живые светлые слова,

И дышат очарованием ранее неизвестным;

Священным, тихим восторгом.

Бремена моих сомнений и страхов

Удаляются от моего духа;

Моя вера, мои слезы раскаяния,

Так легко, легко текут!

Энциклопедический смысл (тема всего произведения) – «ободрение молитвой в тяжелых обстоятельствах». Косвенным маркером данного смысла «ободрение» является серия синтагм: *my heart is sore /мое сердце уязвлено – I whisper the accents of a prayer /я шепчу слова молитвы – those living words of light /те живые светлые слова – my faith /моя вера*.

В состав серии энциклопедического смысла входят синтаксемы и синтагмы, различающиеся по множеству признаков.

1. По лексической семантике:

1) *my* (принадлежность) *heart* (что-либо чувства) *is* (сообщение о ком-либо или о чем-либо) *sore* (болезненный);

2) *I* (субъект речи) *whisper* (говорить очень тихо) *the accents* (слова, язык) *of a prayer* (слова, обращенные к Богу);

3) *those* (указание на отдаленный предмет) *living* (живой в настоящий момент) *words* (разговор, беседа, сказанное) *of light* (состоящий из света);

4) *my* (принадлежность) *faith* (твердое убеждение, вера во что-либо).

2. По категориальному значению:

1) *my* (указание) *heart* (предметность) *is* (состояние) *sore* (признак);

2) *I* (указание) *whisper* (действие) *the accents* (предметность) *of a prayer* (предметность);

3) *those* (указание) *living* (признак) *words* (предметность) *of light* (предметность);

4) *my* (указание) *faith* (предметность).

3. По синтаксическим признакам:

1) *my* (притяжательное местоимение) *heart* (существительное, нарицательное, неодушевленное, субъектный падеж, ед.ч.) *is* (глагол, изъявительное наклонение, Present Simple) *sore* (прилагательное, качественное);

2) *I* (личное местоимение) *whisper* (глагол, изъявительное наклонение, Present Simple) *the accents* (существительное, нарицательное, неодушевленное, объектный падеж, мн.ч.) *of a prayer* (существительное, нарицательное, неодушевленное, притяжательный падеж, ед.ч.);

3) *those* (указательное местоимение) *living* (герундий) *words* (существительное, нарицательное, неодушевленное, субъектный падеж, мн.ч.) *of light* (существительное, нарицательное, неодушевленное, притяжательный падеж, ед.ч.);

4) *my* (притяжательное местоимение) *faith* (существительное, нарицательное, неодушевленное, субъектный падеж, ед.ч.).

4. По синтаксической функции:

1) *my* (определение) *heart* (подлежащее) *is sore* (сказуемое);

2) *I* (подлежащее) *whisper* (сказуемое) *the accents* (дополнение) *of a prayer* (определение);

3) *those* (определение) *living* (определение) *words* (подлежащее) *of light* (определение);

4) *my* (определение) *faith* (подлежащее).

Под влиянием текста языковое различительное означивание денотатов нейтрализуется, то есть отводится на второй план. В результате синтаксемы получают речевую функцию сходного означивания доминантного смысла «ободрение». В речевых сериях с другими смыслами доминантный смысл конкретизируется. Так, первый компонент смысловой сигнификативной модели текста – «сокрушенность». Во многом прямые маркеры – синтагмы: *dark moments /темные моменты – care and grief /тревогой и горем – heart is sore /сердце уязвлено*. Второй компонент – «оживление». Во многом прямые маркеры

– синтаксемы и синтагмы: *o'er and o'er /вновь и вновь – blessing /благословение, благодать – living /живые – breathe /дышат – delight /восторг, восхищение. Третий компонент – «освобождение». Во многом прямые маркеры – синтагмы: *the burdens far from thy spirit go /бремя, тяжесть уходит с души – how easy, easy flow /так легко, легко бежит. Таким образом, смысловая сигнификативная модель вертикального развертывания текста выглядит так: «сокрушенность» – «оживление» – «освобождение».**

Контекстуальный смысл (микротема текста) – «вдохновение». Во многом прямыми маркерами данного смысла выступает серия синтагм: *wondrous prayer /чудесная молитва – a charm before unknown /очарованием ранее неизвестным – a holy, calm delight /священным, тихим восторгом – my faith /моя вера – how easy, easy flow /так легко, легко текут.*

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации) – «обращение лирического героя к лицу иной реальности». Так, в коммуникативной ситуации участвуют два лица: субъект речи (*I /я – субъектный падеж; my /мое – my /моих – my /моего – my /моя – my /мои – притяжательный падеж*) и адресат речи (обнаруживается в тексте сериями синтаксем и синтагм с выраженным семантическим компонентом трансцендентного: *wondrous /чудесный – prayer /молитва – blessing /благословение – living /живой – light /свет – holy /святой – spirit /душа – faith /вера – penitential /покаянный*).

В анализе текста важно учитывать историческую последовательность в освоении носителями языка категорий пространства и времени. В этой связи следует учитывать пропорцию форм косвенных падежей и субъектного падежа.

Количественное соотношение встречающихся в тексте падежей:

Субъектный падеж – 8 раз, объектный падеж – 8 раз, притяжательный падеж – 7 раз. Так, формы косвенности как обнаружения предмета-лица в пространстве присутствуют в тексте 15 раз. В то же время, субъектный падеж как указание на предмет-лицо, действующее во времени, представлен в тексте менее значительно (8 обнаружений).

О роли категории времени в тексте говорит и серия глаголов со значением результативности: *is (sore) /язвлено – bring /принесут – go /уходят. Они указывают на реализацию не столько речевого многовекторного времени с признаками – протяженность, прерывность, обратимость, сколько языкового трехвекторного времени с признаками – длительность, непрерывность, необратимость.*

Прагматический смысл (цель речевого высказывания) – не нейтральный. В тексте встречаем синтаксемы и синтагмы с выражением оценки: *dark moments /темные моменты – wondrous /чудесный – a charm /очарование – calm delight /тихий восторг – how easy /как легко. Кроме того, номинативные предложения (особенно в противопоставлении безличным предложениям в оригинальном тексте) тяготеют к семантике сиюминутности (но не длительности), что несколько уравновешивается синтаксемой со значением непрерывности, продолжительности (*flow /текут*).*

В анализе текста следует разграничивать прагматику в широком и узком смысле слова. В широком смысле прагматична функция, то есть языковая функция синтаксем прогнозирует различение денотатов, речевая функция

синтаксем прогнозирует отождествление денотатов и смыслов денотатов, а стилистическая функция прогнозирует вторичное номинирование образных смыслов.

Прагматичен жанр, то есть жанр литературной молитвы прогнозирует личностную проблематику в бытийном аспекте. В тексте она явлена в модели «сокрушенность» (постановка бытийной проблемы в личностном измерении) – «оживление» (надежда) – «освобождение» (отведение бытийной проблемы).

Прагматичен стиль языка как наджанровая величина: он прогнозирует художественную картину мира с гармоничной структурой образа автора в его целеполагании: «сокрушенность» (*my heart is sore /мое сердце уязвлено*) – «оживление» (*bring a blessing /несут благословение*) – «освобождение» (*the burdens go /время уходят*).

Прагматичен стиль речи как внутрижанровая величина. Он показывает, какую семантическую модель с ее доминантными значениями прогнозирует литературная молитва. Антропоцентрическая модель – доминантное значение лица (*I /я – my /мое – my /моих – my /моего – my /моя – my /моя*), темпоцентрическая модель – доминантное значение времени «сейчас» (*breathe /дышат – go /идут*), логоцентрическая модель – доминантное значение отношения «общее-частное» (*dark moments /в темные моменты жизни – with care and grief /тревогой и горем; tone /звучание – of words /слов*), аксиоцентрическая модель – доминантное значение оценки (отрицательная оценка: *dark /темные – care /тревогой – grief /горем*; положительная оценка: *blessing /благословение; wondrous /чудесной – charm /очарованием – delight /восторгом*).

Прагматичен индивидуально-авторский стиль (уникальное в тексте). Он прогнозирует уникальную для автора смысловую сигнификативную модель: «сокрушенность» – «оживление» – «освобождение».

Прагматика в узком смысле – это цель-оценка. В тексте она не нейтральна. Авторская оценка разграничивает реальный мир (*dark moments /темные моменты – care /тревогой – grief /горем*) и ментальную реальность (*blessing /благословение – wondrous /чудесной – charm /очарованием – delight /восторгом*).

Концепт текста представлен в смысловой модели: «сокрушенность» – «оживление» – «освобождение».

Партитура (состав серий) текстообразующих средств жанра «литературная молитва» в данных смыслах: 1) серия синтагм: *my heart is sore /мое сердце уязвлено – I whisper the accents of a prayer /я шепчу слова молитвы – those living words of light /те живые светлые слова – my faith /моя вера*; 2) серия синтагм: *wondrous prayer /чудесная молитва – a charm before unknown /очарованием ранее неизвестным – a holy, calm delight /священным, тихим восторгом – my faith /моя вера – how easy, easy flow /так легко, легко текут*; 3) серия из синтаксемы личного местоимения, указывающего на субъекта речи: *I /я* (субъектный падеж), а также синтаксем и синтагм с выраженным семантическим компонентом трансцендентного: *wondrous /чудесный – prayer /молитва – blessing /благословение – living /живой – light /свет – holy /святой – spirit /душа – faith /вера – penitential /покаянный*; 4) серия синтаксем и синтагм, разграничивающих реальный мир: *dark moments /темные моменты – care /тревогой – grief /горем* и

ментальную реальность: *blessing* /благословение – *wondrous* /чудесной – *charm* /очарованием – *delight* /восторгом.

Анализ оригинального и переводного текстов позволил выявить аспекты тождества и различия между ними в аспекте герменевтики текста.

Энциклопедический смысл (тема всего произведения) различен. В русском тексте косвенным маркером доминантного смысла «покаяние» является серия синтагм: *в минуту трудную – молитву чудную – сила благодатная – бремя скатится*. В переводе косвенным маркером данного смысла «сокрушенность» является серия синтагм: *my heart is sore* /мое сердце уязвлено – *I whisper the accents of a prayer* /я шепчу слова молитвы – *those living words of light* /ме живые светлые слова – *my faith* /моя вера. В состав серий энциклопедического смысла обоих произведений входят синтаксемы, различающиеся по лексической семантике, категориальному значению, синтаксемным признакам и синтаксической функции.

Смысловая сигнификативная модель русского текста выглядит следующим образом: «сомнение» – «упование» – «обретение себя». У переводчика наблюдается иная смысловая модель вертикального развертывания текста: «сокрушенность» – «оживление» – «освобождение». Здесь следует отметить различное целеполагание авторов, что указывает на различия в структурах образов лирического героя при их гармоничности в рамках своих цивилизационных процессов: мысль и дух образа в переводе несколько отведены вещным окружением.

Контекстуальным смыслом в тексте М.Ю. Лермонтова выступает «чудотворность молитвы». Во многом прямыми маркерами данного смысла является серия синтагм: *молитву чудную – сила благодатная – слов живых – святая прелесть*. В переводном тексте контекстуальный смысл – «вдохновение», а его во многом прямыми маркерами служит серия синтагм: *wondrous prayer* /чудесная молитва – *a charm before unknown* /очарованием ранее неизвестным – *a holy, calm delight* /священным, тихим восторгом – *my faith* /моя вера – *how easy, easy flow* /так легко, легко текут. Это еще раз подтверждает верность тезиса о разности целеполагания лирических героев в данной паре текстов.

Ситуативный смысл (сведения об участниках ситуации) в обоих текстах остается неизменным. В ситуации участвуют два лица: лирический герой и трансцендентное лицо.

Заслуживает внимания пропорция форм косвенности и именительного падежа. В исходном тексте имеем соотношение 5 к 7. В тексте перевода – 15 к 8. Это свидетельствует о большей активности в английском тексте категории языкового трехвекторного времени с признаками: длительность, непрерывность, необратимость; а в русском тексте – речевого многовекторного времени с признаками: протяженность, прерывность, обратимость.

Также соотношение падежных форм указывает на более значительное присутствие в английском тексте категории пространства. В русском же тексте ведущую роль имеет категория времени, что соответствует исторической типологии развития языков от пространственного и пространственно-

временного регистров к временному регистру, где английский язык является языком пространства-времени, а русский – языком времени.

Кантор Г. Труды по теории множеств / Г. Кантор. – М.: Наука, 1985. – 431 с.

Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. / сост.: Э.Э. Найдич. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1989. – Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1837–1841. – 708 с.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.

Припадчев А.А. Проблемы исторической лингвистики текста / А.А. Припадчев. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – 600 с.

Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр; пер. с франц. под ред. А.А. Холодовича. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.

Яглом А.М. Вероятность и информация / А.М. Яглом, И.М. Яглом. – М.: Гостехиздат, 1957. – 160 с.

Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen; Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Heidelberg: C. Winter, 1924 – 683 p.

The Russian Review // Vol. 1. – 1916. – №3. – 256 p.

Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes // Heidelberg: C. Winter, 1931. – 347 S.

Zyablitsva N.A., Pripadchev A.A. Verbal Text Systematics as Fourth Strategy in Cognitive Technologies of Text Systems Theory (on material of work in genre form "parable") // Eastern European Scientific Journal. – 2018. – №3. – P. 30–44.

Е.П. Козявина (Воронеж)

ОБРАЗЫ НАСЕКОМЫХ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В данной работе описаны фразеологизмы, содержащие в себе наименования насекомых, в русском, украинском и белорусском языках. Рассмотрены и проанализированы образы насекомых в славянской культуре и языках на примере фразеологизмов.

Ключевые слова: лексика, фразеология, славянские языки, энтомологические наименования

Abstract. This paper describes phraseological units containing insect names in Russian, Ukrainian and Belarusian languages. The images of insects in Slavic culture and languages are considered and analyzed using the example of phraseological units.

Keywords: vocabulary, phraseology, Slavic languages, entomological names

Лексика представляет собой сложный пласт языка. Основной единицей языка считается слово, которое характеризуется целостностью. Кроме того, существуют такие единицы, которые представляют собой сочетания слов, устойчиво закрепленные в языке. Их относят к идиомам, идиоматическим выражениям, в русском языке их относят к фразеологии и обозначают как фразеологические единицы [Шмелев 1977, с. 289].

Во фразеологии зафиксированы процессы развития культуры народа. «Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит

своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996, с. 215]. Таким образом, фразеологизмы воплощают в себе культурно-национальную специфику, содержат представления человека об окружающем мире, отражают связь языка с культурой народа.

Для анализа были выбраны фразеологизмы, содержащие в себе энтомологические наименования. Отметим, что энтомологическая лексика – древнейший пласт языка, который имеет культурную нагрузку и отражает культурные особенности народа, что формирует национальную картину мира.

Материалом данной работы послужил этнолингвистический словарь Н.И. Толстого «Славянские древности», где подробно описана символика насекомых в представлениях славянского народа. Рассмотрены фразеологизмы с компонентом энтомологической лексики в русском, украинском и белорусском языках, для работы использованы фразеологические словари данных языков.

Наименования насекомых во фразеологии рассматривались в работах Ю.А. Кривошаповой, Е.В. Огольцевой, М.М. Вознесенской. В данной работе проанализированы наиболее частотные фразеологизмы в русском, украинском и белорусском языках, содержащие в себе следующие энтомологические наименования: *блоха, вошь, комар, муха, муравей, оса и червь*.

Блоха. В этнолингвистическом словаре Н.И. Толстого «Славянские древности» отмечено, что блоха в народных представлениях «нечистое» насекомое, которое подлежит ритуальному изгнанию [Толстой 1995]. Существенными семантическими признаками блох являются бесчисленность, малый размер и способность кусаться, что нашло отражение во фразеологии. Например, в русском языке: *ловить (выискивать) блох* означает уделять большое внимание нестоящим мелочам; в белорусском и украинском языках существуют схожие по значению фразеологизмы: *карміць блох, лавіць блох / годувати блошиці, ганяти бліх*. Выражение *набрацца як сабака блох* означает «слишком много». В украинском языке можно встретить фразеологизм *блоха на аркані*, означающий отсутствие чего-либо. В русском и белорусском языках существует фразеологизм *подковать блоху / падкаваць блоху*, заимствованный из рассказа

Н.С. Лескова «Левша». Можно предположить, что признак, связанный с малым размером насекомого, заложен в данном выражении, так как оно означает «проявить невероятное мастерство».

Вошь. В славянской культуре это насекомое также включено в число гадов. Однако Н.И. Толстой отмечает, что в народных представлениях вши считались неотъемлемой частью человеческого тела, особенностью человека. В народном этикете было принято искать вшей у гостя, что считалось проявлением гостеприимства. В белорусском языке *галава не на вошы*, так говорят об умном, сообразительном человеке. В данном фразеологизме подчеркивается значение того, что вши – естественное явление для человека, отмечая, что у сообразительного человека голова не только для этого.

В русском, украинском и белорусском языках существует фразеологизм *кормить вшей / годувати воші / карміць вошай*, что значит находиться в тяжелых, неблагоприятных условиях, что говорит о том, что в славянской

культуре было принято изгонять вшей. В украинском языке существует фразеологизм *как вошь за кожух*, а в белорусском – *як вош на струп*, данные выражения во многом синонимичны, так как в украинском языке оно означает «крепко держаться за что-то», а в белорусском – «назойливо, настойчиво».

Таким образом, с одной стороны, вошь рассматривается как неотъемлемое в человеческой жизни насекомое, однако с другой стороны, подлежащее истреблению, поскольку является нечистым.

Комар – насекомое, которое в народных представлениях наделяют мужской символикой, в фольклорных текстах комар является юмористическим персонажем. У данного насекомого отмечают признак малого размера, что закреплено в славянских языках, например, в белорусском языке *з камарыны нос*, что значит «очень маленький». В украинском языке *на комариному салі* – говорят о постной еде или о немощном человеке. Также фразеологизм *комар носа не подточит / комар носа не підточить / камар носа не падачачыць*, существующий в русском, украинском и белорусском языках, означает «очень аккуратно, не к чему придраться». В белорусском языке существует фразеологизм *рабіць з камара каня*, синонимичный русскому *делать из мухи слона*, то есть напрасно придавать большое значение чему-либо.

Муха. В славянской символике муха является воплощением женского образа и в фольклоре нередко предстает как юмористический персонаж. Символически муха, как и некоторые другие насекомые, соотносится с множеством мелких предметов, например, в русском, украинском и белорусском языках выражение *белые мухи / білі мухи / бѣлыя мухі* означает «снег».

В «Славянских древностях» отмечается, что муха – это воплощение души человека, ее образ связан с психикой, эмоциями, качествами человека, что отражено в славянской лексике и фразеологии. Например, в русском, украинском, белорусском языках существуют следующие фразеологизмы, полностью совпадающие по форме и значению: *мухи не обидит / мухи не зобидить / мухі не накрьїдзіць* (о добром, безобидном человеке); *под мухой / під мухою / пад мухай* (в нетрезвом состоянии), *какая муха укусила / яка муха вкусила / якая муха ўкусіла* (находиться не в духе), *как сонная муха / як сонна муха / як сонная муха* (медленно, лениво). В украинском языке есть следующие фразеологизмы: *муха крилом уб'є* (о слабом человеке), *муха сіла на ніс*, *муха в спасївку* (находиться не в духе), *як муха у сметані* (неповоротливый, неуклюжий), *скрутитися як мухи на окропі* (заметаться, засуетиться). В белорусском языке: *мець мух у носе* (о странном человеке), *зух супраць мух* (смелый только среди слабых).

Белорусское выражение *адным махам семярых мух забіяхам* означает мерить всех одной мерой, *як сабаку муха* – «очень мало».

Муравей. В славянской культуре образ муравья определяется символикой множественности. Символически их образ связывают со смертью. В лексике и фразеологии славянских языков закрепился один фразеологизм: *мурашки забежали / мурашки бігають по тілу / мурашкі бегаюць па целе*, означающий состояние сильного страха, волнения. В данном случае сравнивается проявление крайних эмоций с ощущение бегающих муравьем (мурашек) по телу.

Оса. В культуре оса представлена как жалящее насекомое, наделенное дьявольской природой. Н.И. Толстой упоминает легенду о появлении ос. По этой легенде дьявол создал осу, соединив две половинки. Именно с этим связывают фразеологизм *осиная талия*, так как оса выглядит, как будто перевязанная пополам. В украинском языке существует выражение *вцепитися як оса*, означающее в дословном переводе «вцепиться как оса», то есть быть назойливым, надоедать. В русском языке фразеологизм *осиное гнездо* означает сборище опасных людей, что соотносится с дьявольской символикой осы.

Червь. В «Славянских древностях» Н.И. Толстой отмечает хтоническую природу червя. В славянской культуре есть представление о черве как о души человека, в некоторых культурах червя даже запрещено убивать. Однако отметим, что червь наделен демонической природой. В славянских языках эта особенность насекомого нашла отражение во фразеологизме *червь сосет / черв'як точить серце / чарвяк грызе*, то есть что-то беспокоит, тревожит. В украинском используется выражением *черв'яки б поїли*, что означает выражение крайнего недовольства. В русском, украинском и белорусском языках существует фразеологизм *заморить червячка / заливаць чарвяка / замарыць чарвяка*, то есть «немного утолить голод. В белорусском языке фразеологизм *чарвяку на вяку* означает «неожиданно, внезапно».

Таким образом, образы насекомых в славянской культуре по большей части наделены негативными свойствами. Как правило, почти все насекомые имеют хтоническую природу, то есть связаны с подземным царством, обычно воплощают демонические черты и подлежат изгнанию. Данная символика, характерная славянским культурам, закрепилась в славянских языках, в частности в рассмотренных нами фразеологических единицах русского, украинского и белорусского языках. Схожесть некоторых фразеологизмов по форме и семантике подтверждает близкое родство языков восточнославянской языковой семьи.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). – М.: Междунар. отношения, 2012. – 693 с.

Слоўнік фразеалагізмаў. У 2 т. / І.Я. Лепешоў. – Мінск: Беларус. Энцыклапедыя імя П.Броўкі, 2008. – 704 с.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2007. – 334 с.

Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1968. – 543 с.

Фразеологический словарь современного русского языка / Сост. Ю.А. Ларионова. – М.: Аделант, 2014. – 512 с.

Фразеологічний словник української мови / Уклад.: В.М. Білоноженко та ін. – К.: Наук.думка, 1993. – 984 с.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

Е.Э. Кравчук (Тверь)

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ ИНОЯЗЫЧНОГО УЧЕБНО-НАУЧНОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматриваются результаты эксперимента, направленного на изучение понимания трех функционально-семантических типов учебно-научного текста: описания, повествования и рассуждения; осуществляется разбор текстов, предназначенных для чтения испытуемыми.

Ключевые слова: понимание, денотат, межденотатная связь, функционально-семантический тип

Abstract. The results of an experiment aimed at studying the understanding of 3 functional and semantic types of educational and scientific text: descriptions, narratives and reasoning are considered; texts intended for reading by subjects are analyzed.

Keywords: understanding, denotation, inter-denotation relationship, functional-semantic type

В современной науке активно разрабатывается проблематика, связанная с исследованием процесса понимания текста. Вопрос о восприятии/понимании учебно-научного текста занимает важное место в психолингвистике, когнитивной лингвистике и других научных областях, предметом изучения которых является восприятие/понимание речевого произведения.

Понимание рассматривается одними исследователями как некий мыслительный процесс, другими – как результат этого процесса [Рафикова 1999, с. 75]. Так, например, А.А. Залевская придерживается второго подхода к пониманию, ученый утверждает, что опознавание человеком некоего объекта проходит в два этапа, первым из которых является восприятие, а вторым – понимание. Восприятие исследователь трактует как мыслительный процесс, направленный на решение определенных задач и сопровождаемый сличением воспринимаемых объектов с паттернами [Залевская 1999, с. 242]. Понимание же А.А. Залевская считает продуктом восприятия [там же, с. 247].

А.И. Новиков рассматривает понимание как *мыслительный процесс, отражающий продуктивную, аналитическую и синтетическую деятельность сознания* [Новиков 2003, с. 64]. Таким образом, А.И. Новиков подчеркивает, что понимание объединяет в себе три рода умственной деятельности, связанные с анализом, оценкой получаемой информации, с ее классификацией, а также с порождением идей в сознании человека. В целом процессы восприятия и понимания рассматриваются в тесной связи как единый процесс.

Целью нашего исследования является выявление различий в восприятии/понимании учебно-научных иноязычных текстов трех функционально-семантических типов: описания, повествования и рассуждения.

В качестве теоретической базы принято учение о функционально-семантических типах речи (О.А. Нечаева, О.И. Рыбакова и др.), методика составления денотатного графа и методика встречного текста А.И. Новикова.

При восприятии/понимании информации текста немаловажную роль играет специфика воспринимаемого/понимаемого текста. В центре нашего внимания

находится процесс понимания разных функционально-семантических типов текста. Типизированные сочетания отдельных предложений, характеризующиеся относительно устойчивыми структурно-семантическими особенностями, функциональной обусловленностью и целостностью мы будем называть, вслед за О.И. Рыбаковой, способом изложения [Рыбакова 1999, с. 63]. Группа текстов, для которых свойственны признаки определенного способа изложения, будет пониматься нами как функционально-семантический тип текста.

Традиционно выделяется три способа изложения и, соответственно, три функционально-семантических типа текста: описание, повествование и рассуждение. Каждый из них характеризуется спецификой организации языковых средств и текстопостроения в целом. К числу таких особенностей можно отнести наличие определенных тематических блоков, тема-рематическую и синтаксическую организацию предложений, а также обусловленность способов связи между отдельными языковыми единицами и смысловыми блоками.

Кратко охарактеризуем каждый из функционально-семантических типов текста.

Главной целью описания является характеристика конкретного предмета (явления) и перечисление признаков, которые отличают его от ряда других. Если говорить об учебно-научном микротексте, то в качестве такого предмета в нем выступает какое-либо научное понятие. Текст-описание, как правило, содержит определение объекта, описание его состава, назначения, качественных и количественных характеристик. Кроме того, в тексте могут присутствовать элементы классификации. Существенной особенностью описания является отсутствие жесткой последовательности расположения смысловых блоков.

Повествование обычно имеет цель описать хронологию какого-либо явления, последовательность действий. В качестве предмета речи в этом типе текста выступают сведения о процессах, имеющих временную протяженность, или объектах, претерпевающих изменения в определенный период времени. Для этого типа текста характерна жесткая структура, скоррелированная с хронологией описываемого действия / процесса. Для учебно-научных текстов с таким способом изложения характерно использование форм глаголов настоящего и будущего времени, указывающих на процессуальность описываемого действия; условных предложений и последовательной связи между текстами.

Основная задача текста-рассуждения заключается в описании мыслительного процесса и причинно-следственных отношений между какими-либо явлениями. В типичном тексте-рассуждении обязательно присутствие таких структурных компонентов, как тезис, аргумент (аргументы) и вывод, а также средств композиционной связи, указывающих на порядок следования частей текста, переход к новой части высказывания, на источник информации, обобщение, противопоставление и сопоставление. Структура рассуждения может считаться условно жесткой, при которой один аргументативный блок (тезис и аргумент) является связанной конструкцией, но последовательность аргументативных блоков может иметь тенденцию к варьированию. В такой же степени может варьироваться и расположение аргументов.

Гипотеза исследования заключается в том, что понимание/восприятие разных функционально-семантических типов текста будет иметь отличительные черты.

Для решения поставленной цели использовался метод эксперимента. Для проведения эксперимента было подготовлено три текста, каждый из которых обладал типичными признаками текста конкретного функционально-семантического типа. Текст-описание включал в себя 10 предложений, текст-повествование – 9 предложений, текст-рассуждение – 11 предложений. В качестве источника тестов использовалось учебное пособие «Физическая подготовка. Теория, методика и практика» [Шатов 2014].

На основе каждого текста, предназначенного для чтения Ии., были составлены список денотатов и межденотатных связей, а также денотатный граф.

Под денотатом, вслед за А.И. Новиковым, мы понимаем основную содержательную единицу текста; свернутую модель предметов или явлений или «образ некоторого объекта действительности» [Новиков 1983, с. 26], выражаемый в момент речи с помощью слова.

Совокупность денотатов и связей между ними, возникшая в сознании человека после содержательного анализа конкретного текстового сообщения А.И. Новиков называет денотатной структурой. Как утверждает А.И. Новиков, денотатную структуру можно зафиксировать в виде денотатного графа, который обычно подразумевает ее схематичное изображение в форме сети из множества точек, соединенных линиями. Каждой точке соответствует слово, обозначающее денотат и, как правило, отбирающееся из анализируемого текста.

Кроме денотатных графов текстов, предназначенных для проведения эксперимента, были составлены денотатные графы вторичных текстов, полученных от Ии. Эта процедура была проведена для отслеживания того, какие денотаты и межденотатные связи текста-первоисточника фиксируют Ии. Денотатный граф, который был создан на основе текста-первоисточника и с которым происходило сопоставление денотатных графов вторичных текстов Ии., мы будем обозначать термином «эталонный денотатный граф».

В качестве одного из примеров эталонного денотатного графа представляем денотатный граф текста-описания, предназначенного для чтения Ии.

Приведенный денотатный граф был составлен на основе следующего текста, предназначенного для проведения эксперимента:

Основным средством физической подготовки являются движения и действия, используемые с целью улучшения физического состояния военнослужащих и решения задач физической подготовки (далее именуется – физические упражнения).

Они выполняются с учетом возрастных особенностей, соблюдения требований безопасности и гигиенических правил. Физические упражнения направлены на развитие и совершенствование физических и специальных качеств, формирование военно-прикладных навыков.

Физическое упражнение – это двигательное действие или совокупность двигательных действий, выполняемых с целью улучшения физического

состояния военнослужащих, а также решения других задач их боевого совершенствования. Каждое двигательное действие включает в себя несколько отдельных движений, т.е. элементарных структурных единиц деятельности. Определенная последовательность движений рук, ног, туловища, шеи придает физическим упражнениям специфический характер.

В зависимости от структурных признаков физические упражнения подразделяются на циклические, ациклические и смешанные. Циклические упражнения представляют собой цепь периодически повторяющихся движений или действий, при выполнении которых тело человека и его части каждый раз оказываются в одном и том же положении. Ациклические упражнения – это такие двигательные действия, при выполнении которых отсутствует смежная повторяемость стандартных циклов движений. Смешанные упражнения характеризуются сочетанием движений или действий циклического и ациклического типа.

Для удобства анализа ответов испытуемых каждый эталонный денотатный граф был разделен нами на сегменты. В эталонном денотатном графе текста-описания эти сегменты были выделены по наличию в каждом из них денотата, имеющего наибольшее количество межденотатных связей, и обозначены римскими цифрами I и II. По аналогии были составлены денотатные графы других текстов-первоисточников, а также денотатные графы текстов Ии. В тексте-повествовании, предназначенном для Ии., было выделено 4 сегмента, а в тексте-рассуждении – 7.

В эксперименте приняло участие 6 вьетнамских военнослужащих, осваивающих русский язык как иностранный и проходящих обучение на 3 курсе по специальности «Применение и эксплуатация АСУ ПВО» в Военной академии воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова г. Твери. Ии. были разделены на три категории, каждой из которых было дано задание прочитать текст, относящийся к одному из трех функционально-семантических типов, и зафиксировать любым удобным способом содержание прочитанного текста. Каждая группа Ии. первоначально включала в себя по 2 человека, однако один испытуемый (И. 2) выполнил задание дважды, прочитав два текста: первый – описание, второй – повествование. Следовательно, в результате эксперимента было получено не 6 ответов, как планировалось изначально, а 7. Во избежание неточностей ответы И. 2 будут далее обозначаться нами как ответ И. 2 (1) и ответ И. 2 (2).

Ответы, полученные в результате исследования, позволили проанализировать, какие денотаты и межденотатные связи воспринимают Ии. при чтении текстов разных функционально-семантических типов. Первой группе Ии. (Ии. 1 и 2 (1)) для чтения был предложен текст-описание, второй группе (Ии. 3 и 4) – текст-рассуждение; третьей группе (Ии. 5, 6 и 2 (2)) – текст-повествование.

В записях Ии. наблюдались межденотатные связи следующих типов:

1. Связь между денотатами, ни один из которых не является элементом эталонного денотатного графа.

2. Связь между денотатами, один из которых не является элементом эталонного денотатного графа.

3. Связь между денотатами, оба из которых относятся к эталонному денотатному графу, но не связаны друг с другом в эталонном денотатном графе.

4. Связь между денотатами, оба из которых относятся к эталонному денотатному графу и косвенно связаны друг с другом в эталонном денотатном графе (между элементами, зафиксированными испытуемым, в эталонном денотатном графе присутствует цепочка связанных друг с другом денотатов).

5. Связь между денотатами, оба из которых относятся к эталонному денотатному графу и напрямую связаны друг с другом в эталонном денотатном графе.

Если И. фиксировал связь между денотатами, один или оба из которых не являлись элементами эталонного денотатного графа, или между денотатами, оба из которых относились к эталонному денотатному графу, но были в эталонном денотатном графе никаким образом не связаны друг с другом, то мы считали, что И. не зафиксировал эталонную межденотатную связь. Иными словами, эталонная межденотатная связь нами считалась зафиксированной в случаях, когда И. регистрировал связь между денотатами, оба из которых относились к эталонному денотатному графу и были косвенно или напрямую связаны друг с другом.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что И. 1 зафиксировал 5 эталонных межденотатных связей текста-описания (14% от общего количества связей эталонного денотатного графа; 71% от общего количества связей, зафиксированных И.). Среди межденотатных связей, зафиксированных испытуемым 1, были те, которые напрямую соединяли денотаты, принадлежащие эталонному денотатному графу: *Физические упражнения – служат для – Развитие и совершенствование физических и специальных качеств*; *Физические упражнения – делятся на – Циклические упражнения*; *Физические упражнения – делятся на – Ациклические упражнения*; *Физические упражнения – делятся на – Смешанные упражнения*. Кроме того, в записях испытуемого наблюдались связи, которые соединяли денотаты в эталонном денотатном графе не прямо, а косвенно. Например, И. 1 в своих записях напрямую связывает денотаты *Циклические упражнения* и *Одно и то же положение*, хотя в эталонном денотатном графе эти денотаты разделены рядом других денотатов: *Тело человека* и *Части тела*.

И. 2 зафиксировал денотаты *Движения*, *Действия* и *Основное средство физической подготовки*, относящиеся к первому сегменту эталонного денотатного графа, а также денотаты *Физические упражнения* и *Формирование военно-прикладных навыков*, относящиеся ко второму сегменту эталонного денотатного графа. Было записано название одного денотата *3 типа*, не являющегося элементом эталонного денотатного графа. Между этим денотатом и денотатами *Циклические упражнения*, *Ациклические упражнения* и *Смешанные упражнения* И. 2 зафиксировал связи, которые отсутствовали в эталонном денотатном графе.

Таким образом, И. 2 (1) зафиксировал 3 эталонных межденотатных связи текста-описания (9% от общего количества связей эталонного денотатного графа; 50% от общего количества связей, зафиксированных И.): *Движения – представляют собой – Основное средство физической подготовки*; *Действия –*

представляют собой – Основное средство физической подготовки и Физические упражнения – служат для – Формирование военно-прикладных навыков.

И. 3 зафиксировал 3 эталонных межденотатных связи текста-рассуждения, относящиеся ко второму сегменту эталонного денотатного графа текста-рассуждения (7% от общего количества связей эталонного денотатного графа; 100% от общего количества связей, зафиксированных И.).

Ии. 4 и 5 не зафиксировали эталонных межденотатных связей, которые присутствовали в эталонных денотатных графах текстов-первоисточников (текст-рассуждение и текст-повествование). Так, все межденотатные связи, встречающиеся в записях Ии. 4 и 5, включают в себя один или оба денотата, которые не входят в состав эталонного денотатного графа.

В записях И. 5 присутствует значительное число слов и словосочетаний, которые могут быть интерпретированы как наименования одновременно нескольких денотатов. Следовательно, выводы о понимании этих денотатов могут вызывать сомнения. Кроме того, исходя из записей испытуемого 5, можно сделать вывод о том, что для него важным является сегментация текста на параграфы. С целью обозначения элементов структуры текста И. 5 использует слова *Первый параграф; Последующие параграфы; Последний параграф; Маленькая присутительная часть*, которые являются выражениями денотатов, не входящих в состав денотатного графа текста-повествования.

И. 6 зафиксировал 6 эталонных межденотатных связей текста-повествования (21% от общего количества связей эталонного денотатного графа; 38% от общего количества связей, зафиксированных И.). При выполнении задания И. 6 достаточно точно зафиксировал денотаты всех четырех сегментов эталонного денотатного графа текста-повествования.

Как и в денотатном графе И. 5, в денотатном графе И. 6 наблюдаются те элементы, которые либо отсутствовали в эталонном денотатном графе, либо воспринялись испытуемым с нарушением межденотатных связей. Например, среди денотатов третьего сегмента были зафиксированы те, связи между которыми обнаружены испытуемым не были.

И. 2 (2) зафиксировал 3 эталонных межденотатных связи текста-повествования (11% от общего количества связей эталонного денотатного графа; 60% от общего количества связей, зафиксированных И.), все из которых относились к первому сегменту эталонного денотатного графа. Однако в понимании других сегментов эталонного денотатного графа текста-повествования наблюдаются некоторые неточности. Например, из 10 денотатов третьего сегмента И. 2 зафиксировал 3, а из 11 межденотатных связей этого же сегмента – одну. Кроме того, есть случаи, когда И. 2 (2) фиксирует связь между не связанными друг с другом денотатами и при этом оставляет без внимания связь денотатов, являющихся связанными элементами одного и того же сегмента.

Сказанное свидетельствует о том, что понимание текстов разных функционально-смысловых типов происходит неравномерно. Судя по записям Ии., по ходу восприятия нарастает понимание/восприятие описания, а понимание/восприятие рассуждения и повествования снижается. Возможно, это обусловливается наличием межденотатных связей, объединяющих различные

жестко связанные друг с другом смысловые блоки текста, утрата которых существенно затрудняет восприятие/понимание текста.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику / АА. Залевская. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 349 с.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация / А.И. Новиков. – М.: Наука, 1983. – 214 с.

Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: монография / Н.В. Рафикова. – Тверь: ТвГУ, 1999. – 144 с.

Рыбакова О.И. Структура и типологическое описание военно-инженерных текстов: дис. ... канд. фил. наук / О.И. Рыбакова. – Тверь, 1999. – 182 с.

Шатов С.И. Физическая подготовка. Теория, методика и практика: учеб. пособие / С.И. Шатов, В.М. Крестников, С.А. Сова. – Воронеж: ВУНЦ ВВС, 2014. – 246 с.

В.А. Лошкарева (Тверь)

СПЕЦИФИКА ОСВОЕНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. В статье рассматриваются типы освоенности слова, описываются стратегии освоения лексем по материалам словаря. Раскрывается идея экспериментального исследования, посвященного выявлению когнитивных семантических стратегий освоения англицизмов системой языка, приводятся и обрабатываются предварительные результаты исследования.

Ключевые слова: англицизмы, когнитивные стратегии, освоенность слова

Abstract. The article considers the types of word mastery, describes strategies for mastering lexemes based on dictionary materials. It reveals the idea of an experimental research to identify cognitive semantic strategies for mastering anglicisms by the language system, presents and analyzes preliminary research results.

Keywords: anglicisms, cognitive strategies, word mastery

Система языка находится в процессе непрерывного развития, одной из тенденций является освоение заимствований, которые могут расцениваться, с одной стороны, как положительное явление в случае обогащения языка, с другой стороны, как негативное влияние на язык в случае его «засорения». Проблематика, связанная с заимствованиями, широко разрабатывается в лингвистике. В рамках настоящей публикации обсуждаются результаты исследования, направленного на выявление специфики освоения англицизмов системой современного русского языка через призму переводческой деятельности.

Принято разграничивать два типа освоенности слова: освоенность слова носителем языка и освоенность лексической единицы языком.

Освоенность слова носителем языка – это функционирование слова в индивидуальном языковом сознании, взаимосвязь слова с другими элементами ментального лексикона индивида [Золотова 2023]. Под ментальным лексиконом понимается ментальный словарь, содержащий информацию о значении слова,

произношении, синтаксических характеристиках и т.д. [Aitchison 1987].

Освоенность слова языком – это ассимиляция слова в принимающем языке, подчинение заимствования правилам принимающего языка. Л.П. Крысин выделяет следующие этапы освоения иноязычного слова:

1) употребление заимствования в тексте в его исконной орфографической и грамматической форме;

2) приспособление слова к системе заимствующего языка (транслитерация или транскрипция);

3) утрата заимствованием сопроводительных комментариев и его употребление «на равных» с другими словарными единицами языка-реципиента;

4) утрата словом жанрово-стилистических, ситуативных и социальных особенностей;

5) регистрация иноязычного слова в толковом словаре [Крысин 1968].

Вопрос, касающийся освоения заимствований, может рассматриваться в двух аспектах. В рамках одного аспекта изучаются процессы освоения иноязычной лексики при изучении иностранного языка. В рамках другого аспекта в центре внимания исследователей находятся процессы освоения заимствований в родном языке. Если первый аспект тесно связан в первую очередь с исследованиями в области психолингвистики, то второй находится в плоскости изучения узуального употребления заимствований в родном языке, которое анализируется как процесс стабилизации значения слова в языковой системе. Оба аспекта могут описываться в единицах когнитивных стратегий.

Сложность и многоаспектность понятия когнитивной стратегии осложняет выведение ее универсального определения. Д.Н. Павлов рассматривает когнитивную стратегию как закономерности выбора способов решения задач познания для достижения определенных целей [Павлов 2006].

Говоря о заимствованиях в аспекте их освоения в родном языке, можно назвать несколько когнитивных стратегий. Одной из продуктивных является когнитивная стратегия сужения значения слова в языке-реципиенте. Это имеет место, когда в языке-доноре слово имеет несколько значений, но язык-реципиент принимает лишь одно из его значений. Например, слово **authorization** имеет несколько значений в английском языке, а именно: *official permission for something to happen, or the act of giving someone official permission to do something; an official document that shows someone has permission to do something* [URL]. В русский язык слово **авторизация** было заимствовано в довольно узком значении – *проверка прав пользователя на выполнение некоторых действий* [Шагалова 2019].

Следующая когнитивная стратегия освоения заимствования – стратегия замещения значения, когда заимствованное слово приобретает совершенно новое значение в языке-реципиенте. Так, английское **decade** означает *a period of ten years* [URL]. А в русском языке слово **декада** – *промежуток времени в десять дней, третья часть месяца* [Крысин 1998]. Сдвиг значения происходит, как правило, по типу расширения значения, являясь следующей за ним ступенью [Трифонов 2017].

Наконец, наиболее редкой является когнитивная стратегия расширения значения заимствованного слова. Например, английское **showroom** имеет

значение *a room in which goods for sale are arranged* [URL]. Слово было заимствовано в русский как **шоурум**, лексема, имеющая не только то же значение, что и в английском, но и *мероприятие, которое проводится в целях ознакомления оптовых покупателей с продукцией* [Егорова 2014]. Расширение значения заимствований происходит реже, чем сужение значения слова, так как для приобретения заимствованной лексемой новых значений слову необходимо просуществовать какое-то время в речи языка-реципиента [Трифоновна 2017].

Тем не менее, чаще всего имеет место когнитивная стратегия сохранения тождественности, при которой не происходит вообще никаких изменений в значении слова в процессе заимствования. Так, английское **outsourcing** имеет значение *a situation in which a company employs another organization to do some of its work, rather than using its own employees to do it* [URL]. Слово **аутсорсинг** было заимствовано в русский язык с таким же значением, как и в языке-доноре: *работа по подряду, использование сторонних подрядчиков* [Скляревская 2006].

Перейдём к обсуждению результатов исследования, направленного на выявление когнитивных семантических стратегий освоения англицизмов системой языка, которые выявляются нами на материале перевода заимствований в ограниченном контексте.

На первом этапе специфика освоения лексем была проанализирована по данным лексикографических источников.

Языковой материал исследования был отобран нами по следующему принципу: слова являются новыми англицизмами, причем их значение в английском языке отличается от того, как слово зафиксировано в лексикографических источниках. Мы выбрали слова, использующиеся в средствах массовой информации (с опорой на свой опыт носителя языка). Главным источником подбора слов для эксперимента стал «Словарь новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой. Языковым материалом экспериментального исследования стали следующие лексемы (всего 30 слов): **авторизация** (authorization), **аутлет** (outlet), **баннер** (banner), **блэкаут** / **блэк-аут** (blackout), **боди** (body), **бокс-офис** (box-office), **бэкграунд** (background), **воркшоп** (workshop), **демпинг** (dumping), **диверсификация** (diversification), **истеблишмент** (establishment), **камбек** / **камбэк** (comeback), **кампейн** (campaign), **коллектор** (collector), **криэйтор** / **креатор** (creator), **лаунж** / **лаундж** (lounge), **листинг** (listing), **лузер** (loser), **мейджор** (major), **месседж** (message), **милитари** (military), **опен-эйр** (open air), **офшор** / **оффшор** (offshore), **паркинг** (parking), **релиз** (release), **ридер** (reader), **роялти** (royalty), **саунд** (sound), **сток** (stock), **эквайер** (acquirer).

Мы проверили количество вхождений каждого слова в Национальный корпус русского языка и получили следующие значения, представленные в Таблице 1.

Таким образом, частота употребления англицизмов в русском языке неоднородна и варьируется от полного отсутствия лексемы в зафиксированных текстах языка-реципиента до более полутора тысяч вхождений слова в Национальный корпус русского языка. Полагаем, что количество вхождений и этап стабилизации значения слова в языке-реципиенте будут иметь корреляцию.

Таблица 1

**Количество вхождений лексем
в Национальный корпус русского языка**

Лексема	Количество вхождений в НКРЯ
авторизация	84
аутлет	2
баннер	180
блэкаут / блэк-аут	8
боди	37
бокс-офис	11
бэжграунд	53
воркшоп	6
демпинг	146
диверсификация	436
истеблишмент	317
камбек / камбэк	23
кампейн	0
коллектор	969
криэйтор / креатор	17
лаунж / лаундж	38
листинг	66
лузер	92
мейджор	54
месседж	66
милитари	33
опен-эйр	1
офшор / оффшор	237
паркинг	247
релиз	84
ридер	92
роялти	62
саунд	38
сток	1579
эквайер	1

Обращение к словарным статьям подтвердило тот факт, что в целом для освоения заимствований системой языка характерна когнитивная стратегия сужения значения слова в языке-реципиенте.

Соотнося стадию освоения анализируемых нами лексем с этапами освоения иноязычного слова, предложенными Л.П. Крысиным, отмечаем, что слова, послужившие материалом исследования, относятся к этапу приспособления слова к системе заимствующего языка (транслитерация или транскрипция).

Пять заимствований не имеют однозначного варианта графического написания в русском языке (**блэкаут / блэк-аут, камбек / камбэк, криэйтор / креатор, лаунж / лаундж, офшор / оффшор**).

Три лексемы не в полной мере освоены грамматической системой языка: существительные не склоняются, но в составе предложения подчиняются

синтаксическим нормам языка-реципиента (**боди, милитари, роялти**).

Когда носители языка-реципиента перестают воспринимать заимствование как нечто чуждое, слово начинает употребляться на «равных» с другими лексемами языка-реципиента. Но в таком употреблении слова могут сохранять жанрово-стилистические, ситуативные и социальные особенности. Например, лексемы **авторизация, демпинг, диверсификация, листинг, офшор, роялти, эквайер** в русском языке имеют отношение к сфере экономики и, как следствие, могут быть недостаточно освоены носителями языка, чья специальность по образованию и/или профессиональная деятельность не связаны с экономической сферой. Основным источником языкового материала нашего исследования «Словарь новейших иностранных слов» Е.Н. Шагаловой не указывает на стилистическую маркированность слов. Тем не менее, в других словарях эти лексемы имеют стилистические пометы.

Для достижения поставленной цели нам потребовалось провести экспериментальное исследование.

Гипотеза исследования заключается в том, что современные заимствования, зафиксированные в русскоязычных лексикографических источниках, освоение которых системой языка находится в стадии стабилизации, при переводе в узуальном употреблении могут не опознаваться как русскоязычные заимствования, демонстрируя разные стадии освоения заимствования языком-реципиентом (в данном случае русским языком).

Задание экспериментального исследования было составлено следующим образом: к каждому англицизму, задействованному в исследовании, мы подобрали по 4 предложения. Все предложения были отобраны нами при помощи таких электронных ресурсов, как WoordHunt и Cambridge Dictionary.

В качестве испытуемых нашего исследования мы привлекли носителей русского языка, чья специальность по образованию и/или профессия связаны с переводческой деятельностью. На момент написания статьи испытуемыми исследования стали 11 человек: 3 переводчика-профессионала и 8 студентов, обучающихся в магистратуре по профилю «Перевод в сфере профессиональной деятельности».

Представим предварительные результаты экспериментального исследования. Говоря о факторе времени, отмечаем, что в среднем профессионалы тратили больше времени на перевод каждого отдельно взятого предложения по сравнению с магистрантами, что, по-видимому, связано с более глубоким предпереводческим анализом предложений.

Примечательно, что и студенты переводческого профиля, и переводчики-профессионалы старались не переводить английское слово англицизмом там, где в русском языке можно подобрать синоним. Приведем примеры перевода английского слова синонимом в тех случаях, где по контексту предложения можно употребить англицизм: **authorization** – *разрешение*, **background** – *прошлое*, **comeback** – *возвращение*, **creator** – *разработчик / предприниматель*, **diversification of investments** – *распределение инвестиций*, **workshop** – *семинар / конференция / практикум*, **establishment** – *правительство / организация*, **creator** – *автор*, **loser** – *неудачник*, **message** – *посыл / тема*, **military** – *военнослужащий*, **parking** – *стоянка*, **latest release** – *крайняя работа / обновление*, **reader** –

проверяющий / планишет / читалка, royalty – вознаграждение, sound – звук, звучание, stock – склад / рынок, acquirer – покупатель.

Обработывая результаты исследования, мы приходим к выводу, что некоторые английские слова переведены испытуемыми не англицизмом, а описательно. Примеры: **outlet** – фирменные магазины, **box-office** – кассовые сборы, *we had a blackout* – мы были без света, *to make a comeback* – вернуться на сцену, **dumping** – падение цен, **comeback** – волевая победа, **listing** – процесс размещения компании на бирже / регистрации на бирже, **major** – крупная компания / корпорация, **message** – главная мысль, **military** – военный стиль, **open air** – мероприятие / фестиваль под открытым небом / уличное мероприятие, **offshore country** – заинтересованная в привлечении иностранных средств страна, **reader** – электронная книга / член жюри, **release** – недавно вышедшая песня, **royalty** – авторские права / авторские гонорары / лицензионные платежи, *the band's sound is... – группу характеризует...*, *the guy is a born loser* – парню хронически не везет, **military** – одежда армейского образца, **acquirer** – обслуживающий банк. Отмечаем, что к описательному переводу чаще прибегали профессионалы, а не студенты.

Обращаясь к количеству вхождений англицизмов в Национальный корпус русского языка, замечаем, что чем реже слово упоминается в зафиксированных текстах НКРЯ, тем чаще испытуемые переводят слово не англицизмом (где это уместно), а русским синонимом или экспликацией. Предположительно, это объясняется тем, что переводчики стремятся использовать как можно меньше непонятной для потенциального читателя лексики и, как следствие, стараются в переводе не употреблять редкие для носителей языка-реципиента слова.

Некорректности в переводе возникали не только у студентов-магистрантов, но и у переводчиков-профессионалов. Так, слово **body** в контексте предмета одежды было переведено на русский как *тело*. Встречались ответы, где английское слово было переведено англицизмом, но в русском языке такой вариант англицизма некорректен. Так, встречались переводы слова **lounge** как *лаунж-зона / лаундж-бар* (разное графическое оформление англицизма у испытуемых). Но в русский язык этот англицизм был заимствован в значении *легкая музыка для отдыха и релаксации* [Шагалова 2019]. Словосочетание **diversification** of product range испытуемые переводили как *диверсификация товарного ряда* вместо корректного *расширение товарного ряда*. Отмечаем, что англицизм **лаунж / лаундж** имеет относительно малое количество вхождений в Национальный корпус русского языка, а **диверсификация** – довольно высокое, но, несмотря на это, все равно использовано испытуемыми некорректно.

Таким образом, обработка и описание предварительных результатов экспериментального исследования специфики освоения англицизмов через призму переводческой деятельности позволили определить когнитивные стратегии освоения заимствований системой языка. Частотность употребления и количество вхождений таких лексических единиц в Национальный корпус русского языка пропорциональны их переводу на язык-реципиент англицизмом, а не русским синонимом и не при помощи экспликации, а также некорректному использованию англицизмов в русских предложениях. Дальнейшее выявление когнитивных семантических стратегий освоения англицизмов системой языка

через призму переводческой деятельности является предметом наших последующих исследований.

Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка / Т.В. Егорова. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

Золотова Н.О. Освоение иноязычного слова как предмет изучения в психолингвистике / Н.О. Золотова, И.В. Дьякова // Слово и текст: психолингвистический подход. – 2023. – №22. – С.12-18.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском тексте / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – М.: Рус. яз., 1998. – 846 с.

Павлов Д.Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» / Д.Н. Павлов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 62-64.

Скляревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Г.Н. Скляревская, Е.Ю. Ваулина, И.О. Ткачева. – М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

Трифонова Н.С. Модификация значений при заимствовании экономической лексики из английского языка в русский / Н.С. Трифонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. – С. 166-169.

Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов / Е.Н. Шагалова. – М.: АСТ-Пресс, 2019. – 576 с.

Aitchison J. Words in the mind: an introduction to mental lexicon. – Oxford, Basil Blackwell, 1987. – 326 p.

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения 09.09.2024).

Ю.А. Талагаева, А.В. Варушкина (Воронеж)

МОДЕЛИРОВАНИЕ «ОБРАЗА ВРАГА» В СОВРЕМЕННОМ СТРАТЕГИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ США

Аннотация. Исследование посвящено изучению современного стратегического нарратива США, а именно его базовому элементу «образ врага». Указывается, что современный образ врага складывается на рубеже XX – XXI вв. Проведенный анализ показал, что образ мира выстраивается вокруг идеи враждебности, «чуждости» врага ценностям и миропорядку США. Фантомная угроза, исходящая от врага, создается по лекалам Холодной войны, однако, современный дискурс отличает тактика приближения угрозы к аудитории. Отмечается деформация концептуальной картины мира, достигаемая совмещением средств композиционного, лексического, синтаксического характера.

Ключевые слова: стратегический нарратив; образ врага

Abstract. The article is devoted to the study of the modern strategic narrative of the United States, namely its basic element "the image of the enemy". It is revealed that the modern image of the enemy was developed at the turn of the XX – XXI centuries. The analysis has showed that the image of the world is built around the idea of hostility, the "alienness" of the enemy to the values and world order of the United States. The phantom threat coming from the enemy is created according to the patterns of the Cold War, however,

modern discourse is distinguished by the tactics of approaching the threat to the audience. The deformation of the conceptual picture of the world is noted; it's achieved by combining means of a compositional, lexical, syntactic nature.

Keywords: strategic narrative; image of the enemy.

Нашему времени свойственно разнообразие конфликтов, протекающих не только на бранном поле, но и поле информационном. Слово в современных войнах является инструментом воздействия на массовое сознание, моделирования поведения с целью достижения желаемого результата. Таким образом, современные войны представляют собой, в том числе, и битвы вербальные, дискурсивные.

Одним из эффективных средств коммуникации в современном информационном пространстве является стратегический нарратив. Под стратегическим нарративом подразумевается совокупность взаимосвязанных историй для объяснения и интерпретации событий, определенным образом сконструированных для достижения стратегических целей [Богданов 2019, с. 174-175].

Действительно, хорошо проработанные политические мифологемы выступают мощным оружием в информационных войнах [Кузьминская 2016, с. 51]. Неудивительно, что интерес к такому когнитивно-лингвистическому феномену, как стратегический нарратив, значительно возрос в последнее время как за рубежом (А. Miskimmon, В. O'Loughlin 2014; К. Natarajan 2014; А. Antoniadou A., В. O'Loughlin, М. Miskimmon 2017), так и в России (С.В. Богданов 2019; О.И. Агнстикова 2023; Е.А. Антюхова, Ю.А. Караулов 2023 и др.). Имеются исследования, посвященные изучению специфики стратегического нарратива Китая, Индии, России, дискурсов НАТО, БРИКС, между тем особенности стратегического дискурса США, на наш взгляд, недостаточно освещены в научной литературе.

Отметим, что, будучи особым образом сконструированным «когнитивным продуктом», стратегический нарратив является инструментом, с помощью которого в условиях противостояния государственный аппарат обосновывает правоту собственных целей и действий, интерпретирует значение событий, происходящих в мире, управляет общественным мнением. При этом для достижения основной цели стратегического нарратива – изложения событий в определенном ракурсе и убеждения аудитории в обязательности и правильности совершаемых государством (его лидерами) действий – актерам необходимо учитывать также и нарративы других сторон, действующих на мировой арене. Это повышает конкурентоспособность их собственного нарратива, делая его более убедительным [Мясников 2020, с. 16-17]. В такой ситуации неизбежно «столкновение» нарративов, особенно если они принадлежат актерам, имеющим диаметрально противоположные интересы, например, сторонам, участвующим прямо или опосредованно через союзников и прокси в вооруженном противостоянии. Здесь каждому актору становится крайне важно привлечь на свою сторону не только внутреннюю, но и внешнюю аудиторию.

Изучение современного стратегического нарратива представляется актуальным, поскольку раскрывает особенности стратегического мышления и

поведения, фундаментальные интересы государства и национальную идентичность, механизмы конструирования картины мира [Богданов 2019, с. 183].

Отличается ли образ врага в современном военно-политическом дискурсе США от нарративов прошлого? Какими способами конструируется данная идеологема, в создании которой задействованы как пропагандистский аппарат государства, так и общественные организации, СМИ?

Отметим, что создание «образа врага» являются одной из фундаментальных основ стратегической культуры США [Юрк 2023]. Современный образ врага складывался преимущественно в эпоху холодной войны. Так, на смену «империи Зла» (*evil empire*), собирательному образу врага (Р. Рейган), в течение 1990-х – 2000-х гг. в американский военно-политический дискурс входят номинации «государства изгой» (*backlash states*, Э. Лейк), «государства, вызывающие озабоченность» (*states of concern*, М. Олбрайт), «нестабильные государства» (*unstable nations*, Б. Обама), «террористы», «экстремисты» (*terrorists, extremists*), «авторитарные силы, диктаторы, тираны» (*authoritarian powers, dictators, tyrants*) [*Здесь и далее перевод науч. – Ю.А., А.В.*] Таким образом, на рубеже XX – XXI вв. вырабатывается комплексный образ противника, развертываемый как на речевом уровне, так и на уровне когнитивном (стратегическом) [Молодыхенко 2012, с. 146].

Проведенный анализ ряда выступлений военно-политических лидеров США на тему противостояния в Сирии (2018, 2022) показал, что образ мира выстраивается вокруг идеи враждебности, «чуждости» врага ценностям и миропорядку, олицетворяемому США. Будучи репрезентацией семиотической категории «круга чужих», противник в современном военно-политическом нарративе изображается как носитель «авторитарности» (*Russia's unfortunate drift into authoritarianism, and the recent decision to invade Ukraine*), «имперских амбиций», угроза «безопасности и стабильности» (*No nation is safe in a world...where a country with imperialist ambitions can go unchecked / Iran ...the greatest threat to regional security and stability*), «исполнитель террористических актов» (*Syria ..violent extremist organizations that threaten the homeland*) [Press Briefing 2022, URL; Harris 2023, URL]. Таким образом, в современном стратегическом нарративе США конструируется единый образ врага – тирана, агрессора, террориста, не имеющего определенной национальности.

Образ врага отличает внедрение заостренной негативной эмоциональной оценочности, аффектации, использование «ярлыков» (упрощенных номинаций с определенной эмоциональной заряженностью): «пагубная деятельность Ирана» (*Iranian malign activity*), «варварство, свидетелями которого мы были в Сирии» (*such an atrocity as this, that we've observed going on in Syria*), «агрессивные экстремистские организации, которые угрожают стране» (*violent extremist organizations that threaten the homeland*), «неспровоцированная война» (*unprovoked war*), «жуткие зверства и военные преступления российских вооруженных сил, варварские и бесчеловечные» (*Russian forces engage in horrendous atrocities and war crimes... barbaric and inhumane*) [Briefing 2018, URL; Press Briefing 2022, URL; Harris 2023, URL].

Фантомная угроза, исходящая от врага, в современном стратегическом дискурсе в целом создается по лекалам холодной войны; актуализируются

истории об использовании химического и ядерного оружия – «Весь мир в ужасе наблюдал за применением этого оружия» (*The whole world has watched in horror these weapons being used*); геноцид мирного населения – «Они поставляют оружие, обеспечивают поддержку и направляют прокси в регионе, которые совершают террористические акты и подрывают авторитет местных властей, все в интересах Ирана» (*They furnish weapons, support and direction to proxies across the region who engage in acts of terror and undermine local governments, all advancing Iranian interests*); извращенная идеология – «Нам необходимо вернуть их обратно в их сообщества, чтобы предотвратить влияние идеологии ИГИЛ* (экстремистская организация, запрещена в РФ) на беззащитных детей» (*We need to get them back into their communities in order to prevent vulnerable children from being indoctrinated into the ISIS ideology*), угрозе демократии и американскому образу жизни – «Кремль нападает на наши демократические режимы и подпитывает коррупцию, стремясь подорвать нашу систему правления. Российские лидеры хотят, чтобы люди считали нашу систему более коррумпированной или такой же коррумпированной, как у них» (*The Kremlin attacks our democracies and weaponizes corruption to try to undermine our system of governance. Russian leaders want people to think that our system is more corrupt or as corrupt as theirs*) [Briefing 2018, URL; Press Briefing 2022, URL; Biden 2021, URL]. Прагматическими средствами заострения угрозы в рассматриваемых нарративах являются средства синтаксического, композиционных уровней: риторические вопросы, вопросно-ответные вставки, повторы, навязанные убеждения.

Отметим, что конструирование образа врага в современном нарративе осуществляется с использованием архетипических образов, метафор, прецедентных текстов, что заостряет, подчеркивает бесчеловечность, кровожадность, жестокость противника, серьезность исходящей от него угрозы: «Как известно всему миру, сирийский народ ужасно страдал от длительной жестокости режима Асада... убийство женщин, детей и других невинных» (*As the world knows the Syrian people have suffered terribly under the prolonged brutality of the Assad regime...murdering women, children and other innocents*) [Briefing 2018 URL].

Между тем, по сравнению со стратегическим нарративом прошлого современный политический дискурс отличается тактика приближения угрозы к аудитории в пространственно-временном плане, усиление ее материализации посредством обращения к опыту говорящего, историй свидетелей: «Мы видели самолеты первого эшелона, там внизу, мы видели бомбардировщиков, которые входили и выходили из их авиабазы в западной Сирии» (*I mean we have seen first echelon fighter aircraft down there, we've seen bombers come in and out of their air base in Western Syria*); «Да, я уверен, что сирийский режим совершил химическое нападение на невинных людей в эту последнюю неделю. Абсолютно уверен» (*I am confident the Syrian regime conducted a chemical attack on innocent people in this last week, yes. Absolutely confident of it*); «США официально определили, что Россия совершила преступления против человечества» (*The United States has formally determined that Russia has committed crimes against humanity*) [Briefing 2018, URL; Press Briefing 2022, URL; Harris 2023, URL].

Как видим, для описания совершаемых врагом-тираном действий вводятся специально отобранные лексические единицы с общей семантикой *“innocent”*, *“vulnerable”*, позволяющей не только актуализировать образ «жертвы», но и противопоставить ее демонизированному противнику. Средствами актуализации сценария демонизации противника в тексте являются, в том числе, и синтаксические и композиционные средства, такие как синтаксический параллелизм, использование неполных синтаксических конструкций.

Укажем на деформацию развертываемой в стратегическом нарративе концептуальной картины мира за счет введения неверных фактов, ангажированных оценок, двойных стандартов в описании своих действий и деятельности врага [Гасанов 2020, с. 63].

Отметим, что проведенное исследование выступлений американских лидеров времен операции в Сирии убедительно показало, что образ врага является одним из базовых компонентов стратегического нарратива США, вокруг которого развертывается политический дискурс. Думается, по сравнению с образом противника риторики холодной войны наблюдается моделирование комплексного образа врага. Высокое значение образа врага в картине мира, идеологии государства приводит к эмоционально-оценочной его номинации, высокой степени аффектации, особых достаточно стереотипных лексико-стилистических, риторических приемов построения данного образа, которые характерны для всех рассмотренных в исследовании выступлений. Образ противника является одним из инструментов военно-политической риторики, с помощью которого оказывается влияние на общественное мнение, добиваются позитивного отношения к собственным геополитическим решениям. Данная модель лежит у истоков современной американской идеологии.

Briefing by Secretary Mattis on U.S. Strikes in Syria April 13, 2018
URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/1493658/briefing-by-secretary-mattis-on-us-strikes-in-syria/> (дата обращения 02.10.2024).

CENTCOM Commander Gen. Frank McKenzie Holds a Press Briefing, March 18, 2022. – URL: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/2971495/centcom-commander-gen-frank-mckenzie-holds-a-press-briefing-march-18-2022/> (дата обращения 02.10.2024).

Remarks by Vice President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference [Электронный ресурс] // The White House: [сайт]. [2009]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-vice-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (дата обращения: 08.10.2024).

Remarks by Vice President Harris at the Munich Security Conference [Электронный ресурс] // The White House: [сайт]. [2013]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/18/remarks-by-vice-president-harris-at-the-munich-security-conference-2/> (дата обращения 08.10.2024).

Богданов С.В. Проблемы формирования стратегического нарратива БРИКС / С.В. Богданов // Вестник междунар. организаций. – 2019. – Т. 14. – №2. – С. 173-190.

Гасанов И.Б. Этнические стереотипы: история, концепты / И.Б. Гасанов. – М.: Проспект, 2020. – 620 с.

Кузьминская С.И. «Образ врага» в современной политической мифологии / С.И. Кузьминская // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – №3. – С. 49-52.

Молодыченко Е.Н. Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов президентского дискурса США) / Е.Н. Молодыченко // Политическая лингвистика. – 2012. – №4. – С. 145-156.

Мясников С.А. Стратегии обоснования внешней политики РФ после 2014 г.: анализ на примерах присоединения Крыма и военной операции РФ в Сирии / С.А. Мясников // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. – 2020. – №4. – С. 14-26.

Юрк А.В. Политика США в отношении сирийского конфликта (2011-2022 гг.): дис. ... канд. ист. наук / А.В. Юрк. – СПб., 2023. – 307 с.

Чжан Ди (Челябинск, Россия; Китай)

КРАСНЫЙ И БЕЛЫЙ ЦВЕТА ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье исследуется связь цвета на материале русско- и китайскоязычных произведений о любви одного и того же временного периода. В процессе исследования анализируются предложения с цветообозначениями и на основе контекста определяется передаваемая эмоция. В результате мы определили, что в русскоязычных произведениях красный цвет выражает застенчивость, злость, смущение, раздражение, страх, напряжение, радость; белый – страх, сожаление, злость, ужас, безумие, агрессия, неловкость, отчаяние, грусть, растерянность, радость. В китайскоязычных произведениях красный выражает застенчивость, злость, грусть, уныние, расстройство, стыд, горе; белый – грусть, горе, взволнованность.

Ключевые слова: цветообозначения, эмоции, китайское и русское художественное произведение, китайская и русская лингвокультура

Abstract. The article is based on the same time's Russian and Chinese love literature works, investigates the relationship between colors. During the research process, we analyzed the sentences with color terms, and according to the context, define the emotions they're transferring. As a result, we are sure that in the Russian, red expresses shyness, anger, embarrassment, annoyance, fear, nervousness, happiness; white expresses fear, regret, anger, fright, madness, hatred, embarrassment, desperation, sadness, panic, joy. While in Chinese works, red expresses shyness, anger, sadness, depression, flutter, shame, sorrow; and white expresses sadness, sorrow, thrill.

Keywords: color terms, emotions, language and culture of Chinese and Russian, artistic works in Chinese and Russian

В культурах разных народов мира цвет часто ассоциируются с эмоциями. Это отмечает в своем исследовании Г. Филип (Philip G.), приводя примеры: в английской лингвокультуре синий цвет ассоциируется с грустью, в немецком – желтый цвет выражает ревность, которая в испанском и английском имеет зеленый цвет (*green with envy, and the green – eyed monster in Shakespeare's Othello* [Philip 2006, с. 82]). Во многих языках красный цвет часто ассоциируется с гневом, как в немецком (*Rot sehen=see red*) и французском (*rouge de rage=red*

with anger [Philip 2006, с. 88]). У китайцев красный цвет часто ассоциируется с храбростью, браком, удачей и женщинами, они также используют красный цвет для обозначения всего, что связано с волнением, процветанием и удачей [吉璐璐 2021, с. 9].

Объективно цвета не имеют никакой связи с эмоциями, поэтому вопрос о взаимосвязи этих явлений в разных лингвокультурах представляет интерес. Можно выделить по меньшей мере четыре причины для существования связи между цветом и эмоцией :

- Во-первых, такая ассоциация может отражать некоторые изменения, связанные с физиологией эмоционального опыта. Например, люди ассоциируют красный цвет с гневом, потому что, когда они злятся, кровотоки в человеческом теле ускоряются и кожа, особенно на шее и лице, становится красной.

- Во-вторых, эта связь между цветом и эмоциями может быть обусловлена тем, как люди мыслят метафорически, так, группа ученых под руководством Меера (Meier) обнаружили систематическую связь между яркостью цветов и интенсивностью эмоций. Например, светлые цвета автоматически приводят к положительным оценкам, а темные – к отрицательным [Meier 2007, с. 366-376].

- В-третьих, само восприятие цвета вызывает специфическую эмоциональную реакцию. Например, красный цвет светофора повышает у людей чувство тревоги, поскольку часто ассоциируется с опасностью.

- В-четвертых, в языке термины цвета и эмоции имеют одинаковую или схожую имплицитную структуру. Например, объекты, которые уже имеют окраску (кровь – красная, трава – зеленая, небо – голубое) и культурную символику цвета (белая или черная траурная одежда, розовый и голубой цвет используются для обозначения пола ребенка).

В данной статье в качестве материала исследования выбраны три художественных произведения на русском языке (Куприн А.И. «Олеся», Бунин И.А. «Митина любовь», Грин А. «Бегущая по волнам») и три художественных произведения на китайском языке (沈从文(Шэнь Цунвэнь), «边城(Бянь Чэн)» («Пограничный городок»), 张爱玲(Чжан Айлин), «倾城之恋» («Любовь, разрушающая города»), 郁达夫(Юй Дафу), «春风沉醉的晚上» («Весенние ночи»)). Выбор этих произведений обусловлен тем, что они относятся к одному временному периоду и посвящены теме любви. С помощью метода сплошной выборки мы выделили все высказывания, в которых встретились цветообозначения *красный* и *белый*, после этого провели анализ связи этих цветообозначений с эмоциями.

КРАСНЫЙ

Эмоции	Русская ЛК	Китайская ЛК
Застенчивость	Ну да, вроде моих, – продолжала она, машинально поправляя волосы и еще больше краснея . («Олеся», А.И. Куприн)	翠翠一天比一天大了, 无意中提到什么时, 会 红脸 了。(Цуйцуй росла день за днем, случайно сказав что-то – краснела .)
Злость	Но, увидев меня, она вдруг	听到了这一位淘气同学的嘲笑, 他才

	замолчала и вспыхнула густым румянцем . («Олеся», А.И. Куприн)	同醒了梦似的回复了常态, 涨红了脸 , 和那位同学打了起来. («春风沉醉的晚上» 郁达夫) (Услышав насмешки этого непослушного одноклассника, он вернулся в свое обычное состояние, как будто очнулся ото сна, покраснел и начал драться с одноклассницей) («Весенние ночи», Юй Дафу)
Смушение	И очень выразительно посмотрел на Аленку. Она слегка смутилась, чуть-чуть покраснела . («Митина любовь», И. Бунин)	-
Раздражение	Внезапно он смешал фигуры и объявил, что проиграл партию. Так повторилось два раза; наконец я обманул его ложной надеждой и объявил мат в семь ходов. Гез был красен от раздражения. Когда он ссыпал шахматы в ящик стола, его руки дрожали. («Бегущая по волнам», А. Грин)	-
Страх	Он толкнул краснью от страха жену. – Вот то же скажет жена. Эй, хозяин! Гарден! Мы оба задержали ее на лестнице! («Бегущая по волнам», А. Грин)	-
Напряжение	Лицо девушки слегка покраснело , и она двинула вверх нижней губой, как будто полумаска мешала ей видеть, и рассмеялась, но неохотно. («Бегущая по волнам», А. Грин)	-
Радость	– Простите мою дерзость, – сказала девушка, краснея и нервно смеясь. Она смотрела на меня своим прямым, веселым взглядом и говорила глазами обо всем, чего не могла скрыть. – Ну, мне, однако, везет! Ведь это второй раз, что вы стоите задумавшись, а я прохожу зади! Вы испугались? («Бегущая по волнам», А. Грин)	-

Грусть	-	她举起 肿红 的眼睛来，对我看了一眼，点了一点头，仍复伏倒头去在哀哀的哭着 («倾城之恋» 张爱玲). (Она подняла свои опухшие глаза, взглянула на меня, кивнула и снова упала ещё раз, печально плача.) («Любовь, разрушающая города», Чжан Айлин)
Уныние, расстройство	-	翠翠瞥了祖父一眼，见他眼睛 红红的 ，知道他喝了酒，且有了点事情不高兴，心中想：“谁撩你生气？ («边城», 沈从文). (Цуйцуй бросила на деда взгляд, увидела его покрасневшие глаза, поняла, что он выпил и его действительно что-то расстроило. «Кто же тебя рассердил, дедушка?») («Пограничный городок», Шэнь Цунвэнь)
Стыд	-	在这样状态下的我，听了她这一问，如何能够不 红起脸来 呢？“我并不在看书，不过什么也不做呆坐在这里，样子一定不好看，所以把这几本书摊放着的。” («春风沉醉的晚上» 郁达夫). (В таком состоянии, как я мог не покраснеть , услышав ее вопрос? «Я не читаю, но сидеть здесь и ничего не делать определенно будет выглядеть плохо, поэтому я разложил эти книги») («Весенние ночи», Юй Дафу)
Горе	-	在这两大块岩石旁边，他们兄妹三人的尸体却颜色如生地静躺在那里，但是三人的眼睛，都是哭得 红肿不堪 的。 («春风沉醉的晚上» 郁达夫) (Рядом с этими двумя большими камнями тихо лежали трупы трех братьев и сестер, как будто они были живы, но их глаза были красными и опухшими от слез.) («Весенние ночи», Юй Дафу)

БЕЛЫЙ

Эмоции	Русская ЛК	Китайская ЛК
Страх	Я едва удержался от того, чтобы не крикнуть, но, кажется, побледнел . («Олеся», А.И. Куприн)	-

Сожаление	Она остановилась около дерева и оперлась спиной об его ствол, вся бледная , с бессильно упавшими вдоль тела руками, с жалкой, мучительной улыбкой на губах. («Олеся», А.И. Куприн)	-
Злость	Олеся остановилась, повернула к озверевшей толпе свое бледное , исцарапанное, окровавленное лицо и крикнула так громко, что каждое ее слово было слышно на площади. («Олеся», А.И. Куприн)	-
Ужас	Он ужаснулся, – приедут, побегут вечером в сад, могут побежать к шалашу, в лощину... Но тотчас же вспомнил, что со станции их привезут не раньше десятого часа, потом будут кормить, поить чаем... – Ты поедешь встречать? – спросила Ольга Петровна. Он почувствовал, что бледнеет . – Нет, не думаю... Мне что-то не хочется... Да и сесть негде... («Митина любовь», И. Бунин)	-
Безумие	Весь облитый, весь насквозь промокший, без единой кровинки в лице , с заплаканными, безумными глазами, он был страшен. («Митина любовь», И. Бунин)	-
Агрессия	Сказав так, я ждал, что он пробурчит извинение и уйдет. Он не изменил позу, не шелохнулся, лишь стал еще бледнее , чем был. Откровенная, неистовая ненависть светилась в его глазах. («Бегущая по волнам», А. Грин)	-
Неловкость	Он встал, тяжело, шумно вздохнул и с неловкой улыбкой, сразу побледнев , произнес: – Одного Бутлера. Элиаса Бутлера. («Бегущая по волнам», А. Грин)	-

Отчаяние	Она, отталкивая меня одной рукой, крепко притягивала другой. Я усадил ее, ставшую покорной, с бледным и пристыженным лицом; последний взгляд свой она пыталась скрасить улыбкой. («Бегущая по волнам», А. Грин)	-
Грусть	Она была бледна и досадовала. Прошло несколько минут молчаливой езды, пока Биче заговорила о Гезе. («Бегущая по волнам», А. Грин)	我一听了她叫我的声音，仿佛是很熟，但记不起是哪一个了，同触了电气似的急忙回转头来一看，只看见了衬映在黑洋伞上的一张 灰白 的小脸。（《春风沉醉的晚上》郁达夫）（Как только я услышал, что ее голос зовет меня, мне показалось, что она очень знакома, но я не мог вспомнить, кто это был. Я быстро обернулся, как будто меня ударило током, и увидел маленькое серо-белое личико на фоне черного зонтика.) («Весенние ночи», Юй Дафу)
Растерянность	– Но, Гарвей! – сказала Биче. При слабом свете фонаря ее лицо выглядело бледно и смутно. – Говорите тише!.. Я слушаю. («Бегущая по волнам», А. Грин)	-
Радость	– Поклянись, – сказала она, побледнев от радости, – поклянись страшной морской клятвой, что это... Ах, как глупо! Конечно же, в глазах у каждого из вас сразу по одному дому! И я-то и есть судья?! Да будь он грязным сараем. («Бегущая по волнам», А. Грин)	-
Горе	-	下沉的双眼，口角的深纹，和两颊的 苍白 ，完全把她画成了一个新寡的妇人。我知道她在追怀往事，所以不敢打断她的思路。（《春风沉醉的晚上》郁达夫）。（Запавшие глаза, глубокие морщины в уголках рта и бледность щек полностью делали ее похожей на недавно овдовевшую женщину. Я знал, что она предается воспоминаниям о прошлом, поэтому не осмелился прервать ход ее

		мыслей) («Весенние ночи», Юй Дафу)
Взволнованность	-	徐太太告诉他们范柳原从英国回来的时候，无数的太太们 紧扯白脸 的把女儿送上门来，硬要推给他，勾心斗角，各显神通，大大热闹过一番 («倾城之恋»张爱玲) (Тетушка Сюй ответила, что, когда Фань Лююань возвратился из Англии, ему прохода не давали мамыши, которые сватали за него своих дочерей. Последние упорно добивались его, строя друг против друга интриги и демонстрируя каждая свои чудесные способности, так что ажнотаж тогда разгорелся не на шутку.) («Любовь, разрушающая города», Чжан Айлин)

На основе анализа приведенных примеров мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, в обеих исследуемых лингвокультурах красный цвет имеет богатую связь с эмоциями и символизирует как положительные, так и отрицательные эмоции. Использование белого цвета для обозначения эмоций имеет отличия. Так, в русских художественных произведениях белый цвет используется для выражения множества разных эмоций, тогда как в китайских художественных произведениях с белым цветом связано очень мало эмоций, и все они являются отрицательными. Это может быть обусловлено культурными различиями. Красный и белый имеют многообразную символику в обеих культурах. Например, в китайской культуре красный символизирует счастье, красоту, кровь и т.д. А белый цвет в китайской культуре имеет первую и самую главную символику – смерть.

Бунин И.А. Митина любовь / И. Бунин. – СПб.: Азбука. 2012.

Грин А. Бегущая по волнам / А. Грин. – Л., 1958.

Куприн А.И. Олеся: повести и рассказы / А.И. Куприн. – Public Domain 1890.

Philip G. Connotative meaning in English and Italian colour-word metaphors / G. Philip // *Metaphorik*. – 2006. – № 10. – С. 59-93.

Meier B.P. When 'light' and 'dark' thoughts become light and dark responses Affect biases brightness judgments. / B.P. Meier, M.D. Robinso, L.E. Crawford, W.J. Ahlvers // *Emotion*. – 2007. – №7. – С. 366-376.

吉璐瑶颜色词“红色”在中俄文化背景下的含义和象征意义—以俄汉成语谚语为例// 语言文学研究 2021. [Цзи Луяо Значение и символика цветообозначений «красный» в контексте китайской и русской культур на примере русско-китайских идиом и пословиц // Изучение языка и литературы. 2021].

沈从文 边城 / 沈从文 // 岳麓书社 2010. – ISBN: 9787807618546. (Шэнь Цунвэнь Бянь Чэн (Пограничный городок) / Шэнь Цунвэнь // Книжный магазин Юэлу, 2010.)

张爱玲 倾城之恋 / 张爱玲 // 北京十月文艺出版社 2019. – ISBN: 9787530218624. (Чжан Айлин Любовь, разрушающая города / Чжан Айлин // Пекинская октябрьская литература и искусство. – 2019.)

郁达夫 春风沉醉的晚上 / 郁达夫 // 明天远航出版社 2016. (Юй Дафу Весенние ночи / Юй Дафу // Пекинская объединенная издательская компания. 2016.)

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ

О.А. Андреева (Тверь)

ТИПОЛОГИЯ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ ЖАНРА КРИТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АСПЕКТЕ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ: НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается жанр критического высказывания через призму эффективного общения: уточняется теоретическая база исследования, обсуждаются результаты эксперимента, направленного на выявление типовых речевых стратегий жанра критического высказывания. Предпринимается попытка типологизации речевых стратегий в аспекте конфликтности, вводится лингвистическое определение конфликтогена, намечается соотношение между речевыми стратегиями и типами конфликтогенов.

Ключевые слова: эффективное общение, речевой жанр критического высказывания, речевая стратегия, конфликтоген, педагогический дискурс

Abstract. In this study the critical speech genre is reviewed through effective communication: the theoretical basis of the study is refined, the results of the experiment aimed at identifying typical speech strategies of the critical speech genre are discussed. The article provides an attempt to build a typology of speech strategies within conflictness, introduces the linguistic definition of the term “conflictogene”, outlines the relation between speech strategies and types of conflictogenes.

Keywords: effective communication, critical utterance speech genre, speech strategy, conflictogene, pedagogical discourse

Критическое высказывание относится к числу универсальных речевых жанров, свойственных различным тематическим типам дискурса, которые выделяются в зависимости от сферы общения. Актуальность обращения к жанру критического высказывания обусловлена его высоким конфликтогенным потенциалом, исследование которого через призму коммуникативной эффективности имеет широкие перспективы, ориентированные на проблематику, связанную с оптимизацией коммуникации.

Теоретической основой обсуждаемого исследования являются такие понятия, как *речевой жанр*, *речевая стратегия*, *эффективное общение*, *конфликтоген*, получившие трактовку в концепциях, изложенных в работах М.М. Бахтина, Г. Грайса, А.П. Егидеса, В.И. Карасика, Дж. Лича, С.В. Мкртычян, И.А. Стернина, И.П. Сусова.

Согласно И.П. Сусову, дискурс – это текущая речевая деятельность в коммуникативно-прагматическом пространстве [Сусов 1988]. В настоящем исследовании критическое высказывание рассматривается в определенном типе институционального дискурса – педагогическом дискурсе, существующем в

рамках общения учителя и ученика и реализующем такие цели, как воспитательная, оценивающая и обучающая [Карасик 2002, с. 209]. Речевой жанр определяется спецификой сферы общения и согласно М.М. Бахтину является «относительно устойчивым типом высказывания» [Бахтин 1986, с. 250]. Критическое высказывание, выполняя перечисленные цели педагогического общения, содержит негативную оценку действий объекта коммуникации.

Под единицей речевого жанра мы понимаем речевую стратегию, трактуемую как единицу интенционального уровня, которая реализуется посредством вербальных вкладов – речевых тактик. Речевая стратегия является составляющей жанра, т.е. единицей его структурирования, и предполагает построение тактики общения с учетом прагмалингвистических параметров с целью достижения коммуникативного результата [Вишневецкая 2017, с. 87].

Критическое высказывание является потенциально конфликтным жанром, поэтому оно исследуется сквозь призму эффективности. Основная концепция, используемая для оценки эффективности критики, разработана И.А. Стерниным, который выделяет три цели эффективного общения: информационную, предметную и коммуникативную (сохранение коммуникативного равновесия). Достижение всех трех целей приводит к эффективному общению [Стернин 2001, с. 55-56]. В данном исследовании понятия эффективности/кооперативности и конфликтности/некооперативности сближаются, речевые стратегии оцениваются с точки зрения их кооперативности/конфликтности. Если кооперативные речевые стратегии направлены на сохранение отношений с собеседником, то некооперативные характеризуются выраженной речевой агрессией [Мкртычян 2011, с. 52].

Для оценки конфликтности речевых стратегий исследователями осуществляется поиск конфликтогенов. Согласно А.П. Егидесу в психологии под конфликтогеном понимают некую исходную точку в зарождении конфликтной ситуации. Конфликтоген, являясь «началом неизбежного конфликта», приводит к неминусемому нарушению коммуникативного равновесия, тем самым нарушая принцип кооперации [Егидес 2004, с. 14]. В лингвистическом аспекте понятие конфликтогена является слабо разработанным. В рамках настоящего исследования мы предлагаем следующее понятие конфликтогена: это такой вербальный вклад (речевое действие/речевой акт), который обладает конфликтогенным потенциалом и который может описываться посредством речевых стратегий и речевых тактик. Конфликтогены являются маркерами агрессивного дискурса.

С целью типологизации речевых стратегий критического высказывания мы провели эксперимент, в котором приняли участие 32 испытуемых – мужчины и женщины от 18 до 41 года. У всех испытуемых имеется разный опыт преподавания. Испытуемым было предложено 8 типичных смоделированных ситуаций, которые могут относиться к педагогическому дискурсу. Всего ответов получено – 248. Речевые стратегии, используемые испытуемыми в жанре критического высказывания, проанализированы с точки зрения их эффективности/конфликтности.

Всего в ходе исследования было обнаружено 30 речевых стратегий (далее – РС). Ответы были распределены на три группы: РС, содержащие конфликтоген; РС, обладающие кооперативным потенциалом, и нейтральные РС.

Наиболее эффективными речевыми стратегиями стали:

1. РС выяснения обстоятельств (9 из 32 испытуемых, 6% ответов): *Почему ты это сделал?*;

2. РС просьбы (13 из 32 испытуемых, 9% ответов): *Верни ему, пожалуйста, пенал;*

3. РС описания ситуации (11 из 32 испытуемых, 7% ответов): *Ей больно и неприятно;*

4. РС межличностной критики (10 из 32 испытуемых, 7% ответов): *Подойди ко мне после урока;*

5. РС индивидуализации собеседника (5 из 32 испытуемых, 1,5% ответов): *Маша, ...;*

6. РС аргументирования (3 из 32 испытуемых, 1% ответов): *Уверяю, тема намного интереснее;*

7. РС получения ответа (1 из 32 испытуемых, 0,3% ответов): *Ты сломал ручку? Да? – Да;*

8. РС предложения конструктивного выхода из ситуации (12 из 32 испытуемых, 5% ответов): *Если вы голодны, можно доест в коридоре и вернуться в класс;*

9. РС выяснения сути дела (2 из 32 испытуемых, 0,6% ответов): *Если тебе так хочется...;*

10. РС выражения доброжелательного отношения (3 из 32 испытуемых, 1% ответов): *Я ценю, что ты знаешь ответ.*

РС выяснения обстоятельств и РС выяснения сути дела считаются кооперативными, так как они направлены на принятие желаний собеседника и не являются односторонними. РС межличностной критики помогает избежать нарушения коммуникативного равновесия, так как публичная критика отвергается в 100% случаев, но в 60% случаев люди не обижаются, если их критикуют наедине [Стернин 2009, с. 121]. РС доброжелательного отношения и РС индивидуализации соответствуют принципу благоприятной самоподачи, изложенному И.А. Стерниным. РС описания ситуации и РС аргументирования направлены на избежание отрицания получаемой информации критикуемым. Человек, обладая внутренней самооценкой отвергает и осуждает замечания в свою сторону, поэтому критическое высказывание должно быть аргументативным [Стернин 2009, с. 121]. РС получения ответа и РС предоставления конструктивного выхода соответствуют максимам вежливости, предложенным Дж. Личем. Данные РС направлены на соблюдение максимы согласия, которая выражает принятие желаний и мнений собеседника, что является признаком кооперации [Leech 2014, с. 201].

Как некооперативные/конфликтные нами расцениваются такие РС, как:

1. РС приказа (17 из 32 испытуемых, 16% ответов): *Перестань!;*

2. РС язвительного вопроса (7 из 32 испытуемых, 4% ответов): *А мне язык покажешь?;*

3. РС язвительного замечания (10 из 32 испытуемых, 6% ответов): *Зоопарк в другом здании;*
4. РС назидания и оценки (19 из 32 испытуемых, 12% ответов): *Так делать нельзя;*
5. РС принуждения (5 из 32 испытуемых, 1,5% ответов): *Соблюдай личное пространство своей соседки;*
6. РС угрозы (10 из 32 испытуемых, 6% ответов): *Либо вон, либо телефон мне на стол;*
7. РС привлечения публичного внимания (3 из 32 испытуемых, 1% ответов): *Расскажи нам всем...;*
8. РС доминирования (2 из 32 испытуемых, 0,6% ответов): *Здесь говорю я. Вы говорите только после того, как я спрошу;*
9. РС перекладывания вины на невиновного (1 из 32 испытуемых, 0,3% ответов): *Не обращай на него внимания.*

РС приказа, РС язвительного вопроса, РС язвительного замечания, РС принуждения, РС угрозы, РС доминирования нарушают все три принципа бесконфликтного общения: принцип терпимости к собеседнику (РС язвительного замечания и РС язвительного вопроса содержат негативные установки), принцип благоприятной самоподачи (все представленные стратегии исключают доброжелательность и выражают негативное отношение к критикуемому) и принцип позитива (выделение только негативных сторон критикуемого) [Стернин 2009, с. 142]. РС назидания и оценки исключает сохранение лица собеседника и аргументативность высказывания, и ее нельзя отнести к кооперативным ввиду отвержения критики референтом (закон коммуникативного сохранения). Согласно закону коммуникативного сохранения РС привлечения публичного внимания классифицируется как неэффективная, так как факт публичной критики возмущает адресата [Стернин 2009, с. 121]. РС перекладывания вины на невиновного является одной из редких и в то же время самых интересных РС ввиду того, что данная стратегия является конфликтной и избегающей конфликта одновременно, то есть предполагает отказ от критики участника общения, совершившего проступок, и критику третьего, невиновного, участника общения. В случае со вторым участником общения РС перекладывания вины является отчасти избегающей, но при участии третьего лица, получившего незаслуженную критику, она принимает статус конфликтной: помимо того, что информация не соответствует мнению критикуемого, она не соответствует реальности, тем самым нарушая максимум качества информации (отсутствие достоверных данных) [Grice 2004, с. 46]. На основе сопоставления неэффективных РС и принципов эффективного общения нам удалось выявить основные конфликтогены (Таблица 1).

Императивность в межличностном общении и большинстве типов дискурса является нежелательным фактором, так как она представляет собой некое неуклонное требование, нарушающее кооперацию. Категоричность, как и императивность, также нарушает принцип кооперации ввиду исключения мнения и коммуникативных потребностей собеседника. Категоричность и императивность указывают на то, что адресанта интересуют только личные цели общения, а наличие таких целей у адресата отвергается. Выражение негативного

отношения к критикуемому напрямую отрицает наличие позитивных сторон и внутренней самооценки собеседника, что приводит к непринятию критики. Создание неблагоприятных условий для критикуемого представляет собой неблагоприятную для критикуемого лица подачу информации, которая в итоге приводит к отвержению получаемой критики. Отведение собеседнику пониженной роли непосредственно препятствует сохранению коммуникативного равновесия (т.е. отведения собеседнику роли не ниже той, которую он сам себе отводит) [Стернин 2001, с. 56]. Перечисленные конфликтогены связаны с несоблюдением принципов эффективного общения, а именно с нарушением коммуникативного равновесия, которое является для нас основным критерием оценки эффективности/кооперативности.

Таблица 1

Конфликтогены в речевых стратегиях

Речевая стратегия	Конфликтоген
РС приказа	Императивность, категоричность
РС язвительного вопроса	Выражение негативного отношения к критикуемому
РС язвительного замечания	Выражение негативного отношения к критикуемому
РС назидания и оценки	Категоричность
РС принуждения	Императивность, категоричность
РС угрозы	Категоричность
РС привлечения публичного внимания	Создание неблагоприятных условий для критикуемого
РС доминирования	Отведение собеседнику пониженной роли
РС перекладывания вины на невиновного	Категоричность, неоправданность критики

Согласно А.П. Егидесу, для коммуникации характерно избегание конфликтной ситуации и игнорирование конфликтогенов [Егидес 2004, с. 14]. В ходе исследования были обнаружены РС, которые не являются ни эффективными, ни конфликтными; некоторые из них можно отнести к отдельному типу стратегий – избегающие РС (или нейтральные РС):

1. РС ухода через перекладывание внимания: *«Давайте сыграем в игру, кто будет тише всех на уроке»;*
2. РС ухода через игнорирование: *«Если это не продолжается в течение всего урока, сделаю вид, что я ничего не заметила»;*
3. РС привлечения внимания: *«Буду долго смотреть на него, пока не поймет, что взгляд направлен на него»;*
4. РС вовлечения: *«Может, займемся делом?»*

Избегающие РС исключают прямую критику и сводят время общения к минимуму, с их помощью адресант игнорирует конфликтоген (нежелательное действие критикуемого, в данном случае нарушающее границы учителя и других учеников).

В ходе исследования было обнаружено, что основными принципами эффективного общения, к которым обратились испытуемые, стали следующие: закон коммуникативного самосохранения (31% испытуемых обратился к РС межличностной критики, 9% – к РС аргументирования, 34% – к РС описания

ситуации), принцип благоприятной самоподачи (к РС выражения доброжелательного отношения обратились 9% испытуемых, к РС индивидуализации – 15%) и максима согласия (РС предоставления конструктивного выхода из ситуации – 38% испытуемых, РС получения ответа – 3% испытуемых). Конфликтогенами, ставшими маркерами неэффективного общения в рамках жанра критического высказывания, являются категоричность и императивность, выражение негативного отношения к критикуемому, создание неблагоприятных условий для критикуемого, отведение собеседнику пониженной роли и неоправданность критики. К самым конфликтным РС можно отнести РС приказа (53% испытуемых), РС язвительного вопроса (22% испытуемых), РС язвительного замечания (31% испытуемых), РС назидания и оценки (59% испытуемых), РС принуждения (15% испытуемых), РС угрозы (31% испытуемых), РС привлечения публичного внимания (9% испытуемых), РС доминирования (6% испытуемых), РС перекаладывания вины на невиновного (3% испытуемых). Самыми частотными РС стали конфликтные – РС приказа и РС назидания и оценки. Эффективные РС представлены в 38,4% ответов, в то время неэффективные – в 47,4% ответов.

На основе полученных данных можно сделать вывод, что для большинства испытуемых в меньшей степени важно сохранение коммуникативного равновесия, и более важно достижение предметной цели общения. Полученные данные демонстрируют слабое владение речевым жанром конструктивного критического высказывания. Перспективы исследования связаны с уточнением лингвистического статуса конфликтогена как маркера агрессивного дискурса и с моделированием эффективных речевых жанров конфликтного дискурса.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 423 с.

Вишневецкая Н.А. Понятие речевых стратегий и дискурс / Н.А. Вишневецкая, О.П. Козлова, О.Н. Романова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 10. – С. 87-89.

Егидес А.П. Психология конфликтов в деловом общении (концепции и технологии): автореф. дис. ... докт. психол. Наук / А.П. Егидес. – М., 2004. – 45 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

Мкртычян С.В. Стилистика устного делового дискурса: монография / С.В. Мкртычян. – Тверь: ТвГУ, 2011. – 313 с.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.

Стернин И.А. Деловое общение: учеб. пособие. – Воронеж: Родная речь, 2009. – 200 с.

Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И.П. Сусов // Языковое общение: процессы и единицы. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1988 [Электронный ресурс]. – URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/IPS1988a.html> (дата обращения: 01.04.2024).

Grice H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // Syntax and Semantics 3: Speech arts. – 2004. – P. 46.

Leech G. The Pragmatics of Politeness / G. Leech. – Oxford University Press, 2014. – P. 201.

Д.Р. Городнов (Тверь)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЯХ КОМПАНИЙ «ABB» и «GES Group»

Аннотация. Специфика лексико-грамматических средств текстов научно-технических рекламных сообщений связана с установкой на адекватную передачу информации о предметах и процессах профессионально ориентированным реципиентам.

Abstract. The specificity of lexico-grammatical means of texts of scientific-technical advertising messages is connected with the setting for adequate transfer of information about subjects and processes to professionally oriented recipients.

Ключевые слова: научно-техническая реклама, целевая аудитория, информация, термин

Keywords: scientific and technology advertising, target audience, information, term

Известный копирайтер Джон Э. Кеннеди определил рекламу как искусство продажи посредством печатного слова. Информирруя и убеждая, реклама использует все возможности языка, скрытые в его семантике и реализуемые в тексте через лексику и грамматические формы.

Данное исследование представляет собой попытку выявить специфику лексико-грамматических средств рекламных сообщений, размещенных на официальных сайтах крупных европейских и американских компаний, а также известных специализированных интернет-изданий (журналов). Тематическое направление: энергетика, электротехника, электрические машины, а также услуги в этой области.

Рассматривая интернет как канал распространения рекламы, Г.Г. Щепилова отмечает, что «развитие информационно-коммуникационных технологий, увеличение объемов производства и передачи информации, доступность коммуникационного оборудования, разнообразие предоставляемого контента – реальность сегодняшнего дня» [Щепилова 2013].

Реклама в сети дает возможность в любое время перечитать и проанализировать текст рекламного сообщения, получить обратную связь через чаты, форумы, центры поддержки клиентов.

Аудиторию рекламных сообщений маркетологи обычно сегментируют по четырем показателям: демографический, географический, психографический (установки, ценности, стиль жизни) и поведенческий. Практически для всех общностей людей издаются отдельные специализированные журналы, и, как справедливо отмечает А.Н. Назайкин, это дает возможность успешно рекламировать продукты, предназначенные для небольшого круга людей, учитывать специфику социологов при создании вербального текста рекламы, направленной на определенные социальные или профессиональные круги [Назайкин 2011, с. 173].

Электронная аудитория научно-технической рекламы представлена в основном людьми современными, динамичными, это, как правило, специалисты в этой области. Например, журнал «Electrical contractor» (более 80 000

подписчиков) своей аудиторией называет владельцев фирм-подрядчиков-электриков, инженеров, сметчиков, агентов по закупкам, менеджеров проектов, супервайзеров.

Знание потенциального клиента позволяет создателям рекламы разговаривать с ним на одном языке – не только использовать понятную и близкую реципиенту образность и лексику, но разговаривать на языке его потребностей, т.е. предложить то, что удовлетворит эти потребности.

В психолингвистическом аспекте цель речевого воздействия – это определенная организация деятельности людей (аудитории или отдельного реципиента) [Леонтьев 1997, с. 273].

А.А. Леонтьевым была предложена психологическая модель речевого воздействия, успех которого связан с моделированием смыслового поля реципиента (аудитории). Речевое воздействие в психологическом (психолингвистическом) плане состоит в том, что на основе двойного моделирования смыслового поля реципиента (наличного и желаемого его состояния) коммуникатор кодирует желаемые изменения в смысловом поле реципиента в виде языкового (речевого) сообщения [Леонтьев 1997, с. 277]. Реципиент декодирует сообщение и «извлекает» из него информацию, значимую для его личности и деятельности.

Таким образом, язык можно рассматривать как орудие осуществления целенаправленной деятельности человека [Язык средств массовой информации 2008, с. 28].

Переходя непосредственно к текстам научно-технической рекламы, следует отметить, что их отличает информационная насыщенность, логичность построения, точность и объективность.

По мнению А.И. Гальперина, слова, используемые для выражения мысли в научной прозе, обычно имеют одно предметно-логическое значение, что позволяет адекватно донести до читателя описываемое явление [Гальперин 1958, с. 424]. Наиболее распространенным средством выражения научных понятий являются термины, выполняющие научно-познавательную функцию [там же, с. 60].

Термины наиболее точно и экономно определяют научную или техническую мысль. Большинство терминов носит признак моносемантической: *glass fibre* (стекловолокно), *step-up transformer* (повышающий трансформатор), *stator* (статор), *turbine generator* (турбогенератор), *condenser excitation systems* (системы возбуждения конденсаторов), *servo motor* (серводвигатель), *bearing* (подшипник).

Тексты научно-технической рекламы, как и вообще научную прозу, отличает использование большого количества слов с абстрактной семантикой: *validation* (валидация), *system* (система), *quality* (качество), *solution* (решение), *business* (бизнес), *conditions* (условия).

Используются технические определения, состоящие из целых цепочек слов, как правило, препозитивных определительных групп: *modular multilevel design* (модульная многоуровневая конструкция), *variable frequency transformers* (трансформаторы с регулируемой частотой), *squirrel-cage induction motors* (асинхронные двигатели с короткозамкнутым ротором).

Целевая потребительская аудитория текстов научно-технической рекламы готова к обилию технических терминов. М.М. Бахтин считает, что выбор языковых средств определяется тем, кому адресовано сообщение. Поэтому необходимо учитывать апперцептивный фон восприятия речи адресатом, его осведомленность в ситуации, обладает ли он специальными знаниями данной культурной области общения, его взгляды и убеждения. От этого зависит понимание высказывания [Бахтин 1986, с. 291].

В большинстве научно-технических рекламных сообщений присутствуют:

- ссылки на нормативные документы и стандарты: *IEC 60034, IEC 61800-3, Stage IIIA, EN 60079-31, EN ISO 9000, RAL*;
- названия организаций и объединений: *NAFTA (North American Free Trade Agreement), EU (European Union), NERC (North American Electric Reliability Corporation)*;
- цифровые данные: *a power range of 0.05 to 7.0 kW, class IE4, between – 40°F and 221°F, 24 – 220 kVA, 2 pole*;
- сокращенные обозначения (аббревиатура) – *EV (Electric Vehicle), IEEE (Institute of Electrical and Electronics Engineers), LED (light-emitting diode)*.

По мнению А.А. Романова, реклама должна иметь свой арсенал выразительных средств, свой «язык», соединяющий некоторый рекламируемый объект с некоторой ценностью при помощи художественных средств, чтобы пробить «щит» психологического восприятия у аудитории [Романов 1997, с. 12].

Можно привести пример субъективно-оценочного отношения автора в рекламе журнала «Stuff». Журнал ориентирован на потребительскую электронику, но имеет рубрику с инновационными, готовящимися к выпуску продуктами. В качестве общего признака для сравниваемых объектов в сообщении выступает такое качество предмета как высокая скорость, благодаря мощному двигателю: *It's like strapping a rocket to your back*.

Эмоциональность и выразительность может проявляться в восклицаниях и вопросах. *Motors drive their businesses and EMT keeps their motors running!* (Моторы двигают их бизнес, а ЕМТ поддерживает их моторы в рабочем состоянии!), *What Is A Generator Control Panel?* (Что такое панель управления генератором?). Как правило, это не мешает восприятию научно-технической информации.

Призывность и побуждающие мотивы проявляются прямо или косвенно: *When in doubt, CONTACT US at 513-821-9999* (Если вы сомневаетесь, свяжитесь с нами по телефону), *Experience innovation and efficiency* (Испытайте инновации и эффективность), *FG Wilson can provide a control system to suit your needs* (Компания G Wilson может предложить систему управления, соответствующую вашим потребностям).

В текстах научно-технических рекламных сообщений распространены пассивные, безличные и неопределенно-личные конструкции. Большей частью употребляются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, в которых преобладают существительные, прилагательные и неличные формы глагола. *The SIMOTICS SD range of motors is one of the most compact in the world, because it is manufactured using innovative technologies*.

Логическое выделение часто достигается путем отступления от твердого

порядка слов (инверсии). *For operation in single-phase and three-phase networks, diverse converter frame sizes and motor shaft heights cover a wide range of applications with the focus on dynamic motion and processing – for example positioning, conveying and winding.*

Нужно подчеркнуть, что использование в текстах рекламных сообщений средств семантической когезии поддерживает логичность изложения.

Служебные и вводные слова и словосочетания выражены эксплицитно и устанавливают различные типы связей:

– причинно-следственные, условно-следственные: *thus* (поэтому), *thanks to* (благодаря);

– пространственно-временные: *now* (теперь), *then* (затем), *again* (снова), *at once* (одновременно), *for those times* (в те времена), *at any time* (в любое время), *each time* (каждый раз), *always* (всегда), *daily* (ежедневно);

– сопоставление и противопоставление: *but* (но), *instead of* (вместо), *or* (или);

– уточнение: *additionally* (дополнительно), *notably* (примечательно), *plus* (к тому же), *also* (также), *in addition* (в дополнение), *needless to say* (само собой разумеется).

Рассмотрим рекламные сообщения компании «ABB» и компании «GES Group». Предмет рекламы один и тот же – низковольтный привод переменного тока ACS480, при этом «ABB» является производителем, а «GES Group» занимается установкой оборудования и предлагает продукты других компаний.

Объем рекламного сообщения «ABB» – 150 слов, на странице сайта есть технический паспорт на 2 листах и видео материалы по установке и настройке. На основе этого материала «GES Group» составила свое рекламное сообщение объемом 200 слов. В Таблице 1 представлены параметры сравнения двух рекламных сообщений.

Таблица 1

Сопоставление рекламных сообщений компаний «ABB» и «GES Group»

Параметры для сравнения	Компания	
	«ABB»	«GES Group»
Область применения	<i>Conveyors, ompressors, fans, pumps, and many other basic applications in various industries, including food and beverage, logistics and warehousing, and water and wastewater</i>	<i>Conveyors, compressors, fans, as well as many other</i>
Основные качества	<i>Efficiency in a compact package</i>	<i>High quality and robustness</i>
Удобство использования	<i>Simplicity</i>	<i>Without the head scratching complexities</i>
Технические характеристики	<i>0.75 to 22 kW, 208 to 480 V IP20</i>	<i>Coated boards, earth fault protection and maximum ambient temperature of 50 °C</i>
Совместимость	<i>Member of ABB's all-compatible drives portfolio</i>	<i>The assistant control panel with 13 different languages is standard for ACS480 drives</i>

Поддержка	<i>Support</i>	<i>Help button offers instant advice in unclear situations</i>
Испытания	-	<i>All the drives are tested at maximum temperature and with nominal loads</i>

Мы видим, что в рекламных сообщениях информация представлена с разными акцентами, например «ABB» главным преимуществом привода считает эффективность и компактность, а «GES Group» обещает своим клиентам высокое качество и надежность. Сообщая о легкости подключения и настройке привода, «GES Group» использует фразеологизм «head-scratching» (чесать затылок), означающий проблему, которая вызывает затруднение при попытке найти решение.

Проведенный нами анализ текстов англоязычной научно-технической рекламы показал, что способы подачи материала и формы его выражения могут быть разными.

Тексты научно-технической рекламы на сайтах производителей технических продуктов, в научных журналах, которые принимают рекламу, тематических журналах для специалистов отличает сдержанность и строгость изложения, информационная насыщенность, специальная лексика, понятная профессионально ориентированной аудитории. Встречаются исключительно научные понятия, которые могут вызвать трудности в понимании – *harmonic* (гармоника), *material fatigue limits* (пределы усталости материала), *subsynchronous resonance* (подсинхронный резонанс). Эмоционально-оценочные слова представлены незначительно, встречаются разговорные слова, слова в переносно-образных значениях. Функция сообщения преобладает над функцией воздействия, т.к. аудитория уже заинтересована в представленной тематике и к выбору продукта подходит рационально.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – С. 250-296.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М: Лит. на иностр. яз., 1958. – 459 с.

Леонтьев А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.

Назайкин А.Н. Эффективный рекламный текст в СМИ: монография / А.Н. Назайкин. – М.: Моск. ун-т, 2011. – 476 с.

Романов А.А., Черепанова И. Ю., Ходырев А. А. Тайны рекламы / А.А. Романов, И.Ю. Черепанова, А.А. Ходырев. – Тверь: ГЕРС, 1997. – 290 с.

Щепилова Г.Г. Реклама в СМИ: теории и модели: учеб. пособие / Г.Г. Щепилова. – М.: МедиаМир, 2013. – 192 с.

Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. – М: Академический Проект, Альма Матер, 2008. – 760 с.

А.В. Зиньковская, А.А. Сахно (Краснодар)

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОЛЬФАКТОРНОЙ СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме ольфакции в контексте семиотики. Основное внимание в работе акцентируется на рассмотрении запаха в качестве составляющей семиозиса. Выделяются и описываются характерные особенности ольфакции и ее проявлений на уровне художественного текста. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке лингвистики, психолингвистики и биологии.

Ключевые слова: ольфакция, запах, семиотика, семиозис, знак

Abstract. the article deals with the relevant problem of olfaction with regard to semiotics. The work focuses on the smell review as the component of semiosis. Olfaction characteristic features and its manifestations at the level of literary text are outlined and described. The work has interdisciplinary character and written at the intersection of linguistics, psycholinguistics and biology.

Keywords: olfaction, smell, semiotics, semiosis, sign

Современная невербальная коммуникация представляет собой достаточно сложную структуру, состоящую из нескольких уровней взаимодействия. Так, Г.Е. Крейдлин выделяет: паралингвистику (науку о теоретических изысканиях в области звуковых кодов невербалики), кинесику (науку, изучающую природу жестов и жестовых систем), окулесику (науку о визуальной составляющей поведенческой коммуникации), аускультацию (науку, рассматривающую звуковой уровень коммуникативного процесса), гаптику (науку о тактильном взаимодействии), гастику (науку о еде и ее месте в системе невербальной коммуникации), ольфакцию (науку о запахах, их сущности и функциональных особенностях), проксемику (науку о структуре пространства), хронемнику (науку о временной действительности) и системологию (науку о теории сложных систем). Перечисленные составляющие являются самостоятельными и самодостаточными, но при этом тесно взаимодействуют между собой [Крейдлин 2002].

В данной работе рассматриваются проблемы ольфакции в рамках семиотики на примере художественного дискурса. Ольфакция изучает не только роль запахов в коммуникации, но и взаимосвязь тепловой и химической деятельности организма человека в коммуникативном пространстве. Здесь необходимо выделить компоненты запаха: уникальный биологический запах, основанный на генотипе человека; вещества, которые потребляет человек в виде продуктов питания; парфюмерные изделия. Доминирующим источником ольфакторных выделений человеческого организма является кожа.

Уникальный биологический запах различается от человека к человеку, выступает его главной особенностью, это объясняется неповторимым смешением каприловой, масляной, капроновой и валериановой кислот, а также особенностями метаболизма [Бутовская 2004].

Обратимся к эксперименту К. Аскерл, в котором девушкам от 18 до 33 лет прикрепили в зону подмышек специальные подкладки, поглощающие и

фиксирующие запахи. Заранее был оговорен запрет на использование парфюмерных продуктов в период проведения эксперимента. Девушек попросили не курить, не употреблять острую пищу и алкоголь. Далее, два дня в одно и то же время им показывали два фильма – фильм ужасов и видео о достопримечательностях столицы Австрии. Необходимо отметить, что просмотр видеоматериала проходил в полном одиночестве, в стенах прохладного помещения. Непосредственно после просмотра видео подкладки упаковывали в отдельные пластиковые емкости и замораживали до -20°C . Также девушки заполняли соответствующие анкеты для определения уровня тревожности.

В процессе последующего этапа эксперимента эксперты женского пола должны были оценить запах подкладок согласно критериям насыщенности, наличия привлекательности, ассоциативной корреляции с агрессией.

Результаты эксперимента выявили взаимосвязь между уровнем тревожности и просмотром фильма ужасов (возбудителем страха), также установлено, что эксперты смогли различить запахи подкладок, с которыми смотрели фильмы ужасов (он был более отталкивающим и ассоциировался с агрессией) от подкладок, которые использовали в процессе просмотров достопримечательностей.

Таким образом, целесообразно сделать вывод о способности человека воспринимать тревогу по запаху своего сородича [Ackerl 2002].

Значительную роль в изучении ольфакции играет кросс-культурный компонент и его особенности. Каждый культурный пласт обозначен индивидуальным отношением к тому или иному запаху, его восприятию и интерпретации.

Вернемся к запаху пота. В современном мире в большинстве своем он характеризуется как что-то недопустимое и неприятное. При этом в ряде стран наблюдается индивидуальная аутентификация себя с этим запахом. В австралийских племенах мужчины на прощание натирают друг друга потом из зоны подмышек, в Новой Гвинее женщины для мотивации друг друга тоже натирают собеседниц своим потом, в национальных танцах определенных районов стран Средиземноморья и Австрии отмечается традиция у мужчин проводить перед партнершей своим носовым платком, заблаговременно вытерев им собственный пот [Schiefenhovel 1997].

В данном исследовании коммуникативный процесс в пределах ольфакции рассматривается на примере семиозиса. Необходимо отметить четыре его компонента: знаковое средство (sign vehicle), интерпретатора (interpreter) и интерпретанту (interpretant), десигнат (designatum). Большое значение имеет взаимосвязь между знаками, знаками и интерпретатором, знаками и объектом. Вследствие чего определяются три направления: семантическое, прагматическое и синтаксическое [Моррис 1971].

Таким образом, невербальная коммуникация может быть представлена в виде сложной структуры неограниченного семиозиса, где невербальная единица (в нашем случае) запах воздействует как знак, его значение выступает интерпретантой для интерпретатора (участника коммуникативного процесса).

Анализируя корреляцию «знак – интерпретанта – интерпретатор» полагается возможным сделать вывод о комплиментарности знака и семиозиса. Природа знака сама по себе раскрывается в процессе его интерпретации.

Семиозис также возможно представить в виде системы кодирования. Так, в рамках невербальной коммуникативной ситуации отправитель и реципиент характеризуются наличием специфичного набора кодов, с помощью которых информационный процесс функционирует в определенном аспекте. При восприятии запаха мы используем конкретную информацию о каких-либо вещах или явлениях. Она находится в нашей памяти. Соответственно, в данной ситуации применяется код узнавания, благодаря которому мы различаем признаки того или иного предмета, находящиеся в приоритете для сохранения. В процессе отбора условий рецепции данный код является доминирующим. Важно помнить о том, что сортировка доминантных характеристик для распознавания или воспроизведения запаха воспринимается как естественная (биологическая) способность, лежащая вне идеологических или культурных границ [Эко 2006].

Рассмотрение процесса восприятия запаха с биологической точки зрения неразрывно связано со знаменитой стерической теорией Дж. Эймура, согласно которой запах определяется молекулярными размером и формой. В этой части необходимо упомянуть термин «пахучее вещество», под которым понимаются химические соединения, способные испаряться, а их молекулы при этом пребывают в воздухе в состоянии паров. Непосредственно функцию обоняния реализует определенный участок в зоне верхнего носового хода. Сквозь слой эпителия области обоняния проходят выводные потоки серозных желез, выделения которых увлажняют его поверхность. При этом количество жидкости регулируется химическими и нервными влияниями [Бабияк 2008].

Исследование дискурсивного представления феномена запаха невозможно без опоры на когнитивную лингвистику.

Когнитивная лингвистика рассматривает процессы, связанные с человеческим мироощущением, при участии осознания, постижения и понимания реалий окружающего мира. Серьезную роль в данной области лингвистики играет изучение различных репрезентативных форм.

Несмотря на то, что когнитивная лингвистика является направлением когнитивных наук, на данный момент она в достаточной степени сформировалась и представляет собой самостоятельное научное поле, а ее задачей является получение данных о деятельности разума. Она анализирует мыслительный материал, обобщает и резюмирует результаты ментальных репрезентаций, основанных на человеческом сознании [Попова 2012].

Рассмотрим дискурсивное представление ольфакторных единиц в художественном тексте:

«Прошло уж лет пятнадцать с тех пор, как мы не видались, и я совершенно нечаянно, находясь по службе в Песчанолесье, узнал, что Лузгин живет верстах в двадцати от города в своей собственной усадьбе. Признаюсь откровенно, при этом известии что-то мягкое прошло по моей душе, как будто до такой степени пахнуло туда весной, что даже нос мой совершенно яственно обонял этот милый весенний запах, который всегда действует на меня весело. Весна и молодость – вот те два блага, которые творец природы

дал в утешение человеку за все огорчения, встречающиеся на жизненном пути» [Салтыков-Щедрин 1968, с. 285].

В данном примере реализуется процесс семиозиса, в котором весенний запах является знаком для интерпретатора (автора), при этом у него улучшается настроение (интерпретанта).

«Марья Николаевна навела лорнетку на сцену – и Санин принялся глядеть туда же, сидя с нею рядом, в полутьме ложи, и вдыхая, невольно вдыхая теплоту и благовоние ее роскошного тела и столь же невольно переворачивая в голове своей все, что она ему сказала в течение вечера – особенно в течение последних минут» [Тургенев 1979, с. 361].

Данная коммуникативная ситуация является примером семиозиса, при котором запах тела Марьи Николаевны является знаком для Санина (интерпретатора). Этот аромат сводит Санина с ума, и он начинает переосмысливать события вечера (интерпретанта).

Таким образом, на основании исследованного теоретического материала и анализа дискурсивного представления ольфакторных единиц можно сделать выводы о семиотической природе ольфакторных явлений. С точки зрения семиотики коммуникативная ситуация, содержащая в себе единицы ольфакции, является неограниченным семиозисом, где запах функционирует как знак для участника коммуникации (интерпретатора). Процесс кодирования запаха, его интерпретацию необходимо реализовывать, основываясь на кросс-культурное поле, в рамках которой он представлен.

Бабияк В.И. О медико-физиологической роли обонятельного и вкусового анализаторов. Физиология органа обоняния (сообщение второе) / В.И. Бабияк, В.Н. Тулкин // Российская оториноларингология. – Санкт-Петербург: СПб НИИ ЛОР, 2008. – С. 27-36.

Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура / М.Л. Бутовская. – М.: Научный мир, 2004. – 440 с.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.

Салтыков-Щедрин М.Е. Губернские очерки / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Художественная литература, 1968. – 543 с.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. / И.С. Тургенев. – М.: Наука, 1979. – Т. 3. – 532 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург: Symposium, 2006. – 540 с.

Ackerl K. The scent of fear / K. Ackerl, M. Atzmuller, K. Grammer // Neuroendocrinology Letters, Stockholm. – Maghira & Maas Publications, Vol. 23. 2002. – P. 79-84.

Morris C. Writings on the general theory of signs / C. Morris. – The Hague. Mouton, 1971. – 486 p.

Schiefenhovel W. Universals in interpersonal interactions / W. Schiefenovel // Nonverbal Communication: Where Nature Meets Culture. – Mahwah, NJ. Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. – P. 61-79.

А.А. Иванова (Москва)

РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ ПОЛИТИКОВ XX В.

Аннотация. Статья посвящена анализу речевых портретов политиков XX в. (И.В. Сталина, У. Черчилля, Ф. Рузвельта). Приводятся результаты опроса носителей языка, касающиеся их отношения к речи политиков.

Ключевые слова: политик, речевой портрет, опрос

Abstract. The article is devoted to the analysis of speech portraits of politicians of the twentieth century (I.V. Stalin, W. Churchill, F. Roosevelt). The results of a survey of native speakers concerning their attitudes in the speech of politicians are presented.

Keywords: politician, speech portrait, survey

В современном мире на фоне обострения политических, экономических, национальных, а также культурных различий анализ речевых портретов, на наш взгляд, актуален в наши дни, как никогда. Благодаря речевым портретам строится представление о человеке не только как о личности, но и как о профессионале своего дела, которое играет ключевую роль в определении и реализации национальной и международной политики [Павлычева 2016, с. 4]. Особенно это сказывается на политической сфере, так как люди, занятые в этой области, часто отвечают не только за себя, но и за политические сообщества, государства, а также людей, которые голосовали или были причастны к выбору данных должностных лиц. В данной статье нам бы хотелось рассмотреть речевые портреты политиков XX века – Иосифа Виссарионовича Сталина, Уинстона Черчилля, Франклина Рузвельта. Этот выбор не случаен, так как данные политики не только жили в одно время и были представителями крупнейших держав, но и им пришлось тесно взаимодействовать и объединиться перед лицом общего врага (Адольфа Гитлера), несмотря на противоположность политических убеждений и взглядов.

К исследованию речевых портретов обращались такие ученые, как: О.Г. Алюнина, И.В. Иванцева, Е.А. Ярмахова, Т.В. Старцева, Л.П. Крысин, И.В. Гуляева, В.И. Шаховский, В.И. Карасик, М.Р. Желтухина и др.

Существует огромное множество определений понятия «речевой портрет». Так, например, А.В. Асадуллаева придерживается определения, предложенного Л.П. Крысиным, которое подразумевает под речевым портретом некий уникальный лингвистический концепт, который включает в себя манеру, интонацию и темп речи, предназначенный для создания образа языковой личности [Асадуллаева 2011]. По мнению И.В. Гуляевой, коммуникативное поведение является главным фактором при определении речевого портрета [Гуляева 2009]. А Е.Д. Павлычева пишет, что речевой портрет – это синтез личностных и коммуникативных языковых черт индивида, представленных в виде некоторой открытой модели, отражающей, в том числе, коллективное описание представителя какой-либо культуры, обладающего способностью к умственным действиям, таким как анализ [Павлычева 2016].

Анализ речевого портрета И.В. Сталина показывает следующее.

В своем первом радиообращении к советскому народу после вторжения немецких войск в 1941 г. на территорию СССР И.В. Сталин использует ряд приемов речевого воздействия:

- обращения: *Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!*, подчеркивая свою связь с каждым гражданином Советского союза;

- эпитеты: *великая (миссия), славная (Родина)* [Мальшакова 2021];

- побудительные конструкции, которые помогают мотивировать бойцов на борьбу с врагом, вселить веру в победу.

С грамматической точки зрения, речь И. Сталина достаточно упрощенная, однако это делается говорящим намеренно. Отметим, что в целом речь Сталина (как лексические, так и грамматические средства) менее разнообразна, чем у его оппонентов (Ленина, Троцкого, Луначарского). Это связано с тем, что русский язык не был его родным. Некоторые ученые считают, что грамматически речь Сталина опирается на грузинскую кальку.

Обратимся к речевому портрету У. Черчилля, который стал предметом исследования Ю.Э. Знак [Знак 2020], которая отметила, что в речи Черчилля активно используются: инфинитивы цели и функции определения (*to give security to these countless homes they must be shielded from the two gaunt marauders, war and tyranny* – чтобы обеспечить безопасность этих бесчисленных домов, их необходимо оградить от двух изможденных мародеров, войны и тирании; *I now invite the House... to record its approval of the steps taken and to declare its confidence* – Сейчас я приглашаю Палату представителей... зафиксировать свое одобрение предпринятых шагов и заявить о своем доверии).

Среди модальности предложений ученый выделяет: а) утвердительные (*I hope to complete the appointment* – Я надеюсь завершить встречу; *I trust that, when Parliament meets again* – Я обещаю это, когда состоится новое заседание Парламента); б) вопросительные (*What then is the overall strategic concept which we should inscribe today?* – Какова же тогда стратегическая концепция, которую нам следует изложить сегодня?); в) призывающие к действию, вдохновляющие народ (*Let no man underrate the abiding power of the British Empire and Commonwealth* – Пусть никто не преуменьшает непоколебимую мощь Британской империи и Содружества; *Let me however make it clear that I have no official mission or status of any kind...* – Однако позвольте мне прояснить, что у меня нет никакой официальной миссии или какого-либо статуса...).

По мнению Ю.Э. Знак, У. Черчилль часто употребляет глаголы в разных наклонениях для прямой линейности и открытого побуждения к действию (*I now invite; to wage war against a monstrous tyranny* – Сейчас я взываю; вести войну против чудовищной тирании), а также для выразительности речи – метафоры и лексические повторы (*In front of the iron curtain which lies across Europe are other causes for anxiety* – Есть и другие поводы для беспокойства у Запада, находящимся перед «железным занавесом»; *We have no hostility to the Russian people and no desire to deny...* – У нас нет враждебности к русскому народу и нет желания отрицать...).

Е.Д. Павлычева отмечает, что используемые У. Черчиллем грамматические, лексические и стилистические приемы, показывают его умение создавать тексты

любой сложности и при этом соблюдать как языковые, так и коммуникативные нормы [Павлычева 2022].

Обратимся к описанию речевого портрета Франклина Делано Рузвельта. Н.С. Чеканов [Чеканов 2018] выделяет несколько ключевых особенностей:

1) американский президент в своей речи часто подразумевает исключительность американского народа, пропагандирует национальное превосходство, для этого Ф. Рузвельт использует прием противопоставления, например: *«Мы, американцы, не разрушители, мы создатели»*, показывая главенство над другими нациями;

2) для активного взаимодействия с гражданами Ф. Рузвельт часто употребляет в своей речи повелительное наклонение: *Помните, что ни один платежеспособный банк не стал ни на доллар беднее...!*; применение анафоры (*Я уверен, что наши граждане во всех уголках страны... сделают все, чтобы мы победили в этой войне*) Ф. Рузвельт поднимает боевой дух граждан, для этой же цели используются и повторы (*Я верю, я глубоко убежден, я призываю*).

Грамматически речь президента построена грамотно, с активным использованием сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, которые были присущи президентам XVIII-XX вв., также применение герундиальных оборотов добавляет выразительности его речи (*air squadrons had commenced bombing in the American Island of Oahu* – авиационные эскадрильи начали бомбардировку американского острова Оаху), а инфинитивные конструкции выступают в разных ролях: подлежащего, определения, дополнения (*No weak nation hat acts manfully and justly should ever have cause to fear us* – Ни одна слабая нация, действующая смело и справедливо, не должна иметь повода бояться нас). Ю.А. Солозובה приводит примеры использования политиком и страдательного залога, что позволяет Ф. Рузвельту делать акцент на актуальности решения проблем (*... the spirit in which these tasks must be undertaken* – ... дух, в котором эти задачи должны решаться) [Солозובה 2022].

Все это позволяет сделать вывод о том, что ораторское искусство Ф. Рузвельта было его сильным политическим оружием.

На втором этапе исследования был проведен опрос. Цель опроса – определить роль речевого портрета политика.

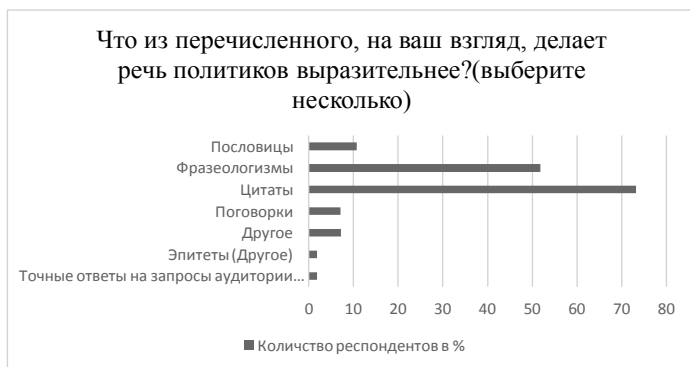
В опросе приняли участие взрослые респонденты разных возрастов (от 18 лет). Приведем результаты опроса.

Обращаете ли вы внимание на речь политика?	
Варианты ответа	Количество респондентов в %
Всегда	25
Часто	35,7
Редко	7,2
Иногда	21,4
Никогда	10,7

Основная масса отвечающих часто интересуются речью политика (более 60%), однако среди треть опрошенных делают это редко.

Кто на ваш взгляд из данных политиков был мастером слова?	
Варианты ответа	Количество респондентов в %
Сталин	47,3
Рузвельт	14,5
Черчилль	38,2

По мнению респондентов, большим ораторским искусством обладали И. Сталин и У. Черчилль. Действительно, речь И. Сталина обладала мощным зарядом мотивации, которая побуждала миллионы людей к действию. У. Черчилль занимает 2-е место не только потому, что является величайшим политическим деятелем Англии, но и благодаря своей уникальной речи, которая сыграла ведущую роль в сохранении боевого духа в Британии во время Второй мировой войны.

Анализ результатов опроса показывает, что опрошенные, прежде всего, обращают внимание на грамотность, ясность и логичность высказанного, нежели

на красоту оформления, но при этом цитаты и фразеологизмы можно выделить как наиболее востребованные единицы.

Должна ли речь политика соответствовать его (политика) должности/статусу?	
Варианты ответа	Количество респондентов в %
Обязательно	78,6
Желательно	17,9
Нет	3,5

Должна ли речь политика быть формализованной? (наличие канцеляризмов, сложных грамматических конструкций)	
Варианты ответов	Количество респондентов в %
Да	42,9
Нет, речь должна быть простой	50
Другое	3,5
50/50(Другое)	1,8
Смотря для кого направлена. Если для простых людей, то нет. Если для других политиков, то допускается (Другое)	1,8

Несмотря на то, что подавляющее большинство считает, что речь должна соответствовать политическому статусу, мнение респондентов по поводу формализации языка разделилось: половина опрошенных считает, что государственному деятелю лучше общаться простым языком, другая часть склоняется к формализованности речи либо подразумевает это в контексте.

Исследование показало, что роль речевого портрета политика очень велика. Речевой портрет политика представляет собой систему сложных коммуникационных и смысловых аспектов, которые отражают в себе характер, эмоциональную сферу, волевой контроль, умственные способности, а также знания говорящего. По языковым особенностям политического деятеля люди могут сделать выводы не только о профессионализме конкретно взятого человека, его личности, взглядах, но и о стране в целом.

Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Асадуллаева. – Волгоград, 2011. – 170 с.

Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Гуляева. – Волгоград, 2009. – 176 с.

Знак Ю. Э. Актуализация концепта «война» в идиостиле У. Черчилля (на материале речей 1940 и 1949 гг.) / Ю.Э. Знак // Политическая лингвистика. – 2020. – №2(80). – С. 57-65. – DOI 10.26170/pl20-02-06. – EDN NKJNBK.

Мальшакова П.А. Речевой портрет И. В. Сталина в контексте исследования его личности и государственной деятельности / П.А. Мальшакова // Актуальные вопросы гуманитарных наук: сборник научных статей бакалавров, магистрантов и аспирантов / Под ред. А.А. Сорокина, Г.В. Калабуховой. Вып. 4. – Москва: ООО «Книгодел», 2021. – С. 281-289.

Павлычева Е.Д. Лингвистическая основа речевых портретов в политической сфере / Е.Д. Павлычева; под ред. Э.А. Сорокиной. – Москва: Московский государственный областной университет, 2019. – 212 с.

Павлычева Е.Д. О некоторых лингвистических явлениях в портрете языковой личности политика / Е.Д. Павлычева, Э.А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. – 2022. – № 4. – DOI 10.18384/2224-0209-2022-4-1194.

Павлычева Е.Д. Речевые портреты в лингвополитологии: типологические основы / Е.Д. Павлычева. – Москва: ИИУ Московского государственного областного университета, 2016. – 170 с.

Речь У. Черчилля в Вестминстерском колледже. – URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstonacherrillya-1946-goda.html>.

Солозובה Ю.А. Инаугурационные речи президентов США: лингвопереводческий аспект / Ю.А. Солозובה // Молодой ученый. – 2022. – №25 (420). – С. 264-272. – URL: <https://moluch.ru/archive/420/93395/> (дата обращения: 18.03.2024).

Чеканов Н.С. Особенности политического дискурса Ф. Рузвельта (на примере текстов «Беседы у камина») / Н.С. Чеканов // Язык. Культура. Личность: материалы Международной научной конференции студентов и аспирантов, Самара, 14 декабря 2017 г. / Отв. ред. Т.Е. Баженова. Вып. 4. – Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2018. – С. 44-49.

А.В. Мартиросова, А.И. Моргунова (Краснодар)

ФУНКЦИИ РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА КАК КОСВЕННОГО РЕЧЕВОГО АКТА

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить функции риторического вопроса и определить его роль в текстах различной направленности. Исследуются прагматические особенности риторического вопроса в политическом дискурсе и художественных текстах.

Ключевые слова: риторический вопрос, текст, утверждение, теория речевых актов, косвенный речевой акт, стилистическая фигура

Abstract. The article attempts to identify the functions of a rhetorical question and determine its role in texts of various orientations. The pragmatic features of a rhetorical question in political discourse and literary texts are studied.

Keywords: rhetorical question, text, statement, speech act theory, indirect speech act, stylistic figure

Одной из проблем современной лингвистики является определение роли и функций риторического вопроса. При анализе текстов разного типа (художественные, политические) мы обратили внимание на активное использование риторического вопроса. В связи с этим встает вопрос о его функциональной значимости.

История изучения риторического вопроса как средства выразительности берет свое начало в древней Греции. Известный античный мыслитель Аристотель в своем труде под названием «Этика. Политика. Риторика. Поэтика» рассматривал его как средство воздействия на слушателя. Он писал: «Вопрос

уместен, когда из двух пунктов один сам по себе ясен, а относительно другого ясно, что на вопрос о нем будет дан утвердительный ответ» [Аристотель 1998, с. 74].

О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» дает следующее определение риторического вопроса: «...это фигура речи, состоящая в придании утверждению или отрицанию вопросительной формы для того, чтобы привлечь усиленное внимание слушателя, повысить эмоциональный тон» [Ахманова 2004, с. 82].

В трудах современных ученых-лингвистов наблюдается аналогичная точка зрения на природу риторического вопроса. Так, А.Н. Баранов пишет, что «риторический вопрос в обычном случае подразумевает утверждение» [Баранов 2012, с. 35]. По мнению В.И. Горелова, «риторическое вопросительное предложение в каждом конкретном случае представляет собой или утвердительное суждение, или ... отрицательное» [Горелов 1966, с. 349]. И.А. Стернин, исследуя природу риторического вопроса, указывает, что «риторический вопрос хорошо воспринимается на слух, а его эффективность особенно высока в состоянии напряженного ожидания, когда аудитория эмоционально возбуждена» [Стернин 2008, с. 87].

Возникают вопросы: насколько риторический вопрос можно отнести к утверждениям? В чем состоит его отличие от действительных вопросов?

Для ответа обратимся к теории речевых актов. Необходимость такого разграничения является, по нашему мнению, следствием асимметрии языкового знака – расхождения формы высказывания с его содержанием.

Речевые акты принято делить на прямые и косвенные. Как считает Дж. Серль, в прямых речевых актах иллюкутивная цель отражена в языковой структуре высказывания, т.е. намерение говорящего соответствует прямому значению высказывания. Косвенные речевые акты он определяет как «предложения, которые на первый взгляд обозначают одно, а при их восприятии интерпретируются так, как будто они обозначают нечто другое» [Серль 1986, с. 211]. В косвенных речевых актах, как писал М.А. Кронгауз, «отсутствуют специальные языковые маркеры какой-либо другой иллюкутивной силы» [Кронгауз 2005, с. 288].

Вопрос задается в следующей ситуации: а) говорящий не знает ответа, б) он хочет знать ответ, в) он считает, что слушающий знает ответ, г) говорящий считает, что слушающий захочет дать ответ. Вопрос является речевым действием, направленным на получение говорящим неизвестной ему информации, предполагает какой-либо ответ. Для его выражения используются соответствующие средства: в русском языке – интонация, порядок слов, вопросительные частицы («неужели», «разве», «ли»). В таком случае форма высказывания соответствует содержанию, и вопрос можно считать прямым речевым актом.

Согласно «Русской грамматике–80», получение информации составляет первичную функцию вопроса. Во вторичных функциях он не требует ответа. Так, высказывание «Откуда я знаю?» имеет форму вопросительного предложения, но обычно не означает, что говорящий спрашивает у собеседника, где он получил информацию о чем-либо. Наиболее распространенная

интерпретация этого предложения – утверждение «Я не знаю». Риторический вопрос «ориентирован не на получение ответа, а на передачу информации, всегда экспрессивно окрашенной» [Карамова 2016, с. 95]. Передача информации, в свою очередь, является функцией репрезентативных речевых актов, к которым относится утверждение. Первичная функция – получение неизвестной информации – уходит на второй план. Таким образом, риторический вопрос представляет собой косвенный речевой акт: утверждение (по содержанию), выраженное в форме вопросительного предложения.

Несомненно, вторичные функции вопроса не исключают первичных. В разных ситуациях одно и то же высказывание может использоваться с разными целями. Например, вопрос «Why not stop here?» («Почему бы не остановиться здесь?») в определенной ситуации может означать предложение остановиться, но будет уместным в своем буквальном значении после фразы «We ought not to stop here» («Нам не стоит останавливаться здесь») [Карамова 2016, с. 28]. Отсюда следует, что значение вопросительного высказывания, распознать коммуникативное намерение того, кто его произнес, поможет контекст. Мы согласны с В.А. Григорьевым, который писал, что вторичные функции вопросительного предложения проявляются в его окружении [Григорьев 1987, с. 26]. Дж. Келлоу и Дж. Бикман предлагают искать в тексте ответ на вопрос. Если он есть, то следует обращать внимание на то, кто отвечает: «Есть определенная вероятность, что на действительный вопрос ответит собеседник спрашивающего, а на риторический вопрос либо не будет дано никакого ответа, либо ответит сам спрашивающий» [Бикман 1994, с. 262].

Почему для эмоционального воздействия на читателя используется именно форма вопросительного предложения, почему она действует как средство выразительности? Предполагаем, что автор, помещая в текст риторический вопрос, все же ждет какого-либо отклика от читателя. Возможно, отличие вопроса от риторического вопроса состоит в характере этого отклика: если риторический вопрос является скрытым утверждением, он вряд ли предполагает различия между говорящим и его собеседником / автором и читателем. В таком случае он требует ответа, но только выражающего согласие с мнением говорящего / автора текста. Например, в речи В.В. Жириновского от 17.03.2017 находим вопрос: «Разве можно ставить на референдуме вопрос о существовании государства?». Автор сам дает на него ответ: «...Нельзя было ставить вопрос о сохранении страны, вы понимаете, это же дикость!» [ЛДПР, с. 78]. В таком случае из двух наиболее вероятных ответов – «да, можно» или «нет, нельзя» – тот, который не совпадает с позицией говорящего, исключается.

Если же риторический вопрос несет минимальную смысловую нагрузку и словно «повисает в воздухе», то, по нашим наблюдениям, его основной функцией обычно оказывается передача эмоций автора. Так, в выступлении Президента Российской Федерации В.В. Путина от 24.02.2024 находим такой отрывок: «...На Западе всё чаще звучат слова о том, что подписанные советским... режимом документы, закрепляющие итоги Второй мировой войны, не следует уже и выполнять. Ну что же, что ответить на это?» [Путин 2024]. Мы полагаем, что в данном контексте вопрос «Ну что же, что ответить на это?» является эмоциональной реакцией на упомянутое перед этим событие, выражает

возмущение и гнев. Экспрессивность высказывания усиливается за счет вопросительной формы, а также повтора: «Ну что же, что...».

Теперь обратимся к рассмотрению функций риторического вопроса в разных текстах. Использование риторических вопросов и других средств выразительности наиболее характерно для публицистического (политического) и художественного стилей (Таблица 1).

Таблица 1

Риторический вопрос в политических и художественных текстах

Функции	Пример из политического дискурса	Пример из художественной литературы
Информативная функция (передача информации, сообщения)	Разве можно ставить на референдуме вопрос о существовании государства? Когда-нибудь в истории человечества было такое? Представьте, в Швейцарии референдум по вопросу: быть или не быть Швейцарской Конфедерации? [ЛДПР, с.79]	...и как празднично стреляли половицы в веселой дачке, как вспыхивали в зеленом плодовом саду висячие зеркальца для остратки птиц? [Набоков, с. 467]
Экспрессивная функция (эмоциональное воздействие на реципиента, передача авторского отношения к кому-/чему-либо)	Вместе с тем мы слышим, что в последнее время на Западе всё чаще звучат слова о том, что подписанные советским тоталитарным режимом документы, закрепляющие итоги Второй мировой войны, не следует уже и выполнять. Ну что же, что ответить на это? [Приказ наркома]	Почему я замешкал в Праге? Почему? Почему на другое утро я опять отправился на окраину и пошел по знакомому шоссе? Без труда я отыскал место, где он вчера валялся. Куда он ушел, где провел ночь? Праздные, неразрешимые вопросы. [Кронгауз 2005, с. 145]
Апеллятивная функция (обращение к читателю/слушателю, привлечение внимания)	Что же вы не говорите нам, кто разделил их в 1918 году, сто лет назад? А кто разорвал на части наше государство в 1991 году? [Приказ наркома] Вы что, думаете, им хочется быть в одном Евросоюзе? [ЛДПР, с. 56]	Как мы начнем эту главу? Предлагаю на выбор несколько вариантов. [Набоков, с. 167]

Директивная функция (побуждение реципиента к определенным действиям)	Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу? [Приказ наркома]	Помнишь ли, когда ехали мы сюда, в этот город, мимо вагонных окон шли деревья? Помнишь двенадцать тополей, что совещались между собой, как им перейти реку? А еще раньше, в Крыму, я видел кипарис, склоненный над цветущим миндалем. Кипарис был некогда рослым трубчистом со щеткой на проволоке, с лесенкой под мышкой. [Набоков, с. 244]
Директивная функция (побуждение реципиента к размышлениям)	И мы что, не можем защитить жизнь своих граждан? А если мы защищаем свои жизни, то у нас отберут колбасу? У нас выбор какой – между колбасой и жизнью? [ЛДПР, с. 89]	Совершенно прелестно, совершенно безлюдно. Но что же я-то тут делаю, посреди стереоскопической феерии? Как попал я сюда? [Набоков, с. 498]
Рефлексивная функция	В царской России некуда было пойти. И куда шел народ? В трактир. А что им делать? Работа, завод, поле и трактир. Напились и ругается дома с семьей. Куда пойти? Ничего же не было. [ЛДПР, с. 67]	Неужели была какая-либо возможность жизни моей с Ниной, жизни едва воображимой, напоенной наперед страстной, нестерпимой печалью, жизни, каждое мгновение которой прислушивалось бы, дрожа, к тишине прошлого? [Набоков, с. 584]

Таким образом, риторический вопрос выполняет ряд функций:

1. Информативная функция: говорящий задает вопрос не для получения новой информации, а напротив, для ее передачи. В этом случае вопрос легко перевести в утверждение. Например, высказывание «Разве можно ставить на референдуме вопрос о существовании государства? Когда-нибудь в истории человечества было такое?» [Шкляева 2010, с. 67] можно перефразировать следующим образом: «На референдуме нельзя ставить вопрос о существовании государства. В истории человечества такого никогда не было».

2. Экспрессивная функция: говорящий/пишущий использует риторический вопрос с целью создания определенного настроения и передачи эмоций.

3. Апеллятивная функция. Как пишет Е.Е. Корнилова: «цель риторического вопроса – активизировать восприятие аудитории, предоставить возможность самим “домыслить” с тем, чтобы подсказанный довод стал собственным утверждением» [Корнилова 2007, с. 145]. Таким образом, риторический вопрос служит для привлечения внимания реципиента, обращения к нему, вовлечения его в коммуникацию. Обычно в таких случаях говорящий добавляет местоимения 2-го лица («ты», «вы»), а сам вопрос начинает с вступлений «Как вы думаете», «Скажите», «Думаете, что...» и т.д. Например: «Вы что, думаете,

им хочется быть в одном Евросоюзе?» [ЛДПР, с. 278]. Данное высказывание В.В. Жириновского вряд ли требует ответа. Скорее оно служит, во-первых, для обращения к аудитории, во-вторых, для выражения мнения оппонентов оратора, с которым он не согласен; в-третьих, для передачи этого несогласия, выражения тезиса «Им не хочется быть в одном Евросоюзе».

4. Директивная функция. Говорящий/пишущий использует риторический вопрос, чтобы побудить реципиента либо к размышлениям, либо к определенным действиям. Например, высказывание «Что, если мы не сдадимся?»

5. Рефлексивная функция. М.М. Бахтин пишет: «Очень часто говорящий (или пишущий) в пределах своего высказывания ставит вопросы, сам на них отвечает <...>. Эти явления не что иное, как условное разыгрывание речевого общения» [Бахтин 1986, с. 251]. Т.Н. Шкляева отмечает, что такой диалог воспринимается слушающим как доказательство. Также исследователь утверждает, что в данном случае риторический вопрос является актом «иллокутивного самовынуждения» [Карамова 2016, с. 57].

Отметим, что риторический вопрос, по нашим наблюдениям, может совмещать в себе несколько функций. В качестве примера приведем отрывок из речи В.В. Жириновского от 08.02.2017: «Что же вы не говорите нам, кто разделил их в 1918 году, сто лет назад? А кто разорвал на части наше государство в 1991 году? <...> Вся фракция КПРФ вместе со спикером это сделала!» [ЛДПР, с. 4].

Поставленные вопросы являются риторическими, так как говорящий сам дает на них ответ. Мы считаем, что в данном случае риторический вопрос выполняет апеллятивную и экспрессивную функции. На реализацию апеллятивной функции указывает местоимение «вы», а также сказуемое в форме 2-го лица множественного числа «не говорите». Наличие экспрессивной функции становится заметнее при перефразировании текста: «КПРФ разделила их в 1918 году и разорвала на части наше государство в 1991 году» [ЛДПР, с. 4]. Текст приобретает характер обвинения, обличения. На экспрессивную функцию риторических вопросов указывают также повтор («кто») и метафора «разорвал на части государство».

Таким образом, риторический вопрос является многофункциональной стилистической фигурой, которая используется для выражения чувств и эмоций автора и передачи их адресату, для передачи информации, привлечения внимания и побуждения к определенным действиям. При этом в политическом дискурсе доминируют информативная и побудительная функции, а в художественных текстах – экспрессивная и рефлексивная.

Аристотель. Этика. Поэтика. Риторика. Поэтика. – М., 1998.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 2004. – 576 с.

Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта, 2012. – 592 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – 445 с.

Бикман Дж. Не искажая слова Божия. Принципы перевода и семантического анализа Библии / Дж. Бикман, Дж. Келлоу [перевод с англ. под ред. Д.В. Дмитриева]. – СПб., 1994. – 464 с.

Горелов В.И. О природе риторического вопроса / В.И. Горелов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – М., 1966. – Т. 25. – С. 347-349.

Григорьев В.А. Семантико-прагматические функции риторических вопросов во французском языке: дис. ... канд. филол. наук 10.02.05: Романские языки / В.А. Григорьев. – Кишинев, 1987. – 160 с.

Карамова А.А. Риторический вопрос и риторическое восклицание в современном политическом дискурсе / А.А. Карамова, В.М. Силантьева // Инновационная наука. – 2016. – №3-3 (15). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskiy-vopros-i-ritoricheskoe-vosklit-sanie-v-sovremennom-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 12.10.2024).

Корнилова Е.Е. Искусство публичных выступлений. Путь к успеху / Е.Е. Корнилова. – М., 2007. – 144 с.

Кронгауз М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. – М., 2005. – 352 с.

ЛДПР – Избранные выступления депутатов фракции ЛДПР в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации за 2017 год. – М., 2018. – 64 с.

Набоков В.В. Полное собрание сочинений: в 5 т. – Т. 3. – М., 1965.

Приказ наркома обороны СССР И.В. Сталина №227 о мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций (“Ни шагу назад!”) // ФГБУ «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина»: сайт. – 2024. URL: <https://www.prlib.ru/item/1395338> (дата обращения: 08.10.2024).

Путин – Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremmlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 06.10.2024).

Серль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 195-222.

Стернин И.А. Практическая риторика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / И.А. Стернин. – М., 2008. –

Шкляева Т.Н. Функционирование риторического вопроса в политическом аргументативном дискурсе (на примере выступлений российских политиков): коммуникативно-прагматический аспект / Т.Н. Шкляева // Вестник ЧелГУ. – 2010. – №13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-ritoricheskogo-voprosa-v-politicheskom-argumentativnom-diskurse-na-primere-vystupleniy-rossiyski-h-politikov> (дата обращения: 08.10.2024).

О.Н. Путина (Пермь)

РЕЧЕВОЙ АКТ «СОГЛАСИЕ»: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье «согласие» исследуется как лингвистическое понятие. С помощью контекстуального анализа выявляются прагматические функции «согласия» как вида речевого акта в диалогах английского и русского языков. «Согласие» выражено широким спектром языковых единиц, актуализирующих положительную реакцию.

Ключевые слова: согласие, речевой акт, диалогическая речь, прагматическая функция, контекстуальный анализ

Abstract. In the article “agreement” is investigated as a linguistic concept. With the help of contextual analysis the pragmatic functions of “agreement” as a type of speech act in

dialogs of modern English and Russian languages are revealed. "Agreement" is expressed by a wide range of linguistic units that actualize a positive reaction.

Keywords: agreement, speech act, dialogic speech, pragmatic function, contextual analysis

Понятие «согласие» впервые возникает как философская категория, обозначающая гармонию, согласование противоположных элементов. В средневековые данное понятие непосредственно связывается с теорией образования и функционирования государства на основе всеобщего договора или «согласия» [Алиев 2001, с. 11-14]. В логике «согласие» рассматривалось как концепт истинности суждения. В лингвистике интерес к согласию как виду речевого акта стал развиваться во второй половине XX века в связи с развитием в рамках лингвистической прагматики представления о языке как о взаимодействии между говорящим и слушающим [Austin 1962; Greis 1985; Searle 1969]. Речевой акт – это высказывание (совокупность высказываний) или речевое действие, совершаемое одним говорящим и направленное на другого. Согласие как вид речевого акта является утвердительным ответом на что-либо, позволением, разрешением.

К речевому акту «согласие» относятся различные виды положительной реакции, например, подтверждение, одобрение, разрешение, обещание, договор, уступка, а также частичное согласие и неуверенное согласие.

М.К. Любимова разделяет согласие на полное и неполное. Под полным согласием понимается согласие, «когда мнение, намерение, желание адресанта полностью совпадает с мнением, намерением, желанием адресата, что выражается в реплике-реакции. Неполное согласие – это такое согласие, когда мнение, намерение, желание адресанта совпадают с мнением, намерением, желанием адресата, но говорящий в реплике-реакции высказывает определенное условие, при котором он согласится с собеседником, или в согласии говорящего присутствует неуверенность с мнением собеседника» [Любимова 2002, с. 54-55].

Речевой акт согласие имеет высокую частотность в диалогической речи. Реплика-реакция может быть вербальной и невербальной, выражаться имплицитно и эксплицитно, в зависимости от намерения коммуниканта и других социолингвистических, прагматических и лингвокультурных факторов.

Большинство исследователей выделяют главным образом лексические и грамматические показатели при вербальной реакции. Лексические средства выражения согласия состоят из таких коммуникативов, в значении которых содержится полное или частичное одобрение, утверждение, разрешение и т.д., в отношении иницирующей реплики [Демушкина 2015, с. 221]. Под коммуникативами здесь мы понимаем краткие ответные реплики междометного характера. В английском языке наиболее распространенными лексическими средствами выражения согласия являются утвердительные коммуникативы – *yes* и его разговорный вариант *yeah*. Нередко среди коммуникативов встречаются наречия и имена прилагательные – *right, of course, sure, too, also, true, no doubt*. Для усиления экспрессии к ним могут быть добавлены схожие единицы – интенсивы: *very, certainly, exactly, absolutely, totally, definitely*. Также подобную функцию выполняют целостные лексические структуры, к которым могут быть добавлены интенсивы, например: *so do I; I agree with you; Tell me about it; I side*

with you; You have a point here; There is no doubt about it; I am of the same opinion; I couldn't agree with you more; That's exactly how I feel и др.

Грамматические средства выражения согласия подразделяются на морфологические и синтаксические. Морфологические средства включают в себя аффиксы, которые имеют значение одобрения. Синтаксические средства подразумевают использование формальных грамматических структур – целостных предложений. Это могут быть синонимичные реплике-стимулу синтаксические структуры, повторяющие основную мысль и таким образом подтверждающие ее. Данное языковое явление получило название языкового повторения или явления репризы – повторения морфем, слов, предложений: *It's a very exciting book! – Yeah, very exciting!*

С точки зрения семантики и прагматики речевой акт *согласие* как реакцию на разные типы запросов можно подразделить на четыре вида:

1) информативный – предоставление собеседнику затребованной информации: *Do you like it? – Do I like it! Of course, I do!* [COCA];

2) оценочный – подтверждение оценки собеседника: *Isn't she beautiful? – Oh, yes, she is!* [COCA];

3) согласие-обещание – согласие выполнить просьбу собеседника: *Will you walk with me a little? – With pleasure* [COCA];

4) формально-этикетный – сигнал об установлении контакта: *Send this letter to the king, Peter. – Yes, sir* [COCA].

Согласие как речевой акт в диалогах актуализирует ряд прагматических функций. На основании анализа материала корпусов на английском и русском языках – Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и Corpus of Contemporary American English (COCA) – и обобщения ранее проведенных лингвистических исследований [Демушкина 2015, с. 220-221; Михальчук 1990, с. 62-63] мы выявили и проиллюстрировали тринадцать функций согласия:

1) **одобрение**: – *Well, there are a million directions we can go; I have eight options that'll make sense. – That's my favorite number* [COCA];

2) **подтверждение**: «*Whaddaya thinka this?*» he says. «*Would I like the perception of me to be a true mirror of who I am? Sure. Absolutely*» [COCA];

3) **разрешение**: – *What if I lend him money? – I take your word on that* [COCA];

4) **обещание**: – *Hear here. Well, thank you so much, Matthew. This was an incredibly enjoyable conversation. – Super fun for me, Tim. I really enjoyed it. I'd love to do it anytime* [COCA];

5) **договор**: «*I hadn't thought about moving*», McConaughy says. «*I didn't know it was coming. I was driving, we were at a stoplight, and Camila said, «We're moving back here, aren't we?» There was a second of silence, and the stoplight turned green, and I said yes. That was that*» [COCA];

6) **уступка**: *But, we all want to succeed right? Question we have to ask ourselves is, what success is to us, what success is to YOU. More money? OK, I got nothing against money* [COCA];

7) **частичное согласие**: *Frank Reich and the Bills come back to win 41–38 in overtime for one of the greatest comebacks in NFL history. Yeah, the Bills won, but they didn't really beat the Oilers* [COCA];

8) **неуверенное согласие**: *Why was now the right time to write the book? Did turning 50 have anything to do with it? Maybe* [СОСА];

9) **шутка**: *Другой человек подкидывал дрова в огненную глотку и, нарочно подхваливая Мишку, кричал машинисту: Товарищ Кондратьев, бросим его вместо полена? – Кидай! – смеялся Кондратьев. – Жарче будет* [НКРЯ];

10) **патетическое согласие**: *– А если не сдержишь? – осторожно спросил Левинсон. – Сдержу я.. – А если нет?.. – Тогда что хотите... хоть расстреляйте... – И расстреляем! – строго сказал Дубов* [НКРЯ];

11) **формальность**: *– Нет лошадей. – Так как же мы поедем? – грозно наступали мы на спокойного мужичонку. – А мне што? – Как што? Нам ехать надо: немедленно, срочно, по особым делам, понял? – Понял. – Ну, так что же? – Ничего* [НКРЯ];

12) **ирония**: *– А как же, – спрашиваю, – насчет Советской власти – было у вас тогда что-нибудь или нет? Советы-то были какие? То есть примерно вот к Октябрю, в семнадцатом? – Как же, были и советы, – где их не было, – ответил он с нескрываемой иронией* [НКРЯ];

13) **вынужденное согласие**: *– Бить буду, тетка, говори! – Бейте, воля ваша* [НКРЯ].

Таким образом, существует множество языковых средств выражения согласия в диалогической речи. Согласие может быть полным и неполным, может проявляться имплицитно и эксплицитно, вербально и невербально. Языковые средства выражения согласия делятся на лексические и грамматические, а грамматические, в свою очередь, делятся на морфологические и синтаксические.

В современной диалогической речи *согласие* рассматривается как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе, как единица нормативного социоречевого поведения в рамках прагматической ситуации. В диалогах современного английского и русского языков *согласие* как вид речевого акта представляет собой утвердительный ответ на что-либо, позволение, разрешение. Средства и функции *согласия* следует интерпретировать и исследовать в контексте. Изучение согласия необходимо для дальнейшего исследования типичных языковых средств актуализации лингвистической толерантности в свете глобализации, межкультурной коммуникации, интеграции, миграции и урбанизации современного общества с целью разработки стратегий и тактик успешной и продуктивной коммуникации.

Алиев М.Г. Мысль / М.Г. Алиев // Новая философская энциклопедия / под ред. В.С. Степина. – М., 2001. – С. 11-14.

Демушкина Т.Н. Согласие и несогласие как типы речевых актов в английской диалогической речи / Т.Н. Демушкина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – №3 (1). – С. 218-225.

Любимова М.К. Реагирующие реплики согласия / М.К. Любимова // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения: межвуз. науч. тр. – Курск, 2002. – С. 54-55.

Михальчук Т.Г. Диалогические формы выражения согласия и несогласия (отказа) с разным прагматическим эффектом / Т.Г. Михальчук // Болгарская русистика. – 1990. – №2. – С. 62-68.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: сентябрь 2024).

Austin J. How to do things with words / J. Austin. – London, 1962. – 168 p.

COCA – Corpus of Contemporary American English. – URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: сентябрь 2024).

Greis G.P. Logic and conversation. Syntax and semantics / G.P. Greis. – N. Y.: Academic Press, 1985. – 278 p.

Searle J. An Essay in the Philosophy of Language / J. Searle. – Cambridge university press, 1969. – 203 p.

И.А. Тисленкова (Волгоград)

КОММУНИКАТИВНАЯ ДЕМОНСТРАТИВНОСТЬ В ИНТЕРЬЕРЕ

Аннотация. Статья посвящена функционированию неакцентированной коммуникативной демонстративности, реализуемой неязыковым способом посредством украшения интерьера жилого помещения. Устанавливается, что коммуникативная демонстративность выполняет самопрезентирующую, дифференцирующую и интегрирующую функции.

Ключевые слова: коммуникативная демонстративность, языковая личность, знак

Abstract. The article is devoted to the functioning of an uncensored communicative demonstrativeness, implemented in a non-linguistic way by decorating the interior of a residential building. It is established that communicative demonstrativeness performs self-presenting, differentiating and integrating functions.

Keywords: communicative demonstrativeness, linguistic personality, sign

Хозяин жилого помещения стремится проявить свои личностные черты через механизм коммуникативной демонстративности в символизме интерьера комнат, чтобы рассказать реципиентам о своей индивидуальности и создать для себя знаковое пространство, отражающее его характер, предпочтения и образ жизни.

Личность хозяина дома выражается в выборе стиля, деталей и акцентированных предметов обстановки. Например, минимализм предпочитают рациональные и организованные люди, а творческие и свободолюбивые натуры выбирают стиль лофт. Романтичные и утонченные натуры тяготеют к стилю прованс, а консервативные люди к классическому интерьеру. Склонность к покою и тишине проявляется в использовании натуральных материалов, холодных оттенков и ковров.

Коммуникативная демонстративность представляет собой эмоционально-стилевую форму взаимодействия, дискурсивную тональность, характеризующуюся установками на самопрезентацию, неискренность с тенденцией к преувеличению своих качеств, акцентированностью доминирующей эмоции. Указанная тональность имеет акцентированную и неакцентированную разновидности.

В настоящем исследовании анализируется неакцентированная демонстративность, актуализируемая средствами семиотики интерьера.

Неакцентированная коммуникативная демонстративность является эмоционально-стилевой формой коммуникации, характеризующейся представлением своего образа, его значимого качества и связанной с ним доминирующей эмоцией имплицитными языковыми и неязыковыми средствами, требующими интерпретации адресатом [Хамзина 2017].

Цель исследования состоит в выявлении функций коммуникативной демонстративности в интерьере.

Интерьер выступает символическим репрезентантом, фиксирующим не столько особенности культурно-исторической среды, сколько психологические черты своего владельца. Внутреннее убранство помещения зависит от особенностей личности и мировоззрения его хозяина [Слепцова 2011, с. 43].

Пространство личности включает в себя культурно-исторический компонент, детерминированный обстановкой и духом конкретной эпохи, и психологический компонент, определяемый устойчивыми чертами и установками субъекта, оформившимися на протяжении его жизни [Нартова-Бочавер 2005; Журавлев 2022]. Так как коммуникативная демонстративность служит механизмом самопрезентации коммуниканта, мы акцентируем внимание на индивидуально-психологических качествах, коррелирующих с деталями интерьера.

Смысловое поле интерьера наполнено коммуникативными демонстративами, отобранными и сгруппированными определенным образом владельцем помещения, представляющими его индивидуальность. В обстановке присутствуют свои доминанты – ценные и престижные вещи, которые описывают характер и социальное положение индивида:

(1) А потом мы с ним встретились ... Уже после второй войны. Я слышал, что Коля сделал успехи. И вот выходит ко мне изящный генеральчик. Я бы сказал даже грациозный. *Он меня повел домой. А там – дворянское и купеческое серебро, французский хрусталь, саксонский фарфор. Все подержанное. Под одеялом у Коли теперь было не сало. И серебро с хрусталем, впрочем, было уже пройденный этап. Должность, авторитет, пост – вот что его тянуло к себе. Капитанская рубка, командирский мостик* [Дудинцев В. Белые одежды, 1966, www].

В отрывке (1) начальник местного управления МГБ генерал Н. Ассикритов, выходец из бедной крестьянской семьи, всеми способами стремится пробиться в высшее общество и получить власть. Коммуникант верит в свою избранность, в право быть равным представителям военной элиты во всем. Неакцентированная демонстративность проявляется в обстановке его дома, наполненного предметами роскоши, характерными для домов знати. Генерал использует мимику, чтобы выразить твердое убеждение в своей привилегированности.

Каждая отдельно рассматриваемая обстановка внутри помещения рассчитана для проживания определенных людей с теми или иными привычками и жизненными принципами [Хамзина 2017, с. 258]. Коммуникативная демонстративность в жилом пространстве, модифицированном в соответствии со свойствами индивида, отражает неповторимость духовных и индивидуальных

черт человека. Неакцентированная демонстративность обнаруживает ценностные ориентиры, общую эстетическую культуру и психотип личности.

Индивид позиционирует себя в интерьере разных частей дома в зависимости от их открытости взору окружающих или особенной важности для себя [Костерина 2013].

Холл, гостиная и столовая – это комнаты, выполняющие функцию приема гостей, которые человек прежде всего приводит в соответствие с последними тенденциями моды и выражает в их обстановке положительные характеристики своей личности. Демонстративные предметы обстановки показывают обществу принадлежность коммуниканта к социальному слою, его нравственные нормы и эстетические вкусы:

(2) Но в комнате не было ничего особенного. *Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках, изображавших немецких барышень с птицами в руках,* – вот и вся мебель. В углу перед небольшим образом горела лампада. Все было очень чисто: *и мебель, и полы были оттерты под лоск; все блестело...* (о гостиной, часть 1 глава I) [Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, 1866, www].

В примере (2) неакцентированная демонстративность прослеживается в подчеркнутом аскетизме гостиной старухи-процентщицы, в которой преобладают символы бедности (мебель очень старая и из желтого дерева, грошовые картинки в желтых рамках), которые она подчеркивает, чтобы посетители не испытывали зависти к ее деньгам. Демонстративная тональность характеризует Алену Ивановну как хитрую и расчетливую натуру.

В рабочем кабинете и спальне субъект размещает знаки, маркирующие его значимые приоритеты и ценности. Эти помещения скрыты от глаз посторонних. Здесь человек остается наедине со своими мыслями и украшает их демонстративными предметами, содержащими описание себя (позитивное или негативное):

(3) Лакей проводил меня в очень красивую комнату, которая была у инженера гостиной и в то же время рабочим кабинетом. *Тут было все мягко, изящно и для такого непривычного человека, как я, даже странно. Дорогие ковры, громадные кресла, бронза, картины, золотые и плюшевые рамы; на фотографиях, разбросанных по стенам, очень красивые женщины, умные, прекрасные лица, свободные позы;* из гостиной дверь ведет прямо в сад, на балкон, видна сирень, виден стол, накрытый для завтрака, много бутылок, букет из роз, *пахнет весной и дорогою сигарой, пахнет счастьем, – и все, кажется, так и хочет сказать, что вот-де пожил человек, потрудился и достиг, наконец, счастья, возможного на земле* [Чехов А.П. Моя жизнь, 1896, www].

В примере (3) неакцентированная демонстративность в обстановке рабочего кабинета инженера Мисаила Полознева показывает его принадлежность к высшему обществу и утонченности (все изящно и дорого).

(4) Кабинет Хигинса на Уимпол-стрит. <...> справа у стены *два высоких картотечных шкафа* <...>. Там же письменный стол, где громоздятся *фонограф, ларингоскоп, батарея тонких органичных труб с воздуходушными*

мехами, ряд газовых горелок под ламповыми стеклами, подсоединенных резиновым шлангом к газовому рожку на стене, несколько разного размера камертонов, муляж человеческой головы в натуральную величину, показывающий голосовые органы в разрезе, и коробка с запасными восковыми валиками для фонографа. <...> На стенах гравюры, в основном Пиранези, и портреты меццо-тинто. Картин нет [Шоу Б. Пигмалион 1912, www].

В кабинете профессора фонетики Хиггинса (4) неакцентированная демонстративная тональность выражается в академизме обстановки (картотечные шкафы, лабораторное оборудование и муляжи). Демонстративами являются также работы виртуоза художника-графика Пиранези, изображающие грандиозные архитектурные ансамбли, в которых фантазия сочетается с рационализмом классицизма и портреты меццо-тинто, тоновой гравюры, которые указывают на такие качества Хиггинса, как страсть к научному эксперименту, смелость мысли и большую категоричность, привычку все видеть либо черным, либо белым.

(5) Барон в сопровождении графа <...> дошел до будуара г-жи Данглар, небольшой восьмиугольной комнаты, *стены которой были обтянуты розовым атласом и задрапированы индийской кисеей*. Здесь стояли старинные золоченые кресла, обитые старинной парчой; над дверьми были *нарисованы пастушеские сцены в манере Буше; две прелестные постели в форме медальона гармонировали с остальной обстановкой и придавали этой маленькой комнате, единственной во всем доме, некоторое своеобразие; правда, ей посчастливилось не попасть в общий план, выработанный Дангларом и его архитектором, одной из самых больших знаменитостей Империи, – ее убранством занимались сама баронесса и Люсьен Дебрэ [Дюма А. Граф Монте Кристо, 1846, www].*

В описании (5) неакцентированная демонстративность актуализируется в картинах, изображающих сельскую пастораль, рассказывающую о соблазнении наивной девушки коварным обольстителем и цветочных медальонах. Выбранные госпожой Данглар коммуникативные доминанты для своей спальни говорят о ее легкомысленности, склонности избегать реальной действительности и жить иллюзиями.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что неакцентированная коммуникативная демонстративность в интерьере выполняет самопрезентирующую, дифференцирующую и интегрирующую функции.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. [Электронный ресурс]. 1865 / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/69/p.1/index.html> (дата обращения: 11.09.2024).

Дудинцев В. Белые одежды. [Электронный ресурс]. 1966 / В. Дудинцев. – Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/232169/readpart-belye-odezhdy-vladimir-dudintsev> (дата обращения: 11.07.2024).

Дюма А. Граф Монте Кристо. [Электронный ресурс]. 1846 / А. Дюма. – Режим доступа: <https://онлайн-читать.рф/дюма-граф-монте-кристо/> (дата обращения: 14.05.2024).

Журавлев А.Л. Социально-психологическое пространство личности / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. – М.: Когито-Центр, 2022. – 496 с.

Костерина А.Б. Метафизика сокровенного в жилом пространстве / А.Б. Костерина, Е.Ж. Шуплецова // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 66-72.

Нартова-Бочавер С.К. Психологическое пространство личности: монография / С.К. Нартова-Бочавер. – Москва: ООО «Издательство Прометей», 2005. – 312 с.

Слепцова И.С. «Живой» дом: отражение пространства личности в современном интерьере / И.С. Слепцова // Традиционная культура. – 2011. – №2. – С. 43-55.

Тисленкова И.А. Типологический анализ коммуникативной демонстративности / И.А. Тисленкова // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.– 2024. – Т. 22. –№1. – С. 17-26.

Хамзина Р.Я. Теоретические основы проектирования спецкурса «Психология в дизайне интерьера» / Р.Я. Хамзина, А.В. Дорофеев // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей победителей VIII международной научно-практической конференции. – Пенза: Наука и Просвещение, 2017. – С. 257-260.

Чехов А.П. Моя жизнь. [Электронный ресурс] 1896 / А.П. Чехов. – Режим доступа: https://kartaslov.ru/русская-классика/Чехов_А_П/Моя_жизнь/2#p57 (дата обращения: 09.07.2023).

Шоу Б. Пигмалион. [Электронный ресурс] 1912 / Б. Шоу. – Режим доступа: <https://онлайн-читать.рф/бернард-шоу-пигмалион/> (дата обращения: 03.07.2023).

П.Р. Ходыкина (Воронеж)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие эффективности рекламного текста, выделяются ее критерии. Обсуждаются разноуровневые лингвистические средства воздействия на потенциального покупателя.

Ключевые слова: эффективность рекламы, лингвистические особенности рекламного текста, рекламный текст

Abstract. This article examines the concept of advertising text effectiveness and identifies its criteria. Multilevel linguistic means of influencing a potential buyer are discussed.

Keywords: *advertising effectiveness, linguistic features of advertising text, advertising text*

Большинство исследователей главным требованием к рекламной кампании называют ее эффективность. Термин «эффективность» полисемантичен, его смысл раскрывается в зависимости от контекста. Так, К.Н. Тимчак отмечает, что эффективность в коммерческой рекламе можно оценить в результате повышения уровня узнаваемости и популярности продукта и возрастающий спрос на услуги и товары [Тимчак 2019]. Л.В. Терещенко под эффективностью понимает «умение достичь желаемого результата с минимальными усилиями» [Терещенко 2014].

Эффективная в экономическом плане реклама должна содержать в себе ответы на три главных вопроса: что сказать? кому сказать? как сказать?

Успешная реклама должна представлять собой уникальное торговое предложение (УТП). По мнению Россера Ривза, эффективная стратегия рекламирования должна соответствовать трем основным условиям:

1. Каждое рекламное объявление должно содержать конкретное предложение-убеждение для потребителя.

2. Предложение должно быть таким, какого конкурент либо не может дать, либо просто не выдвигает (уникальность должна быть связана либо с неповторимостью товара, либо с утверждением, которого еще не делали в данной сфере рекламы).

3. Предложение должно быть настолько сильным, чтобы оно могло привлечь новых потребителей [Чабанюк 2013].

Исследователь Е.В. Куликова отмечает, что эффективность рекламы зависит от успешного сочетания всех компонентов, включая изображение, звук, образ и словесную ткань [Куликова 2008].

О.В. Тискова рассматривает проблему определения критериев эффективности рекламного сообщения и их соотношения с требованиями культуры речи и лингвистической прагматики. Автор считает, что для создания эффективного рекламного текста нужно учитывать правила конструирования текста, его основные композиционные и жанровые разновидности, при этом не стоит забывать об оригинальности. Важно иметь в виду, что достоинства рекламного текста определяет не изящество словесной формы, а ясность, точность, лаконичность, яркость и доступность рекламного образа, разнообразие и направленность ассоциативных связей.

О.В. Тискова пишет, что рекламный текст должен соответствовать своему назначению и роли в конкретной ситуации. Эффективность рекламы зависит от использования лингвистических феноменов и закономерностей. Язык рекламных текстов используется для создания сообщений, ориентированных на определенную аудиторию. Однако, несмотря на профессиональную направленность, рекламные тексты должны подчиняться законам языка, и при их создании необходимо учитывать лексические, синтаксические и образительно-выразительные возможности. Знание правил использования языковых средств способствует созданию эффективных, побуждающих к действию, эмоциональных и продающих текстов.

Коммуникативная эффективность складывается из таких факторов, как влияние рекламы на изменение знаний о фирме, ее товарах и услугах (когнитивный уровень), на формирование позитивного отношения к ней (аффективный уровень), а также на формирование намерений вступить в контакт с фирмой, приобрести ее товар (конативный уровень). Существует три основных традиционно выделяемых критерия коммуникативной эффективности рекламы: распознаваемость, запоминаемость, агитационная сила рекламы [Тискова 2012].

Н.П. Андреева считает, что рекламный текст представляет собой это особый вид текста, который должен быть коротким, информативным и привлекательным для потенциального клиента. В нем используются специальные лексические средства, такие как динамические экспрессивно-

клишированные выражения, часто используются императивные и восклицательные конструкции. Кроме того, рекламный текст может иметь специфическое графическое оформление, которое также помогает привлечь внимание читателя. Все эти особенности указывают на то, что рекламный текст требует особого подхода при его создании [Андреева 2011].

Е.В. Куликова рассматривает рекламный текст как сложное семиотическое целое, которое состоит из последовательности знаковых единиц, выраженных через структурные элементы, такие как слоган, заголовок, основной текст, эхо-фраза, реквизиты фирмы, шрифт, цвет и другие графические элементы, иллюстрации, название компании и логотип.

Формула эффективного рекламного текста представляет собой максимальное количество информации при минимальном количестве слов. Прагматический аспект текста проявляется в его уникальной структуре, которая включает выбор грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особый синтаксис, организацию печатного материала и использование элементов различных знаковых систем.

Исследователь указывает на сжатость и выразительность как на две черты, лежащие в основе рекламного текста. Тривиальная реклама характеризуется упрощением грамматических структур и использованием клише-штампов с ограниченной лексикой. Однако наиболее эффективные рекламные тексты следуют более сложным принципам, избегая прямого описания предмета рекламы и его свойств.

Стиль рекламы сочетает в себе черты публицистического, научного, научно-популярного, разговорного и делового стилей, что отражает ее природу и функции сообщения и воздействия. Реклама не только информирует, но и создает яркий рекламный образ через систему изобразительно-выразительных средств. Автор акцентирует внимание на том, что язык рекламы требует постоянного обновления, поскольку выразительные средства изнашиваются и теряют свою убедительность [Куликова 2008].

Исследователи подчеркивают важность эффективности рекламной кампании, определяя ее различными способами, при этом они сходятся, что успех рекламы зависит от множества факторов, включая грамотно составленный текст, визуальные образы и ориентацию на целевую аудиторию. Авторы отмечают, что эффективность рекламного текста определяется такими ключевыми аспектами, как повышение узнаваемости и популярности продукта и последующим увеличением спроса на рекламируемый товар, что достигается при сочетании таких компонентов, как учет правил конструирования текста, оригинальность, использование языковых феноменов и закономерностей, а также наличие в тексте рекламы критериев коммуникативной эффективности.

Лингвист Б.Т. Гурцкая пишет, что SMM (Social Media Marketing) – это инструмент интернет-маркетинга, использующий социальные медиа для привлечения посетителей на сайт. SMM выполняет многие функции маркетинга, включая определение целевой аудитории и обеспечение обратной связи. Основные функции SMM включают организацию мероприятий и рекламных акций, ведение блога или страницы в социальных сетях [Гурцкая 2020].

Е.Б. Штукарева утверждает, что маркетинговые тексты направлены на информирование и привлечение целевой аудитории, их эффективность оценивается по уровню отклика читателей, а коммуникативная задача в социальных сетях заключается в создании информационного повода для вовлечения в общение и превращения участников группы в потенциальных покупателей. Исследователь выделяет лингвистические особенности рекламного текста на всех языковых уровнях:

1. Фонетико-графический уровень. Отмечается орфографическое сближение с транскрипцией и стремление приблизить написание к звучанию разговорной речи, употребление графических сокращений, появление нового приема – зачеркивания, использование цветовых оформлений шрифта, а также других дополнительных возможностей дизайна текста, которые предоставляют социальные сети.

2. Морфологический уровень. Специфика SMM-текстов проявляется в соотношении слов определенных частей речи: если пост содержит 40-50% существительных, то информация воспринимается как детализированная; большое количество глаголов создает эффект быстрой смены событий, помогая понять функциональное значение рекламы. Частотны формы первого лица единственного или множественного числа для консолидации с читателем. Хештеги включаются в структуру предложения без склонения.

3. Лексический уровень. Продвигающих посты включают в себя жаргонизмы и молодежный сленг, разговорно-просторечные слова, а также иноязычную лексику (англицизмы и варваризмы). Также характерно использование окказионализмов, обладающих коннотациями новизны и оригинальности, но образованных при помощи известных способов: префиксации (*сверхлготный*), суффиксации (*тарифище*), сокращения (*вк* от Вконтакте), сложения слов (*альт-бургеры* от альтернативные бургеры), усечения (*админ*, *движ*, *коммент*) и др.

4. Синтаксический уровень. Большинство текстов представлено простыми предложениями с небольшой степенью распространенности (около 10 слов), минимально осложненными вставными конструкциями, однородными и обособленными членами. Активно используется экспрессивный синтаксис, включающий приемы парцелляции, эллипсиса и инверсии и др., что придает тексту разговорный характер. Частотны номинативные и императивные предложения, например: «*Braun. Качество. Надежность. Дизайн.*».

Е.Б. Штукарева подчеркивает важность актуальности, новизны, практического значения темы и языкового выражения для рекламных текстов. Автор отмечает меньшую формализованность и большую свободу в выборе языковых средств [Штукарева 2020].

Рекламисты обновляют семантику и структуру фразеологизмов, создавая новые смысловые оттенки, активно используют различные средства выразительности на всех языковых уровнях, включая тропы: аллегория, гипербола, ирония, метафора, метонимия, олицетворение, перифраз, синекдоха, сравнение, эпитет. Например, использование перифраза в рекламе Frutis «*Молочные реки – фруктовые берега*», сравнения в рекламе Persil-color «*Краски ярче лета*». Кроме этого, авторы обращаются к стилистическим фигурам, таким

как анафора, антитеза, бессоюзные конструкции, градация, инверсия, параллелизм, риторический вопрос, эллипсис, эпифора. Образные средства оживляют и актуализируют рекламный текст. Например, в рекламе марки автомобиля Peugeot используется анафора «Сделано для удовольствия. Сделано для Вас».

Таким образом, в современной практике создания рекламного текста в социальных сетях используются различные лингвистические средства повышения его эффективности, в том числе средства выразительности, которые включают различные тропы и стилистические фигуры.

Андреева Н.П. Лингвистические и риторические приемы в рекламных текстах / Н.П. Андреева // Омский научный вестник. – №2 (96). – 2011. – С. 106-108.

Гурцкая Б.Т. Продвижение продуктов с помощью SMM / Б.Т. Гурцкая, П.А. Меренкова // E-Scio. Экономические науки. – 2020. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodvizhenie-produktov-s-pomoschyu-smm>.

Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса / Е.В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. Искусствоведение. – 2008. – №4. – С. 197-205.

Терещенко Л.В. Оценка эффективности социальной рекламы / Л.В. Терещенко // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. Маркетинг, рекламное дело и PR. – 2014. – №5. – С. 48-57.

Тимчак К.Н. Эффективность Российской социальной рекламы: критерии и проблемы оценки / К.Н. Тимчак, Е.М. Осипов // Социология. – 2019. – №6. – С. 126-131.

Тискова О.В. К проблеме соотношения функциональной нормативности и коммуникативной эффективности рекламных сообщений / О.В. Тискова // СибСкрипт. Вестник КемГУ. Филология. – 2012. – №4 (52). – С. 174-177.

Чабанюк Т.А. Теория и практика рекламы: учеб. пособие / Т.А. Чабанюк. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ». – 2013. – 62 с.

Штукарева Е.Б. Языковые особенности маркетингового текста в социальных сетях / Е.Б. Штукарева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – №2. – С. 184-194.

А.В. Цыба (Краснодар)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Данная статья посвящена изучению психолингвистических особенностей, характерных для политического дискурса. В рамках современной антропоцентрической парадигмы политический дискурс выступает как один из наиболее значимых объектов современного языкознания. Взаимодействие языка и человека как его основного носителя в контексте политической сферы представляет большой интерес для дальнейших исследований политической дискурса с точки зрения психолингвистики.

Ключевые слова: политический дискурс, психолингвистика, политическая лингвистика, коммуникация

Abstract. This article is devoted to the study of psycholinguistic characteristic features of political discourse. Within the framework of the modern anthropocentric paradigm, political discourse acts as one of the most significant objects of modern linguistics. The interaction of language and person as its main informant in the context of the political sphere is of interest for further research of political discourse from the point of view of psycholinguistics.

Keywords: political discourse, psycholinguistics, political linguistics, communication

Для современного языкознания большой интерес представляет изучение психолингвистики. Под психолингвистикой принято понимать науку, возникшую на стыке лингвистики и психологии и нацеленную на изучение речи человека, ее возникновения, а также передачи информации и функциональности. Российский психолог А.А. Леонтьев убежден, что психолингвистика в качестве своего предмета рассматривает взаимодействие личности и языка с точки зрения его структуры и функций, а также как основной составляющей картины мира человека [Леонтьев 1997].

Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов 1991]. Под политическим дискурсом понимается форма коммуникации, которая активно используется для влияния на общественное мнение и сознание, а также для привлечения новых избирателей.

Анализ концептуальной модели психологического влияния играет важную роль для детального понимания характеристик политического дискурса, а также механизмов его влияния. В.В. Латынов утверждает, что психологическое воздействие оказывает влияния на все стороны человеческой жизни, поэтому исследуя данное явление необходимо воспринимать данное явление комплексно и системно. Среди основных компонентов модели психологического влияния выявляют: субъект воздействия, объект воздействия, средства воздействия и контекст воздействия. Важно отметить, что исследование дискурса происходит не только как отдельно взятого вербального элемента, но и как формы коммуникации в рамках социального, культурного и политического контекста [Латынов 1999].

Далее будут представлены основные психолингвистические особенности, характерные для политического дискурса:

1. Риторические приемы

В рамках коммуникации политики часто прибегают к различным риторическим средствам, таким как аналогии, метафоры, гиперболы. Данные приемы помогают сделать политическое высказывание более запоминающимся и убедительным. Более того, используя средства выразительности, адресат может получить эмоциональный отклик и объяснить аудитории сложные идеи простым и понятным языком.

При помощи метафор можно достичь эффекта сплоченности и мобилизации общества. Политические деятели, использующие яркие метафоры в своих выступлениях, преследуют цель эффективного донесения своих идей до аудитории и создания у адресатов образов, направлены на сплочение общества. Так, например, в рамках своего выступления в штате Северная Каролина

Хиллари Клинтон использует яркую метафору *America is the family*; Америка – это семья.

Сравнивая США с семьей, политик показывает свою веру в сплоченность народа и располагает к себе будущих избирателей.

Стоит отметить, что стилистические приемы также могут выступать основой для формирования общественного мнения и являться политической пропагандой. Одним из таких стилистических приемов является гипербола, которая способна не только преувеличить достижения, но и преуменьшить последствия какой-либо проблемы для сознательного искажения передаваемой информации. Дональд Трамп использует гиперболу, говоря о строительстве стены между США и Мексикой: *The dishonest media does not report that any money spent on building the Great Wall (for sake of speed), will be paid back by Mexico later!* – Лживые СМИ не сообщают, что любые деньги, потраченные на строительство Великой Китайской стены (ради ускорения), будут возвращены Мексикой позже!

Политик с преувеличением называет стену the Great (великой), сравнивая ее тем самым с Великой Китайской Стеной.

Говоря о риторических приемах, особое внимание нужно уделить культурному контексту. Зачастую сильная метафора для одной аудитории может стать непонятной или даже оскорбительной для другой.

Таким образом, достижение успешной политической коммуникации невозможно без понимания основных потребностей и эмоций своих адресатов.

2. Фреймы и концептуальные схемы

Политические тексты создаются с учетом контекста и целей, которые хотят достигнуть их авторы. Полноценное существование таких тестов невозможно обособленно. Таким образом, для передачи информации и ее грамотного восприятия прибегают к использованию фреймов.

Под фреймингом понимают концепцию, которая утверждает наличие в рамках медиатекстов элементов, создающих рамку восприятия и понимания информации [Бодрунова 2017].

Использование фреймов для представления информации в рамках какой-либо политической инициативы может существенно повлиять на общественное мнение. Так, затрагивая тему легализации наркотиков, бывший американский президент Дональд Трамп показывает свою одобрительную позицию на этот счет: *It is time to end needless arrests and incarcerations of adults for small amounts of marijuana for personal use. We must also implement smart regulations, while providing access for adults, to safe, tested product. As a Floridian, I will be voting YES.* – Пришло время положить конец ненужным арестам и тюремному заключению взрослых за небольшие количества марихуаны для личного пользования. Мы также должны внедрить разумные правила, одновременно обеспечивая доступ взрослых к безопасному, проверенному продукту. Как житель Флориды, я буду голосовать «за».

Таким образом, фреймы становятся способом влияния и регулирования общественного мнения. Грамотное применение и манипуляция фреймами помогают политикам не только создать себе положительный образ в глазах

избирателей, но и ослабить позиции своих оппонентов в рамках борьбы за власть.

3. Языковые стратегии

В рамках политического дискурса активно используются различные языковые стратегии. В своей работе О.Л. Михалева выделяет три прагматические стратегии присущие политической коммуникации, среди них: стратегия на повышение; стратегия на понижения; стратегия театральности [Михалева 2009].

Наиболее популярной речевой стратегией политического дискурса США является стратегия на понижение. Данная стратегия направлена на дискредитацию и ослабления позиций оппонента в глазах потенциальных избирателей.

В рамках своей предвыборной кампании Джо Байден критикует своего предшественника Дональда Трампа, приуменьшая его достижения на посту президента и дискредитируя его как кандидата на последующий президентский срок: ***This man's done virtually nothing. ... you have to look at what he talks about. You have to look at what he did. And what he did has been disastrous for the African-American community. – Этот человек не сделал практически ничего. ... Вы должны послушать, о чем он говорит. Вы должны посмотреть, что он сделал. То, что он сделал, было катастрофой для афроамериканского сообщества.***

4. Управление вниманием

Привлечение внимания аудитории – это одна из основных задач политического дискурса, достижение которой происходит за счет использования различных эмоциональных обращений, медийных платформ и экранных эффектов.

При помощи эмоциональных обращений достигается доверительное отношение между адресатом и адресантом. Прибегая к использованию личных историй или драматических метафор в своих высказываниях, политики устанавливают контакт с избирателями, добиваясь их симпатии и создавая ощущение близости к проблемам людей.

Так, в одном из своих предвыборных выступлений Джо Байден упоминает своих родителей: ***My dad used to have an expression.*** Joe, a job's about a lot more than a paycheck. *A job's about your dignity, respect, your place in the community. And I really mean this. – Мой отец говорил:* «Джо, работа – это гораздо больше, чем просто зарплата. Работа – это о твоём достоинстве, уважении, твоём месте в обществе». *И я говорю серьёзно.*

Для успешной политической коммуникации необходимо также учитывать ее адаптацию под определенную медийную платформу, в рамках которой она будет происходить. Одно и то же информационное сообщение может быть преобразовано под различные каналы передачи информации (телевидение, социальные сети, радио, печатные издания), а также изменено в зависимости от целевой аудитории. Для обеспечения максимальной эффективности политического дискурса нужно учитывать специфику и языковые особенности медийной платформы.

Визуализация информации также играет важную роль. Различные графики, инфографики и видеоматериалы способны упростить процесс восприятия

аудиторий сложных тем и сделать политическое послание более доступным и понятным для широкого круга адресатов.

5. Дискурсивные практики

Нельзя недооценивать способ передачи информации. Темп речи, интонация, смысловые паузы, невербальные знаки (жесты, мимика) являются немаловажными инструментами для эффективной политической коммуникации.

Наличие у политика уверенного внешнего вида, энтузиазма во время освещения того или много вопроса показывает его интерес к проблеме и серьезность его действия. Правильный темп речи помогает удержать внимание аудитории, так как слишком быстрый темп вызывает ощущение паники, в то время как медленный темп речи демонстрирует политического деятеля как неуверенного оратора. При помощи пауз может подчеркнуть важные аспекты высказывания и обратить на них внимание слушателей. Невербальные знаки – это способ обогащения послания, а также передачи эмоционального состояния говорящего.

6. Эмоциональная составляющая

Зачастую политическая коммуникация нацелена на формирование некоего эмоционально отклика от аудитории, создать у адресатов ощущение страха, гнева, поддержки, надежды. Политики, используя в своих выступлениях эмоционально окрашенные слова и фразы, могут повлиять на восприятие информации аудиторией.

Для самопрезентации и создания положительного образа в глазах избирателей Джо Байден использует эмоционально окрашенную оценочную лексику, которая выражает признание собственного успеха: *I'm proud to say we're over halfway to our goal and weeks ahead of schedule.* – *Я с гордостью могу сказать, что мы прошли более половины пути к нашей цели и опережаем график на несколько недель.*

7. Социолингвистический контекст

Стиль общения и лексические единицы, используемые в политическом дискурсе, могут различаться в зависимости от потенциальной аудитории. Общаясь с молодым поколением, политические деятели зачастую прибегают к использованию более неформального языка.

В зависимости от социокультурно контекста формируется не только язык общения, но и тематика актуальная для данного мероприятия.

Для создания ощущения близости к народу, политические деятели прибегают к использованию разговорного языка и сленга в своих выступлениях. Например, речь Барака Обамы на выступлении в Конгрессе: *But tonight, I want to go easy on the traditional list of proposals for the year ahead*", *"Gas under two bucks a gallon aren't bad, either.* – *Но сегодня я хочу немного углубиться в традиционный список предложений на предстоящий год», «Бензин дешевле двух баксов за галлон – это тоже неплохо.*

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что психолингвистические особенности политического дискурса и их изучение способны открыть новые возможности для глубокого анализа языковых конструкций, формирующих политические реалии.

Язык политического дискурса – это не только лексическая составляющая, но и различные риторические приемы, при помощи которых возможно осуществлять эффективное воздействие на аудиторию.

Изучение политического дискурса с точки зрения психолингвистики открывает возможность критически осмыслить полученную информацию, дать полноценную оценку личности политика и цели его коммуникативного акта.

Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.

Латынов В.В. Политическая коммуникация / В.В. Латынов // Политическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; рук. проекта Г.Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – Т. 2. – М.: Мысль, 1999. – С. 172-173.

Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: дис. ... канд. филол. наук / О.Л. Михалева. – Иркутск, 2004. – 289 с.

Психолингвистика в очерках и извлечениях: хрестоматия: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Авт.-сост. В.К. Радзиховская, А.П. Кириянов, Т.А. Пекишева и др.; Под. общ. ред. В.К. Радзиховской. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 464 с.

Barac Obama [Электронный ресурс]. – URL: <https://time.com/4178279/state-union-transcript-2016/> (дата обращения: 11.10.2024).

Donald Trump. Congress looks to start building a Mexican border wall within months [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2017/01/05/congress-looks-to-start-building-a-mexican-border-wall-within-months/> (дата обращения: 11.10.2024).

Hillary Clinton Delivers Remarks at National Action Network [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hillaryclinton.com/briefing/updates/2016/04/13/hillary-clinton-delivers-remarks-at-national-action-network/> (дата обращения: 20.09.2024).

Remarks by President Biden Celebrating Labor Day and Honoring America's Workers and Unions [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/09/04/remarks-by-president-biden-celebrating-labor-day-and-honoring-americas-workers-and-unions/> (дата обращения: 09.10.2024).

Н.В. Чумичева (Краснодар)

ЭКСТАТИЧЕСКАЯ АФФЕКТИВНАЯ РЕЧЬ КАК ПСИХОТРИГГЕР РЕКЛАМНЫХ СООБЩЕНИЙ

Аннотация. Использование в рекламных сообщениях патолингвистических средств может оцениваться с точки зрения экологической лингвистики неоднозначно, однако эффективность данных пограничных методик для суггестивного воздействия однозначно доказана. Аффективные эмоции, психопатический язык или имитация детской речи являются мощным средством «очеловечивания» рекламных сообщений. Для реципиента рекламного сообщения существенно способность к эмпатии – эмоциональному переживанию характеров и настроения, приписываемых персонажам.

Ключевые слова: психотриггер, рекламная манипуляция, отолингвистика, патопсихолингвистика, логоневроз, речь в состоянии аффекта

Abstract. The use of patholinguistic means in advertising messages can be assessed ambiguously from the point of view of ecological linguistics, but the effectiveness of these borderline methods for suggestive influence has been unambiguously proven. Affective emotions, psychopathic language or imitation of children's speech are a powerful means of "humanizing" advertising messages. The recipient of an advertising message must have the ability to empathize – an emotional experience of the characters and moods attributed to the characters.

Keywords: psychotrigger, advertising manipulation, otolinguistics, pathopsycholinguistics, logoneurosis, speech in a state of affect

Целью исследования является систематизация и анализ отолингвистических средств, глоссолалии и других вариаций экстагической речи, утрированных нарушений языковой нормы и возможностей гендерной лингвистики, задействованных в рекламной сфере для максимизации суггестивного эффекта.

Живые речевые эмоции, психопатический язык или имитация детской речи являются мощным средством «очеловечивания» рекламных сообщений. Для реципиента рекламного сообщения существенна способность к эмпатии – эмоциональному переживанию характеров и настроения, приписываемых персонажам. Безусловно, нельзя найти двух людей, вкладывающих идентичный смысл в знаковую репрезентацию слов, однако характер программирования восприятия значительно упрощается «эмоциональной подсказкой». Теория эмоционально-смысловой доминанты предполагает в рекламных текстах, наряду с информационной нагрузкой, наличие эмотивных структур как организующих центров. Действенность приближения к экстремальным реалиям – от утрированного коверкания звуков ребенком до депрессивных или истероидных реплик – подтверждается фоносематической и синтаксической диагностикой. Использование искусственных, но узнаваемых «ляпов» речи политиков, грамотно имитированный логоневроз (заикание) смущенного человека, шепелявость или картавость пожилых, параноидальные повторы и неоправданные грамматические инверсии, забавные детские неологизмы оправданы экономической отдачей от подобной рекламной патопсихолингвистики. Если психолингвистика соотносит языковые категории с психологическими, то патопсихолингвистика – преимущественно с психиатрическими [Беянин 1992, 1999].

На результат восприятия слова оказывают влияние его эмоциональность и оценочность. При восприятии фраз реципиент может испытывать затруднение в том случае, если имеется неоднозначность в их толковании. Подчеркнуто преувеличенная патопсихолингвистически эмоция снимает проблему амбивалентного толкования, акцентуализируя нужный семантический аспект прагма- и параязыковыми средствами. Патологические отклонения в формировании и протекании речевых процессов могут имитироваться на уровне речевой моторики (речь нетрезвого человека в рекламе алкогольной продукции), дисфункции сенсорных систем (сурдоперевод рекламного текста для глухонемых) и отклонений, характерных для определенных заболеваний (кашляющий и шмыгающий носом говорит человек в рекламе средства от гриппа). Сила рекламных патопсихолингвистических средств многопланова,

ведет не от текста к эмоции, а зачастую, наоборот – от неосознанной эмоции к просчитанным и оригинальным творческим решениям. Эмоциональная «стертость» рекламного текста обращает лишь к интеллектуальному компоненту, сильно теряя в возможностях психологического воздействия на потенциального потребителя. Аффективная речь – лучший способ внушить что-либо реципиенту. Так, диалог двух девушек в радиорекламе (на фоне помех телефонной связи), выдержанный на высоко эмоциональном «градусе», характеризуется всеми параметрами аффективной речи: резкими перепадами общего темпа речи, интенсивностью артикуляции, колебаниями частоты тона, изменениями длительности латентного периода реакции на реплику собеседника, подчеркнуто усиленным произношением, перебиванием, членением речи и телеграфным стилем высказывания, ослаблением контроля за качеством реализации деятельности: «Нет, ты только послушай!.. Нет, ну подумать только, вообрази себе!.. да, ей-богу, скидки до 50 %! *Ну говори тебе... нет, ну это ты меня послушай!*». Возбуждение лобных отделов коры головного мозга, участвующих в осознании стрессовых ситуаций, обуславливает особенности речевого поведения в состоянии эмоциональной напряженности.

Необычным патопсихолингвистическим примером можно считать речевой фон глоссолалии (феномен говорения на выдуманных в экстагическом состоянии бессмысленных языках) в рекламном ролике: толпы восторженных фанатов, скандируя наименование бренда, впадая в подобие религиозной одержимости и имитируя апогей богослужения, переходят на вокализованный псевдоязык. Рекламной находкой в данном случае является рифмованность глоссолалии с торговой маркой. Не имея систематического сходства ни с одним из живых языков, бессмысленное, но фонологически грамотно подобранное и структурированное высказывание рекламной глоссолалии (зока казезо зозека кокоза...) идеально с точки зрения суггестии. Измененное состояние сознания «секты приверженцев бренда***» выглядит спонтанным утверждением своей веры во время церковной службы [Жельвис 1990; Голубцов 2022].

Гендерная лингвистика, пытаясь стереотипизировать девиантное поведение повышенной эмоциональности, может предложить в рекламных целях характерные лингвочерты ссорящейся семейной пары, ворчание вечно недовольной старушки и даже речь транссексуалов и сексуальных меньшинств (серия роликов, посвященных мужскому дезодоранту «Ахе»). Стереотипичный языковой иностранный акцент (замедленная темпоритмика в слогане «Финские диваны – тут» или английское «R» в рекламных репликах от лица Шерлока Холмса: «Это элементаRно, доктоR Уатсон!» и др.) не использовал в России уже только ленивый [Чумичева 2005].

Истероидность и паранойяльность (как склонность к образованию сверхценных идей) легко идентифицировать по обилию пафосных гипербол, сведению к минимуму пассивных конструкций, повышенной громкости речи, внезапным повторам риторических вопросов. Потому неслучайно вкладываются в уста Наполеона реплики: «Бренд*** поработит планету!», а Петр I декларирует экспорт новой отечественной кафельной плитки как «прорыв в Европу». При этом визуальный ряд подкреплен царем Петром, ставящим на указе о начале экспорта плитки характерную размашистую и витиеватую подпись, поскольку

графически почерк одиозного исторического деятеля (по идее) должен бы отличаться сильным нажимом, открытостью незаконченных букв и громадными интервалами. Не видя подлинников автографа Петра I, авторы рекламных роликов вполне логично исходят из графологических стереотипов почерка истероидной личности, желающей (пусть подсознательно) обратить на себя внимание. С точки зрения фоносемантики эмоционально-смысловые корреляции с речью и почерком рекламного образа Петра I вполне позитивны.

Богатые неиспользованные ресурсы таят в себе и онтолингвистика, или лингвистика детской речи. Натуралистично воспроизведенная речевая продукция ребенка способна разжалобить, растрогать, выстроить удачный рекламный миф [5].

Категоризируя языковые факты, устанавливая различного рода аналогии и ассоциации, добывая правила, ребенок конструирует язык, постепенно приближаясь к языку взрослых. Непрогнозируемо нарушая языковую норму, не зная каких-то видовых нюансов слов, времен и грамматических конструкций, ребенок творит собственные неологизмы, порою отличающиеся привлекательностью в рекламном контексте. Например, мы говорим «разрушать, разрушаю», а ребенок может сказать «разрушиваю». «Зажгала свет», «поперенастроили домиков», «улита уполз», «я искаю», «тут поезды ходют» и т.д. Словообразование и создание антиправил происходит с завидной креативной легкостью. Объединение предметов в классы происходит по несущественным признакам, дифференциация родовидовых признаков запаздывает, а фонетические правила формируются, иногда просто исходя из удобства произношения и благозвучия для детского слуха. Слов, которые могли бы существовать, в тысячи раз больше, чем слов, которые имеются в языке. Ребенок словно заполняет лакуны, наличие которых запрограммировано языковой системой [Чумичева 2005].

Индустрия рекламы создает «детскизмы» искусственно. Результат иногда не отличишь от настоящего: «Один рыб – хорошо, три рыб – хорошо, а аквариум – лучше» (монолог «внутреннего голоса» ребенка в рекламе «Зоомагазина»). Обигрываются типичные детские фонетические казусы: «ЗамоЛозили моЛозеное в большой моЛозилке...» (Хладокомбинат). В рекламном ролике детского стоматологического кабинета мальчишеский голос, преувеличенно шепелявя, читает «с присвистом» таблицу умножения, имитируя отсутствие молочных зубов. В уста детей принято вкладывать рекламу игрушек, сладостей, аттракционов в развлекательных центрах, гастролей цирка [Цейтлин].

Делая упор на стереотипизацию эмоции и программирование суггестивного эффекта на ее основе, нельзя забывать о субъективности восприятия любого знакового продукта, в том числе и речи в рекламном сообщении. Задавая эмоциональный тон характера восприятия, рекламист помнит о внутренних индивидуальных факторах влияния на восприятие реципиента. Такие реакции, как понятие, образ, ощущение, эмоция, органическое чувство, стремление, действие и инстинкт, невозможно просчитать. Маркетинг политических, социально-экономических и психологических условий является базовым в начале поиска пути для новой рекламной концепции. Наполнение образа суггестией патопсихолингвистических средств производится «на выходе»

готового рекламного продукта, когда основной имидж товара спроектирован до мельчайших подробностей. Речевые дефекты, язык детей, аффективная речь и другие патоимитации обладают мощным рекламным потенциалом, возможности которого еще не освоены в полной мере.

Белянин В.П. Введение в психолингвистику / В.П. Белянин. – М.: ЧеРо, 1999. – 126 с.

Белянин В.П. Психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.П. Белянин. – М., 1992. – 402 с.

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи: Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия / В.И. Жельвис. – Ярославль, 1990. – 81 с.

Голубцов С.А. Рекламный слоган: новый подход / С.А. Голубцов, В.В. Зеленская, Т.В. Вовк. // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, 11 ноября 2021 г. – Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГУ», 2022. – С. 52-56.

Чумичева Н.В. Суггестия слова в рекламном кодировании / Н.В. Чумичева // Актуальные проблемы современной лингвистики: материалы Всероссийской научной конференции. – 2005. – С. 207-209.

Цейтлин С.Н. Лингвистика детской речи: некоторые размышления: лекция в двух частях, записанная в рамках проекта «Звуковая энциклопедия» / С.Н. Цейтлин. – <http://www.auditorium.ru/aud/p/lib.php?id=5464>.

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ

Л.М. Борисова (Воронеж)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАФРАЗ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию прагматического потенциала парафраз, коррекциях и уточнениях на материале коммуникативного поведения повествователя в романе Андрея Битова «Пушкинский дом». Анализ речевого поведения повествователя, репрезентирующего всезнающего аукториального рассказчика, показывает репрезентативное наличие текстопорождающих речевых действий, характерных обычно для устной коммуникации и используемых с целью предотвращения коммуникативных неудач, оптимизации устной коммуникации.

Ключевые слова: парафраза, художественное произведение, коммуникативное поведение

Abstract. The article is devoted to the study of the pragmatic potential of paraphrases, corrections and clarifications based on the material of the narrator's communicative behavior in Andrei Bitov's novel "Pushkin House". The analysis of the speech behavior of the narrator, representing the omniscient auctorial narrator, shows the representative presence of text-

generating speech actions, which are usually characteristic of oral communication and used to prevent communicative failures, optimize oral communication.

Keywords: paraphrase, artwork, communicative behavior

Предметом исследования является коммуникативное поведение повествователя в романе Андрея Битова «Пушкинский дом». Анализ речевого поведения повествователя, репрезентирующего всезнающего аукториального рассказчика, показывает репрезентативное наличие так называемых текстопорождающих речевых действий, характерных обычно для устной коммуникации и используемых с целью предотвращения коммуникативных неудач, а следовательно – оптимизации устной коммуникации. Речь идет о так называемых парафразах, коррекциях и уточнениях [Firle 1987, с. 70-71].

Рассматриваются парафразы, вводимые реляционной единицей, специально предназначенной для выполнения собственно метаязыковой (толковательной) функции [Ляпон 1986, с. 82].

(1) У Лёвы была определенная репутация, **то есть** та самая *неопределенная вещь*, к которой все инстинктивно стремятся, но не все обладают. **Очень трудно четко выразить**, что это такое – репутация – и из чего состоит. [Битов, с. 120]. **Но мы попытаемся окружить ее многими невнятными словами**, с тем, чтобы потихоньку сомкнуться вокруг понятия. **То есть мы хотим попытаться справиться с задачей не словами, которых нет для определения столь любопытного, но ускользающего явления, как «репутация», а стилем, напоминающим по фактуре ее поверхность...** [Битов, с. 121].

Лексико-грамматической реализацией данной реляционной единицы является союз *то есть*, ср.:

ТО ЕСТЬ – союз: 1) обозначает «а именно», «что значит, иными словами»; 2) уточняет содержание предыдущего высказывания, внося какую-либо оговорку, поправку; 3) выражает желание исправить речь (БТС).

ТО ЕСТЬ – союз. 1. Употребляется при присоединении члена предложения или части предложения (уточняющих, конкретизирующих, дополняющих или развивающих уже высказанную мысль), соответствуя по значению словам «а именно», «иными словами»; 2. Употребляется при присоединении слова или предложения, внося в предыдущее какую-либо оговорку или поправку (Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой).

Этим союзом оформляются пояснительные отношения, которые «есть не что иное, как альтернатива, осложненная метаязыковым назначением. При помощи *то есть* говорящий соотносит как равно возможные два различных изложения (две вербализации) одного и того же фрагмента действительности» [Ляпон 1986, с. 82]. Важным при этом является тот факт, «что второе обозначение, как правило, не дублирует первое, а несет новую информацию о референте» [Там же]. Необходимость второй экспликации коммуникативно оправдана, по мнению М.В. Ляпон, тремя мотивами: «сообщаемое в первой части 1) не вполне точно и адекватно; 2) точно и адекватно, но недостаточно ясно или обличено в необычную словесную форму и потому требует толкования; 3) отвлеченно, обобщенно и потому также требует иллюстрирующего, конкретизирующего комментирования» [Ляпон 1986, с. 82]. Однако присутствующие в письменном художественном дискурсе повторные

номинации характеризуются дополнительным функционально-прагматическим потенциалом. При этом следует учитывать, что, хотя «картина мира в художественном произведении создается языковыми средствами», но при этом «она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя» [Попова 2007, с. 8]. О.Н. Чарыкова указывает на то, что «внутренняя индивидуальная модель мира автора, специфика видения им мира находит свое отражение на всех уровнях иерархически организованной структуры текста и обуславливает отбор именно таких элементов, которые по своим языковым свойствам являются наиболее действенными для отражения авторского понимания действительности, а также для реализации прагматических установок текста» [Чарыкова 2000, с. 170]. Таким образом, определяющим в процессе анализа парафрастических повторных номинаций, репрезентирующих толкование или варьирование аспектов значения изначально предложенных в письменном художественном дискурсе формулировок, является тот факт, что «художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [Попова 2007, с. 8]. Важным является и то обстоятельство, что «форма вербализации личностного смысла говорящего может быть различной; весьма различной может оказаться и эффективность передачи личностного смысла собеседнику» [Попова 2007, с. 15], а в условиях письменного художественного дискурса – потенциальному читателю. С какой же целью прибегает повествователь к повторной номинации уже репрезентированной лексемы, словосочетания или всего изначально предложенного выражения?

В примере (1) парафраза соотносится с лексемой *репутация*, которая имеет абстрактное значение и обозначается как:

1. Приобретаемая кем-/чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-, чего-нибудь. *Хорошая, плохая репутация, незапятнанная репутация* (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой).

2. Создавшееся общее мнение о достоинствах и недостатках кого-/чего-либо. *Хорошая, плохая репутация. Порочить чью-либо репутацию* (БТС).

3. Общественное мнение, сложившееся о ком-либо или о чем-либо на основании его качеств, достоинств, недостатков (Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой).

Ср. также: о положительной репутации: *безукоризненная, безупречная, блестящая, высокая, добрая, заслуженная, идеальная, исключительная, кристальная, незапятнанная, непогрешимая, общепризнанная, отличная, отменная, превосходная, прекрасная* и др. (Словарь эпитетов русского языка).

Тем самым интегрированное лексикографическое значение [Стернин 2017, с. 25] слова «репутация» достаточно очевидно: создавшееся общее мнение о достоинствах и недостатках кого- чего-либо // Общественное мнение, сложившееся о ком-либо или о чем-либо на основании его качеств, достоинств или недостатков // Приобретаемая кем-чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-/чего-нибудь.

Однако повествователь прибегает к варьированию данного значения с помощью релятива *то есть*, акцентируя сложность дефиниции данного понятия (*самая неопределенная вещь*), положительную коннотацию которой подчеркивает придаточное предложение. Повторная формулировка представляется более адекватной сущности обозначаемого. В данном случае союз *то есть* функционально эквивалентен «градационным релятивам» *вернее*, *вернее сказать*, *точнее говоря* [Ляпон 1986, с. 82]. Парафраза содержит уточнение-антоним, соотносящийся с лексемой *определенная репутация*, *то есть самая неопределенная вещь* и имеет экспансивный характер. Далее следует обширный каскадный метакоммуникативный комментарий на метаакциональном уровне, насколько трудно *четко выразить, что такое – репутация*. Этот комментарий подлежит также ревизии, в то время как в последующей повторной номинации, индуцируемой релятивом *то есть*, указывается на то, что и слов-то нет для определения столь *любопытного, но ускользающего явления, как «репутация»*, а значит с задачей повествователь хочет попытаться справиться не словами, а стилем.

Таким образом, репрезентируется авторское определение значения лексики *репутация*, с которой соотносится повторная номинация с использованием эпитета-антонима с усилением: *определенная репутация*, которой обладает главный персонаж романа, **то есть** та самая **неопределенная вещь** с дальнейшей дефиницией понятия репутации.

Последующий расширенный метакоммуникативный комментарий по поводу сложностей дефиниции понятия репутация содержит еще одну эксплицитно индицированную парафразу, соотносящуюся с целым, изначально предложенным выражением. В данном случае необычность исходной формулировки «дает повод для неоднозначного толкования», а *то есть* передает значение, соответствующее релятивам *иначе сказать*, *иными словами*, *иначе говоря* [Ляпон 1986, с. 82]. Повторная формулировка имеет экспансивный характер, репрезентирует синтаксическую трансформацию с сохранением лексических элементов исходного выражения и представляет собой тотальную вариацию.

(2) Итак, у Лёвы *эта определенно-неопределенная вещь была*. ... **Репутация** *эта сводилась в общем, к тому, что Лёва никогда не делал черную и легкую работу, что в стенах данного института совпадало, а лишь чистую и квалифицированную.*

Указанные в парафразах и метакоммуникативном комментарии аспекты значения лексики *репутация* релевантны для понимания характера и поступков главного героя повествования. Об этом свидетельствует парафраза в ниже приведенном примере. Повторная номинация соотносится со словосочетаниями: *никогда не делал черную и легкую работу, ... а лишь чистую и квалифицированную*. И вопреки ожидаемой и прогнозируемой интерпретации данных видов работы, парафраза, тематизированная повествователем на метаакциональном уровне с помощью релятива **то есть** и переходящая в дальнейшее повествование на уровне нарративной структуры повествования, репрезентирует национально-специфические, социо-культурные аспекты

значения указанных определений, соотносенных также с историко-политическим контекстом времени повествования:

(3) *То есть* не вылезал на тех или иных выгодных идеологических поветриях, чтобы выступить там со статьей или речью лишь для того, чтобы всем стало видно и ясно, за что ее автор и против чего он, и чтобы эта откровенная очевидность сразу была кем надо замечена и пошла данному автору на пользу [Битов, с. 121].

В данном случае при обобщенной формулировке исходного выражения повторная номинация имеет экспансивный характер и уточняет и конкретизирует содержание исходного выражения. Союз *то есть* сближается с союзом «а именно». Однако в данном случае «собственно метаязыковая направленность *то есть* ослаблена: разъяснение, толкование касается не столько специфической словесной формы, сколько непосредственно самого экстралингвистического объекта» [Ляпон 1986, с. 83-84].

Таким образом, парафрастическое выражение указывает на индифферентное поведение Лёвы Одоевского в определенный период истории государства, когда в контексте определенных экстралингвистических реалий человек выбрал удобную для него позицию невмешательства, которая позволяет повествователю иронично говорить о репутации данного персонажа, как о любопытной и ускользающей вещи, для обозначения которой нет слов.

В следующих примерах речь идет о взаимоотношении Лёвы в детстве и уже во взрослой жизни со своим отцом, который в свою очередь отрекся в свое время от своего отца-ученого, пострадавшего в период репрессий, принял его кафедру, и о постепенном, порой очень болезненном прозрении внука и его осознании всей глубины несправедливости по отношению к его деду и другим персонажам (дядя Диккенс), пострадавшим несправедливо, но сохранившим необычайное свое благородство и исключительные человеческие качества.

В примере (3) дана оценка коммуникации отца с маленьким сыном на метаакциональном уровне, свидетельствующая об отсутствии внутренней связи маленького ребенка и взрослого, о его неумении общаться с собственным ребенком, которое на эмоционально- психологическом уровне закрепилось в сознании ребенка как «чувство неловкости за отца», которое усугублялось со временем во время кратковременных встреч в силу большой занятости отца. Неудачная коммуникация с сыном имела своим следствием тот печальный факт, что Лёва запоминал лишь чувство неловкости за отца, не запоминая, а значит, не храня в своей памяти ни вербальную, ни невербальную составляющие речи отца. Поэтому каждая встреча с отцом выражалась **лишь** «в этом чувстве неловкости, **неловкости вообще**». Данная формулировка оценивается как обобщенная и отвлеченная, требующая конкретизирующего комментария, и повествователь, согласно интенции автора, прибегает к парафрастическому толкованию словосочетания *неловкости вообще*, акцентируя наше внимание уже на дискомфорте ребенка на физическом уровне в процессе общения с отцом, что свидетельствует об отсутствии глубокой человеческой привязанности ребенка к своему отцу.

(3) (Отец. – Прим. Л.Б.) неумело, неловко пробовал заиграть с Лёвой, **долго выбирал и тасовал, что же сказать сыну, и наконец говорил пошлость** – и

Лёва запоминал лишь чувство неловкости за отца, не запоминая ни слов, ни жеста, так что, со временем, каждая мимолетная встреча с отцом (отец всегда был очень занят) выражалась лишь в этом чувстве неловкости, неловкости вообще. **То есть** будто отец не был способен даже правильно потрепать Лёву по головке – Лёва ежился – или посадить на колени – всегда причинит Лёвушке какое-то физическое неудобство – Лёвушка напрягался и становился сам себе неудобен [Битов, с. 21-22].

Знакомство с собственным дедом и постепенное прозрение Лёвы относительно объявившегося родственника, растущий интерес внука к личности и творческому наследию родоначальника семьи представлен в следующих примерах, в которых парафразирование в силу своей семантической глубины, емкости и художественного потенциала позволяет постичь главному герою значимость людей с тонкой душевной организацией, о которых не было принято говорить в семье. Трагедия жизненной ситуации людей, пострадавших в соответствующий период жизни в своей стране, обозначается очень тонко и пронзительно с помощью повторных парафрастических номинаций:

(4) ...Когда он (Лёва. – Прим. Л.Б.) приучал себя к новому родству и гипнотизировался идеей «крови» – тогда же, вдохновленный, достал Лёва, минуя отца, сам, проявив непривычную инициативу, по букнистам и фондовым залам – достал и прочитал некоторые работы деда, благо они теперь относились к будущей его специальности, правда весьма отдаленно: дед был лингвист, **то есть** он что-то *знал* и, значит, занимался чем-то более точным, чем та филология, которой посвящал себя Лёва; к тому же он был отчасти математик и чуть ли не первый... [Битов, с. 56].

Парафраза, индицируемая релятивом **то есть**, соотносится с лексемой *лингвист*, повествователь оценивает ее как требующую конкретизирующего комментария, и дает ее развернутую каскадную парафрастическую интерпретацию, где одна парафраза соотносится с изначально предложенной формулировкой *лингвист*, а вторая парафраза соотносится с первой, вводится лексемой *и значит*, тем самым комментируя глагольную лексему (что-то) *знал* – занимался чем-то более точным, чем та филология, которой посвящал себя Лёва... Специфика парафраз в данном художественном дискурсе детерминирована тем, что, как и в предыдущих примерах, сама парафраза не номинирует конкретный денотат, иницируя тем самым потенциального читателя к размышлению и оставляя пространство для его собственного понимания и оценки определенных экстралингвистических сущностей, а также коммуникативного поведения повествователя и персонажей: репутация – самая неопределенная вещь: ускользающее понятие репутации невозможно описать словами, но стилем, похожим на ее поверхность...

Ребенок испытывает не только неловкость, а неловкость вообще: дед был лингвист, то есть он что-то знал. Ключевым представляется в данном случае понятие стиля, стиля повествования, характеризующегося тщательным прорабатыванием основных смысловых посылов с помощью повторных номинаций, указывающих на релевантные аспекты значения лексем, словосочетаний, отдельных фраз, с которыми они соотносятся.

В следующем примере показано, как непросто было Лёве Одоевскому постигать труды своего деда:

(5) После такого умственного перенапряжения, как при чтении деда, **то есть** после того, как он впервые *работал* головой, – все по учебе вдруг оказалось так примитивно и легко, и программные монографии, что наводили страх на сокурсников своей толщиной и наукообразностью, стали для Лёвы школьным лепетом [Битов, с. 56-57].

Чтение работ деда номинируется как *умственное перенапряжение*, требующее, по мнению повествователя, уточняющего комментария, и последующая парафраза тематизирует важнейший смысловой аспект словосочетания *умственное перенапряжение*, то есть после того, как он *впервые работал головой*, что актуализирует также значение: проявил очень большой и не поверхностный интерес и усердие в усвоении материала в книгах своего деда. Данная аспектуализация значения предыдущего выражения имеет на наш взгляд ироническую коннотацию, детерминированную лексемой *впервые*. Таким образом подчеркивается значимость трудов человека, о котором в семье предпочитали не говорить и в отношении которого был совершен неблагоприятный поступок со стороны самого близкого человека, его собственного сына.

Первая встреча с собственным дедом вызывает бурю эмоций у Лёвы и много волнений и переживаний. Парафраза соотносится с вопросом «Когда же он, Лёва, догадается?» (в комнате находились несколько стариков. – Прим. Л.Б.). Парафраза репрезентирует более адекватную сущности описываемой ситуации формулировку. Сама же тематизация носит образный характер: «то есть, когда он, Лёва, придет на самом деле, а не только физически» ..., это значит, когда сердце внуку подскажет, кто из стариков его дед, который впервые познакомится со своим внуком».

(6) Вдоволь поиздевавшись, он подумал, что, раз так, сомнений нет: первый старик и – и есть его дед ...он просто испытывает Лёву и вот ведь как переживает, что Лева его не узнает... « Скоро Он придет!» – как же это еще понимать, как не: « Когда же он, Лева, догадается?» **То есть**, когда он, Лева, придет на самом деле, а не только физически ... «Конечно, первый – дед. Он из двух – главное...» [Битов, с. 62].

В следующем примере повторное толкование выражения «*химизм*» *собственной мысли* детерминировано необычностью, «зашифрованностью» [Ляпон 1986, с. 82] формулировки, которая может быть истолкована неоднозначно. Оно оформлено графически как парентетическое включение и является толкованием, разъяснением данного словосочетания:

(7) И дед был не только достаточно умен, но и достаточно «сознателен», чтобы понимать это. Оскорбление алкоголем, унижение от «химизма» *собственной мысли* (**то есть** уже в любом случае ее условность, относительность, неестественность), неспособность прийти в состояние мысли «наяву» – были предметом особенно сильных, особо невыносимых терзаний деда, которые в свою очередь, были тоже унижены и тоже «химизмом», химизмом похмелья [Битов, с. 88].

Лексема «химизм» уточняется уже на уровне нарративной структуры повествования.

В примере (8) предлагаемая повторная номинация, инициируемая релятивом или рефлексивом [Вепрева 2002, с. 76] *то есть* обусловлена неточностью формулировки, которая уже содержит коррекцию, но тем не менее оценивается как недостаточно адекватная описываемой сущности. Релятив *то есть* функционально эквивалентен градационным релятивам *вернее/точнее сказать*. Данная парафраза фокусирует внимание на одном из важнейших моментов романа: рассказывать надо было об отце, то есть о своем собственном отношении к отцу и его неблагоприятному поступку по отношению к собственному отцу:

(8) Он пытался рассказать как бы отцу о сыне, а надо было рассказать деду об отце, **то есть** о том, как он Лева, все это видит и относится... [Битов, с. 94].

Парафраза в примере (9) является конкретизирующим комментарием и соотносится со всем предыдущим высказыванием, инициирует дальнейшее повествование и обозначает одну из трагических реалий повествуемого времени на примере жизни дяди Диккенса:

(9) Вещи эти, такие для Левы семейные, оказались на самом деле – дяди Диккенса. **То есть** такова была вся жизнь его, что вещи у него еще бывали, а дома не было... [Битов, с. 33].

Дядя Диккенс (Дмитрий Иванович Ювашов), или дядя Митя, прозванный Диккенсом лишь за то, что очень любил его и всю жизнь перечитывал, и еще за что-то, **что уже не в словах**, – воевал во всех войнах, а в остальное время, за небольшими промежутками, – сидел [Битов, с. 33].

Уточняющий характер имеет повторная номинация в ниже приведенном примере, при этом создается определенный ракурс повествования, позволяющий читателю представить данное помещение:

(10) Даже перечислить немногие, в общем, вещи, стоявшие по одной из стен кабинета, **то есть** напротив Левы, сидящего на козетке, представляется сложным.... [Битов, с. 42].

Философского характера повторные тематизации имеют место в следующих примерах, в которых варьируется важный аспект изначально предложенной формулировки:

(11) Необъясненный мир приводит тебя в панику, которую ты принимаешь за душевное страдание, свойственное тонко чувствующему человеку; объяснить, я вижу, ты еще ничего не в состоянии; тогда единственный для тебя выход благополучия (и ты им как-то парадоксально расчетливо пользуешься) – *иметь объяснение происшедшему раньше, чем оно произошло*, **то есть** видеть из мира лишь то, что подходит твоему преждевременному объяснению [Битов, с. 90].

В примере (11) парафразированию подлежит все исходное выражение, которое рассматривается как недостаточно ясное и потому требующее дополнительного толкования. В примере (12) парафразируется словосочетание *неразоблаченная ложь* и актуализируется антонимическое значение *правда*, но *видимая*:

(12) Однако избалованная ложь – это уже не ложь, это драма, и только. А как раз неразоблаченная ложь, **то есть** видимая правда, и есть ложь, и она – трагедия [Битов, с. 107].

В примере (13) повторная номинация-парафраза рассматривается как наиболее адекватная сущности описываемой ситуации и содержит новый аспект значения исходного выражения он *разучается руководствоваться своими точными по природе ощущениями и чувствами в своих поступках*: перестает их совершать; релятив *то есть* идентичен в функциональном плане градационным релятивам *точнее говоря, вернее говоря*:

(13) Там, где человек мучительно болтается на мутной поверхности судебной, фактической недоказанности, неподтвержденности собственных ощущений и чувств и вынужден, как бы юридически, не доверять собственным, свойственным ему, точным по природе ощущениям и чувствам, там он и *разучается руководствоваться ими в своих поступках*, **то есть** перестает их совершать – свои поступки [Битов, с. 107].

В примере (14) парафраза имеет обобщающий характер *бесплатное мы разорим первым*, актуализирует ярко выраженную негативную оценку, присущую лексеме *разорим*, соотносится со всем предыдущим высказыванием, характеризуется компактным оформлением и интегрируется в дальнейшее повествование:

(14) Потому что прежде всего нам грозит – от бесплатного, от Богом данного, от того, что никогда ничего не стоило, ни денег, ни труда, от того, что не имеет стоимости, – вот откуда нам гибель – от того, чему не назначена цена, от бесценного! Мы выдыхим и выжжем воздух, мы выпьем и выплескаем воду... **То есть** бесплатное мы разорим первым, а золото, бриллианты, что еще? – все это будет лежать целехонько и после нас, на память о нас... [Битов, с. 80].

Подобного рода дискурсивные стратегии преследуют цель, акцентировать внимание потенциального читателя на наиболее важных аспектах значения эксплицированных изначально формулировок, предлагая парафразы, в которых наряду с варьированием аспектов значения изначально предложенных номинаций присутствует оценка, интерпретация формулировок, с которыми соотносится парафрастическое выражение. Сами парафразы могут репрезентировать альтернативное предложенному значению, включать новые аспекты значений в процессе толкования или интерпретации, выказывать иной ракурс видения явлений, репрезентировать экспансию или редукцию исходного выражения, минимальную или тотальную вариацию, но всякий раз они являются смыслообразующими центрами повествовательной структуры, представляя авторское переосмысление и аспектное варьирование значений изначально предлагаемых формулировок.

Таким образом, проанализированные речевые действия повествователя, репрезентирующие повторные номинации, индицируемые на метаакциональном уровне как парафразы, обладают национально-специфической образностью и представляют собой «специфические средства и стратегии текстопорождения» а также «стратегии оценки и интерпретации высказываний, ... критерии оценки их как образцовых или не образцовых, убедительных и неубедительных, удачных или неудачных и т.д.» [Попова 2007, с. 6-7]. На основе анализа можно сделать

вывод, что предпринимаемые повествователем согласно коммуникативной интенции автора **повторные номинации**, а именно имеющие характер парафрастического реформулирования номинации, индицируемые релятивом **то есть**, создают опосредованную художественным замыслом автора [Чарыкова 2000, с. 25, 170] языковую картину мира, а также представляют аспектное варьирование значения исходного выражения, репрезентируя актуализацию смыслового содержания слова в контексте [Стернин 2017, с. 27], что составляет стилистическую специфику данного произведения и позволяет анализировать скрытые смыслы текста.

Firle M. Erzählen als Sprachhandlung in der poetischen Kommunikation // LS ZISW, R. A. Arbeitsberichte 167. – Berlin, 1987.

Битов А.Г. Пушкинский дом: роман / А. Битов. – М.: Вагриус, 2007. – 528 с.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 380 с.

Ефремова Т.Ф. Современный словарь русского языка: ок. 160000 слов. В 3 т. – М.: АСТ: Астрель, 2006.

Новейший большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2008. – 1535 с.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М.В. Ляпон. – М.: Наука, 1986. – 200 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Атберг, 2013. – 874 с.

Попова З.Д. Язык и национальное сознание / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Изд. 3., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.

Стернин И.А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – Воронеж: Истоки, 2017. – 34 с.

Чарыкова О.Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте / О.Н. Чарыкова. – Воронеж: Истоки, 2000. – 192 с.

И.А. Городничев (Воронеж)

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАЦИИ В ПЬЕСЕ Э. ИОНЕСКО «НОСОРОГИ»

Аннотация. В статье на материале пьесы Э. Ионеско «Носороги» рассматривается проблематика кризиса языка, кризиса коммуникации в контексте повседневного общения. Демонстрируются особенности нарушения коммуникации, выделяются основные типы коммуникативных нарушений.

Ключевые слова: коммуникация, театр абсурда, Э. Ионеско, «Носороги», кризис языка

Abstract. The article, based on the material of E. Ionesco's play "Rhinoceroses", will consider the problems of the crisis of language, the crisis of communication in the context of everyday communication. The features of communication disorders are demonstrated, the main types of communication disorders are highlighted.

Keywords: communication, theater of the absurd, E. Ionesco, "Rhinoceroses", crisis of language

Эжен Ионеско (1912–1994) – один из создателей «антидрамы» и «театра абсурда». Несмотря на то, что драматург считается французским писателем, он был рожден в Румынии. Установление в Румынии профашистского политического режима заставило его покинуть родную страну. В период Второй мировой войны Э. Ионеско не занимался творчеством, возвращается к писательской деятельности только в 1949 г. Этот период (с 1949 по 1953 год), по мнению российского исследователя Д.А. Кондакова [Кондаков 2008, с. 13], может быть назван периодом «Языковой абсурд».

Важно подчеркнуть, что Э. Ионеско, будучи румыном по национальности, пишет свои произведения на чужом языке. Именно «неродное» ощущение французского языка дало этому автору возможность рассматривать язык как бы на расстоянии, препарировать его и доводить языковые конструкции до абсурда. Заведомый недостаток в рамках направления «абсурдизм», парадоксально, становится достоинством. Эта двойственность, независимость от стандартной «решетки языка» [Кондаков 2008, с. 13] открывают новые творческие возможности, которые реализуются в «антипьесе» – «Лысяя певица» (1949). Язык в абсурдистских пьесах последовательно выступает как препятствие общению, и именно билингвизм писателя позволил автору взглянуть на эту проблему: анализируя повседневную речь, Э. Ионеско стремился уничтожить язык, он пытался показать, что язык перестал быть средством для понимания между людьми, и этот язык даже в какой-то степени разобщает их.

Анализируемая нами пьеса «Носороги» – самая известная пьеса Э. Ионеско. Автору удалось изобразить универсальную ситуацию в очень необычных обстоятельствах. Пьеса была написана в 1959 г. на основе собственной новеллы 1957 г. с одноименным названием. Она уже относится к периоду «Ситуационного абсурда», где Э. Ионеско кажется, что проблематика абсурдности языка исчерпала себя, он обращается к ней реже, но она не оставляется им полностью, и он рассматривает ее на новом художественном материале. Абсурд стал, в первую очередь, выражаться не через язык, а через ситуацию, и проблемы языка теперь адаптируются под ситуацию. Это прослеживается, например, с помощью персонажа Логика, которого Э. Ионеско так любит вставлять в свои произведения (представлен в интермедии «Клевер с четырьмя листьями», пьесе и новелле «Носороги» и др.).

Кратко напомним фабулу произведения: в небольшом городке появляются носороги, со временем их становится всё больше, выясняется, что именно люди превращаются в них, в конце главный герой остается единственным человеком.

Прежде чем перейти к анализу пьесы, необходимо определить используемые нами термины. Под коммуникацией (общением) мы понимаем осознанный, рационально оформленный, целенаправленный информационный обмен между людьми, сопровождающийся индивидуализацией собеседников, установлением эмоционального контакта между ними и обратной связью [Чарыкова 2012, с. 3]. Под эффективной, или успешной, коммуникацией понимается общение, при котором говорящий достигает своих целей. Этих целей три: 1) информационная (донесение информации); 2) предметная (что-либо получить, узнать, изменить в поведении собеседника); 3) коммуникативная (сформировать определенные отношения с собеседником) [Чарыкова 2012,

с. 84]. На примере пьесы Э. Ионеско можно убедиться, что часто коммуниканты (участники общения) преследуют разные цели, которые не соотносятся друг с другом.

Анализ мы начнем со сцены «разговор в кафе» [Ионеско 2018]. Она интересна тем, что действие представлено как два идущих параллельно друг другу диалога (между Жаном и Беранже, между Старым Господином и Логиком). В нем достаточно много языковых явлений, некоторые из них либо затрудняют, либо вовсе не позволяют вести эффективную коммуникацию: переключки между диалогами, прямое нарушение логики, использование языковых клише.

Рассмотрение указанных языковых явлений начнется с переключек. Между Жаном и Беранже идет разговор о том, что последнему следует перестать пить и стоит начать развиваться. Беранже спрашивает у Жана, пойдут ли они вместе в театр, Жан отказывается, а Логик, обращаясь к Старому господину, говорит: *Ваши мысли проясняются!* Фраза Логика адресована Старому господину, однако читатель может отнести ее и к Беранже, проинтерпретировав (иронично) ее как то, что Беранже развешивает алкогольный дурман и становится «нормальным человеком». Это можно также расценить, что главный герой замечает двойные стандарты своего друга:

Беранже (обращаясь к Жану). *О, мой дорогой, теперь вы сами подаете дурной пример. Вы собираетесь выпивать.*

Логик (обращаясь к Старому господину). *Вы делаете успехи в логике!*

Примеров такого рода в пьесе довольно много:

Беранже (обращаясь к Жану). *Как идти в ногу со временем?*

Логик (обращаясь к Старому господину). *Убираю у этих котов две лапы.*

Сколько лап останется у каждого?

Старый господин. *Это сложно.*

Беранже (обращаясь к Жану). *Это сложно.*

Этот диалог разворачивается в таком духе на протяжении еще 20 реплик. Данный пример можно отнести и к языковому клише, так как два несвязанных между собой диалога оказываются объединены общими ответами коммуникантов.

Помимо этого примера, к языковым клише можно отнести одинаковые реплики-реакции на появление носорогов и смерть кота Домохозяйки. В первом случае сразу восемь персонажей говорят: *О, господи! Носорог!* Интересно, что Беранже использует похожую формулировку при появлении Дези, в сознании главного героя она сравнима с носорогами по наводимому на него ужасу: *О господи! Дези!* В пьесе все фразы такого рода, создают комический эффект, и демонстрируют ограниченность, формальность, стандартность реакции (и даже мышления) персонажей.

Нарушение содержательной логики еще один интересующий нас тип явления, нарушающий коммуникацию. Под содержательной логикой мы понимаем соответствие фразы реальному положению вещей. В этой связи нам интересен персонаж Логик. Лицо, призванное уладить конфликт и объяснить суть явления, на деле лишь еще больше запутывает персонажей. Иронично, что к

концу произведения этот персонаж сам становится носорогом. Рассмотрим такой диалог:

Логик (обращаясь к Старому господину). *Вот образцовый силлогизм. У кошки четыре лапы. У Исидора и у Фрико по четыре лапы. Следовательно, Исидор и Фрико – кошки.*

Старый господин (обращаясь к Логику). *У моей собаки тоже четыре лапы. Логик (обращаясь к Старому господину). Значит, это кошка.*

Как мы видим, Логик придерживается формальной (внешне мысль выглядит правильно), но не содержательной логики.

Опора языковой конструкции – логика. Но в произведении она предстает как как дисфункция, она не выполняет своей задачи, более того, она запутывает. Иронично, что в самом произведении Логик отмечает, что логикой не стоит злоупотреблять, но сам он не придерживается этого принципа.

В данном аспекте невозможно не упомянуть сцену с обсуждением принадлежности носорога. В этом фрагменте абсурдность языка и логики подкрепляется нелепостью содержания споров: является ли носорог африканским или азиатским. Возможно, это отсылка на европейский фашизм и японский милитаризм соответственно. В дальнейшем это обсуждение перерастает в ссору и приобретает расистский оттенок. И тут Э. Ионеско нам намекает, что Жан в дальнейшем может сам стать носорогом, так как он ненавидит азиатов.

Мы также отметим, что у персонажей в этой сцене разные цели коммуникации. Общение по цели бывает деловым и развлекательным. Деловое общение предполагает конкретную предметную или информационную цель, развлекательное (в широком смысле) предполагает проведение времени в общении, оно не связано непосредственно с утилитарными, деловыми задачами [Чарыкова 2012, с. 12]. Логик преследует развлекательную цель, другие герои – предметную.

Главную причину непонимания автор вновь находит в способе общения – языке. Рассуждения внешне верны, соответствуют правилам формальной логики, но выводы, вытекающие из них, сопоставимы по абсурдности с репликами персонажей «Лысой певички»:

Мистер Смит. *Так почему же доктор выкарабкался, а Паркер умер?*

Миссис Смит. *Потому что операция доктора прошла удачно, а операция Паркера неудачно.*

Таким образом, в пьесе Э. Ионеско «Носороги» констатируется невозможность человека общаться с другими. Не находя общего языка, они становятся друг для друга чужими, «носорогами». Нарушение норм и правил подтверждает трагическую невозможность коммуникации. В рамках интерпретации данной пьесы приемы и явления, используемые автором, становятся элементами ироничной языковой игры. Особенно ярко это проявляется в следующих типах нарушения коммуникации: 1) клишированность речи; 2) приверженность формальной, но не содержательной логике.

Ионеско Э. Носорог / Э. Ионеско; перевод Е.Д. Богатыренко. – Москва: АСТ, 2018. – 188 с.

Кондаков Д.А. Творчество Эжена Ионеско в контексте идейно-художественных исканий европейской литературы XX века / Д.А. Кондаков. – Новополюцк: ПГУ, 2008. – 157 с.

Чарыкова О.Н. / Основы теории языка и коммуникации [Текст]: учебное пособие / О.Н. Чарыкова, З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва: Флинта: Наука, 2012. – 310 с.

Л.Е. Ильина, Е.А. Волкова (Оренбург)

КЛАССИФИКАЦИЯ ДИСКУРСОВ В ПОСТМОДЕРНИСТКОМ ПОНИМАНИИ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу понятия «дискурс» в современном лингвистическом и постмодернистском контексте. Рассматривается постмодернистское понимание дискурса, его отличительные черты и особенности. Исследуется многогранность дискурса и его использование в смежных науках, таких как психология, социология и педагогика. Особое внимание уделяется постмодернистскому пониманию дискурса, где объект раскрывается постепенно, а важным элементом анализа становится соотношение дискурса и власти. Рассматриваются различные классификации дискурсов, опирающиеся на жанры, носители информации, семантическое содержание, коммуникативные стратегии и социокультурные аспекты. Также подчеркивается значимость анализа локальных и глобальных уровней дискурса, взаимодействие которых является важной характеристикой дискурса как коммуникативного акта.

Ключевые слова: дискурс, постмодернизм, классификация, особенности, уровни дискурса

Abstract. This article is devoted to the analysis of the concept of discourse in the modern linguistic and postmodern context. The postmodern understanding of discourse, its distinctive features, and characteristics are examined. The multifaceted nature of discourse and its application in related fields such as psychology, sociology, and pedagogy are explored. Special attention is given to the postmodern interpretation of discourse, where the object is revealed gradually, and the relationship between discourse and power becomes a crucial element of analysis. Various classifications of discourses are considered, based on genres, information carriers, semantic content, communicative strategies, and sociocultural aspects. The importance of analyzing the local and global levels of discourse is also emphasized, as their interaction is a key feature of discourse as a communicative act.

Keywords: discourse, postmodernism, classification, features, levels of discourse

В современной лингвистике понятие дискурса довольно распространено. Дословный перевод означает разговор, беседу, иногда речь, таким образом выглядит наиболее общее, но поверхностное определение дискурса, но, как и любой распространенный термин, он многогранен и противоречив. Причиной этому служит употребление данного понятия в различных смежных науках, таких как психология, социология, педагогика, лингвистика и т.д.

Теоретическая значимость. Работа вносит вклад в развитие теории дискурса, уточняя его постмодернистское понимание и акцентируя внимание на категориях Другого и Иного. Автор также подчеркивает важность нелинейности

и креативного потенциала дискурса в современном социокультурном пространстве. В исследовании представлены многочисленные классификации дискурсов, что позволяет систематизировать современные подходы к их изучению и расширить представления о структуре и функциях дискурса в различных областях. Работа теоретически обосновывает важность анализа локальных и глобальных уровней, взаимодействующих в рамках дискурсивных единиц.

Практическая значимость работы заключается в применении результатов исследования для дальнейшего анализа дискурсов в различных сферах коммуникации: научной, политической, деловой, бытовой и других. Понимание особенностей постмодернистского дискурса позволяет применять его к современным культурным текстам, а также использовать классификации дискурсов для их анализа в образовательной, медийной и научной практике.

Появление понятия дискурса связывают с концепцией французского исследователя Э. Бенвениста, которая раскрывает понятие дискурс как акт коммуникации между субъектами, в процессе которого язык актуализируется в речь. То есть суть дискурса заключается в постепенном раскрытии информации в процессе общения [Лисович 2019].

Однако согласно постмодернистскому понимаю, в дискурсе объект не представлен полностью и целостно, он раскрывается последовательно и постепенно. Важным элементом постмодернистского дискурса является анализ соотношения его и власти. Дискурс не только всегда является частью социокультурного контекста, он выступает в роли рационального и организованного способа обмена информацией.

Дискурс в постмодернистском пространстве носит также рефлексирующий характер, что является следствием глобальных катастроф, имевших место в XX веке. Анализ исследователей-постмодернистов направлен на их выявление причинно-следственных связей, сути и последствий.

В постмодернистских работах актуализируются категории Другого, Иного, однако теперь они рассматриваются не как оппозиционные, а как дополняющие аспекты к уже существующим объектам, группам, культурам и т.п. Ж. Деррида в своих работах говорил о том, что данные категории являются аспектами деконструкции, т.е. они ориентированы не на деструкцию и разрушение, а на инаковость. По мнению Н.Б. Маньковской, инаковость основывается на памяти культуры, человечества, представляющие собой огромный многомерный текст, содержащий информацию о прошлом, настоящем, будущем, единство универсального и индивидуального, общечеловеческого и национального. Гипертекстуальность подобного текста, таким образом, включает в себя разнообразие и многочисленность культур [Маньковская 2000].

Другой важной характеристикой постмодернистского дискурса является его нелинейность. Дискурсу присваивают презумпцию креативного потенциала заложенности в нем тенденции ветвления смысла, имманентной неподчиненности дискурса принудительной внешней каузальности и другие.

Вследствие отсутствия единого определения самого феномена «дискурс», классификации и типологии в трудах исследователей также варьируются. Чаще всего дискурсы делятся в зависимости от канала передачи информации. В

данной категории Т.В. Матвеева выделила письменный и устный дискурсы. А.А. Кибрик также к данному делению прибавляет мысленный, а О.Г. Ревзина – интернет-дискурс [Кибрик 2006; Матвеева 1990; Ревзина 2005].

Другая популярная классификация опирается на различия по жанру. М.М. Бахтин предложил расширить круг литературных жанров и использовать их для характеристики дискурсов. Стали выделяться бытовой диалог (беседа), рассказ (нарратив), инструкция по использованию прибора, интервью, репортаж, доклад, политическое выступление, проповедь, стихотворение, роман. Однако Дж. Байбер утверждает, что проблема языковой специфики жанров актуальна, потому как не всегда представляется возможным выделение устойчивых жанровых характеристик. Следовательно, исследователь предлагает анализировать жанры в качестве культурных концептов, лишенных устойчивых языковых характеристик. Он также классифицирует дискурсы, опираясь на эмпирически наблюдаемые и количественно измеримые параметры (например, употребление форм прошедшего времени, причастий, личных местоимений и т.п.) [Бахтин 1986; Кибрик 2009].

С.Ю. Тюрина предлагает классификацию на основании типа носителя информации. По данному параметру исследователь выделяет радиопередачу, печатный дискурс, телефонный разговор, общение при помощи пейджера и автоответчика, переписку по электронной почте [Тюрина 2004].

По мнению В.С. Григорьевой, дискурсы можно также классифицировать, опираясь на их семантическое содержание. Таким образом, дискурсы могут быть описательными, повествовательными (нарративными), контаминированными и дискурсами-рассуждениями [Григорьева 1987].

По сфере и среде общения Н.С. Валгина выделяет бытовой, научный, политический, деловой, конфессиональный дискурсы, а В.Г. Костомаров также включает книжный, разговорный и массово-коммуникативный [Валгина 2003; Костомаров 2005].

Е.Е. Анисимова также предлагает классификацию, основываясь на способах выражения, куда входят следующие виды дискурсов: выраженные вербально, без применения паралингвистических средств; включающие, помимо лингвистических, паралингвистические средства [Анисимова 2003].

Б.Н. Головки основывается на различиях коммуникативных стратегий и выделяет педагогический, политический, социальный, идеологический, публичный, научный, критический, резонансный, юридический, военный, родительский, этический и прагматический дискурсы [Головки 2012].

По мнению Г.Г. Почепцова, дискурсы могут быть классифицированы согласно особенностям речи, знакового отражения реальной и коммуникативной ситуаций. Таким образом, автор говорит о газетном, театральном, литературном, рекламном, политическом, тоталитарном, неофициальном, религиозном, неправдивом, ритуальном, этикетном, фольклорном, мифологическом, праздничном, невербальном, межкультурном, визуальном, иерархическом, ироническом дискурсах, а также теле- и радиодискурсах, кинодискурсах, дискурсах в сфере общественных отношений [Почепцов 2001].

Исследователь В.И. Карасик называет персональный (личностно-ориентированный) и институциональный виды дискурса. Первый вид

предполагает, что говорящий – это личность с богатым внутренним миром, во втором случае – представитель определенного социального института. По мнению ученого, институциональный дискурс является определенной разновидностью общения между людьми, которые коммуницируют, опираясь на установленные нормы социума. В.И. Карасик также подразделяет персональный дискурс на бытийный и бытовой. Под бытийным дискурсом исследователь понимает стремление отразить красоту внутреннего мира говорящего. Такое общение, как правило, монологично, оно находит свое выражение в произведениях художественной литературы и философских и психологических текстах. Бытовой дискурс отражается в диалогах. Коммуникативный акт происходит на сокращенной дистанции и пунктирно, т.е. коммуниканты способны распознавать «тайные» смыслы и намека в следствие того, что они уже знакомы [Карасик 2002].

По мнению И.Т. Касавина, характер создания также является параметром для классификации дискурсов. Согласно ему, дискурсы делятся на первичные, т.е. те, которые связаны с исследовательским процессом, их смыслы индивидуальны и закрыты, связи образов ассоциативны, они носят личностный характер, и вторичные, которые могут быть определены задачами изложения, публикации; их смыслы общезначимы, открыты для понимания, связи логические, имеют общепринятый стиль [Касавин 1998].

Опираясь на аспекты речевой коммуникации, К.А. Филиппов подразделяет дискурсы на сакральные, утилитарные, художественные и тексты в звуковой массовой коммуникации [Филиппов 2003].

В целом, количество разнообразных классификаций подтверждает растущую популярность в научных лингвистических кругах дискурса и дискурсивного анализа. Этот факт побуждает также рассмотреть и структуру дискурса.

На данный момент современная наука выделяется два уровня дискурса – локальный и глобальный. Локальный уровень рассматривает минимальные единицы, которые могут быть отнесены к дискурсивным. В своих работах А.А. Кибрик и В.И. Подлесская называют такую единицу клаузой (или предикацией). Глобальный уровень фокусируется на более крупных элементах, например, абзацах. Как и в любой упорядоченной системе, элементы структуры находятся во взаимодействии, поэтому их отдельный анализ может не дать полного представления. Согласно теории риторической структуры, выдвинутой У. Манном и С. Томпсоном, глобальный и локальный уровни находятся в иерархичной связи [Кибрик 2006; Mann 1988].

Обобщая все вышесказанное, можно заключить, что дискурс в постмодернистском понимании – это обмен информацией и процесс реализации языка в речи, которому характерны:

- рефлексирующий характер;
- отсутствие центризма и структурности;
- самодостаточность;
- аструктурность;
- ориентация не на деструкцию, а на развитие отличительности.

Таким образом, постмодернизм является особой культурной традицией, включающей и обобщающей опыт предыдущих поколений, мировоззренческие, аксиологические и эстетические парадигмы. Дискурс, являясь компонентом социокультурного взаимодействия, имеет интегрированную систему взглядов, концепций, которые реализуются в тексте. Следовательно, постмодернистский дискурс представлен множеством текстов и иных репрезентантов культуры, которые актуализированы в современном социуме.

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) / Е.Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

Валгина Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 173 с.

Головко Б. Н. Интертекст в массмедийном дискурсе / Б.Н. Головко. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с.

Григорьева В.С. Проблемы теории и интерпретации текста / В.С. Григорьева. – Тамбов: ТГПИ, 1987. – 120 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 385 с.

Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И.Т. Касавин. – СПб.: РХТИ, 1998. – 408 с.

Кибрик А.А. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего / А.А. Кибрик, В.И. Подлеская // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. – 2006. – №1. – С. 138-158.

Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – №2. – С. 3-21.

Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В.Г. Костомаров. – М.: Гардерики, 2005. – 287 с.

Лисович И.И. Дискурс и гений: между божественным и человеческим / И.И. Лисович // Артикульт. – 2019. – №36(4). – С. 112-125.

Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетей, 2000. – 348 с.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т.В. Матвеева. – Свердловск: Уральский ун-т, 1990. – 172 с.

Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер. – 2001. – 343 с.

Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации / О.Г. Ревзина // Критика семиотики. – 2005. – №8. – С. 66-78.

Тюрина С.Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования [Электронный ресурс] / С.Ю. Тюрина // INTER-CULTUR@L-NET. – 2004. – №3. – С. 55-59. – Режим доступа: <https://textarchive.ru/c-1950174.html>.

Филиппов К.А. Лингвистика текста / К.А. Филиппов. – СПб.: СПб ун-т, 2003. – 336 с.

Mann W. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization / W. Mann, A.S. Thompson. – 1988. – Text 8:243-281.

Т.В. Ильина, О.В. Дробышева (Воронеж)

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.И. КУПРИНА «ЯМА»

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа женского образа в повести А.И. Куприна «Яма» на примере одной из главных героинь. Учитывая основные характеристики, создающие положительный / отрицательный образ, авторы пришли к выводу о том, что образ Любы – положительный. Отрицательных характеристик было выявлено значительно меньше.

Ключевые слова: языковой образ, текст, А.И. Куприн, художественный образ, языковая личность

Abstract. The article attempts to analyze the female image in A.I. Kuprin's novel "The Pit" by the example of one of the main characters. Considering the main characteristics that create a positive/negative image, the authors came to the conclusion that the image of Luba is positive. Significantly fewer negative characteristics were identified.

Keywords: linguistic image, text, A.I. Kuprin, artistic image, linguistic personality

Образы помогают человеку понимать и воспринимать мир. В рамках речемыслительного процесса говорят о языковом образе, основная функция которого быть «репрезентантом художественного образа» [Тарасова 2021, с. 40-46], отражающего предметный мир или тот, который создан творческой фантазией автора. Речевое воплощение художественного образа – это текстообразующий фактор [Чернухина 1984, с. 87], поэтому его лингвистическое изучение является одной из важнейших задач современной лингвистилистики.

Языковой образ героя является одной из единиц анализа текста. Он складывается из множества факторов – описание пола, возраста, внешности, характера, рода деятельности, умственных и творческих способностей и т.д. В него также включается речевая характеристика (речевой портрет) персонажа. Это «воплощенная в речи языковая личность определенной социальной общности» [Леорда 2006]. Под «языковой личностью» понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [Караулов, 1989, с. 3]. При рассмотрении речевого портрета анализируются слова и словосочетания, составляющие лексикон данной языковой личности. Важно учитывать ту лексику, которая делает персонажа узнаваемым – жаргонизмы, диалектизмы, просторечные и разговорные слова, необычные речевые обороты. Также необходимо подмечать, какие средства языка при этом используются – эпитеты, метафоры, олицетворения, фразеологизмы, сравнения и др.

Стоит учитывать и такое понятие, как «лексическая структура образа», которое, по утверждению И.Я. Чернухиной, не тождественно понятию «речевая характеристика персонажа» и не соотносится с ним. Главное отличие состоит в том, что речевая характеристика персонажа индивидуальна, в то время как лексическая структура образа – это «абстракция, научная модель, с помощью которой можно отобразить особенности воплощения образа любого художественного текста». Она состоит из нескольких пластов:

1) немаркированные тематические группы слов – глаголы движения, речи, восприятия. Сюда относятся слова, описывающие части тела человека, бытовые

реалии, а также темпоральные слова, которые отражают восприятие времени (*миг, момент и мгновение*) и его значимость для говорящего и др.;

2) колоритообразующая лексика, создающая у читателя «общее представление» об образе, вызывающего у него положительные или отрицательные эмоции;

3) доминирующая лексика – это те слова, которые используются два и более раз и выражают основные смыслы, вложенные автором в образ. Такая лексика отражает индивидуальность и неповторимость – то, что является наиболее примечательным в рассматриваемом образе и выделяет его среди других.

Проявляется лексическая структура образа в несобственно-прямой речи (передаче слов не от имени героя, а от лица автора при сохранении особенностей речи говорящего), монологической речи повествователя (речи автора, рассказывающего историю от первого лица или описывающего происходящие события), внутреннем монологе (размышлении персонажа, не озвученном вслух; его взаимодействие с самим собой), прямой речи персонажа (непосредственной речи персонажа в монологе или диалоге, без авторского дополнения) [Чернухина 1984, с. 75-76].

Языковой образ является одной из единиц анализа и интерпретации смысла произведения. И хотя лингвистов интересует в первую очередь изучение не столько обозначаемого или выражаемого средствами языка, сколько «способы выражения этого содержания или отношения средств выражения к выражаемому содержанию» [Виноградов 1959, с. 91], однако и само содержание, и смыслы, в него вложенные, при этом не могут остаться за границами исследования художественного произведения. Об этом говорил и Л.В. Щерба, который определял цель лингвистического анализа литературных произведений как «...показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературных произведений» [Щерба 1957, с. 97]. Перекликается с этой мыслью и утверждение В.В. Виноградова о том, как лингвист должен работать с художественным произведением: «...в отличие от литературоведа, который может идти от замыслов или от идеологии к стилю, языковед должен найти или увидеть замысел посредством тщательного анализа самой словесной ткани литературного произведения» [Виноградов 1959, с. 191].

Во время чтения художественной литературы человек может улавливать эмоции героя, пропускать их через себя, испытывая таким образом то же, что и тот, за чьей историей он следит. Художественное произведение построено так, что передает симпатию или антипатию автора к своему герою. В одних случаях у читателя появляется сопереживание, в других же – своеобразное «контрапереживание» [Чернухина 1984, с. 81], отсутствие сочувствия к герою, заключающееся в некоторой неприязни или вовсе равнодушию по отношению к нему. Это связано с существованием двух типов образа – «положительного» и «отрицательного», для обозначения каждого из которых существуют различные слова с противоположными по смыслу значениями.

И.Я. Чернухина выделяет 15 групп противопоставлений слов, с помощью которых создается положительный или отрицательный образ.

Таблица 1

**Противопоставление слов,
создающих положительный и отрицательный образ человека**

№№ группы	Противопоставление	
	Положительный образ	Отрицательный образ
1	Добро	Зло
2	Откровенность	Маска
3	Общительность	Надоедливость
4	Вкус	Безвкусица
5	Осторожность	Подозрительность
6	Любопытство	Любопытство
7	Вежливость	Невежливость
8	Серьезность	Легкомыслие
9	Самостоятельность	Несамостоятельность
10	Искренность	Неискренность
11	Решительность	Нерешительность
12	Жажда – желание – потребность	Жажда – желание – потребность
13	Интерес	Равнодушие
14	Радость	Злорадство
15	Эмоциональность	Бесстрастность

Семантическую структуру положительного образа составляют слова с положительными коннотациями и слова с нейтральной окраской, отрицательного образа – с отрицательными коннотациями. Особенности человека и его поступков выражаются с помощью различных самостоятельных частей речи (существительные, прилагательные, наречия и глаголы).

В каждую из этих групп входят слова, составляющие данную семантическую структуру образа.

Приведем пример некоторых слов, составляющих положительный образ героя («добро»): *добро, доброта, радушие, участливость, мягкость, сердечность, сочувствие* и др.

К созданию же отрицательного образа («зло») относятся слова совершенно противоположные по смыслу: *зло, неблагодарность, ехидство, язвительность, вражда, злоречивость, насмешливость*.

Аналогично и с остальными группами слов, составляющих положительный или отрицательный образ героя. Подробнее с ними можно ознакомиться в монографии «Элементы организации художественного текста» И.Я. Чернухиной [Чернухина 1984, с. 83-88].

Для анализа был выбран образ Любы в повести А.И. Куприна «Яма», т.к. путь героини в повести отличается от пути, которым идут обитательницы публичного дома Анны Марковны: девушке предоставляется возможность изменить жизнь, бросить неприспособленные занятия. Проанализировав образ одной из главных героинь, можно сделать следующие выводы.

Положительный образ героини создают практически все выделенные группы, но в разной степени.

1. Добро выражается в ласковости Любы: *Ишь, хмель-то еще играет, – ласково подумала она. «Дуся! Милый», – ласково произнесла женщина воркующим, немного хриплым со сна голосом. Она посмотрела на него ласково.*

2. Откровенность героини проявляется в кротости: *Свежее веснучатое лицо Любы приняло кроткое, почти детское выражение, а губы как улыгнулись во сне, так и сохранили легкий отпечаток светлой, тихой и нежной улыбки. Не она сама, кроткая и уступчивая по натуре... и упрямстве: Любка упрямо вырывала его руку из своей. Губы ее немного отторбучились, и опущенные веки часто заморгали. – Да-а, – протянула она, как ребенок, который упрямится мириться, – я же вижу, что я вам не нравлюсь. Казалось бы, эти проявления характера Любки конфликтуют, не могут встречаться одновременно в одном человеке, однако мы замечаем это в героине и понимаем, что кажущееся противоречие характеризует ее как откровенную натуру, искреннюю, не умеющую притворяться.*

3. Общительность заметна в кокетстве: *Любка, со свойственным всем женщинам кокетством, в каком бы возрасте и положении они ни находились, подошла к осколку зеркала, висевшему на стене, поправить прическу.*

4. У Любы есть вкус, она чувствует красоту: *Ее всю захватила красота этого монументального, героического произведения. Читали они не раз и Чехова, и Любка свободно, без затруднения вникала в красоту его рисунка, в его улыбку и грусть. Но зато делать искусственные цветы она научилась довольно быстро и вопреки мнению Симановского делала их очень изящно и с большим вкусом...*

5. Героиня осторожна и боязлива: *Я всегда была такая осторожная. Я ужасно этого боялась. ...Ее ... страшила встреча с ворчливой Александрой, и, кроме того, на нее унетающе подействовало то, что Лихонин не хотел скрывать ее прошлое.*

6. Любопытство не свойственно героине.

7. Вежливость девушки проявляется, прежде всего, в готовности помочь другим: *Она рано встала, в десять часов, и с удовольствием помогла кухарке вымыть в кухне пол и столы. Если ты любишь человека, то тебе все должно быть мило от него. Он в тюрьму, и ты с ним в тюрьму. Он сделался вором, а ты ему помогай...*

8. Серьезность характеризуется порядочностью и скромностью: *Вы уж извините меня, пожалуйста, но так как у меня собственная квартира и теперь я вовсе не девка, а порядочная женщина, то прошу больше у меня не безобразничать.... Я девица простая, скромная и на измену никогда не согласная. ...Любка струсила и, только с трудом оправившись, произнесла дрожащими губами, но с достоинством...*

9. Самостоятельность Любка проявляет крайне редко: *Зато она очень любила мыть полы и исполняла это занятие так часто и с таким усердием, что в квартире скоро завелась сырость и показались мокрыцы.*

10. Самая частотная группа. Героиня очень искренняя, что проявляется и в наивности, простоте: *Конца повести она долго не могла дослушать и все раздражалась такими искренними горячими слезами, что приходилось прерывать чтение, и последнюю главу они одолели только в четыре приема.*

Она поймала его руки, прижала их к своему мокрому лицу и продолжала уверять его со смешной и **трогательной искренностью** несправедливо обвиняемого ребенка. Кажется, эта первобытная, **наивная** душа успела уже прилепиться к своему покровителю. Всех этих слов о дружбе, братстве и товариществе она не могла осмыслить своим куриным мозгом и **простой крестьянской душой**.

11. При характеристике героини с точки зрения решительности / нерешительности можно сделать вывод, что робость Любы вовсе не отрицательная характеристика. Решительность тоже прослеживается, но крайне редко: *В своем героическом мужестве она дошла до того, что сделала даже несколько публикаций в газетах о том, что ищет место горничной за все. Пассивное, почти незаметное, но **твердо** уклончивое сопротивление Любки раздражало и волновало его.*

12. Желания героини редки. Мы редко видим ее жажду жизни и радость от нее: *Она рано встала, в десять часов, и с **удовольствием** помогла кухарке вымыть в кухне пол и столы. ...Любка не одолела Дон-Кихота, устала и, наконец, отвернувшись от него, с **удовольствием** прослушала Робинзона и особенно обильно поплакала над сценой свидания с родственниками. Лихонин не учитывал того, что она с ее детской душой, **жаждущей** вымысла...*

13-14. Описывая положительные черты героини, можно отметить, что две группы легко объединяются в одну. Интерес к чему/кому-либо, радость от чего-либо в жизни Любы проявляются нечасто: *Она была только **рада** опять увидеть Лихонина. ...И она, очень искренняя в душе, всегда с **радостью** вскакивала с места, услышав, что, кажется, борец вскипел или самовар собирается убежать. Любка от **восторга** скакала в кресле, хлопала в ладоши. «Глупенький мо-ой!» – воскликнула она смеющимся, **веселым** голосом.*

15. Девушка очень эмоциональна, хотя поводов для проявления положительных эмоций в ее жизни мало: *...Я вас так **люблю!** Я вам непременно бы сказала. И чем дальше разворачивался роман, тем более живое и **страстное** участие принимала в нем Любка. А только я на измену никогда не согласна, потому что как Василий Васильевич мой благодетель и я их **обожаю** всей душой.... А вы мне даже довольно **противны** с вашими глупостями.*

Отрицательный образ складывается из ряда характеристик, которых значительно меньше, чем положительных.

Так, например, в тексте нет примеров следующих групп: «маска» (№2), «наедливость» (№3), «безвкусица» (№4), «подозрительность» (№5), «любопытство» (№6), «невежливость» (№7), «бесстрастность» (№15). При этом мы видим, что есть определенные негативные характеристики:

1. Зло проявляется крайне редко (1 пример): *«А я знаю!» – кричала она в **озлоблении**». Злорадство (группа №14) не встретилось ни разу.*

8. Легкомыслие героини проявляется в хвастовстве, неразборчивости в отношениях: *Кроме того, сказывалось давнишнее, крепко усвоенное в доме Анны Марковны, в виде **хвастливого** соперничества.... А она, **дура**, сделалась и взаправду в него влюбившись, а так как она его очень ревновала ко всем этим кудлатым в кожаных поясах, то...*

9. Непрактичность Любы прежде всего проявляется в отсутствии расчетливости в денежных делах: *Она была нерасчетлива и **непрактична** в денежных делах, как пятилетний ребенок....*

10. Жизнь героини в публичном доме научила девушку неискренности: *Она с наслаждением готова была **пресмыкаться** перед Лихониным, служить ему как раба, но в то же время хотела, чтобы он принадлежал ей больше, чем стол, чем собачка, чем ночная кофта. Пассивное, почти незаметное, но твердо **уклончивое сопротивление** Любки раздражало и волновало его. А она, дразня его мясом, кричит на него с **притворной** строгостью: «Ну, ты, болван! Я тебе дам! Как смеешь?» Она с наслаждением готова была пресмыкаться перед Лихониным, служить ему как **раба**...*

11. Нерешительность девушки понятна, ведь условия ее жизни сформировали в ней безволие и покорность. Но вдруг, совсем неожиданно для Лихонина, вмешалась Любка. Она взяла его за руку и сказала **робко**.... Она **робко**, как-то сбоку, лопаточкой протянула каждому свою руку и вышла в сопровождении Лихонина. «Что-о?» – заорала она на Любку, едва выслушав ее **смущенный лепет**. «Ничего я не знаю!» – **застенчиво** ответила Люба, и засмеялась, и покраснела, и закрыла локтем свободной руки рот.

12. Чтобы заработать, Люба часто выпрашивает у клиентов угощение или музыку: *Может быть, и на улице... Вы хотя бы апельсином угостили. Можно **спросить** апельсин? «Хоть по крайности закажите музыкантам сыграть полечку. Пусть барышни потанцуют», – **попросила** ворчливо Люба.*

13. Равнодушие героиня проявляет редко: *Любка после завтрака снесла Амуру остатки хлеба и обрезки ветчины, но собака скоро надоела ей. Вместе с Нюрой ... **равнодушно** судачат обо всех, кто проходит по улице.... Она, еще так недавно отдававшая **безучастно** или, наоборот, с имитацией знойной страсти свое тело десяткам людей в день....*

В положительном образе Любы преобладают следующие группы: откровенность, искренность, радость и эмоциональность. Группы слов, составляющие отрицательный образ, не столь частотны, однако не стоит обходить их стороной, поскольку они также важны для понимания образа героини. Данные отрицательные черты в основном связаны с ее пребыванием в публичном доме (она в связи с этим *хвастлива, нерешительна, безучастна*) или обидой на то, как с ней обошлись после «спасения» из него (*озлобленность*). Она научилась быть и неискренней: *уклончивость, притворство, раболепие* – те навыки, которые Люба приобрела, чтобы выживать в том месте, в котором она оказалась. Актерство и притворство – вот то, что неизменно сопровождает каждую обитательницу публичного дома, даже если та из него выходит. Искренность, веселость и откровенность – это то, что, вероятно, было с Любой всегда как часть ее личности.

Языковой образ героя может быть раскрыт в полной мере только тогда, когда учтена вся совокупность составляющих его аспектов, перечисленных выше.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263с.

Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Леорда. – Саратов, 2006. – 19 с.

Тарасова И.А. Когнитивные проекции образа // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сборник научных трудов по итогам V Международной научной конференции, посвященной 75-летию Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филол. наук, профессора Н.Ф. Алефиренко (г. Белгород, 17-19 сентября 2021 года) / В.К. Харченко, К.К. Ли, В.С. Морщинский, А.С. Титова, А.В. Медведева, П.А. Чересюк. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – С. 40-46.

Чернухина И.Я. Элементы организации художественного текста / И.Я. Чернухина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 115 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

Е.В. Назорная (Воронеж)

«СМЕРТЬ» В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКОЙ АКСИОЛОГИИ А.В. ЖИГУЛИНА

Аннотация: Целью исследования является выявление особенностей описания смерти в поэтике воронежского поэта А.В. Жигулина. Объектом статьи является конкорданс поэзии А.В. Жигулина. Предметом исследования выступают образы смерти в стихах А.В. Жигулина.

Ключевые слова: поэзия А.В. Жигулина, образ смерти, языковая картина мира

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the description of death in the poetics of the Voronezh poet A.V. Zhigulin. The object of the article is the concordance of poetry by A.V. Zhigulin. The subject of the study is the images of death in the poems of A.V. Zhigulin.

Keywords: poetry of A.V. Zhigulin, the image of death, the linguistic picture of the world

В литературе и философии тема смерти является одной из самых популярных и вечных тем. Смерть является окончанием любой жизни, она страшит как лирического героя любого произведения, так и автора, несмотря на то, что они могут ее желать.

Смерть в поэзии может быть представлена различными способами (с помощью языка символов и метафор). Одни поэты изображают смерть как неизбежный и неприятный конец жизни, который всегда будет присутствовать рядом с нами. Другие поэты изображают тему смерти в философском ключе. Они анализируют смыслы жизни и смерти, описывают влияние смерти на жизнь. Это приводит к размышлениям о смысле и ценности жизни, о духовном бессмертии. «Смерть – неотъемлемая часть человеческой жизни, которая очищает людские души от грехов» [Кутумова 2013]. Поэты используют образ смерти как средство для выражения своих мыслей и чувств, для описания смысла жизни. Смерть также тесно связана с горем, утратой и скорбью.

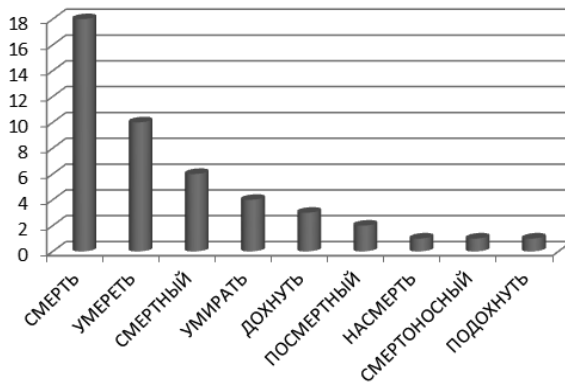
Мы обратились к творчеству Анатолия Владимировича Жигулина, известному советскому и российскому литератору.

Целью исследования является количественный и качественный анализ лексем, характеризующих смерть в поэзии А.В. Жигулина.

Объектом исследования данной статьи является лексико-семантическое поле «смерть» в его поэзии. Общее количество поэтических произведений, являющихся источником материала, составляет 351 стихотворение.

На первом этапе работы был выполнен сбор материала и его перевод в цифровой формат. Полученные стихи обработаны с помощью программы определения длины предложений в словоформах и создан конкорданс поэзии А.В. Жигулина в таблицах MS Excel. После этапа лемматизации проведен отбор контекстов окружающих лексему «смерть» и ее синонимов.

Всего обнаружено 47 словоформ, характеризующих смерть. Это и стало предметом дальнейшего исследования. В подавляющем большинстве это глаголы: *умереть, умирать,дохнуть, подохнуть*. Среди прилагательных отмечаются: *посмертный, смертный, смертоносный*. Примеры существительных и наречий единичны: *насмерть и смерть*.

Данная гистограмма отражает частотность употребления словоформ. Самыми частотными являются слова: *смерть, умереть, смертный, умирать*.

Анализ контекстов, содержащих упоминания о смерти, можно сделать вывод о том, что смерть, безусловно, пугала А.В. Жигулина. В подтверждение этому приведем строки из стихотворений поэта:

*Я страхом смерти был опутан,
 Не различал добра и зла.
 Но ты пришла и страх мой лютый
 С невестой вместе прогнала... («Хозяйка», 1965)*

Стоит отметить, что на протяжении всего творческого пути А.В. Жигулин готов бороться со смертью. И самым весомым оружием в этой борьбе является любовь:

*В жестокой борьбе со **смертью**
Любовь мне поможет выжить!
Но эта любовь, родная,
Не только любовь к тебе* («Тайга за рекой пылала», 1958)

*И что еще на этом свете
Яснее убедит меня
В том, что любовь
Сильнее **смерти**,
Сильнее камня и огня?* («Опять в глазах колымский камень», 1980)

Осознание того, что смерть так или иначе неизбежно настанет, присутствует в размышлениях лирического героя А.В. Жигулина. Желание остаться в памяти последующих поколений отражено в стихотворении «О, мои счастливые предки» (1966):

*После огненной круговерти
Что их ждет, потомков моих?
И смогу ли жить после **смерти**
В невеселой памяти их?*

В стихотворениях 1970-гг. мы видим размышления о смысле жизни и о духовном бессмертии:

*О, если б все-таки оставить
В грядущей неизбежной мгле
Пусть не жизнь,
Хотя бы память
Об этой жизни на земле!* («Деревья с черными грачами», 1972)

*О, видения детских лет,
Где казалось, что **смерти** нет!..
Нынче сосны гудят в бору –
Все о том, что и я умру.
Сколько лет нам дано судьбой?
Что оставим мы здесь с тобой?
Сын останется – кровь моя.
Стих останется – боль моя.* («Стихи Ирине», 1976)

А.В. Жигулин видит продолжение жизни после смерти не только в памяти потомков, но и в бескрайности бытия, опираясь на философско-религиозные традиции православия:

*Там речка прозрачна, как детство.
Там рыжим кустам камыша,
Наверное, точно известно:
Бессмертна ли наша душа* («Опять я подумал о родине», 1970)

Мысли о бессмертии, о памяти души продолжают в строках другого стихотворения:

*Вот и вечер пришел незаметно.
И просторы уснули в тиши...
Может, все-таки вправду **бессмертна**
Хоть какая-то память души?
Может, в чем-то возможна бескрайность,
Над которой не властны года?
Если в **смерти** забудется радость,
Пусть продлится хотя бы беда*

(«Снова дрогнуло сердце от боли», 1972)

Стоит обратить особое внимание на то, что символом бесконечной жизни у А.В. Жигулина являются цветы:

*Нам кто-то после объяснил,
Что бродит сок в древесной тверди,
Что иногда хватает сил
Ожить **цветами**
После **смерти**... («Береза», 1963)*

*Как легко уходить вам было,
Покидать этот белый свет!*

Одуванчики на могилах

*Говорили, что **смерти** нет* («О, мои счастливые предки», 1966)

Несмотря на все тяготы жизни, пребывание несколько лет в сталинских лагерях, где смерть просто преследовала каждого заключенного, Анатолий Владимирович не переставал восхищаться жизнью и любить ее.

*Сколько боли украдкою
Испытала душа!
Только жизнь эта краткая
Все равно хороша!* («Рига», 1973)

Работа над одним из основных для русской художественной культуры образом «смерть» имеет большой потенциал как в филологическом, так и в философском поле исследований. Размышления о неизбежности смерти наблюдаются у поэтов и писателей на протяжении всей истории человечества, что позволяет погрузиться в национальный мир и понять его устройство.

Арипова Д.А. Лексико-семантическое поле «смерть» в поэзии Валерия Дударева: Национальная аксиология / Д.А. Арипова, З.Б. Тажева // Казанская наука. – 2024. – №2. – С. 130-132.

Кутумова С.А. «Смерть» как оценочный признак лирики модернизма (на материале произведений Т.С. Элиота, Э.Э. Каммингса и Р. Фроста) / С.А. Кутумова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Волгоград: «Институт стратегических исследований», 2013. – №3.

Мальбахова И.Х. Идеи смерти и бессмертия в мифо-эпическом сознании / И.Х. Мальбахова // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции, 30 ноября 2014 г.: в 6 ч. Часть IV. – Белгород, 2014. – С. 121-124.

Е.Н. Подтележникова (Воронеж)

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ В ПРОЗЕ ДЖЕКА ЛОНДОНА

Аннотация. Статья посвящена анализу образных сравнений в романах американского писателя Дж. Лондона. Семантический анализ показал, что наиболее частотными группами сравнительных конструкций являются «животное» → «человек», «артефакт» → «человек» и «натурфакт» → «человек». Это доказывает, что центральное место в творчестве автора занимает идея о единстве человека и природы.

Ключевые слова: образное сравнение, Джек Лондон, американская проза, семантические признаки

Abstract. The article is devoted to the analysis of figurative comparisons in the novels of the American writer J. London. Semantic analysis has shown that the most frequent groups of comparative constructions are "animal" → "human", "artifact" → "human" and "natural fact" → "human". This proves that the central place in the author's work is occupied by the idea of the unity of man and nature.

Keywords: figurative comparison, Jack London, American prose, semantic features

Творчество Дж. Лондона привлекает не только культурологов и филологов, но и лингвистов, которые изучают его произведения в аспекте перевода [Лунина 2010], рассматривают особенности концептуальной метафоры [Шиляев 2014] и образных сравнений в отдельных произведениях писателя [Паршукова 2016].

Целью исследования является анализ образных сравнений в романах Дж. Лондона: *A Daughter of the Snows (1902)*, *The Call of the Wild (1903)*, *The Kempton-Wace Letters (1903)*, *The Sea-Wolf (1904)*, *White Fang (1906)*, *The Iron Heel (1908)*, *Martin Eden (1909)*, *Burning Daylight (1910)*, *Adventure (1911)*, *The Scarlet Plague (1912)*, *The Valley of the Moon (1913)*, *The Mutiny of the Elsinore (1914)*, *The Little Lady of the Big House (1915)*, *The Star Rover (1915)*, *Hearts of Three (1920)*.

Романы Дж. Лондона отличаются уникальным и узнаваемым стилем, его язык легок, описанные миры ярко отражаются в сознании, а истинный характер каждого персонажа раскрывается в непредсказуемых ситуациях, что дает возможность лучше понять каждого из них [Лунина 2009]. Образные сравнения в романах писателя представляют собой одни из наиболее эффективных средств языковой выразительности.

Как известно, сравнение выступает методом познания реальности через описание характерных признаков предмета с помощью образов иных предметов или явлений, которые используют мастера слова. Это свойство дает точность, ясность читателям при прочтении и определении, например, характера персонажей или их внешнего вида.

Причиной, по которой процесс сравнения называют способом познания мира, является определение или установление сходств между объектами или явлениями. «Информация об объекте познания поступает в сознание субъекта через три главных перцептивных канала (визуальный, аудиальный и кинестетический) и на следующем этапе подвергается обработке в результате соотнесения объекта познания на основании его значимых признаков с

прототипом, существующим в человеческой памяти, в результате чего в сознании субъекта когниции фиксируются новые данные о предмете или явлении окружающего мира» [Сторчак 2018, с. 5]. Таким образом, человек, проходя через указанные этапы, определяет свойства предмета или явления, а затем, сопоставляет его с иным, после чего, проводит аналогии и фиксирует их в своем сознании.

В текстах художественного жанра сравнения не просто обогащают язык, но и позволяют углубиться в природу описанного явления, понять характеристику предмета, на которую автору было необходимо сконцентрировать внимание аудитории и обозначить ее важность. «Сравнение – один из самых популярных стилистических приемов, используемых в поэтической, художественной и прозаической речи для выразительности и раскрытия образа через общие признаки» [Ковалева 2018, с. 90]. Для писателей основной задачей является именно воздействие на аудиторию, что может быть осуществлено благодаря сопоставлению предметов или явлений, которые имеют один или несколько общих семантических признаков между собой. Такими признаками могут быть не только внешние характеристики, но и черты характера, привычки, поведение, характер действий и многое другое.

Сравнительная конструкция состоит из четырех компонентов:

- 1) объект – то, что подвергается сравнению;
- 2) эталон – то, с чем производится сравнение;
- 3) основание – общий семантический признак объекта и эталона сравнения;
- 4) показатель – средство языкового оформления сравнительных отношений

[Баранова 2021].

Для достижения цели исследования с помощью конкорданса Antconc в пятнадцати романах Дж. Лондона было найдено 1335 контекстов, содержащих компаративные конструкции с показателями сравнения *as*, *like*, *seem*, *remind* и *liken*. Количество образных сравнений в романах неодинаково. Чаще всего Дж. Лондон использует образные сравнения в романах *The Sea Wolf* (15,43%) и *The Valley of the Moon* (11,84%); наименьшее количество образных сравнений было обнаружено в романе *Call of the Wild* (0,07%).

Семантический анализ позволил провести классификацию сравнительных конструкций по эталону и основанию сравнения и выделить следующие группы: «животное», «человек», «артефакт», «натурфакт», «растения», «ментефакт», «сверхъестественное». Количественный анализ показал, что наиболее частотными группами являются «животное» (27,53%), «артефакт» (22,47%), «человек» (20,25%) и «натурфакт» (19,03%).

Далее было определено общее количество контекстов с выделенными эталонами и основаниями сравнений. При рассмотрении групп образных сравнений с эталонами «животное», «артефакт» и «натурфакт» по их объектам сравнения оказалось, что пары, включающие в себя такие объекты сравнения, как «животное», «артефакт» и «натурфакт», значительно менее частотны, чем пары, где объектом сравнения является «человек». При этом пара «животное» как эталон сравнения и «человек» как объект сравнения является наиболее частотной. Далее следуют пары «артефакт» → «человек» и «натурфакт» → «человек».

Рассмотрим подробнее группу «животное → человек». Наиболее частотным семантическим признаком, служащим основанием сравнения, является движение животного в опасной ситуации:

You flutter like a frightened bird at thought of my caressing you (The Little Lady of the Big House).

Like a frightened rabbit, the mad roar at his heels, the young man tore up the track to an open space on the hillside, up which he clawed and disappeared among the trees (The Valley of The Moon).

Также при описании человека Дж. Лондон использует сравнение с физическими свойствами животных и их повадками:

The man is a marvel – sixty-nine years old, a life of hardship, and as sturdy as a lion (The Mutiny of The Elsinore).

Men in civilization robbed because they were so made. They robbed just as cats scratched, famine pinched, and frost bit (Burning Daylight).

Семантический анализ показал, что чаще всего Дж. Лондон использует сравнение человека с такими животными, как *cat, dog, bull, monkey, rats, hounds, tiger*.

She squalled like a cat there in the runway (The Valley of The Moon).

With renewed hope, his head and shoulders down in the hole, he dug and scratched for all the world like a dog, throwing the rubbish out and between his legs in true dog-fashion (The Valley of The Moon).

As he talked or listened, he made grimaces like a monkey. He said yes by dropping his eyelids and thrusting his chin forward (Martin Eden).

В группе «артефакт → человек» основными семантическими признаками, лежащими в основе образных сравнений, являются физические свойства предметов:

Never again plaint that your voice is thin. Thick it is, and round it is, as a great rope, a great golden rope for the mooring of argosies in the harbors of the Happy Isles (The Little Lady of the Big House).

And my outstretched arm was stiff and straight as the steel into which it elongated, and behind the arm and the steel my body was braced and solid (The Star Rover).

To his pleased surprise, Joan backed him up in the decision; for, glancing at her once during the firing, he had seen her white face, like a glittering sword in its fighting intensity, the nostrils dilated, the eyes bright and steady and shining (Adventure).

Классификация лексем этой группы показала наибольшую частотность материалов и предметов промышленности (*silk, steel, gimlets, machine*), предметов искусства и науки (*cameo, statue, bell*), предметов интерьера и экстерьера (*clock, curtains, rug, ladder*).

В группе «натурфакт → человек» наиболее частотными являются природные объекты (*rock, eggshell, sand*), небесные тела и явления (*sun, star, star-dust, comet, sky*), лексемы со значением 'вода' (*sea, wave, glacier, water*) и 'воздух' (*wind, hurricane, air, breeze*).

And then, just as suddenly, like the sun rising on a stormy sea, they would begin to laugh (White Fang).

And then a radiant glory shone on the wall, and up through the other vision, displacing it, glimmered. Her pale face under its crown of golden hair, remote and inaccessible as a star (Martin Eden).

She's gone through Guvutu and Tulagi like a hurricane; every last swine of them in love with her – except Raff (Adventure).

Анализ образных сравнений в романах Дж. Лондона доказал, что центральное место в творчестве автора занимает идея о единстве человека и природы. Через сравнение человека с природным миром и миром животных автор раскрывает мысли, переживания персонажей, объясняет их поведение. Наиболее частотные эталоны сравнений – «животное», «артефакт» и «натурфакт» – подтверждают анималистичность языка писателя, отражают неразрывную связь природы, человека, цивилизации, которая является основополагающей в творчестве Дж. Лондона [Лунина 2009].

Баранова Т.М. Индивидуальное образное сравнение как средство изображения вторичного мира в романах Т. Пратчетта серии «Плоский мир» и проблема его перевода с английского на русский язык / Т.М. Баранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 498-505.

Ковалева Е.В. Сравнение как средство выразительности художественного текста. Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов XII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск: в 7 т. Т. 6 / БГУ, Филологический факультет, Кафедра английского языкознания. – Минск: БГУ, 2018. – С. 86-93.

Лунина И.Е. Художественный мир Джека Лондона: человек – природа – цивилизация: автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М., 2010. – 42 с.

Паршукова М.М. Анализ структурных моделей сравнений в тексте романа "Martin Eden" by Jack London / М.М. Паршукова // Вестник Югорского государственного университета. – 2016. – № 1(40). – С. 36-41.

Сторчак М.В. Когнитивно-семантические особенности сравнения в контексте художественной картины мира: на материале современной английской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Сторчак. – Калининград, 2018. – 24 с.

Шиляев К.С. Ключевая текстопорождающая концептуальная метафора в повести Дж. Лондона «The Call of the Wild» / К.С. Шиляев // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 358. – С. 11-14.

С.А. Степанова (Воронеж)

СОВЕТСКИЙ ПРОПАГАНДИСТСКИЙ И АГИТАЦИОННЫЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается советский пропагандистский и агитационный дискурс как предмет лингвистического исследования. Обсуждаются его языковые особенности и способы влияния на общественное сознание.

Ключевые слова: пропагандистский дискурс, агитационный дискурс, лингвистические особенности пропагандистского и агитационного дискурса

Abstract. The paper is devoted to Soviet propaganda and agitation discourse as a subject of linguistic research. Its linguistic features and ways of influencing public consciousness are discussed.

Keywords: propaganda discourse, agitation discourse, linguistic features of propaganda and propaganda discourse

Актуальность работы определяется необходимостью осмысления использования понятий пропаганды и агитации в лингвистическом аспекте. Вместе с постоянным развитием СМИ вырабатываются не только новые способы воздействия на массовое сознание реципиентов, но и усложняются традиционные манипулятивные механизмы. Именно поэтому нам представляется интересным и актуальным рассмотреть специфику пропагандистских и агитационных текстов советского периода, проследить динамику трансформации агитационного и пропагандистского дискурса в выбранный исторический период.

Разграничим понятия пропаганды и агитации. Данное разграничение представляется необходимым в связи тем, что агитация предполагает открытое побуждение к действию, в то время как пропаганда может быть скрытой.

Применительно к советской коммуникативной культуре о пропаганде как феномене, следует говорить не раньше 20-х гг XX в. С.И. Беглов рассматривает пропаганду как «форму деятельности по распространению идеологии, ее инструментарий. Коммунистическая пропаганда основывается на научной идеологии, которая выражает коренные интересы рабочего класса, является главным оружием в ломке эксплуататорских отношений и созидании нового общества» [Беглов 1984, с.12-13].

В свою очередь И.А. Стернин определяет ключевые понятия, которые входят в понятие пропаганды: «Пропагандой является распространение среди широкого круга лиц идей, взглядов, представлений или побуждений к действиям, направленным на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды. Она может выражаться в форме призывов, воззваний, поучений, советов, предостережений, требований, угроз и т.п.» [Стернин 2010, с. 8-9].

Таким образом, основными признаками пропаганды являются: 1) направленность на установление тесной и связи с народными массами; 2) реализация задачи вовлечения рабочего класса в формирование нового общества; 3) реализация задачи просвещения народных масс.

Подчеркнем, что значительное внимание в период советской власти уделялось идеологической/политической пропаганде. Ядром пропаганды была классовая идеология, которая навязывала определенные взгляды, теории, идеи, прививала особое мировоззрение и интересы субъекту.

Пропаганда представляет собой двусторонней коммуникации, в которую, помимо информационного и идеологического давления, входит формирование общественного мнения. Данное мнение формируется на основе предполагаемой пользы политики для развития общества. Пропаганда усиленно внедряла в сознание реципиента определенные политические цели.

Пропаганда выступает не только инструментом формирования идеологии. Она является одним из важных элементов идеологической работы. Однако для

осуществления эффективной и планомерной идеологической кампании необходимы не только различные ресурсы и механизмы воздействия, но и поддержка и доверие реципиентов, оказываемые пропагандисту/агитатору.

Таким же исключительным значением в вопросе воздействия на адресата наделяется и агитация. Агитация выступает важным элементом агитационной кампании в мобилизации различных социальных групп реципиентов, выполняющих определенные политические действия, путем распространения информации через СМИ.

Сказанное позволяет выделить несколько важных сторон агитации как деятельности: 1) агитация – политическая деятельность; распространяющая идеи идеологического характера; 2) цель – интенсивное воздействие на сознание общества.

В СССР агитация стала составляющей идеологии. Неоднократно отмечалось исследователями, что агитация была одним из значимых рычагов воздействия на массы. Агитация распространяла всевозможные идеи, которые имели исключительно классовый характер, чаще всего политический. Вместе с тем, агитация помогала вести борьбу с буржуазной идеологией, являющейся враждебной. Ведущая роль в агитации была закреплена за КПСС. Партия воспитывала трудящихся, повышала уровень их политической сознательности, мобилизовывала служащих для исполнения партийных задач, направленных на благо общества. Однако при этом важными принципами агитации были идейность и правдивость, с помощью которых осуществлялось воздействие на массы.

Таким образом, воздействие на массы подразумевало создание групповых и индивидуальных форм агитации, которые повышали эффективность проводимой идеологической работы. Агитатор в зависимости от цели учитывал потребности аудитории, ее особенности восприятия, ее культурный и социальный уровень.

Именно использование апелляции к проблемам и потребностям широкого круга реципиентов способствовало эффективной передаче даже самых абстрактных идеологических целей и задач.

Необходимо добавить, что в современной лингвистике нет единства в использовании понятий пропаганды и агитации.

Пропаганда, как правило, имеет информационный характер освещения тех или иных событий, нередко осуществляется скрыто и транслирует более обобщенные идеи, нежели агитация.

В свою очередь агитация направлена на формирование определенного мнения и поведения у реципиентов, способствующих достижению конкретной цели агитатора. Агитация имеет четкий круг адресатов, ориентирована на конечный результат.

А.А. Ковалев обращается к характерным различиям агитации и пропаганды. По мнению автора, «под агитацией обычно понимают немедленную, кратковременную, тактическую мобилизацию отдельных лиц, а под пропагандой – долгосрочную стратегию политической рекламы, особенно в современном массовом обществе. Пропаганда часто делается для чего-либо, а агитация против чего-либо» [Ковалев 2022, с. 78].

В.Т. Томин относит пропаганду и агитацию к различным уровням сотрудничества. Так, пропаганду автор характеризует «как правовое воспитание населения, а агитацию – как побуждение населения к оказанию помощи государственным органам... Посредством агитации продолжает решаться задача правового воспитания» [Томин 1976, с. 27-28].

Агитационный дискурс представляет собой комплекс текстов, содержащих агитационные материалы, в которых чаще всего преобладают экспрессивные лексемы. Речевое воздействие, которое осуществляется с помощью политического текста, направлено на формирование эмоционального настроения широкого круга адресатов.

Иными словами, агитационные тексты характеризуются повышенной эмоциональностью агитатора. Данная особенность связана с ограничением по времени выступлений, узкой тематической направленностью текста, а также стремлением заинтересовать адресата. В связи с этим в агитационном тексте говорящий делает акцент на наиболее важных частях с помощью различных стилистических конвергенций. В сообщении используется пучок стилистических приемов, выполняющих одну функцию.

Задачей стилистической конвергенции в рамках агитационных текстов является создание речевой экспрессии – наиболее значимого признака рассматриваемого типа текста, например, выступление агитатора в ходе политических кампаний.

Речь агитатора считается процессом коммуникации, в ходе которой результат будет зависеть не только от качества текста, но и от умения его организовать и преподнести аудитории.

В данном случае, обращаясь к типологии речевых актов, мы определяем, что в агитационной речи используются разные типы речевых актов. Центральное положение в речевом акте занимает коммуникативное намерение: сообщить, предупредить, увлечь и т.д.

В силу сложности и многогранности речевые акты могут классифицироваться по-разному. Так, у Дж. Р. Серля установлено, что доминирующими иллокутивными актами в агитационных текстах являются *репрезентативы*, *директивы*, *квестивы*, *комиссивы* и *экспрессивы*. В сообщениях агитаторов используются все указанные виды иллокутивных актов [Серль 1976, с. 6].

Репрезентативные речевые акты в агитационных текстах описывают факт, действие, доказательство по конкретному предмету обсуждения. Для выражения репрезентативов агитатор использует ряд лексических средств: перформативные глаголы *говорить*, *верить*, *добавить*, *соглашаться*, *принимать*, *думать*, *решать*, *воспринимать*. Также активно применяются и высказывания с модальными лексемами: лексемы со значением *верить*, *убеждать*. Активно используются речевые клише. Используя репрезентативы, адресант указывает, сообщает требование или выражает чужое мнение: «*Запрос на справедливость, на выравнивание условий жизни, на более высокие доходы и устранение бедности абсолютно правильный, и он решается на всех политических уровнях*».

В свою очередь, *директивы* призваны *побудить* реципиентов совершить ряд действий, к которым призывает агитатор. В общем виде директивный речевой акт – это выражение волеизъявления говорящего, направленное на осуществление деятельности адресата. В агитационных текстах для реализации директивных речевых актов используются в основном императивы, вопросы-побуждения, вопросы-разрешения, безличные глаголы с модальностью следования и долженствования. В сообщениях агитаторов также активно используется местоимение *мы*, что причисляет адресанта к кругу реципиентов, создается иллюзия коллективности: «*В этой кампании я призываю вас оставить мелкие ссоры, вызывающие разногласия разговоры и устаревшие идеи на усмотрение других*».

Характерными для агитационного текста являются и *обещания – комиссивы*. Дж. Серль описывает комиссивы как «иллокутивные акты, направленные на то, чтобы возложить уже не на слушающего, а на говорящего обязанность совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии» [Серль 1976, с. 12].

К данному типу относятся различные обещания, уверения и клятвы, характерной особенностью которых является будущее время и инфинитив. Нередко в агитационно-политических текстах используются квестивы – высказывания вопроса: «*Министр, что с вами происходит?*». Вопросы выражаются вопросительными предложениями, с семантикой убеждения и побуждения к действию. Они более экспрессивны, агитатор выражает определенные эмоции, а именно эмоции и *экспрессия являются средствами достижения главной цели агитационного текста – привлечения внимания адресата*.

Экспрессивный речевой акт – это создание определенной ситуации, в которой реципиент может формировать как положительные, так и негативные оценки.

Агитационные тексты насыщены неодобрительно-оценочными словами, междометиями, восклицательными предложениями с инверсивным построением, повелительными предложениями: «*Но нагнетание военной истерии – не просто туниковый, а губительный путь!*».

Кроме того, используются одобрительно-оценочные слова, односоставные простые предложения, повторы и т.д.: «*Я не знаю, в чем могут быть различия, потому что я не знаю, какова политика моего оппонента*».

В свою очередь пропаганда оказывает воздействие на эмоции адресата, его сознание. Данное воздействие может осуществляться в негативном ключе при помощи деструктивной пропаганды. Однако наряду с негативной пропагандой, существует и конструктивная (позитивная). Она реализуется в сфере интересов пропагандиста.

Большую роль в пропагандистских текстах играет экспрессивно окрашенные и образные глаголы: «*Умные города будут кишеть датчиками, все будет объединено, а оградительные тумбы будут невидимо общаться с фанатными столбами*».

Они используются для описания субъективного отношения адресанта к ситуации. Глаголы не только описывают действия и состояния, выражая

предикативность, но и способствуют выражению прагматического контекста высказывания пропагандиста. Характерными грамматическими конструкциями для пропаганды являются и рассмотренные выше стандартные императивные формы побуждения. Пропагандист в текстах использует формулу «мы». Известно, что личные, притяжательные местоимения, способствуют отождествлению пропагандиста с адресатом.

Как уже было сказано, пропагандистские и агитационные тексты в СССР были важной частью идеологического воспитания граждан. Данные тексты использовались для пропаганды коммунистических идей, мобилизации населения для реализации поставленных партией задач.

Современная лингвистика, обращаясь к советскому агитационному и пропагандистскому дискурсу, исследует главным образом следующий круг проблем:

- 1) проблема методов воздействия на реципиентов в процессе политических кампаний [Грачев 2017];
- 2) проблема методологических принципов и задач информационной пропаганды советского периода [Бокерия 2015];
- 3) проблема агитационно-пропагандистской работы [Барышева 2007];
- 4) сущность понятия пропаганды [Стернин 2010]/

Исследование советского агитационного и пропагандистского дискурса представляет собой универсальную и актуальную область лингвистики, освещающую как исторические, так и современные аспекты влияния на общественное сознание.

Основное внимание исследователей, разрабатывающих обсуждаемую проблематику, является изучение особенностей проектирования стратегических политико-коммуникационных кампаний, методологических принципов и задач информационной пропаганды, рассмотрение механизмов воздействия на реципиентов, динамики политических сообщений, формирования общественного мнения, манипулятивных техник и их влияния на массовое сознание, а также роли СМИ и новых технологий в контексте политической пропаганды.

Можно сделать вывод о том, что советский агитационный и пропагандистский дискурс остается актуальной темой для лингвистических исследований, привлекающей внимание к важным вопросам, связанным с взаимосвязью языка и власти. Агитация и пропаганда являются близкими, но не тождественными понятиями. Они имеют общую функцию воздействия на реципиента. Однако существует и ряд различий между данными феноменами, заключающихся в принципах, методах и приемах работы с народными массами.

Барышева Е.В. Метафора диктатуры пролетариата в политических коммуникациях 1917-1920-х годов / Е.В. Барышева // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2007. – №1. <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-diktatury-proletariata-v-politicheskikh-kommunikatsiyah-1917-1920-h-godov-1>.

Беглов С.И. Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики: учеб. пособие / С.И. Беглов. – М., 1984. – 375 с.

Бокерия С.А. Опыт информационной пропаганды в СССР как инструмент мягкой силы / С.А. Бокерия, А.А. Диева // Вестник РУДН. История России. – 2015. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-informatsionnoy-propagandy-v-sssr-kak-instrument-myagkoy-sily>.

Грачев М.Н. Некоторые особенности проектирования стратегических политико-коммуникационных кампаний / М.Н. Грачев // Российская школа связей с общественностью. – 2017. – №9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-proektirovaniya-strategicheskikh-politiko-kommunikatsionnyh-kampaniy>.

Ковалева А.В. Трансляция ценностей труда в средствах массовой коммуникации / А.В. Ковалева, Д.Д. Натаров // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2018. – №18. – С.55-62.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Язык в обществе. – 1976. – №5. – С. 1-23.

Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: методическое пособие / И.А. Стернин. – Воронеж: Гарант, 2010. – 20 с.

Томин В.Т. Использование средств массовой информации в борьбе с преступностью: учеб. пособие / В.Т. Томин. – Горький: Горьк. высш. школа МВД СССР, 1976. – 96 с.

В.В. Чалый (Краснодар)

ЯЗЫКОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РАССКАЗЧИКА В ПРОИЗВЕДЕНИИ А.П.ЧЕХОВА «ХОРОШИЕ ЛЮДИ»

Аннотация. В статье предлагается способ интерпретации художественного замысла через исследование речевых особенностей персонажа-рассказчика; изучаются оценочные характеристики, в которых отражается точка зрения автора; предпринимаются попытки анализа языковых компонентов, функционирующих в речи рассказчика; отмечается особая смысловая значимость синтаксических конструкций, используемых в портретном описании литературного героя; выявляются особенности использования рассказчиком лексических единиц, формирующих иронический пафос в произведении; отмечается важность исследования языка прозы с точки зрения ее автора; проводится лингвистический анализ языковых единиц, составляющих характеристику центрального персонажа; уделяется большое внимание подтекстовой информации, которая позволяет наиболее точно интерпретировать сюжет произведения Антона Павловича Чехова.

Ключевые слова: языковая организация произведения, авторская точка зрения, речевой рассказчик

Abstract. The article proposes a way to interpret the artistic concept through the study of the speech characteristics of the character-narrator; evaluative characteristics that reflect the author's point of view are studied; attempts are made to analyze the linguistic components functioning in the narrator's speech; the special semantic significance of the syntactic constructions used in the portrait description of a literary hero is noted; the features of the narrator's use of lexical units that form the ironic pathos in the work are revealed; the importance of studying the language of prose from the point of view of its author is noted; a linguistic analysis of the linguistic units that make up the characteristics of the central

character is carried out; much attention is paid to subtextual information, which allows you to most accurately interpret the plot of the work of Anton Pavlovich Chekhov.

Keywords: linguistic organization of the work, the author's point of view, the narrator's speech

В русле лингвистического анализа литературного произведения исследователь нередко рассматривает область авторской модальности, чтобы установить языковые (в том числе имплицитно выраженные) параметры влияния писателя на поступки персонажей, его отношение к своим героям, что позволяет, с одной стороны, более точно интерпретировать замысел и, с другой стороны, обнаружить индивидуально-стилевые особенности его творчества.

Задача лингвиста, изучающего текст, по мнению О.Н. Копытова, – «найти общее между художественными и нехудожественными жанровыми преломлениями авторского потенциала. Для этого корень «автор», содержащийся в производных терминах, думается, должен пониматься буквально. Другими словами, задача лингвиста, работающего с художественным текстом, не в том, чтобы своими специфическими методами выяснить, как автор создал образ, а в том, чтобы выяснить, какие идеи вложил автор в свою систему образов, в том числе, где его голос прорвался чистым отношением к предмету мира. Тогда в том же художественном тексте мы четко разделим три типа «говорящего»: один будет естественным – сам автор во плоти, а два – ментальными (идеальными) – рассказчик и персонаж (первый – я-персональность, второй- ты- и он-персональность» [Копытов 2010, с. 13]. В соответствии с такой допустимой дифференциацией персон, от лица которых ведется повествование, считаем важным учитывать речевые характеристики, исходящие именно от рассказчика, потому что ему вербально предназначено не только акцентировать внимание читателя на важных словесных деталях в развитии сюжетной линии, но и выступать в качестве транслятора авторской точки зрения.

Т.А. Сухомлина полагает, что «образ автора как синтез всех речевых структур произведения, его идейно-стилистическое средоточие объединяет созданные реальным автором образы повествователей и рассказчиков, которые являются посредниками между ним и художественной действительностью. Повествователь – неперсонифицированный, а рассказчик – персонифицированный субъект повествования. Степень близости между реальным автором и его посредником определяет различные способы организации произведения по формальному и содержательному признаку. Чем дальше в повествовании рассказчик от реального автора, тем более оценочным становится описание героя, а чем ближе он к автору, тем шире возможности для индивидуализации речи персонажей. Но как бы ни был далек рассказчик, он всегда будет являться речевым порождением автора, выраженным в образе рассказчика» [Сухомлина 2021, с. 86]. Поэтому, на наш взгляд, анализ содержания речевого потенциала персонажа-рассказчика как отдельного субъекта в языковой организации литературного произведения позволяет расширить смысловой уровень постижения творческой идеи писателя, понять его личностную (или даже общественную) позицию по отношению к представленному в тексте типу людей.

Как утверждает В.А. Кухаренко, любой аспект слова в художественной речи «способен нести дополнительную смысловую, эмоциональную, эстетическую нагрузку – актуализироваться. Сохраняя свои общеязыковые свойства в пределах конкретного высказывания (текста), слово увеличивает состав своих значений (смыслов) и своих функций. Благодаря этому создается одна из исключительных особенностей, присущих каждому истинно художественному тексту: способность нести дополнительную информацию без увеличения сообщения, только за счет особой смысловой и эмоциональной нагрузки составляющих его единиц. В отличие от прочих текстов, здесь слово реализует свои содержательные потенции не только за счет непосредственных связей с правым и левым контекстами, но и за счет семантических отношений с дистантно расположенными единицами. Одновременное наличие соседних и дистантных смысловых опор обеспечивает возможность одновременной или поэтапной реализации нескольких компонентов значения, постепенного наращивания смысла, создания индивидуально-художественной семантической структуры слова» [Кухаренко 1988, с. 53-54]. Таким образом, в произведении А.П. Чехова «Хорошие люди», как нам кажется, весьма важно выявить и проанализировать значимость тех языковых единиц, функционирующих в речи рассказчика, которые во многом помогают понять мнение самого автора.

Уже в самых первых строках рассказа описание главного персонажа сопровождается ироничным авторским комментарием:

*«Жил-был в Москве Владимир Семеныч Лядовский. Он кончил курс в университете по юридическому факультету, служил в контроле какой-то железной дороги, но если бы вы спросили его, чем он занимается, то сквозь золотое *rinse-pez* открыто и ясно поглядели бы на вас большие блестящие глаза и тихий, бархатный, шепелявящий баритон ответил бы вам: – Я занимаюсь литературой!»*

Думается, что рассказчик использует речевую формулу «жил-был», обычно употребляемую в начале устных народных историй по отношению к своему герою не случайно: видимо, выбор подобной сказовой манеры должен настроить читателя на восприятие целого жизнеописания конкретной личности. Но в следующей синтаксической конструкции рассказчик, выступающий от лица автора, использует неопределенное местоимение «какой-то» в составе словосочетания «железной дороги», что дает читателю основания полагать: служба Лядовского не имела никакого важного и полезного для общества значения.

Далее рассказчик сообщает:

«Когда я видел его чистенькую, худощавую фигурку, большой лоб и длинную гриву, когда вслушивался в его речи, то мне всякий раз казалось, что его писательство, независимо от того, что и как он пишет, свойственно ему органически, как биение сердца, и что еще во чреве матери в его мозгу сидела наростом вся его программа. Даже в его походке, жестыкуляции, в манере сбрасывать с папирсы пепел я читал всю эту программу от а до ижицы, со всей ее шумихой, скукой и порядочностью».

Наблюдательность рассказчика за поведением центрального героя произведения складывается, прежде всего, из подробного описания внешних

данных: так в первой части рассматриваемого фрагмента речь повествователя изобилует использованием эпитетов-прилагательных. Затем портрет изображаемого человека усиливается собственно авторским ироничным признанием – ощущением «погружения с головой» Владимира Семеныча Лядовского в придуманный самим персонажем образ жизни, в основе которого – иллюзорно-показное вхождение в литературное творчество. Причем, градационно употребляемые рассказчиком эмоционально-оценочные существительные со значением невербальных средств коммуникации («походка», «жестикаляция», манера сбрасывать пепел») по замыслу писателя А.П. Чехова выполняют функцию отражения целеполагания персонажа, его жизненного кредо.

И.А. Быкова отмечает проявление в языковой организации прозаических произведений А.П. Чехова деконцентрированного портретного описания, которое в отличие от концентрированного представляет собой «неоднократно воспроизводимое в ходе текстового развертывания портретное единство, образующее цепочку, звенья которой имеют различную степень удаленности друг от друга. Если концентрированный портрет представляет собой монокомпонентное единство, то деконцентрированный портрет – это многокомпонентное единство, каждое звено которого способствует созданию более полного и запоминающегося образа персонажа. Идентификация персонажа в деконцентрированном портрете основана на повторяемости в звеньях портретной цепочки ведущего признака, характерного для описываемого действующего лица и названного в первом звене портретной цепочки. Деконцентрированный портрет, в основе которого лежит преобладающая черта, можно назвать портретом с лейтмотивом» [Быкова 1990, с.43-44].

Анализируя следующий фрагмент изучаемого произведения Чехова, отмечаем стремление автора значительно использовать существующие синтаксические возможности языка художественного текста для передачи читателю посредством монолога рассказчика полноценного ощущения монолитного комплекса поведенческих характеристик Лядовского:

«В нем был виден пишущий, когда с вдохновенным лицом возлагал он венок на гроб какой-нибудь знаменитости или с важным, торжественным выражением собирал подписи для адреса; его страсть знакомиться с известными литераторами, способность находить таланты даже там, где их нет, постоянная восторженность, пульс 120 в минуту, незнание жизни, та чисто женская возбужденность, с какою он хлопотал на концертах и литературных вечерах в пользу учащейся молодежи, тяготение к молодежи – всё это создало бы ему репутацию «пишущего», если бы даже он и не писал своих фельетонов».

Очевидно, что собирательный портрет Владимира Семеныча, который предлагает нам рассказчик, состоит из многочисленных прилагательных-эпитетов (подчеркивают чрезмерно высокий эмоциональный фон, сопровождающий импульсивные поступки персонажа) и почти одновременно с этим – из «приземленных» деталей, на которые указывает семантика конкретизирующих словосочетаний («пульс 120 в минуту», «незнание жизни»).

Тем самым А.П. Чехов точными и емкими оценочными словами рассказчика изображает человека, жизнь которого полна фальши и противоречий.

Итак, проведенный нами анализ языкового потенциала, используемого рассказчиком в произведении Антона Павловича Чехова «Хорошие люди» показал, что ироничное отношение в описании главного героя формируют отдельные устойчивые речевые формулы, неопределенное местоимение, а также градационно используемые эмоционально-оценочные существительные и эпитеты-прилагательные. В синтаксисе рассказчика наблюдаются признаки деконцентрированного портретного описания, что позволяет читателю наиболее полно воспринять образ центрального персонажа.

Быкова И.А. Типология портрета персонажа в художественной прозе А.П. Чехова / И.А. Быкова // Языковое мастерство А.П. Чехова. – Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1990. – С. 38-46.

Копытов О.Н. Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий / О.Н. Копытов // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №334. – С. 11-14.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

Сухомлина Т.А. К вопросу о типологии образа автора в произведениях художественной литературы / Т.А. Сухомлина // Поволжский педагогический вестник. – 2021. – Т.9. – № 3. – С. 84-87.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т.; Сочинения в 18 т. – М.: Наука, 1974-1983. – Т.5. – С. 413-423.

Н.В. Чумичева (Краснодар)

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕГРАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ РОК-ПОЭЗИИ В АСПЕКТЕ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕЦИПИЕНТА

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с нелинейными структурами в рок-поэзии. Приведена авторская классификация, включающая парадокс, оксюморон, риторические фигуры речи, галлюцинации. Описан процесс восприятия гипнотических рок-текстов. Теоретический материал проиллюстрирован текстами российских и зарубежных рок-групп. Проанализированы такие обороты речи, как двусмысленности и парадоксы, антиномии, многослойная семантика, основанные на фундаментальной диалектике сходства и различия, поскольку они задействуют «загружающий» механизм когнитивного диссонанса и приводят к большей степени аффективного воздействия поэтической строфы.

Ключевые слова: рок-поэзия, рок-культура, молодежные субкультуры, мыслительные циклы, поэтический язык, психоделический текст, моделирование парадокса

Abstract. Issues related to nonlinear structures in rock poetry are considered. The author's classification is given, including: paradox, oxymoron, rhetorical figures of speech, hallucinations. The process of perceiving hypnotic rock texts is described. The theoretical material is illustrated with texts from Russian and foreign rock bands. Such figures of speech

as ambiguities and paradoxes, antinomies, multi-layered semantics, based on the fundamental dialectic of similarity and difference, are analyzed, since they involve the “loading” mechanism of cognitive dissonance and lead to a greater degree of affective impact of the poetic stanza.

Keywords: rock poetry, rock culture, youth subcultures, thought cycles, poetic language, psychedelic text, paradox modeling

Восприятие и понимание текстового дискурса – это не просто дешифровка языковых знаков и попытка соотнесения языковых знаков с реальностью, а процесс, направленный на постижение интенции высказывающегося, иллюкативной силы текста. Понимание речи – многогранное речемыслительное действие, предполагающее сложные операции по свертыванию и развертыванию исходного замысла, перекодирования чуждого намерения на код индивидуальных смыслов. Легко, быстро и однозначно воспринимаются фразы, построенные на шаблонных моделях: поверхностная синтаксическая структура высказывания не расходится с глубинной, встроенной структурой. Для перекодирования неосновных (неядерных) моделей, перегруженных, например, формальными или смысловыми инверсиями, требуется интенсивная работа мозга по трансформации и приведения фразы к исходной модели. Латентные процессы трансформации сообщения, характеризующие дискурсивное мышление, переводят однозначные или многослойные грамматико-семантические высказывания с языка словесного на универсальный предметно-схемный код интеллекта [Пинклер 2004; Седов 2007].

Несколько циклов осмысления (дешифровки, переработки и трансформации) требуют нелинейные конструкции: парадоксы, риторические вопросы и вопросы-коаны, оксюмороны. Двусмысленности и парадоксы, антиномии, многослойная семантика, основанные на фундаментальной диалектике сходства и различия, задействуют «загружающий» механизм когнитивного диссонанса: адресат коммуникации не может находиться в равновесии и умственном покое, пока не разрешит для себя логико-семантическое противоречие или коммуникативное недоразумение. Борьба за поиск понятного индивидууму трансформационного решения при столкновении с нелинейной конструкцией является причиной заикливания, зависания и правополушарной перегрузки. Парадоксальная фраза «раздувается» в сторону вариативных уточнений и искажений до тех пор, пока все возможности непротиворечивого толкования не ликвидируются.

Необходимость инициации когнитивного диссонанса является неотъемлемой частью ритуала, именуемого «рок-культура» и «рок-поэзия». Рок-поэзия, по сути, являющаяся духовным бунтом и прорывом, радикально противостоящим официозу социума, общепринятым культурным устоям и традициям, нуждается в инструментах не просто мощного эмоционального воздействия, а в языковых рычагах, способных стать гипнотическими аттракторами, вводными в полутрансовое, измененное состояние сознания. Своего рода трансовая «арт-терапия» рок-слова, органично встроенная в музыкальный бит, гармонию и выразительные свойства исполнителей, продуцирующая соматические телесные переживания, в своем идеальном стремлении претендует на харизматичность, впоследствии – нарицательную узнаваемость и идолопоклонение авторам.

Моделирование парадокса есть создание неожиданного расхождения, семантического сбоя: обратная редукция от знаковости языка к его символическому полюсу влечет за собой, как неизбежное следствие, возникновение неразрешимых противоречий. Парадокс нейтрален по своей сути. Он не содержит явного утверждения, одно из вложенных утверждений аннигилирует с равным по силе и противоположным по знаку другим утверждением (Сысуев).

Что несу я в зажатых ладонях,

Меня не спросят, и я не отвечу. («Пикник»)

Мой главный принцип – беспринципность. («Центр тяжести»)

Смерть! Это место для тех, кто мертв.

Смерть! Это место для тех, кто жив.

Это место встречи тех, кто бродил

Босиком по алмазной ржи.

Это Родина-смерть! («Инструкция по выживанию», г. Тюмень) [Чумичева 2010].

Силовое поле парадокса, помноженного на нелинейность галлюциногенной метафоры, способно поработить человеческую субъективность. Опрокидывая массив культурно-исторических ассоциатов, парадокс рок-текста активизирует творчески латентные пласты. Видимо, в самом языке наличествует нечто, не поддающееся рефлексивному самоотчету, нечто такое, что, подобно сингулярной точке, собирает энергию всех других интенций и в то же время уходит в глубины реальности, трансцендентной по отношению к языку (Уваров).

Она падала вверх и разбилась о небо. (О. Арёфьева)

Телохранитель, где твоё тело?

У нас внутри была птица.

Я помню, как она пела. («Аквариум») [Чумичева 2010]

Языковая игра с антиномической проблематикой является продуктивным ресурсом смыслопорождения, а повторение одной и той же парадоксальной стимуляции приводит к трансовым изменениям сознания – от опустошенности и медитативности до аффекта. Маргинальная рок-поэзия использует парадоксальность как суггестивный и художественный прием; четко сформулированный, эффектный и афористичный, рок-парадокс убеждает и впечатляет независимо от глубины и истинности высказывания:

Свечи запалены с обоих концов.

Мертвые хоронят своих мертвецов. («Аквариум»)

Среди парадоксальных текстов, созданных рок-культурой, немало таких, которые бытуют на уровне прецедентных текстов:

По справедливости – нечестно. («Центр тяжести»)

Моделирование галлюциногенных парадоксов и метафор – это вербализация причудливых несуществующих ситуаций и образов, слабо связанных с реальностью. Такие нелинейные конструкции не блокируются фильтрами проверки правдивости. В аффектированном состоянии адресат рок-поэзии подвергается неконтролируемому, навязчивому внушению – волны возбуждения, которые проходят по коре головного мозга, закручиваются вокруг сосредоточения нелинейных структур и объектов, вращаясь вокруг них. Подобная гипнотическая

аттракция схожа с патологической галлюцинаторной деятельностью мозга, когда образы и звуки возникают и существуют независимо от воли человека. То, что в обыденном сознании называется реальностью, есть не что иное, как сложным образом организованная знаковая система. Галлюциногенная же реальность не имеет знакового характера, поскольку в ней отсутствует план выражения или его наличие невозможно верифицировать:

Мы знаем электричество в лицо.

Но разве это повод?

Развяжите мне руки. («Аквариум»)

Милый, это лишь я пою

Песнь вычерпывающих людей. («Аквариум»)

Я люблю кораблю

Дам пятьсот ходов вперед.

Я – расплавленный завод,

Чья-то слава и почет,

Чья-то смерть. («Пикник») [Кормильцев 1998; Чумичева 2012]

Нелинейные галлюциногенные фантазмы и видения в рок-поэзии принято называть психоделикой. Психоделическая поэзия была имманентным порождением движения хиппи:

The moths and atheists are doubly divine and dying. ("The Doors")

Джим Моррисон ("The Doors") сделал парадокс средством самовыражения, главным орудием своего стиля:

We're perched headlong in the edge of boredom

We're reaching for death on the end of candle... ("The Doors")

Достаточно отчетливые отголоски психоделического дискурса можно наблюдать и в конце XX – начале XXI века:

Radio friendly unit shifter:

Afterbirth of a nation

Starve without your skeleton key... ("Nirvana")

Holy ghosts and talk- show hosts are planted in the sand

To beautify the foothills, shake the many hands ("Nirvana")

Наведение транса при помощи нелинейных конструкций достигается путем уменьшения числа фокусов внимания (и средоточие оно на гипнотических аттракторах), изменения привычных для субъекта паттернов управления и контроля, увеличения восприимчивости адресатов рок-текстов к их собственным внутренним ассоциациям и психическим способностям, которые могут быть интегрированы в реакции, называемые арт-терапевтическими (клиническое наведение транса). Таким образом, субъект фокусируется «вовнутрь», меняются привычные установки и системы представлений, депотенциализируется обычное повседневное сознание [Зиньковская 1984; Голубцов 2022]. Депотенциализация ограничений привычных паттернов осознания человека открывает путь к новым комбинациям ассоциаций и навыкам мышления. При этом реципиенты рок-действия не обязательно узнают свое состояние как трансовое, поскольку способны думать и реагировать на сознательном и бессознательном уровне одновременно.

Атмосфера рок-концерта позволяет не принимать в расчет индивидуальные различия, трансовое внушение происходит напрямую, транс ратифицируется посредством имперической импликации:

Мы – иные. Нас можно уничтожить.

Но мы будем всегда. Да? Да! («Центр тяжести»)

Имплицуемая слепая вера буквально стирает ограничения и сомнения, характерные для субъекта в обычных обстоятельствах [Чумичева 2010].

Ядро маргинального рок-дискурса складывалось из пластов классической и авангардной поэзии, политической риторики, полных экзотизма и вычурной театральности. Экспликация аттракторно-суггестивной функции нелинейных конструкций приводит к выводу о том, что они являются лингвокультурным таксоном рок-общности.

Голубцов С.А. Рекламный слоган: новый подход / С.А. Голубцов, В.В. Зеленская, Т.В. Вовк. // Современные тенденции кросс-культурных коммуникаций: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, 11 ноября 2021 г. – Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2022. – С. 52-56.

Зиньковская В.Е. Полимотивированные сложные существительные и прилагательные в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук / В.Е. Зиньковская; Днепропетровский национальный университет. – Краснодар, 1984.

Кормильцев И. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция / И. Кормильцев, О. Суворова // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Вып. 1. – Тверь, 1998. – С. 4-32.

Пинклер С. Язык как инстинкт / С. Пинклер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 455 с.

Седов К.Ф. Нейропсихоллингвистика / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2007. – 220 с.

Чумичева Н.В. Психоделика субкультуры хиппи: патопсихоллингвистический аспект / Н.В. Чумичева // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах / Сборник статей участников V Международной научной конференции. – Челябинск, 2010. – С. 371–373.

Чумичева Н.В. Ритмо-мелодическая реализация рекламного сообщения: нейролингвистический аспект // Современная наука: тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции, 24 января 2012 г. : сборник научных трудов / Науч.-изд. центр Априори ; [редкол.: Бисалиев Р. В. и др.]. - Краснодар : Априори, 2012. – С. 108-111.

В.И. Яткин (Краснодар)

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В НЕОБЫЧНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

(на материале романов М. Петросян «Дом, в котором...»
и С. Кинга «Страна радости»)

Аннотация. В статье рассматриваются специфические лексические единицы, используемые в романах М. Петросян «Дом, в котором...» и С. Кинга «Страна радости» с целью изучения особенностей их формирования, целей использования и

влияния на языковое сознание персонажей произведений, которые, в той или иной степени взаимодействуют с данной лексикой.

Ключевые слова: специфическая лексика, язык карни, языковое сознание, языковая среда

Abstract. This article examines the specific lexical units used in the novels of M. Petrosyan “The Grey House” and S. King “The Joyland” in order to study the features of their formation, specifics of their use, as well as their influence on the linguistic consciousness of the characters of the works, which, to varying degrees, interact with this vocabulary.

Keywords: Specific vocabulary, carney language, linguistic consciousness, language environment

Специфические лексические единицы формируются в той или иной языковой среде под влиянием различных факторов. Среди таковых можно выделить, например, необходимость заполнения существующих лакун или восполнение недостатка терминологического и понятийного аппарата. Еще одной важной причиной формирования специфических лексических единиц, на наш взгляд, является необходимость ограничить круг лиц, которые обладают доступом к той или иной информации, делая язык непонятным для тех, кто не является частью определенного сообщества. Это, в свою очередь, необходимо не только для того, чтобы обеспечить конфиденциальность тех или иных сведений, но и для быстрого выявления людей, которые не являются или не считают себя частью данного сообщества.

Специфические лексические единицы являются важной частью художественной действительности некоторых литературных произведений и, соответственно, частью языкового сознания их персонажей. В определенной степени они оказывают влияние на формирование языковой личности персонажа, который попадает в специфическую языковую среду. Поэтому в рамках данной статьи мы проанализируем два романа (русскоязычный и англоязычный), общим моментом в которых является наличие специфических лексических единиц, непосредственно влияющих на повествование. Нашей задачей является анализ того, как данные единицы влияют на художественный мир произведения и языковое сознание его персонажей.

Роман «Дом, в котором...» был написан на русском языке армянской писательницей М. Петросян и удостоен премии «Большая книга» (2009), «Студенческий Букер» (2010), а также французской премии журнала «Lire» в номинации «Лучшая фантастика / фэнтези». Книга была переведена на многие иностранные языки.

В центре сюжета произведения находится ветхий интернат для детей – инвалидов, который обитатели называют «**Серым Домом**» или чаще просто «**Домом**».

На нейтральной территории между двумя мирами – зубцов и пустырей – стоит Дом. Его называют Серым. Он стар и по возрасту ближе к пустырям – захоронениям его ровесников. Он одинок – другие дома сторонятся его – и не похож на зубец, потому что не тянется вверх... Серый Дом не любят. Никто не скажет об этом вслух, но жители Расчесок предпочли бы, чтобы его не было рядом. Они предпочли бы, чтобы его не было вообще [Петросян 2016, с. 5].

Впоследствии оказывается, что последние три предложения характеризуют не только Дом, но и многих его обитателей, не приспособленных к жизни в обществе, которое отвергло их и поместило в среду, где они были вынуждены создать собственную культуру.

Важной частью этой культуры является оппозиция Дома и так называемой «**Наружности**». Приведем дефиницию второго значения слова «наружность»: «То, что находится снаружи. н. здания» [Ожегов 1992]. В словаре данное значение является неочечным. Однако для большинства обитателей Дома слово «наружность» имеет резко негативную коннотацию. Многие персонажи предпочитают как можно сильнее отгородиться от Наружности, что проявляется в ритуалах, например, закрашивании окон. Фотографии из Наружности помещены в специальное место под названием «**Комната ужасов**».

Просто Наружность. Они снимали ее, как попало, важен был сам факт, приносили свои трофеи в Дом, увеличивали, вставляли в рамки, под стекло, и развешивали в безоконной Комнате Ужасов на первом этаже... Снимки были сделаны марсианами. С полной отстраненностью. Наружность как она есть. С ИХ точки зрения. Не красивая, не уродливая, просто никакая. Подспудно она вызывала неприятные ощущения даже у посторонних [Петросян 2016, с. 1017].

Разговоры о Наружности тщательно регламентируются правилами Дома, которые воспринимаются как законы, обязательные к исполнению.

Другой важной частью культуры Дома является наличие у него так называемой **Изнанки**. Изнанка представляет собой искаженную Наружность, в которой существуют собственные локации: заправка, лес, ночлежка, город под названием «**Чернолес**», свалка, болота и др. Далеко не все обитатели Дома способны попасть на Изнанку, и совсем уж немногие могут сделать это по своему желанию. Тех, кто всё же способен, называют Ходоками, а тех, кто попадает на Изнанку не по своей воле, – Прыгунами. Использование этих двух терминов строго ограничено. Несмотря на то, что они знакомы многим обитателям Дома, употреблять их вне строго определенных контекстов не принято.

Изнанка меняет правила, принятые в обыденной реальности. Например, инвалиды-колясочники на ней способны ходить, слепые обретают зрение, время течет вне зависимости от реального, а также присутствует значительное количество фантастической фауны: свистуны, поглавцы и др. Однако, несмотря на кажущуюся сказочность Изнанки, в произведении присутствуют многочисленные намеки на ее опасность. Изнанка окружена множеством суеверий, и о ней, как и о Наружности, не принято говорить открыто. Однако существует ряд исключений: об Изнанке можно рассказать (прямо или завуалированно) в сакральную «**Ночь Сказок**», или «**Ночь, когда можно говорить**», ей можно посвятить стихотворение на собрании поэтов, о ней можно написать на стене. Связано это с тем, что табуированность разговоров об Изнанке обусловлена не (как в случае с Наружностью) неприязнью к ней обитателей Дома, а ее сакральностью.

Однако специфическая лексика Дома не ограничивается атрибутами его мифологии. Большую ее часть занимают клички персонажей и внутренние топонимы, с помощью которых обитатели Дома обозначают его ключевые

точки. Клички даются всем, кто находится в Доме, включая сотрудников и администрацию учреждения, которые пользуются ими наравне с воспитанниками. Последним клички даются другими обитателями Дома, как правило, более авторитетными согласно внутренней иерархии. Того, кто дает кличку называют «крестным», и считается, что у него образуется особая связь с «крестником». Основой для клички может послужить физическое увечье («Горбач», «Слепой»); особенности внешности или поведения («Красавица», «Рыжий», «Фокусник», «Курильщик»), литературная аллюзия («Гомер», «Табаки», «Улисс») или совокупность множества факторов, не всегда понятных читателю. Распространены и клички по названиям реальных и мифических животных («Волк», «Стервятник», «Лось», «Акула», «Дракон», «Химера»).

Клички могут меняться в течение жизни в зависимости от внешних обстоятельств, сокращаться до более удобного в употреблении варианта: (Македонский – Мак) или заменяться шифром (Ральф – P1).

О том, как даются клички сотрудникам, не упоминается, однако на этот счет существует мнение одного из воспитателей:

Мало кто в Доме знал, что прозвище Ящикам придумал Ральф. Подразумевались не формы и не скудодумие, как считали все, а именно ящички с бутылками [с алкоголем]. Дать прозвище кому-либо в Доме было легко. Ночью пройти по коридору, выбрать подходящее место на стене и, подсвечивая фонариком или вслепую, написать то, что нужно, так, чтобы надпись не очень бросалась в глаза. Все равно прочтут. Стены были их газетой, журналом, дорожными знаками, рекламным бюро, телеграфным центром и картинной галереей [Петросян 2016, с. 400].

Очевидно, записи на стенах также играют важную роль в формировании специфических лексических единиц Дома. Они делятся на группы и сегменты так, чтобы каждый, кто хотел бы воспользоваться содержащейся в них информацией, должен был бы знать, где искать заметку и как расшифровать написанное. Прямое толкование записей в отсутствие секретной информации приводит к недопониманию. Наравне с записями используются и рисунки, которые, помимо донесения информации, имеют и ритуальное значение.

Язык Дома сформировался под влиянием специфических обстоятельств, оторванности его воспитанников от окружающей действительности и замкнутости в собственной субкультуре. С помощью использования специфической лексики обитатели Дома без труда отделяют «своих» от «чужих» и ограничивают последний доступ к важной, а подчас и сакральной для них информации. Чем меньше сторонний наблюдатель вовлечен в происходящее в Доме, тем меньше он понимает в его языке:

– Хватит с меня этих фокусов! Довольно! Что это еще за Фазан? Кто выдумал всю эту чушь?

– Не знаю я, почему нас так называют! Спросите тех, кто это придумал! Думаете, легко произносить эти дурацкие клички? Думаете, кто-то объяснил мне, что они означают? [Петросян 2016, с. 25]

В приведенном отрывке мы можем наблюдать диалог двух людей, мало знакомых со специфическими лексическими единицами Дома: директора данного учреждения и воспитанника, находящегося в нем не так давно. И если

второй вынужден оперировать чуждыми ему терминами и изучать их самостоятельно для того, чтобы найти общий язык со сверстниками, то первый – сознательно старается игнорировать их, поскольку не может признать, что не способен контролировать собственных воспитанников.

Новичков данное сообщество принимает неохотно, что выражается в следующей цитате:

К входящему Дом поворачивается острым углом. Это угол, об который разбиваешься до крови. Потом можно войти [Петросян 2016, с. 119].

Высокий порог вождения объясняется не только обычаями обитателей Дома, но и имеет ярко выраженную мистическую составляющую. Дом сам решает, кого ему принимать, а кого – нет. К тем, кто покидает его по тем или иным причинам, как правило, относятся как к покойникам. Того, кто пытается тем или иным образом, ждет смерть, которая воспринимается обитателями как должное:

*Ему не было ни противно, ни стыдно. Ни капли. Я это даже в темноте понял. И если бы не **Сфинкс**... если бы он не крикнул тогда: «За это не убивают!» – я сейчас подумал бы, что они все такие. «Еще как убивают!» – ответил **Шакал**. Да. В Доме убивают* [Петросян 2016, с. 377].

Для находящихся внутри сообщества достаточно долго очевидно, за что конкретно можно убить, а за что – нет. Чем быстрее и более беспрекословно новичок принимает эти правила, тем быстрее он становится частью Дома.

Тема существования закрытого сообщества со своим особенным языком, владение которым, помимо прочего, помогает отличать «своих» от «чужих», также прослеживается и в романе Стивена Кинга «Страна радости» (**Joyland**). Вместе с главным героем читатель учится понимать язык **карни (carny)** – людей, которые работают в сфере развлечений.

Оксфордский словарь предлагает следующую дефиницию слова «carny»: «a person who works in a carnival (= a type of entertainment in a field or park at which people can ride on large machines and play games to win prizes)» [Oxford Learners Dictionary of the English Language].

Однако в романе это слово обретает дополнительные оттенки. Карни – это не просто сотрудник парка развлечений, это человек, который предан своему делу и готов к любым испытаниям. Быть **истинным карни (pure carnary)** означает полностью влиться в общество карни, стать его частью и разделять его идеалы. Истинный карни может рассчитывать на поддержку других карни. Члены сообщества заботятся друг о друге по мере возможности. Например, карни следят за тем, чтобы девушки – фотографы (**Hollywood Girls**) не подверглись домогательствам или чтобы человек, находящийся в костюме местного маскота «**Счастливого пса Хоуи**» (**Howie the Happy Hound**) не получил тепловой удар. Наибольшим уважением и почетом в подобном обществе пользуются потомственные карни (**carny – from – carnary**) – потомки ярморочных зазывал (**carnival barker**) и других работников.

При этом интересно то, что хотя девизом «Страна радости» (и всех работающих в нем карни) является фраза «Мы продаем радость» (we sell fun), к посетителям в этом парке относятся без излишнего заискивания. Между собой карни называют их **коуни (conies)** – «кролики», что является эвфемизмом более

грубому слову “**rubes**” – «лохи, простаки, деревенщины». Наилучшим образом отношение к посетителям парка описывают две стоящие рядом цитаты его директора и хозяина – старого и потомственного карни.

Rubes have to leave with smiles on their faces-and by the way, if I ever hear you call the customers rubes, you're going to be out the door so fast you won't know what hit you... They're rubes-no different from the redneck Okies and Arkies that rubbernecked their way through every carny I worked for after World War II [King 2013, p. 19] (...**лохи** должны уходить, широко улыбаясь. Между прочим, если я когда-нибудь услышу, что ты называешь посетителей парка лохами, ты вылетешь на улицу так быстро, что не успеешь оглянуться...Они **лохи**... деревенщины, вроде жителей оклахомской или арканзасской глубинки, которые с широко раскрытыми глазами бродили по тем ярмаркам, где я работал после Второй мировой) [Кинг 2013, с. 18] – в этой цитате прямо говорится о том, что хотя современные посетители парка мало чем отличаются от простоватых посетителей послевоенных ярмарок, называть их пренебрежительно для сотрудников парка считается недопустимым. Сам Мистер Дин позволяет себе подобное, ссылаясь на свой огромный опыт, так что проблема, очевидно, лежит в определении границы дозволенного для молодых карни.

The conies have to leave happy, or this place dries up and blows away. I've seen it happen, and when it does, it happens fast [King 2013, p. 19] – **Кролики** должны уходить счастливыми, или это место засохнет на корню. Я видел, как такое случается, и, если процесс пошел, все заканчивается очень быстро [Кинг 2013, с. 18] – данная цитата проливает свет на то, что продажа радости в «Стране радости» не должна уменьшаться в объемах вне зависимости от отношения работников парка к посетителям, иначе это место ждет стремительный крах. Если для сезонных работников это не имеет значения, то для потомственных карни, которые год за годом работают в «Стране радости» и живут неподалеку от нее, это может быть вполне существенной утратой. Поэтому каждый старается по мере возможности не только сделать счастливыми посетителей, но и передать свой опыт более молодому поколению. Язык карни представляет собой значительную часть этого опыта.

Можно отметить, что, несмотря на очевидные различия между хронотопами исследуемых романов, в их художественной действительности присутствует нечто общее: наличие явных оппозиций. В первом случае это оппозиция Дома и Наружности, из которой проистекают многие элементы культуры обитателей Серого Дома, выстраивается иерархия и на которой держится сплоченность воспитанников против «Козней Наружности». Можно сказать, что в ней они видят некий образ коллективного врага, которому рано или поздно неизбежно придется бросить вызов в год выпуска из Дома. Известно, что в один из выпускников был убит всеми любимый воспитатель:

Они смели его, как песчинку, как обрывок мусора, приставший к ним на бегу. Не нарочно, они любили его, насколько вообще могли кого-то любить, просто им было уже все равно. Когда наступил их Конец Света, один воспитатель ничего не значил. Ни один, ни двое, ни трое не сумели бы их остановить.

Если бы он остался жив после той ночи, он понял бы то, что понял я намного раньше. Мира, куда их выбрасывают, когда им исполняется восемнадцать, для них не существует. Уходя, они уничтожают его и для других [Петросян 2016, с. 396].

Но вместе с тем Наружность необходима Дому. Именно из Наружности приходят новички, которые могут стать или не стать его частью. Именно попытки убрать из новичков любые элементы Наружности формируют их новые модели поведения. Именно пребывание в Наружности, а не в Доме является причиной их неведения в области правил Дома, его традиций и языка. Усваивая язык Дома, воспитанник чувствует себя в нем все более комфортно и проникается подобающей неприязнью к Наружности. Таким образом, специфические лексические единицы в романе «Дом, в котором» влияют на сознание его персонажей.

Во втором романе мы можем наблюдать оппозицию коуни и карни. Кролики являются для карни материалом, необходимым элементом поддержания работоспособности парка. Они не могут и не должны ничего знать и понимать об его внутреннем устройстве, распорядке, традициях и языке. Кролики почти всегда максимально обезличены, и карни ожидают от них определенных моделей поведения, согласно которым делят их на категории.

*Другие слова, те же **кругляшки** вместо симпатичных девушек или **хныки** вместо любителей понуть, использовались только в «Стране радости» ... **Мозгоед** – **кролик** (обычно **хнык**), недовольный тем, что приходится долго стоять в очереди.... Кролик, который проиграл на каком-то аттракционе и хочет вернуть свои деньги, – **халявщик** [Кинг 2013, с. 53].*

Существует также ряд специфических слов, обозначающих аттракционы (обычно их настоящие названия или производные от них), например «**Дьявольские фургоны**». Однако некоторые аттракционы получают дополнительные названия с учетом своих особенностей: *Тоннеля любви в «Стране радости» нет, но «Дом ужасов» – это определенно **Тоннель тисканый**.*

Наблюдаются и термины, используемые для обозначения некоторых специфических ситуаций: *During my time at Joyland, I once heard Pops Allen talk about **burning the lot**. In the Talk, that means to blatantly cheat the rubes at what's supposed to be a straight game* [Кинг 2013, р. 82] – *За время моего пребывания в «Стране радости» я только однажды слышал, как Папаня Аллен сказал «**спалить поляну**». На Языке это означало откровенно надуть лохов во вроде бы честной игре* [Кинг 2013, с. 71]; или «**надеть шкуру**» (**put on the fur**) – облячиться в костюме Хоуи.

Новичок, прибывающий работать в «Страну радости», вынужден знакомиться с его специфической лексикой ради успешной коммуникации с окружающими. При этом важны несколько факторов:

1. Существенную часть языка «Страны радости», или просто **Языка (the Talk)**, составляет язык карни – от – карни, а потому люди, уже работающие в сфере развлечений, будут иметь весьма существенное преимущество перед теми, кто попал в эту сферу случайно. Остальную часть специфической лексики,

предположительно, формируют постоянные работники парка развлечений, основываясь на реалиях этого места.

2. Большинство сезонных работников со временем забывают Язык, поскольку вне сферы развлечений он не применяется или применяются очень ограниченно. Исключение составляют карни, которым он необходим, и личности вроде главного героя, захваченного романтикой «Страны радости»: *«Внесли свою лепту и прохладные тоннели под территорией парка развлечений, и секретный Язык, который другие новички забудут к рождественским каникулам. Я не хотел его забывать, он был слишком ярким и образным»* [Кинг 2013, с. 160].

Язык в значительной степени влияет на сознание протагониста, и он автоматически прибегает к его использованию в экстренных ситуациях, что видно из следующего отрывка:

The pre-Joyland version of Dev Jones would simply have yelled for help, but after four months of talking the Talk, help never even crossed my mind. I filled my lungs, lifted my head, and screamed “HEY, RUBE!” into the damp morning air as loud as I could [King 2013, p. 171] – *Прежний Дев Джонс, еще не вымуштрованный «Страной радости», просто позвал бы на помощь, но четыре месяца разговоров на Языке выбили подобные слова из моей головы. Я глубоко вдохнул, поднял голову и со всей силы крикнул в сырой утренний воздух: – НАШИХ БЬЮТ!* [Кинг 2013, с. 145].

Очевидно, оригинальный текст содержит любопытную деталь, которая в переводе была упущена. Протагонист произнес слово «**crube**», употребление которого строго регламентируется правилами языка карни в целом и «Страны радости» в частности. Сделал он это для того, чтобы как можно эффективнее привлечь внимание карни, что говорит не только об его находчивости, но еще и о понимании особенностей влияния Языка на сознание знающих его людей.

Анализ языковых средств двух произведений показывает, что в обоих исследуемых романах специфические лексические единицы формируются под влиянием исключительных обстоятельств и служат для решения следующих задач: 1) выражение специфических понятий, присущих только данной языковой среде; 2) ограничение доступа случайных людей к конфиденциальной или табуированной информации; 3) определение статуса и лояльности члена сообщества, отделение «своих» от «чужих».

Необходимо отметить, что в обоих романах присутствуют схожие способы формирования специфической лексики, и значительная ее часть создается самими членами сообщества. Особый язык, используемый персонажами, также имеет и художественную функцию, придавая романам особый колорит и обеспечивая высокую степень их узнаваемости.

King S. Joyland / S. King. – Hard Case Crime; 2013. – 228 p.

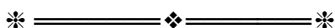
Oxford Learners' Dictionary of the English Language. – <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/carny?q=Carny> (дата обращения: 09.10.24).

Кинг С. Страна радости / С. Кинг; пер. В.А. Вебер. – М.: AST Publishers, 2014. – 237 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Издательство «Азъ», 1992.

Петросян М. Дом в котором... / М. Петросян. – М.: ООО Издательство «Лайвбук», 2016. – 1354 с.

ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

А.А. Романов, Е.В. Малышева (Тверь)

УТОЧНЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ОБЪЕМА ПОНЯТИЙ «ЧЕСТЬ» И «ДОСТОИНСТВО» В ПРАКТИКЕ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Аннотация. Содержательный объем понятия «лингвистическая экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации» может включать в себя рассматриваемые в экспертизе диагностические признаки унижения чести и достоинства, умаления деловой репутации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, эксперт-лингвист, честь, достоинство, деловая репутация

Abstract. The substantive scope of the concept of "linguistic expertise in cases of protection of honor, dignity and business reputation" may include diagnostic signs of humiliation of honor and dignity, diminution of business reputation considered in the examination.

Keywords: linguistic expertise, expert linguist, honor, dignity, business reputation

Достоинство понимается в Конституции РФ как абсолютная ценность любой личности, охраняемая государством. Понятия чести, достоинства гражданина относятся к числу нематериальных благ, которые ему принадлежат. Достоинство личности, честь являются неотчуждаемым и непередаваемым правом. В соответствии со статьей 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Применительно к свободе массовой информации на территории Российской Федерации действует статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с частью 1 которой каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Данное право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Вместе с тем в части 2 статьи 10 названной Конвенции указано, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с

определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Предусмотренное статьями 23 и 46 Конституции Российской Федерации право каждого на защиту своей чести и доброго имени, а также установленное статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации право каждого на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространенных не соответствующих действительности порочащих сведений является необходимым ограничением свободы слова и массовой информации для случаев злоупотребления этими правами.

В статье 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации также предусмотрены следующие положения («Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ), например: 1) гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Опровержение должно быть сделано тем же способом, которым были распространены сведения о гражданине, или другим аналогичным способом; 2) сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина и распространенные в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Гражданин, в отношении которого в средствах массовой информации распространены указанные сведения, имеет право потребовать наряду с опровержением также опубликования своего ответа в тех же средствах массовой информации; 3) если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву; 4) в случаях, когда сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, стали широко известны и в связи с этим опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно; 5) если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет» и др.

Отсюда можем сделать вывод, что честь – это сопровождающееся положительной оценкой «отражение качеств лица (физического или

юридического) в общественном сознании» [Барсукова 2019, с. 27], а унижение чести предполагает, что потерпевший может ощущать на себе изменение общественного мнения. В комментарии в УК РФ указано: наличие унижения и его степень, глубину оценивает в первую очередь сам потерпевший.

Достоинство – это ощущение человеком своей ценности как человека вообще, конкретной личности, профессионала и т.д. [Барсукова 2019, с. 27-28]. В Конституции РФ в ст. 21 написано: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления». Также стоит подчеркнуть, что понятие репутации в законодательных текстах полностью отсутствует, есть лишь понятие деловой репутации как нематериального права личности (относящегося и к юридическому лицу), не имеющее никакого раскрытия в ГК РФ. В Комментарий к ГК РФ можем встретить такое понятие чести как часть репутации: «сложившееся о человеке мнение, основанное на оценке его общественно значимых качеств».

Следуя за определением А. Эрделевского деловой репутации, определяемой как «сопровождающееся положительной оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании», отметим, что деловая репутация связывается, прежде всего, с предпринимательской деятельностью и может выступать как положительная оценка деятельности компании. Несомненно, что понятия чести, достоинства и деловой репутации связаны между собой. Более того, оскорбление словом «в унижении потерпевшего употреблением в его адрес словесных выражений, унижающих человеческое достоинство» представляет собой поведение унижающее честь и достоинство потерпевшего [Жельвис 2011; Аратова 2012; Стернин 2013; Романов 2023а, 2024а, 2024б]. Следовательно, оскорбление в лингвистике как административное правонарушение (см. Статья 5.61. Оскорбление (введена Федеральным законом от 07.12.2011 №N 420-ФЗ) соотносится с «гражданско-правовым» умалением чести и достоинства по форме распространения не соответствующих действительности порочащих сведений (ГК РФ Статья 152. Защита чести, достоинства и деловой репутации), что означает от умаления чести и достоинства, выраженного в неприличной форме, защищает административное право, а от распространения порочащих сведений, не соответствующих действительности, защищает гражданское право.

Резюмируя, можно заключить, что иски по защите чести, достоинства и деловой репутации могут рассматриваться в рамках дел, касающихся рассмотрения дел об оскорблении личности, а понятие оскорбление связано с делами о защите чести, достоинства и деловой репутации. Таким образом, часто применяемым в рамках рассмотрения дел о защите чести и достоинства, является экспертиза (лингвистическая, психолого-лингвистическая и т.д.). При этом, в делах о защите чести и достоинства нередко участвуют специалисты: психологи, лингвисты, специалисты в области IT-технологий и др. [Барсукова 2019].

Таким образом, именно заключение лингвистической экспертизы становится доказательством по следующим категориям судебных дел: защита чести, достоинства и деловой репутации, клевета; оскорбление; словесный экстремизм; защита авторских прав на произведения литературы;

вымогательство и иные формы психического насилия, взятка, провокация взятки; недобросовестная конкуренция, реклама, пропаганда порнографии, наркотиков, обман потребителя; документоведческая экспертиза [Мальшева 2023а; 2023б; Романов 2023б]. При этом содержательный объем понятия «лингвистическая экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации» может включать в себя рассматриваемые в экспертизе диагностические признаки унижения чести и достоинства, умаления деловой репутации (сообщение негативных сведений о лице или организации, отнесенность негативных сведений к конкретному лицу или организации, фактологический характер негативных сведений, публичный характер распространения сведений, порочащий характер данных сведений, неприличная языковая форма сообщения негативной информации, обобщенность негативной характеристики адресата и т.д.), а выводы эксперта-лингвиста должны быть научно обоснованы и логически выстроены.

Аратова А.А. Квалификация оскорбления / А.А. Аратова // Административное право и процесс. – 2012. – №11. – С. 60-61.

Барсукова В.Н. Гражданские процессуальные средства защиты чести и достоинства личности / В.Н. Барсукова // Современное право. – 2019. – №11. – С. 38-44.

Жельвис В.И. Вербальная агрессия / В.И. Жельвис // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 228-233.

Мальшева Е.В. Специфика речевых актов оскорбления в судебно-лингвистической экспертизе: интегративно-экспертный подход [Электронный ресурс] / Е.В. Мальшева // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023а. – №3. – С.165-177. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения: 10.09.2024)

Мальшева Е.В. Экспертная специфика речевых актов оскорбления (по разным категориям дел) / Е.В. Мальшева // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сборник статей / Науч. ред. А.В. Рудакова. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2023б. – Вып. 9. – С. 253-257.

Романов А.А. Интегративно-экспертный подход к лингвистическому исследованию текстов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] / А.А. Романов, Е.В. Мальшева // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2023а. – №4. – С. 60-74. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения: 11.09.2024).

Романов А.А. Специфика судебного психолингвистического исследования с элементами профайлинга / А.А. Романов, Л.А. Романова // Роль и значение судебно-экспертной деятельности и судебной экспертологии в обеспечении национальной безопасности: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19-20 окт. 2023 г. – Минск, БелНИИТ «Грантехника», 2023б. – С. 236-238.

Романов А.А. Особенности проведения лингвистической экспертизы текстов по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / А.А. Романов, Е.В. Мальшева // Культура общения и ее формирование: сборник научных статей: посвящается 50-летию со дня основания кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета / Под ред. А.В. Рудаковой. – Москва: Издательство ООО «РИТМ», 2024а. – Вып. 39. – С. 64-68.

Романов А.А. Коммуникативные практики «убеждающего уговора» в регламентивном типе социальной дискурсии [Электронный ресурс] / А.А. Романов, Л.А. Романова, Е.В. Мальшева // Мир лингвистики и коммуникации: электронный

научный журнал. – 2024б. – №1. – С. 1-24. Режим доступа: www.tverlingua.ru (дата обращения: 15.09.2024).

Стернин И.А. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие / Под науч. ред. проф. И.А. Стернина / И.А. Стернин, Л.Г. Антонова, Д.Л. Карпов, М.В. Шаманова. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2013. – 80 с.

В.В. Салькова (Воронеж)

СЛОЖНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ФАКТА И ОЦЕНКИ/МНЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ УНИЖЕНИИ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА И УМАЛЕНИИ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются сложности разграничения форм выражения спорного текста (факт, оценка/мнение) при проведении лингвистической экспертизы в рамках дел по искам об унижении чести, достоинства и умалении деловой репутации, а также по искам об оскорблении (ст. 152 ГК РФ, ст. 5.61 КоАП РФ). Проанализирована лингвокриминалистическая литература по указанной проблеме, выделены основные сложности, возникающие у лингвистов при разграничении факта и оценки/мнения.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза текста, оценочное суждение, утверждение о факте, мнение, защита чести, достоинства и деловой репутации

Abstract. this article discusses the difficulties of distinguishing the forms of expression of the disputed text (fact, evaluation/opinion) when conducting a linguistic examination in the framework of cases on claims for humiliation of honor, dignity and diminution of business reputation, as well as on claims for insult (Art. 152 of the Civil Code of the Russian Federation, Art. 5.61 of the Administrative Offenses Code of the Russian Federation). The literature of forensic linguistics on this problem is analyzed, the main difficulties arising for linguists in distinguishing between fact and evaluation/opinion are highlighted.

Keywords: linguistic expertise of text, value judgment, statement of fact, opinion, protection of honor, dignity and business reputation

В лингвистической экспертизе текста в рамках дел по искам об унижении чести и достоинства и умалении деловой репутации, а также по искам об оскорблении и клевете разграничение факта, оценки и мнения всегда считалось проблемной позицией, несмотря на изученность данного вопроса (Н.Д. Голев, Г.С. Иваненко, А.А. Карагодин, К.И. Бринев, И.А. Стернин, А.Н. Баранов и др.). Как указывает А.А. Карагодин, основной сложностью считается отсутствие приемлемого подхода в разграничении формы выражения (факт, мнение, оценка), а также «плоскость» в определении лингвистических признаков каждого из них [Карагодин 2013, с. 87].

Анализ лингвокриминалистической литературы по данному вопросу позволил выделить основные проблемы разграничения формы выражения.

1. Соотнесенность высказывания с критерием верифицируемости / неверифицируемости. Как отмечает К.И. Бринев, анализ высказывания по данному критерию не входит в компетенцию лингвиста-эксперта [Бринев 2015, с. 123], подчеркивая также, что в теории познания некоторые утверждения,

которые технически соотносятся с критериями факта, нельзя проверить, так как относятся к «непроверяемым утверждениям», построенными по типу «все лебеди белые». Ученый утверждает, что при проведении лингвистических экспертиз используется «бытовая (= непрофессиональная) концепция проверяемости» [Бринев 2019, с. 199], использование которой К.И. Бринев объясняет незнанием экспертом логико-семантических свойств высказываний [там же].

Другого мнения по данному вопросу придерживается О.В. Кукушкина, утверждая, что у лингвиста-эксперта достаточно собственно лингвистических методов для проверки спорного текста на верифицируемость: «содержание утверждений, сообщающих верифицируемые факты, должно быть не только конкретным, но и наблюдаемым, т.е. описывать события и признаки физической сферы» [Кукушкина 2016, с. 140]. В отличие от позиции К.И. Бринева, здесь имеется в виду ограничение высказываний о фактах от высказываний, характеризующих эмоциональные реакции, мысли кого-либо.

Рассмотрим эту позицию на примере экспертизы 15 из книги «Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации» [Цена слова 2002, с. 105]: «(с. 1 стенограммы): *На этой неделе московский мэр стремительно терял честь и достоинство*». Данный фрагмент лингвисты-эксперты классифицируют как утверждение, в котором сообщается о потере чести и достоинства Лужковым. Предлагаем, что к такому выводу эксперты пришли, исходя из следующих признаков: утвердительная форма высказывания, повествовательное, невосклицательное предложение, отсутствие эксплицитных маркеров оценки/мнения. Однако лингвистами не была отмечена модальная функция глагола «терял», употребленного с наречием «стремительно», усиливающим негативное оценочное значение: быстро лишаться чего-либо. Так, изменив высказывание на противоположное, получим следующее: *на этой неделе московский мэр быстро восстанавливал честь и достоинство*. Итак, на примере замены глагола на антонимичный видно, как проявляется оценочный компонент: если в исходном спорном фрагменте представлена негативная оценочность, то при изменении лексемы оценка меняется на противоположную.

2. Сращение понятий субъективности/объективности с фактом / оценкой. К.И. Бринев, рассматривая оппозицию субъективности/объективности, подчеркивает, что это противопоставление часто используется в качестве критерия разграничения фактологического и оценочного высказываний. Однако, проанализировав данную оппозицию, ученый приходит к выводу «о ее бесполезности в практическом аспекте», так как, во-первых, «реальная действительность в ходе ее отражения человеком неизбежно искажается, отсюда делается вывод о субъективности всякого текста» [Бринев 2019, с. 196], во-вторых, в понятии оценка сконцентрирована собственно оценочность, которая говорит о том, что высказывание не может быть проверено на предмет унижения чести и достоинства (так, например, выражения *убивать нехорошо* и *быть худым – модно* и проч. под. В зависимости от культуры или времени убийство или другое социально значимое действие может быть рассмотрено по-разному) [Бринев 2019, с. 197].

К.И. Бринев утверждает, что такой подход «не выдерживает критики», потому что оппозиция субъективности/объективности не соответствует позиции фактологичности и оценочности [там же, с. 198]: «*Ельцин выиграл выборы 1996 года – это событие*. А вот суждений об этом событии может быть бесконечное множество. Например, такое: *Ельцин выиграл благодаря поддержке электората А.И. Лебеда*. Или такое: *Выигрыш Ельцина – благо для России*. Первое из них может быть фактом (суждением о факте), если в результате верификации выяснится, что оно истинно. А вот второе не может быть фактом <...> Это типичное оценочное суждение» [цит. по: Бринев 2019, с. 197].

Рассуждая о проблеме субъективности в лингвистической экспертизе, Г.С. Иваненко подчеркивает, что «не вся негативная информация в адрес какого-либо лица может быть признана порочащей, чего тенденциозно не замечают многие эксперты, старательно доказывая, какой урон репутации истца наносит какой-либо материал, но умалчивая о его демонстративном субъективизме» [Иваненко 2007, с. 330].

3. Сближение некоторых форм выражения, например, факта и мнения в форме утверждения. Как отмечает К.И. Бринев, проблема разграничения факта и мнения в форме утверждения заключается в том, что, во-первых, непонятно «к какой области лингвистических проблем относится данное противопоставление», а во-вторых, определение типа высказывания носит субъективный характер, основанный на личных представлениях лингвиста-эксперта [Бринев 2015, с. 122-123]. Проиллюстрируем эту мысль примером из лингвистической практики, приведенным в книге А.Н. Баранова «Лингвистическая экспертиза текста» [Баранов 2022, с. 38]. В спорном тексте отсутствуют маркеры мнения, он состоит из утвердительных, повествовательных предложений. Однако в заглавии «Вторая легенда про любовь» употреблена лексема «легенда», которая передает значение вымышленности, придуманности [Большой толковый словарь 1998]. Употребление этого слова меняет форму выражения всего спорного фрагмента с фактологической на форму мнения [Баранов 2022, с. 38].

Как отмечает О.В. Кукушкина, «одна из главных сложностей разграничения фактов и мнений заключается именно в регулярном немаркированном способе их передачи» [Кукушкина 2016 с. 134]. Обратимся также к статье Т.В. Чернышовой [Чернышова 2020], в которой ученый рассуждает о смешении форм выражения на примере разбора так называемых конфликтогенных текстов, взятых из журналистской практики, а также указывает на часто используемую обобщенную форму сообщения информации в жанре журналистского расследования, которая используется для передачи итогового мнения автора статьи, опирающегося «на стереотипное представление о том, как обычно те или иные факты оцениваются в какой-то ценностной системе» [Чернышова 2020, с. 349]. Часто такая обобщенная форма ошибочно принимается за фактологическое высказывание.

По мнению Т. В. Чернышовой, информация может трансформироваться из фактологической в обобщающую двумя способами: «первый способ представляет собой перевод фактической информации, почерпнутой журналистом из разных источников, в информацию обобщающего типа, которая

вербализуется в итоговом тексте <...>. Второй способ позволяет информацию о фактах и оценочные высказывания единственного информанта трансформировать в гипотетическое обобщающее мнение, которое должны сформировать читатели после знакомства с публикацией» [Чернышова 2020, с. 348]. Ученый утверждает, что именно обобщенность помогает журналистам избежать правовых рисков, минимизировать их. Например, во фрагментах из статьи «Комсомольской правды»: *«друзья погибшей девушки уверены, что Лола должна отвечать перед законом за то, что сводит с ума доверчивых людей. За то, что дает смертельные задания», «Судя по всему, поклонники Байковой есть на Украине, в Белоруссии... Послания своего гуру жрица передает в том числе и жителям других стран. А те верят и охотно тратятся на ее книжки и вкладываются в групповые поездки по Индии...»* [Комсомольская правда 2018] – информация представлена в форме утвердительных высказываний и в форме повествовательных предложений. В первом примере отсутствуют маркеры мнения, оценочные слова (хорошо/плохо и др.); во втором примере присутствует вводная конструкция «судя по всему», относящаяся к части *«поклонники Байковой есть на Украине, в Белоруссии...»*, иллюстрирующая возможный географический охват людей, разделяющих религиозные ценности Байковой. Во втором и третьем предложениях маркеров мнения и оценочных слов нет, но данные примеры имеют неконкретный характер, указывающий на мнение автора статьи, итог его мысли (вводная конструкция усиливает это суждение), основанные на фактологической информации: 1) Байкова (Лола) должна понести юридическую ответственность за сведение с ума доверчивых людей смертельными заданиями и 2) Байкова передает послания от Саи Бабы людям из разных стран, которые верят в это учение, покупают групповые поездки по Индии, взятой из различных источников в рамках журналистского расследования.

Однако не всегда оценочная (в широком смысле) маркированность является инструментом, который может минимизировать правовые риски для автора спорного текста. В качестве примера воспользуемся лингвистическим анализом текста статьи «Комментарий "СК"» газеты «Свободный курс», №32, 09.08.2001 [Цена слова 2002], в котором лингвист-эксперт анализирует спорный текст, в частности фрагмент *«В вину руководства предприятия якобы вменяются манипуляции с...»*. В приведенном тексте присутствует спорная лексема «*якобы*», несущая двойное значение: с одной стороны, она маркирует высказывание как мнение, указывая на сомнение автора, но с другой – соотносится с вводной конструкцией, указывающей на обращение к авторитетному источнику «по сведениям краевой администрации», тем самым меняя смысл на противоположный. Эксперт приходит к выводу, что «употребление *якобы* не снимает утвердительности высказывания <...> не переводит в разряд предложений с высказанным мнением», также подчеркивая, что данная лексема была включена в текстовое пространство умышленно, чтобы уйти из «зоны риска»: «автор текста, осознавая его потенциальную конфликтность, пытается обезопасить себя, употребляя подобного рода слова, дистанцируясь от сообщаемого» [Цена слова 2002, с. 168]. Однако ответчики не согласились с заключением эксперта, указав, что «употребление

термина «якобы» свидетельствует о том, что автор не утверждает, а предполагает, высказывает мнение, которое не подпадает под категорию «сведения»», на что обратил внимание по конкретным делам Европейский суд по правам человека» [Цена слова 2002, с. 171].

Эти примеры не тождественны по типам маркеров, однако *подсвечивают* одну из проблемных позиций: чем руководствоваться лингвисту-эксперту при проведении лингвистической экспертизы в отношении таких конструкций? Размышляя об этом, Г.С. Иваненко подчеркивает, что «такие показатели авторства информации (или псевдоавторства) формально не позволяют лингвисту говорить о категоричном утверждении, однако лингвист может обратить внимание суда на специфику рассматриваемой информации» [Иваненко 2007, с. 333]. Н.Д. Голев утверждает: «Вряд ли эксперт должен абсолютизировать пуристические требования, закрепленные, скажем, в словарных пометах. Он в равной мере должен защищать как нормативную чистоту текста, так и право журналиста на свободное (= творческое) использование языка, иначе публицистические тексты превратятся в дистиллированные отчеты о событиях [цит. по: Бринев 2015, с. 87]. О.В. Кукушкина, Т.В. Чернышова указывают на то, что при искусственном включении в текстовое пространство слов, маркирующих высказывание как мнение/оценка, появляется неестественность речи, и в каких-то ситуациях избыточность, так, например, «*это лишь мое мнение/суждение*», «*он подлец и я считаю, что он подлец*» (цит. по Кукушкиной) или «*это лишь моя точка зрения...*» [Кукушкина 2016; Чернышова 2020].

Таким образом, при проведении лингвистической экспертизы текста эксперт сталкивается с различными сложностями при разграничении факта и оценки/мнения. На сегодняшний день разграничение фактологического и оценочного суждений в сложных случаях не всегда возможно из-за отсутствия в лингвокриминалистике прочных теоретических оснований, выработанных целенаправленно для практической экспертной деятельности.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика / А.Н. Баранов. – 2 изд. – М.: Флинта, Наука, 2022. – 592 с.

Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / К.И. Бринев. – Барнаул: АлтГПА, 2015. – 252 с.

Бринев К.И. Факты и оценки, факты и мнения: анализ оппозиций субъективное/объективное, верифицируемое/неверифицируемое [Электронный ресурс] / К.И. Бринев // Культура и текст. – 2019. – №4 (39). – С. 194-201. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fakty-i-otsenki-fakty-i-mneniya-analiz-oppozitsiy-subektivnoe-obektivnoe-verifitsiruемое-neverifitsiruемое> (дата обращения: 31.03.2024).

Иваненко Г.С. Структура лингвистической экспертизы по процессам о защите чести, достоинства и деловой репутации [Электронный ресурс] / Г.С. Иваненко // Юрлингвистика. – 2007. – №8. – С. 323-334. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-lingvisticheskoy-ekspertizy-po-protsessam-o-zaschite-chesti-dostoinstva-i-delovoy-reputatsii-1> (дата обращения: 11.04.2024).

Карагодин А.А. Разграничение утверждения о фактах и оценочных суждений в ходе экспертного исследования спорного текста [Электронный ресурс] /

А.А. Карагодин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – №12 (30). – С. 86-89. – URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2013_12_2_21.pdf (дата обращения: 05.04.2024).

Кукушкина О.В. Негативная информация: утверждение о факте или выражение мнения? [Электронный ресурс] / О.В. Кукушкина // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – №3 (43). – С. 132-145. – URL: <https://doi.org/10.30764/64/1819-2785-2016-3-132-145> (дата обращения: 11.04.2024).

Официальный сайт газеты «Комсомольская правда» «Так велел гуру Саи Баба»: Жрица секты устранила соперницу, заморив ее голодом. [Электронный ресурс]. – Вып. 2 февраля 2018 г. – URL: <https://www.nsk.kp.ru/daily/26790.7/3824227/> (дата обращения: 26.03.2024).

Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 3 изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 423 с.

Чернышова Т.В. Факты, мнения, оценка: социально значимая информация и способы ее организации в дискурсе журналистского расследования [Электронный ресурс] / Т.В. Чернышова // Медиалингвистика. – 2020. – №7 (3). – С. 343-356. – URL: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.306> (дата обращения: 11.04.2024).

Э.Ю. Соколова (Воронеж)

РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, КАМУФЛИРУЮЩИЕ КОРРУПЦИОННЫЙ ДИСКУРС

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные речевые формулировки, связанные с указаниями на предназначение денежных средств, переданных или полученных в результате взятки.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, предназначение денежных средств, коррупционный дискурс

Abstract. This article discusses the main speech formulations related to indications of the purpose of funds transferred or received as a result of a bribe.

Keywords: linguocriminalism, the purpose of money, corruption discourse

«Взяточничество как вид преступления является одним из наиболее сложных видов преступных деяний» [Борисов 2019]. К сожалению, в лингвокриминалистике еще не выработан определенный устойчивый алгоритм, позволяющий эксперту-лингвисту анализировать спорные тексты, связанные с коррупционными преступлениями. Существует ряд аспектов, нуждающихся в более детальном освещении.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить те речевые маркеры, которые могут указывать на предназначение денежных средств, полученных (переданных) в результате взятки. Обе стороны этого противозаконного деяния осознают, что их речь нуждается в шифровании, поэтому они часто прибегают к приему речевого камуфлирования, чтобы скрыть истинную цель передачи (получения) денежных средств. Под истинной целью следует понимать саму взятку, однако, как показывает практика, в

коррупционном дискурсе она может быть представлена как весьма законное действие.

Если в исследуемом тексте лингвокриминалист установил, что предметом речи выступает передача денежных средств от одного говорящего другому, то в дальнейшем ему необходимо определить, какие речевые указания делаются на предназначение этих денежных средств. Иными словами, следует выяснять, какова цель использования денежных средств, полученных коррупционным путем. Чаще всего взяткодатель и лицо, берущее взятку, стараются обсуждать это противозаконное деяние несколько завуалированно, прибегая к маскировке под внешне законные действия. Для этого обычно используются следующие речевые формулировки, которые нам удалось выявить в ходе исследования, обратившись к Национальному корпусу русского языка.

• **Взятка может быть представлена как какие-либо долгосрочные вложения денег в какое-либо дело (проект) (речевой маркер «не взятка, а инвестиция»):**

И дешевле один раз дать и начать работать, чем год бегать по кабинетам и выклянчивать: «подпишите, я исправлюсь». Пока он бегаёт, работы нет, зарплаты нет, налогов нет. А если ему уважаемый человек поможет, то и бизнес заработает, и налоги пойдут, и бюджетники сыты. А взятка – это не взятка даже, а инвестиция. Инвестиция в базис. Это надежнее, чем в недвижимость, потому что власть – первична. Власть. [А. А. Голицын. Ящик. История одного шоу // «Волга», 2009]

• **Взятка может быть представлена как начисляемое вознаграждение за проделанную работу (речевой маркер «не взятка, а благодарственный процент»):**

Десять тысяч целковых вам! – шептал между тем Панчуковский исправнику, – это будет не взятка, а благодарственный законный процент! [Г.П. Данилевский. Беглые в Новороссии (1862)]

• **Взятка может быть представлена как кредитный договор со своевременным возвратом (речевой маркер «не взятка, а заём»):**

Видите ли: его приняли за важную особу – оттого, что у него «в физиономии есть что-то внушающее»; это должная дань его личным достоинствам, а не другая, более важная для чиновников причина; что ему надавали денег, это не взятки, а заём, и он на ту минуту, как говорит, вполне убежден, что возвратит им свой долг. [В.Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова (1839)]

• **Взятка может быть представлена как передача чего-то в собственность за небольшую плату (речевой маркер «не взятка, а продажа по заниженной цене»):**

Сейчас Следственный комитет проверяет причастность Блохера к продаже по заниженной цене этого крупнейшего в Кировской области предприятия приятелю Бельх О. Березину, три чела от администрации находятся под следствием! [Форум: Навальный. Сказки кировского леса (2012)]

К тому же за министром труда тянется целый шлейф финансовых скандалов. От якобы имевшей место причастности к уклонению от уплаты налогов крупнейшего акционера L'Oreal Лилиан Бетанкур до обвинений в

продаже государственного ипподрома по заниженной цене. Неудивительно, что Верта в новое правительство не пригласили. [Андрей Веселов. Безысходная смелость // «Русский репортер», № 45 (173), 18 ноября 2010]

• **Взятка может быть представлена как вознаграждение за труд, за работу (речевые маркеры: «не взятка, а гонорар», «не взятка, а премия», «не взятка, а вознаграждение за работу», «не взятка, а благодарность», «не взятка, а знак признательности», «не взятка, а магарыч»):**

Он засмеялся. Нет, не взятка, а гонорар. Антипов радостно мотал головой. [Ю.В. Трифонов. Время и место (1980)]

Я не понимаю! – Это не взятка – это премия, понимаете? Если вы не согласны, я найду другую сестру. [А.С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)]

Петипа наивно говорил, что когда Кшесинская положила ему в карман 2000 р., то он первое время хотел эти деньги ей отослать, но посоветовался раньше с женой своей, которая его убедила, что это не взятка, а вознаграждение ему за работу и что деньги эти следует взять. [В.А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1903)]

Сами ж его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказываться грех, обидеть человека надо. [А.Н. Островский. Доходное место (1857)]

Именно знак признательности, а никакая не взятка. [Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // «Звезда», 2003]

Я тогда на стол бутылку самогона, шмат сала. Он мне справку выписывает. Это как, значит, коррупция или взятка? – Это магарыч, – сказал Будашкин. – А магарыч – это не взятка? Будашкин почесал в затылке и сказал: – Магарыч – это магарыч. – Ладно, – встала самая скандальная в нашей деревне тетка Маруся, – а когда я в прошлом году участок у деревни просила под сено, ты чего мне, гад, сказал? – Кто гад? – возмутился Егорыч. [Лион Измайлов. Борьба с коррупцией (1997)]

• **Взятка может быть представлена как подарок, подношение, которое безвозмездно преподносят по собственному желанию (речевые маркеры: «не взятка, а подарки (от чистого сердца)», «не взятка, а презент», «не взятка, а дружеское подношение»):**

Они зашли в кабинет к руководителю клиники и сказали, что поступает много жалоб на то, что в клинике врачи берут взятки. – Не взятки, а подарки! Да, вот и я взял подарок, – сказал известный уролог, показав на дорожке ружье, висевшее на стене кабинета. [Лев Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека (2001)]

– Не взятка, а подарок от чистого сердца, – возразила Анька. [Андрей Житков. Супермаркет (2000)]

– Так взятка же! – говорю. – Не взятка, а презент! В общем, вышло так: одну коробку надо было оставить себе, вторую отдать боссу, третью – его заместителю, а четвертую – начальнику своего отдела (иначе командировок за бугор больше не видать). [Виктор Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)]

Предпочитаю жить на зарплату. Туговатو приходится, но душа спокойна. Не снится мне по ночам «черный ворон» и лязганье торемных засовов. Аглая

смутилась, стала бормотать что-то, что это не взятка, а дружеское подношение, но и тут старичок не поддался. – Нет уж, извините, и дружеских взяточек не беру. Но вы не беспокойтесь. Придут к вам, может быть, даже завтра другие, которые побольше меня. [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000]

• **Взятка может быть представлена как что-то приносимое в дар с целью сделать что-то во имя чего-то особенного, сакрального (речевой маркер «не взятка, а жертва»):**

У меня два решения: останусь до 12.30, до начала диализа, а вечером приду в качестве Деда Мороза с дарственным мешком. И никакая это не взятка. Это скорее некая жертва, которая приносится высшим богам, Асклепию, что ли. Ну и что, если бога окружают жрецы? Жрецы ничего не требуют, даже взглядом. Это моя священная воля, плата за мои несвященные грехи. [С.Н. Есин. Дневник (2007)]

Таким образом, в коррупционном дискурсе взятка может быть представлена как инвестиция, благодарственный процент, заём, продажа чего-то по заниженной цене, гонорар, премия, вознаграждение за работу, благодарность, знак признательности, магарыч, подарок от чистого сердца, презент, дружеское подношение и даже как жертва. Важно понимать, что взяткодатель и взяткобратель стараются камуфлировать как сам процесс взяточничества, так и то, на что необходимо употребить переданную сумму денег в результате фактической взятки. Зачастую в спорном тексте, представленном эксперту для исследования, присутствуют речевые указания относительно предназначения полученных денежных средств.

Борисов А.В. Уголовно-правовая характеристика предмета взяточничества / А.В. Борисов, Ю.Ю. Орлов // Вестник Академии права и управления. – 2019. – №1(54). – С. 60-65.

ИНФОРМАЦИЯ О СБОРНИКАХ И КОНФЕРЕНЦИЯХ

Воронежский государственный университет
Воронежская теоретико-лингвистическая школа в области общего и
русского языкознания профессоров З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований ВГУ
имени проф. И.А. Стернина

Готовится к изданию 31-й выпуск индексируемого в РИНЦ
продолжающегося научного издания «**Язык и национальное сознание**».

Прием статей объемом от 5 до 8 страниц
до 30 ноября 2024 г. включительно.

Требования к представлению материалов статьи:

- Редактор WORD (формат А4, размер шрифта – 14, интервал – полуторный, без схем, рисунков и больших таблиц, все поля – 2,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.)
- Постраничные сноски и примечания не используются, вся информация должна быть включена в текст.
- Текст статьи должен включать аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках
- Сноски в тексте оформляются следующим образом: (Попова 1989, с. 32)
- Список литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и оформляется по сокращенному варианту, без указания количества страниц в монографиях и повторения фамилии автора после названия: *Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.*

Интервалы страниц в статьях из периодических изданий и сборников указываются обязательно!

Статьи вместе со сведениями об авторе(ах), включающими фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень (при наличии), e-mail и телефон, должны быть представлены по электронной почте до **30 ноября 2022 г. включительно** научному редактору М.А. Стерниной (sternina@vmail.ru), либо заместителю научного редактора А.В. Рудаковой (a-rudakova@list.ru).

Статьи и сведения об авторах присылаются двумя отдельными файлами с соответствующими названиями: Иванов_статья.doc и Иванов_сведения об авторе.doc

Сборник издается на основе самокупаемости, цена одной страницы – 100 рублей. Студенты бакалавриата публикуются бесплатно.

Доктора наук и профессора от оплаты публикации освобождаются.

При публикации статей бакалавров и магистрантов без соавторства с научным руководителем **ОБЯЗАТЕЛЬНО** требуется рецензия научного руководителя.

После подтверждения принятия материалов к печати авторам будут сообщены реквизиты карты Сбербанка для перевода оплаты за сборник.

Электронные варианты сборника будут высланы всем участникам. В случае заказа печатного издания сборника просьба указать это в заявке, иногородним участникам в этом случае будет необходимо дополнительно оплатить почтовые расходы.

Срок выхода сборника – январь 2025 г.

Воронежский государственный университет
Воронежская теоретико-лингвистическая школа в области общего и
русского языкознания профессором З.Д. Поповой и И.А. Стернина
Кафедра общего языкознания и стилистики
Кафедра английского языка естественно-научных факультетов
Центр коммуникативных исследований ВГУ имени проф. И.А. Стернина

***XI Всероссийская научная конференция
с международным участием «Стернинские чтения:
Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях.
Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление»
4 февраля 2025 г.***

НА ПЛАТФОРМЕ ZOOM

Дорогие коллеги!

***Приглашаем вас принять участие в 11-й всероссийской научной
конференции с международным участием по сопоставительным
методам в лингвистических исследованиях.***

На конференции предполагается широкое обсуждение различных сопоставительных методик, получаемых в итоге сопоставления результатов и перспектив их использования как при межъязыковом, так и при внутриязыковом сопоставлении различных явлений языка.

К обсуждению предлагаются следующие проблемы:

- Теоретические проблемы сопоставительных и контрастивных исследований
- Методики сопоставительных и контрастивных исследований
- Сопоставительные исследования в области лексики, фразеологии
- Сопоставительные исследования в области грамматики и фонетики
- Сопоставительные исследования в области концептологии и лингвокультурологии
- Сопоставительные исследования коммуникативного поведения
- Сопоставительные исследования и перевод
- Сопоставительные исследования и лингводидактика
- Гендерное и возрастное сопоставление языковых явлений
- Эндемичные и лакунарные языковые явления
- Сопоставительная лексикография
- Национальная специфика языка и сопоставительные методы
- Внутриязыковое сопоставление конкретных языковых явлений и процессов

Материалы конференции будут опубликованы в двадцатом втором выпуске индексируемого в РИНЦ продолжающегося научного издания «Сопоставительные исследования 2025».

Желающие принять участие в конференции должны выслать в адрес оргкомитета материал статьи объемом от 5 до 8 стр., а также заявку на участие.

Требования к представлению материалов статьи:

- Редактор WORD (формат А4, размер шрифта – 14, интервал – полуторный, без схем, рисунков и больших таблиц, все поля – 2,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.)

- Постраничные сноски и примечания не используются, вся информация должна быть включена в текст.

- Текст статьи должен включать аннотацию и ключевые слова на русском и английском языках

- Сноски в тексте оформляются следующим образом: (Попова 1989, с. 32)

- Список литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и оформляется по сокращенному варианту, без указания количества страниц в монографиях и повторения фамилии автора после названия: *Стернина М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2014.*

Интервалы страниц в статьях из периодических изданий и сборников указываются обязательно!

Образец оформления заявки

Фамилия, имя и отчество автора (-ов)

Название выступления

Должность и место работы

Адрес с почтовым индексом (для иногородних авторов)

e-mail

Телефон

Статьи и заявки присылаются двумя отдельными файлами с соответствующими названиями: Иванов_статья.doc и Иванов_заявка.doc

Статьи должны быть представлены по электронной почте до **31 декабря 2024 г.**

Сборник материалов будет издан к началу конференции на основе самокупаемости, цена одной страницы – **100 рублей.**

Студенты бакалавриата публикуются бесплатно.

Доктора наук и профессора от оплаты публикации освобождаются.

При публикации статей бакалавров и магистрантов без соавторства с научным руководителем **ОБЯЗАТЕЛЬНО** требуется рецензия научного руководителя.

Электронные варианты сборника будут высланы всем участникам. В случае заказа печатного издания сборника просьба указать это в заявке, иногородним участникам в этом случае будет необходимо дополнительно оплатить почтовые расходы.

Заявки и электронные варианты статей просьба направлять по электронной почте председателю оргкомитета конференции, научному редактору сборника **«Сопоставительные исследования 2025»**, профессору М.А. Стерниной (sternina@vmail.ru).

После подтверждении принятия материалов к печати авторам будут сообщены реквизиты карты Сбербанка для перевода оплаты за сборник.

Обращаем внимание участников:

- конференция **«Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях» ТЕМАТИЧЕСКАЯ**, принимаются статьи и доклады **только по сопоставительной тематике**. Сопоставление может быть межъязыковым и внутриязыковым, но должно обязательно присутствовать как цель исследования или используемый метод. Все материалы должны быть посвящены сопоставлению языковых единиц или явлений и содержать соответствующие выводы из сопоставления. Сопоставляться могут единицы любых языковых уровней;

- конференция *лингвистическая*, доклады и статьи литературоведческого характера не принимаются

НАШИ АВТОРЫ

Авдеева Алла Сергеевна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет им.В.Г. Шухова»

Акулова Анастасия Геннадьевна, преподаватель доцент кафедры английского языка естественно-научных факультетов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Аль-Лами Хуссейн Мохаммед Брисам, аспирант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Андреева Алена Сергеевна, студентка 2 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Андреева Ольга Андреевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Антонова Дарья Юрьевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Байгашкаева Зарина Жаныбековна, соискатель, Бишкекский государственный университет им. акад. К. Карасева, Кыргызский национальный университет им. Дж. Баласагуни (Кыргызская Республика)

Барабушка Ирина Алексеевна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка естественно-научных факультетов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Бойченко Владимир Викторович, к.ф.н., старший преподаватель кафедры русского языка, ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

Борисова Людмила Митрофановна, к.ф.н., доцент кафедры немецкой филологии, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Бородовская Юлия Витальевна, аспирант, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Бурунский Владимир Маркович, к.ф.н., доцент кафедры романо-германской филологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Бушманова Виктория Вячеславовна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, МБОУ гимназия №9 г. Воронежа

Варушкина Анастасия Валерьевна, к.ф.н., доцент, «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж)

Волкова Евгения Александровна, преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»

Гавриш Оксана Александровна, преподаватель доцент кафедры английского языка естественно-научных факультетов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Городничев Илья Андреевич, магистрант 2 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Городнов Данила Романович, аспирант 1 года обучения, филологический факультет, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Дедова Ольга Михайловна, к.ф.н., доцент, заведующий кафедрой русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежская государственная медицинская академия им. Н.Н. Бурденко» Министерства здравоохранения РФ

Дробышева Ольга Владимировна, магистрант 2 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Дьяконова Евгения Александровна, к.ф.н., директор по научной работе, Центр иностранных языков COSHCO (Москва)

Епифанова Валентина Валерьевна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры сопоставительного изучения языков, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», факультет иностранных языков и регионоведения

Зайцева Алина Алексеевна, преподаватель доцент кафедры английского языка естественно-научных факультетов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Земцова Ольга Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка, Институт филологии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зиньковская Анастасия Владимировна, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар)

Иванова Анна Александровна, студентка, ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения» (Москва)

Ивашенко Ольга Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры перевода и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Ильина Лариса Евгеньевна, к.п.н., доцент кафедры филологических дисциплин, научный сотрудник, Оренбургская духовная семинария

Ильина Татьяна Вячеславовна, к.ф.н., доцент кафедры русского языка, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Ипполитов Олег Олегович, к.ф.н., доцент, преподаватель, ГБПОУ ВО «Воронежский техникум пищевой и перерабатывающей промышленности»

Калинин Степан Сергеевич, к.ф.н., научный директор НОЦ русского языка и славянской культуры, Международный славянский институт (Москва)

Камбаралиева Уулкан Джолдошбековна, д.ф.н., профессор, Американский университет в Центральной Азии (Кыргызская Республика)

Кириллов Сергей Александрович, магистрант 2 курса, филологический факультет, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Козявина Елена Петровна, аспирант 2 года обучения, филологический факультет, преподаватель кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Кравчук Екатерина Эдуардовна, преподаватель ФГКВУ ВО «Военная академия воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова» Министерства обороны Российской Федерации (Тверь)

Красноборова Людмила Анатольевна, к.ф.н., доцент кафедры лингвистики и перевода, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Кривенко Людмила Александровна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка естественно-научных факультетов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Лемяскина Наталия Александровна, д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник лаборатории прикладных исследований Центра экспертно-аналитической деятельности и прикладных исследований, ГБУ ДПО Воронежской области «Воронежский институт развития образования имени Н.Ф. Бунакова»

Литвинова Людмила Алексеевна, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова»

Лошкарева Владлена Александровна, магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Лыткина Оксана Ивановна, к.ф.н., доцент кафедры русского и иностранных языков, ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева»

Мальшева Екатерина Валерьевна, д.ф.н., профессор кафедры международных отношений, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Малышкина Анастасия Александровна, студентка 4 курса факультета филологии и коммуникации, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Мартиросова Анастасия Витальевна, преподаватель кафедры современного русского языка, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар)

Матюшина Василиса Валерьевна, к.ф.н., доцент кафедры английского языка №2, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Меркулова Инна Александровна, д.ф.н., профессор кафедры общего языкознания и стилистики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Мкртычян Светлана Викторовна, д.ф.н., профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Моргунова Александра Игоревна, делопроизводитель, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар)

Нагорная Екатерина Валерьевна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Назарова Карина Сергеевна, студентка 4 курса факультета филологии и коммуникации, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Орлова Татьяна Сергеевна, преподаватель, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица»

Первухина Валерия Алексеевна, преподаватель, БУ ВО ХМАО–Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

Повольнова Ангелина Андреевна – студентка 4 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Подтележникова Елена Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Попова Анастасия Владимировна, магистрант 3 года обучения филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Правда Елена Александровна, к.ф.н., доцент кафедры славянской филологии, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Путина Ольга Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры лингвистики и перевода, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Романов Алексей Аркадьевич, д.ф.н., профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Роцупкин Ярослав Викторович, студент 3 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Рудакова Александра Владимировна, д.ф.н., доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Русанова Мария Александровна, аспирант 4 курса, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар)

Рядчикова Елена Николаевна, д.ф.н., профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, судебный эксперт Центра экспертиз, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар)

Салькова Виталина Владимировна, аспирант 2 года обучения, филологический факультет, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Сахно Анна Анатольевна, к.ф.н., доцент кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар)

Селезнева Галина Яковлевна, к.ф.н., доцент кафедры общего языкознания и стилистики, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Селезнева Кристина Олеговна, к.ф.н., старший преподаватель, ФГКВОО ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков им. Героя Советского Союза А.К. Серова» Министерства обороны РФ (Борисоглебск)

Сергеева Ольга Сергеевна, студентка филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Соколова Эллина Юрьевна, аспирант 3 года обучения, филологический факультет, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», эксперт-лингвокриминалист, АНО по проведению судебных экспертиз и иных исследований «Эксперт-М» (Липецк)

Стеблецова Анна Олеговна, д.ф.н., заведующий кафедрой иностранных языков, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко» Министерства здравоохранения РФ

Стеганцова Александра Александровна, магистрант 3 курса, филологический факультет, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Степаненко Анастасия Александровна, студентка 2 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Степанова Светлана Александровна, магистрант 2 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», тьютор МБОУ СОШ №29 г. Воронежа

Стернина Марина Абрамовна, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой английского языка естественно-научных факультетов, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Сюткина Надежда Павловна, к.ф.н., доцент кафедры лингвистики и перевода, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Талагаева Юлия Александровна, к.ф.н., доцент, «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (Воронеж)

Тимошина Татьяна Витальевна, к.ф.н., доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Тисленкова Ирина Александровна, к.ф.н., доцент кафедры «Иностранные языки», ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет»

Торубарова Ирина Ивановна, к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко» Министерства здравоохранения РФ

Химинец Елена Михайловна, старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода, ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Ходыкина Полина Руслановна, магистрант 3 курса филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», преподаватель СПО, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова»

Цыба Алевтина Викторовна, преподаватель кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар)

Чалый Виктор Валентинович, к.ф.н., доцент кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар)

Чжан Ди, аспирант, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (Челябинск, Россия; Китай)

Чумичева Нелли Викторовна, к.ф.н., доцент, НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ» (Краснодар)

Шаманова Марина Владимировна, д.ф.н., заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

Шуманская Анастасия Васильевна, аспирант кафедры речеведения и теории коммуникации, УО «Минский государственный лингвистический университет» (Республика Беларусь)

Юдина Мария Федоровна, магистрант, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»

Яткин Виктор Игоревич, преподаватель кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

СОДЕРЖАНИЕ

От научного редактора	3
Экспериментальное описание семантики языковых единиц	
<i>Барбушка И.А., Кривенко Л.А.</i> Концепт «ВГУ» в сознании студентов естественно-научных факультетов	4
<i>Лыткина О.И.</i> Психолингвистическое значение лексемы «бедность» в русском языковом сознании (на материале интернет-ресурсов)	12
<i>Мальшикина А.А., Шаманова М.В.</i> Психолингвистическое значение лексемы <i>театр</i> в языковом сознании студентов	17
<i>Матюшина В.В.</i> Денотативный и психолингвистический аспекты значения слов, обозначающих морально-этические понятия	21
<i>Мкртычян С.В.</i> Актуальное значение слова в дискурсивных исследованиях	26
<i>Назарова К.С., Шаманова М.В.</i> Психолингвистическое значение лексем <i>разговор, беседа</i> в языковом сознании носителей русского языка	32
<i>Попова А.В.</i> Психолингвистическое исследование семантики фразеологического оборота (на примере выражения «троянский конь»)	37
<i>Селезнева К.О.</i> Семантика слова <i>образованный</i> в русском языковом сознании	41
<i>Стеганцова А.А.</i> Из опыта экспериментального исследования знания школьниками лексики морально-нравственной сферы	45
<i>Степаненко А.А.</i> Универбаты по данным словарей и эксперимента	50
<i>Тимошина Т.В.</i> Актуализация новых значений слов в речи старшекласников	54
<i>Торубарова И.И.</i> Психолингвистические особенности репрезентации профессионально-значимой лексики в языковом сознании студентов медуниверситета: ассоциативный эксперимент	59
<i>Юдина М.Ф.</i> Аудиальные, колористические, густаториальные и тактильные ассоциации носителей русского языка на речь на иностранном языке	64
Когнитивный подход к описанию семантики языковых единиц	
<i>Авдеева А.С.</i> Картина мира в языковом сознании носителя языка	72
<i>Бородовская Ю.В.</i> О когнитивных и эмоционально-психологических аспектах обучения иноязычной деловой коммуникации	77
<i>Дьяконова Е.А.</i> К вопросу о влиянии категории рода имени существительного на концептуализацию действительности носителями русского языка	84
<i>Ивашенко О.В.</i> Языковая категоризация номинаций ментальных состояний	90
<i>Ипполитов О.О., Дедова О.М.</i> Отдельные замечания об объективации концепта «жизненный путь – дорога» средствами сюжетно локализованных художественных хронотопов	95

<i>Лемяскина Н.А., Бушманова В.В.</i> Концепт «война» в языковой картине мира младшего школьника	100
<i>Первухина В.А.</i> Фрейм «оценка важности» (по данным НКРЯ)	104
<i>Русанова М.А.</i> Метафора как лингвопрагматический аспект в концептуальном пространстве исторического дискурса	109
<i>Сюткина Н.П., Красноборова Л.А.</i> Модель каузативной ситуации эмоциональной модификации (на примере глагола «веселить» и его дериватов)	116
<i>Шуманская А.В.</i> Концепт «женщина» по данным толковых и ассоциативных словарей	122

Семантические исследования языковых единиц

<i>Андреева А.С.</i> Заимствования в молодежном жаргоне: особенности образования и понимания семантики	127
<i>Хуссейн Мохаммед Брисам Аль-Лами</i> The role of medical texts in formation of professional medical worldview	131
<i>Епифанова В.В.</i> Семантическая параметризация русских синонимов как основа формирования навыка редактирования текстов	135
<i>Земцова О.В.</i> Репрезентация лексемы «фасилитатор»	139
<i>Литвинова Л.А.</i> Устаревшие слова ЛСГ «Наименования сельских поселений» в русском языке	143
<i>Повольнова А.А., Правда Е.А.</i> О значении слов <i>казак</i> и <i>казаки</i>	146
<i>Селезнева Г.Я.</i> Эвфемизмы и сходные с ними языковые явления	151
<i>Сергеева О.С.</i> Функционирование фразеологизмов с компонентом «цвет» в русском языке	154
<i>Стеблецова А.О.</i> Метафоры рака в национальном языковом сознании: «война» или «путешествие»?	159
<i>Химинец Е.М.</i> Анализ семантической динамики лексемы «mission» (на материале словарных и дискурсивных контекстов)	164

Современные проблемы общего и русского языкознания

<i>Акулова А.Г.</i> Разграничение понятий «специальная лексика», «термин» и «профессионализм»	168
<i>Гавриш О.А.</i> Особенности употребления инициальных аббревиатур в текстах региональных СМИ	173
<i>Калинин С.С.</i> Как создать полисинтетический язык: к вопросу о характерологии грамматическо-семантических параметров полисинтетизма	179
<i>Меркулова И.А.</i> Некоторые случаи лексического повтора существительного в современной русской речи	184
<i>Орлова Т.С.</i> Природа значения и его типология: теоретический анализ положений типологии значений М.В. Никитина	188
<i>Роцупкин Я.В.</i> Лексикографический аспект исследования вариативности в воронежских говорах	192
<i>Руакова А.В., Зайцева А.А.</i> Знаки препинания в заголовках региональных СМИ	197

<i>Стернина М.А.</i> Сопоставительно-контрастивный анализ как инструмент верификации исследований национальной специфики	204
--	-----

Межкультурная коммуникация

<i>Бойченко В.В.</i> Примеры культурно-исторического переосмысления лексики в публицистике и художественных образах как объект лингвокультурологического анализа на занятиях по русскому языку с иностранными студентами	209
<i>Бурунский В.М.</i> Гендерные особенности аксиологического компонента эпистемы перевода	213
<i>Камбаралиева У. Дж., Байгашкаева З.Ж.</i> Репрезентация образа родины в языковом сознании русских и киргизов	219
<i>Кириллов С.А.</i> Когнитивные технологии в теории текстовых систем как основа межкультурной коммуникации (на материале стихотворения М.Ю. Лермонтова «Молитва» и его перевода на английский язык). Герменевтика текста	226
<i>Козьявина Е.П.</i> Образы насекомых в лингвокультурологическом аспекте	236
<i>Кравчук Е.Э.</i> Особенности понимания функционально-семантических типов иноязычного учебно-научного текста	240
<i>Лошкарева В.А.</i> Специфика освоения англицизмов через призму переводческой деятельности (на материале экспериментального исследования)	246
<i>Талагаева Ю.А., Варушкина А.В.</i> Моделирование «образа врага» в современном стратегическом нарративе США	252
<i>Чжан Ди</i> Красный и белый цвета для обозначения эмоций в художественных произведениях китайских и русских писателей	257

Коммуникативные аспекты семантики

<i>Андреева О.А.</i> Типология речевых стратегий жанра критического высказывания в аспекте оценки эффективности: на материале экспериментального исследования	264
<i>Городнов Д.Р.</i> Особенности использования профессиональной лексики в рекламных сообщениях компаний «ABB» и «GES Group»	270
<i>Зиньковская А.В., Сахно А.А.</i> Семиотический аспект ольфакторной системы коммуникации	275
<i>Иванова А.А.</i> Речевые портреты политиков XX в.	279
<i>Мартыросова А.В., Моргунова А.И.</i> Функции риторического вопроса как косвенного речевого акта	284
<i>Путина О.Н.</i> Речевой акт «согласие»: функциональный аспект	290
<i>Тисленкова И.А.</i> Коммуникативная демонстративность в интерьере	294
<i>Ходыкина П.Р.</i> Лингвистические средства повышения эффективности рекламного текста в социальных сетях	298
<i>Цыба А.В.</i> Психолингвистические особенности политического дискурса	302

<i>Чумичева Н.В.</i> Экстатическая аффективная речь как психотриггер рекламных сообщений	307
--	-----

Дискурсивные аспекты семантики

<i>Борисова Л.М.</i> Функционально-прагматический потенциал парафраз в художественном дискурсе	311
<i>Городничев И.А.</i> Проблемы коммуникации в пьесе Э. Ионеско «Носороги»	320
<i>Ильина Л.Е., Волкова Е.А.</i> Классификация дискурсов в постмодернистском понимании	324
<i>Ильина Т.В., Дробышева О.В.</i> Образ женщины в произведении А.И. Куприна «Яма»	329
<i>Нагорная Е.В.</i> «Смерть» в контексте авторской аксиологии А.В. Жигулина	335
<i>Подтележников Е.Н.</i> Особенности образных сравнений в прозе Джека Лондона	339
<i>Степанова С.А.</i> Советский пропагандистский и агитационный дискурс как предмет лингвистического исследования	342
<i>Чалый В.В.</i> Языковой потенциал рассказчика в произведении А.П. Чехова «Хорошие люди»	348
<i>Чумичева Н.В.</i> К вопросу об интегральном анализе рок-поэзии в аспекте психофизиологического воздействия на реципиента	352
<i>Яткин В.И.</i> Влияние специфических лексических единиц на формирование языкового сознания персонажей, находящихся в необычных обстоятельствах (на материале романов М. Петросян «Дом, в котором...» и С. Кинга «Страна радости»)	356

Лингвокриминалистический аспект исследования языковых единиц

<i>Романов А.А., Мальшева Е.В.</i> Уточнение семантического объема понятий «честь» и «достоинство» в практике судебно-лингвистических экспертиз	364
<i>Салькова В.В.</i> Сложности разграничения факта и оценки/мнения в практике лингвистической экспертизы по делам об унижении чести и достоинства и умалении деловой репутации	368
<i>Соколова Э.Ю.</i> Речевые маркеры предназначения денежных средств, камуфлирующие коррупционный дискурс	373
Информация о сборниках и конференциях	377
Наши авторы	382

Научное издание

Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка

Выпуск 10

Научный редактор *А.В. Рудакова*
Компьютерная верстка *А.В. Рудакова*

Издание публикуется
в авторской редакции и авторском наборе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РИТМ»

Подписано в печать 24.10.2024. Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,3 Тираж 500 экз. Заказ № 267

Текст и иллюстрации предоставлены авторами.

Текст печатается в авторской редакции.

115419, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Донской

ул. Шаболовка, д. 34, стр. 2, помещ. 1, ком. 14

Отпечатано в типографии ООО «РИТМ»